

Айзек Азимов

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО БИБЛИИ

НОВЫЙ ЗАВЕТ

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

0 01 00 5207497 7

Isaac
Asimov

ASIMOV'S GUIDE
TO THE BIBLE
THE NEW TESTAMENT

Айзек
АЗИМОВ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО БИБЛИИ
НОВЫЙ ЗАВЕТ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2005

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Азимов Айзек
А35 Путеводитель по Библии. Новый Завет / Пер. с англ.
С.П. Евтушенко. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. —
543 с.

ISBN 5-9524-1684-5

Книга Азимова — настоящий путеводитель по древней земле, на которой более двух тысяч лет назад произошло событие, изменившее ход всемирной истории. Вы узнаете о Палестине времен Маккавеев и границах владений Ирода Великого. Пройдете путем Христа и апостолов в их земном служении. Азимов касается исторической географии и этнографии, не оставляя без внимания основные библейские сюжеты, идеи, образы и эпизоды, которые так органично вплелись в существование как отдельной личности, так и всего рода человеческого.

ББК 86.3

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2005
© Художественное оформление
ЗАО «Центрполиграф», 2005

ISBN 5-9524-1684-5

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО БИБЛИИ
НОВЫЙ ЗАВЕТ**

1. КНИГА ТОВИТА

Товит • Раги • Асмодей • Рафаил • Азария • Река Тигр • Една

Товит

После Книги Неемии в католической Библии идут две короткие исторические книги, которых нет ни в еврейском, ни в протестантском каноне. Следовательно, они являются частью апокрифов. Сначала идет книга, которая была написана в ассирийский период, примерно в 700 г. до н. э.; затем — книга с весьма запутанной хронологией, в которой говорится о Навуходоносоре, пребывавшем на вершине своей власти приблизительно в 580 г. до н. э.

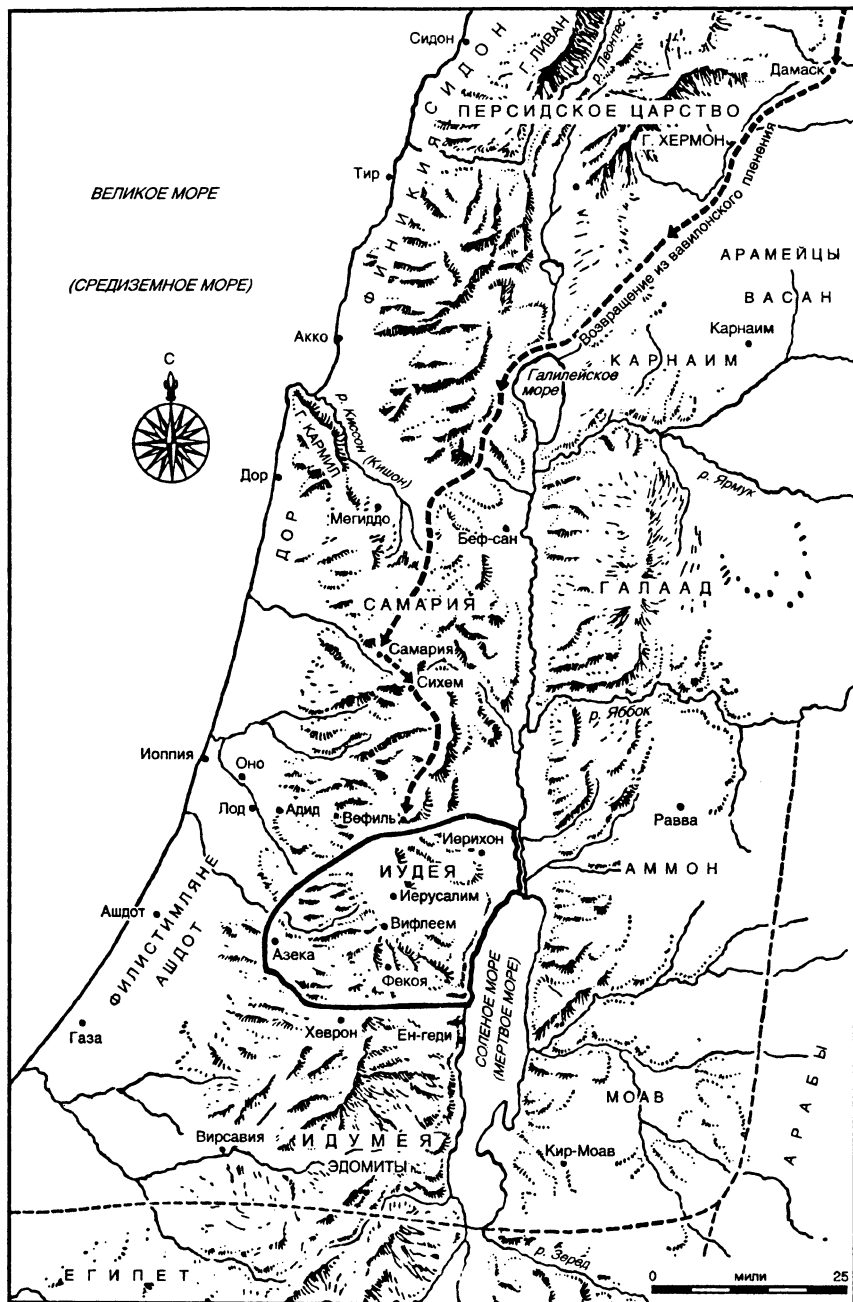
В этих повествованиях описывается не подлинная история, а, по-видимому, они представляют собой то, что мы назвали бы сегодня «историческими романами». Разумеется, их вымышленное содержание не мешает им служить религиозным или этическим целям, но поскольку в этой книге я касаюсь прежде всего светских аспектов Библии, то особый интерес представляет здесь попытка разобраться в хронологии.

Первым из этих повествований является Книга Товита, которая сразу начинается с названия того, именем которого она названа:

Тов., 1: 1. Книга сказаний Товита...

Товит — это форма еврейского имени Товия, греческая форма которого выглядит как Товиас. В католической Библии Книга Товита названа Книгой Товии.

Время, в которое была написана книга, точно не известно, но это может быть примерно 200 г. до н. э. Возможно, автор жил в Александрии, которая в то время была столицей Египта. Примерно в 200 г. до н. э. Иудея перешла из дружественных рук ма-

Карта Иерусалима

кедонских правителей Египта (Птолеми) к гораздо более жесткой власти македонских правителей Сирии (Селевкиды). Начался новый период преследований иудеев, это и отражает история Товита, столкнувшегося с ассирийским преследованием на пять столетий раньше.

Дается время, в которое предположительно происходят события, описанные в Товите:

Тов., 1: 2. ...[Товит] *во дни Ассирийского царя Енемессара [Салманасара] взят был в плен...*

Следовательно, Товит жил в 722 г. до н. э., когда город Самария, осажденный Салманасаром Ассирийским, был взят преемником Салманасара Саргоном. Большое количество израильтян было угнано в плен, а вместе с ними и Товит.

Говоря от первого лица, Товит относит себя к племени Неффалимову.

Тов., 1: 4. ...*Когда я жил... будучи еще юношею, тогда все колена Неффалима... находилось в отпадении от дома Иерусалима...*

Очевидно, Товит говорит здесь о восстании Иеровоама, которому в 933 г. до н. э. удалось основать независимый Израиль. Очевидно, что для Товита было бы невозможно жить и во дни Иеровоама, и во дни Салманасара. И при этом автор вовсе не имел в виду, что Товит был таким же долгожителем, как патриархи времен до Всемирного потопа, поскольку во время главного события в книге позже Товит описан как не слишком старый человек.

Тов., 14: 2. *Он [Товит] был восьмидесяти восьми¹ лет...*

Скорее это — просто хронологическая путаница, которую вполне можно ожидать от автора, пишущего примерно через пять столетий после описываемых событий. У автора было лишь туманное представление о порядке событий и не было никаких записей, чтобы их можно было использовать в качестве надежного источника. Короче говоря, можно было бы ожидать, что первоначально Книга Товита была написана как некая поучительная история, в которой рассказывалось о том, что могло бы произойти, а не о том, что произошло в действительности.

¹ В английском тексте говорится о 58 годах, что, скорее всего, является опечаткой. (Примеч. пер.)

Раги (Регий)

Однако Товит остался верным Иерусалиму даже тогда, когда его увели в плен в Ниневию. Он сумел достичь высокого положения при ассирийском дворе, где на него возложили обязанность покупать на правительственные деньги провизию, и он получил свободу перемещения во всех владениях ассирийского царя.

Тов., 1: 14. *И ходил в Мидию, и отдал на сохранение Гаваилу... в Рагах Мидийских десять талантов серебра.*

Это снова анахронизм, поскольку, хотя некоторые части Мидии и были под властью Ассирийской империи, многие части Мидии (включая область вокруг Регия) были свободны. Весьма маловероятно, что Товит мог путешествовать свободно (как должностное лицо ассирийского двора) за границу, особенно если учесть, что он носил с собой большие суммы правительственных денег. А сумма в десять талантов была вовсе не маленькой. Талант равен примерно 2000 американским долларам нашего времени.

Однако в 200 г. до н. э. оба региона, которыми были тогда Ассирия и Мидия, находились под властью царей Селевкидов и образовывали часть единого царства. Таким образом, автор Книги Товита описывал скорее географию своего собственного времени, чем географию предполагаемого в описании времени.

Регий был важным городом Мидии, возможно, вторым после Экбатаны. Он был расположен примерно в 150 милях к северо-востоку от Экбатаны, а его руины находятся всего лишь в пяти милях к югу от Тегерана, столицы современного Ирана.

Период великой славы Регия наступил позже, намного позже библейских времен. Это была столица персидских царств, которые процветали во времена Римской империи, и перед приходом мусульман Регий был центром зороастрийской религии. Персам этот город был известен как Раи.

В мусульманские времена этот город был местом рождения Харун аль-Рашида, халифа из «Тысячи и одной ночи». Он был также местом рождения великого средневекового врача, который был известен персам как «аль-Рази», что говорило о месте его рождения, а европейцам он был известен как Rhazes.

В 1220 г. Регий был опустошен монгольскими захватчиками, и после этого город больше никогда не восстанавливался.

Асмодей

Как только ассирийский завоеватель умер, на престол взошел Сеннахирим, а он описывается как ярый антисемит, который узаконил убийства иудеев и запретил хоронить их трупы, на Товита обрушились беды.

Во многих культурах считалось ужасным, если мертвое тело останется незахороненным, если его лишат надлежащих религиозных обрядов. Обычно существует убеждение, что души таких тел должны будут бесцельно витать повсюду как тени и не смогут найти покой до тех пор, пока однажды не позаботятся о телах, в которых они когда-то обитали. В это верили, например, греки времен Гомера, а также иудеи.

Когда народу угрожают в пророчествах наказанием, то предсказывается, к примеру, не только смерть, но и отсутствие похорон. Так, Иеремия, напоминая о предупреждении Бога Иудеи в последние годы царства, говорит:

Иер., 16: 4. Тяжкими смертями умрут они и не будут... похоронены...

Затем описывается, как Сеннахирим злонамеренно наказывает иудеев как в жизни, так и после смерти. Из благочестия Товит занимается погребением мертвых тел и вследствие этого вступает в конфликт с властями. Он вынужден покинуть страну, а его собственность конфискуют.

Но вот на престол восходит Асархаддон и на высокую должность назначает родственника Товита. Родственник ходатайствует о Товите, который возвращается в Ниневию. Но затем после еще одного погребения трупа его поражает катаракта и он слепнет. Его вера остается крепкой, и он продолжает восхвалять Бога, хотя и жаждет смерти.

Тем временем в Экбатане девушка по имени Сарра, племянница Товита, также жаждет смерти:

Тов., 3: 8. ...за то, что она была отдаваема семи мужьям, но Асмодей, злой дух, умерщвлял их прежде, нежели они были с нею...

Поскольку все семь мужей умерли, причем все во время брачной ночи, ее упрекали как мужеубийцу.

Настоящий убийца Асмодей не встречается ни в одной канонической книге Библии. Его имя является искаженным именем злого духа персидской мифологии Аэшма дэва, что означает «злой дух Аэшма».

Частично из-за этой истории в Книге Товита Асмодей в более поздние века считался злым духом, отвечающим за несчастье в браке. Он также играл некоторую роль в небиблейских легендах о Соломоне, и иногда его отождествляли с самим Сатаной.

Рафаил

Но благодаря набожности и действию молитв для Товита и Сарры наступили лучшие дни. Бог услышал их:

Тов., 3: 17. ...и послан был Рафаил исцелить обоих...

Под влиянием персидской религиозной мысли (в которой постулировались огромные воинства добрых и злых духов) иудеи в течение столетий после возвращения из плена разрабатывали все более и более сложную структуру небесной иерархии. Например, были не только ангелы, но также и архангелы («главные ангелы»). В конечном счете традиция стала насчитывать семь таких архангелов, из которых только двое, Гавриил и Михаил, обнаруживаются в каких-нибудь книгах, включенных в Библию короля Якова. Кроме того, Рафаил включен здесь в апокрифическую Книгу Товита, а Уриил — в апокрифическую Третью¹ книгу Ездры. Остальные архангелы упоминаются в небиблейских легендах.

В мусульманской традиции насчитывается четыре архангела. Мусульмане разделяют Гавриила и Михаила с иудеями и христианами и к ним добавляют еще Азраила и Израфеля (Israfil). Азраил — это ангел смерти, а Израфел трубит в трубу в день Страшного суда и воскресения (задача, которая в христианской традиции выпадает Гавриилу).

Выбор Рафаила в качестве того ангела, который исцелит Товита и Сарру, вполне подходящий, поскольку Рафаил означает «Бог исцелит».

Азария

Внезапно Товит вспоминает о тех десяти талантах, которые он оставил в Рагах, и решает послать за ними своего сына Товию в Раги. Чтобы укрепить дух сына на его опасном пути че-

¹ Третья книга Ездры соответствует Второй книге Ездры в английской Библии. (Примеч. пер.)

рез языческие земли, он дает ему кодекс правильного поведения (как в «Гамлете» Полоний наставляет своего сына Лаэрта перед поездкой последнего в Париж). Один из принципов следующий:

Тов., 4: 15. *Что ненавистно тебе самому, того не делай никому.*

Это переведено в Исправленном стандартном переводе как: «И то, что ты ненавидишь, не делай никому». Это — отрицательная форма того, что обычно называется золотым правилом морали. Это правило предназначено для руководства в своем поведении через сочувствие, то есть когда ставишь себя на место другого человека.

Золотое правило морали более известно нам в своей положительной форме; в этой форме оно рекомендует нам не просто воздерживаться от совершения того, что ненавистно, а делать то, что желательно. Положительная форма золотого правила дается в Нагорной проповеди Иисуса:

Мф., 7: 12. *Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...*

Или, как это выражено в Евангелии от Луки:

Лк., 6: 31. *И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.*

Часто можно слышать, как золотое правило выражается следующим образом: «Поступайте с другими так, как вы хотели бы, чтобы другие поступали с вами». Однако это не та форма, в которой это высказывание встречается в Библии — как в Библии короля Якова, так и в Исправленном стандартном переводе.

Готовясь к странствию, Товия наталкивается на Рафаила в человеческом облике, и Рафаил предлагает привести молодого человека в Раги. Отец Товии Товит подробно выспрашивает о личности проводника:

Тов., 5: 12. *Он [Рафаил] сказал: я Азария... из братьев твоих.*

Азария (Azarias) — это греческая форма еврейского имени Азария (Azariah), или Ездры, и это имя подобрано с большой предусмотрительностью, так как оно означает «Яхве поможет».

Река Тигр

Товия и ангел отправляются в путь.

Тов., 6: 1. *А путники вечером пришли к реке Тигру и остановились там на ночь.*

Здесь можно заметить, что автор вполне может быть жителем Александрии, поскольку он обнаруживает недостаточность своих знаний азиатской географии. По-видимому, он считал, что Ниневия находится на расстоянии одного дня пути от реки Тигр (упомянутой в другом месте Библии как Хиддекель), в то время как в действительности ассирийская столица была расположена прямо на этой реке.

Более того, Ниневия была на восточном берегу реки, Раги же были примерно в 500 милях к востоку от Ниневии, и, идя от одного города к другому, вообще невозможно достичь Тигра или перейти его.

Когда Товия купался в реке, он поймал большую рыбу, и Рафаил учил его, как сохранить ее сердце, печень и желчь. Сердце и печень, объяснял он, можно использовать для борьбы со злыми духами, в то время как желчь является целительным средством при катаракте.

Една

Наконец они достигли Экбатаны, и до цели оставалось еще 150 миль. Там Рафаил предлагает остаться у Рагуила, отца Сарры, и говорит, что между двумя молодыми людьми будет устроен брак. Когда они подошли к дому Рагуила, хозяин сразу заметил семейное сходство Товии:

Тов., 7: 2. *И сказал Рагуил Едне, жене своей: как похож этот юноша на Товита, сына брата моего!*

Популярность апокрифических книг заключена в том, что множество используемых в них собственных имен вошло в общее употребление. Уже само имя Товия является примером, как в этой форме, так и в его английском сокращенном варианте — Тоби (Toby).

Имя Една — это еще один пример, возможно несколько неожиданный. Оно звучит не как библейское имя, и в действительности оно не встречается в канонических книгах. На первый взгляд, мож-

но было бы предположить, что это англосаксонское имя, поскольку приставка Ed- (от Aed-, означающая «собственность» и, следовательно, являющаяся естественным компонентом имен имущих людей) была распространенной в именах среди представителей англосаксонского дворянства. Примеры: Эдвард, Эдвин, Эдмунд, Эдгар — у мужчин, и Эдит и Эдвига — у женщин.

Однако Эдна является еврейским словом, означающим «омоложение».

Итак, Товия получает позволение жениться на Сарре, хотя он должным образом был предупрежден о смерти семи ее предыдущих мужьев. Однако Товия сжигает печень рыбы в свадебном чертоге, и этот талисман изгоняет Асмодея. Рафаил отправляется в Раги и забирает десять талантов, нужных Товиту. После этого все возвращается домой, и там Товия использует желчь рыбы для того, чтобы исцелить своего отца от катаракты.

Затем Рафаил открывается, и все заканчивается всеобщим счастьем. Семья наслаждается богатством, долгой жизнью и многочисленным потомством. В довершение подлинной оргии анахронизмов и искаженной хронологии Товит на своем смертном одре советует Товии оставить Ниневию, которая должна будет скоро пасть. Товия удаляется в город своей жены Экбатаны и живет достаточно долго для того, чтобы увидеть еще разрушение Ниневии:

Тов., 14: 15. ...прежде нежели умер, он [Товия] слышал о гибели Ниневии, которую пленил Навуходоносор и Асуир...

В действительности город был взят Набопаласаром, отцом Навуходоносора, и мидийским царем Сиаксаресом. Асуир (то есть Ксеркс) начал царствовать только через век с четвертью после падения Ниневии.

Однако возможно, автор намеревался использовать факт разрушения Ниневии, чтобы указать на то, что Селевкидская империя также будет разрушена. Если это так и если книга была действительно написана в 200 г. до н. э., то автор был довольно неплохим пророком. Империя Селевкидов, несомненно, не была разрушена окончательно, но ее власть над Иудеей была сломлена, и иудеи снова вступили в период гордой независимости. Это время пришло, но уже через поколение после того, как Книга Товита была написана (если мы примем как дату ее написания 200 г. до н. э.), ее первые читатели, возможно, смогли увидеть разрушение власти Селевкидов, поскольку Товия еще при жизни застал падение Ниневии.

2. КНИГА ИУДИФЬ

Навуходоносор • Арфаксад • Рагава • Идаспис • Олоферн • Иоаким • Ветилуя • Иудифь • Вагой

Навуходоносор

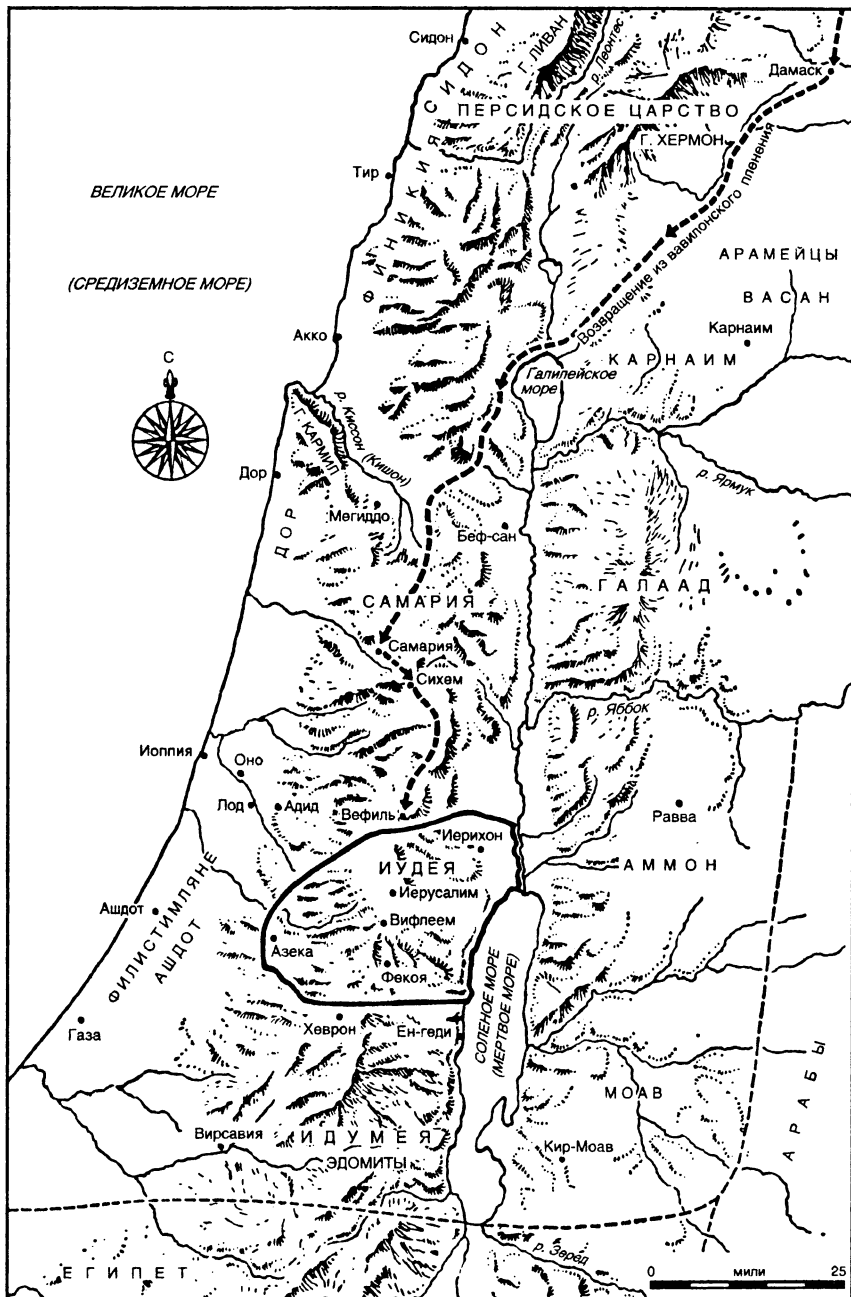
После Книги Товита идет исторический роман, книга, названная по имени героини повествования Иудифь. Лучшим предположением насчет датировки его авторства будет отнесение его примерно к 150 г. до н. э., вскоре после того, как была сброшена тирания Селевкидов. Это был период великого националистического подъема, и поэтому большой популярностью пользовались истории, в которых рассказывалось о великих подвигах против превосходящих сил врагов. Примером подобной истории является Книга Иудифь.

Несмотря на тот факт, что Книге Иудифь недостает сверхъестественных элементов, которые есть в Книге Товита, Книга Иудифь еще очевиднее оказывается вымышленной. В ней говорится о победе, о которой не упоминается нигде, кроме этой книги, о местах и людях, которых нет в других источниках, и хронология в ней безнадежно искажена. Эта книга не включена в еврейский канон или в Библию короля Якова. Однако она была очень популярна из-за самой истории, о которой она рассказывала.

Начинается книга с датирования:

Иудифь, 1: 1. В двенадцатый год царствования Навуходоносора, царствовавшего над Ассириями в великом городе Ниневии...

Если принять эту дату всерьез, то события в Книге Иудифь начинаются в 594 г. до н. э., когда в Иерусалиме на престоле был Седекия, а царство Иудея приходило в упадок.

Карта Иерусалима

Однако уже здесь начинается путаница, поскольку Навуходоносор правил в Вавилоне Халдейской империей, а не в Ниневии — Ассирийской. В действительности Навуходоносор взшел на трон только после того, как Ниневия была полностью разрушена.

Арфаксад

Но история начинается не только с Навуходоносора; она сразу переключается на другого монарха:

Иудифь, 1: 1—2. ...во дни Арфаксада, который царствовал над Мидянами в Екбатанах и построил вокруг Екбатан стены...

Не существует никаких письменных упоминаний о ком-либо среди мидийских царей, кого называли бы Арфаксадом или вроде того.

Согласно Геродоту, первым значительным царем мидян был Деиос, который взшел на престол примерно в 700 г. до н. э. и правил до 647 г. до н. э. Южные районы Мидии находились тогда под неустойчивой ассирийской властью после того, как торжествующие армии Саргона вторглись в нее в 710 г. до н. э.

Однако при Деиосе Мидия восстановила некоторую независимость. Согласно Геродоту, он построил Экбатану, которую он, возможно, укреплял с тем умыслом, чтобы сделать ее своей столицей и царской резиденцией. Несомненно, он платил дань ассирийским царям в Ниневии. Он основал царскую династию, которая через сто лет после его смерти станет великой.

Сын Деиоса Фраорт правил, согласно Геродоту, с 647-го по 625 г. до н. э., и он расширил пределы мидийской власти. Ассирия была в то время занята эламскими войнами, вавилонскими бунтами, египетскими интригами и набегами киммерийских варваров. Когда Ассирия полностью погрузилась в свои проблемы, Фраорт сумел присоединить к себе племена с севера и востока Ассирии и собрать их в единую империю, управляемую из Экбатаны, которая вскоре должна была поспособствовать сокрушению Ассирии.

Поэтому мы можем предположить, что упоминание в Книге Иудифь об Арфаксаде представляет собой некое наложение смутных воспоминаний о Деиосе и Фраорте, причем главным образом о Фраорте.

Рагава

Успехи Фраорта возбудили у Ассирии беспокойство, и в конечном счете между этими народами вспыхнула война. Это отражено в Книге Иудифь:

Иудифь, 1: 5. ...в те дни царь Навуходоносор предпринял войну против царя Арфаксада... в пределах Рагавы.

Рагава — это город, названный в Книге Товита Рагами, расположен в глубине мидийской территории, так что можно представить себе стремительное ассирийское наступление.

В действительной истории Фраорт правил в то время, когда на ассирийском престоле был Ашшурбанипал (Аснафар в Книге Ездры). Ашшурбанипал напал на Фраорта, и, согласно Геродоту, Фраорт потерпел поражение от ассирийских армий и был убит в 625 г. до н. э. — в последний год царствования Ашшурбанипала.

Смутное воспоминание об этой войне могло преобразоваться в битву при Рагаве, в которой Навуходоносор Ассирийский побеждает Арфаксада Мидийского.

Идаспис

Описывается армия, которая была собрана Навуходоносором:

Иудифь, 1: 6. К нему сошлись все живущие при Евфрате, Тигре и Идасписе, и с равнины Ариох, царь Елимейский, и сошлись очень многие народы в ополчение сынов Хелеуда.

Вообще говоря, это неплохое описание восточной половины территории, управляемой ассирийцами (то есть настоящим Навуходоносором). Сыновья Хелеуда — это халдеи, которые во времена Ашшурбанипала подчинялись Ассирии и которые во времена Навуходоносора правили всем Плодородным Полумесяцем. Елимеи — это эламиты, которых завоевал Ашшурбанипал.

Единственный серьезный недостаток здесь — это упоминание о реке Идаспис. Это одна из пяти рек, текущих через пакистанскую провинцию Панджаб (само название которого означает «пять рек»). Ее современное название — Желум (Jhelum).

Идаспис протекала вблизи дальневосточной границы Персидской империи и недолговечной империи Александра Македон-

ского, которая появилась впоследствии. И действительно, в 326 г. до н. э. Александр выиграл последнее из четырех своих великих сражений в Азии на реке Идаспис.

Пытаясь объяснить то, что Навуходоносор собрал свое войско из самых отдаленных уголков империи, автор Книги Иудифь упомянул об Идасписе практически автоматически, поскольку это были пределы империи, с которой он был знаком гораздо больше, чем с ассирийским государством.

Навуходоносору потребовались также войска из народов, живущих к западу и югу от Ассирии. Они перечислены полностью, но, в общем, состоят из народов Малой Азии, Сирии, Израиля, Иудеи и Египта. Западные страны отказались от помощи, и Навуходоносор поклялся отомстить им, затем нанес с помощью своей армии поражение Арфаксаду.

Олоферн

Когда была завоевана Мидия, Навуходоносор готов был уже вернуться на запад.

Иудифь, 2: 4—6. ...Навуходоносор... призвал главного вождя своего войска Олоферна... и сказал ему: ...вот ты пойдешь от лица моего... и выступишь против всей земли на западе за то, что они не повиновались слову уст моих.

Ашшурбанипал в течение своего царствования действительно проводил военную кампанию на западе. Это было в Египте, в котором во время его царствования было восстание. Тем не менее нет никаких упоминаний о том, что в ходе этой кампании он нанес какой-либо особый ущерб Иудее. В действительности во время его царствования царем Иудеи был Манассия, который был лояльно настроенным по отношению к ассирийским властям, и его царствование было мирным.

Несомненно, возникла традиция, согласно которой во время царствования Манассии возникли некоторые проблемы в отношениях с Ассирией, поскольку во Второй книге Паралипоменон есть упоминание о том, что Манассия был заключен в тюрьму и увезен в Вавилон. Автор Книги Иудифь мог иметь некоторое неопределенное представление о западной кампании Ашшурбанипала и предполагаемом заключении Манассии.

Но кем был в таком случае Олоферн? В письменных источниках Ассирии и Вавилона о таком военачальнике нет никаких упоминаний.

Когда все это происходит, то есть через три столетия после царствования Ашшурбанипала, как раз и возникла ситуация, которая связана с событиями подобного рода. Как раз теперь Персидская империя и правила Западной Азией своей могущественной дланью, а монархом на престоле был Артаксеркс III, правивший с 358-го до 338 г. до н. э. Точно так же, как Ашшурбанипал был последним из могущественных ассирийских монархов, так и Артаксеркс III был последним из могущественных персидских монархов.

Подобно Ашшурбанипалу, Артаксеркс проводил военные кампании в Египте, поскольку Египет периодически восставал против персидского господства. Фактически в 404 г. до н. э. после смерти персидского царя Дария II египетские восстания привели к независимости египтян и местные цари уже эффективно контролировали весь Египет. В традиционных историях перечисляются три существовавшие в этом промежутке времени династии — 28-я, 29-я и 30-я. Ни один из местных царей не был как-то особо могуществен, и большинство из них правили только краткое время.

В то время когда на персидский престол вззошел Артаксеркс III, к власти только что пришел Нектанебо II, последний царь 30-й династии и в действительности последний царь-египтянин вплоть до времен Средневековья. В 346 г. до н. э. Артаксеркс III после больших приготовлений послал в Египет военную экспедицию. Последовали пять тяжелых лет военной кампании, которая сокрушила Нектанебо II и восстановила персидское правление.

Кем же был тот военачальник, который привел персидское воинство? Это и был Олоферн.

По-видимому, разумно предположить, что автор Книги Иудифь наложил египетскую кампанию Артаксеркса на кампанию Ашшурбанипала и сделал Олоферна, персидского военачальника, вождем ассирийских войск.

Иоаким

Приводится подробное описание похода Олоферна, с многочисленными географическими названиями, очевидно взятыми из воздуха, поскольку их невозможно отождествить с чем-либо реально существующим на поверхности земли. Однако делается вывод, что Олоферн нанес удар с северо-запада Ниневии, завоевал Малую Азию, а затем направился на юг, чтобы довести свое дело до конца, пройдя вдоль побережья, оккупировав и разрушив Сирию, Финикию и Палестину.

Следующей на очереди была Иудея:

Иудифь, 4: 1—3. *Сыны Израиля, жившие в Иудее, услышав обо всем, что сделал с народами Олоферн... очень, очень испугались его и трепетали за Иерусалим и храм... потому что недавно возвратились они из плена...*

Это описание добавляет дополнительный элемент анахронизма. Идет VII в. до н. э., в то время как в VI в. до н. э. правит Навуходоносор, который в IV в. до н. э. посылает свое войско под предводительством военачальника напасть на восстановившуюся Иудею V в.

Кроме того, это не период восстановленной Иудеи, о которой осталось простое упоминание. Приводится несколько случайных свидетельств в виде упоминания личности первосвященника.

Иудифь, 4: 6. *...а великий священник Иоаким, бывший в те дни в Иерусалиме...*

Имя Иоаким в еврейской форме было бы Иоиаким (Joiakim), и оно упоминается в Книге Неемии.

Неемия, 12: 10. *Иисус родил Иоакима, Иоаким родил Елиашива...*

Другими словами, Иоаким был сыном Иисуса, который восстановил храм вместе с Зерубавелем (Zerubbabel), и отцом Елиашива, который восстановил городские стены вместе с Неемией. Отсюда видно, что события Книги Иудифь попадают, по-видимому, как раз между событиями, зафиксированными в Книге Ездры, и событиями, зафиксированными в Книге Неемии.

Ветилуя

Иудея готовилась к отчаянной защите и посылала воззвания о помощи в стратегически важные места:

Иудифь, 4: 6—7. *...Иоаким... написал жителям Ветилуи... чтобы они заняли восходы в нагорную страну, потому что... через них легко было им воспрепятствовать приходящим, так как тесен был проход даже для двух человек.*

Ветилуя — это название, которое не встречается в других местах Библии, и некоторые предполагают, что это может быть Шехем (Shechem), так как он расположен в узком проходе между двумя горами.

Однако можно заметить, что автор Книги Иудифь в долгу перед Геродотом. Мифический Навуходоносор автора имеет слишком огромную власть в своей империи, чтобы ее натиск могла выдержать крошечная Иудея, как, например, в том случае, когда настоящий Ксеркс обрушился на крошечную Грецию. Олоферн двигался на запад, затем на юг, как поступал военачальник Ксеркса Мардоний. Неумолимое продвижение было остановлено крошечным иудейским войском, как продвижение персов было остановлено крошечным греческим войском. И решающее сражение должно было произойти в узком проходе, где небольшое войско сдерживало натиск огромной армии.

Бессмысленно искать на карте Иудеи Ветилую; скорее, ее можно найти на карте Греции, поскольку Ветилуя — это в действительности Фермопилы. В самом деле, как показывают события, это именно Фермопилы, да еще объединенные с Марафоном.

Иудифь

Олоферн осаждает город Ветилую и захватывает его систему водоснабжения так, чтобы жители, испытывая крайнюю жажду, готовы были сдаться. Теперь этот ход событий привлекает внимание героини данной книги.

Иудифь, 8: 1. *В эти дни услышала Иудифь...*

Иудифь — это женская форма имени Иуда и означает «женщину-иудейку». И такова была популярность этой книги и настолько волнующая история, о которой она рассказывает, и впоследствии множество раз ее кульминационный момент использовался как вдохновляющий сюжет в искусстве, что все это сделало имя Иудифь очень распространенным и среди современных английских имен.

Иудифь наделяется родословной, которая явно неисторична. Невозможно идентифицировать приводимые имена, а некоторые из них вообще не имеют никаких параллелей в других местах Библии. Иудифь описана как красивая и благочестивая вдова, у которой три года назад умер ее муж.

Вагой

Иудифь возмущена, услышав о планируемой сдаче города. Она увещевает старейшин твердо держаться, пока она будет осуществлять свой собственный план. Она одевается во все свои

наряды и покидает город как пустырь. Ее красота обеспечивает ей почтительное обхождение, и ее приводят к Олоферну. Она сообщает ему, что иудеи в Ветилуе грешат и поэтому, несомненно, потерпят поражение. Она предлагает помочь Олоферну одержать победу, если с уважением отнесутся к ее собственным религиозным чувствам и позволят ей каждую ночь удаляться с тем, чтобы она могла помолиться в одиночестве.

В течение трех дней она на высоком уровне поддерживает установившийся стиль поведения, и часовые каждую ночь привычно видели ее выходящей из лагеря, чтобы помолиться.

На четвертый день Олоферн подумал, что он улучшит ситуацию, если Иудифь присоединится к нему на обеде:

Иудифь, 12: 11. И сказал он евнуху Вагою... ступай и убеди Еврейскую женщину, которая у тебя, прийти к нам и есть и пить с нами...

Вагой — это греческая форма персидского имени, означающего «данный Богом», и оно часто использовалось для имен евнухов, поэтому фраза «евнух Вагой» была почти штампом.

Самым известным «евнухом Вагоем» был вероотступник-египтянин на службе у Артаксеркса III во время военной кампании последнего против Египта, той самой кампании, в которой фигурировал настоящий Олоферн. Некоторое время Вагой пользовался властью за спиной правителя и безжалостно облагал налогами и грабил подчиненные народы (включая иудеев).

В конечном счете он стремился к полной власти. Как евнух он не мог править явно, но по крайней мере он мог оказывать сильное влияние. В 338 г. до н. э. он организовал убийство Артаксеркса III и всех его детей, кроме самого младшего. Самого младшего сына Арса он посадил на трон, а когда Арс проявил признаки независимости, Вагой в 336 г. до н. э. убил также его и его детей.

Затем Вагой посадил на трон дальнего родственника царя по персидской царской линии. Новый царь назвал себя Дарием III. И его постигла бы та же участь, что и его двух предшественников, если бы он не избежал этого, убив Вагою. Однако это был единственный сильный поступок Дария III. Вскоре он предстал перед Александром Македонским, и оставшаяся его жизнь представляла собой одно сплошное бедствие. Умер он в 330 г. до н. э., став последним царем Персии. После этого Персидская империя, которая была основана Киром на два с четвертью столетия раньше, перестала существовать.

Автор Книги Иудифь, несомненно, знал о греховности исторического «евнуха Вагоя», и поэтому вполне естественно с его стороны было дать это имя фавориту Олоферна.

Иудифь принимает приглашение, подталкивает Олоферна к тому, чтобы тот слишком много выпил. Когда праздник закончился, все ушли, чтобы оставить Олоферна наедине с Иудифь. К этому времени Олоферн уже в состоянии пьяного оцепенения, и Иудифь его же собственным мечом отрубает ему голову.

Она обернула голову в занавеску и удалилась, как бы для уединенной молитвы, как она делала и предыдущими ночами. Однако в этот раз она идет в Ветилую и показывает там голову. Иудеи воодушевлены, а ассирийское войско, обнаружив гибель своего военачальника, запаниковало. Они обратились в бегство, а иудеи преследовали их и убивали, таким образом (согласно рассказу) спаслись от Навуходоносора навсегда.

3. ПЕРВАЯ КНИГА МАККАВЕЕВ

Первая книга Маккавеев • Филипп Македонский • Александр • Слуги Александра • Царь Антиох • Рим • Антиох Епифан • Место действия • Птолемей • Иерусалим • Маттафия • Иуда Маккавей • Асидеи • Вефорон • Персия • Антиохия • Храм • Идумея • Галилея • Птолемей • Антиох V Евпатор • Димитрий I Сотер • Римляне • Галаты • Испания • Филипп и Персей • Евмений • Греки • Вакхид • Ионафан • Александр Епифан • Димитрий II Никатор • Антиох VI • Лакедемоняне • Трифон • Симон • Арсак • Антиох VII Сидет • Иоанн Хиркан I

Первая книга Маккавеев

Канонические книги Ветхого Завета (согласно их расположению в христианских версиях Библии) заканчиваются Книгой пророка Малахии. Пророчество, с традиционной еврейской точки зрения, исчезло после возвращения из вавилонского плена, а также с восстановлением Храма и стен Иерусалима.

На самом деле это было не так, поскольку множество канонических книг было написано гораздо позже 430 г. до н. э., когда было завершено строительство иерусалимских стен. Однако в каждом подобном случае традиция настаивает на приписывании авторства тому периоду, который был задолго до этой решающей даты. Так, книга Ионы, написанная как художественное произведение в 300 г. до н. э. или около того, была приписана времени, близкому к периоду жизни исторического пророка, который жил около 780 г. до н. э. Поздние псалмы были приписаны Давиду; последние компиляции притч — Соломону, в то время как апокалиптические сочинения, составленные в греческий период, были приписаны видным фигурам периода вавилонского плена и возвращения, например Даниилу и Захарии.

Это означало, что с историческими событиями после 430 г. до н. э. нельзя было иметь дело непосредственно, и они были встав-

лены в Библию. Их нужно было приписать древним, чтобы соблюсти строгую еврейскую традицию, и поэтому должны были быть представленными в неясной, апокалиптической форме или же остаться среди апокрифов.

И тем не менее, в период с 200 г. до н. э. до 100 г. н. э. еврейская история была богата событиями, в некоторых отношениях она была более интересной, чем когда-либо ранее. Снова было основано независимое еврейское государство, как во времена Савла и Давида. Снова, как во времена Иеремии, неотвратимо надвигалась колоссальная катастрофа. Снова заговорили пророки, и мир изменялся, как во времена Второ-Исайи.

Но в еврейском каноне не было и намека на это. Знанием об этом периоде мы обязаны апокрифам, Новому Завету и таким светским историкам, как Иосиф.

Если сначала мы обратимся к апокрифам, то натолкнемся на Книги Маккавеев (название будет объяснено позже). В них входят пять книг, две из которых представлены в апокрифах, поскольку они были включены в греческие версии Библии. Первая из этих книг — Первая книга Маккавеев — лучшая с точки зрения исторической ценности.

Ее автор неизвестен, но, очевидно, это был еврей с рационалистическими наклонностями, так как книга не содержит в себе никаких чудес. Она охватывает сорокалетний период с 175-го по 135 г. до н. э. и (если некоторые заключительные отрывки являются более поздними вставками) должна была быть написана между 135-м и 100 г. до н. э. каким-то палестинским евреем.

Первоначально она была написана на еврейском, а копию этой еврейской версии уже в 400 г. н. э. видел латинский священник Иероним. Однако еврейская версия до нашего времени не сохранилась. Старейшими версиями, которыми мы располагаем, являются греческие, поэтому в Библии короля Якова (которую я использую в своем цитировании) используются греческие версии общеизвестных имен. Однако в Исправленном стандартном переводе они согласованы с именами, используемыми в переводах с еврейского, как в канонических книгах Ветхого Завета.

Филипп Македонский

В Первой книге Маккавеев рассказывается о еврейском восстании против владык македонского происхождения, и поэтому автор начинает с македонского владычества над Азией.

Македонское завоевание произошло в IV в. до н. э., в то время, когда Иудея была сравнительно спокойной. Фактически ис-

Западная часть империи Александра Македонского

тория иудеев под властью персов по-настоящему нам неизвестна, и это, возможно, является признаком отсутствия в то время бедствий. (Томас Карлайль сказал: «Счастливым народ, летопись которого не заполнена в исторических книгах».)

Иосиф упоминает о еврейском восстании против персов примерно в 350 г. до н. э., но Артаксеркс III, который был тогда персидским царем, быстро подавил его и сделал это без особых разрушений. Возможно, иудеи просто не ушли достаточно быстро с пути, когда Артаксеркс III совершал поход на запад, чтобы положить конец ранее вспыхнувшему египетскому бунту, который позволил Египту удерживать сомнительную независимость в течение примерно пятидесяти лет. Именно это событие, возможно, и вдохновило написание Книги Есфирь и Книги

Иудифь. Кроме того, в этот период, возможно, произошел окончательный раскол между иудеями и самаритянами, который уже никогда не был улажен.

Однако, в то время как еврейская история затихала до еле слышного шепота, в Греции происходили громкие события. После того как греки отразили попытку Ксеркса (Авашвероша) покорить их страну, последовал золотой век, который заполнил собой весь V в. до н. э. Как раз в то время, когда Иерусалим кропотливо восстанавливали, и в то время, когда Неемия боролся за то, чтобы снова возвести его стены, греческий город Афины породил культуру, которая стала с тех пор гордостью всего человечества.

Эта культура пошла на убыль к концу V в. до н. э., по разным причинам, среди которых главной, возможно, было продолжение непрерывных войн между греческими городами. К 350 г. до н. э., когда иудеи уже завершали свой сонный век, наступивший после Неемии, и были весьма встревожены, когда Артаксеркс III пошел мимо них в поход на Египет, греческие города погрузились в настоящее истощение. Созрело время для некоторой внешней силы, которая захватит всех их, и эта сила была названа в первом же стихе Первой книги Маккавеев:

✓ 1 Мак., 1: 1. ...Александр, сын Филиппа, Македонянин...

Македония — это была страна, расположенная к северу от Греции, полуварварская во время золотого века Греции, но находившаяся под мощным греческим влиянием. Ее народ говорил на греческом диалекте, а ее правящие классы интересовались греческой литературой и культурой. Македония оставалось без значительного влияния со стороны греческой истории до середины IV в. до н. э., когда произошло сразу два важных события. Во-первых, греческие города, как я уже сказал ранее, истощили себя войной; а во-вторых, к власти над Македонией пришел весьма выдающийся человек — Филипп II. Именно о нем упоминается в 1 Мак. 1: 1 как о «Филиппе, Македонянине», и он часто упоминается в наших собственных книгах по истории как «Филипп Македонский».

Филипп захватил власть над Македонией в 359 г. до н. э., примерно в то время, когда Артаксеркс III вззошел на персидский престол. Филипп сразу начал реорганизовывать свое войско, увеличив эффективность управления, расширив его власть над окружающими варварскими силами и участвуя в осторожной войне против греческих городов.

В 338 г. до н. э. Филипп победил объединенные армии греческих городов Афин и Фив и, таким образом, стал обладать самой могущественной властью в Греции. Сражение, которое

окончательно решило исход дела, вел восемнадцатилетний сын Филиппа Александр.

Как только Филипп добился власти над Грецией, он заставил греческие города признать его правителем объединенной силы греков и македонян, которую он намеревался повести против Персии. Однако в 356 г. до н. э., почти в тот самый момент, когда Филипп, планировал переплыть Эгейское море, войти в Малую Азию и начать Персидскую войну, он был убит.

Александр

На престол вззошел двадцатилетний сын Филиппа, который правил как Александр III. Однако ввиду его удивительной карьеры он во всем мире известен как Александр Великий или Александр Македонский. Александр начал с восстановления власти своего отца, подавляя восстания во всех его владениях, и еще раз разгромил греков. Затем в 334 г. до н. э. он оставил Грецию, отправившись в Азию.

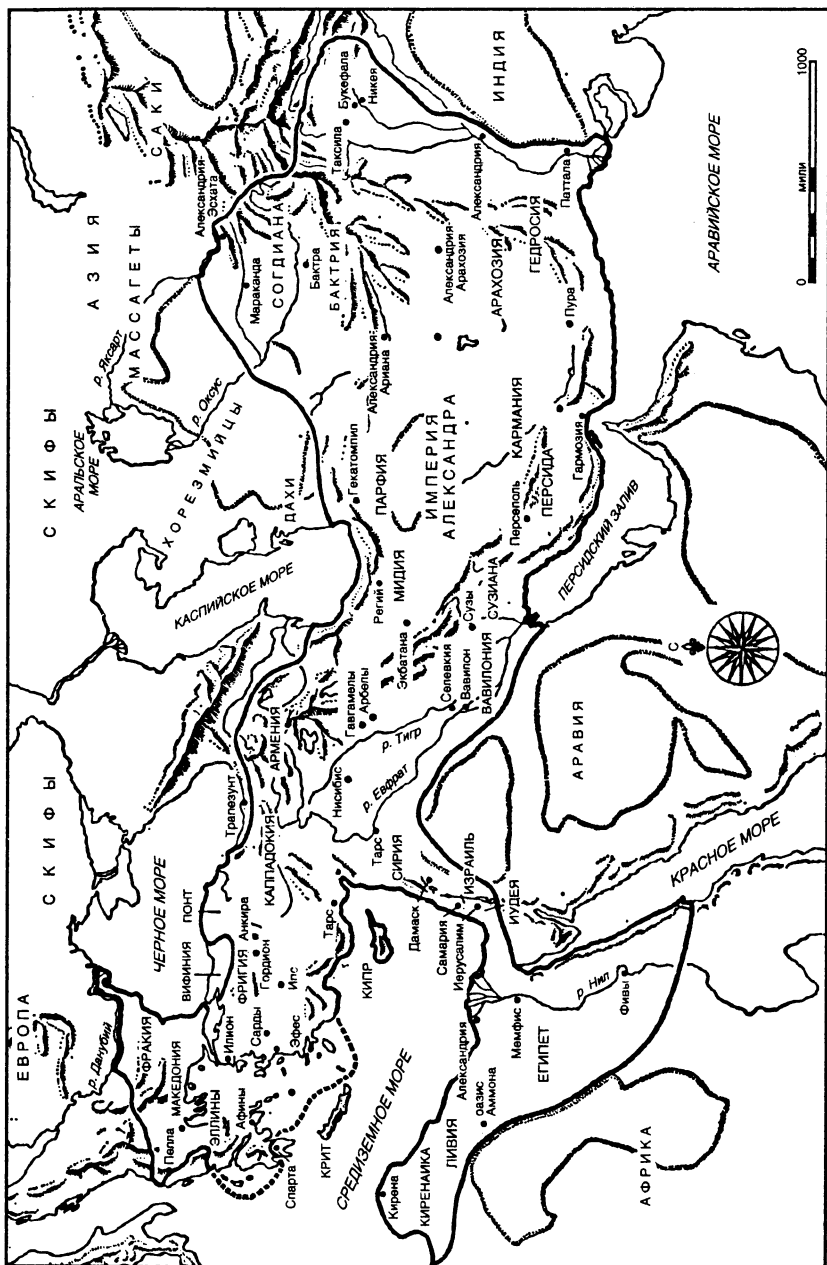
1 Мак., 1: 1. После того как Александр, сын Филиппа, Македонянин, который вышел из земли Киттим, поразил Дария, царя Персидского и Мидийского, и воцарился вместо него...

Киттим обычно считается островом Кипр, на котором был греческий город Китион. До времени Александра Китион был ближайшим к Иудее греческим городом.

Когда Александр вторгся в Персидскую империю, он столкнулся со слабым противником. Артаксеркс III, последний сильный персидский монарх, умер в 338 г. до н. э., а через пару лет беспорядков престол занял мягкий и невоинственный (даже трусливый) человек по имени Дарий III. Как раз в то время он испытал всю мощь вторжения Александра.

Александр быстро одержал первую победу над местными персидскими силами на северо-западе Малой Азии. Затем он прошел по всей длине этого полуострова, прежде чем встретился с главной персидской армией на юго-востоке. Там в 333 г. до н. э. он одержал крупную победу, после чего он совершил поход на юг через Сирию и Иудею.

Без какого-либо сопротивления он взял Иерусалим. Иосиф описывает первосвященника Иерусалима, вышедшего из города во всех священнических регалиях, чтобы встретить Александра и уберечь город от нападения. Затем описывается, как Александр сказал, что он только что видел этого человека во сне, поэтому

Империя Александра Македонского

он обращался с Иерусалимом почтительно. Было это правдой или нет, неизвестно, никаких свидетельств об этом, кроме сочинения Иосифа.

Александр вторгся в Египет и взял его, также без сопротивления, и приказал основать там город Александрию (названный его именем) в 332 г. до н. э.

В 331 г. до н. э. Александр оставил Египет и двинулся в восточном направлении на Вавилонию, где он победил персов в третьем большом сражении. Это был конец Персидской империи. В 330 г. до н. э. Дарий III был убит несколькими собственными должностными лицами, ровно через два столетия после смерти Кира, и вместо него этой огромной страной стал править Александр.

Македонский завоеватель еще семь лет провел в походах и, возвращаясь походами через восточные участки бывших персидских владений, выигрывая все сражения, в конечном счете привел свои победоносные войска в Индию.

Здесь они отказались идти дальше, и Александр, как говорят, заплакал, потому что не было больше миров, которые можно было бы завоевать. В 324 г. до н. э. он вернулся в Вавилон.

Слуги Александра

Александр не надолго пережил свои удивительные победы. В 323 г. до н. э. в возрасте тридцати трех лет он умер:

1 Мак., 1: 7—9. Александр царствовал двенадцать лет и умер. И владычествовали его слуги каждый в своем месте. И по смерти его все они возложили на себя венцы, а после них и сыновья их...

После смерти Александра остались его жена и сын-младенец, сварливая мать и умственно отсталый единокровный брат. Ни один из них не мог противостоять амбициям могущественных военачальников («слуг» Александра на языке Первой книги Маккавеев), которые были воспитаны при Филиппе и Александре.

Военачальники непрерывно боролись между собой за первенство, но ни один из них не одержал полной победы. К 301 г. до н. э. стало очевидно, что империя Александра никогда больше не воссоединится, и каждый военачальник должен довольствоваться тем, что он царь хотя бы над ее частью.

Первым, кто пришел к пониманию этой новой ситуации, был военачальник Птолемей, который сразу после смерти Александра стал правителем Египта. Он сохранил за собой этот пост, а в 306 г.

до н. э. взял себе титул царя Египта, титул, который сохранялся за его потомками (Птолемеями) в течение почти трех столетий. Египет этого периода упоминается как Птолемейский Египет.

Другим военачальником Александра был Селевк, который утвердился как царь большей части Западной Азии в 306 г. до н. э. Его потомки (Селевкиды) правили почти столько же, сколько и Птолеми, а их владения обычно упоминаются как Селевкидская империя.

Были и другие царства, установленные на руинах империи Александра, но именно царства Птолемеев и Селевкидов имели отношение к иудеям. При первоначальном разделении империи восточные берега Средиземноморья были поровну разделены между этими двумя царствами. Южная половина, включая Иудею, стала частью птолемейского владения, а иудеи оставались под властью Птолемеев в течение столетия.

С самого начала Сирия, находившаяся на севере Иудеи, была частью владений Селевкидов. Селевкиды сначала правили также над Вавилонией и территориями на востоке, которые стали называться Парфией.

Именно сирийская часть Селевкидской империи была ближайшей к Иудее. В более поздние века, когда большая часть восточной части этой империи была утрачена, ее сила сосредоточилась в Сирии, где была расположена ее западная столица Антиохия. По этой причине Селевкидская империя часто упоминается как Сирия, хотя нет никакой связи, кроме географической, между селевкидской Сирией и той Сирией, которая боролась против Израиля во времена Ахава.

Царь Антиох

Автор Первой книги Маккавеев не останавливается на детализации истории македонских царств после смерти Александра (истории, которая была хорошо известна, по крайней мере в общих чертах, первым читателям книги), но перескакивает через полтора века, чтобы сразу перейти к сути:

1 Мак., 1: 10. *И вышел от них корень греха... сын царя Антиоха...*

В большинстве эллинистических царств того времени сменявшие друг друга правители были известны по каким-нибудь немногим именам, поэтому в Египте было множество Птолемеев, а среди Селевкидов — множество Антиохов. Современный способ нумерации царей с одним и тем же именем в древние времена не упот-

реблялся. Вместо этого каждый правитель брал себе (или ему давали) какое-нибудь прозвище, обычно очень лестное для него.

Например, здесь упоминаются прозвища первых пяти Птолемеев, которые правили Иудеей, а также Египтом:

Птолемей I Сотер («спаситель»), 306—285 гг. до н. э. Ему дали это прозвище в 304 г. до н. э., когда он пришел на помощь острову Родосу, когда его осаждал другой македонский военачальник. За ним следовал его сын

Птолемей II Филадельф («любящий свою сестру»), 285—246 гг. до н. э. Он был назван так потому, что в пожилом возрасте из уважения к египетской традиции он женился на своей родной сестре. В действительности это имя применялось к двум из них. При покровительстве Птолемея Филадельфа музей и библиотека в Александрии сделали этот город мировым центром науки и образования. Также при его покровительстве Библия была впервые переведена на некоторые нееврейские языки, и таким образом возникла Септуагинта. За ним следовал его сын

Птолемей III Еввергет («благотворитель»), 246—221 гг. до н. э. При его правлении птолемейский Египет достиг пика своей славы. Птолемей III боролся с Селевкидами и победил их, совершив победный поход в Вавилонию, аннексировав большую часть Сирии и даже часть Малой Азии. За ним следовал его сын

Птолемей IV Филопатор («любящий своего отца»), 221—203 гг. до н. э. Это прозвище, возможно, было немного пропагандистским, так как этот Птолемей приказал казнить остальных членов его семьи, включая родную мать. Некоторые подозревают, что он, возможно, приложил свою руку также и к смерти его отца. Египет во время его царствования начал приходить в упадок. За ним следовал сын-младенец

Птолемей V Епифан («проявление бога»), 203—181 гг. до н. э. Значение этого прозвища отражает тот факт, что в древних монархиях царь считался приемным сыном национального бога и поэтому сам был своего рода богом. Конечно, примитивное представление о «боге» не было столь же возвышенным или абстрактным, как представления, развитые иудеями и христианами, и египетский взгляд на монарха как на «проявление бога» мог быть не строже, чем еврейский взгляд на первосвященника или христианский взгляд на римского папу.

Что касается Селевкидской империи, то далее следуют ее древние монархи:

Селевк I Никатор («завоеватель»), 305—280 гг. до н. э., после которого воцарился его сын

Антиох I Сотер («спаситель»), 280—261 гг. до н. э., после которого в свою очередь воцарился его сын

Антиох II Теос («бог»), 261—246 гг. до н. э. Во время его царствования большие области восточной части Селевкидской империи получили независимость под властью местных монархов и начинается история Парфии (название, которое фактически является формой «Персии»). За ним последовал его сын

Селевк II Каллиник («славный победитель»), 246—226 гг. до н. э. Несмотря на свое прозвище, он потерпел поражение от Птолемея III Евергета, и Селевкидская империя пришла в большой упадок, терзаемая парфянами на востоке и египтянами на западе. После двадцатилетнего бедственного царствования на престол взошел сын Селевка II Селевк III Серауна («молния»), 226—223 гг. до н. э., который был убит в ходе войны с небольшим македонским царством в Малой Азии. Сменил его младший брат. Этим братом был Антиох III, и именно он упоминается в Первой книге Маккавеев (1: 10) как царь Антиох.

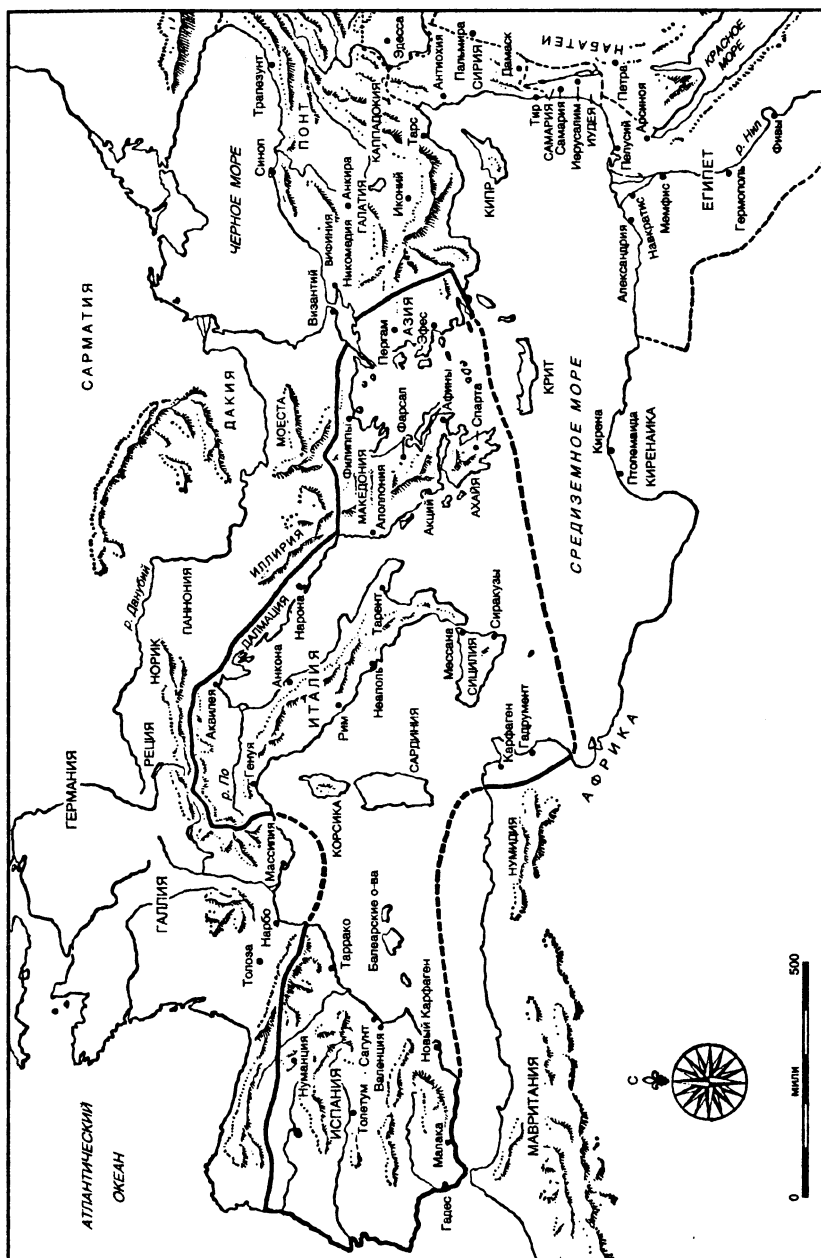
При Антиохе III (223—187 гг. до н. э.) Селевкидская империя в значительной степени восстановилась. В результате ряда войн Антиох III постепенно расширил власть Селевкидов в Малой Азии. Он победил парфянские племена и вернул их под власть Селевкидов; и наконец он взялся за Египет.

Две войны он провел против Египта. В первой из них он потерпел неудачу, проиграв важное сражение у границ Египта. Когда на престол взошел младенец Птолемей V Епифан, Антиох тут же сделал еще одну попытку. Египет был раздираем интригами своих придворных, боровшихся за контроль над правительством, и в 198 г. до н. э. Антиох одержал победу. В результате этой войны Иудея была вырвана из-под власти Египта и перешла под владычество Селевкидов.

Рим

Тем не менее некоторым образом Антиох III родился слишком поздно. Он гордился своими победами, которые, казалось в его собственных глазах, соперничали с победами Александра. Поэтому он назвал себя Антиохом III Магнусом («великим») и известен в наших собственных книгах по истории как Антиох Великий. Если бы он умер в 198 г. до н. э., то это прозвище могло быть заслуженным, но он жил и после и оказался втянутым в войны с Римом, на последствия которых намекается в Первой книге Маккавеев:

1 Мак., 1: 10. *И вышел от них корень греха — Антиох Епифан, сын царя Антиоха, который был заложником в Риме...*

Рим во времена Маккавеев

Город Рим, согласно римской легенде, был основан в 753 г. до н. э. Это было то время, когда Иеровоам II был царем Израиля, а Уззия — царем Иудеи, когда пророчествовали Амос и Осия и когда Исаяя вот-вот должен был услышать зов свыше.

Сначала Рим был царством, но в 509 г. до н. э., вскоре после того, как в Иерусалиме был освящен Второй храм, в Риме был смещен его седьмой царь Тарквиний Суперв и была установлена Римская республика. Постепенно, на протяжении нескольких столетий, Рим все больше увеличивал свое могущество, а в 270 г. до н. э., когда иудеи были под умеренным и благотворным правлением Птолемея II Филадельфа, римляне взяли под контроль весь Апеннинский полуостров.

С 264-го по 202 г. до н. э., в то время как Птолемеи и Селевкиды продолжали свои бесконечные войны, Рим вел свои две больших войны с североафриканским городом Карфагеном и в конечном счете одержал полную победу. Власть Рима была установлена над большими островами вблизи Италии (Сицилией, Сардинией и Корсикой) и над побережьем Испании. Это была величайшая сила на западном Средиземноморье, и ее растущая тень начала затмевать восток.

Некоторые из малых македонских царств начали образовывать союзы с Римом и искать его защиту против Селевкидской империи, которая при Антиохе III казалась непобедимой. Действительно, даже Египет заключил договор о дружбе с Римом, который восходил еще ко времени Птолемея II, и он также обращался к Риму за помощью.

Однако Антиох III не чувствовал никакой необходимости беспокоиться насчет отдаленного Рима. Он считал себя непобедимым и без всяких колебаний двинулся против небольшого царства Пергам в западной Малой Азии, царства, которое было союзником Рима.

Предупреждение Рима было проигнорировано, и в 192 г. до н. э. Рим и Антиох столкнулись в войне. Антиох III вторгся в Грецию, но оказалось, что поражение римского войска никоим образом не было таким же результативным, как поражение плохо управляемых египетских армий или разрушения плохо организованных парфянских орд на востоке. В 191 г. до н. э. Антиох III потерпел от римлян в Греции страшное поражение. Когда расстроенный монарх Селевкид торопливо отступил в Малую Азию, римляне решительно преследовали его (впервые ступив в Азию) и в 190 г. до н. э. снова нанесли ему поражение.

В 189 г. до н. э. Антиох III вынужден был пойти на мир с ужасными для него последствиями. Он должен был выплачивать большую сумму контрибуции, потерял весь свой флот и уступил

Риму Малую Азию. Один из его младших сыновей — Антиох, упомянутый в 1 Мак., 1: 10 — был отдан римлянам в качестве заложника, это служило гарантией того, что будут выполняться условия мирного соглашения. (Парфянские части империи снова получили шанс отделиться, на этот раз навсегда, и Селевкидская империя стала ограничиваться Сирией и Вавилонией. Это было все еще значительное государство, поскольку по размерам это была примерно такая империя, которой правил Навуходоносор.)

Чтобы выплачивать Риму контрибуцию, Антиох попытался заставить различные храмы отдать свои золотые запасы. В одном городе в 187 г. до н. э., где он присматривал за разорением храма, он был убит местными жителями.

Антиох Епифан

После Антиоха III на престол взошел его старший сын Селевк IV Филопатр, при котором Селевкидская империя начала медленное восстановление. Римляне, чтобы быть уверенными в том, что он не причинит никаких беспокойств, заставили его во время восшествия на престол послать в Рим своего сына Димитрия в качестве заложника. Селевк был убит в 175 г. до н. э. одним из его собственных министров, который затем попытался стать царем.

Тем временем с младшим братом Селевка Антиохом, которого послали как заложника в Рим, обращались хорошо, и он вырос, восхищаясь римскими порядками. Примерно в то время, когда был убит Селевк, Антиох было отпущен (или убежал) и отправился назад в Антиохию. В конце концов он успел вырвать престол из рук узурпатора и унаследовать корону. Он стал Антиохом IV Епифаном.

1 Мак., 1: 10. *И вышел от них корень греха — Антиох Епифан... и воцарился в сто тридцать седьмом году царства Еллинского.*

Основатель Селевкидской империи Селевк I начал практику летоисчисления от дня победы, которую он одержал в 512 г. до н. э., победы, которая позволила ему твердо обосноваться в Вавилоне. Он полагал, что его империя была основана в то время, и поэтому 312 г. до н. э. — это первый год «царства Еллинского» или, как мы сказали бы сегодня, первый год Селевкидской эпохи. Поэтому 176/175 г. до н. э. был бы 137 г. Селевкидской эпохи, и именно в этом году престол занял Антиох IV.

В более поздние годы, когда каждое царство и почти каждый город имел свои собственные способы подсчета лет, иудеи в своих торговых делах обычно использовали летоисчисление Селевкидской эры. Поскольку иудеи были рассеяны по всему Востоку, использование ими летоисчисления Селевкидской эры наряду с местными системами дало более поздним историкам ценный метод увязывания вместе различных хронологий.

Селевкидское летоисчисление осталось важнейшим и широко распространенным способом подсчета лет в грекоязычном мире до установления римской эры, то есть системы летоисчисления со дня легендарного основания города Рима. (Еще позже была принята теперь уже почти всеобъемлющая система летоисчисления со дня рождения Иисуса.)

Место действия

Александр Македонский, завоевав Персидскую империю, стал не просто царем над обширными территориями. Он представлял на востоке греческую культуру. Эта культура всегда была очень притягивающей, и она была принята повсеместно. Вся Малая Азия стала греческой по культуре. Греческая культура распространилась по всему Египту и Вавилонии. Даже в Бактрии (регион, который мы теперь называем Афганистаном) было основано полугреческое царство, которое просуществовало более века — с 250 г. до н. э. по 135 г. до н. э.

Иудеи были восприимчивыми к привлекательной греческой культуре не больше, чем к ханаанской культуре во времена судей и царей или к американской культуре в наше время. Во времена Селевкидов делались усилия «ассимилировать» другие народы, а потому открывались гимназии на греческий манер, от чего в ужасе был весьма антигречески настроенный автор Первой книги Маккавеев:

1 Мак., 1: 11. *В те дни вышли из Израиля сыны беззаконные и убеждали многих, говоря: «Пойдем и заключим союз с народами, окружающими нас...»*

1 Мак., 1: 14—15. *Они построили в Иерусалиме училище по обычаю языческому и установили у себя необрезание...*

В гимназиях греки обычно тренировались и участвовали в спортивных соревнованиях нагими. (Само слово «гимназия» происходит от греческого слова, означающего «обнаженный».) Это само по себе ужасало тех иудеев, которые держались ста-

рого образа жизни. Еще худшим было то, что по иудеям, которые тренировались нагими, можно было ясно видеть, что они обрезанные; чтобы избежать смущения, возник обычай ношения поддельной крайней плоти, что делало их «необрезанными».

Такое развитие событий одобрилось селевкидскими правителями. Во-первых, они, подобно всем македонским правителям, имели серьезные намерения распространять греческую культуру, так как они считали, что она была гораздо выше всех остальных культур.

Кроме того, люди, которые придерживались старых негреческих обычаев, были более склонны восставать против правителя, пытаясь установить свою независимость, чтобы они могли бы затем свободно жить по-своему. Это соображение могло быть особенно применимо к иудеям, так как они были под властью Селевкидов только в течение четверти века, а множество единоверцев оставались под властью Птолемеев в Александрии и в других местах. Антиоху IV вполне могло показаться, что иудеи будут испытывать естественную привязанность к их традиционному врагу, Египту. Если же они станут греками по культуре, то разрушат узы с александрийскими иудеями.

По этой причине Антиох IV делал все, что было в его власти, чтобы поощрять эллинизацию (греки называли себя эллинами) иудеев. Такое поведение Антиоха не следует рассматривать как необычное или уникальное. Это довольно распространенная практика в большинстве стран, в то время и теперь, — пытаться унифицировать культуру. В Соединенных Штатах иммигранты из стран разных различных языков и культур поощряются к тому, чтобы изучать английский язык и принимать американский образ жизни.

Безусловно, такая политика лучше всего работает в том случае, когда она проводится умеренно, позволяя доминирующей культуре склонить на свою сторону своей собственной привлекательностью и удобствами, а не попыткой навязать ее только силой.

Птолемеи

В Египте также начал правление новый царь. Когда в 181 г. до н. э. Птолемей V умер, на трон взошел его сын Птолемей VI Филометр («любящий свою мать»). Это был молодой человек, который был всецело во власти своей матери; этот факт, несомненно, и объясняет его прозвище.

Между Птолемями и Селевкидами, несмотря на возрастающую угрозу со стороны Рима, оставалась вражда, так как была еще и проблема Иудеи. Антиох III потерпел поражение от Рима, но римляне разрешили ему сохранить за собой Иудею, которую он захватил у Птолемея, а египтяне хотели вернуть ее обратно.

Однако Антиох IV не чувствовал никакой нужды возвращать территорию, которую римляне позволили удержать под своей властью его отцу. Возможно, он даже считал, что ввиду его собственных многих лет приятного пребывания в Риме римляне рассматривают его как одного из своих и одобряют его предприятия.

Мать Птолемея оставалась силой, удерживавшей мир, но после того, как она умерла, вспыхнула война. Очевидно, именно Египет нанес первый удар, и в этом он оказался безрассудным, так как Птолемей VI был слабым и невоинственным царем (хотя мягкосердечным и гуманным), в то время как Антиох IV был способным военачальником. Антиох вторгся в Египет в 170 г. до н. э.

1 Мак., 1: 17—18. *...и вошел он [Антиох IV] в Египет с сильным ополчением... и вступил в сражение с Птолемеем, царем Египетским, и убоялся Птолемей от лица его и обратился в бегство...*

Антиох преследовал отступающего египетского царя до самых стен Александрии и даже взял его в плен. Оставшись без царя, египтяне быстро возвели на трон младшего брата Птолемея как Птолемея VII Евергета II (обратите внимание на повторение этого прозвища).

(Иногда имя Птолемей VII закрепляют за младшим сыном Птолемея VI, в то время как брата, который теперь разделил его престол, называют Птолемеем VIII. Однако здесь нет никакого риска запутаться, так как Птолемей, который был возведен на трон после того, как Птолемея VI пленили, всем известен в истории не по нумерации, а как Фискон (Physcon), или «Пузо», потому что за время своего длинного царствования он сильно растолстел. Между прочим, это был тот самый Птолемей VII, или Фискон, о котором упоминал переводчик Книги Екклезиаста.)

Антиох IV не считал, что в его положении нужно было брать Александрию, поскольку он был не уверен насчет отношения к этому римлян, если он пойдет так далеко. Поэтому он отпустил Птолемея VI. Он надеялся, что с двумя Птолемеями, ссорящимися за престол, Египет впадет в гражданскую войну и та или другая сторона обратится к нему за помощью. И тогда он занял бы страну при сохранении видимости законности.

Однако египтяне превзошли его в маневрировании. Двое Птолемея решили управлять страной совместно и делали это в мире. Разгневанный Антиох отбросил предосторожность и в 168 г. до н. э. вторгся в Египет во второй раз.

Но теперь был недоволен Рим. Римский посланник из Александрии обратился к селевкидскому монарху перед его войсками и приказал ему отказаться от своего плана. Антиох вынужден был уступить этому одинокому представителю далекой римской власти и, крайне оскорбленный, ушел обратно в собственную страну.

Иерусалим

В Первой книге Маккавеев упоминается только первое вторжение в Египет, которое с точки зрения Антиоха IV было славным. Разумеется, даже на победоносную кампанию тратятся деньги, и Селевкиды стали испытывать ужасную нехватку продуктов, потому как и Рим стал взыскивать с них контрибуцию. Единственный выход состоял в том, чтобы конфисковать у храмов накопившиеся богатства, что, собственно, и привело к гибели Антиоха III, а сын Антиоха III, возвращаясь из Египта, прошел через Иерусалим и, ясное дело, опустошил его Храм:

1 Мак., 1: 20—21. *После поражения Египта Антиох возвратился в сто сорок третьем году [169 г. до н. э.]... вошел во святилище с надменностью и взял золотой жертвенник...*

1 Мак., 1: 23. *Взял и серебро, и золото, и драгоценные сосуды, и взял скрытые сокровища, какие отыскал.*

Автор не сообщает о втором вторжении в Египет и его позорном конце для Антиоха, но нам нет необходимости полагаться только на светскую историю, чтобы узнать об этом. В Книге пророка Даниила говорится:

Дан., 11: 30. *...ибо в одно время с ним придут корабли Киттимские [Римские]; и он [Антиох IV] упадет духом, и возвратится, и озлобится на святой завет...*

Видимо, будет вполне достаточно предположить, что Антиох IV, почти обезумевший из-за краха, стремился выместить свой гнев на какой-нибудь жертве. Иудеи подходили для этой цели более всего, поскольку были достаточно слабы и не защищены Римом, и, кроме того, возможно, они разгневали его также тем, что неосторожно ликовали по поводу позорного поражения царя, ко-

торый разорил их Храм буквально два года назад. Антиох перешел к действиям:

1 Мак., 1: 29—30. *...послал царь начальника податей... и он пришел в Иерусалим с большою толпою... но он внезапно напал на город и поразил его великим поражением...*

Когда Иерусалим был взят и разграблен, Антиох решил, что далее должна как можно быстрее продолжиться эллинизация:

1 Мак., 1: 41—42. *Царь Антиох написал всему царству своему, чтобы все были одним народом, и чтобы каждый оставил свой Закон.*

Кульминационным моментом новой политики стало то, что Храм был осквернен. Антиох решил, что иудаизм нужно привести в соответствие с эллинизмом, путем отождествления Зевса и Яхве и установления в самом Храме статуи Зевса-Яхве, весьма вероятно придав ему собственное царское лицо. Для ортодоксальных евреев это было величайшее богохульство, какое только можно представить:

1 Мак., 1: 54. *В пятнадцатый день Хаслева, сто сорок пятого года [167 г. до н. э.], устроили на жертвеннике мерзость запустения...*

Чтобы закрепить плоды новой политики, Антиох приказал уничтожить все экземпляры еврейского Священного Писания, запретил обрезание и соблюдение еврейских пищевых предписаний, затем казнил тех, кого ловили за соблюдением старой традиции. Какое-то время казалось, будто иудаизм был уничтожен, а те, кто бескомпромиссно выступал против Антиоха IV, умерли мученической смертью.

Маттафия

Но теперь на сцену выходит замечательная семья.

1 Мак., 2: 1. *В те дни восстал Маттафия... священник... из Иерусалима; жил он в Модине.*

Маттафия (Mattathias) — это греческая форма еврейского имени Маттафия (Mattathiah) («дар Яхве»). Это имя в канонических

книгах Библии упоминается только однажды, а затем — только в одном случае после вавилонского плена:

Неем., 8: 4. *Книжник Ездра стоял на деревянном возвышении... а подле него... стояли Маттафия...*

Популярным он стал уже во времена Селевкидов.

Согласно Иосифу, прапрадедом Маттафии был Хашмон (или Асмон, в греческой форме), возможно, поэтому всех его родственников называли Хасмонейями или Асмонейями. Когда Иерусалим был взят силами Антиоха, Маттафия и его родственники переехали в Модин (Модеин — в Исправленном стандартном переводе), город, находившийся примерно в 17 милях к северо-западу.

Иуда Маккавей

У Маттафии было пять взрослых сыновей:

1 Мак., 2: 2—5. *У него было пять сыновей: Иоанн, прозываемый Гаддис, Симон, называемый Фасси, Иуда, прозываемый Маккавей, Елеазар, прозываемый Аваран, и Ионафан, прозываемый Анфус.*

Даже среди иудеев становилось общепринятым давать прозвища, которые служили для идентификации личности. В этом случае прозвища имеют неопределенное значение, кроме, возможно, случая с третьим сыном Маттафии — Иудой Маккавеем.

Это прозвище часто считается греческой версией еврейского слова «маккаби» («кузнец»). Предполагается, что третий сын был Иудой Кузнецом, названный так из-за тех сокрушительных ударов, которые он вскоре нанесет по войску Селевкида. С другой стороны, есть некоторые данные, что у него это имя было и до того, как начались сражения, другая версия имени заключается в том, что оно происходит от еврейского «макаб» («назначить»). В таком случае он был Иудой Назначенным; то есть назначенным Богом на то, чтобы повести свой народ против Селевкидов.

Само имя Иуда (Judas) является, конечно, греческой формой имени Иуда (Judah). Весьма вероятно, что именно героизм Иуды Маккавея сделал имя Иуда столь популярным среди иудеев на многие последующие столетия.

Поскольку Иуда Маккавей стал героем, его родственников стали называть Маккавеями, это имя более знакомо теперь, чем Хасмонейи. Точно так же еврейское царство, которое было в ко-

нечном счете установлено под их правлением, названо Маккавейским царством, а время — Маккавейской эпохой. Еврейские писания, связанные с этим промежутком времени, смешаны в общую кучу как различные книги Маккавейские, даже если они непосредственно никак не связаны с семьей Маккавеев, и первая из них — это та, с которой мы теперь имеем дело, является Первой книгой Маккавеев.

Асиден

Искра, от которой вспыхнуло еврейское восстание против Селевкидов, была высечена одним чиновником Антиоха, который прибыл в Модин с тем, чтобы предписать новые законы. Он попросил Маттафию, как видного еврейского лидера, подать хороший пример и проводить жертвоприношение в соответствии с требованиями закона. Для Маттафии это было идолопоклонством, и он отказался.

Однако были и другие иудеи, не настолько верные старым традициям.

1 Мак., 2: 18. *...исполни повеление царя, как сделали это все народы и мужи иудейские и оставшиеся в Иерусалиме...*

Возможно, он говорил правду. В последующие времена успешная революция вспоминается как восстание объединенного племени или группы. Во всех революциях те, кто ревностно ведет борьбу до самой смерти, находятся в меньшинстве и обычно есть по крайней мере столько же и тех, кто настроен резко антиреволюционно, фактическое же большинство безразлично и при необходимости будет идти туда, куда его поведут (в любом направлении), но более всего предпочитает «не связываться».

Наша собственная революционная война проводилась меньшинством мятежников, столкнувшимися не только с британцами, но и с ретроgrадами, которые были по крайней мере равны с первыми по количеству. Но большинство колонистов не склонялось особо к какой-либо стороне. И сегодня у движения за гражданские права среди черных одной из проблем является безразличие большинства черных.

Так что и во времена Антиоха отнюдь не все иудеи были настроены крайне антиселевкидски. Многие стремились приспособиться; возможно, даже из-за своих прогреческих взглядов жаждали ассимилироваться. Так, когда Маттафия отказался от жертвоприношения, тут же кто-то другой пошел совершить его,

либо из убеждений, либо, возможно, из мысли, что если кто-то не сделает этого, то весь город будет вырезан.

1 Мак., 2: 23. *...подошел муж иудеянин пред глазами всех, чтобы принести по повелению царя идольскую жертву на жертвеннике...*

Увидев это, Маттафия пришел в ярость, убил иудея и селевкидского чиновника. Это был рубикон еврейского восстания. Маттафия и его сыновья вынуждены были бежать в горы, вокруг себя они начали собирать и других мятежников.

В частности, к Маттафии присоединилась партия пылких людей, чья приверженность традиционному Закону Моисееву была абсолютной:

1 Мак., 2: 42. *Тогда собрались к ним множество иудеев, крепкие силою [Асидеи] из Израиля, все верные Закону.*

Слово «асидеи» (или «хасидеи» в Исправленном стандартном переводе) — это греческая форма еврейского слова «хассидим», означающего «благочестивый». Их заботит исключительно религия. Они не интересовались политикой, и только тогда, когда практика иудаизма оказалась вне закона, они захотели прибегнуть к насилию.

Это были крепкие бойцы, однако истинно бескомпромиссная приверженность букве закона создавала проблемы. Из-за многочисленных запретов относительно дня субботнего многие благочестивые люди считали, что недопустимо предпринимать никакие мирские действия, даже необходимые для самозащиты. Так, Иосиф говорит, что, когда Птолемей I в первые несколько лет после смерти Александра совершил поход в Иудею, чтобы установить свое господство над этим регионом, он смог захватить Иерусалим без сопротивления, напав в субботу. В этот день иудеи не защищали стены.

Точно так же ультраблагочестивые, которых поймали селевкиды в день субботний, решили позволить убить себя без сопротивления. Они сказали:

1 Мак., 2: 37. *«...Мы все умрем в невинности нашей; небо и земля свидетели за нас, что вы несправедливо губите нас».*

Маттафия и его друзья оплакивали мертвых, но они настаивали на том, что

1 Мак., 2: 41. *«...Кто бы ни пошел на войну против нас в день субботний, будем сражаться против него...»*

Здесь виден пример приспособления Закона под серьезные нужды людей, нечто такое, что должно было сыграть роль в более позднем развитии иудаизма, а также в учении Иисуса.

Вефорон

Маттафия жил недолго. Усилия, потраченные на битвы, и приблизившаяся старость взяли свое:

1 Мак., 2: 70. *Умер же он на сто сорок шестом году [166 г. до н. э.]...*

1 Мак., 3: 1. *И восстал вместо него Иуда, называемый Маккавей, сын его.*

Войска Селевкидской империи были двинуты на подавление восстания, но, как это часто бывает, правительство начало с недооценки всей серьезности проблемы. Начало положил правитель Самарии Аполлоний, местный чиновник:

1 Мак., 3: 10. *Тогда Аполлоний собрал язычников и из Самарии многочисленное войско, чтобы воевать против Израиля.*

Иуда Маккавей вышел, чтобы встретить его. Аполлоний был, по всей вероятности, самонадеянным и легкомысленно двинулся в поход, убежденный в том, что сможет легко справиться с кучкой мятежников. Но это оказалось его ошибкой. Люди Иуды ринулись на него, возможно, из засады, и его армия потерпела поражение. Сам Аполлоний был убит, а Иуда забрал его меч и использовал его в более поздних сражениях.

Селевкиды должны были предпринять нечто более успешное, и следующим шагом стало участие самой армии и военачальника Сирана. Теперь это уже были не местные новобранцы из Самарии, а настоящая армия.

1 Мак., 3: 16. *Когда они [войска Сирана] приблизились к возвышенности Вефорона, Иуда вышел к ним навстречу с очень немногими...*

Вефорон был расположен примерно в 14 милях к северо-западу от Иерусалима, вблизи принявшего Маттафию города Модина. Здесь на окружающих холмах Иуда и его люди находились в засаде и снова молниеносная атака застигла войско Селевкида врасплох, и оно было полностью уничтожено.

Персия

Победа евреев в Вифороне стала достаточно убедительной, чтобы поднять уровень восстания от местного волнения до конфликта международного масштаба. Очевидно, престиж режима теперь требовал того, чтобы основные усилия были направлены на подавление мятежников.

К сожалению для Антиоха, легче было увидеть необходимость, чем что-то сделать для этого. Возникла та самая старая проблема — нехватка денег. Кроме того, империя была раздираема на части. Если Иуда и его нерегулярные войска терзали запад, то на востоке отпадали целые провинции.

Парфянские правители, которые были подвластны Селевкидам еще со времени царствования Антиоха III, постепенно усиливали свою независимость. В 171 г. до н. э. на парфянский престол взошел энергичный царь Митридат I и исчезли последние остатки зависимости от Селевкидов. Действительно, Митридат расширил свою власть во всех направлениях и стал главным действующим фактором в Центральной Азии.

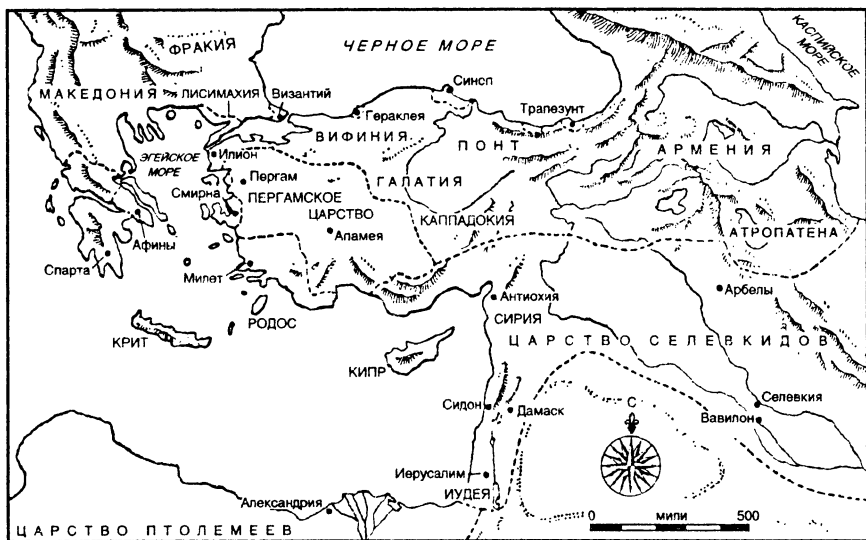
Может быть, если бы Парфия оставалась спокойной, Антиох смог бы справиться с еврейским восстанием. Однако случилось так, что он оказался между двух огней. Его престиж за границей, уже сильно поколебленный его оскорблением в Египте, требовал того, чтобы он не позволил иудеям остаться безнаказанными. С другой стороны, если бы он мог вернуть под свою власть хотя бы восточные провинции, то в виде карательной дани смог бы собрать все деньги, в которых он так нуждался.

Разрываемый, с одной стороны, необходимостью спасти престиж и потребностью в деньгах — с другой, он выбрал наилучшее из возможных решение. Он решил разделить свои силы и начать войну на два фронта:

1 Мак., 3: 31—32. *Сильно озабоченный в душе своей, он [Антиох IV] решил идти в Персию [Парфию] и взять подати со стран и собрать побольше серебра. А дела царские от реки Евфрат до пределов Египта предоставил Лисию, человеку знаменитому...*

Антиохия

Антиох IV оставил своего юного сына с Лисием, а половина его армии, а также его наставления должны были стереть с лица земли еврейских мятежников.

Антиохия

1 Мак., 3: 37. Царь же взял остальную половину войска и отправился из Антиохии, престольного города своего, в сто сорок седьмом году [165 г. до н. э.], и, перейдя реку Евфрат...

Антиохия, «престольный город» — то есть столица Селевкидов, — была в то время сравнительно молодым городом.

Когда в 323 г. до н. э. Александр Македонский умер, Вавилон был всё еще величайшим городом Востока. Вавилон оставался великой наградой для военачальников, которые боролись за корону. Он был захвачен Селевком I Никатором в 312 г. до н. э., и это возвело его на престол Македонской Азии и ознаменовало дагу основания Селевкидской империи.

Однако захват Вавилона Селевком был последним знаменательным событием в вавилонской истории. Селевк был основателем городов и считал, что его столицей должен стать новый город, а не такой древний с негреческой традицией, каким был Вавилон. Поэтому в год завоевания Вавилона Селевк начал строить новую столицу для себя на реке Тигр примерно в двадцати милях к северу от Вавилона. Он назвал новый город в честь себя — Селевкийей.

Пока Селевкия возрастала, Вавилон клонился к упадку. Люди покидали старый город ради нового, и здания Вавилона служили в качестве строительного материала для строительства домов

в Селевкии. К маккавейским временам могущественный Вавилон Хаммурапи и Навуходоносора пришел к концу, и шестнадцать столетий великой истории завершились плачевно. Город, который четыре столетия назад сводил в могилу иудеев, теперь был несчастной вымирающей деревней; а Иерусалим, который когда-то был разрушен, был после всего все еще жив и собирался начать новый период независимости.

Однако Селевкия была не единственной столицей. Безусловно, она располагалась в центре и стала богатой и процветающей. Если бы Селевкиды оставались там и сконцентрировались на восточной части своей империи, они смогли бы объединить греков и персов в единое государство, которое продолжало бы существовать неопределенно долго.

Тем не менее психологически Селевкидов всегда привлекал запад. На западе находился греческий центр, а Селевкиды осознавали огромную привлекательность всего греческого. Несколько миль Сирии или побережье Малой Азии означали для них больше, чем тысяча миль Центральной Азии. Поэтому они вели бесконечные войны с Египтом, в то время как распадались обширные восточные пространства. И из-за сосредоточенности Селевкидов на западе им нужен был там некий центр.

В 300 г. до н. э. Селевк основал город на северо-западе Сирии вблизи Средиземноморья. Он назвал его Антиохией, в память о своем отце македонском военачальнике Антиохе, и мы знаем этот город как Антиохию. Этот город, находившийся вблизи гуши всего греческого, был идеален как западная столица. На протяжении преуспевающих царствований каждый последующий монарх расширял и украшал Антиохию. Будучи центром притяжения Селевкидской империи, перемещенным ко времени Антиоха IV на запад, Антиохия была главным городом царства и в греческом мире была второй после Александрии.

Храм

В то время как Антиох IV со своей половиной войска ушел в восточном направлении к Парфии, с другой половиной был оставлен Лисий, чтобы одолеть иудеев. Однако Лисию было гораздо легче получить наставления, чем выполнить их.

В следующем году Лисий послал две армии в Иудею, и каждая из них потерпела поражение. Иуда Маккавей оказался непобедимым, и теперь он мог рассчитывать на период относительного мира, в то время как наказанные Селевкиды удерживались от того, чтобы взять реванш.

Следовательно, это было подходящее время для того, чтобы повторно освятить оскверненный Храм. Иуда Маккавей выбрал священников, которые никогда не шли на компромисс с властями Селевкида, они разобрали оскверненный алтарь и погребли камни. Был построен новый алтарь и внесены новые сосуды. И наконец:

1 Мак., 4: 52—53 ...*сто сорок восьмого года* [164 г. до н. э.], *встали весьма рано и принесли жертву по Закону на новоустроенном жертвеннике...*

1 Мак., 4: 56. *Так совершали обновление жертвенника восемь дней...*

1 Мак., 4: 59. *И установил Иуда и братья его... чтобы дни обновления жертвенника празднуемы были с веселием и радостью в свое время, каждый год восемь дней...*

Годовщина освящения Храма праздновалась иудеями к этому дню как восьмидневный праздник Ханукка («освящения»).

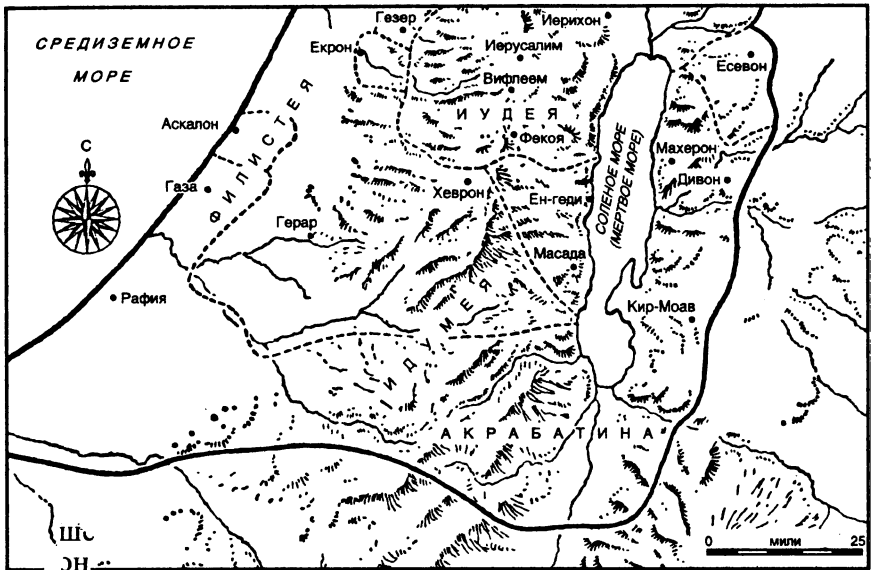
Иуда преднамеренно устанавливает дату освящения очищенного Храма в третью годовщину его осквернения и, следовательно, через три с половиной года после захвата Иерусалима Антиохом IV.

Этот интервал в три с половиной года упоминает автор книги пророка Даниила. Так как он датировал эту книгу временем плена, на четыре столетия ранее, и сделал так, чтобы Даниил рассказывал об этом как о пророчестве, то он вынужден был использовать апокалиптический язык:

Дан., 7: 25. *И [Антиох IV] против Всевышнего будет произносить слова... даже возмечтает отменить у них праздничные времена и закон, и они [Храм и благочестивые иудеи] преданы будут в руку его до времени [один год] и времен [плюс еще два года] и полувремени [плюс еще полгода].*

Идумея

Храм был повторно освящен, и Иуда укрепил гору Сион, но для передышки не было никакой возможности. Если бы иудеи оставались теперь в обороне, энтузиазм побед уменьшился бы и исчез; исчезли бы порыв и дух, рассеялись бы силы, и восстание сошло бы на нет. Очевидно, Иуда решил перейти к наступлению и напасть на области, граничащие с Иудеей:

Идумея

вбли 5: 3. Тогда Иуда ополчился против сынов Исава в Идумее... И поразили их великим поражением...

Это был не первый случай быстрого поворота иудеев от преследуемого меньшинства к обретению имперской силы. Ранее, восемь с половиной столетий назад, Давид захватил государство, подчиненное филистимлянам, и в течение нескольких лет не только отвоевал независимость Израиля, но и установил гегемонию Израиля над филистимлянами и другими окружающими народами.

Здесь случай был по масштабам более ограниченный, так как Маккавейское государство никогда не приближалось к физическим размерам или мощи царства Давида. Однако победа Иуды была первым шагом на пути к завоеванию Едома (греческой версией этого названия является Идумея).

Возможно, националисты того времени считали, что они могли оправдать войну против Идумеи не только как традиционную вражду, прослеживавшуюся во всех легендах об Иакове и Исаве, но также и потому, что в период вавилонского плена идумеи под давлением набатских арабов были оттеснены к северу. То, что в маккавейские времена называлось Идумеей, во времена монархии было южной Иудеей, и, возможно, иудеи были убеж-

дены в том, что они всего лишь возвращали обратно то, что было их собственным. (С тех пор подобные аргументы служили оправданием для неисчислимого количества войн.)

Но это было чем-то большим, чем простое завоевание. В конечном счете иудеи навязали иудаизм побежденным идумеям; то есть поступили так, как не хотели бы, чтобы поступили с ними. Случай религиозного меньшинства, которое становится угнетателем, как только оказывается у власти, наблюдался в истории множество раз. Рассмотрим, к примеру, пуритан, которые сбежали от притеснений в Англии и ради свободы вероисповедания приплыли в Америку, затем отказывая в этой же свободе другим. Оправданием во всех подобных случаях обычно является то, что победители просто возвеличивают Истину над Ложью и самоотверженно спасают души побежденных. Однако побежденные обычно с трудом признают благие намерения тех, кто обращает их острием меча.

Галилея

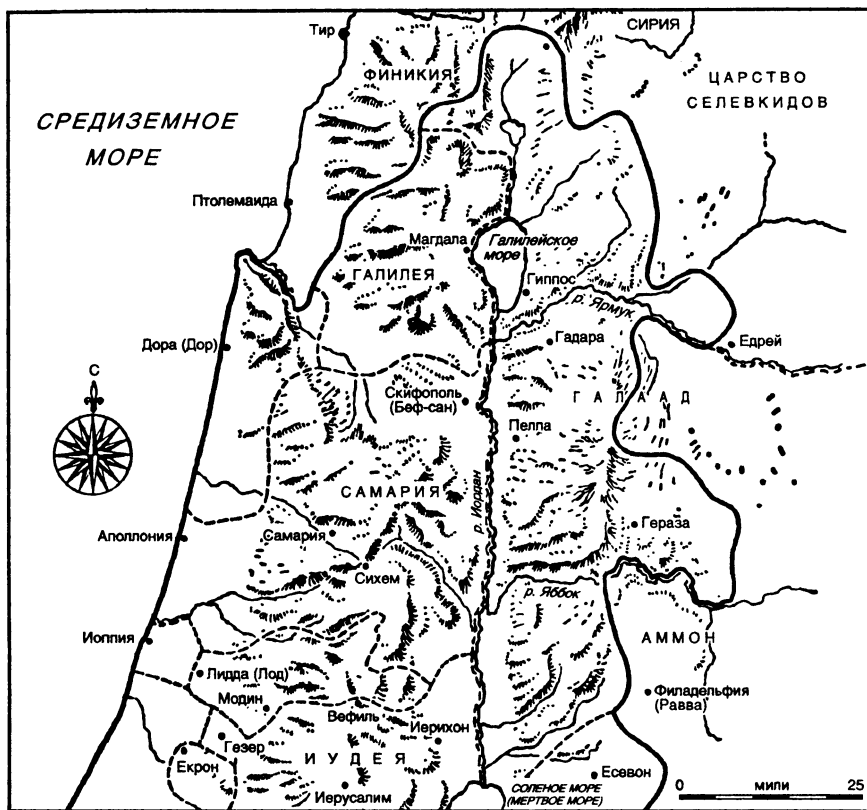
Войска Иуды ударили во всех направлениях, не только на юг против Идумеи, но и в восточном направлении — против аммонитов. Также причинили беспокойства и живущим в Галааде. Греки в Галааде (к востоку от Иордании и к северу от аммонитской территории) собрались против иудеев, которые жили там, и осадили их в одном из галаадских городов. Осажденные иудеи послали письмо Иуде и его братьям с мольбой о помощи:

1 Мак., 5: 14—15. *Еще читались эти письма, как вот, пришли другие вестники из Галилеи... с таким извещением: «...Собрались против нас... из всей Галилеи языческой...»*

Галилея относится к крайней северной части того, чем однажды был Израиль, к той территории, которая во времена Судей была населена племенами Неффалима и Завулونا.

Эту северную область израильтяне никогда твердо не удерживали. Хананеи оставались сильными на севере намного позже завоевания Иисуса, как доказывают рассказы о сражении против Сисеры (Sisera). До времен самого Давида на севере доминировали финикийские прибрежные города (напомним: населенные хананеями).

Для тех, кто жил в центре израильской власти — на юге среди рахилевых племен Ефрема, Манассии и Вениамина, — север

Галилея

весьма вероятно мог рассматриваться как *galil haggoyim*. Буквально это означает «район народов» или «район [израильтских] племен».

Латинским словом для обозначения племени или клана было «gens», и члены одного того племени или клана были *gentiles* («иноверцы»). Поэтому «*galil haggoyim*» может быть переведено как «район иноверцев». *Galil* стал *Galilaea* на латыни или Галилеей по-английски. Таким образом получается «Галилея иноверцев».

Термин «*gentile*» (иноверец, язычник) для обозначения неиудея постоянно используется в Первой книге Маккавеев, и в этом смысле он дошел до нашего времени. Однако мормоны применяют это слово по отношению к немормонам, так что для мормона иудей является язычником.

Упоминания о Галилее до времен ассирийского завоевания и разрушения Северного царства в Библии не обнаружены. Вместо этого упоминаются земли Неффалима и Завулона. Поворотный момент возникает в Книге пророка Исайи, где описаны опустошительные набеги со стороны Ассирии, поэтому для этой области используются оба термина, доассирийский и постассирийский:

Ис., 9: 1. Препжнее время умалило землю Завулонову и землю Неффалимову; но последующее возвеличит приморский путь... Галилею языческую.

В маккавейские времена еврейские колонисты снова начали проникать в Галилею, но ее население было все еще в значительной степени языческим.

Птолемей

Перед лицом этой двойной опасности Иуда разделил свои войска. Он и его младший брат Ионафан с меньшим войском двинулись в Галаад. Его старший брат Симон (между прочим, другая версия имени — Симеон) повел большее войско в Галилею. Разделение сил на этот раз оказалось не фатальным. Оба похода оказались победными, и обе силы смогли эвакуировать осажденных иудеев в безопасную Иудею:

1 Мак., 5: 21—22. И отправился Симон в Галилею и произвел много сражений с язычниками, и разбиты им язычники. Он преследовал их до ворот Птолемаиды.

Птолемаида — это был город на финикийском побережье примерно в 25 милях к югу от Тира, самого южного из финикийских городов. Его древним названием было Акко, и расположен он на территории, приписываемой Асиру. Разумеется, северные племена никогда не заявляли о своем верховенстве над финикийским побережьем, этот факт признается и в Библии:

Суд., 1: 31. И Асир не изгнал жителей Акко, и жителей Сидона...

Древняя Птолемаида правила этой областью и в 260 г. до н. э., Акко был переименован в Птолемаиду в честь Птолемея. Город сохранял это название и после того, как эта область

была вырвана из-под египетской власти Антиохом III, и, несомненно, в течение всего римского периода, и только потом, уже намного позже Птолемеев и Селевкидов, это название исчезло.

Город восстановил свое первоначальное название после мусульманского завоевания в 638 г. Во времена Крестовых походов, то есть на пять столетий позже, город стал известен христианам как St.-Jean-d'Асге или, проще, Акр. Теперь это город современного Израиля, называемый Акко и имеющий население примерно в тридцать тысяч человек.

Антиох V Евпатор

Маккавейские нападения были успешны частично потому, что Селевкидская империя была уже более или менее парализована событиями в Парфии. Антиох IV не добился там никаких успехов. Автор Первой книги Маккавеев рассказывает о провале его попытки опустошить Храм в Елимаиде и о том, как он впоследствии заболел от горя, далее горе усугубилось новостями о поражении Ликия в Иудее.

История опустошения Храма, несомненно, ошибочна. Этот рассказ был передан Антиохом III своему сыну, возможно, из зависти автора погрузить Антиоха IV в полный крах. Его болезнь происходила, по-видимому, от мирских причин, скорее это было не горе, а туберкулез, то, что с большей вероятностью может быть фатальным.

Разоритель Храма умер в Габэ, этот город теперь известен как Исфahan (Isfahan), в центральном Иране, в 900 милях к востоку от Иерусалима.

1 Мак., 6: 16—17. *И умер царь Антиох в сто сорок девятом году [163 г. до н. э.]. Когда Лисий узнал, что царь умер, он поставил вместо него на царство сына его, Антиоха... и назвал его именем Евпатора.*

Антиох V Евпатор («благородного рода») был девяти лет от роду во время своего вступления на престол. Им управлял Лисий, который через него правил империей.

Вступление на престол юного царя было сделано для того, чтобы утихомирить еврейских мятежников Иуды Маккавея. Неизбежны были династические раздоры, и в то время как между собой боролись различные кандидаты на престол и на власть, иудеи могли наступать без особого риска.

В 162 г. до н. э., через год после смерти Антиоха IV, Иуда даже осмелился напасть на цитадель в Иерусалиме; то есть крепость, в которую отступил гарнизон Селевкида более года назад, когда главный город Иерусалим был взят и повторно освящался Храм.

Но это нападение взволновало Лисия, который решил оставить на время династические споры и организовал сильную контратаку (нечто, к чему его побуждали верноподданные иудеи — «тори» маккавейского восстания).

На юг двинулось свежее войско Селевкида, более сильное, чем когда-либо ранее, и вооруженное новым видом оружия, до настоящего времени не использовавшегося против мятежников, — слонами. Елеазар, один из братьев Иуды, бился как мог с одним из этих животных, нанес удар ему в живот и убил его, но слон, умирая, упал на Елеазара и, в свою очередь, также убил его. Погиб первый из пяти сыновей Маттафии.

Своим примером Елеазар доказал, что слоны также смертны, но, тем не менее, еврейское войско столкнулось с неравенством в силе, которое было слишком велико для него. Хотя они и отчаянно сражались, постепенно их довели до крайнего истощения.

Но затем рискованное предприятие Лисия потерпело неудачу. Он был вынужден столкнуться с династической проблемой. Один знатный человек, который был с Антиохом IV на востоке, теперь пошел обратно с тем, что осталось от армии Антиоха, и предпринял попытку захватить власть. Столкнувшись с этой угрозой в самом центре своего полиса, Лисий был вынужден удалиться от волнений в предместья города.

Поэтому в качестве компромисса он предложил иудеям мир. В мирное соглашение были включены два пункта: свобода вероисповедания иудеев и их политическая независимость. Лисий чувствовал, что в этих обстоятельствах он мог уступить первое, если иудеи уступят второе. В войске мятежников была значительная часть таких (например, Асидеев), которые были заинтересованы только в свободе вероисповедания, и Иуда вынужден был принять компромисс. По крайней мере, на время.

Димитрий I Сотер

Вернувшись в Антиохию, теперь уже находившуюся под властью его конкурента, Лисий нанес ему поражение и отвоевал город обратно, но ситуация осталась неустойчивой. В этой области были и другие конкуренты.

Селевк IV Филопатр, предшественник и старший брат Антиоха IV, послал сына Димитрия в римский плен. Тот сын старшего брата был, по современным нормам, более заслуживающим престола, чем правящий монарх Антиох V, который был всего лишь сыном младшего брата. Димитрий, когда услышал о смерти своего дяди Антиоха IV, сразу же подал прошение в римский сенат о разрешении возвратиться в Антиохию и принять царствование. Рим, предпочитая слабого ребенка на селевкидском престоле способному молодому человеку, отказал в разрешении, и Димитрий тут же сбежал и своевольно отправился к селевкидскому побережью.

1 Мак., 7: 1. В сто пятьдесят первом году [161 г. до н. э.] вышел из Рима Димитрий, сын Селевка, и с немногими людьми вошел в приморский город и там воцарился.

В гражданской войне, которая затем последовала, Димитрий оказался находчивым победителем. Антиох V и Лисий были схвачены и убиты, а новый царь взял себе имя Димитрия I Сотера. Рим принял создавшуюся ситуацию и признал Димитрия в качестве царя.

Димитрий попытался восстановить позиции Селевкидов по отношению к Иудее, не столько немедленной военной акцией, сколько осторожным заложением первого камня в фундамент поддержки себя среди еврейских «тори», которые были многочисленны.

1 Мак., 7: 5—6. И пришли к нему [Димитрию] все мужи беззаконные и нечестивые из израильтян, и Алким предводительствовал ими, домогаясь священства; и обвиняли они перед царем народ [силы мятежника]...

Поскольку «тори» были на стороне царя, а асидеи сохраняли нейтралитет, Димитрий почувствовал, что пришло время послать войско в Иудею еще раз. Он вспомнил о Никаноре, военачальнике, который был с царем в Риме и, согласно Иосифу, убежал с ним.

Однако Иуда не забыл, что значит быть кузнецом. Снова сплачивая свои силы против превосходящего врага, он встретил селевкидское войско в Вефороне, примерно в 14 милях к северо-западу от Иерусалима, и там одержал самую замечательную победу в своей жизни (и, как оказалось, последнюю). Сам Никанор был убит, и еще раз силы Селевкидской империи были вынуждены отступить, обжегши пальцы.

Римляне

В течение пяти лет Иуда Маккавей и его братья сталкивались с превосходящими силами и побеждали за счет быстрых передвижений и внезапности, пользуясь тем, что Селевкиды были преимущественно заняты другими восстаниями и гражданскими войнами. Но удача, даже при умелом руководстве, не может длиться вечно. Необходима была внешняя помощь, а в это время малые народы Востока нашли себе друга в лице нового гиганта с Запада, гиганта, который, в конце концов, поглотит их всех:

1 Мак., 8: 1. *Иуда услышал о славе Римлян...*

Еще только во времена Александра Македонского Рим был просто еще одним варварским племенем, жившим в районах вглубь от прибрежной зоны, насколько с ними соприкасались греки. Возможно, ни один иудей в то время и не слышал о таком названии «римляне».

Так было вплоть до 281 г. до н. э., когда фактически Рим внезапно посягнул на греческий мир. В то время это были македонские монархи, которые казались величайшими. Один из них, Птолемей II Филадельф, правил Египтом, и при его умеренном правлении иудеи переводили Библию на греческий язык. Другой монарх, Антиох I Сотер, правил Селевкидским царством. Другие македоняне управляли непосредственно Грецией и северными районами. В частности, македонянин по имени Пирр правил Эпиром, регионом к северо-западу от Греции. Из всех македонских правителей его времени Пирр был наиболее способным военачальником.

Самая западная часть греческого мира имела в качестве своих главных представителей множество богатых городов на побережье южной Италии. Эти города были заселены на пять-шесть столетий раньше в те времена, когда Амос, Осия и Исайя проповедовали в Израиле и Иудее. Эти города всегда имели проблемы с плохо организованными местными племенами, теперь же воинственный город Рим завоевал всю Италию вплоть до побережья, и греческие города были в ужасе.

Они позвали на помощь Пирра. Пирр тут же ответил и бился с римлянами в двух сражениях. Однако римляне упорно продолжали и в конце концов разбили Пирра и к 270 г. до н. э. заняли все греческие города в южной Италии.

Греческий мир в этот момент должен был встревожиться и объединиться, чтобы победить этого странно могущественного

новоприбывшего. К несчастью для них, они его недооценивали. Западный город Карфаген мерялся силой против Рима в двух мощных войнах, и македонские царства, возможно, были уверены, что эти два города были настолько равны по силе, что они уничтожат друг друга.

Поэтому македоняне расслабились, позволив Риму и Карфагену нанести друг другу мощные удары, со стороны наблюдая за бесконечной борьбой между ними.

Некоторое время казалось, что македоняне действительно проницательно просчитали, что и Карфаген, и Рим подошли к самому краю катастрофы. Однако в конце концов оказался не тупик, а полная и абсолютная победа Рима и в 200 г. до н. э. Рим стал самой могущественной единственной силой в мире.

И даже тогда македонские царства могли бы еще добиться успеха, если бы они смогли объединиться, но конкуренция, которая выросла среди них за сто лет войны, была слишком сильна, чтобы ее можно было похоронить.

Галаты

Рим продолжал одерживать победы, итог которым подводит-ся в данной главе Первой книги Маккавеев:

1 Мак., 8: 2. ...рассказывали ему [Иуде Маккавею] о войнах их, о мужественных подвигах, которые они показали над галатами, как они покорили их...

Галаты (или галлы) двинулись на юг в Италию и взяли сам Рим в 390 г. до н. э., когда этот город представлял собой еще небольшую силу и когда иудеи мирно прозябали под властью персов. Рим освободился, но галлы поселились в богатой долине реки По. То, что является теперь северной Италией, тогда стало называться Цизальпинской Галлией (Галлия по «эту сторону Альп» — «эта сторона» с точки зрения римлян).

Когда римляне стали более сильными, галлы стали более слабыми. В 295 г. до н. э. римляне нанесли сокрушительное поражение галлам, и в 222 г. до н. э. они аннексировали всю область Цизальпинской Галлии и расширили свою власть на Альпы.

Это было удивительнее для тех жителей Востока, которые наблюдали за римским продвижением: в то время как римляне постоянно выбивали галлов, македонские царства оказывались беспомощными против варваров того же рода.

В 280 г. до н. э., уже когда Пирр боролся с Римом в Италии, банды галлов совершали набеги на юг Македонии, и в течение нескольких лет абсолютный ужас и анархия владели этой страной, а также Грецией на юге.

В 278 г. до н. э. галлы перешли в Малую Азию и опустошали эту область. Так было вплоть до 235 г. до н. э., когда они, наконец, потерпели поражение и были покорены. Затем они были вынуждены поселиться в той области Центральной Малой Азии, которая стала называться Галатией. К тому времени они цивилизовались и приняли греческую культуру.

Легкость, с которой римляне обращались с галлами, не могла остаться незамеченной и не могла не вызывать восхищения на Востоке.

Испания

Римляне также одерживали победы за пределами Италии:

1 Мак., 8: 3. *...также о том, что сделали они [римляне] в стране Испанской...*

Еще когда римляне побеждали галлов, они успешно завершали первую длительную войну с Карфагеном. После этой войны Карфаген попытался восстановиться, основав новую империю в Испании, завоевав власть над средиземноморским регионом этой дикой и варварской страны.

Затем в 219 г. до н. э. вскоре после присоединения Римом Цизальпинской Галлии Карфаген уже был готов ко второй войне. На сей раз карфагенские силы были возглавлены Ганнибалом, одним из самых великих полководцев всех времен. В течение шестнадцати лет карфагеняне умудрялись держаться в Италии, добиваясь крупных побед и не потерпев ни одного настоящего поражения.

Однако Рим упорно сопротивлялся, посылая при этом свои армии воевать за пределами Италии, хотя в то же время Ганнибал опустошал их родину. В частности, один из римских военачальников Сципион блестяще воевал в Испании, побеждая там карфагенян и в результате присоединив эту землю к Риму.

Затем Сципион совершил поход в Африку, чтобы напасть на сам Карфаген. Ганнибал вернулся, чтобы встретить его, и в последнем сражении при североафриканском городе Заме в 202 г. до н. э. победили Сципион и Рим.

Филипп и Персей

Список римских побед продолжает расти:

1 Мак., 8: 5. *Они [римляне] также сокрушили на войне и покорили себе Филиппа и Персея, царя Китийского...*

Это относится к событиям после решающего сражения при Заме. Из македонских царств ближайшим к Риму было само царство Македония (упомянутое здесь как Киттим). В то время в Македонии не было сильной имперской власти, как при Филиппе II и Александре Македонском. Эмиграция македонян в побежденные страны на юге и востоке, потери в войне и опустошения от набегов галлов уменьшили ее силу. Однако Македония была все еще достаточно сильной для того, чтобы удерживать власть над Грецией.

В 220 г. до н. э. в Македонии к власти пришел энергичный и способный царь Филипп V. Он видел, как Рим увяз в смертельном бою с Ганнибалом, и попытался оказать поддержку Ганнибалу. Этого Рим ему не простил. Как только Ганнибал потерпел поражение, Рим объявил войну Филиппу и в 197 г. до н. э. нанес ему решающее поражение. Македония потеряла свою власть над Грецией и была вынуждена платить Риму большую контрибуцию. Оставшуюся жизнь Филипп осторожно избегал всяческих осложнений.

В 179 г. до н. э. Филипп умер, и на трон взошел его сын Персей. Персей осторожно готовился к мести Риму. Однако его планы провалились. Его союзники предали его, и он вынужден был столкнуться с римским войском один. Он был побит в сражении в 168 г. до н. э., в тот самый год, когда Антиох IV осквернил храм в Иерусалиме. После этого поражения Македонская монархия закончила свое существование, и Македония была разделена на четыре небольшие республики.

Евмений

Если Рим мог наказывать, то он умел также и вознаграждать:

1 Мак., 8: 6. *...и Антиоха, великого царя Азии, который... был разбит ими [римлянами]...*

1 Мак., 8: 8. *...а страну Индийскую и Мидию, и Лидию... взял от него, отдал царю Евмению.*

Антиох, упомянутый здесь как «великий царь Азии», — это был, конечно, Антиох III, чьи победы и последующие поражения от римлян ранее уже были описаны в этой главе.

Упомянутый здесь Евмений — это царь в западной Малой Азии. В то время, когда иудеи были в вавилонском плену, западная Малая Азия образовала царство, управляемое народом, известным грекам как «*ludoi*», а царство называлось Лидия. Оно достигло пика процветания и могущества при царе Крезе, который правил с 560-го по 546 г. до н. э. В 546 г. до н. э. Лидия была завоевана Киром Персом, и ее название исчезло из истории. После времен Александра Македонского ее народ быстро эллинизировался. Лидийский язык был вытеснен греческим и исчез.

В 283 г. до н. э., когда Малая Азия была свободно связана с недавно основанной Селевкидской империей, некий наместник македонского царя по имени Филетэр правил городом Пергамом, находившимся на территории того, что однажды было Лидией. Он сумел стать независимым от Селевкидов после смерти Селевка I Никатора, и таким образом было основано Пергамское царство.

Племянник Филетэра, который взшел на престол как Евмений I в 263 г. до н. э., вскоре после этого победил второго селевкидского монарха Антиоха I и утвердил независимость Пергама. В это время галлы производили огромные разрушения в Малой Азии, так что независимость оказывалась сомнительным благом. Однако после Евмения в 241 г. до н. э. на престол взшел его племянник Аттал I, а в 235 г. до н. э. он сумел нанести галлам решительное поражение. Это покончило с галльской угрозой и весьма высоко подняло престиж Пергама. Он процветал при просвещенном правлении, а образование поощрялось в такой степени, что библиотека в Пергаме оказалась на втором месте, уступая по размерам и достоинствам только Александрийской. (Действительно, ревнивые Птолемеи отказались экспортировать папирус в Пергам, таким образом лишив их материала для копирования книг. Пергамцы изобрели для этой цели метод обработки кожи животных, — более долговечной, но также и более дорогой, — и это дало нам слово «пергамент», «произошедшее из Пергама».)

В 197 г. до н. э. Аттал умер, и царем стал его сын Евмений II. Это и есть Евмений из Первой книги Маккавеев (8: 8).

Евмений II оказался в столкновении с Антиохом III на пике успешности этого монарха, и некоторое время казалось, будто Антиох отвоюет обратно всю Малую Азию. Евмений II обратился к Риму, который только что побил Филиппа V Македонского.

Рим откликнулся, и после нанесения поражения Антиоху III (совместно с армией Евмения, боровшейся рядом с римскими легионами) римские завоевания Малой Азии были переданы Пергаму, который теперь достиг пика своей власти.

Автор Первой книги Маккавеев перечисляет как переданные Пергаму: Лидию, Мидию и Индию. Лидия, представляя западную часть Малой Азии, составила царство Пергама после поражения Антиоха. Действительно, Пергам был почти Лидией, вернувшейся к существованию, но уже грекоязычной Лидией.

Однако Индия и Мидия не были отданы Пергаму. Они были далеко на востоке, и даже Рим не мог отдавать их кому-либо. Однако, как прямое следствие поражения Антиоха, Индия, Мидия и другие восточные территории Селевкидской империи восстановили постоянную независимость. Если бы Пергам не получил их, то Селевкидская империя потеряла бы их.

Греки

И наконец:

1 Мак., 8: 9—10. *...и о том, как еллины вознамерились прийти и истребить их [римлян]... и они [римляне]... воевали против них [греков]... много из них пало пораженных, и взяли в плен...*

Сказать, что греки «вознамерились прийти и истребить» римлян, — значит придавать несчастным грекам слишком большое значение. Они не были в то время в таком состоянии, чтобы сокрушить кого-либо, кроме самих себя, но автор Первой книги Маккавеев жил в то время, когда среди иудеев были сильны антигреческие настроения, и это отражено в данных строках.

В действительности преступление греков состояло в том, что некоторые из их городов (объединенные в Ахейскую лигу) в глазах Рима недостаточно активно поддерживали римлян против Персея Македонского. Для Рима нападение на Ахейскую лигу было подобно вырыванию погремушки у младенца. В 168 г. до н. э. тысяча знатных греков была уведена в качестве пленников в Рим.

Вакхид

Завоевания Рима, его лояльность к союзникам, его республиканская форма правления и его гражданская доблесть — все это описывается с некоторым лирическим преувеличением. Несом-

ненно, здесь виделось некоторое оправдание еврейской надежды (в то время) на Рим.

Его защита Пергама от Селевкидов и его укрепление Пергама за счет Селевкидов были весьма внушительными. Конечно, если бы Иудея создала союз с Римом, подобные выгоды выпали бы и на ее долю. (Конечно, Рим поддерживал своих союзников из своих собственных соображений, и, в конце концов, он поглотил их всех, и врагов, и союзников, но у автора Первой книги Маккавеев не было преимуществ нашего суждения задним числом.)

Автор описывает посланника, которого Иуда направляет в Рим, и с Римом заключается договор о союзе. Но можно только задаться вопросом, а был ли такой союз сформирован на самом деле. Возможно, это было просто заявлено во всеулышание войсками Иуды как своего рода «война нервов» против Селевкидов, у которых имелись вполне достаточные причины страшиться самого названия Рима. Если этот союз был просто пропагандистским оружием, то оно не оправдалось; а если это было на самом деле, то этот договор оказался мертвой буквой. Димитрий снова продолжил наступать на мятежников, и Рим не сделал ничего, чтобы помочь Иуде.

1 Мак., 9: 1. *Когда Димитрий услышал, что Никанор и воины его пали в сражении, послал Вакхида и Алкима во второй раз в землю Иудейскую, и правое крыло с ними.*

1 Мак., 9: 3. *В первом месяце сто пятьдесят второго года [160 г. до н. э.] расположились они станом у Иерусалима...*

Силы Иуды сами пострадали от многочисленных потерь в борьбе против Никанора, и перед лицом свежего войска Селевкидов и «тори» многие дрогнули. Происходило массовое дезертирство, и Иуда оказался только с оставшимися восьмьюстами человеками.

Благоразумно было бы отступить, но если бы он сделал это, то остался бы без войска. В конце концов лучше уж бесстрашное сражение и вдохновляющая смерть. Именно этот путь он и выбрал. В последовавшем сражении маленькая горстка мятежников отчаянно билась, но явный перевес врага был непреодолим, и фактически они были полностью уничтожены.

Иуда Маккавей погиб вместе с остальными в 160 г. до н. э., через семь лет после того, как его отец протрубил призыв к восстанию.

В связи с гибелью Иуды Селевкиды торжествовали, и Иудея была теперь полностью в руках проселевкидских иудеев:

1 Мак., 9: 23. *По смерти же Иуды во всех пределах Израильских явились люди беззаконные, и поднялись все делатели неправды.*

1 Мак., 9: 25—26. *И выбрал Вакхид нечестивых мужей и поставил их начальниками страны. Они разведывали и разыскивали друзей Иуды и приводили их к Вакхиду, а он мстил им...*

Однако это поражение не было полным. Димитрий учился на ошибках Антиоха, и законы против иудаизма не были восстановлены; Храм не был снова осквернен. Восстание закончилось политической неудачей, но в религиозном отношении оно было успешным.

Или же было не так? Не могло ли быть так, что там, где сила потерпела неудачу, происходила постепенная ассимиляция, которая могла быть успешной под руководством какого-нибудь первосвященника «тори»?

Ионафан

Однако у иудея не было возможности выяснять правду. Двое из сыновей Маттафии мертвы, павшие на войне против Селевкидов. Осталось трое: старший сын Иоанн, второй по старшинству Симон и Ионафан, пятый и самый младший, который уже проявил талант руководителя и к которому обращались выжившие мятежники в мрачные дни после гибели Иуды, когда селевкидский военачальник Вакхид правил страной через своего марionеточного первосвященника Алкима.

1 Мак., 9: 28. *Тогда собрались все друзья Иуды и сказали Ионафану...*

1 Мак., 9: 30—31. *...мы тебя избрали — быть нам вместо него начальником и вождем... И принял Ионафан в то время предводительство и стал на место Иуды, брата своего.*

Однако в действительности силы мятежников были в то время слабыми. Они едва ли могли восстать против могущественного Вакхида без чьей-либо помощи. За такой помощью послали к набатским (Nabatean) арабам старшего брата Иоанна, но он был предательски убит ими в 159 г. до н. э., остались теперь только Ионафан и Симон.

Отчаянно сражаясь, они повели свой повстанческий отряд к временному безопасному убежищу через реку Иордан в пустыню Трансиордании:

1 Мак., 9: 48. *И бросился Ионафан и бывшие с ним в Иордан и переплыли на другой берег...*

1 Мак., 9: 50. *И возвратился он [Вакхид] в Иерусалим и построил в Иудее крепкие города...*

Но Ионафан, скрывшийся в Трансиордании, предпринимал бесконечные набеги на Иудею и разбивал все посылаемые против него отряды или уклонялся от них. В конечном счете Селевкиды устали от бесконечных мелких стычек, которые отнимали у них энергию и ослабляли их в других более жизненно важных направлениях. Они заключали с Ионафаном соглашение, что позволило ему править Иудеей столько, сколько он поддерживал царство в мире и признавал господство Селевкидов.

Александр Епифан

Возможно, ситуация была нестабильной, и она продлилась недолго. После того как в течение десяти лет правил Димитрий I Сотер, обладавший относительно небольшими способностями, династические ссоры снова ввергли селевкидскую монархию в хаос:

1 Мак., 10: 1. *В сто шестидесятом году [152 г. до н. э.] выступил Александр, сын Антиоха Епифана, и овладел Птолемаидою...*

На самом деле этот Александр был самозванцем темного происхождения, настоящее имя которого было Балас. Он притворился сыном Антиоха IV и, следовательно, братом молодого Антиоха V Евпатора, которого убил Димитрий I.

К счастью для Баласа (более привычно известного нам как Александр Балас), он имел мощную поддержку за границей. Египетский царь Птолемей VI Филометер и новый царь Пергама Аттал II, который в 160 г. до н. э. вззошел на престол после своего старшего брата Евмения II, оба поддерживали Александра Баласа. Это было не потому, что они поверили в объявление Баласа себя законным царем, а потому, что они стремились всячески ослабить своего старого врага — Селевкидскую империю.

И Пергам, и Египет были союзниками Рима, а Рим, возможно, теперь помнил, что Димитрий стал царем без его разрешения. Во всяком случае, Рим также оказывал Александру Баласу свою поддержку.

Димитрий впал в отчаяние. Его войска легко могли изменить его восходящей звезде самозванца, а он нуждался в хоть сколько-

нибудь надежных людях, которые бились бы на его стороне. А как дело обстояло с теми иудеями, которые сражались под началом Ионафана? Это были свирепые бойцы, и их можно было купить. Возможно, памятуя именно об этом, на пост правителя Иудеи Димитрий назначил Ионафана.

Получив это назначение, Ионафан смог поселиться в Иерусалиме и подавить фракцию проселевкидски настроенных иудеев, которая была у власти начиная со времени смерти Иуды, то есть уже восемь лет.

Чтобы конкурировать с этим, Александр Балас быстро предложил Ионафану пост первосвященника. Это было отступление от сложившейся традиции. До настоящего времени Селевкиды просто утверждали тех первосвященников, которые были назначены иудеями; здесь же было уже прямое назначение Селевкидами. Однако Ионафан не слишком твердо настаивал на этих деликатных пунктах и принял:

1 Мак., 10: 21. И облекся Ионафан в священную одежду в седьмом месяце сто шестидесятого года в праздник кущей...

Возможно, Ионафан выбрал это время года намеренно, чтобы получить психологическое преимущество, связанное с мессинским пророчеством. За столетие до этого появились некоторые пророческие писания, которые были приписаны более раннему пророку Захарии. В них сказано об идеальном царе, которому все поклонятся в праздник кущей:

Захария, 14: 18. ...поразит Господь народы, не приходящие праздновать праздник кущей!

Возможно, Ионафан хорошо знал, что особо благочестивые могли не одобрить первосвященника, который был не от прямой линии более ранних первосвященников и который был всего лишь назначенцем языческого царя. Он мог бы ответить на такие возражения на глазах у всего народа, используя слова Захарии и то, что он открывал новую линию первосвященства, которая должна была продолжиться в течение более века.

Димитрий снова поднял ставки и окончательно предоставил Иудее независимость, добавив к ней Самарию и Галилею. Однако Ионафан остался с Александром Баласом. Либо его негодование против Димитрия как завоевателя Иудеи и угнетателя иудеев было слишком велико, либо, что более вероятно, его трезвая оценка обстановки была такой, что Димитрий вскоре проигрывает и его обещания не будут выполнены.

В 150 г. до н. э. Димитрий и Александр Балас наконец сошлись в сражении. Александр добился полной победы, и Димитрий, после двенадцатилетнего царствования, был убит на поле боя. Александр Балас взошел на престол в Антиохии как Александр Епифан.

Александр Балас помнил своих союзников, образовав военный союз с Египтом, женившись на Клеопатре, дочери Птолемея VI. Два царя с большими церемониями встретились в Птолемаиде, и Ионафана также позвали в город, чтобы встретиться с ним. Там он был утвержден в его правлении над Иудеей.

Димитрий II Никатор

Время «счастливого-конца-для-всех» не могло продолжаться долго. Казалось, что единственное, что может продолжаться вечно, это династическая конкуренция. У покойного царя Димитрия I был сын, еще один Димитрий, который был за границей в изгнании. Теперь он вернулся, а с ним и отряд наемников кри-тян:

1 Мак., 10: 67. ...*В сто шестьдесят пятом году [147 г. до н. э.] пришел из Крита Димитрий, сын Димитрия, в землю отцов своих...*

Возобновилась гражданская война, и иудеи были глубоко втянуты в нее, поскольку новый Димитрий был совершенно враждебен Ионафану, который в конце концов обратился против своего отца и поддержал узурпировавшего власть Александра. Однако иудеи, как во времена Иуды, выстояли перед военачальником Димитрия Аполлоном и одержали громкую победу.

Птолемей VI Египетский, наблюдая за новой гражданской войной, не смог устоять перед соблазном вмешательства. Разумеется, он возвел Александра Баласа на престол и отдал ему свою дочь, но зачем довольствоваться союзником, когда можно заполучить само царство?

Поэтому египетский монарх вторгся во владения Селевкидов, извлекая выгоды из беспорядков возобновившихся гражданских войн. Он беспрепятственно прошел через Иудею и взял Антиохию, сделав себя на тот момент правителем царства Селевкидов и Египта.

Александр Балас, который был в то время в северных провинциях, разбираясь с местным бунтом, поспешил в Антиохию, и в 145 г. до н. э. эти две армии встретились и бились. Александр Балас потерпел поражение, и его пятилетнее царствование за-

кончилось. Он сбежал в Аравию, где был убит. Победитель Птолемей VI был только ранен в сражении, однако вскоре после этого он умер.

Единственно боеспособным из соперников остался Димитрий, и за отсутствием других претендентов он стал царем Димитрием II Никатором («Завоевателем»).

1 Мак., 11: 19. *И воцарился Димитрий в сто шестьдесят седьмом году.*

Антиох VI

Однако до настоящего времени вечный династический мундштук приводил к смертельным исходам. Митридат I все еще был царем Парфии и все то время, когда селевкидские цари вели бессмысленные сражения на западе и непрерывно ослабевали, он постоянно расширял свою собственную власть. В 147 г. до н. э., как раз тогда, когда Димитрий II высадился на селевкидских берегах, парфяне взяли Вавилонию, изгнав Селевкидов из той области, которая была их собственной в течение ста пятидесяти лет.

Великая империя протяженностью в две тысячи миль уже даже во времена Антиоха III, через полстолетия, сократилась так, что почти ничего не осталось. Она включала в себя немногим более провинции Сирии.

Димитрий во главе небольшого клочка того, чем однажды была Селевкидская империя, к тому же обескровленного продолжающимися военными действиями, столкнулся с недостатком средств. Он отчаянно пытался экономить за счет войска. Это, конечно, самое эффективное средство экономии, ибо армия — это почти всегда величайший поглотитель денежных ресурсов, но множество правителей как до, так и после времени Димитрия II обнаружили, что такая экономия — это фактически самоубийство.

Недовольное войско — это всегда искушение в руках любого честолюбивого военачальника; тем более, что у старого царя Александра Баласа был еще молодой сын в изгнании, тот, кто мог послужить как полезный фактор для сплочения:

1 Мак., 11: 39—40. *Трифон, один из прежних приверженцев Александра, видя, что все войска ропщут на Димитрия, отправился к Емалкую аравитянину, который воспитывал Антиоха, малолетнего сына Александрова; и настаивал, чтобы он выдал его ему, дабы сделать его царем вместо него...*

Тем временем Ионафан еще раз попытался извлечь прибыль из селевкидских проблем и предложил сделку с Димитрием. Он предложил Димитрию помочь с его недовольным войском в обмен на вывод селевкидских войск из цитадели.

Димитрий с удовольствием принял контингент из трех тысяч свирепых еврейских бойцов и использовал их для того, чтобы подавить беспорядки в Антиохии. Однако он не отказался от цитадели, и обойденный в хитром маневрировании Ионафан гневно ждал своего шанса, чтобы нанести ответный удар.

И этот шанс довольно скоро появился. Трифон сумел уговорить Емалкуя распустить стражу и вернулся с юным царевичем:

1 Мак., 11: 54. После того возвратился Трифон и с ним Антиох, еще очень юный; он воцарился и возложил на себя венец.

Это было в 143 г. до н. э., и новый царь-мальчик правил как Антиох VI Епифан Дионис. Разумеется, он был просто марионеткой. Настоящим правителем был Трифон.

Это и был шанс Ионафана. Он быстро перевел свою поддержку на юного Антиоха.

Лакедемоняне

Очевидно, Ионафан в течение этого периода боролся также за усиление своей позиции с помощью установления целесообразных союзов за границей. Автор Первой книги Маккавеев выбрал для подробного описания два таких союза, но только из соображений престижа, так как ни один союз не помог Ионафану. Первым было возрождение союза с Римом, который (если он существовал вообще) был неэффективен тогда и остался неэффективным впоследствии. Остальные были еще более бесполезными:

1 Мак., 12: 2. ...и к спартанцам и в другие места послал письма о том же.

Лакедемоняне (спартанцы) — это народ, живущий в Лакедемонии, регионе, который более известен нам как Спарта. Поэтому они называются спартанцами. Город в южной Греции Спарта имел за собой великую историю. Во дни Навуходоносора и еврейского пленения в Вавилоне Спарта была наиболее мощным из греческих городов, и она удерживала эту позицию в течение еще двух столетий. Вместе с Афинами Спарта в 479 г. до н. э.

Спарта

отразила персидское вторжение под предводительством Ксеркса (Авашвероша).

Затем, после долгой войны с Афинами, в 404 г. до н. э. Спарта вышла победительницей и в течение тридцати лет правила Грецией.

Однако в 371 г. до н. э. спартанцы потерпели поражение от войска греческого города Фивы, сразу потеряли силу и больше никогда не восстановились.

Спарта ушла в мрачную изоляцию. Она отказалась присоединиться к армиям Александра Македонского во время его завоевания Персии. Впоследствии они несколько раз терпели поражение от македонских армий, и ко времени Маккавеев Спарта преврати-

лась в полное ничтожество. Союз с ней не стоил ничего, кроме, возможно, отблеска ореола ее названия и былой славы.

Основанием этого союза между иудеями и спартанцами стали родственные отношения. Автор Первой книги Маккавеев упоминает о письмах, которые, как предполагалось, ходили между этими двумя народами полтора века назад. Вот что в них говорилось:

1 Мак., 12: 21. Найдено в писании о спартанцах и иудеях, что они — братья и от рода Авраамова.

Это — странная традиция, которая могла быть инспирирована только для того, чтобы поощрить фиктивный политический брак. Никто не воспринимал этого всерьез, несмотря даже на то, что некоторые ученые теперь утверждают, что еврейская и греческая цивилизации, возможно, имели некоторые общие истоки.

Трифон

Но Трифон устал от бесперспективности обладания властью под прикрытием мальчика Антиоха VI и решил, что он предпочел бы открытую роль царя:

1 Мак., 12: 39. Между тем Трифон домогался сделаться царем Азии и возложить на себя венец и поднять руку на царя Антиоха...

Однако он боялся, что это могло оттолкнуть его самого сильного союзника Ионафана. Чтобы предотвратить это, он заманил еврейского руководителя в западную, пригласив его прибыть в Птолемаиду с небольшим эскортом. На этот раз проницательность изменила Ионафану, и он принял приглашение.

1 Мак., 12: 48. Но как только вошел Ионафан в Птолемаиду, Птолемаидяне заперли ворота, и схватили его...

Сделав это, Трифон почувствовал, что Иудея в сильном замешательстве, и понял, что теперь легко вторгнуться на ее территорию. В ходе этого вторжения он наконец избавился от двух своих препятствий:

1 Мак., 13: 23. Когда же приблизился к Васкаме, умертвил Ионафана, и он погребен там.

1 Мак., 13: 31—32. *Трифон же с коварством отправился в путь с юным царем Антиохом и убил его, и воцарился вместо него, и возложил на себя венец Азии...*

Это было в 142 г. до н. э. В течение восемнадцати лет искусный и способный Ионафан возглавлял еврейские войска и сегодня был бы известен лучше, если бы его жизненный путь не затмила более короткая, но более яркая жизнь его старшего брата Иуды.

СИМОН

Теперь в живых остался только один сын Маттафии — второй по старшинству Симон. Его быстро избрали новым руководителем:

1 Мак., 13: 8. *...и отвечали громким голосом, и сказали: «Ты [Симон] — наш вождь на место Иуды и Ионафана, брата твоего...»*

Симон попытался выкупить Ионафана, но ему это не удалось, и когда стало ясно, что Ионафан убит, он получил его тело и перезахоронил его в Модине, городе, где четверть столетия назад вспыхнуло еврейское восстание. Симон готовился к возобновлению войны:

1 Мак., 13: 33. *А Симон строил крепости в Иудее, укрепляя их... и складывал в крепостях съестные запасы.*

Кроме того, теперь Симон приблизился к Димитрию II Никатору, который в течение всего времени, когда сначала Антиох VI, а затем Трифон называли себя царями, содержал армию и настойчиво придерживался своих собственных притязаний. За предложение помощи от Симона Димитрий теперь предоставил наконец Иудее формальную независимость:

1 Мак., 13: 41—42. *В сто семидесятом году [142 г. до н. э.] снято иго язычников с Израиля; и народ израильский в переписке и договорах начал писать: «Первого года при Симоне, великом первосвященнике, вожде и правителе Иудеев».*

Таким образом через четверть века после начала восстания была завоевана независимость. Эта независимость символизировалась изменением системы летоисчисления. 142 год до н. э., который был 170 годом Селевкидской эры, стал 1 годом эры Маккавеев.

Симон был религиозным и военным лидером иудеев, последовав за своим братом как первосвященник и военачальник. Однако он не называл себя царем. Возможно, он считал, что, не будучи от Давидовой линии, он не мог быть истинным царем иудеев.

Вскоре после получения независимости иудеи успешно завершили свою долгую осаду цитадели в Иерусалиме с ее селевкидским гарнизоном. Гарнизон, столкнувшись с голодом, сдался:

1 Мак., 13: 50—51. *...и он [Симон] дал им его [гарнизон], но выгнал их оттуда и очистил крепость от осквернения, и взошел в нее в двадцать третий день второго месяца сто семьдесят первого года [141 г. до н. э.]...*

И впервые начиная со времени разрушения Навуходоносором Иерусалима, которое произошло 445 лет назад, земля Иуды стала полностью свободной и в Иерусалиме не было больше ни одного иностранного воина. Той свободе, увы, суждено было продлиться не более восьмидесяти лет, и даже в течение этого короткого времени она не оставалась непрерывной.

Арсак

Димитрий, обеспечив иудейскую помощь против Трифона, попытался укрепиться на востоке, а также готовился к окончательному решающему сражению с военачальником-узурпатором:

1 Мак., 14: 2—3. *Но Арсак, царь Персидский и Мидийский, услышав, что Димитрий пришел в пределы его, послал одного из военачальников... Тот отправился и разбил войско Димитрия, взял его, и привел к Арсаку...*

Почти все цари Парфии (упомянутой здесь как Персия и Мидия) переносили престольное имя Арсак, так что вся династия называлась Арсакиды. Царь, который воевал против Димитрия, был тот самый Митридат I, который взошел на престол во дни Антиоха IV и который теперь приближался к концу своего долгого царствования, длившегося более тридцати лет. Его престольным именем было Арсак V Епифан.

В 147 г. до н. э. Митридат I захватил Вавилонию у Селевкидов, и в 139 г. до н. э. он завершал свой жизненный путь, взяв под стражу самого селевкидского монарха, великого внука Ан-

тиоха Великого. Однако Митридат хорошо обращался с Димитрием и даже отдал за него свою сестру.

А тем временем Симон правил Иудеей в мире, и его власть была унаследована его потомками.

Антиох VII Сидет

У пленного Димитрия за границей был младший брат Антиох, который должен был теперь осуществить попытку захвата царства. Он подтвердил независимость еврейского государства, чтобы избежать проблем в этом направлении, а затем вторгся в эту страну:

1 Мак., 15: 10. *В сто семьдесят четвертом году [138 г. до н. э.] вступил Антиох в землю отцов своих, и собрались к нему все войска, так что оставшихся с Трифоном было немного.*

В конечном счете Трифон был вынужден бежать из страны, и Антиох был принят как монарх, правящий как Антиох VII Еввергет, хотя он гораздо лучше известен как Антиох VII Сидет. Прозвище Сидет происходит от того факта, что он был воспитан в городе Сид в южной Малой Азии.

Антиох VII был последним энергичным монархом по линии Селевкидов. Получив престол, он рисовал в воображении восстановление своего царства до его первоизданной славы и порвал с Симоном. Еще раз (и уже в последний раз) Иудея оказалась перед угрозой вторжения Селевкидов.

Иоанн Хиркан I

Но Симон старел и стремился передать бразды правления более молодым людям. У него было три крепких сына: Иуда, Иоанн и Маттафия:

1 Мак., 16: 2—3. *Тогда Симон призвал двух старших сыновей своих, Иуду и Иоанна, и сказал им: «...Я состарился... а вы... заступите место мое... идите и сражайтесь за народ наш...»*

К несчастью, у Симона был также зять Птолемей, который жаждал себе власти. Поэтому он пригласил на пир своего тестя и свояков.

1 Мак., 16: 14. *...в сто семьдесят седьмом году [134 г. до н. э.]...*

Пришли Симон, Иуда и Маттафия, и после того, как они выпили достаточно, чтобы стать беззащитными, Птолемей разоружил их и убил. Так погиб Симон, последний из пяти сыновей священника Маттафии, через восемь лет после того, как он принял правление, и через тридцать три года после начала еврейского бунта.

Гибелью Симона заканчивается Первая книга Маккавеев. Однако имеет смысл добавить краткий эпилог.

Какое-то время еще казалось, что вернулись ранние годы восстания. Оставшийся сын Симона Иоанн (более известный как Иоанн Хиркан) с партизанским отрядом занял холмы, чтобы воевать с Птолемеем, который играл роль иудейских «тори» предыдущего поколения и призывал Антиоха VII.

В 133 г. до н. э. Антиох вторгся в Иудею и после длительной осады взял Иерусалим. Однако он взял большую дань и покинул страну.

Затем в 130 г. до н. э. Антиох VII, окрыленный своими успехами, направился на восток. Возможно, он считал, что сможет отвоевать восточные провинции. Грозный парфянский царь Митридат I в 138 г. до н. э. умер, и после него воцарился Фратат II (также называемый Арсаком VI Евергетом), а может быть, Антиох решил, что новый царь будет менее энергичным, чем старый.

Если это так, то он просчитался. В 129 г. до н. э. парфяне одержали великую победу над Антиохом, который был убит, а его брат Димитрий II был выпущен из парфянского плена (который продлился десять лет) и снова стал селевкидским царем. Он оставался у власти до 125 г. до н. э., после него на трон возшел его сын Антиох VIII.

Однако вместе с Антиохом VII умерла последняя искра селевкидской энергии. Царство стало просто тенью, которой теперь было суждено влачить бесславное существование в течение второй половины столетия, без какого бы то ни было участия в международных делах.

Иудея могла игнорировать его, и при правлении Иоанна Хиркана она расширила свои территории и вступила в полувековой период процветания и славы. Именно Иоанн Хиркан почувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы вынудить иудеев принять иудаизм. Он правил до 104 г. до н. э., и после него воцарился его сын, и, наконец, он посчитал, что династия установилась достаточно прочно, чтобы он заслуживал титул царя.

Впервые начиная с разрушения Первого Храма, которое произошло почти пятьсот лет назад, у иудеев снова был царь, но, конечно, не из рода Давида.

4. ВТОРАЯ КНИГА МАККАВЕЕВ

Ясон Киринейский • Нафтар • Иудаизм • Ония • Селевк • Симон • Ясон, брат Онии • Менелай • Дафна • Елеазар • Алким • Третья книга Маккавеев

Ясон Киринейский

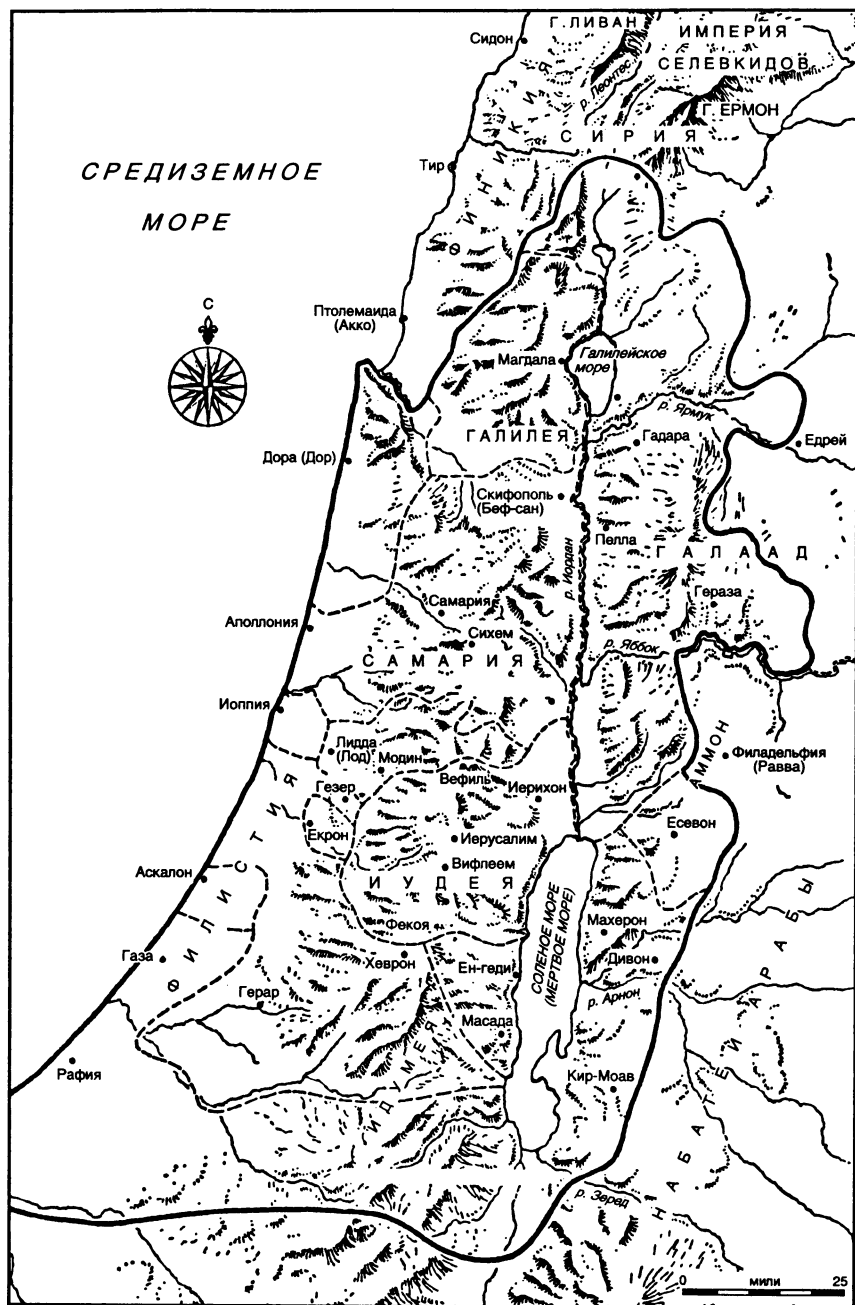
Вторая книга Маккавеев, написанная, возможно, на столетие позже первой, — это не продолжение первой, а скорее параллельная история, только охватывающая период до смерти Иуды Маккавея. В то время как Первая книга Маккавеев является по своему характеру прежде всего светской, Вторая книга Маккавеев в гораздо большей степени сосредоточена на истории первосвященнических фракций и прежде всего интересуется религиозной стороной.

В ней говорится, что она является сокращением гораздо большей работы:

2 Мак., 2: 24. ...о всем этом изложенное и Иасоном Киринейским в пяти книгах мы попытаемся кратко начертать в одной книге.

Кириная — это город на североафриканском побережье примерно в 500 милях к западу от Нила. Он был основан греческими колонистами в 631 г. до н. э., когда в Иудее правил Иосия. Именно в Кириное восстали воины фараона — хофры и объявили, что их царь — Аахм. В 331 г. до н. э. Кириная была взята Александром Македонским, и она стала частью птолемейского Египта. Кириная являлась вторым после Александрии еврейским центром в Египте.

Разумеется, Ясон — это греческое имя, но в греческий период не было ничего необычного в том, что иудеи брали себе гре-

Палестина при Маккавеях

ческие имена, которые были близки к еврейским оригиналам. Многие Иисусы назвали себя Ясонами.

Первоначальная история Ясона Киринейского, к сожалению, потеряна. Она была написана по-гречески, и таким же был сокращенный вариант, который мы называем Второй книгой Маккавеев. Этот сокращенный вариант начинается с цитирования пары писем, которые в действительности не имеют ничего общего с темой книги, но убеждали иудеев в Египте соблюдать новый праздник Ханукка, несмотря даже на то, что он не был частью заповедей Моисея. Так как этот праздник отмечал события в Иудее, которая для египетских иудеев, возможно, казалась за горизонтом, весьма вероятно, недостаточно было мотивации для празднования. Вместо этого был обычный религиозный консерватизм, настроенный против всех новшеств.

Следующие два письма датированы:

2 Мак., 1: 7. *В царствование Димитрия, в сто шестьдесят девятом году [143 г. до н. э.], мы, Иудеи, писали к вам в скорби и страданиях, постигших нас в те годы...*

2 Мак., 1: 10. *В сто восемьдесят восьмом году [124 г. до н. э.] живущие в Иерусалиме и Иудее, и старейшины и Иуда — Аристовулу, учителю царя Птолемея... радоваться и здравствовать.*

Более раннее письмо было послано во времена Димитрия II, примерно в то время, когда Ионафан был схвачен и убит узурпатором Трифоном. Это один из темных моментов еврейского восстания.

К тому времени, когда послали второе письмо, Димитрий только что умер, а его юный сын Антиох VIII находился на престоле в безвластии. Иоанн Хиркан I мирно правил в Иерусалиме.

На египетском престоле был Птолемей VII Фискон. Он правил сначала вместе со своим старшим братом Птолемеем VI, а затем один, с 170 г. до н. э. по 116 г. до н. э., это было самое долгое царствование в истории Птолемеев. Аристовул был, очевидно, образованным иудеем, который был одним из ученых, которым покровительствовал Птолемей, и поэтому он считался учителем Птолемея (или «наставником»).

Нафтар

Цитируя письмо Аристовулу, автор Второй книги Маккавеев подчеркивает непрерывность еврейского ритуала. Письмо стремится доказать, что он не прерывался вавилонским пленом. (В письме ошибочно говорится о Вавилонии как о Персии.)

Так, в письме заявляется, что во время вавилонского плена некоторые священники сохраняли огонь жертвенника в пустоте сухого резервуара. Через полтора столетия, когда Неемия был в Иерусалиме, был восстановлен огонь:

2 Мак., 1: 20. *...Неемия... послал за сим огнем потомков тех священников, которые скрыли его. Когда же объявили нам, что не нашли огня, а только густую воду...*

«Густую воду» (то есть вязкую жидкость) зачерпнули и использовали для того, чтобы с ее помощью зажечь яркий огонь.

2 Мак., 1: 36. *Бывшие с Неемиею назвали это место Нефтар, что значит «очищение»...*

«Нафтар», или, как мы сказали бы, «нафта», — это слово, которое может восходить к персидскому «нафт» и еще далее — к вавилонскому «нафту». Неудивительно, что Неемия, который жил при персидском дворе, использовал персидское слово для обозначения субстанции, которая была незнакома иудеям.

Нафта — это вязкая органическая жидкость, которая является огнеопасной. Это — масло, выходящее из горной породы, и его современное название — «нефть» (от латинских слов, означающих «горное масло»). Ближний Восток является одним из огромных резервуаров сырой нефти, и даже в древние времена были места, где нефть просачивалась прямо на поверхность. Такие выходы нефти, если их поджечь, могли бы создать «вечные огни», которые имели важное религиозное значение для многих древних народов. Это было особенно верно для Персии, где такие выходы были хорошо известны и где в любом случае огню поклонялись как проявлению Ахура Мазды, бога света.

Поэтому, когда Неемия сообщил о находке персидскому монарху,

2 Мак., 1: 34. *...царь, по исследованию дела, оградил это место, как священное...*

Сомнительно, что эта легенда вообще может иметь какую-то историческую ценность, но она показывает, что автор должен был по крайней мере знать об использовании выходов природной нефти. И этот отрывок интересен как раннее упоминание о сырой нефти.

Иудаизм

Закончив свое цитирование писем, автор затем продолжает представлять его историю о тех,

2 Мак., 2: 22. *...которые подвизались за иудеев столь ревностно...*

Ония

Исторический раздел Второй книги Маккавеев начинается с изображения мира и спокойствия перед приходом Антиоха IV:

2 Мак., 3: 1. *Когда в святом граде [Иерусалиме] жили еще в полном мире, и тщательно соблюдались законы, по благочестию и отращению от зла первосвященника Онии...*

Здесь упоминается последний из законных первосвященников, непрерывная линия которых тянулась от Цадока, который служил при Соломоне, когда был построен Первый храм. Непрерывность сохранялась даже во время Вавилонского плена, и, когда Второй храм был построен, во главе стояли первосвященники цадокиты.

В Книге Неемии линия первосвященников доходит до Иаддуя:

Неем., 12: 11. *...Иоиада родил Ионафана, Ионафан родил Иаддуя.*

В книге Иосифа, еврейского историка I в., предполагается, что этот Иаддуй был первосвященником в то время, когда Александр Македонский проходил через Иудею. Это был тот самый Иаддуй, который, согласно легенде, противостоял Александру в своих первосвященнических регалиях.

Иаддуй был первосвященником примерно с 350-го по 300 г. до н. э. Согласно информации, данной Иосифом, после него был Ония I, который занимал эту должность с 300-го по 280 г. до н. э. Именно в его время Птолемей I взял Иерусалим и положил начало столетнему господству птолемейского Египта над Иудеей. Это также тот самый Ония, который, согласно сомнительной истории в Первой книге Маккавеев, первый заключил союз со Спартой.

В упомянутом там письме, написанном Спарте в маккавейские времена, говорится:

1 Мак., 12: 7. *Еще прежде от Дария [Арея], царствовавшего у вас, присланы были к первосвященнику Онии письма...*

(Разумеется, никакой Дарий никогда спартанцами не правил. В другом месте этой главы спартанский царь упомянут как Арей. Он правил с 309-го по 265 г. до н. э.)

После Онии I на трон взошел его сын Симон I, после него другой сын Элеазар, а примерно в 276 г. до н. э. — его брат Манассия. Затем в 250 г. до н. э. первосвященником стал сын Симона I Ония II. Возможно, именно при Онии II в Египте был осуществлен греческий перевод Библии — Септуагинта.

В конечном счете после Онии II был его сын Симон II, о ком с большим одобрением упоминал Иисус, сын Сираха:

Сирах, 50: 1. *Симон, сын Онии, великий священник, при жизни своей исправил дом и во дни свои укрепил храм...*

Симон II, также называемый Симоном Праведным, был первосвященником примерно с 219-го по 196 г. до н. э. Именно в его время Антиох III Великий отвоевал Иудею у Птолемея. Иудеи не участвовали в этой войне, и Антиох III оставил их в мире.

В 196 г. до н. э. сын Симона Праведного Ония III вступил в должность первосвященника. Он также изображен как благочестивый и святой, преданный консервативным учениям иудаизма. Это тот самый Ония III, который упоминается во Второй книге Маккавеев (3: 1).

Селевк

Возможно, историк преувеличивал счастливое состояние периода, чтобы таким образом создать драматический контраст с последовавшими после него ужасами. Даже сам селевкидский монарх изображен как покровительствующий еврейским общинам:

2 Мак., 3: 3. *...Селевк, царь Азии, давал из своих доходов на все издержки, потребные для жертвенного служения.*

Селевк, который здесь упоминается, — это Селевк IV Филопатор, старший сын Антиоха Великого, который взошел на престол в 187 г. до н. э. Его великодушное отношение к Храму, по-видимому, наиболее странно, так как селевкидская монар-

хия в то время была фактически банкротом. Поражение Антиоха III от Рима, произошедшее буквально несколько лет назад, взгромозило на его плечи непосильный груз контрибуции на землю. Она могла быть оплачена только за счет изымания накопленных богатств у различных храмов. Антиох III погиб во время народного восстания, когда он сделал попытку такого изъятия, и его сын был не в том положении, чтобы платить Храму, когда обстоятельства гораздо более способствовали тому, чтобы вынудить его скорее обкрадывать Храм.

И действительно, книга тут же указывает на то, что это как раз и есть тот случай.

Симон

Как это часто бывает, на нас сваливаются внешние проблемы, потому что их навлекают внутренние:

2 Мак., 3: 4. *Но некто Симон... поставленный попечителем храма, вошел в спор с первосвященником о нарушении законов в городе.*

Во времена после плена первосвященник был и религиозным, и гражданским главой Иудеи, но эта здравая политика приходила к концу во время Онии II. Это происходило тогда, когда Иудея все еще была под властью Египта, а на престоле был сильный царь Птолемей III Евергет.

По некоторым причинам Ония II отказался платить ежегодный налог, наложенный на Храм. Это было неблагоразумно и должно было привести к серьезным проблемам, если бы не принял меры племянник Онии Иосиф. Он убедил Онию II позволять ему идти в Египет, и там он сумел успокоить Птолемея III. Он также сумел снискать себе пост «правителя храма». Другими словами, прерогативы Онии II были впредь ограничены вопросами религии, а его гражданские силы были отданы Иосифу.

Теперь в Иерусалиме были две линии должностных лиц цадокитов — религиозная и гражданская. Ония III принадлежал к религиозной линии, а Симон (сын Иосифа) — к гражданской.

Естественно, когда власти, формально ограниченные одним должностным лицом, становятся разделенными на два, там возникают постоянные ссоры по вопросам юрисдикции. Тот факт, что Ония III и Симон были кузенами, не делал эти ссоры менее ожесточенными.

В таких ссорах тот или иной спорщик вынужден обратиться к некоторой внешней власти. Так поступил Симон. Он сообщил

правителю севелидского округа, что Храм был наполнен богатством, которое припрятывалось от царя.

Селевк IV, который сильно нуждался в деньгах, послал должностное лицо по имени Гелиодор, с тем чтобы тот исследовал этот вопрос.

Попытка Гелиодора проверять Храм описана в книге как сованная сверхъестественными силами. Позже Гелиодор подружился с Онией. Однако, если историю рассматривать цинично, можно предположить, что Ония подкупил Гелиодора, чтобы тот «отложил» решение вопроса, и что Гелиодор воспринял идею получения власти самому для себя, возможно, с финансовой помощью Иерусалимского храма.

В 175 г. до н. э. Гелиодор убил Селевка IV. Затем он сделал нечто вроде попытки сделать себя царем, но из римского плена вернулся младший брат Селевка Антиох и захватил престол как Антиох IV Епифан.

Ясон, брат Онии

Если бы Антиох IV узнал (или заподозрил) о какой-либо интриге между первосвященником и убийцей его брата, он естественно возымел бы по отношению к первому чувства резкой неприязни. Что касается Онии III, то, опасаясь возмездия, он был вынужден размышлять о помощи Египту, стране, с которой Антиох IV намеревался идти воевать.

Антиох IV едва ли мог собрать поход против Египта, оставив в тылу врага типа Онии III, который мог возбудить еврейский бунт, что перечеркнет любые возможные египетские победы.

Кроме того, конкуренция в семье первосвященника проложила путь к посягательству на еврейские прерогативы. У Онии был брат Иисус, который жаждал должности первосвященника. Иисус был скорее эллинизатором, чем консерватором, и показал это, взяв себе греческое имя Ясон.

2 Мак., 4: 7—9. ...когда... получил царство Антиох... тогда домогался священноначалия Иасон, брат Онии, обещав царю... триста шестьдесят талантов серебра и с некоторых доходов восемьдесят талантов. Сверх того обещал и еще подписать сто пятьдесят талантов, если предоставлено ему будет властью его устроить училище для телесного упражнения...

Желание стать первосвященником было не только вопросом чести и престижа. Всякий, кто был первосвященником, управ-

лял доходами Храма, которые были значительны, и поэтому был бы (если он не был кристально честным) на пути к богатству. Ясон, очевидно, планировал обогатиться благодаря незаконным доходам, особенно с тех пор, как он начал ловко содержать то, что мы сегодня назовем «гимнастический зал внаем». Аристократическая молодежь Иудеи, рвавшаяся поучаствовать в греческом образе жизни, платила бы за эту привилегию, и добрая часть этих денег задерживалась бы в руках Ясона.

Для осуществления всех этих планов Ясон стремился разделить часть незаконных доходов с Антиохом IV, поскольку он нуждался в слове царя, сделавшем его первосвященником. Поскольку Антиох IV ужасно нуждался в деньгах для планируемой им египетской войны, договоренность с Ясоном была достигнута. Теперь Антиох мог выступать в поход на Египет.

Менелай

Когда пришло время перевести взнос обещанной платы Антиоху IV, Ясон отправил посланника:

2 Мак., 4: 23. ...Иасон послал Менелая, брата вышеозначенного Симона, чтобы он доставил царю деньги...

Это был тот случай, когда все вокруг были сплошные братья. Несколько лет назад Симон жаждал поста, занимаемого Онией III, и поэтому интриговал с Селевком IV, теперь брат Симона жаждал поста, занимаемого Ясоном, братом Онии III, и интриговал с Антиохом IV, братом Селевка IV.

Брат Симона был назван Онией, но он взял себе греческое имя Менелай, и, как только Ясон оказался столь неосторожен, что дал ему право на вхождение к Антиоху, Менелай тут же ухватил этот шанс. Он предложил Антиоху триста талантов, то есть больше, чем согласен был платить Ясон. Это было именно то, что было нужно Антиоху IV. Он готов был продать первосвященство лицу, предлагавшему наивысшую цену. Ясон был вынужден бежать через Иордан, а Менелай стал первосвященником.

Дафна

Тем временем Ония III, который рассматривался всеми консервативными иудеями как единственный законный первосвященник, жил в полузаключении в Антиохии. Когда новости об

открытом воровстве Менелая достигли Онии (Менелай, как ему сообщали, использовал некоторые золотые сосуды Храма как взятки селевкидским должностным лицам), старый первосвященник осудил узурпатора:

2 Мак., 4: 33. ...*Ония изблещил его [Менелая] и удалился в безопасное место — Дафну, лежащую при Антиохии.*

Дафна была пригородом Антиохии, примерно на расстоянии пяти миль от нее, и, несомненно, Ония использовал греческий храм, откуда в глазах греков было бы кощунственным изгнать его.

Однако Менелай убедил селевкидского начальника округа (возможно, с помощью взяток) заставить Онию покинуть святилище, поклявшись в его безопасности. Как только Ония оказался за пределами Храма, его тут же убили. Это случилось в 170 г. до н. э.

Это убийство сразу стало причиной *cause celebre*. Иудеи были на грани бунта из-за убийства последнего законного первосвященника. Даже множество греков устрасило кощунство, совершенное против их собственного храма. Антиох IV, вернувшийся из похода, в котором он подавлял бунт в части своих владений в Малой Азии, был вынужден успокоить народные массы, казнив служителя, совершившего злодеяние.

Ученые совершенно уверены в том, что это именно Онию III упоминает автор Книги пророка Даниила в отрывке о Мессии, или «помазаннике», то есть первосвященнике:

Дан., 9: 26. *И по истечении шестидесяти двух седмиц предан будет смерти Христос...*

После этого Антиох IV совершил второй набег на Египет, достигнув полного успеха, но был изгнан оттуда римским ультиматумом. Тогда он обратился против Иерусалима, который был ареной беспорядков между фракциями Ясона и Менелая, взял город, разграбил Храм и убил множество тех иудеев, которые сопротивлялись ему, все это с помощью и поддержкой служителя Менелая.

Элеазар

Затем Храм был осквернен и повторно посвящен Зевсу, а иудаизм был запрещен законом. Автор Второй книги Маккавеев сообщает недостающие в Первой книге Маккавеев подробности

мученической смерти консервативных иудеев, которые даже под пыткой не отказались от своих религиозных обрядов.

Поскольку такие истории не рассказываются в более надежной Первой книге Маккавеев, то можно было бы задаться вопросом, а не являются ли они просто ужасными историями, сочиненными уже постфактум. В любом случае истории, будь они строго истинными или пропагандистскими вымыслами, рассказаны с ужасными подробностями как поучительные примеры преданности до смерти, они создали прецедент для множества более поздних подобных историй о первомучениках в иудео-христианской традиции, сформировавших большую часть раннехристианской литературы. Примером является история о Элеазаре:

2 Мак., 6: 18—20. Был некто Элеазар, из первых книжников, муж уже достигший старости... его принуждали... есть свиное мясо. Предпочитая славную смерть опозоренной жизни, он добровольно пошел на мучение, и плевал, как надлежало решившимся устоять против того...

Описывается, как Элеазар умирает на дыбе, несмотря даже на то, что были сделаны все попытки убедить его пойти на номинальные уступки язычеству. Еще более ужасен рассказ о пытках и смерти женщины и ее семи сыновей.

Алким

После этого повествование переходит на восстание иудеев под руководством Иуды Маккавея. Повторяется та же история, рассказанная в Первой книге Маккавеев, тем не менее, обычно считают, что она менее надежна.

Гибель злодеев в этой части дается в многочисленных (но неправдоподобных) подробностях. Так, описано, как Антиох IV умирает в медленных муках от какой-то неприятной болезни и как он пытается искупить свое зло, даже клянется стать иудеем.

Менелай был казнен самими Селевкидами во время царствования Антиоха V Евпатора. Его труп оставили гнить непогребенным (в высшей степени ужасная судьба в глазах иудеев того времени).

Когда Димитрий I Сотер стал царем, к нему приблизился еще один представитель линии цадокистов:

2 Мак., 14: 3—4. Алким же некто, бывший прежде первосвященником, но добровольно осквернившийся в смутные времена... в сто пятьдесят первом году [161 г. до н. э.] пришел к царю Димитрию...

Алким был принят Димитрием как первосвященник и возглавил вторжение в Иудею, в ходе одного из которых произошло сражение, и Иуда Маккавей был убит.

Некоторое время Алким правил Иерусалимом как марионетка Селевкидов. Во Второй книге Маккавеев, которая заканчивается последней победой Иуды над Никанором, не рассказывается о конце Алкима. Однако он описан в Первой книге Маккавеев:

1 Мак., 9: 54—56. В сто пятьдесят третьем году [159 г. до н. э.]... Алким велел разорить стену внутреннего двора храма... Но в то самое время Алким поражен был ударом... И умер Алким в то же время в тяжких мучениях.

Это был конец цадокитов, так как Алким был последним. Через семь лет Ионафан, брат Иуды Маккавея, стал первосвященником и начал новую линию, нецадокитскую по происхождению.

Третья книга Маккавеев

Существуют и другие книги, имеющие дело с общим маккавейским периодом, которые никогда не считались каноническими какой-либо значительной конфессией, и поэтому они не включены даже в апокрифы.

Наиболее известная из них, Третья книга Маккавеев, является вымышленной работой, написанной, возможно, каким-нибудь александрийским иудеем к концу I в. до н. э. или даже позже, когда римское правление становилось все более и более репрессивным.

Так же как Книга Есфирь была написана во времена Селевкидов для того, чтобы поднять дух иудеев того периода рассказами об чудесном спасении от предыдущего угнетателя, так и Третья книга Маккавеев была написана в римское время для той же цели с использованием того же литературного приема.

Время событий, о которых рассказано в этой книге, фактически выпадает на поколение, жившее до маккавейского восстания, а сами Маккавеи не играют в них никакой роли.

Книга начинается с последних десятилетий птолемейской власти над Иудеей. Птолемей IV Филометер Египетский и Антиох III, царь Селевкидской империи, пребывают в войне. В конечном счете Антиох должен оказаться победителем, но книга начинается с того этапа, когда Птолемей только что одержал

победу в южной Иудее (в Рафии, вблизи сектора Газы), то есть в 217 г. до н. э.

Опьяненный победой, Птолемей входит в Иерусалим и обдумывает желание войти в святилище Храма, куда мог входить только первосвященник. (В более поздние годы в святилище вошел римский военачальник Помпей, и этот инцидент мог каким-то образом инспирировать эту историю.) Птолемею IV, в отличие от Помпея, мешает сопротивление первосвященника и народа и, согласно истории, также и божественное вмешательство.

Птолемей IV решает отомстить убийством всех александрийских иудеев. Он планирует закрыть их в ипподроме и растоптать их с помощью пятисот слонов, которых предварительно доведут до бешенства вином. За три последовавших дня этот план был сорван божественным вмешательством, и в конечном счете ангелы развернули слонов обратно на египетское войско.

Птолемей IV тут же отказывается от преследования иудеев и начинает оказывать им поддержку (как Авашверош в Книге Есфирь), и все заканчивается счастьем и триумфом.

Что касается Четвертой книги Маккавеев, написанной примерно в то же время, что и Третья книга Маккавеев, то по существу она является проповедью ценности мученической смерти. Мученик искупает грехи других и достигает вечного блаженства на небе. Автор использует в качестве примеров случаи Элеазара и женщины и ее семи сыновей, которые были описаны во Второй книге Маккавеев.

Наконец, Пятая книга Маккавеев — это реальная история маккавейского периода с начала и до конца. Однако ее первая часть основана на Первой и Второй книгах Маккавеев, и остаток основан на трудах Иосифа, так что это ничего не добавляет к тому, что известно из остальных источников.

5. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ

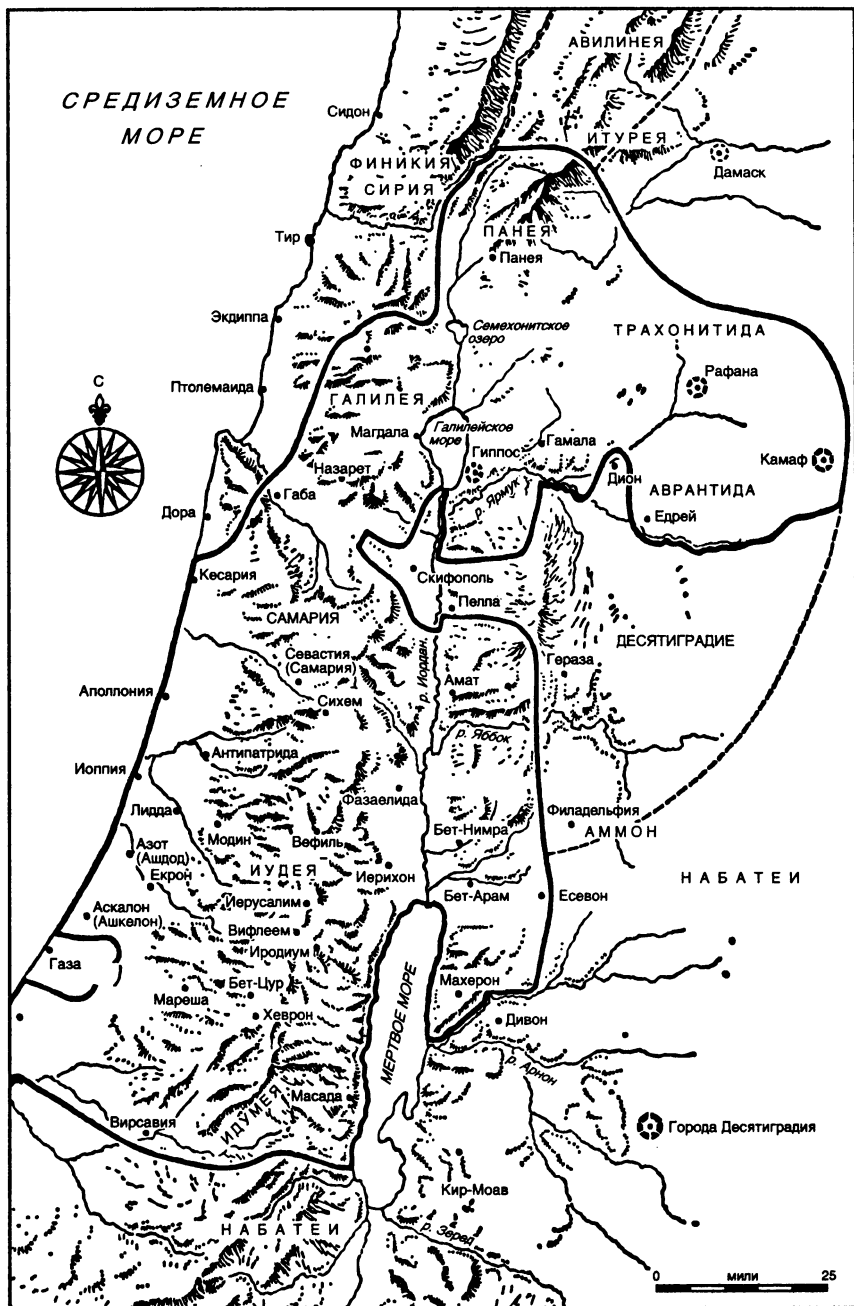
Новый Завет • Евангелие от Матфея • Матфей • Иисус Христос • Давид • Рахава • Жена Урии • Зоровавель • Святой Дух • Мария • Ирод • Волхвы с Востока • Царь Иудейский • Звезда • Вифлеем • Младенцы в Вифлееме • Египет • Архелай • Назарет • Иоанн Креститель • Илия • Фарисеи и саддукеи • Сын • Сатана • Иродиада • Завулон и Неффалим • Сын плотника • Братья Иисуса • Капернаум • Симон • Иаков • Десятиградие • Закон • Мытари • Отче наш • Маммона • Собаки • Сотник • Сын Человеческий • Гергесинская страна • Двенадцать апостолов • Симон Кананит • Иуда Искарот • Самаритяне • Ученики Иоанна • Фарисеи • День субботний • Мать и братья Иисуса • Притчи • Дочь Иродиады • Вифсаида • Кесария Филиппова • Петр • Моисей и Илия • Иаков и Иоанн • Елеонская гора • Храм • Осанна • Сын Давида • Иродиане • Захария, сын Варахии • Мерзость запустения • Талант • Каиафа • Иуда Искарот • Гефсимания • Поцелуй Иуды • Христос • Петр • Понтий Пилат • Земля горшечника • Варава • Пилат и жена Пилата • Распятие на кресте • Кириная • Голгофа • Уксус и желчь • Или, Или! • Иосиф из Аримафеи • Последний день недели • Мария Магдалина

Новый Завет

В первой части были рассмотрены тридцать девять книг библейского канона иудеев. Центральной темой Библии, с иудейской точки зрения, является договор, или завет, заключенный между Богом и еврейским народом. Первое упоминание об этом завете — обещание Бога дать Ханаан потомкам Авраама.

Быт., 15: 18. В этот день заключил Господь завет с Авраамом, сказав: потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата...

Это обещание несколько раз повторяется в Бытии, и очевидно, что было некоторое возвращение, возвращение Авраама и его потомков. Это возвращение, согласно библейской традиции,

Владения Ирода Великого

осуществилось благодаря принятию израильянами Закона, объявленного на горе Синай и включенного в первые пять книг Библии. Поэтому Завет снова специально упоминается, когда израильяне были на горе Синай.

Исх., 34: 27. И сказал Господь Моисею: напиши себе слова сии, ибо в сих словах Я заключаю завет с тобою и с Израилем.

После того как израильяне вошли и заняли «Землю обетованную», завет продолжал сохраняться. Израильяне должны были остаться с особой ответственностью от Бога, богоизбранный народ, и их пребывание в земле должно было продолжаться в мире и безопасности до тех пор, пока они твердо соблюдали Закон, следовательно, согласно договоренности. Когда Израиль отпадал от Закона, люди получали наказание, причитающееся тем, кто нарушал священный завет. Затем, когда люди каялись и возвращались к Закону, они всегда получали прощение. Этот цикл отступничества и наказаний, покаяния и прощения является постоянной темой Книги Судей.

Во всем библейском повествовании о последовавших после периода судей столетиях израильяне много раз нарушали завет. Действительно, до окончательного возвращения из вавилонского плена, по-видимому, лишь немногие твердо соблюдали завет, часто оказываясь преследуемым меньшинством.

Так, некоторые из пророков, живших до плена, воспринимали Бога как все более устававшего от завета, который, казалось, никогда не соблюдается. Пророк Осия называет своего третьего сына Лоамми («не Мой народ»), утверждая, что это было в намерении Бога:

Ос., 1: 9. И сказал Он: «Нареки ему имя Лоамми, потому что вы не Мой народ, и Я не буду вашим Богом».

Кроме того, в эсхатологических видениях, зафиксированных в Книге Иеремии, пророк видит тот великий день, когда Бог создаст новое начало, если так можно выразиться, со своим народом; покончит с прошлым и начнет все сначала:

Иер., 31: 31. «Вот наступают дни, — говорит Господь, — когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет...»

Последователи Иисуса рано начали верить, что в учении Иисуса должен был быть обнаружен именно этот новый завет; новый договор между Богом и человеком, заменяющий старый

завет с Израилем, который относился к Синаю и даже к Аврааму.

Так, в Послании к евреям (традиционно приписываемом апостолу Павлу) это утверждается особо:

Евр., 8: 6. ...*Он [Иисус] ходатай завета, который утвержден на лучших обетованиях.*

Затем автор продолжает цитировать из Книги пророка Иеремии, чтобы показать, что появление такого нового и лучшего завета уже было предсказано.

Слово «завет» используется в Библии как синоним «договора». Так, упоминается, что сам Иисус перед судом и осуждением ссылается на новый завет, о котором должна свидетельствовать его смерть:

Мф., 26: 27—28. *И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: «Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета...»*

(Прилагательного «новый» не было в древнейших версиях, но, по-видимому, оно было добавлено позже, чтобы подчеркнуть новый оборот, который принял замысел вещей с пришествием Иисуса. В Исправленном стандартном переводе сохраняется более старое слово для обозначения завета (не «testament», а «covenant») и опускается прилагательное, и тогда этот отрывок звучит так: «Ибо это есть Кровь Моя *завета*». С этим прочтением согласуется и Иерусалимская Библия.)

Поэтому еврейское Священное Писание, связанное с Ветхим Заветом, может упоминаться как «Ветхий Завет». Книги, написанные об Иисусе и его первых учениках, названы «Новым Заветом».

Христианские версии Библии включают в себя и Ветхий, и Новый Заветы. Христиане считают их одинаково боговдохновенными, но при этом Новый Завет представляет выполнение и решающее завершение Ветхого. С другой стороны, иудеи твердо придерживаются только первоначального завета, и для них Ветхий Завет — это вся Библия.

Евангелие от Матфея

Новый Завет начинается четырьмя различными биографиями Иисуса, написанными, согласно традиции, Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном и расположенными в приведенном порядке.

Каждая из этих биографий называется Евангелием, а второе конкретно так и называется:

Мк., 1: 1. *Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия...*

Английское слово «gospel» («евангелие») происходит от англосаксонского «god spell» («бог произносит»), что означает «благая весть». Другими словами, этот термин относится не столько к биографии Иисуса, сколько к высшему смыслу его жизни. История Иисуса — это история пришествия Мессии, заключение нового завета между Богом и человеком, получение спасения, и это, несомненно, должно считаться благой вестью.

Греческая форма этого слова — «evangelos» («благая весть»), и поэтому четыре биографа Иисуса названы «четырьмя евангелистами».

Каждому из евангелистов дан титул «Святой». В Ветхом Завете этот термин используется в Книге пророка Даниила для того, чтобы представлять тех иудеев, которые верны Закону, несмотря на давление селевкидского преследования.

Дан., 7: 21. *...этот рог [Антиох IV] вел брань со святыми и превозмогал их...*

Среди христиан это слово частично означает благочестивых и праведных людей, которые хранят себя от всякой развращенности, преданы учению Иисуса и являются объектом особой любви Бога.

Первые три Евангелия — Евангелия Матфея, Марка и Луки — очень похожи (хотя они ни в коем случае не тождественны). Поэтому они названы «синоптическими Евангелиями». Слово «синоптический» происходит от греческого термина, означающего «одним взглядом». Другими словами, эти три Евангелия можно поместить бок о бок и рассматривать одновременно одним взглядом, не опасаясь потерять фокусировку.

Евангелие от Матфея является первым из Евангелий в Новом Завете, потому что, согласно ранней традиции, оно было написано первым. Однако теперь это почти все подвергают сомнению. Обычно честь первенства отдается Евангелию от Марка, которое в Библии является вторым по порядку Евангелием.

Евангелие от Матфея включает в себя почти все Евангелие от Марка и, кроме того, включает материал, который, как некоторые считают, принадлежит еще более раннему собранию речений Иисуса. Это собрание теперь утеряно, и его существование

может быть выведено только косвенно. Обычно его называют Евангелие Q, так как немецкое слово «Quelle» означает «источник».

Существует определенная возможность того, что Евангелие от Матфея первоначально было написано на арамейском. По крайней мере, христианский автор II в. Папий цитируется несколько более поздним автором как упоминающий о Матфее, пишущем свою работу «на еврейском языке». Можно предположить, что подразумевался арамейский язык, так как это было распространенное наречие в Иудее во времена Нового Завета. Нет никакой уверенности в том, что, ссылаясь на Евангелие от Матфея, Папий имел в виду именно того человека, которого мы теперь называем именем Матфея.

В любом случае, если Евангелие от Матфея первоначально было написано на арамейском, то оно было вскоре переведено на греческий, а арамейский оригинал (если он существовал вообще) был утерян. В Иерусалимской Библии есть размышления о том, что арамейская версия Евангелия от Матфея в действительности была самым ранним из Евангелий (может быть, это было Евангелие Q?) и была тем источником, который использовал Марк. Затем Евангелие от Матфея было переведено на греческий (существующая ныне версия), а Евангелие от Марка использовалось как дополнительный источник.

Конечно, Евангелие от Матфея — это единственная книга Нового Завета, которая, возможно, была сначала написана на арамейском. Кажется совершенно несомненным то, что все остальные книги Нового Завета были сначала написаны на греческом.

Немного можно сказать о времени, когда было написано Евангелие от Матфея. На основании ссылок на разрушение Храма, которые обнаружены в различных местах Евангелия, часто предполагается, что книга достигла своей настоящей формы вскоре после рокового 70 г.

Матфей

Но кто такой был Матфей? Имя связано с первым Евангелием по традиции, которая, по-видимому, восходит к ранее упомянутой ссылке Папия на Евангелие, написанное Матфеем.

Матфей — это церковно-славянская форма греческого имени Mattathias или еврейского Mattathiah, «Маттафия» («дар Бога»). Это имя стало распространенным во времена Нового Завета частично из-за великой гордости иудеев за достижения маккавей-

ского периода. Конечно, ведь Маттафия — это было имя отца Иуды Маккавея и героического инициатора восстания против Селевкидов.

Матфей — это также имя одного из учеников, избранных, согласно этому Евангелию, Иисусом.

Мф., 9: 9. ...Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: Следуй за Мною. И он [Матфей] встал и последовал за Ним.

Христианская традиция указывает на этого конкретного Матфея как на автора данного Евангелия, но нет никаких доказательств, кроме этой самой традиции.

Беспокоит то, что в этом Евангелии не содержится ясного утверждения насчет авторства в современном смысле, но есть несколько возможных причин в пользу анонимности. Священные книги в еврейской традиции редко содержат какое-либо замечание о настоящем авторстве, но обычно они приписывались немногим достойным древним людям. На самом деле, можно было бы учесть ту самую настоящую силу чувства, благодаря которому истинная священная книга становится боговдохновенной, а мирской автор действовал лишь как глашатай и не имел в этом никакой личной заслуги.

На более мирском уровне время написания Евангелия было для христиан трудным временем. Была очевидна враждебность к ним иудеев, а также враждебность римлян. Еще не так давно было жестокое преследование со стороны императора Нерона, а после иудейского восстания оставшиеся в живых были, разумеется, обижены на христиан за отказ присоединиться к восстанию. В таком случае весьма вероятным было то, что автор Евангелия предпочел остаться анонимным из соображений личной безопасности.

Иисус Христос

Представление о пришествии Мессии, должно быть, трудно продвигалось в маккавейскую эпоху. Иуда Маккавей проявлял такой героизм, который легко можно было бы приравнять к видению Мессии как царя-победителя. И когда он умер, то это видение легко могло передаваться первым его немногим преемникам, поскольку при них еврейское государство быстро возвратилось к периоду такой славы, которой оно не знало со времен Соломона.

Конечно, если даже такой сравнительно слабый человек, как Зоровавель, мог приветствоваться Аггеем как Мессия, то тем более таким мог показаться один из героев Маккавеев.

Но в пророческих книгах Ветхого Завета многократно подчеркивалось, что Мессия должен быть потомком из рода Давида. Зоровавель действительно был таким потомком, а Маккавеи не были, и поэтому с точки зрения благочестивых иудеев среди Маккавеев не могло быть Мессии, независимо от того, какие еще аргументы были бы в пользу этого.

Поэтому во времена Маккавеев Мессия все еще принадлежал будущему. Пока Маккавейское царство было преуспевающим, мессианские настроения могли быть приглушенными, но, когда это царство пало и Иудея перешла под господство Рима, эти настроения снова стали острыми. Матфей начинает свою Благоую весть, или Евангелие, с объявления о пришествии Мессии:

Мф., 1: 1. *Родословие Иисуса Христа...*

Еврейское слово «Мессия» означает «помазанник». Греческое слово «*khristos*» означает масло, используемое для помазания (к слову «*khristos*» восходит наше слово «крем»). Мессия, по отношению к которому применяется такое масло, на греческом был бы «*Khristos*», на латыни — «*Christus*», на русском — «Христос». Так как Иисус — это греческая форма еврейского имени Иешуа, то первый стих Матфея эквивалентен фразе «Книга Иешуа Мессии...».

Давид

Кому-нибудь столь же погруженному в еврейскую традицию, как Матфей, очевидно, что, если нужно рассказать историю Мессии, первым делом надо доказать, что он является Мессией. И чтобы сделать это, нужно прежде всего доказать, что Мессия — представитель рода Давида. Поэтому Матфей начинает с родословия.

Мф., 1: 1. *Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова.*

Родословие начинается с Авраама, который никоим образом не является первым человеком, но он тот, с кем Бог впервые заключил завет, касающийся еврейского народа, который должен

был произойти от него. При еврейском истолковании истории как рассказа о завете между человеком и Богом, завете, который будет исполнен Мессией, было бы естественно начать с Авраама, и Матфей с его глубоко укорененным еврейским представлением поступает именно так.

Представляя это родословие, Матфей следует весьма искусственной схеме:

Мф., 1: 17. Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

Почему Матфей посчитал необходимым устанавливать такую симметрию — неясно. Возможно, он считал, что, указывая на великие события, которые происходили с двумя кругами из четырнадцати поколений, он сделает вполне понятным, что Мессия следует ожидать после третьего круга из четырнадцати поколений.

Или, может быть, существует нумерологическое значение, теперь утерянное, или тот Матфей пытался создать некоторый прием акростиха, который больше не может быть продолжен. В любом случае, чтобы получить свои круги по четырнадцать поколений, Матфей вынужден был исказить родословие, и это едва ли может рассматриваться как усиление правдоподобия какого-либо аргумента, который он мог иметь в виду.

Рахава

Первый круг из четырнадцати поколений: (1) Авраам, (2) Исаак, (3) Иаков, (4) Иуда, (5) Фарес, (6) Есром, (7) Арам, (8) Аминадав, (9) Наассон, (10) Салмон, (11) Вооз, (12) Овид, (13) Иессей и (14) Давид.

Имена до Фареса приводятся в Бытии, а остальные — в Книге Руфь.

В список включены три женщины, и довольно странно, каждая из этих трех так или иначе смешанных кровей. Первая появляется следующим образом:

Мф., 1: 3. Иуда родил Фареса и Зару от Фамари...

Зара упоминается потому, что он был братом-близнецом Фареса и оба родились одновременно. Однако именно через Фаре-

са Давид и, следовательно, Иисус отслеживал их происхождение. Фамарь родила их от Иуды своего рода обманом, который был оправдан согласно патриаршьей традиции, но в этом деле она играла роль блудницы:

Быт., 38: 15. *И увидел ее Иуда и почел ее за блудницу, потому что она закрыла лице свое.*

Вскоре после этого упоминаются и другие две женщины:

Мф., 1: 5. *Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи...*

Руфь была, конечно, моавитянкой, нечто такое, что смутило бы строгого иудея во времена Нового Завета, даже если она была предком Давида.

Однако самым любопытным является случай с Рахавой. Рассказ о Фамарь и Руфь в некоторых деталях приводится в Ветхом Завете, но совершенно ничего не упоминается, по крайней мере в канонических книгах, о каком-либо браке между Салмоном и Рахавой.

Салмон упоминается в конце Книги Руфь как представитель родовой линии от Фареса до Давида, в отрывке, который Матфей использует как ссылку. Однако в Книге Руфь ни о какой жене Салмона не упоминается. В Первой книге Паралипоменон в генеалогических списках упоминается человек с именем, похожим на Салмон:

1 Пар., 2: 51. *Салма, отец Вифлеема...*

Если этот Салма — это тот же человек, что и Салмон, который был прапрадедом Давида, то стих мог бы означать, что Салмон был первым из рода, кто поселился в Вифлееме. Возможно, он даже привел военный контингент, который взял у ханаанцев. Но здесь также не упоминается ни о какой жене.

Кем же в таком случае является Рахава? В Ветхом Завете есть Раав, и это та женщина, которая защитила шпионов Иисуса, когда он с войском вступил в Иерихон. Согласно библейскому утверждению, она была блудницей.

Иисус, 2: 1. *И послал Иисус... двух соглядатаев тайно и сказал: пойдите, осмотрите землю и Иерихон. [Два юноши] пошли и пришли [в Иерихон и вошли] в дом блудницы, которой имя Раав, и остались ночевать там.*

Может ли это быть та Рахава, которая упоминается как жена Салмона? Хронологически это возможно. Если Давид родился в 1050 г. до н. э., как самый молодой сын Иессея, который, следовательно, мог сам родиться примерно в 1100 г. до н. э., то вполне возможно, что дедушкой Иессея мог бы быть какой-нибудь воин, живший между 1200-м и 1170 гг. до н. э., когда могло происходить завоевание Иисуса.

Весьма вероятно, в более поздней еврейской традиции Рахава рассматривалась как обращенная в иудаизм после падения Иерихона и как заслужившая награду за спасение шпионов. Если она была обращенной, подобно Руфь, то она вполне могла заслуживать того, чтобы быть частью родословной Давида, как и Руфь.

Конечно, удивительно, сколько значения придается термину «блудница». Очевидно, она могла быть священнослужительницей ханаанской богини и, кроме того, возможно, участвовала в обрядах плодородия. Это делало бы ее блудницей в пуританских глазах еврейских яхвистов, но, конечно, не обычной блудницей в современном смысле.

Возможно, Матфей упомянул о них потому, что все они участвовали в захватывающем событии, на которое обращается внимание в Ветхом Завете и которое, возможно, было популярным среди его еврейских читателей, а потому обросло легендами. По этой причине Матфей, возможно, стал жертвой искушения педантизмом и показал свои познания и интерес к Священному Писанию. С другой стороны, можно также рассудить и так, что, если моавитяне и блудницы находятся в родословной Иисуса, это могло означать, что Иисус произошел от людей всякого рода и поэтому пришел, чтобы пострадать за всех людей, как грешников, так и святых, как иноверцев, так и иудеев.

Жена Урии

Список четырнадцати имен после Давида и до вавилонского плена: (1) Соломон, (2) Ровоам, (3) Авия, (4) Аса, (5) Иосафат, (6) Иорам, (7) Озия [или Азария], (8) Иоафам, (9) Ахаз, (10) Езекия, (11) Манассия, (12) Амон, (13) Иосия и (14) Иоаким. В этой группе упоминается четвертая женщина:

Мф., 1: 6. ...*Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею...*

Это, конечно, была Вирсавия, с кем Давид прелюбодействовал. Снова упоминается женщина, которая стала участницей драматической истории, связанной с искушением.

Матфей перечисляет здесь четырнадцать царей, которые правили после Давида, но, доходя до того, что для него является магическим числом 14, он пропускает несколько царей. Так, он заявляет:

Мф., 1: 8. ...*Иорам родил Озию...*

Но Иорам умер в 844 г. до н. э., и Озия начал править в 780 г. до н. э., разрыв составил шестьдесят четыре года. Этот разрыв содержит в себе трех царей Иудеи, а также царицу-узурпаторшу. За Иорамом следовал его сын Ахаз (после междуцарствия, в котором правила царица Аталия), после которого был его сын Амазия. После на трон взошел Озия как сын Амазии.

Ахаз, первый из пропущенных царей, был сыном Аталии и, следовательно, внуком Ахава из Израиля и его жены Иезавели. Наверное, можно было бы заподозрить, что Ахаз и его непосредственные потомки были пропущены, чтобы избежать упоминания об этом факте. Однако, независимо от упоминания, из родословия Матфея должно следовать то, что грешные царицы Иезавель и Аталия должны быть включены в список предков Иисуса. Также в линии преемственности пропущен четвертый царь:

Мф., 1: 11. ...*Иосия родил Иоакима...*

Но Иосия был отцом того Иоакима, который, в свою очередь, был отцом Иоакима.

Зоровавель

Заключительная часть родословия Матфея включает в себя потомков Иоакима после плена. Первые два поколения следуют генеалогии, приведенной в Первой книге Паралипоменон.

Мф., 1: 12. *По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафилю; Салафиль родил Зоровавеля...*

После Зоровавеля приводится список имен, которые не обнаруживаются где-либо еще в Библии и которые, если это верно, как мы должны допустить, взяты из тех генеалогических списков, которые нам больше не доступны. Это: (3) Авиуд, (4) Елиаким, (5) Азор, (6) Садок, (7) Ахим, (8) Елиуд, (9) Елеазар, (10) Матфан, (11) Иаков и (12) Иосиф. Достигнут кульминационный момент родословия:

Мф., 1: 16. *Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос.*

В этой третьей группе только тринадцать имен, несмотря на утверждение Матфея, что их четырнадцать. Поскольку совершенно несомненно, Матфей умел считать, мы можем только предположить, что где-нибудь в ранних копиях этого списка в третьей группе имя было пропущено и утеряно навсегда.

Делались попытки повернуть вопрос таким образом, чтобы в итоге в имеющемся у нас списке было достигнуто магическое число четырнадцать. Некоторые считали в этом списке Иоакима, несмотря на тот факт, что он уже учитывался в середине третьего круга. Другие пытались считать Марию как отдельное поколение, поскольку она упоминается, но в этом случае нужно также учитывать Фамарь, Рахаву, Руфь и Вирсавию.

Нет, пожалуй, лучшее, что можно сделать, это утверждать, что, если исходить из буквального смысла документа, существовало четырнадцать поколений от Авраама до Давида, восемнадцать — от Давида до плена и тринадцать — от плена до Иисуса. К счастью, небольшая игра Матфея с числами в действительности не имеет значения, и ей не стоит уделять много внимания, разве только как интересной причуде в системе мысли Матфея.

Святой Дух

В Мф., 1: 16 Матфей явно избегает заключать список выводом о том, что Иосиф породил Иисуса. Довольно осторожно он идентифицирует Иосифа просто как мужа Марии, «от Которой родился Иисус».

Это открывает путь к описанию Матфеем рождения Иисуса от девственницы:

Мф., 1: 18. *Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго.*

Слово «ghost»¹ имеет англосаксонское происхождение и означает «дух» или «душу». Призрак, дух или душа — независимо от того, что именно здесь подразумевается, — представляет собой нечто неосязаемое, что можно рассматривать как жизненную сущность, помимо материального тела. Это может быть жизненная сущность

¹ Слово, используемое в английской Библии. (Примеч. пер.)

в теле (душа человека) или жизненная сущность при отсутствии тела вообще (сверхъестественное существо).

Обычно примитивные народы считают, что вселенная населена несметным множеством духов всех видов: духов, способных вмешиваться в человеческую деятельность и, в некоторых случаях, способных завладеть человеческим телом, успешно конкурируя с его собственным духом.

У монотеистических иудеев также были свои популярные рассказы о злых духах, способных завладеть человеческим телом (как в Книге Товита). Даже в своих наиболее возвышенных сюжетах иудаизм говорит об ангелах, хотя и рассматриваемых всегда в качестве посланников Божьих, которые неспособны к независимым действиям. (Случай Сатаны и его восстания против Бога — это довольно поздняя разработка еврейской мысли, принятая только под влиянием персидского дуализма.)

Ангелов можно рассматривать как просто некое продолжение Бога, как представление духа Божьего, проявляющегося на земле для руководства человеческим поведением.

Считалось, что всякий раз, когда человек совершал решающий поступок и проявлял необыкновенные способности к руководству, это было не столько действие его собственного слабого духа, но Духа Божьего, который вселялся в него и вел его. Таким образом:

Суд., 3: 10. На нем был Дух Господень, и был он судьей Израиля. Он вышел на войну...

Или:

Суд., 6: 34. И Дух Господень объял Гедеона; он вострубил трубою...

Также когда Самсон описан как совершающий подвиг нечеловеческой силы:

Суд., 14: 6. И сошел на него Дух Господень, и он растерзал льва как козленка...

Дух Божий (Spirit of God) может также называться Духом Святым (Holy Spirit) во избежание употребления слова «Бог» (иудеи периода Нового Завета всячески избегали при возможности употребления слова «Бог», в частности и Матфей). В версии короля Якова Дух Божий называется Святым Духом (Holy Ghost), что является синонимом. Однако популярное словопотребление «духа» как обозначающего духа умершего снижает

величие этого слова, что «Holy Ghost» («Святой Дух») кажется странным для современного слуха, и предпочтительнее использовать словосочетание «Holy Spirit» («Святой Дух»). В Исправленном стандартном переводе повсюду используется «Holy Spirit».

Таким образом, сказать, что Мария «имеет во чреве от Духа Святаго», это значит сказать, что ее беременность была прямым следствием воздействия божественного влияния и это не имело никакого отношения к обычному способу достижения беременности.

Мария

Иосиф, обнаружив, что его суженая беременна, предположил, что она вела себя ненадлежащим образом, и подумал, что он не может согласиться на брак. Против этого колебания его предостерегает ангел:

Мф., 1: 20. ...Ангел Господень явился ему во сне и сказал: «Иосиф, сын Давидов! Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго...»

Имя матери Иисуса на еврейском языке звучит Мириам (имя сестры Моисея). В арамейском это имя стало Мариамна, а в римские времена путем опускания конечной буквы оно легко изменилось на имя Мария, что является женской версией благозвучного римского имени Марий. Мария до сих пор является той версией этого имени, которая употребляется в большинстве европейских языков.

Из-за подчеркивания здесь того факта, что ее беременность была результатом действия Духа Святого, а не человека, христиане считают ее девой, хотя и беременной, и поэтому обычно называют ее «Девой Марией» или просто «Девой».

По-видимому, Матфей подчеркивал непорочное зачатие для того, чтобы отрицать свое более раннее подчеркивание Давидового родословия Иисуса. Он показывает, что Иосиф, муж Марии, был потомком Давида, но затем показывает, что этот же Иосиф не был отцом Иисуса.

Можно было бы объяснить это тем, что Иосиф считался людьми его времени отцом Иисуса, поэтому с точки зрения обычного хода человеческой истории Иисус имел происхождение от Давида, таким образом отвечая условию мессианства. Затем линия аргументации может продолжиться так, что Иисус пришел с тем,

чтобы быть признанным в качестве Сына Божьего, а это было настолько выше условия мессианства, что происхождение от Давида могло быть отклонено как мирская деталь чисто мирского значения.

Другим объяснением является предположение, что, в то время как Матфей приводит родословие Иосифа, сама Мария также имеет происхождение от Давида, и Иисус также произошел от Давида как от своей несомненной матери, так и от его просто предполагаемого отца. Евангелие не говорит об этом прямо, но вера в происхождение Марии от Давида, как и Иосифа, прочно укоренилась в христианской традиции.

И тем не менее, непорочное зачатие находится полностью вне еврейской традиции и не требуется никаким пророчеством Ветхого Завета о Мессии. Тогда как Матфей подошел к этому? Будучи Матфеем, он вынужден поддержать идею непорочного зачатия, цитируя пророчество Ветхого Завета, и он смог найти только одно:

Мф., 1: 22—23. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: «С нами Бог».

Это относится к отрывку из Книги Исайи:

Ис., 7: 14. ...се, Дева во чреве примет и родит Сына...

Но это не очень полезный отрывок в этой связи. Использование Матфеем слова «Дева» в его цитате ошибочно, хотя этим руководствовались в ранних переводах Библии, в том числе в Библии короля Якова, также используя в отрывке Исайи слово «Дева». В действительности еврейское слово, используемое Исайей, означает «молодая женщина» и может применяться в равной степени и к той, кто не является девой. И в любом случае, независимо от того, что подразумевалось — «дева» или «молодая женщина», отрывок из Исайи едва ли имеет мессианский смысл и, за исключением этих стихов в Евангелии от Матфея, где он цитируется, никогда не воспринимался как имеющий такой смысл.

Но тогда почему история о непорочном зачатии рассказана с такой настойчивостью, что Матфею понадобилось для ее объяснения искать и найти маргинальный стих Ветхого Завета?

Возможно, мы можем позволить себе здесь небольшое предположение. То, что было известно об Иисусе сначала, должно

быть, было рассказом о его служении, когда вокруг него собирались ученики. Возможно, он был ничем не примечательным галилеянином до тех пор, пока его проповедь не сделала его знаменитым, поэтому подробности о его рождении и детстве не были известны. В Евангелии от Марка, самом раннем из Евангелий, ничего не говорится о его рождении и детстве. Вместо этого Марк начинает свой рассказ об Иисусе как взрослом человеке, начавшем свое служение.

После смерти Иисуса появились рассказы о его рождении и детстве. Вполне возможно, что многие из них были правдивыми воспоминаниями тех, кто знал его как мальчика или знал членов его семьи. С другой стороны, люди таковы, каковы они есть, и, возможно, легенды о столь замечательном человеке, как Мессия и Сын Божий, были приукрашены.

Той деталью, которую люди совершенно еврейского воспитания ожидали от Мессии, является подробная родословная, которая соединила бы его с Давидом. Такая родословная дается Матфеем, и у нас нет никаких причин говорить, что она неточна (кроме тех небольших несоответствий, которые, как мы указали, происходят из рвения Матфея получить магическое число 14).

Но иудеи были в те времена окружены огромным миром иноверцев, у которых были свои собственные традиции. В языческой легенде было совершенно общепринято и привычно (фактически почти неизбежно), чтобы какой-нибудь великий герой, какой-нибудь чудотворец был сыном бога. В древнегреческой традиции дева вполне могла забеременеть от бога магическим путем.

Напомним, что иудеи были не только в самой Иудее, где еврейская мысль была провинциальной и консервативной, но и в Александрии и в других местах, где было сильно выражено греческое влияние. В греческих версиях Библии для слова «дева» в цитате Исаяи использовалось греческое слово, и вполне возможно, что Матфей для подтверждения факта непорочного зачатия последовал греческой версии, а не еврейской.

Во времена Иисуса непорочное зачатие, возможно, указывало на дополнительную силу. Римский историк Ливий, который умер лишь за несколько лет до начала служения Иисуса, написал историю Рима, которая оказалась чрезвычайно популярной. В ней он пересказывает историю основания Рима братьями-близнецами Ромулом и Ремом. Интересной частью этой легенды является то, что Ромул и Рем описаны им как родившиеся от непорочного зачатия. Их мать Сильвия была девой монахиней, а отцом детей был Марс.

Грекоязычные иудеи, конечно, никак не верили в это, тем не менее, был стимул считать, что если непорочное зачатие могло использоваться для того, чтобы возвеличить основателей языческого города Рима, то тем более его можно правомерно использовать для того, чтобы возвеличить основание царства Бога.

Тогда можно было бы задаться вопросом: а не мог ли Матфей столкнуться с двумя традициями в описании рождения Иисуса, строго еврейской родословной с происхождением от Давида и греческо-еврейской истории непорочного зачатия? И хотя они были взаимоисключающими, Матфей принял обе.

Интересно, что традиция непорочного зачатия твердо и четко заявлена только в этой первой главе Матфея. Есть стихи и в Луке, которые можно было бы считать подтверждающими ее, но не бесспорно, и нет вообще никаких других ссылок на это где-нибудь еще в Новом Завете.

Ирод

Дается примерное время рождения Иисуса:

Мф., 2: 1. *...Иисус родился... во дни царя Ирода...*

Упоминание об Ироде сразу говорит нам о том, что время Маккавейского царства прошло. Много произошло в том веке, который прошел от момента окончания событий, описанных в Первой книге Маккавеев, и до событий, описываемых в начале Евангелия от Матфея.

Первая книга Маккавеев закончилась убийством Симона в 155 г. до н. э. Его второй и единственный выживший сын в 134 г. до н. э. учредил себя как Иоанн Гиркан I, придя к мирному соглашению с Антиохом VII Сидетом, последним селевкидским монархом.

Иоанн Гиркан расширил границы Иудеи с помощью завоеваний. Он установил свое правление над Самарией и Галилеей на севере и привел под полное господство Идумею на юге. Самаритяне сохранили свою еретическую религию, но в Галилее и в Идумее был установлен ортодоксальный иудаизм.

Идумеи приняли иудаизм (в некоторых случаях на острие меча), но обращенные не были от души приняты еврейскими националистами. Несмотря на надлежащее соблюдение идумейцами религии, они все еще рассматривались как эдомиты, потомки Исава, и, следовательно, наследственные враги еврейских потомков Иакова.

Иоанн Гиркан I умер в 104 г. до н. э., и после него на трон вошел старший сын Аристокбул, который принял титул царя. То, что осталось от царства Селевкидов, теперь, при Антиохе VIII Гриве («ястребиный нос»), уже не в силах было помешать этому.

Аристокбул правил только год, и в 103 г. до н. э. на трон вошел его младший брат Александр Ианней. В течение двадцатисемилетнего господства Александр поднял Иудею на вершину ее славы. К тому времени, когда он умер, в 79 г. до н. э., Иудея занимала ту же позицию, что и Израиль во времена Иеровоама II шесть с половиной веков назад. При Иеровоаме II Израиль казался великим и преуспевающим, но его величие было омрачено Ассирией, этот факт стал очевидным сразу после смерти Иеровоама. В случае Александра Ианнея величие Иудеи было омрачено еще большей тенью Рима.

Тяжесть этой тени переползла на иудейскую арену после смерти Александра Ианнея, а ее пришествие было ускорено династическими спорами, которые при разных Маккавеях грызлись друг с другом.

Начиная со времени Ионафана, брата Иуды Маккавея, первосвященство оставалось в семье Маккавеев, и Александр Ианней был, к примеру, одновременно царем и первосвященником.

Однако после смерти Александра это объединение должностей распалось. Первосвященство перешло к старшему сыну Александра Иоанну Гиркану II, а гражданское правление осталось за вдовой Александра Александрой.

Александра умерла в 67 г. до н. э., и можно было ожидать, что Иоанн Гиркан II будет теперь настоящим царем, а также первосвященником, но эту должность у него оспаривал его младший брат Аристокбул II. Во время последовавшей гражданской войны Иоанна Гиркана II поддерживал очень способный человек Антипатр, который при Александре Ианнее был правителем Иудеи. Антипатр был по происхождению идумеем, хотя по религиозным убеждениям — иудеем.

Гражданская война возникла в самое неподходящее время, то есть когда римские армии под предводительством военачальника Помпея прочесывали Восток.

В 64 г. до н. э. Помпей вторгся в Антиохию и положил конец селевкидской монархии. Немногим более чем столетие назад эта монархия тиранизировала Иудею, но теперь, при ее последних царях, это было немощное государство, поглощенное Римом как провинция Сирии.

Независимая Иудея пережила великую Селевкидскую империю, как она однажды пережила великую Ассирийскую импе-

рию, но ненадолго. Обе стороны в Иудейской войне обращались к Помпею за помощью, и, разумеется, римский военачальник, как и следовало ожидать, сразу согласился войти. В 63 г. до н. э. он вторгся в Иудею и после трехмесячной осады взял Иерусалим. Из любопытства он ворвался в Свята Святых в Храме, но, с другой стороны, не причинил ей никакого вреда.

Помпей окончательно сделал выбор в пользу Иоанна Гиркана II. Он оставил его в качестве первосвященника и увел Аристобула II и его двух сыновей в Рим.

Однако римляне не позволили Гиркану иметь никакой светской власти. Они отдали ее Антипатру Идумею за то, что Антипатр служил римскому делу. (Поступать так было выгодной политикой. Антипатр Идумей никогда не мог быть искренне принят националистически настроенными иудеями, и поэтому он будет всегда нуждаться в римской поддержке, которая обеспечивала бы безопасность его позиции от его подданных. Пока он нуждается в римских воинах, он естественным образом предан римскому делу.)

Таким образом, в 63 г. до н. э., немногим больше, чем через столетие после восстания Маттафии и его сыновей, маккавейская монархия пришла к концу.

Судьба последних Маккавеев была вообще трагической. Аристобул II и его старший сын Александр сбежали из Рима и сделали попытку восстановить царство, но они были схвачены и оба убиты в 49 г. до н. э. Младший сын Антигон Маттафия остался в живых. Прежде чем он умер, старший сын женился на Александре, дочери Иоанна Гиркана II, и у нее родился сын Аристобул III.

Таким образом, в 49 г. до н. э. осталось трое Маккавеев мужского пола: (1) Иоанн Гиркан II, первосвященник; (2) его племянник Антигон Маттафия и (3) его внук Аристобул III. Настоящим правителем остался Антипатр Идумей.

Но теперь Рим сам стал участвовать в гражданской войне. Военачальник Помпей ушел на войну с другим, еще более великим римским военачальником Юлием Цезарем, и в ходе этой войны Помпей погиб. Антипатр проводил свою политику осторожно, лавируя между противоборствующими сторонами, и, когда победителем стал Цезарь, Антипатр оказался все еще в милости, несмотря на то что начинал как ставленник Помпея.

Но в 44 г. до н. э. Цезарь был убит, и вспыхнула новая гражданская война. Антипатр Идумей был убит в 43 г. до н. э., а с ним исчезла и его способность безопасно вести по скользкой дороге.

Кроме того, Парфия, которая правила Вавилонией и обширными областями на востоке, воспользовалась римскими гражданскими войнами и нанесла удар на западе. Некоторое время

казалось, будто возродились времена Навуходоносора, поскольку с востока в 40 г. до н. э. примчались всадники и завоевали Сирию и Иудею.

Несмотря на то что они никогда не приветствовали халдеев, иудеи приветствовали парфян, когда они увидели в парфянах своих спасителей от римлян. Старший сын Антипатра Фасаел был убит в войне против захватчиков, а первосвященник Иоанн Гиркан II был уведен в плен. Более того, ему отрезали уши, чтобы, как физически покалеченный человек, он никогда не мог снова служить в качестве первосвященника.

Вместо искалеченного Гиркана, царем и первосвященником стал Антигон Маттафия. Но это не означало восстановления Маккавейского царства, новый царь был просто парфянской марионеткой.

Но у Антипатра Идумея был второй сын Ирод. Подобно своему отцу, он был иудеем по религиозным убеждениям, хотя идумеем по происхождению. При его отце он служил как правитель Галилеи. Когда парфяне брали Иудею, Ирод сумел сбежать в Рим.

В Риме он убедил римского военачальника Марка Антония, который был тогда во власти, объявить его царем Иудеи и объявить Антигона Маттафию вне закона. Затем Ирод возвратился в Иудею и обнаружил, что парфяне уже бегут от римского контрнаступления. С помощью римских сил Ирод вторгся в Иудею и через три года, в 37 г. до н. э., сам взял Иерусалим. Антигон Маттафия был казнен.

Теперь оставались два Маккавея. Иоанн Гиркан II вернулся из плена в 36 г. до н. э., но из-за отрезанных ушей он постоянно был в уединении, поэтому первосвященником стал его внук Аристокбул III.

Ирод, хотя и был теперь царем с полной поддержкой со стороны римлян, никогда не мог почувствовать себя в безопасности, пока оставались в живых Маккавеи, вокруг которых могло центрироваться националистическое восстание.

Он попытался нейтрализовать притягательность Маккавеев тем, что вступил в брак с женщиной из рода Маккавеев. У Аристокбула III была сестра Мариамна (еще один вариант этого еврейского имени — Мириам), и Ирод взял ее в качестве второй жены.

Но даже это не устранило у него неуверенности в безопасности. В 35 г. до н. э. он казнил Аристокбула III, а в 30 г. до н. э. — безухого Гиркана. В припадке ревности он убил свою жену Мариамну в 29 г. до н. э., и это был бы конец рода Маккавеев, если бы не собственные дети Ирода от Мариамны. (Ирод в свое время женился после смерти Мариамны восемь раз, так что всего у него было десять жен, хотя и не все одновременно.)

Рождение Иисуса во время царствования Ирода ставит интересный вопрос по хронологии. Римляне датировали события с того года, в который, согласно легенде, был основан город Рим. Это был 1 год а. у. с., где инициалам соответствуют слова «*ab urbe condita*» («от основания города»). Согласно этой системе, Помпей взял Иерусалим в 690 г. а. у. с.

Однако, к сожалению, ни одна из евангельских дат рождения Иисуса не соответствует этой системе и ни одной из остальных систем летоисчисления, используемых в Библии. Евангелисты могли использовать селевкидскую эру, которая использовалась, например, в книгах Маккавеев. Или они могли назвать количество лет царствования Ирода согласно способу датировки в Третьей и Четвертой книгах Царств.

Но ни одна из этих систем не была использована. Матфей просто говорит «во дни царя Ирода» и больше ничего более точного, что можно было бы вывести дедуктивным методом.

Примерно через пятьсот лет после времени Иисуса такие дедуктивные выводы были сделаны академическим теологом и астрономом по имени Дионисий Малый (*Exiguus*), который жил в Риме. Он утверждал, что Иисус родился в 753 г. а. у. с., и эта дата рождения Иисуса была принята повсеместно.

Постепенно, по мере того как проходили столетия, старая римская система летоисчисления была отброшена. Вместо нее, стало общепринято считать годы от момента рождения Иисуса. Это был год первый «от Рождества Христова» («*Anno Domini*»).

Годы до рождения Иисуса отмечались как годы до н. э. (до нашей эры). Таким образом, если Иисус родился в 753 г. а. у. с., тогда Рим был основан за 753 года до его рождения, или в 753 г. до н. э. Вся система датирования, используемая в этой книге (и, в действительности, в любой современной книге по истории), следует этой христианской эре, или дионисийской эре, в которой 1 г. н. э. равен 753 г. а. у. с.

И тем не менее, ученые через столетия после Дионисия Малого посчитали необходимым пересмотр этих данных. Например, из небиблейских источников совершенно ясно, что Ирод вззошел на престол в 716 г. а. у. с., то есть в 37 г. до н. э. Он правил в течение тридцати трех лет, умер в 749 г. а. у. с., то есть в 4 г. до н. э.

Но если это так, то невозможно, чтобы Иисус родился в 753 г. а. у. с. и при этом был рожден «во дни царя Ирода», так как Ирод умер на четыре года раньше. Если Иисус родился еще во дни Ирода, тогда он родился не позже 4 г. до н. э. (за четыре года до Рождества Христова, что, конечно, выглядит парадоксально).

И даже эта дата является самой поздней, когда он мог родиться согласно стиху из Евангелия от Матфея. Он мог также родиться еще раньше, и некоторые предполагают, что этой датой может быть даже 17 г. до н. э.

Волхвы с Востока

Рождение Иисуса сопровождалось удивительными событиями, согласно Матфею, который сначала рассказывает о паломничестве в место рождения Иисуса:

Мф., 2: 1. Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока...

«Волхвы» — это перевод греческого слова «*magoi*», которое попало в английский язык через латинское как «маги». Слово происходит от «*magu*», так персидские зороастрийцы называли своих священников.

На протяжении всей древней истории священники считались хранителями важных знаний. Они не только знали методы умиловления богов, но и — в Вавилонии особенно — изучали небесные тела и их влияние на человеческие дела. Поэтому священники были учеными астрологами (которые в ходе своих исследований открывали также важные астрономические законы).

Рассказ о волхвах короткий. Они пришли, чтобы посмотреть на младенца Иисуса, оставили подарки и ушли. Однако их влияние на легенду большое. В народном представлении волхвов должно быть по количеству трое, и они должны были стать тремя царями, и даже известны их имена: Мельхиор, Гаспер и Бальтазар.

Согласно средневековой легенде, их тела были взяты Еленой (матерью Константина I, первого императора, который станет христианином) в Константинополь. Оттуда они были в конечном счете отправлены в Милан (Италия), а еще позже — в Кельн (Германия). Погребение предполагалось в Кельнском соборе. Так что иногда о них упоминают как о «трех царях Кельна».

Царь Иудейский

Придя в Иерусалим, волхвы задали простой вопрос:

Мф., 2: 2. Где родившийся Царь Иудейский?..

Другими словами, они искали Мессию.

В счастливые времена Маккавеев был некоторый спад напряжения страстной тоски по Мессии, но эта тоска не исчезла совсем. В конце концов, Маккавеи не основали полностью идеальное государство, которое правило бы всем миром, и, в любом случае, они не были из рода Давида.

Несомненно, Маккавеи поняли, что мечты о Мессии будут направлены против их собственной династии левитов, если должным образом не изменить тенденцию, и они, должно быть, одобряли те писания, которые имели такую склонность.

Например, во время маккавейского периода появилась апокрифическая работа «Заветы Двенадцати Патриархов». Подразумевалось, что она является записью последних слов двенадцати сыновей Иакова, когда те лежали на своем смертном одре. Отрывки из нее ясно указывают на Мессию-левита. Псалом 109 с его упоминанием о Мельхиседеке как царе и первосвященнике, который хотя и не Давидова рода — фактически он жил почти за тысячу лет до Давида, — возможно, также использовался в поддержку Маккавеев. (Действительно, некоторые подозревают, что этот псалом, возможно, был написан в раннемаккавейские времена и попал в канон в последнюю минуту.)

Однако все стремления обосновать, что Мессия — левит, должно быть, в целом не смогли воодушевить большинство иудеев. Пророческие писания были слишком ясны в вопросе о Давидовом происхождении Мессии, и священная память о самом Давиде и о той империи, которую он основал, оставалась слишком отчетливой и ясной. При Маккавеях мессианские чаяния могли ослабеть, но то упование, которое оставалось, было упованием на Мессию из рода Давида.

А затем время Маккавеев прошло. Несмотря на героизм Иуды Маккавея и его братьев, несмотря на завоевания Иоанна Гиркана I и Александра Ианнея, этот период был кратким и закончился он неудачно для еврейской истории. Те же, кто благочестиво ожидал Мессию, скорее всего, были довольны провалом Маккавеев. Ведь в конце концов Маккавеи были не из рода Давидова; как же в таком случае они могли преуспеть?

Теперь под тяжестью власти Ирода, чужака из Идумеи, и под еще большей тяжестью власти римлян, которые его поддерживали, иудеи становились все более беспокойными. Несомненно, это было подходящее время для прихода Мессии, который станет идеальным Царем Иудейским, будет судить язычников-угнетателей и будет милосердно править всем миром, а все народы отовсюду смогут наконец прийти в Иерусалим поклониться.

Не стоит удивляться тому, что мессианский энтузиазм в Иудее стал осязаемым далеко за пределами этой страны. Вне Иудеи

были большие колонии иудеев, особенно в Александрии и в Вавилонии. Три волхва с Востока могли, очевидно, прослышать о таком от иудеев, живущих на их земле, и впечатлиться этой историей.

Звезда

Но даже если волхвы слышали о еврейских предположениях насчет Мессии, что заставило их выбрать конкретный момент для того, чтобы направиться в Иерусалим? Это должно было быть божественное вдохновение, и Матфей вливает это вдохновение, причем совершенно гармонично, в форму астрологического выражения, а это нечто такое, что профессионально интересовало вавилонских священников:

Мф., 2: 2. «...Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему».

В пророчестве Ветхого Завета нет ничего такого, что делало бы звезду определенным знаком Мессии. Конечно, одно из наставлений Валаама гласило:

Числ., 24: 17. ...Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава...

И многими это было принято в качестве высказывания о Мессии. Однако современные ученые считают это ссылкой на Давида, написанной в виде прорицания во времена царства и приписываемой легендарному мудрецу Валааму.

Кроме того, есть также отрывок в Книге пророка Исайи, в котором говорится:

Ис., 60: 3. И придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию.

Здесь упоминается о видении Исайей идеального Иерусалима, возникшего после возвращения из плена, но это легко интерпретировать и как обращение к мессианскому периоду и особенно к тому, каким образом волхвы последовали за светом звезды к месту рождения Иисуса.

Однако если Матфей имеет в виду именно это, то он не цитирует стих из Книги пророка Исайи.

Если бы Матфей упомянул этот стих, то можно было бы легче принять звезду как удивительное проявление божественного

руководства, видимого только волхвам и больше никому. Но Матфей спокойно упоминает звезду независимо от пророчества, как если бы это было совершенно естественное явление (разумеется, подчиненное божественной цели), и много усилий и воображения было потрачено на то, чтобы определить, что же это за явление.

Наиболее очевидное решение состояло бы в том, что эта звезда была «нова», новой звездой, внезапно появившейся на небе, которая, возможно, приобрела потрясающую яркость, а затем стала гаснуть и через несколько месяцев исчезла из видимости.

Как известно, такие события иногда случаются. Астрономы знают, что иногда звезды могут взрываться и на короткий промежуток времени увеличиваться в яркости в миллион раз и больше. В случае особенно гигантских взрывов («сверхновых») звезд довольно близко к нам может быть внезапное появление звезды, которая становится столь же яркой, как планета Венера, в том месте, где перед этим не было видно невооруженным глазом никакой достаточно яркой звезды.

Три таких сверхновых, как известно, появлялись за последнюю тысячу лет: одна — в 1054 г., одна — в 1572 г. и одна — в 1604 г. Могла ли появиться такая звезда также во времена Ирода?

Это кажется сомнительным. Несомненно, такая новая звезда была бы замечена многими. Конечно, новая звезда 1054 г. не была замечена европейскими астрономами, но это было во времена мрачного Средневековья, когда астрономия в Европе фактически не существовала. Она была замечена астрономами в Китае и Японии, и мы располагаем их записями. (Мы знаем, что они были верными, потому что в том месте, где они располагали свою «звездугостя», теперь видно круглое газовое облако, которое является явным остатком взрыва.)

Однако во времена Ирода еще существовала греческая астрономия, несмотря даже на то, что ее самые великие дни уже прошли, новая звезда была бы, скорее всего, замечена и упомянута. Кажется слишком маловероятным, чтобы такое упоминание не сохранилось до нашего времени, и поэтому вероятность новой звезды обычно отклоняется.

Другая возможность состоит в том, что эта звезда могла быть результатом сближения двух или более небесных тел так, что на короткий промежуток времени они воссияли вместе с необычной яркостью. Единственными небесными телами, которые движутся независимо на звездном фоне, являются планеты, и иногда две и более планеты довольно близко подходят друг к другу.

В настоящее время астрономы очень хорошо понимают эти движения и могут отследить их за прошедшие тысячи лет со значи-

тельной точностью. Например, они могут сообщить, что в 7 г. до н. э. очень близко подошли друг к другу Юпитер и Сатурн.

Это сближение было не таким, чтобы наблюдатели могли ошибиться и принять два небесных тела за одну необычайно яркую звезду. Однако нет никаких оснований предполагать, что в этом была необходимость. Само по себе сближение этих двух планет — редкое событие (хотя еще большее сближение Юпитера и Сатурна, чем произошедшее в 7 г. до н. э., произошло в 1941 г.), и, возможно, для астрологов оно было бы важным. Нет ничего удивительного в том, что это сближение двух планет могло в умах некоторых людей ассоциироваться с пришествием Мессии.

И наконец, существует возможность появления яркой кометы. Кометы появляются и движутся по странным траекториям, и еще чуть более двух столетий назад ни одного метода предсказать эти появления и движения не было. Кометы обычно считались предвещающими бедствия — чуму, войны, смерть знаменитых людей, — но для волхвов, возможно, конкретная комета могла ассоциироваться с пришествием Мессии.

В настоящее время мы можем вычислять пути множества комет и можем отслеживать их пути в прошлом. И вот выясняется, что в дни царствования Ирода была такая комета. Это — комета Галлея, которая в 11 г. до н. э. совершила одно из своих возвращений в Солнечную систему, которые бывают у нее раз в семьдесят шесть лет.

В таком случае можно предположить, что через десять лет после смерти Иисуса, когда его ученики благочестиво собирали вместе всевозможные сведения о его жизни, некоторые могли вспомнить появление необычного феномена в небе примерно во время рождения, что было либо кометой Галлея, либо сближением Юпитера и Сатурна. Сами иудеи не были астрономами (в действительности они даже сторонились астрономии, потому что изучение звезд в те времена неизменно связывалось с языческим идолопоклонством) и любое подобное явление описывали просто как «звезду».

Возможно, Матфей узнал эту историю с удивительными ассоциациями вокруг нее и включил ее в свое Евангелие.

Вифлеем

Вопрос волхвов вызвал у царя беспокойство:

Мф., 2: 3. *Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним.*

Ирод и «весь Иерусалим» (то есть городские власти, благосостояние которых было связано с царем и его двором) могли быть весьма обеспокоенными любым слухом о том, что появился возможный Мессия. С одной стороны, такой Мессия считался бы законным царем Иудеи и в глазах всех благочестивых иудеев Ирод внезапно предстал бы как узурпатор. Едва ли был такой царь, который спокойно смотрел бы на возможность отстранения его от царствования, не делая никаких попыток защититься. Фактически во всех царствах, как древних, так и современных, любая попытка кого-то другого объявить себя законным царем или возможность того, что его объявят царем другие, рассматривается как измена и получает соответствующее отношение.

Можно было бы доказать, что обеспокоенность Ирода и аристократии была не только по поводу себя, но и по поводу государства в целом. Ирод обычно изображается как кровавый, жестокий тиран, но это в значительной степени благодаря картине, нарисованной теми иудеями, которые выступали против него, и благодаря данной главе Нового Завета. Если этим пренебречь и если также не учитывать излишества его частной жизни (которые были ужасны, но не намного больше, чем у других правителей его времени), то Ирод, по-видимому, был способным правителем, который делал значительные (хотя и безрезультатные) усилия заслужить уважение управляемого им народа. Сообщения о Мессии, с точки зрения Ирода, фактически были действительно опасными для всех в Иудее, и больше для народа, чем для самого Ирода (который был стар и так или иначе скоро должен был уйти с престола обычным природным путем).

Проблема была в том, что для более воинственных еврейских националистов казалось несомненным, что Мессия должен быть царем-воином, сверх-Давидом, который уладил бы все вопросы с римлянами и сделал бы Иудею тем, чем она должна по справедливости быть, — господином мира. Это должно случиться потому, что Мессия будет наполнен Духом Божьим и сам Бог будет бороться на стороне народа, как он много раз уже делал в прошлом. Действительно, был пример маккавейского восстания, мужество и преданность (набожность) Иуды Маккавея и его братьев.

Нетрудно увидеть, что великолепные победы Иуды в конце концов имели для еврейской истории катастрофические последствия, так как Иудею наводнили воодушевленные националисты, которым казалось, что они могут победить римлян простой решимостью, патриотическим пылом и верой в Бога, как они победили Селевкидов.

Те иудеи, которые были менее ослеплены в отношении мирских фактов и менее уверены в божественной поддержке, оценили великую силу Рима и, должно быть, в полном ужасе смотрели на националистическую агитацию. Они, должно быть, поняли, что сохранялась постоянная опасность самоубийственного восстания. И это был вовсе не надуманный страх, ведь именно такая трагическая развязка произошла ровно через семьдесят лет после рождения Иисуса.

Поэтому Ирода можно рассматривать как ясно чувствовавшего свой долг пресечь все мессианские надежды в зародыше — ради общего блага. Поэтому он спрашивал первосвященников и книжников (они лучше всех знали Библию) о том, где бы мог находиться Мессия.

Мф., 2: 5—6. Они же сказали ему: «В Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка: «И ты, Вифлеем, земля Иудина... Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который спасет народ Мой, Израиля».

Здесь упоминается цитата из Книги Михея. Так, «небольшой город Вифлеем» в местном масштабе известен был тогда как место рождения Давида, вступил в новый этап мировой известности как предполагаемое место рождения Иисуса.

Затем Ирод приказал волхвам идти в Вифлеем и принести ему новости о младенце, которому он сам мог бы также поклониться. Хотя не было сомнений в том, что его настоящее намерение состояло в том, чтобы покончить с предполагаемым Мессией. Это было настолько несомненно, что Матфей даже не потрудился конкретизировать это в тот момент.

Волхвы уходят и:

Мф., 2: 9. ...звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, [как] наконец пришла и остановилась над [местом], где был Младенец.

Из-за связи этой звезды с рождением Иисуса в Вифлееме ее обычно называют «Вифлеемской звездой».

Младенцы в Вифлееме

Волхвы поклонились младенцу, оставив свои дары, а затем — предупрежденные во сне (излюбленный прием Матфея) — ушли, ничего не сообщив Ироду. Ирод, испытывая недостаток в ин-

формации, в которой он нуждался, в отчаянии приказал военачальнику убить всех младенцев в Вифлееме, надеясь, что среди них окажется и предполагаемый Мессия:

Мф., 2: 16—18. Тогда Ирод... послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведal от волхвов. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: «Глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет».

Ссылка на отрывок из Книги Иеремии, который относится к уходу Саргоном Израиля в плен. Рахиль была предшественницей основных колен Израиля: Ефрема и Манассии, поэтому ее плач по «своим детям» является в этом контексте метафорически уместным. Колено Вениамина также происходило от Рахиль, и Иеремия, воспитанный на территории Вениамина, был восприимчив к плачу Рахиль. Рама — это город в Вениамине, который традиционно считался местом могилы Рахиль.

Использование стиха из Иеремии применительно к «избиению младенцев» было гораздо менее уместным. Несомненно, такое избиение стоило великого сожаления, но факт заключается в том, что Лия, а не Рахиль стала прародительницей иудеев, а дети Вифлеема были иудеями. Возможно, на использование цитаты Матфея натолкнул тот факт, что традиция помещала могилу Рахиль вблизи Вифлеема:

Быт., 35: 19. И умерла Рахиль, и погребена на дороге в Ефрафу, то есть Вифлеем.

И тем не менее, весьма вероятно, это ужасное злодеяние Ирода было апокрифическим. Трудно поверить в то, что это действительно когда-либо происходило. Мало того что это избиение не упоминается в Новом Завете больше нигде, но это не упоминается и ни в одной из светских историй того времени. Довольно примечательно, что такое злодеяние было не замечено, в то время как были тщательно описаны гораздо менее страшные злодеяния Ирода.

Конечно, Матфей не принял бы этот рассказ об убийстве младенцев только из-за своего страстного стремления представить не очень уместную цитату.

Возможно, это связано с чем-то большим. Есть множество языческих легенд, где герой оставался в живых во младенчестве лишь по счастливой случайности, спасшись от какого-нибудь

царя, который пытался убить его. Это верно для легенд о Кире, основавшем Персидскую империю, и Ромуле, который основал Рим. У Кира был дедушка, а у Ромула — двоюродный дедушка, каждый из которых был царем и получил божественное предвидение того, что праведно рожденный ребенок когда-нибудь свергнет его. Оба младенца были оставлены умирать, и оба остались живы. По еврейской легенде, Авраам, будучи младенцем, чудесно пережил покушения на его жизнь злого царя Нимрода. Неудивительно, что подобные рассказы могли возникнуть и об Иисусе после его смерти.

Возможно, из множества таких рассказов, которые были распространены повсюду, Матфей выбрал тот, который, как он считал, лучше всего соответствовал ситуации. Библейская история о младенчестве Моисея связана с волнующим спасением ребенка после того, как фараон приказал убить всех израилевых детей без разбору...

Исх., 1: 15. Царь Египетский повелел повивальным бабкам Евреянок... когда вы будете повивать у Евреянок... если будет сын, то умерщвляйте его...

Моисей избежал смерти от фараона, а Иисус избежал смерти от Ирода. Возможно, именно эта аналогия подразумевалась Матфеем. Он воспользовался этой конкретной историей и подкрепил это цитатой из Иеремии, чтобы представить Иисуса как нового великого Моисея.

Египет

Младенец Иисус избежал смерти потому, что Иосиф, подобно волхвам, был предупрежден во сне:

Мф., 2: 13—15. ...встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет, и там был до смерти Ирода, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: «из Египта воззвал Я Сына Моего».

Здесь ссылка на пророка Осию:

Ос., 11: 1. Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего.

Очевидно, что стих из Осии является явной ссылкой на Исход, и это единственное упоминание его Матфеем, которое любого вынуждает придавать ему мессианское значение. В действительности, по-видимому, естественно было бы задаться вопросом: было ли бегство в Египет описано только для того, чтобы Матфей мог позволить себе процитировать любимый стих из Ветхого Завета, так как пребывание Иисуса в Египте не упоминается больше ни в одном другом месте Нового Завета.

Можно было бы поразмышлять здесь также о том, что, возможно, Матфей принял традицию включения в свое Евангелие этой цитаты для того, чтобы сделать еще более ясной параллель между Моисеем и Иисусом. Моисей вышел из Египта, Иисус — тоже.

Архелай

Наконец Ирод умер (как уже было сказано, в 4 г. до н. э.), возможно, не намного позже рождения Иисуса:

Мф., 2: 22. ...*Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего...*

Ирод имел от своих многочисленных жен много детей (как все говорят, четырнадцать), но немногие из них пережили его. Это не было только результатом естественных опасностей младенчества, но из-за собственной патологически подозрительной природы Ирода, особенно в преклонном возрасте. Он легко впал в гнев из-за любого намека на возможный заговор против него. Именно это привело его к убийству своей любимой жены Мариам (из рода Маккавеев), а вслед за этим казнил тех двух сыновей, которых она ему родила. Он казнил также и остальных сыновей, в том числе и самого старшего — Антипатра.

Однако несколько сыновей все же пережили его, в том числе Архелай, Антипа и Филипп. Он поделил между ними свое царство. (Семейное имя Ирод часто добавляется к именам этих сыновей, чтобы мы могли говорить об Ироде Архелаете, Ироде Антипе и Ироде Филиппе. Имя Ирод стало почти престольным именем для тех потомков Антипатра Идумея, которые правили этими частями страны.)

Старший из оставшихся в живых, Архелай получил власть над центральной частью царства: Иудеей с Самарией на севере и Идумеей на юге. Ирод пытался дать ему титул царя, но римский император, который должен был одобрить волю Ирода,

отказал в этом. Архелаю дали меньший по значению титул этнарха (эквивалент «правитель провинции»), как будто для того, чтобы намеренно понизить его престиж и власть.

Антипа получил Галилею, а также Перею, район к востоку от реки Иордан (которая когда-то называлась Галаад), Филипп получил Итурею, район к востоку и северу от Галилейского моря.

Антипа и Филипп назывались тетрархами («правителями четвертой части провинции»), что могло бы иметь буквальный смысл, если бы царство Ирода было поделено между четырьмя сыновьями, а не тремя. Однако можно доказать, что Архелай, как старший сын, получил двойную долю и правил двумя четвертями царства, в то время как Антипа и Филипп правили каждой одной четвертью.

Назарет

Как только Ирод умер, для Иосифа и его семьи было безопаснее вернуться, и это объясняет ему ангел такими словами, которые снова подтверждают параллель между Моисеем и Иисусом:

Мф., 2: 19—20. По смерти же Ирода, — се, Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте и говорит: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца».

Это аналогично тому периоду, когда Моисей сбежал в Мидию после того, как убил египетского надзирателя. Там он остался до смерти фараона, о которой ему сообщил Бог:

Исх., 4: 19. ...пойди, возвратись в Египет, ибо умерли все, искавшие души твоей.

Но теперь перед Матфеем встала проблема. Он сообщил о традициях, которые тесно связаны с рождением Иисуса в мессианском городе Вифлееме, и все, что он говорит, согласуется с той точкой зрения, что Вифлеем был родным городом семьи Иисуса, они жили там, как и предки их жили там до них. Поэтому для них было бы естественно после смерти Ирода вернуться в Вифлеем, но они не сделали этого.

Иисус во время своего служения считался уроженцем Галилеи. Он постоянно упоминается как галилеянин, и во время его деятельности нет никакого упоминания о том, что он родился в Вифлееме.

Поэтому Матфею необходимо было объяснить, каким образом получилось так, что Иосиф и его семья, хотя и были уроженцами Вифлеема, стали жить в Галилее, а также то, что уже вскоре после рождения Иисуса его происхождение из Вифлеема уже не играло особой роли в его взрослой жизни.

Поэтому описывается, как в действительности Иосиф отправляется в Вифлеем после смерти Ирода:

Мф., 2: 22. Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, [Иосиф] убоился туда идти; но, получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские.

Это выглядит вполне разумно. Архелай, сын Ирода, мог слышать о рождении Мессии перед самой смертью своего отца и мог бы точно так же попытаться покончить с опасным мальчиком. Конечно, Галилея находилась под властью другого сына Ирода, но вполне возможно и то, что Иосиф считал Антипу наименее опасным из этих двоих сыновей Ирода.

Конечно, вскоре Архелая из-за его поведения невзлюбили находившиеся под его властью иудеи и самаритяне до такой степени, что, хотя они были ожесточенными врагами, никогда по-настоящему не ладили друг с другом, теперь сошлись в своем отвращении к новому правителю. В отчаянии оба народа обратились к Риму за помощью, и правосудие в их случае было таким, что Архелай был смещен с должности, на которой он находился в течение десяти лет. С другой стороны, Ирод Антипа правил более сорока лет, не испытывая особого противодействия со стороны своих подданных, что, возможно, было хорошим знаком того, что он был более умеренным и более разумным, чем его брат.

Матфей конкретно называет город в Галилее, в который Иосиф увел свою семью:

Мф., 2: 23. ...и, придя, поселился в городе, называемом Назарет...

Назарет, город в южной Галилее, в Ветхом Завете не упоминается. Современный город Назарет расположен ровно на полпути между Средиземным морем и южным берегом Галилейского моря, примерно в 20 милях от каждого. Это примерно в 70 милях к северу от Вифлеема. В настоящее время его население составляет двадцать шесть тысяч жителей. Это часть современного государства Израиль, но большинство его жителей — христиане.

Матфей объясняет приход Иосифа и его семьи в Назарет с точки зрения пророчества в Ветхом Завете:

Мф., 2: 23. ...да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется.

Неясно, какую цитату имел в виду Матфей. Несомненно, ни в одном месте Ветхого Завета Мессия не упоминается как назаретянин в том смысле, что он должен оказаться жителем Назарета.

Возможно, Матфей спутал здесь это слово с «назореем» из отрывка, где ангел предупреждает мать Самсона о грядущем сыне, который исполнит замысел Божий. Ангел говорит:

Суд., 13: 5. ...младенец сей будет назорей Божий, и он начнет спасать Израиля от руки Филистимлян.

Возможно также, что Матфей ссылается на обычай называть Мессию «отраслью», то есть новой, цветущей ветвью от увядающего корня рода Давида:

Ис., 11: 1. И произойдет отрасль от корня Иесеева, и ветвь произрастет от корня его...

В результате этого пророки начали завуалированно говорить об «отрасли» как о Мессии, когда открытое упоминание могло интерпретироваться как особо тяжкое преступление. Когда Захария подразумевает Мессию, он говорит:

Зах., 6: 12. ...вот Муж, — имя Ему ОТРАСЛЬ...

Еврейское слово, обозначающее «Отрасль», — в данном случае «нетцер», и Матфей мог увидеть здесь сходство со словом «назорей».

В любом случае Матфей согласовывает слова «назарянин» и «назорей», или слова «назарянин» и «нетцер», в лучшем случае он позволяет себе игру слов, а не ссылается на какое-либо фактическое пророчество о Мессии как жителе Назарета.

Иоанн Креститель

Теперь Матфей сразу переходит от рассказа о рождении и детстве Иисуса к его взрослой деятельности и к тому, что в этом и других синоптических Евангелиях является, по-видимому, пос-

ледним годом его жизни. На протяжении этого последнего года в Евангелии от Матфея не приводится ни одной даты. Просто говорится:

Мф., 3: 1. В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской.

Более осторожное хронологическое примечание в Евангелии от Луки, которое будет обсуждаться в свое время, предполагает, что в 29 г. Иисус, должно быть, был по крайней мере тридцатитрехлетнего возраста, весьма вероятно, тридцатипятилетнего, а возможно, даже еще старше.

Иоанн Креститель — это первая из нескольких значительных личностей в Новом Завете по имени Иоанн. Иоанн Креститель может считаться последним из еврейских пророков старой школы. Подобно пророкам Ветхого Завета, он утверждал, что приблизился день Господа, и окончательное установление идеального мира неизбежно. Суть его проповеди была следующей:

Мф., 3: 2. «...Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное».

Под «Царством Небесным» подразумевается «Царство Божие», с заменой слова «Божие» на слово «Небесное», потому что Матфей разделяет возрастающее нежелание иудеев того времени использовать любое божественное имя. Выражение «Царство Божие» свободно используется во всем Новом Завете, за исключением Евангелия от Матфея.

Установлению Царства Божьего должны предшествовать полная победа добра над злом, святых над грешниками, как было обещано также древними пророками:

Мф., 3: 11—12. «...Идущий за мною сильнее меня... лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым».

Те, кто приходил к Иоанну в покаянии, крестились, то есть погружались в воду (англ. «to baptize» — «крестить» происходит от греческого слова, означающего «погружаться в воду»), символически смывая грехи и готовясь к новому состоянию.

Крещение не было каким-то особым обрядом в еврейской практике. Иезекииль говорит о символическом использовании воды для очищения иудеев после осквернения их пленом у язычников и вынужденном следовании языческим практикам:

Иез., 36: 24—26. *И возьму вас из народов... и приведу вас в землю вашу. И окроплю вас чистой водою, и вы очиститесь... И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам...*

Это и было то, что Иоанн Креститель делал с помощью обряда крещения. Он использовал воды реки Иордан; и здесь можно было бы задаться вопросом: не под влиянием ли слов Елисея сирийскому прокаженному Нееману он крестит в этой реке?

4 Цар., 5: 10. *...пойди, омойся семь раз в Иордане... и будешь чист.*

Независимо от того, с какой целью иудеи используют крещение, возможно, однако, обрезание осталось обрядом, знаменующим собой истинное вступление иноверца в братство иудаизма. В христианской практике, частично вследствие деятельности Иоанна Крестителя, крещение в качестве обряда посвящения заменило собой обрезание.

Илия

Из слов, цитируемых Матфеем из поучений Крестителя, можно предположить, что Иоанн ожидал неизбежного явления божественного гнева воинственного царя небесного и что приблизилась последняя глава земной истории. Однако в христианской традиции он является предтечей Иисуса, Мессии, который совсем не соответствовал представлениям еврейских националистов.

Что характерно, Матфей интерпретирует роль Крестителя словами из стиха Ветхого Завета:

Мф., 3: 3. *Ибо он [Иоанн] тот, о котором сказал пророк Исаия: «Глас вопиющего в пустыне: «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему».*

Этот стих происходит из самых начальных высказываний Второ-Исаии:

Ис., 40: 3. *Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему.*

Этот стих ввиду его положения можно интерпретировать как ссылку Второ-Исаии на себя, почти как заглавие его писания. Стих мог представлять заголовок вроде «Изречения пророка, вопиющего

в пустыне». И тем не менее, несомненно, даже если таково было первоначальное значение этого стиха, по-видимому, его можно было применить и к некоему будущему предтече Мессии.

Конечно, Иоанн Креститель считал себя предтечей Мессии и даже видел, какую именно роль он играл, поскольку он, по-видимому, намеренно следовал примеру Илии:

Мф., 3: 4. Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, а пищу его были акриды и дикий мед.

Сравните это с описанием Илии в Ветхом Завете:

4 Цар., 1: 8. ...человек тот весь в волосах и кожаным поясом подпоясан по чреслам своим...

Аскетическая пища Иоанна, которую он мог собрать себе в пустыне (и аскетическая пища с большим постом, который он налагал на своих учеников), напоминала то время, когда Илия, оставшись в пустыне, не ел ничего, кроме того, что ему чудесным образом приносили вороны:

3 Цар., 17: 6. И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру, и хлеб и мясо по вечеру, а из потока он пил.

Восстановление Илии было не без умысла. Последней разработкой еврейской мессианской мысли было то, что Илия возвратится на землю как предтеча Мессии. И действительно, в последнем отрывке последней пророческой книги Библии есть это утверждение:

Мал., 4: 5. Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного...

В христианских версиях Библии Книга Малахии является последней книгой Ветхого Завета, и есть своего рода аккуратность в том факте, что последняя книга Ветхого Завета заканчивается обещанием прихода Илии, а первая книга Нового Завета начинается с того, что пророк следует образцу Илии.

Позже Иисус подтверждает это отождествление Иоанна Крестителя и Илии:

Мф., 17: 12—13. Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его... Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе.

Фарисеи и саддукеи

Проповедь Иоанна пользовалась популярностью: он был тем, кого в настоящее время мы называем успешным возрожденцем. Факт его популярности основан не только на библейском свидетельстве, но и на свидетельстве Иосифа, который с одобрением упоминает об Иоанне Крестителе.

Огромные толпы стекались креститься к нему. Приходили также некоторые лидеры религиозной мысли того времени; возможно, искренне, возможно, из любопытства, возможно, по обеим этим причинам.

Мф., 3: 7. Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: «Порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева?..»

Фарисеи и саддукеи — это две еврейские религиозные секты того периода, секты, которые родились в муках маккавейского восстания и преследований со стороны Селевкидов.

Были иудеи, которые симпатизировали эллинизму и не принимали участия в восстании; были и такие, которые даже боролись на стороне Селевкидов против Маккавеев.

Даже после успешного развития восстания было множество иудеев, которые испытывали некоторую симпатию к эллинизму и не хотели распространения еврейского ритуала, вследствие чего еврейский образ жизни все более отличался от образа жизни остальной части мира.

Естественно, они происходили, как правило, из высших слоев общества. У них было больше возможностей понимать греков и изучать греческую культуру. В частности (и почти парадоксальным образом), в их число входили первосвященники и их окружение. Действительно, эта группа людей назвала себя «садоким». Возможно, это слово происходило от имени первого первосвященника храма Соломона — Садок. Слово «Садоким» на греческом языке стало «Saddoukaioi» и на русском — «саддукеи».

Саддукеи принимали только письменный закон (без каких бы то ни было отклонений) и отвергали всякие приукрашивания, которые добавили к нему традиция и обычай в течение столетий после плена. Они отказались принять верования и легенды об ангелах, духах и бесах, которые были распространены в персидский и греческий периоды; также они не принимали учения о воскресении и о награде и наказании в загробной жизни.

Современным людям странно читать о том, что некая значительная еврейская секта в римское время отвергает воскресение,

но в действительности это учение возникло позже. Упоминания о нем появляются в Ветхом Завете только в самых последних отрывках. Самая явная ссылка — в конце Книги Даниила, как раз последней книге, которая была добавлена к канону:

Дан., 12: 2. И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление.

Оппозиционно настроенными в отношении эллинизаторов во время маккавейского восстания были асидеи (на еврейском — хасидим), что означает «благочестивые». Это были миряне и народ страны, которые совершенно отвергали эллинизм и придерживались колоритного разнообразия иудаизма, вокруг которого выросли традиции всех видов.

После успешного восстания асидеи разделились на две группы. Меньшей из них по численности была группа ессеев, которых никогда не насчитывалось более нескольких тысяч. У этого названия неизвестное происхождение, но иногда его корни прослеживают в еврейском слове, означающем «целители». Они жили в изолированных общинах, практикуя celibат и аскезу, довольно-таки похожие в этом на христианских монахов. Они не упоминаются в Новом Завете, но ученые предполагают возможность того, что Иоанн Креститель испытывал влияние ессейской мысли. Основные группы ессеев концентрировались на северо-западных берегах Мертвого моря, и недавно обнаруженные «свитки Мертвого моря» являются, по-видимому, остатками рукописей подобного ессеям сообщества.

Большая часть асидеев превратилась в мирскую группу пие-тистов, менее удаленную от общества и принимавшую активное участие в политических событиях того времени. Они называли себя арамейским словом «перишайя», очевидно означающим «особые». Слово «перишайя» на греческом превращается в «pharisaios», а на русском — в «фарисеи».

Фарисеи принимали не только письменный закон, но и устные традиции, которые выросли вокруг него. Как правило, фарисеи были более умеренными в практическом отношении, чем саддукеи, потому что устная традиция часто смягчала суровую букву Закона Моисеева.

Действительно, фарисейское учение в своих лучших проявлениях очень похоже на учение Нового Завета. Еврейский учитель Гиллель, который умер примерно в 10 г., проповедовал добрую религию любви и представляет собой своего рода параллель поучениям Иисуса. Заявлялось даже, что Гиллель был из рода Давида. Однако с именем Гиллеля не связано никаких чу-

дес, кроме того, ни он, ни кто-либо другой не утверждал, что он Мессия.

Хотя в худших своих проявлениях фарисеи развили столько тривиальных вспомогательных религиозных обрядов, что никто без тщательного их изучения не мог быть уверенным в том, что он владеет ими всеми. Фарисеи обычно смотрели свысока на тех, кто из-за отсутствия свободного времени или учености не выполнял или не мог выполнять все ритуалы, и это в особенности не внушало им любовь к обычным людям. В свою очередь, люди склонны были твердо придерживаться более популярных и ярких учителей, которые давали им утешение, и требовали от них надлежащего отношения, а не механической приверженности множеству сложных обрядов. Они обращались к таким людям, как Иоанн Креститель и Иисус. В действительности учение Иисуса можно было считать почти фарисейской этикой без фарисейского ритуала.

Саддукеи и фарисеи по очереди политически доминировали в Иудее маккавейских времен. Сразу после восстания у власти были фарисеи, поскольку саддукеи были заклеены позором из-за того, что были теми, кого в настоящее время мы называем «предателями».

Однако, хотя селевкидская монархия потерпела поражение, греческая культура оставалась столь же привлекательной, как и всегда, и маккавейские цари начали эллинизировать и играть ту роль, против которой, отдавая свои жизни, боролись их отцы.

Поэтому при Иоанне Гиркане I саддукеи восстановили контроль над Храмом, а фарисеи вошли в оппозицию. (Именно в то время они получили свое название. Возможно, небольшое самовосхваление помогало им облегчить боль от того, что они теряли власть.)

При Александре Ианнее они открыто участвовали в восстании. Это было своего рода маккавейское восстание против Маккавеев, которое было утоплено в крови. Позже Александра, вдова Александра, примирилась с фарисеями, и некоторое время было спокойно.

Однако после ее смерти вспыхнула гражданская война между ее двумя сыновьями Иоанном Гирканом II и Аристубулом II. Фарисеи поддержали первого и некоторое время были снова у власти. В период царствования Ирода и позже снова саддукеи были во власти, а фарисеи — в оппозиции.

Когда представители этих двух партий пришли к Иоанну для крещения, он поносил и тех и других, занимая позицию обычного человека, если можно так выразиться, против тех, кто, подобно саддукеям, лишал иудаизм его содержания, и тех, кто, подобно фарисеям, наполнял его излишеством.

Действительно, он занял позицию, подобную позиции Иеремии. Иеремия в своей храмовой проповеди предупреждал, что одно лишь существование храма не защищает нравственно дурных людей. Иоанн также предупреждал, что один только тот факт, что человек является иудеем, еще не служит ему защитой:

Мф., 3: 9. ...и не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам», ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму.

Сын

Теперь, наконец, Иисус появляется как взрослый человек, пришедший к Иоанну Крестителю, чтобы принять у него крещение.

Как это часто бывает, Иосиф, который упоминает об Иоанне Крестителе, не упоминает об Иисусе. Несомненно, в истории иудеев есть параграф, который посвящен Иисусу, но это прерывает поток дискурса и выглядит подозрительно, подобно объяснению, придуманному задним числом. Обычно ученые считают, что это была вставка какого-то раннего христианского редактора, который, возмущенный тем, что Иосиф рассказал о том периоде, не упомянув о Мессии, посчитал, что его вставка будет благочестивым актом.

Кроме того, фактически ни в одной современной тому периоду летописи, которыми мы располагаем, за исключением Нового Завета, нет упоминаний об Иисусе.

В связи с этим были и такие, которые утверждали, что Иисус никогда не существовал, но это, по-видимому, преувеличение. Синоптические Евангелия не имеют признаков откровенного вымысла так же, как, например, Книги Товита, Иудифь и Есфирь. Синоптические Евангелия не наполнены анахронизмами, но оказываются точными, когда они обсуждают дух своего времени. То, что в них говорится об Иоанне Крестителе, например, совпадает с тем, что говорит Иосиф. Кроме того, в них не содержится никаких событий, которые, по-видимому, категорически противоречат известным историческим фактам.

Безусловно, синоптические Евангелия полны чудес и удивительных историй, которые в целом принимаются многими благочестивыми христианами. Однако если в наш рационалистический век некоторые из нас не захотят принимать в расчет чудеса и элемент божественного, то все еще останется связанная, естественная, вполне возможная и осмысленная история судь-

бы галилейского проповедника. Мы можем попытаться проследить эту историю в том, как она рассказывается в Евангелии от Матфея.

Предположим, например, что мы не принимаем в расчет рассказы Матфея о рождении и детстве Иисуса, рассматривая их как порождение поздней традиции, предназначенной для решения двух задач: (1) показать, что он — рожденный в Вифлееме потомок рода Давида и поэтому он считается Мессией, и (2) продемонстрировать сходство между его ранним служением и служением Моисея.

Если мы сделаем это, то на сцену впервые выходит тот, кого мы могли бы назвать «историческим Иисусом», как взрослый галилеянин, который слышал о проповеди Иоанна Крестителя и пошел в Иудею креститься.

Фактически именно таким способом начинается Евангелие от Марка, самое старшее из четырех Евангелий. В Евангелии от Марка нет никаких упоминаний о непорочном зачатии и Вифлееме или о какой-либо истории из первых двух глав Евангелия от Матфея. Евангелие от Марка начинается с рассказа об Иоанне Крестителе и крещении Иисуса.

После крещения «исторический Иисус» испытывает побуждение самому стать проповедником и пророком. Говоря современным языком, он слышит «звон к служению», но Матфей выражает это так, как это было характерно для его собственного времени.

Мф., 3: 16. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел [Иоанн] Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него.

По-видимому, описанное здесь было видением, которое испытал Иисус: «отверзлись Ему небеса». Несомненно, в это время у него крестилась большая толпа, и нет никаких указаний, по крайней мере в синоптических Евангелиях, на то, что это было явление, видимое всем людям.

Однако повествование идет еще дальше. Иисус изображается как осознающий в этот момент нечто большее, чем простой зов проповедовать:

Мф., 3: 17. И се, глас с небес глаголющий: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Слова «Сей есть Сын Мой возлюбленный», по-видимому, подразумевали, что в этот момент Иисус понял, что ему предназначено стать Царем, то есть Мессией. Даже немессианские

цари Иудеи считались приемными сыновьями Яхве; гораздо больше это относится к Мессии.

Однако это может оказаться более поздним благочестивым истолкованием событий автором Евангелия. Если бы мы попытались следовать «историческому Иисусу», то, по-видимому, оказалось бы, что реализация мессианства произошла значительно позже.

(В христианской мысли выражение «Сын Божий» считается означающим нечто гораздо более трансцендентальное и тонкое, чем роль, предназначенная Мессии, в еврейской мысли. Однако в синоптическом Евангелии ясно видна более поздняя христианская точка зрения. Она же видна в Евангелии от Иоанна.)

Для Марка Дух Божий входит в Иисуса во время крещения, и именно тогда, и только тогда он, очевидно, входит в свою роль Мессии. Однако в Евангелии от Матфея не может быть все так просто. Согласно Матфею, Дух Божий вошел в Иисуса в момент зачатия, он родился Мессией и едва ли ему нужно было крещение. Поэтому Матфей должен заставить Иоанна Крестителя признать этот факт. Когда Иисус пришел креститься:

Мф., 3: 14—15. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду.

И тем не менее, это признание Иоанном роли Иисуса как Мессии не соответствует рассказу Матфея об «историческом Иисусе»; поскольку в более поздний период Иоанн явно показывается как совершенно неуверенный в сути миссии Иисуса.

Сатана

Разумно предположить, что, как только Иисус почувствовал желание и побуждение стать проповедником, он мог на какой-то период удалиться для размышлений и обдумывания своей миссии. Каким проповедником он должен стать? Каким должен быть его общий подход? Что он должен пытаться свершить?

Матфей дополнил стих, содержащийся в Евангелии от Марка, рассказав о том, как после крещения Иисус удалился в пустыню, постился и был искушаем Сатаной пойти в Своем служении неверным путем. Для Матфея характерно, что он рассказывает о борьбе между Иисусом и Сатаной в виде противоборства цитат из Ветхого Завета.

Во время первого искушения Сатана убеждал Иисуса утолить свой голод после поста, превратив камни в хлеб, — то, что Бог был бы рад сделать по просьбе благочестивого и набожного человека. Иисус ответил на это цитатой:

Мф., 4: 4. *Он же сказал ему в ответ: написано: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».*

Цитата из Второзакония:

Втор., 8: 3. *...не одним хлебом живет человек, но всяким [словом], исходящим из уст Господа, живет человек...*

Это можно интерпретировать как решение Иисуса, чтобы его миссия была направлена не просто на улучшение материального благополучия человека, но и на побуждение нравственного возрождения.

Затем Сатана уговаривает Иисуса продемонстрировать свои силы, бросившись с вершины Храма, чтобы ангелы спасли его.

Мф., 4: 6. *...и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею».*

Здесь пишется, что Сатана придал метафорическому высказыванию из Псалтиря буквальное толкование:

Пс., 91: 11—12. *...ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих; на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею.*

Но Иисус парировал другой цитатой:

Мф., 4: 7. *Иисус сказал ему: написано также: «Не искушай Господа Бога твоего».*

(Втор., 6: 16. *Не искушайте Господа, Бога вашего...*)

То есть не следует искушать Бога и прибегать к уловкам, чтобы удовлетворить свое тщеславие или развеять человеческие сомнения. Этот ответ можно интерпретировать как решение Иисусом отвергнуть зрелищные методы в своей миссии, завоевывать сердца проявлением своей праведности, а не силы. (В действительности писания евангелистов объединяют в себе эти

два аспекта, и Иисус в них демонстрирует Силу Божью чудесами доброты, главным образом исцеляя больных.)

В последнем искушении Сатана предлагает ему все царства мира:

Мф., 4: 9. ...все это дам Тебе, если, нав, поклонись мне.

На что Иисус отвечает третьей цитатой:

Мф., 4: 10. ...отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

(Втор., 6: 13—14. Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи, и к Нему прилепись... Не последуйте иным богам...)

Таким образом, очевидно, что Иисус отвергает традиционное истолкование Мессии как могущественного и идеального царя, который свергает врагов Израиля силой и устанавливает свое правление над всем миром на манер сверх-Александра (Македонского).

Это решение стать мирным, а не воинственным Мессией, очевидно, крайне важно для рассказа об «историческом Иисусе».

Иродиада

Решение Иисуса посвятить свою жизнь служению Богу, должно быть, было ускорено новостями об аресте Иоанна Крестителя, так как это увеличило необходимость того, чтобы кто-то занял место Иоанна и продолжил распространять его послание:

Мф., 4: 12. Услышав же Иисус, что Иоанн отдан под стражу, удалился в Галилею.

Мф., 4: 17. С того времени Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.

В этом месте Матфей не приводит причины ареста Крестителя, а возвращается к этой теме позже.

Мф., 14: 3—4. Ибо Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее.

Лежащая в основе этого сюжета история сложная. Для начала мы должны рассмотреть вопрос о сыновьях Ирода Великого

(царя, правившего во время рождения Иисуса). Трое сыновей уже были упомянуты как разделившие власть Ирода после его смерти. Однако теперь ушел со сцены один из них, Ирод Архелай, сверженный в 6 г. до н. э., за четверть века до начала служения Иисуса.

Из оставшихся двоих мы рассмотрим сначала Ирода Антипу, тетрарха Галилеи и Переи. Он был сыном Ирода Великого от Мальфасы, шестой жены Ирода, которая была самаритянкой. Поэтому Ирод Антипа был родом наполовину идумеем, наполовину самаритянином и, следовательно, был вдвойне неприятен еврейским националистам. Он был тетрархом с момента смерти его отца в 4 г. до н. э. и правил в течение сорока трех лет; этот период был для этого региона главным образом периодом мира и процветания.

Во-вторых, был Ирод Филипп, сын Ирода Великого от его седьмой жены Клеопатры, иудейки (несмотря на ее имя). Ирод Филипп после смерти Ирода стал тетрархом Итуреи, и поэтому его можно называть Филиппом тетрархом. Кроме того, он все еще правил во время служения Иисуса и, по-видимому, был образцовым правителем.

Но был еще, по-видимому, один сын Ирода Великого, который не правил ни одной частью царства и который, внося путаницу в повествование, также носил имя Филипп. Мы назовем его просто Филиппом, чтобы отличать его от Филиппа тетрарха. Он был сыном Ирода от пятой жены Мариам II. (Ее следует отличать от Мариам I, которая была второй женой Ирода.) Мариам II не имела маккавейского происхождения, и поэтому Филипп никоим образом не был потомком Маккавеев.

Наконец, была Иродиада, дочь Аристокбула, который, в свою очередь, был сыном Ирода Великого от Мариам I. Так как это была та Мариам I, которая была из рода Маккавеев, мы можем считать Иродиаду внучкой Ирода Великого, потомком Маккавеев по бабушке. (Отец Иродиады Аристокбул был казнен его отцом Иродом в 6 г. до н. э., когда старый царь, став больным и близким к смерти, страдал паранойей и повсюду в своей сложной семейной жизни видел заговоры.)

Иродиада вышла замуж за Филиппа, своего двоюродного дядю, в то время как Ирод Антипа женился на дочери Арета, царя набатских арабов.

В начале своего царствования Ирод Антипа потерял интерес к своей жене и развелся с ней, взяв в качестве второй жены Иродиаду, которая развелась с Филиппом. Таким образом, Иродиада ушла от одного двоюродного дяди и стала женой другого двоюродного дяди.

В результате этого Арет, считая отказ своей дочери оскорблением, объявил войну Ироду Антипе и победил его. Но он ничем этим не добился, кроме, может быть, удовлетворения своей гордости. Римляне не могли позволить, чтобы локальные войны вышли из-под контроля, и вмешались, позволив Ироду Антипе сохранить свою тетрархию и новую жену.

Иоанн Креститель яростно осудил этот новый брак как кровосмесительный, не столько потому, что Иродиада была двоюродной племянницей Ирода Антипы, сколько потому, что она была его бывшей невесткой.

Ирод Антипа не позволил себе согласиться с этим осуждением и отказать Иродиаде, но стал нетерпимым по отношению к Иоанну Крестителю. Он не имел в виду теологические доктрины — в те дни Иудея была землей постоянных сложных теологических споров, — но возражал против любого вмешательства в свою частную жизнь. Кроме того, он, весьма вероятно, подозревал за этим осуждением политические мотивы и считал, что Иоанн был на службе у набатян и пытался поднять внутреннее восстание, которое отвечало бы целям по-прежнему гневающегося Арета.

Поэтому Иоанн был заключен Иродом в тюрьму в Махероне (согласно Иосифу), укрепленной деревне на южной границе Перее, к востоку от Мертвого моря. Однако Ирод не осмеливался предпринять вполне логичный шаг и казнить Иоанна и таким образом раз и навсегда заставить его замолчать, поскольку он боялся волнений, которые могли поднять многочисленные ученики Иоанна. Поэтому какое-то время Иоанн оставался заключенным в тюрьму.

Завулон и Неффалим

Матфей усматривает в возвращении Иисуса в Галилею начало его служения как исполнение пророчества:

Мф., 4: 14—16. *Да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: «Земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет».*

Эта цитата есть в Ветхом Завете в следующем виде:

Ис., 9: 1—2. *Прежнее время умалило землю Завулонову и землю Неффалимову; но последующее возвеличит приморский путь, За-*

иорданскую страну, Галилею языческую. Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет.

Однако эти два стиха из Книги пророка Исайи не составляют пару. Первый стих (9: 1) принадлежит к материалу восьмой главы, в которой Исайя говорит о недавнем разрушении Израиля ассирийскими войсками под предводительством Саргона. Второй стих (9: 2) представляет полное изменение сюжета, даже изменение с прозы на поэзию. С него начинается гимн коронации, который мог быть первоначально написан для празднования помазания нового царя, возможно Езекии.

В еврейской Библии (а также в новой иерусалимской Библии) стих (Ис., 9: 1) с его ссылкой на Неффалим и Завулон оказывается последним стихом восьмой главы (Ис., 8: 23), в то время как стих (Ис., 9: 2) в версии короля Якова начинает девятую главу еврейской Библии как Ис., 9: 1.

Это гораздо более логичное разделение этих двух глав, и соединение этих двух стихов в одной и той же главе произошло, несомненно, под влиянием их совместного цитирования у Матфея, который, по-видимому, стремился сделать это ссылкой на свет во тьме, отнесенной в особенности к Завулону и Неффалиму так, чтобы как можно большее в жизненном пути Иисуса было предсказано в Ветхом Завете.

Сын плотника

Можно предположить, что после возвращения в Галилею Иисус прежде всего вернется в свой собственный город. Однако если это так и произошло, то он остался там только на короткое время, Матфей поспешно перескакивает через этот момент:

Мф., 4: 12—13. ...Иисус... удалился в Галилею и, оставив Назарет...

Что происходило в Назарете в то время, если вообще происходило, Матфей не говорит, но позже в Евангелии Матфей рассказывает о событиях, которые происходили во время (предположительно) более позднего посещения Назарета. Эти же события рассказаны Лукой как происходившие во время посещения Иисусом Назарета примерно в начале служения, и в связи с этим появляется искушение задаться вопросом: а может быть, это происходило в самом начале этого периода его жизни?

Прослеживая путь «исторического Иисуса», можно предположить, что, проникшись новым смыслом своей миссии, он возвратился в Назарет и начал проповедовать там в первую очередь:

Мф., 13: 54. И, придя в отечество Свое, учил их в синагоге их, так что они изумлялись...

Но при этом он не нравился своей аудитории. Его помнили как мальчика, который вырос в их городе, и теперь он, очевидно, имел наглость выступать перед ними в качестве проповедника. Матфей возмущенно цитирует вопросы толпы:

Мф., 13: 54—56. ...откуда у Него такая премудрость и силы? Не плотников ли Он сын? Не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? И сестры Его не все ли между нами? Откуда же у Него все это?

Здесь упоминаются отец и мать Иисуса, но его отец Иосиф никогда не появляется в Новом Завете как живой человек, кроме как в связи с рассказами о рождении Иисуса. Поэтому обычно предполагается, что он умер, когда Иисус был еще юношей.

Из этих стихов видно, что Иосиф был плотником, но что известно насчет самого Иисуса? Лука о том же случае пишет, что толпа спросила:

Лк., 4: 22. ...не Иосифов ли это сын?

И нет никаких упоминаний о плотничестве.

С другой стороны, Марк — автор самого раннего Евангелия — отмечает этот случай и пишет, что толпа спросила:

Мк., 6: 3. Не плотник ли Он, сын Марии...

Возможно ли тогда, что «исторический Иисус», до своего крещения у Иоанна и зова к служению, был плотником в Назарете, а горожане были весьма возмущены тем, что обычный работник без богословской учености (как известно, обычные люди были несведущими в фарисейских сложностях закона тех времен) взял на себя смелость выступить в роли проповедника? И если бы он проявил знание закона, изучив его благодаря своему уму и трудолюбию, это не изменило бы тот факт, что, будучи обычным работником, он должен занимать свое место в толпе и слушать «более сведущих».

И Лука и Матфей, писавшие позже, когда Иисус в воспоминаниях своих учеников стал более могущественным, могли действительно испытывать нежелание подчеркивать социальное положение Иисуса как работника. Матфей сделал плотником Иосифа (хотя вполне возможно, что отец и сын были оба плотниками, поскольку Иисус рос в среде ремесла своего отца), в то время как Лука вообще пропустил это смущающее слово.

В любом случае, Иисус смягчает общую разочарованность той мыслью, которая подобна известному нам высказыванию: «чем ближе знаешь, тем меньше считаешь».

Мф., 13: 57. Иисус же сказал им: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем».

По-видимому, опыт показал Иисусу, что для успешности его миссии место должно быть таким, где он не был известен настолько хорошо, что на мнение людей влияли его прошлое ремесло или отсутствие у него формальной учености.

Братья Иисуса

Инцидент в Назарете обнаруживает также кое-какие сведения о членах семьи Иисуса. Толпа иронически повторяет имена родственников Иисуса, чтобы показать этим, что они не ошибаются насчет того, что этот проповедник-высочка в действительности является скромным плотником, которого они знают, а не каким-нибудь приезжим сановником. Они упоминают не только о его матери и отце, но и о его братьях и сестрах.

Мф., 13: 55—56. Не плотников ли Он сын? Не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? И сестры Его не все ли между нами?

Если интерпретировать эти стихи самым обычным образом, можно прийти к выводу, что «исторический Иисус» был членом большой семьи, а у Иосифа и Марии было пятеро сыновей и несколько дочерей.

И эта возможность большой семьи не устраняется даже в том случае, если принять рассказ Матфея о непорочном зачатии. Он говорит:

Мф., 1: 25. И [Иосиф] не знал Ее. Как наконец Она [Мария] родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус.

Даже если до рождения Иисуса Мария оставалась девой, в этом стихе нет ничего, что заставило бы нас поверить в то, что у Иосифа не было никаких отношений с Марией *после* рождения Иисуса и что Мария не могла обычным образом родить множество детей, которые потом станут младшими братьями и сестрами Иисуса. Можно даже доказать, что «первороденный» сын подразумевает по крайней мере второрожденного сына и, возможно, других сыновей. Если у Марии больше не было детей, можно было говорить просто о «единственном сыне» или даже «единственном ребенке».

Однако это описание нормальной семейной жизни Марии как многолетней матери Иисуса с четырьмя младшими братьями и несколькими младшими сестрами недопустимо для многих христиан, которые твердо верят в традицию вечной девственности Марии, и были выдвинуты основания, очевидно придающие словам евангельского стиха совсем не то значение, которое они, по видимому, имели.

Одна теория заключается в том, что конкретные люди, упомянутые как братья и сестры Иисуса, фактически были детьми Иосифа от предыдущего брака, а не сыновьями Марии. В таком случае они были бы старше Иисуса, его сводными братьями и сестрами. Однако это опровергается тем фактом, что нигде в Библии не упоминается ни о каком более раннем браке Иосифа.

Более разумная теория говорит о том, что эти люди были не братьями Иисуса, а родственниками другого типа, скажем двоюродными братьями. Слово «брат» действительно иногда используется в Библии для того, чтобы подразумевать «родственника». Таким образом, Лот является племянником Авраама, но:

Быт. 13: 8. *И сказал Аврам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники...*¹

Кроме того, Иаков является племянником Лавана, но:

Быт., 29: 15. *И Лаван сказал Иакову: неужели ты даром будешь служить мне, потому что ты родственник?² скажи мне, что заплатить тебе?*

Однако в таких случаях обычно приводится достаточно генеалогического материала, чтобы между конкретными людьми

¹ В английской Библии здесь используется слово «brethren», «братья». (Примеч. пер.)

² В английской Библии здесь также используется слово «brethren», «братья». (Примеч. пер.)

можно было установить точные родственные связи. В случае братьев Иисуса дело обстоит по-другому, и те, кто приводит доводы в пользу более отдаленных родственных связей, вынуждены искать косвенные доказательства. Так, Матфей говорит о нескольких женщинах, являющихся свидетельницами распятия на кресте:

Мф., 27: 56. ...между ними были... Мария, мать Иакова и Иосии...

Названные имена часто встречаются, но здесь имеются в виду те Иаков и Иосия, которые являются сыновьями Марии. Могли ли они быть Иаковом и Иосией, которые упоминаются как братья Иисуса наряду с Симоном и Иудой, о которых здесь не говорится? Если это так, то они были сыновьями другой Марии, поскольку если бы эта Мария была матерью также и Иисуса, то, несомненно, Матфей сказал бы об этом. В таком случае, кто же была эта другая Мария? В аналогичном стихе в Евангелии от Иоанна мы читаем:

Ин., 19: 25. При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина...

Может ли быть так, что братья, упомянутые в Мф., 13: 55, являются сыновьями тети Иисуса Марии, а не его матери Марии и поэтому фактически его двоюродными братьями?

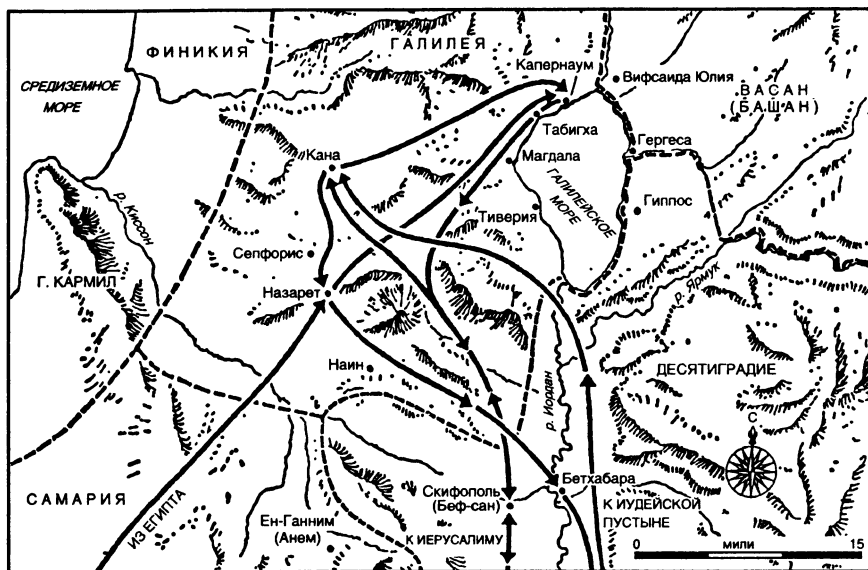
Однако многие современные ученые не ищут окольных объяснений, а считают, что мать Иисуса Мария является также матерью и других упомянутых лиц. Разумеется, если мы попытаемся исследовать жизнь «исторического Иисуса», с которым не связан рассказ о непорочном зачатии, то нет никаких оснований подвергать сомнению тот факт, что у него были настоящие братья и сестры.

Капернаум

Покинув Назарет, Иисус пошел в больший город в Галилее, где он мог надеяться на больший успех, чем в его родном городке:

Мф., 4: 13. ...и, оставив Назарет, пришел и поселился в Капернауме приморском...

Капернаум находится примерно в 20 милях к северо-востоку от Назарета и во времена Иисуса был важным городом с римским

Ранние странствия Христа

гарнизонам, налоговой службой и синагогой значительных размеров. Его еврейское название было *Капернахум* («деревня Наума»), которое на греческом стало звучать как «*Капернауом*», а на русском — «Капернаум». Несмотря на известность Капернаума как места проповеди Иисуса, в конце концов он исчез, и в наше время даже оспаривается его бывшее местоположение.

Он был расположен на морском побережье, но это не означает Средиземное море, как можно было подумать, но на берегу внутреннего озера с пресной водой, которое находится на востоке Галилеи в верховьях реки Иордан.

Это озеро грушевидно по форме с широким берегом на севере. Оно небольшое, размером лишь в тринадцать миль в длину и семь с половиной миль в ширину. Площадь его поверхности всего только шестьдесят пять квадратных миль (в три раза больше острова Манхэттен).

Озеро имело множество разных названий, которые все были приняты от названий городов или районов на его западном берегу. Например, очень древний город вблизи его южного берега имел название Киннереф. Он упоминается в летописях о завоевателе Тутмосе III Египетском, жившем задолго до Исхода. Название этого города было дано озеру и его западным берегам.

Озеро почти не упоминается в Ветхом Завете, так как основная часть населения и властей Израиля и Иудеи находились далеко на юге. Когда оно вообще упоминается, то обычно вводится в описание как часть пограничной области:

Чис., 34: 11. ...от Шефама пойдет граница к Рибле, с восточной стороны Аина, потом пойдет граница и коснется берегов моря Киннереф с восточной стороны...

Западные берега озера упоминаются в связи с сирийским вторжением примерно в 900 г. до н. э.

1 Цар., 15: 20. И послушался Венадад царя Асы [Сирии], и послал военачальников своих против городов Израильских, и поразил Аин и Дан и Авел-Беф-Мааху и весь Киннереф, по всей земле Неффалима.

В современном Израиле все еще используется ветхозаветное название этого озера, когда оно называется Ям Киннерет, а на его берегах расположен город с названием Киннерет и населением примерно в тысячу жителей.

На северо-западных берегах озера находится небольшая равнина, не более двух миль в любую сторону, где в озеро впадают два небольших ручья. Она называется Генносар, или Геннисарет, название неизвестного происхождения. Возможно, оно означает «сад Гасора»; Гасор был ханаанским правителем этой области во времена Судей.

В любом случае этот район дал свое название также и озеру, и эти названия используются в Библии, апокрифах и у Иосифа. Например:

1 Мак., 11: 67. А Ионафан и войско его расположились станом при водах Геннисаретских...

Также в Новом Завете:

Лк., 5: 1. ...а Он [Иисус] стоял у озера Геннисаретского...

В современном Израиле на северо-западном берегу озера стоит деревня. Ее население составляет, возможно, пятьсот жителей, а ее название Гинносар.

После Исхода, когда северные земли стали территорией колен Неффалима и Завулона, эта область получила известность как Галилея, а озеро стало известно как Галилейское море:

Мф., 4: 18. *Проходя же близ моря Галилейского, Он [Иисус]...*

С тех пор это озеро более всего известно христианам под таким названием. Но это не самое последнее из его названий. Во время самого Иисуса возникло еще одно название.

Самым крупным и самым современным городом на берегах этого озера во времена Иисуса был город, построенный в 20 г. до н. э. (меньше чем за десятилетие до того, как Иисус начал свое служение) Иродом Антипой. Он был назван Тиверией в честь правившего тогда римского императора, и Антипа сделал его своей столицей. Прежде это был языческий город, и иудеи с ужасом смотрели на него частично по этой причине, а частично из суеверия, так как он построен на месте древнего кладбища.

Город только однажды упоминается в Новом Завете, и только в Евангелии от Иоанна, самом последнем и наиболее ориентированном на греческую мысль:

Ин., 6: 1. *После сего пошел Иисус на ту сторону моря Галилейского, в окрестности Тивериады.*

Этот город дал также свое название морю, название которого есть также в Евангелии от Иоанна:

Ин., 6: 23. *Между тем пришли из Тивериады другие лодки...*

Тиверия до сих пор существует и все еще является крупнейшим городом на берегах озера. Его население — примерно двадцать две тысячи жителей, а название все еще связано с озером, которое известно на арабском языке как Бар Тавария, а в русской географии как Тивериадское озеро.

СИМОН

В Капернауме Иисус быстро достиг успеха, здесь у него была внимательная аудитория, чего не было в Назарете. Он даже начал собирать вокруг себя учеников:

Мф., 4: 18—20. *Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы; и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним.*

Симеон — это форма имени, используемого в Ветхом Завете, и в одном месте эта форма используется и для Симона Петра:

Деян., 15: 14. *Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое.*

Однако была выраженная тенденция сократить это имя до формы «Симон», так как оно было благородным греческим именем, а даже среди консервативных иудеев того периода существовала тенденция принимать или давать греческие имена. У иудеев не было нынешней системы фамилий и было принято отличать людей с одинаковыми именами по именам их отцов. Так, в одном месте Иисус говорит:

Мф., 16: 17. *...блажен ты, Симон, сын Ионин...*

Но этого также могло оказаться недостаточно, и было распространенной практикой добавлять к имени человека какое-нибудь прозвище, получаемое на основе его внешнего вида или характера, чего-нибудь очень индивидуального. Это видно в случае сыновей Маттафии, священника, который поднял маккавейское восстание.

Симон, возможно из-за своих размеров и силы, или из-за твердости, или и того и другого, был назван на арамейском Синомом Кифа (Симон Скала). По-гречески «скала» — «петрос», а на латыни — «петр». Таким образом, в русском языке он становится Петром, и поэтому Симон часто упоминается как Симон Петр.

Прозвище может использоваться отдельно, если оно достаточно характерно или становится достаточно известным. Так, Павел в своем Первом послании к коринфянам осуждает фракционность ранней церкви, говоря:

1 Кор., 1: 12. *Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов».*

Кифа — это Симон. И мы, конечно, более всего знаем его просто как Петра.

Андрей — это имя, которое не встречается в Ветхом Завете. Это — русский вариант греческого имени Андреас, означающего «мужественный».

В Евангелии от Матфея оказывается, что Петра и Андрея просто призвали, и они последовали, не в силах помочь себе, привлеченные и загипнотизированные божественной сущностью

Иисуса. И тем не менее, если мы исследуем жизнь «исторического Иисуса», то разумно будет принять, что Петр и Андрей первыми услышали его проповедь, почувствовали притягательность его учения и затем присоединились к нему.

Иаков

Петр и Андрей, единственные ученики, присоединившиеся к Иисусу в Капернауме, не были братьями. Вскоре к ним присоединилась еще одна пара братьев:

Мф., 4: 21—22. Оттуда, идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцом их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним.

Зеведей, имя отца Иакова и Иоанна, является русским вариантом греческого Зебедайос, которое, в свою очередь, происходит от еврейского Зебедаиах. Множество людей с этим именем упоминаются в Ветхом Завете, но никто из них не играет важной роли.

Сын Зеведея Иоанн является вторым из важных личностей по имени Иоанн в Новом Завете; первым, конечно, Иоанн Креститель.

Имя Иаков имеет параллели с греческим Iakhobos и латинским Jacobus.

Десятиградие

Слава о проповедях Иисуса начала распространяться повсеместно. В еврейских царствах того времени образованный проповедник был сведущим в Законе и мог проиллюстрировать важные моменты своей речи интересными историями, указывающими на аналогии или мораль («притчи»), чтобы привлечь к ним внимание слушателей. Молва об Иисусе распространялась быстро, поскольку один человек взволнованно рассказывал другому, то многие пришли посмотреть и послушать новую знаменитость. Эффект был таким же, как от появления нового философа в Афинах, нового гладиатора в Риме или от постановки новой популярной пьесы в современном Нью-Йорке.

О святых людях во все времена всегда циркулировали слухи об удивительных исцелениях. Это было справедливо не только

для времен до Иисуса, но и после. Английские короли не были особенно святыми, а некоторые и вовсе были нечестивыми, но считались способными исцелить от болезни, называемой золотухой, простым прикосновением к больному; и даже в XVIII в. к монарху прикасались для исцеления от золотухи. Даже в наше время есть немало знахарей, которые лечат людей «возложением рук». Природа этой болезни такая сложная и так значительно влияние психологического отношения к ней, что больной, который всецело верит в то, что курс такого лечения поможет ему (даже если это был только случайный контакт с безразличным царем или целителем из захолустья), то это действительно часто помогает.

Восторженные евангелисты описали множество историй об исцелениях Иисусом больных, и бесполезно пытаться предполагать по каждому случаю какие-то естественные объяснения. Для верующих христиан все описанные исцеления вполне возможны, для них они вызваны не исцеляющей верой и самовнушением или своего рода примитивной психиатрией, а прямым вмешательством божественной силы.

Однако в поисках «исторического Иисуса», возможно, достаточно сказать, что многие, кто принимал Иисуса как святого, верили, что он мог помочь им избавиться от болезней, и это действительно помогало им. Повсюду распространялись рассказы о его исцелениях (и в пересказах, как это неизбежно случается в таких ситуациях, нарастали преувеличения). Такие рассказы способствовали дальнейшему росту его известности:

Мф., 4: 24—25. И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их. И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана.

Особенно интересно здесь упоминание о Десятиградии («десять городов»). Во время завоеваний Александра Македонского повсюду, где прошли его армии, возникали греческие города; и эта тенденция, продолжалась и при македонских царях, которые унаследовали его власть. При Селевкидах область к востоку от реки Иордан и Галилейского моря была усеяна греческими городами.

На пике расцвета Маккавейской монархии эта область была завоевана Александром Ианнеем, но, когда Помпей совершил поход в Иудею и реорганизовал эту область, греческие города были освобождены. Они образовали между собой союз и во вре-

мена Иисуса наслаждались значительной независимостью. Десять городов, которые образовывали часть этого союза, управлялись различными властями по-разному, но, очевидно, самым северным городом был Дамаск, в 60 милях к северо-востоку от Капернаума. Это тот же Дамаск, который был столицей Сирийского царства, против которого воевал Ахав.

Если люди приходили из Десятиградия, чтобы послушать Иисуса, то они, возможно, включали в свое число и некоторое количество язычников. Об этом конкретно не говорится, но в этом нет ничего невозможного. Точно так же, как некоторых иудеев сильно привлекала греческая культура, так и некоторых греков сильно привлекал иудаизм. Даже если такие греки воздерживались от обращения, тем не менее, они могли быть достаточно заинтересованными в том, чтобы прийти послушать некоего выдающегося проповедника.

В свете более поздней истории христианства чрезвычайное значение имеет тот факт, что проповедь Иисуса, возможно, вначале распространялась среди греков и вообще язычников.

Закон

В этом пункте Матфей считает уместным привести примеры тех учений, которые проповедовал Иисус и которые так широко привлекали к ним внимание. Он делает это в проповеди, занимающей три главы повествования. Возможно, отрывок, приведенный Матфеем, в действительности был не единственной проповедью, которая была произнесена за один раз, а собранием показательных «изречений». Проповедь начинается следующим образом:

Мф., 5: 1—2. Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их...

В 394 г. христианский епископ Августин Блаженный написал комментарий к этой проповеди, которую он назвал «О нагорной проповеди Господа», и с тех пор эти главы Евангелия от Матфея упоминаются как «Нагорная проповедь».

Были попытки найти вблизи Капернаума какой-нибудь конкретный холм, на котором могла быть произнесена проповедь, но, по-видимому, таким образом найти решение не удалось.

Нагорная проповедь, данная в Евангелии от Матфея, как и можно было ожидать, тесно связана с учением Ветхого Завета.

Много фраз, которые мы накрепко связываем с Нагорной проповедью и с учением Иисуса, имеют близкие параллели в Ветхом Завете. Таким является часто цитируемый отрывок в начале проповеди, в котором благословляются различные группы людей, и поэтому называется «заповедями блаженства». В нем говорится:

Мф., 5: 5. *Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.*

Сравните это с:

Пс., 36: 11. *А кроткие наследуют землю...*

Действительно, можно предположить, что одной из целей Матфея при записи Нагорной проповеди было поддержать конкретную точку зрения, которую он представляет среди ранних христиан.

После того как Иисус ушел с исторической сцены, его изречения сохранились только потому, что их помнили и передавали из уст в уста. Нет никаких доказательств того, что Иисус когда-либо зафиксировал свое учение в письменном виде.

Устное учение, которое, должно быть, передавалось из уст в уста, могло породить споры. Естественным образом существовало множество изречений, которые цитировались тем или иным слушателем, и в некоторых случаях изречение могло сообщаться одним человеком в одной форме, а кем-то иным — в другой. Изречения могут даже цитироваться во внутренне противоречивых формах и могут использоваться для того, чтобы поддержать весьма расходящиеся по смыслу теологические взгляды.

Возможно, самый фундаментальный из ранних расколов среди христиан произошел между теми, кто утверждал, что учение Иисуса является просто усовершенствованием иудаизма, и теми, кто утверждал, что оно радикальным образом отличается от иудаизма. Первые поддерживали верховенство Закона Моисея даже для христиан; вторые отрицали его.

Матфей, в наибольшей степени иудей среди евангелистов, очевидно, верил в верховенство Закона, и в Нагорной проповеди он цитировал Иисуса как страстного и недвусмысленного приверженца этой веры:

Мф., 5: 17—18. *Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или Пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из Закона, пока не исполнится все.*

За этим у Матфея следует другой стих, который, по-видимому, нацелен им непосредственно на умы тех ранних христиан, кто придерживался другой точки зрения:

Мф., 5: 19. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном.

Эта приведенная крайняя точка зрения усиливается соображениями насчет значения «йоты» и «черты». Йота — это еврейская буква «йод», самая маленькая (чуть крупнее жирной точки) буква еврейского алфавита. По-гречески эта буква называется «йотой», и она является самой маленькой в греческом алфавите (поэтому говорится «на на йоту» в значении «ни в малейшей степени»).

«Черта» — это перевод греческого слова, означающего «маленький рожек». Это была маленькая метка, отличавшая одну еврейскую букву от другой. В русском языке подобная черточка отличает букву «и» от «й».

Мф., 5: 18. ...истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не пройдет из Закона, пока не исполнится все.

Другими словами, в результате пришествия Иисуса ничто не изменится в Законе, даже на самую малость.

Истолкование этого отрывка зависит от фразы «пока не исполнится все». По-видимому, Матфей подразумевал, что это подобно фразе «пока не пройдет небо и земля». Однако возможны и другие точки зрения, и они, как мы увидим, высказаны в Библии, и именно эти другие точки зрения в конечном счете возобладали.

Весьма вероятно, что «исторический Иисус» действительно придерживался точки зрения, приведенной здесь у Матфея, поскольку в синоптическом Евангелии он всегда изображается — несмотря на споры с фарисеями — как ортодоксальный еврей, верный всем принципам иудаизма.

Мытари

В любом случае Иисус (в изображении Матфея) скорее укреплял Закон, чем ослаблял его. Так, в Нагорной проповеди Иисус учит о необходимости превзойти букву Закона в вопро-

сах морали и этики. Недостаточно воздерживаться от убийства ближнего; нужно воздерживаться даже от гнева на него или от выражения презрения к нему. Недостаточно воздерживаться от прелюбодеяния; нельзя позволять себе потворствовать похотливым чувствам. Недостаточно воздерживаться от ложных клятв; нельзя клясться вообще, нужно просто говорить правду.

Хотя Закон Моисея допускал возмездие за личный ущерб, Иисус утверждал, что лучше вообще не допускать никакого возмездия. Нужно воздавать добром за зло. В конце концов, он указывает на то, что воздавать добром за зло — это естественная склонность, которая влияет даже на неверующих. Те, кто стремится к нравственному совершенству, должны делать больше этого:

Мф., 5: 46. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?

Мытари показаны здесь как некая крайность среди людей. Если даже мытари могут сделать что-то, то это может сделать любой человек. Греческое слово, используемое здесь, — «telonai», которое переводится на латинский как «publicani», а на русский — как «мытари».

Первоначально в Риме мытари были подрядчиками, которые согласны были за соответствующую плату выполнять общественные работы и услуги. Одной из наиболее важных общественных работ был сбор налогов.

В огромной Римской империи было трудно собирать налоги в то время, когда не было современных средств передвижения и сообщения и когда еще не было современных деловых операций. Один лишь тот факт, что еще не было арабских цифр, чрезвычайно умножал трудности регулирования римской экономики.

Римские финансовые операции всегда были неэффективными и расточительными, и бремя этого ложилось на плечи населения империи, в частности, во времена Нового Завета, на население провинций.

Римское правительство не имело организации, необходимой для того, чтобы собирать налоги, так что они отдавали на откуп разрешение производить такие сборы богатым людям, у которых имелись в наличии значительные суммы денег. За большую сумму они могли бы выкупить право собирать налоги в какой-нибудь провинции. Сумма, которую они оплачивали, представляла собой сбор налогов в той степени, в какой в них было заинтересовано правительство. Правительство получало необходимые налоги на месте. Больше по этому поводу не возникало никаких проблем.

Однако мытари должны были возмещать плату из тех налогов, которые они собрали. Именно как «сборщиков налогов» люди в провинциях лучше всего знали мытарей, и это слово в Исправленном стандартном переводе передается как «сборщик налогов».

Проблемой этой системы было то, что если мытари, или сборщики налогов, собирали меньше, чем они платили, то они несли убытки, в то время как если они могли выкачать из населения больше, чем они платили, то у них получалась прибыль. Чем беспощаднее они выкачивали, тем выше была прибыль, так что в интересах мытарей было заставить платить все до последней копейки, следовательно, они могли добиваться самого строгого выполнения буквы Закона, который они интерпретировали самым выгодным для себя образом.

Фактически ни один сборщик налогов, пусть даже снисходительный и милосердный, не вызывал любви, но «мытарь» римского типа, несомненно, был более всего ненавидим как беспощадная пиявка, которая отберет у умирающего ребенка последнюю рубашку. Поэтому не стоит удивляться тому, что слово «мытарь» в Нагорной проповеди используется как синоним высшей греховности.

Конечно, Иисус ссылался не на самих мытарей, не на богатых римских дельцов, которые жирели на несчастье миллионов. Скорее, это были многочисленные мелкие сборщики, кто передавал деньги вышестоящим чиновникам.

Но некоторым образом они были еще хуже, поскольку обычно это были иудеи, которые брались за подобную работу как за средство зарабатывания на жизнь и таким образом зарабатывали ненависть и презрение своих соплеменников иудеев. В то время было множество еврейских националистов, которые считали римлян угнетателями, против которых нужно бороться и в конце концов свергнуть их, как когда-то поступили Маккавеи. Терпеть присутствие римлян было тяжело, платить им налоги было еще хуже, но собирать эти налоги казалось уже выше всякого предела.

Отче наш

Иисус продолжает Нагорную проповедь осуждением показной набожности. Он открыто осуждает показную милостыню, публичную молитву или намеренно преувеличенное проявление страданий во время поста, все, что делается для того, чтобы вызвать восхищение и приобрести репутацию набожности. Иисус

указывает на то, что если человеку нужно именно одобрение, то он его и получит, это, скорее всего, и будет всей его наградой.

Он также наставляет не использовать бессмысленно длинных или ритуалистических молитв:

Мф., 6: 7. А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны...

Мф., 6: 9. Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое...

И далее следует известная молитва «Отче наш», называемая так по ее первым словам. На латынь первые слова молитвы «Отче наш» переводятся как «Pater noster».

В свете предостережения Иисуса в Мф., 6: 7 довольно иронично выглядит то, что во время поста часто принято многократно повторять «Pater noster», а из подобного бормотания получается слово «patter» («есть»).

Маммона

Нет ничего необычного в том, что проповедники выбирают себе учеников из числа бедных, и Иисус высказывал резкие слова, говоря о богатстве и богатых. «Исторический Иисус» был плотником, первые его четыре ученика были рыбаками. Несомненно, за ним последовали бедные и необразованные люди, в то время как аристократия (саддукеи) и интеллигенция (фарисеи) выступали против него.

В таком случае неудивительно, что Евангелие и раннехристианское учение вообще имели сильно выраженную социальную окраску. Возможно даже, что эта окраска в немалой степени способствовала нарастанию количества обращенных в первые двести лет после смерти Иисуса.

В Нагорной проповеди Иисус убеждал меньше заботиться о накоплении материального богатства, ценного в земной жизни, и больше заботиться о накоплении нравственного богатства, ценного на небесах. Действительно, если слишком сильно заботиться о мирских вещах, то неизбежно отнимется внимание от более тонких небесных ценностей:

Мф., 6: 24. Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

«Маммона» здесь является непереуверенным арамейским словом, означающим «богатство». Из-за его такого использования в этом стихе обычно предполагается, что богатство — это некая антитеза Богу; что это имя какого-то злого духа или языческого идола, которому служат как богу богатства. Так, Джон Мильтон в своем «Потерянном рае» делает Маммону одним из падших ангелов, который последовал за Сатаной. Фактически он делает его самым презренным из всех, так как даже на Небесах перед его падением Мильтон описывает его исключительно восхищающимся золотым мощением Небес.

Если бы фраза была переведена (как в иерусалимской Библии) как «Бог и деньги», то смысловое совпадение получилось бы более эффективным.

Некоторым образом это символизировало изменение древнееврейской мысли. Считалось, что в отсутствие последующих награды и наказания благочестивые вознаграждаются на земле богатством, здоровьем и счастьем, а грешники наказываются обнищанием, болезнями и горем. Именно эта мысль разожгла запутанную дискуссию об отношении Бога к добру и злу, которая обнраживает в Книге Иова.

Если награда и наказание откладывались для следующей жизни, естественно могла возникнуть мысль, что люди, у которых «слишком много благ» на земле, должны будут пострадать за это в будущей жизни просто для равного счета. Можно было испытывать некоторое утешение с этой точки зрения тем, кто был беден и угнетен, и евангелисты иногда цитируют Иисуса таким образом, чтобы казалось, что он, по-видимому, поддерживал эту точку зрения.

Примером является противопоставление Бога и богатства, как в Мф., 6: 24. Еще более ярким примером, в котором фактически прогибаются богатые люди просто за то, что они богаты, является известный стих, в котором Иисус говорит:

Мф., 19: 24. ...и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие.

Как только христианство стало широко распространенным и достаточно популярным движением, чтобы привлечь богатых и могущественных людей, потребовалось приложить множество усилий, чтобы найти оправдание для этого стиха. Так, например, иногда делали вид, что «игольные уши» было названием узких врат через иерусалимские стены и что полностью нагруженный верблюд не мог пройти через них, пока с него не снимут часть груза. Поэтому этот стих, возможно, означал, что бо-

гатый человек мог войти на небеса только после того, как надлежащая часть его богатства отдавалась на благотворительность или церкви. Однако более разумно считать, что этот стих означал только то, что, по-видимому, он и означал, — выражение чувства ненависти к богатым со стороны бедных, которые формировали ранние христианские общины.

Собаки

К концу Нагорной проповеди встречается стих, который не связан с предшествующим и последующим, но стоит особняком:

Мф., 7: 6. Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

И собаки, и свиньи традиционно считались нечистыми животными, которые питались отбросами и поэтому являлись также в буквальном смысле нечистыми. Называть кого-нибудь любым из этих слов было большим оскорблением, и это до сих пор сохраняется во многих культурах. (Например, немецкое бранное слово «Schweinhund» или «свинья-собака».)

Вопрос в следующем: на что или кого ссылались в этом стихе как на собак и свиней? В этом стихе могло просто подразумеваться, что не следует пытаться учить религиозным истинам неисправимых насмешников или совершенно погрязших в грехе, и, тем не менее, это, по-видимому, вряд ли верное толкование. Кого должно учить истине? Того, кто уже и так верит?

Сам Иисус опровергает это, поскольку, когда его обвиняют в связи с грешниками, он говорит:

Мф., 9: 12. ...не здоровые имеют нужду во враче, но больные...

С другой стороны, ссылка на собак и свиней может быть цитатой, взятой Матфеем для того, чтобы подтвердить свою собственную точку зрения ориентированного на иудеев христианства. Другими словами, возможно, он говорил, что не следует прилагать большие усилия по распространению учения Иисуса среди язычников. Возможно, точка зрения Матфея была в том, что язычников оскорбят усилия по обращению и они начнут преследовать христиан, «обратившись, растерзают вас», как фактически и случилось на самом деле. Он мог также считать, что те язычники, которые приняли христианство, не зная Закона

Моисея, извращают учение Иисуса: они «попрали его ногами своими».

То, что все это могло действительно так и быть, подтверждается другим отрывком из Евангелия от Матфея, где суть утверждаемого совершенно ясна и где значение слова «собака» не вызывает сомнений.

Во время пребывания к северу от Галилеи Иисус заговорил с хананеянкой, которая просила его исцелить свою больную дочь. Сначала Иисус не отвечает ей вообще, но когда она настаивала:

Мф., 15: 24. ...Я послан только к погибшим овцам дома Израилева.

Мф., 15: 26. ...нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам.

Здесь Матфей ясно представляет свою версию жизни Иисуса, дело которого находится полностью в пределах границ еврейского царства. (Безусловно, эти стихи не являются последними в этом конкретном отрывке; далее будет сказано и об этом.) Кроме того, противопоставление «детей» и «собак» ясно предполагает, что оно символизирует противопоставление «иудеев» и «язычников». Это показывает выраженные антиязыческие настроения у некоторых ранних христиан-евреев; на это, как мы увидим в более позднем Евангелии, подробно ответили некоторые ранние христиане-неевреи.

Точка зрения на учение Иисуса, изображенная Матфеем, проявляется и в напутствии Иисуса своим ученикам, которых он посылает для распространения своего учения.

Мф., 10: 5—6. Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: «На путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева...»

Сотник

И тем не менее, даже Матфей несколько изменил свои воззрения. В то время, когда он писал Евангелие, было совершенно ясно, что большинство иудеев решительно отвергали мессианство Иисуса и никогда не примут его, в то время как поразительное количество неевреев просили принять их в общину. Христианство не могло захлопывать дверь перед неевреями, иначе оно бы исчезло. Даже Матфей понимал это.

Поэтому он писал, что неевреям позволено вступать в общину, но, следует сказать, иногда он говорит об этом весьма неохотно. Так, вернемся к случаю с хананеянкой, которая обрати-

лась к Иисусу с просьбой исцелить ее дочь, и ей сказано, что пищу для детей не следует бросать собакам. Она покорно принимает эту аналогию:

Мф., 15: 27. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их.

После чего Иисус принимает справедливость этого замечания (практически можно считать это мягким укором) и исцеляет дочь женщины. Согласно изложенной здесь точке зрения Матфея, по-видимому, нееврея принимали, если он вступает в общину смиренно, с полным признанием своего более низшего статуса.

Менее недоброжелательное отношение обнаруживается в том случае, когда Иисус сразу после Нагорной проповеди не только приветствует неевреев, но и предостерегает закоснелых евреев.

Мф., 8: 5—6. Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник и просил Его: Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает.

Сотник был должностным лицом, повелевающим сотней человек, и это слово происходит от латинского «centum», означающего «сотня человек». Он эквивалентен сержанту в нашей армии. В данном случае неясно, был ли сотник в действительности членом оккупационной армии римлян или армии Ирода Антипы. В любом случае он не был евреем.

Сотник просит Иисуса не беспокоиться с личным визитом, но сказать исцеляющее слово на расстоянии. Иисус делает так, как просит сотник, говоря:

Мф., 8: 10—12. ...и в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны Царства извержены будут во тьму внешнюю...

Матфей считает, что чудеса исцеления Иисуса подтверждают пророчество Ветхого Завета:

Мф., 8: 17. Да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: «Он взял на Себя наши немощи и понес болезни».

Эта цитата взята у Второ-Исаии, который описывает страдающего слугу.

Ис., 53: 4. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни...

Сын Человеческий

В синоптических Евангелиях Иисус в начале своего служения изображается как осторожный, избегающий возбудить подозрения у властей относительно своего мессианского статуса. И религиозные, и светские руководители быстро уничтожили бы того, кого они считали ложно провозглашающим себя Мессией, так как подобный лжемессия мог поднять восстание и причинить много вреда.

Даже если сам Иисус был осторожен, его растущая популярность могла заставить тех, кто следовал за ним, слишком неосторожно провозгласить его Мессией, и, очевидно, этого он и хотел избежать. Поэтому описывается, что он предпочитал, чтобы его чудесные исцеления также широко не разглашались. Так, после исцеления прокаженного:

Мф., 8: 4. И говорит ему Иисус: смотри, никому не сказывай, но пойдя, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им.

Другими словами, исцеленный прокаженный должен был сам объявить, что он очистился согласно Моисеевой системе, и он не должен был говорить, как это произошло на самом деле. То же благоразумие Иисус проявил и в отношении к себе. Так, когда книжник хотел стать его учеником, Иисус указывает на связанные с этим трудности:

Мф., 8: 20. И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову.

Выражение «Сын Человеческий» — это обычный способ сказать просто «человек». Он часто используется в Книге пророка Иезекииля, когда Бог обращается к пророку:

Иез., 2: 1. ...и Он [Бог] сказал мне: «сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою».

По-видимому, это выражение подчеркивает низкое положение человека по сравнению с Богом; бесконечно более низкое положение первого по отношению ко второму. Как если бы Бог обратился к человеку: «Смертный!»

Кроме Книги Иезекииля, это выражение есть еще только в последней книге Ветхого Завета — Книге пророка Даниила. Там

оно используется в одном случае, точно в такой же ситуации, как и в Книге пророка Иезекииля, когда архангел Гавриил говорит с Даниилом:

Дан., 8: 17. *...и сказал он [Гавриил] мне: «знай, сын человеческий...»*

И еще в одном месте Даниил описывает апокалиптическое видение:

Дан., 7: 13. *Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий...*

Дан., 7: 14. *И ему дана власть, слава и царство... владычество вечное... и царство Его... не разрушится.*

Даниил ранее символизировал множество языческих народов, угнетающих Израиль, в виде диких зверей; теперь он символизировал идеальное царство мессианского Израиля в виде человека, показывая его великую ценность. «Как бы Сын Человеческий» может перефразироваться как «образ в виде человека».

Однако из-за этого отрывка выражение «Сын Человеческий» стало использоваться как метафорический способ говорить о Мессии. Возможно, иногда это было полезно, когда было опасно слишком открыто проявлять мессианские надежды. Говоря о «Сыне Человеческом», можно было подразумевать Мессию для тех, кто симпатизировал, но перед судьей можно было утверждать, что это выражение означало просто «человек».

Об Иисусе пишется, что он в ряде случаев называл себя таким способом. Действительно, так он именуется чаще всего. Мы могли бы обрисовать «исторического Иисуса» как довольно-таки своим успехам и начинающего думать, что его миссия действительно могла бы быть великой. Осторожно он мог начать относиться к себе как к «Сыну Человеческому» мессианский титул, который всегда можно было защитить как форму смирения, используемую в манере Иезекииля.

Гергесинская страна

Успехи Иисуса в Капернауме, очевидно, воодушевили его на то, чтобы попытаться расширить свою миссию за пределами Галилеи:

Мф., 8: 18. *Увидев же Иисус вокруг Себя множество народа, велел [ученикам] отплыть на другую сторону.*

Под «другой стороной» подразумевается, конечно, восточный берег Галилейского моря. Этот восточный берег был за пределами тетрархии Галилеи и был, скорее, частью Десятиградия.

Мф., 8: 28. И когда Он прибыл на другой берег в страну Гергесинскую, Его встретили два бесноватые, вышедшие из гробов, весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путем.

«Гергесинская страна», или «Гергесеи», — это, очевидно, ошибка переписчика, так как это вариант названия города «Гадары», которое упоминается в других местах Евангелий. Наилучшим вариантом было бы «Герасы», так как это, по-видимому, относится к греческому городу Гераса, место, которое отождествилось с нынешним местечком с названием Керса на восточном берегу Геннисаретского озера, в пяти милях по воде от Капернаума.

Описывается, как Иисус изгоняет бесов, которые по своей собственной просьбе переселены в свиней, бросившихся в Галилейское море и утонувших.

Греческие жители этого места недооценивали вторжение пророка из Галилеи и те беспокойства, которые, по-видимому, несли с собой его будоражащие проповеди.

Мф., 8: 34. И вот, весь город вышел навстречу Иисусу; и, увидев Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их.

Двенадцать апостолов

Возрастающее количество тех, кто стекался к Иисусу, по-видимому, убедило его в том, что нужно передать больше ответственности тем из своих учеников, кого он считал наиболее достойными и способными. (Возможно, он приписывал неудачу своей миссии в Герасе тому факту, что работа, которую он пытался провести, была для него слишком масштабной, что мешало ему достичь полностью удовлетворительных результатов.) Поэтому он назначил своих представителей:

Мф., 10: 1—3. И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь. Двенадцати же Апостолов имена сии: первый Симон, называемый «Петром», и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей,

Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный «Фаддеем»...

Из этих десяти особо упоминается призвание пяти апостолов: Петра, Андрея, Иакова, Иоанна и Матфея. Другие упоминаются здесь впервые.

Слово «апостол» происходит от греческого слова «apostolos», означающего «посланник». В Новом Завете оно конкретно означает того, кого послали проповедовать, как теперь Иисус посылает проповедовать своих учеников. Ему в точности синонимично слово «миссионер» (тот, кого посылают с миссией).

Это слово чаще всего применяется к этим двенадцати ученикам, назначенным Иисусом, но оно может использоваться и для любого миссионера. Однако самым знаменитым апостолом является не один из этих двенадцати, а Павел, который не принял свою миссию до смерти Иисуса и который никогда не видел Иисуса при его жизни.

Симон Кананит

Одиннадцатое имя, которое включено в эти двенадцать, несколько удивляет:

Мф., 10: 4. *Симон Кананит...*

Слово «Кананит» не имеет никакого отношения к Ханаану, но происходит от арамейского слова «kannaï», означающего «ревностный».

В Евангелии от Луки это становится еще яснее, поскольку в его списке апостолов называются:

Лк., 6: 15. *Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозываемого «Зилотом»...*

Зилоты, упоминаемые в Библии только в этом случае, сформировали серьезную группу среди иудеев римских времен. Они были тем ответвлением фарисеев, которое требовало военных действий против римлян. Фарисеи обычно склонны были терпеливо сносить иностранное владычество до тех пор, пока их религиозные взгляды уважались, зилоты же были не таковы.

Постепенно они приобрели власть в Иудее и Галилее и в конечном счете привели к иудейскому восстанию в 66 г. до н. э.

Зилоты держались со сверхчеловеческим упорством, из-за чего война затянулась на три года, и зилоты были уничтожены фактически до последнего человека.

Иуда Искариот

Точно так же, как Симон Петр неизменно возглавляет все списки апостолов, Иуда Искариот всегда помещается в списке последним, так как именно он в конце концов предает Иисуса:

Мф., 10: 4. ...*Иуда Искариот, который и предал Его.*

Обычно считается, что слово «Искариот» означает «человек из Кариота». Кариот, город в самой Иудее, перечисляется в Книге Иисуса Навина среди городов на территории, предназначенной Иуде:

Нав., 15: 25. *Гацор-Хадафа, Кириаф, Хецрон, иначе Гацор...*

Кроме того, часто утверждается, что Иуда был единственным иудеем среди собравшихся галилеян. В таком случае может возникнуть вопрос: а не ощущение ли себя «чужаком» сыграло роль в конечном предательстве?

Хотя в действительности в Евангелии нет никаких признаков того, что Иуда был иудеем, а не галилеянином, за исключением весьма сомнительного толкования слова «Искариот». На самом деле более современным и намного более интересным толкованием является то, что слово «Искариот» происходит из перестановки переписчиком двух букв и что более точно оно должно быть «Сикариот». Если это так, то Иуда был галилеянином, подобно всем остальным апостолам, избранным Иисусом из местных граждан Капернаума и его окрестностей.

Но в таком случае, что такое «Сикариот»? Это может быть кто-нибудь из членов группы «сикариев». Они назывались так на основе греческого слова, означающего «убийцы», потому что это относится к людям, носящим с собой под одеждой небольшие ножи, «sicae». Это было название, данное самым радикально настроенным зилотам, которые считали, что открытое убийство римлян и их сторонников является самым прямым и эффективным средством борьбы с иностранным господством.

Иуду Искариота можно было бы назвать «Иудой Террористом», и если мы примем эту версию значения его имени, то это поможет дать полезное толкование событиям в жизненном пути «исторического Иисуса».

Самаритяне

Иисус посылает апостолов только к израильтянам:

Мф., 10: 5. *«...На путь к язычникам не ходите, и в город Самаритянский не входите...»*

Самаритяне, которые утвердились как отдельная секта во время возвращения иудеев из плена, отказались отдать свою долю на строительство Второго Храма. Они существуют до сих пор. (Действительно, небольшое количество самаритян дожили до сего дня.)

Некоторое время после возвращения из плена иудеи и самаритяне развивались аналогичным образом. При персах оба сообщества жили в мире и были защищены друг от друга. Для соответствия иудейскому храму в Иерусалиме самаритяне в 332 г. до н. э. построили храм на своей священной горе Гаризим. Оба сообщества подвергались преследованию со стороны Антиоха IV, и как иудейский, так и самаритянский храмы были осквернены.

Однако после маккавейского восстания положение изменилось. Теперь иудеи стали доминирующими. Маккавеи завоевали Самарию, и в 129 г. до н. э. Иоанн Гиркан I разрушил самаритянский храм.

Самаритяне пережили разрушение своего храма и упрямо цеплялись за свои верования (так же, как ранее иудеи). Когда римляне установили управление над Иудеей, самаритяне были освобождены и им было позволено свободное исповедование своей религии. Это была разумная политика для римлян, которые ослабляли иудеев, укрепив врага в их среде, и таким образом облегчили себе управление обоими народами.

Во времена Нового Завета ненависть между иудеями и самаритянами была особенно сильной, поскольку ненависть часто была между народами с подобными, но не тождественными взглядами, с хранящимися в памяти историями о том, какое зло они причинили друг другу. Эта ненависть играет важную роль во множестве евангельских отрывков, как, например, в вышеуказанном отрывке, где самаритяне перечисляются наряду с язычниками.

Ученики Иоанна

Но успехи Иисуса привлекали внимание не только простых людей, которые пришли, чтобы послушать его или последовать за ним, но также и многих религиозных деятелей.

С одной стороны, он привлек внимание Иоанна Крестителя. Иоанн был, конечно, в темнице, но его ученики оставались на свободе и проявляли активность. Возможно даже, что его ученики смотрели с неодобрением на этого нового лидера, который, как это могло им показаться, просто пытался воспользоваться отсутствием сидящего в тюрьме Иоанна.

Они склонны были искать в Иисусе и его учении ошибки и недостатки и придирались ко всему. Особенно их раздражал его отказ твердо придерживаться буквы Закона и традиции, не говоря уже о выходе за его пределы.

Мф., 9: 14. Тогда приходят к Нему ученики Иоанновы и говорят: почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся?

Иисус ответил, указав на то, что, пока Он был с учениками, у них была причина для радости и поэтому они не постились (пост — это проявление траура).

Возможно, это объяснение было передано Иоанну Крестителю, который размышлял о возможном мессиаанском смысле такого ответа. Иоанн объявил себя непосредственным предшественником Мессии, и, когда он был заключен в тюрьму, он, должно быть, теперь был уверен, что тотчас же должен появиться Мессия. Можно представить, как он энергично отвечает на любые новости, которые могли бы интерпретироваться как мессиаанские, и предположение Иисуса, что само Его присутствие было причиной для радости, могло оказаться важным знаком. А не мог ли Он быть Мессией?

Мф., 11: 2—3. Иоанн... послал двоих из учеников своих сказать Ему: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?»

Иисус попросил, чтобы Иоанну передали рассказы о его успехах, но сам он прямо и конкретно не утверждал, что он Мессия.

Фарисеи

Но Иоанн был в темнице, и, даже если он и его ученики отказались принять Иисуса или были активно недовольны им, они не могли причинить ему особого вреда. Гораздо более опасными были фарисеи, особенно те из них, кто был полностью

предан вере в то, что спасение основывается на дотошном соблюдении всех заповедей Закона, понимаемых самым строгим образом. (Также книжники, будучи знатоками Закона, как правило, были довольно жестко преданы ритуалу. По этой причине книжники и фарисеи часто соединяются в Евангелии как группы, которые обособляются от Иисуса и противостоят ему.)

В притче, упоминаемой в Евангелии от Луки, сам Иисус описывает такого фарисея как молящегося следующим образом:

Лк., 18: 11. ...*Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди...*

Конечно, иногда бывает так, что люди, которые ведут себя с огромной претензией на святость, не всегда соответствуют тем идеалам, которые они исповедуют. И бывает также так, что те, кто страдает от пренебрежительного отношения со стороны уверенных в своей превосходящей святости, радуются любым недостаткам, которые они обнаруживают в этой святости. Поэтому есть причины считать некоторых книжников и фарисеев лицемерами. Действительно, в нашем собственном языке слово «фарисейский» применяется к самоуверенному и лицемерному ханжеству.

Хотя для некоторых фарисеев все это было несомненно верно, но верно и то, что были и другие фарисеи, чье учение близко Новому Завету. Но именно более дотошные фарисеи, особенно выступавшие против Иисуса, идентифицировались евангелистами со всеми фарисеями (без всяких указаний на то, что существуют и другие).

По мере того как известность Иисуса росла, внимание книжников и фарисеев, которые осуждали его, усиливалось. Вполне возможно, это было связано с социальными предубеждениями. В конце концов, Иисус был просто необразованным плотником из некоего небольшого города.

Однако это не могло широко использоваться как открытый аргумент против него, но предрасполагало к настраиванию против него книжников и фарисеев (гордившихся своей ученостью). Тем более они были готовы придираться к его нарушениям, в соблюдении ритуала. Так, в рассмотрении с большим человеком, Иисус сказал:

Мф., 9: 2—3. ...*держай, чадо! прощаются тебе грехи твои.*

При сем некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богульствует.

В конце концов, только Бог мог прощать грехи, поэтому Иисус, казалось, приписывал себе мессианские, если даже не божественные, силы.

Иисус также не различал никого по социальному статусу, включая даже мытарей. Фактически он принял мытаря в качестве ученика:

Мф., 9: 9. ...Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним.

Фарисеи, осознавая свою собственную строгую правоту, неодобрительно подвергали это сомнению.

Мф., 9: 11. Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?

Иисус указал в своем ответе на то, что не буква Закона требуется Богом и не правильный ритуал. А нравственное поведение.

Мф., 9: 12—13. Иисус же, услышав это, сказал им... пойдите, научитесь, что значит: «милости хочу, а не жертвы»?

Эта цитата — из Книги пророка Осии, в которой Бог утверждает то же:

Ос., 6: 6. Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений.

Фарисеи никак не могли отрицать эту цитату или отрицать Осию, но едва ли могло улучшить их отношение к «проповеднику из захолустья», читающему им уроки из Священного Писания. Вражда продолжила расти.

День субботний (Шаббат)

По-видимому, окончательный разрыв с фарисеями возник из-за отношения Иисуса ко дню субботнему:

Мф., 12: 1—2. В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть. Фарисеи, увидев это, сказали Ему: вот, ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу.

Происхождение празднования дня субботнего, седьмого дня недели, который посвящен Богу, согласно иудейской легенде, относится к эпохе сотворения. Бог создавал небо и землю шесть дней:

Быт., 2: 2—3. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

Название «Шаббат» происходит от еврейского слова, означающего «прерывать» или «воздерживаться». Мирская цель дня субботнего состояла в том, чтобы воздерживаться от работы один день в неделю, отдыхать, как Бог отдыхал от Своего труда.

Соблюдение дня субботнего стало одной из десяти заповедей, полученных Моисеем на горе Синай:

Исх., 20: 8—10. Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих...

Но Пятикнижие, первые пять книг Библии, получило свою окончательную письменную форму только во время вавилонского плена, и возможно, тогда еще день субботний не имел своего нынешнего значения. В конце концов, в исторических книгах, связанных с периодом до плена, существуют, хотя немногие и незначительные, упоминания о дне субботнем. Он не упоминается в Псалтире, в Притчах или в Книге Иова. Он не упоминается во Второзаконии, за исключением его внесения в список десяти заповедей.

Существует предположение, что Шаббат происходит от праздника полнолуния вавилонян. Вавилоняне называли пятнадцатый день месяца «саппату», а через лунный месяц, который начинается с новолуния, в пятнадцатый день наступает полнолуние.

Возможность того, что Шаббат был праздником полнолуния, дополняющим известный праздник новолуния, можно было бы доказать на основе различных библейских стихов, датированных временем до плена, стихов, в которых новолуние и Шаббат упоминаются вместе как взаимодополняющие праздники.

Так, когда женщина хотела пойти к пророку-чудотворцу Елисею после того, как ее сын умер от солнечного удара, ее муж сказал ей:

2 Цар., 4: 23. ...*Он сказал: зачем тебе ехать к нему? сегодня не новолуние и не суббота.*

Пророк Осия цитирует Бога как угрожающего Израилю:

Ос., 2: 11. *И прекращу у нее всякое веселье, праздники ее и новолуния ее, и субботы ее...*

Также Амос, характеризуя алчность торговцев, стремящихся добиться нечестным путем прибыли с помощью испорченных весов, изображает их саркастически, с характерным для еврейской поэзии параллелизмом:

Ам., 8: 5. ...*когда-то пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота, чтобы открыть житницы...*

Может быть и то, что Шаббат стал чем-то большим, чем просто еще один лунный праздник во время плена, когда священники и книжники искали способы сохранить иудаизм как живую традицию. Они хотели предотвратить ассимиляцию, которая уже привела к тому, что народ северного царства Израиля исчез во время ассирийского плена.

Возможно, значительный вклад в создание традиции соблюдения дня субботного как части фундаментального соглашения между Богом и Израилем внес Иезекииль («отец иудаизма»), поскольку Иезекииль цитирует Бога как говорящего:

Иез., 20: 12. ...*дал им также субботы Мои, чтобы они были знамением между Мною и ими...*

Ко времени возвращения из плена день субботный определенно получил то дополнительное значение, которое он всегда имел у иудеев. Неемия, посетив восстановленный Иерусалим, ужаснулся, увидев работу, производившуюся в день субботный:

Неем., 13: 15—17. *В те дни я увидел в Иудее, что в субботу топчут точила, возят снопы и навьючивают ослов вином, виноградом, смоквами и всяким грузом, и отвозят в субботный день в Иерусалим. И я строго выговорил им в тот же день, когда они*

продавали съестное. И Тириане жили в Иудее и привозили рыбу и всякий товар и продавали в субботу жителям Иудеи и в Иерусалиме. И я сделал выговор знатнейшим из Иудеев и сказал им: зачем вы делаете такое зло и оскверняете день субботний?

Соблюдение дня субботнего и увеличивающееся количество ограничений, воздвигавшихся вокруг него до периода преследования со стороны Селевкидов, стало среди консервативной фракции тем самым пробным камнем, который отделял ортодоксальных евреев от эллинизаторов. Действительно, асидеи не нарушали день субботний даже ценой своей жизни. Маккавеям пришлось настроить общественное мнение так, чтобы в день субботний позволялась по крайней мере самооборона. Однако более ритуалистические фракции иудеев, куда входили, в частности, некоторые группы фарисеев, были особенно непреклонными в отношении поведения в день субботний.

Ученики Иисуса, срывая колосья пшеницы, счищая шелуху и поедая зерна, были вовлечены в нечто вроде сбора урожая, а это явно запрещалось в день субботний:

Исх., 34: 21. Шесть дней работай, а в седьмой день покойся; покойся и во время посева и жатвы.

Формальные положения, которые возвеличивали день субботний из гуманистических соображений, были для Иисуса неприемлемы. Его точка зрения лаконично была выражена в Евангелии от Марка:

Мк., 2: 27. И сказал им: «Суббота для человека, а не человек для субботы...»

Мать и братья Иисуса

Фарисеям, должно быть, казалось, что Иисус стремился разрушить самую сердцевину иудаизма, ритуал, сохранявший его от несметных враждебных сил внешнего мира. Иисуса следовало остановить.

Мф., 12: 14. Фарисеи же, выйдя, имели совещание против Него, как бы погубить Его. Но Иисус, узнав, удалился оттуда.

Возможно, фарисеи хотели только уничтожить его влияние; положение дел еще не достигло той стадии, когда казалось не-

обходимым уничтожить его самого. Очевидно, стратегия, выбранная фарисеями, состояла в том, чтобы обвинить его в черной магии:

Мф., 12: 24. ...Фарисеи же... сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою Веельзевула, князя бесовского.

Иисус возразил на это, спросив у них, как один бес мог быть изгнан другим, такая гражданская война в чинах бесовского царства уничтожит их всех:

Мф., 12: 25. ...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, нестоит.

Однако, вполне вероятно, некоторые последователи отступались от него. Многие, возможно, считали, что если ученые фарисеи определили какого-то человека как поклоняющегося бесам, то это должно быть так.

Можно даже доказать, что члены его семьи также были обеспокоены этим. Несомненно, слава об успехах проповедей Иисуса, должно быть, дошла обратно до Назарета, и его родственники были этому естественным образом рады. Однако, как только до них стали доходить дурные слухи, они вполне оправданно могли испугаться за его безопасность и отправились на его поиски.

По крайней мере примерно в этот момент Матфей упоминает об их приходе:

Мф., 12: 46. Когда же Он еще говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним.

Они пришли, чтобы убедить его вернуться домой с ними? Они надеялись убедить его отказаться от миссии прежде, чем с ним случится неизмеримая беда?

Матфей не говорит, но в версии Марка этому же эпизоду предшествует (незадолго до этого) то, что можно рассматривать как самый важный отрывок:

Мк., 3: 21. И, услышав, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя.

Слово, которое здесь переведено как «ближние», могло означать «родственники», и действительно, в Иерусалимской Библии говорится «Его родственники», а не «ближние Его».

Этот стих в Евангелии от Марка несколько не смущает самого евангелиста. Он никак не упоминает о непорочном зачатии Иисуса или о сопровождающих его чудесах, поэтому у него нет никаких оснований предполагать, что мать и братья Иисуса должны с большей готовностью поверить в Него, чем кто-либо другой.

Однако описание непорочного зачатия и сопровождающих его необычных событий у Матфея (поклонение царей, поиск младенца Иродом, предупреждающий сон) представляет ситуацию, в которой мать Иисуса и, возможно, остальные также родственники не могли не помогать ему, но по крайней мере имели сильное подозрение в отношении мессианской миссии Иисуса. Поэтому Матфей не мог с уверенностью, не допустив при этом противоречия, включить стих насчет родственников Иисуса, думавших, что тот сошел с ума, так что он просто опускает его.

Однако, если мы исследуем жизнь «исторического Иисуса», мы испытываем сильный соблазн считать, что родные Иисуса боялись за него и пришли, чтобы забрать его домой, где они могли бы держать его в безопасности. Можно утверждать, что описание Матфеем реакции Иисуса на приход его родных делает эту точку зрения правдоподобной. Если бы его мать и братья пришли для обычного дружественного посещения, то, конечно, Иисус с удовольствием повидался и поговорил бы с ними. Однако если бы Иисус заподозрил, что они пришли, чтобы отговорить его от его миссии, и если он ставил свою миссию выше даже семейных уз, то естественно, он отреагировал бы именно так, как это описывает Матфей:

Мф., 12: 49. И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои...

Очевидно, он отказывается повидаться со своими родными, и фактически члены его семьи больше не появляются в остальной части Евангелия от Матфея. (Они упоминаются в более поздней главе при описании неудачи Иисуса произвести впечатление на жителей Назарета, но сами они не появляются.)

Притчи

В Евангелиях Иисус часто описывается как поясняющий свои взгляды посредством притч. Это короткие рассказы, которые можно воспринимать в буквальном смысле или можно по

пунктам сравнивать с аналогичной идеей об отношениях Бога и человека.

И именно сразу после описания визита матери и братьев Иисуса Матфей решает представить собрание таких притч:

Мф., 13: 3. *И поучал их много притчами...*

Можно, конечно, не уловить смысл притчи, и ученики Иисуса изображаются озадаченными, когда их Учитель, казалось, намеренно говорил иносказательно и воздерживался от простой речи:

Мф., 13: 10. *И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им?*

В объяснение дается то, что сама туманность притч действует так, чтобы тщательно исследовать души людей. Те, кто честно хочет войти в Царство, будут делать усилия, чтобы понять, в то время как те, кто стремится недостаточно, не будут стараться.

Однако это можно интерпретировать как рациональный ответ на растущую силу врагов Иисуса. Так как Иисус, говоря прямо о своих неортодоксальных религиозных взглядах, мог еще более разозлить фарисеев и, возможно, даже навлечь на свою голову политические опасности. Если же говорить притчами, то не сочувствующие ему могли обмануться буквальным повествованием (как правдивой историей о человеке, сажающем пшеницу), в то время как сочувствующие Иисусу, уловив смысл притчи, не будут иметь никаких проблем.

Дочь Иродиады

И у Иисуса имелись серьезные основания говорить осторожно и притчами, так как на него свалились опасности помимо фарисеев. Убит Иоанн Креститель!

Ирод Антипа колебался насчет казни Иоанна, боясь политических осложнений, которые могли последовать в результате негодования его последователей. Однако мстительная Иродиада, на ком висело осуждение со стороны Иоанна, с ловкостью добилась от Ирода поспешной клятвы.

Мф., 14: 6—10. *Во время же празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду, поэтому он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: «Дай мне здесь на блюде го-*

лову Иоанна Крестителя». И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице.

Танцевавшей девочкой была дочь Иродиады от Филиппа, ее первого мужа. Она не названа в Библии, но ее имя дается в сочинениях Иосифа как Саломея (женский вариант имени Соломона).

Чтобы закончить сложности с семейными связями Ирода, скажу, что эта Саломея позже вышла замуж за своего двоюродного дедушку тетрарха Филиппа, поэтому она была одновременно двоюродной внучкой, падчерицей и двоюродной невесткой Ирода Антипы, а по матери — также потомком Маккавеев.

Вифсаида

В конце концов, смерть Иоанна Крестителя не привела к серьезным проблемам для Ирода Антипы. Возможно, от этого факта он осмелел и с большей решимостью занял жесткую позицию против причиняющих беспокойство реформаторов. Иисус казался ему просто еще одним Иоанном Крестителем.

Мф., 14: 1—2. В то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе и сказал служащим при нем: это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых...

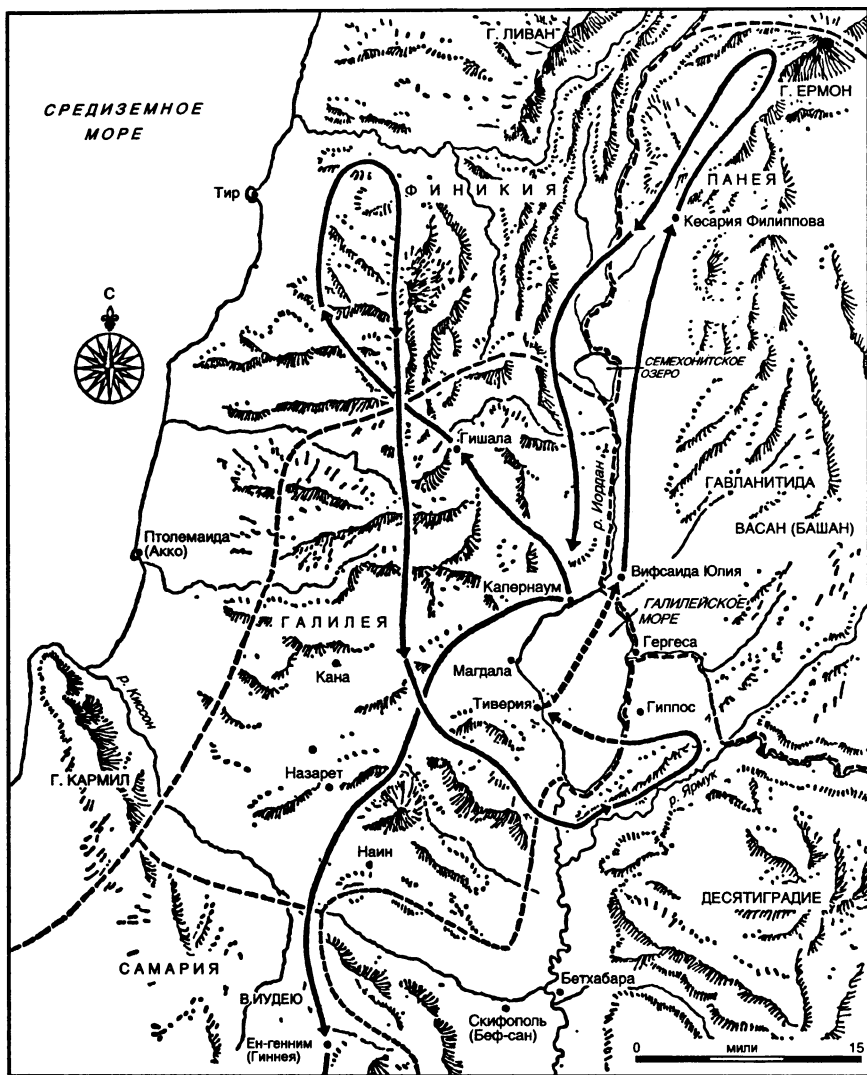
Возможно, поскольку у Ирода Антипы не было никаких осложнений в связи с его казнью Иоанна, он без колебаний заключил бы в тюрьму и казнил бы нового пророка, который пошел по пути Иоанна. Иисус решил не давать Ироду Антипе шанса сделать это.

Мф., 14: 13. И, услышав, Иисус удалился оттуда на лодке в пустынное место один; а народ, услышав о том, пошел за Ним из городов пешком.

Лука, сообщая об этом, говорит более определенно:

Лк., 9: 10. ...и Он, взяв их с Собою, удалился особо в пустое место, близ города, называемого Вифсаидою.

Под пустым местом подразумевается одинокое, редко посещаемое людьми место. Вифсаида («дом рыбаков») расположена прямо к северу от Галилейского моря, на восток от того места,

Миссия в Галилее

где в него впадает река Иордан. Так как река Иордан является восточной границей Галилеи, Вифсаида находится не в Галилее, а в Итуре. Таким образом, Иисус выходит из-под юрисдикции Ирода Антипы и попадает под юрисдикцию умеренного тетрарха Филиппа, от которого можно было не опасаться какого-либо насилия.

Вифсаида была восстановлена тетрархом Филиппом примерно за четверть века до того, как Иисус начал свое служение, и она была переименована в Юлию в честь дочери правившего тогда римского императора.

Матфей рассказывает о толпах, следовавших за Иисусом к его месту убежища, и о многочисленных чудесах, которые он совершал. В частности, он рассказывает о том, как Иисус накормил пять тысяч человек плюс неопределенное количество женщин и детей пятью хлебами и двумя рыбинами, которые умножились чудесным образом.

Это чудо насыщения множества людей совершенно уникально, так как это единственное чудо, которое описано в подобных выражениях во всех четырех Евангелиях. Но даже если мы не принимаем в расчет чудеса, мы можем предположить, что Иисус продолжил проповедовать в Вифсаиде и собирал толпы как набожных, так и любопытствующих людей.

Возможно, Ирод Антипа, раздосадованный тем, что Иисус ускользнул от него, потребовал, чтобы его брат Филипп вернул беглеца. И возможно, Филипп, не испытывая желания поступить так, просто послал передать Иисусу на словах предложение двинуться дальше. Независимо от причин, Иисус не остался в Вифсаиде долго.

Мф., 15: 39. И, отпустив народ, Он вошел в лодку и прибыл в пределы Магдалинские.

Это звучит так, как будто он повторно пересек Галилейское море и вернулся во владения Ирода Антипы. Если это так, то ему нужно было просто выполнить какую-то задачу прежде, чем двинуться далее, так как скоро он должен был вернуться в Итурею.

Вполне возможно, Иисус чувствовал в это время, что его планы срываются. Народные массы не восстали в защиту Иоанна Крестителя либо для того, чтобы отомстить за него. Они в больших количествах стекались к Иисусу, но, когда становилось трудно, они отпадали. Они не собирались вокруг него, чтобы защитить его от фарисеев и от Ирода. Вместо этого он вынужден был спастись бегством.

Возможно, в этот момент ему казалось, что вся его миссия в Галилее была неудачной, как и его первоначальная попытка в Назарете. Он подольше задержался в Капернауме и имел огромный, хотя и временный, успех, но в конце концов он был изгнан.

И скорее всего, именно теперь он произнес резкое осуждение городов, в которых он проповедовал:

Мф., 11: 20—23. *Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покаяться: Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! Ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаяться, но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня.*

Кесария Филиппова

Уйдя из Вифсаиды, Иисус, должно быть, чувствовал себя покинутым. С ним осталась только группа его самых верных учеников, и он оставил далеко позади место своих галилейских побед.

Мф., 16: 13. *Придя же в страны Кесарии Филипповой...*

Кесария Филиппова была итурейским городом примерно в 30 милях к северу от Галилейского моря. Во времена Ирода значение города возросло. Ирод Великий построил там храм, а его сын тетрарх Филипп расширил город и переименовал его в Кесарию в честь родового имени римского императора.

Так как в империи было много Кесарий, этот город был назван Кесарией Филипповой.

Петр

Возможно, Иисус теперь серьезно сомневался в сути своей миссии, когда он оказался изгнанным далеко от родины. Был ли это провал? Может быть, то, что он почувствовал в день своего крещения Иоанном, было иллюзией? Он обращается к своим ученикам:

Мф., 16: 13. *...за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?*

В ответ на вопрос Иисуса ученики сказали ему, что различные люди считали, что Он был восставшим из мертвых Иоанном Крестителем, или что он был Илией, или Иеремией, или каким-нибудь другим пророком прошлого. Но Иисус продолжил, так как это было мнение тех, кто случайно с ним сталкивался. А что думают сами ученики, которые к настоящему времени уже очень хорошо знали его?

Мф., 16: 15—16. *...а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живого.*

Это поворотный момент Евангелия. Иисус с радостью приветствовал такую веру в него. В конце концов, вера Петра в его мессианство не могла происходить от мирского успеха миссии, которого в настоящее время не было. Это могло прийти только свыше.

Мф., 16: 17. *Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах...*

Именно это придало силы Иисусу продолжать свое дело. В ответ на признание Петра Иисус мог назначить его, если можно так выразиться, своим преемником:

Мф., 16: 18—19. *...и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного...*

Иисус здесь использовал игру слов. Поскольку «Петр» означает «камень», он сказал: «Ты — Петр, и на сем камне...»

Это оказалась самая влиятельная игра слов во всей истории. Согласно традиции, Петр в более поздний период жизни поехал в Рим и стал первым епископом Рима. Считалось, что последующие епископы Рима наследуют эту роль «камня», на котором была воздвигнута церковь, и каждый из них продолжал держать ключи от Царства Небесного.

Именно римский епископ стал называться римским папой (слово «папа», «батюшка», которое является общим термином для священников) и начал учить о папском верховенстве над церковью, а посредством церкви — над всеми христианами.

Тем не менее, хотя Иисус теперь взял на себя роль Мессии, он не утратил всякую осторожность:

Мф., 16: 20. *Тогда [Иисус] запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос.*

Моисей и Илия

Принятие Иисусом роли Мессии и, со своей стороны, принятие этого факта учениками описывается затем в удивительных обстоятельствах. Иисус взял своих главных учеников Петра, Иакова и Иоанна в горы.

Мф., 17: 2—3 ...и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие.

Кроме того, для евангелистов было немислимо, чтобы Иисус мог быть Мессией и одновременно с этим не был способен предсказать свою собственную судьбу; или эта судьба могла свершиться против его воли и не иметь важной мессианской цели. Поэтому Иисус описан не только как предвидевший свою смерть и ее смысл, но и как неоднократно объясняющий ее своим ученикам:

Мф., 16: 21. С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть.

Однако в свете исследования «исторического Иисуса» эта благочестивая точка зрения евангелистов не должна приниматься в расчет. Несмотря на их сообщение о простой речи Иисуса и об ошеломляющем свидетельстве «Преображения», позже в Евангелии появляются различные моменты, где ученики (особенно Петр) ведут себя так, как если бы они не получали никакого предупреждения о предстоящей беде и как будто эта беда, когда она пришла, оставила их в отчаянии и отказе от веры в мессианство Иисуса.

Поэтому мы можем продолжать историю на основе того допущения, что теперь, когда Иисус и его ученики были уверены в своем ощущении, что они осуществляли миссию Мессии, они рассчитывали на непосредственный мессианский триумф.

Иаков и Иоанн

Действительно, теперь, когда ученики приняли веру в то, что Иисус был Мессией, пока они исходили из понимания того, что последствия были predetermined, двое из них попросились у него занять почетное положение. Наиболее открыто об этом рассказывает Марк:

Мк., 10: 35. ...сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим.

Мк., 10—37. ...дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей.

Они просили высокой должности в Мессиианском царстве, которое, как они считали, скоро будет установлено; и кроме того, делили это за спиной остальных учеников.

Мк., 10: 41. И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна.

Поэтому Иисусу пришлось немало потрудиться, чтобы восстановить дружелюбие между его последователями.

Матфей в своем Евангелии значительно смягчил эту ситуацию, оправдав Иакова и Иоанна, и возложил по крайней мере часть вины на простительную пристрастность матери:

Мф., 20: 20. Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него.

Согласно Матфею, именно мать фактически просила Иисуса о благосклонности. Но возможно, разумнее было бы предпочесть версию Марка о двух апостолах, нагло просящих отдать предпочтение их собственной ответственности, а не вариант прятанья за юбкой матери.

Восстановление мира среди учеников, возможно, произошло благодаря обещанию равенства в чинах для всех:

Мф., 19: 28. Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых;

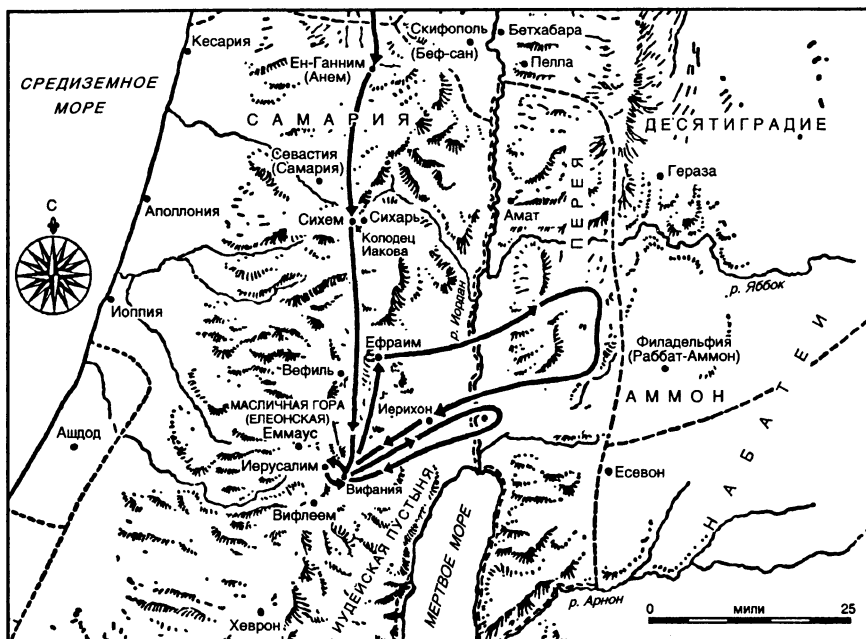
Опять же, Матфей интерпретирует мессиианскую миссию Иисуса в строго иудейском смысле.

Елеонская гора

Теперь, когда Иисус решил исполнять свою роль Мессии, он должен был идти в Иерусалим, поскольку именно там, согласно всем пророчествам, будет установлено Мессиианское царство.

Мф., 19: 1. Когда Иисус окончил слова сии, то вышел из Галилеи и пришел в пределы Иудейские, Заиорданскою стороною.

Иисус пересек Иордан по направлению к Иерихону, а затем пошел на запад к Иерусалиму, намеренно выполняя те действия, которые были предсказаны на случай пришествия Мессии:

Путь Иисуса в Иерусалим

Мф., 20: 29. *И когда выходили они из Иерихона, за Ним следовало множество народа.*

Двадцать пятый стих «Осанна» переведен как «О, Господи, спасите же! О, Господи, споспешествуй же!». Если оставить стих непереуведенным, то он читался бы как «Осанна, о, Господи! О, Господи, осанна!».

Было ясно, что Иисуса приветствовали теми словами, которые в Псалтире применялись по отношению к Богу, и поэтому его называли Мессией. Действительно, использование термина «Сын Давидов» делало это очевидным.

Ученики руководили приветствием, и в толпе были те, кто ужаснулся богохульству, связанному с приветствием проповедника галилеянина как Мессии. Это выявляется в Евангелии от Луки:

Лк., 19: 39—40. *И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют.*

Это уже не было делом восторженных учеников. Сам Иисус, если на самом деле и не объявлял себя Мессией на виду у всех жителей Иерусалима, принимал такое утверждение другими.

Храм

В своей новой роли абсолютного авторитета Иисус предпринял решительное действие в самом Храме:

Мф., 21: 12—13. И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано: «дом Мой дом молитвы наречется»; а вы сделали его вертепом разбойников.

В действительности менялы и торговцы выполняли необходимые услуги для тех, кто желал совершить обряды, требовавшие жертвоприношений в виде небольших сумм и принесения в жертву маленьких птиц. Однако из-за нестрогости, по-видимому, торговле было позволено вторгнуться в священные пределы Храма, вместо того чтобы оставаться снаружи. Возможно также, что некоторые из торговцев занимались мошенничеством за счет невежественных и наивных паломников из сельских районов. (Вполне возможно, что Иисус в Галилее слышал возмутительные истории о тех способах, которыми обманывали его ближних, когда они посещали этот Храм.)

Мф., 21: 1. И когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Вифагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников.

Елеонская гора — это холм примерно в полмили высотой, расположенный менее чем в полумиле к востоку от Иерусалима. Иисус выбрал этот маршрут не случайно. Именно на Елеонской горе, согласно пророчеству, должен явиться Мессия. Так, Захария, предсказывая божественное пришествие дня Господня, говорит:

Зах., 14: 4. И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая перед лицом Иерусалима к востоку...

В Вифании, селении у подножия горы, Иисус сделал окончательные приготовления. Возбуждение среди его учеников, должно быть, было чрезвычайно высоким, так как разумно предположить, что они ожидали быстрого успеха Мессии. По крайней

мере, пишется, что Иисус предсказывал это своим ученикам вскоре после того, как он начал свою мессианскую роль в Кесарии Филипповой.

Мф., 16: 28. *Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем.*

Это интерпретировалось по-разному, но если это было сказано ученикам, то можно предположить, что это было воспринято в прямом смысле, и путешествие в Иерусалим было совершено в уверенности в том, что скоро будет установлено Мессианское царство.

Имея в виду установление царства, Иисус планировал въехать в Иерусалим верхом, традиционным для царей образом, а не пешком. Так, когда Соломон был провозглашен царем, одной из символических форм, которую приняло радостное приветствие его, был его въезд верхом на царском муле:

1 Цар., 1: 38. *И пошли Садок священник и Нафан пророк и Ваня, сын Иодая, и Хелефеи и Фелефеи, и посадили Соломона на мула царя Давида, и повели его к Гиону.*

И тем не менее мул не должен был быть царским, поскольку в одном важном пророчестве пишется, что Мессии предназначено прибыть в Иерусалим скромным образом, сидя на осле.

Зах., 9: 9. *Ликуй от радости, дочь Сиона... се, Царь твой грядет к тебе... сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной.*

Чтобы исполнилось пророчество, Иисус послал двух учеников, чтобы они добыли ему молодого осла, чтобы он смог въехать на нем. Это было сделано, и во всех Евангелиях, кроме Евангелия от Матфея, пишется, что он въехал в Иерусалим на осле.

Матфей, в своем рвении процитировать отрывок из Книги Захарии (который не цитируется в остальных Евангелиях) и продемонстрировать его буквальное исполнение, игнорирует смысл еврейского поэтического параллелизма. Фраза «сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной» описывает одно и то же действие двумя слегка различными выражениями.

Вместо этого Матфей принимает, что в действии участвуют два различных животных, и ученики приводят двух — осла и осленка:

Мф., 21: 7. *...привели ослицу и молодого осла и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их.*

Это дает нам довольно странную картину, где Иисус едет на двух животных одновременно.

Осанна

Согласно описанию Матфея, Иисус имел на своей стороне важную и большую группу энтузиастов. Часть, возможно, пошла с ним, привлеченная его учением; другие, возможно, были в Иерусалиме, но слышали рассказы о чудотворном пророке, прибывшем в Иерусалим. В любом случае, его переход к Иерусалиму от Елеонской горы изображен как триумф:

Мф., 21: 8—9. *Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с дерев и постилали по дороге; народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!*

Слово «осанна» — это греческий вариант еврейской фразы, означающей «Спаси! Мы умоляем!», или, говоря обычным языком: «Пожалуйста, помогите нам». Это восклицание является парафразой из Псалтиря.

Пс., 117: 25—26. *О, Господи, спасите же! О, Господи, спешествуй же! Благословен грядущий во имя Господне!..*

Проявление Иисусом власти в Храме и его проповеди резко возмущали саддукеев. Они могли не знать тонких доктринальных вопросов насчет ритуалов, поскольку сами они отвергали все фарисейские традиции, которые выросли вокруг письменного Закона. Однако в делах Храма они были знатоками и восприняли враждебно насильственные действия посторонних в Храме. Кроме того, цитата Иисуса была оскорбительной, поскольку, говоря о Храме как о «вертепе разбойников», он использовал храмовую проповедь Иеремии, которая из всех отрывков Ветхого Завета, должно быть, была наименее приятной для священников Храма.

Иер., 7: 11. *Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом (Храм) сей... Вот, Я видел это, говорит Господь.*

Описывается реакция храмового священства:

Мф., 21: 15. *Видев же первосвященники и книжники чудеса, которые Он сотворил, и детей, восклицающих в храме и говорящих: «осанна Сыну Давидову!» — вознегодовали.*

Однако проповедь Иисуса, как и его дела, собирали вокруг него восторженные толпы, и храмовые священники едва ли могли претендовать на популярность среди необразованных и обедневших масс. Они были в растерянности и не знали, что делать:

Мф., 21: 46. *...и старались схватить Его, но побоялись народа, потому что Его почитали за Пророка.*

Также они не могли воспользоваться возможностью схватить его ночью, поскольку Иисус был достаточно осторожен, чтобы не оставаться в Иерусалиме на ночлег.

Мф., 21: 17. *...И, оставив их, вышел вон из города в Вифанию и провел там ночь.*

Вифания была пригородом Иерусалима, примерно в миле на восток от Елеонской горы, только с другой ее стороны.

Сын Давида

Иисуса приветствовали как Сына Давида во время его въезда в Иерусалим и так обращались к нему в различных эпизодах Евангелия. Это выражение синонимично «Мессии», так как Мессия, как ожидалось (на основе многочисленных пророчеств Ветхого Завета), должен быть из рода Давида и поэтому является его сыном (то есть потомком).

В первых двух главах Евангелия от Матфея (а также в Евангелии от Луки) Иисус считается в буквальном смысле потомком Давида и дается его родословие, а также история его рождения в Вифлееме. Однако больше нигде это не принимается во внимание. Иисус всегда идентифицируется как человек из Назарета, и нигде не говорится, что это впечатление исправляется тем, что он объявляет себя человеком из Вифлеема.

Даже когда он входил в Иерусалим и его приветствовали как Мессию, он идентифицировался как галилеянин:

Мф., 21: 10—11. *И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского.*

Это серьезное возражение на объявление Иисуса Мессией. Матфей не может сказать так, потому что он утверждает, что Иисус действительно был из рода Давида. Однако в Евангелии от Иоанна, где рождение в Вифлееме и происхождение от Давида не играет никакой роли, это возражение прозвучало:

Ин., 7: 41. Другие говорили: это Христос. А иные говорили: разве из Галилеи Христос придет?

В таком случае мы можем представить, что фарисеи Иерусалима, должно быть, были оскорблены видом какого-то галилеянина, который въезжает в город и заявляет, что он Мессия. Эту претензию легко можно было срезать на корню. В сущности, им нужно было только обратиться к нему и сказать: «Ты говоришь, что ты — Мессия; если это так, то от кого должен произойти Мессия?» Иисус вынужден был бы ответить: «Он — потомок Давида». А фарисеи могли тогда сказать: «Хорошо, тогда, поскольку ты — не потомок Давида, как ты можешь быть Мессией?»

Если бы рассказ Матфея о происхождении Иисуса от Давида истинен, то мы могли бы тогда ожидать, что Иисус выиграл бы этот спор сокрушительным показом свидетельства своего рождения в Вифлееме и своего происхождения от Давида.

Тем не менее, предположим, что Иисус родился не в Вифлееме и не имел происхождения от Давида, то есть что эти элементы в Евангелии от Матфея являются легендами сравнительно позднего происхождения. В таком случае, Иисус должен был бы ответить на аргумент, так или иначе доказав, что Мессия не должен иметь происхождения от Давида, что было бы фактически невозможно.

В Евангелии от Матфея Иисус делает именно это — опровергает необходимость происхождения Мессии от Давида, несмотря даже на то, что это прямо противоречит рассказу Матфея о происхождении Иисуса из рода Давида.

Однако в Евангелии от Матфея именно Иисус по неясной причине поднимает этот вопрос:

Мф., 22: 41—42. Когда же собрались фарисеи, Иисус спросил их: Что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов.

Тогда Иисус доказывает, что они не правы, искусно используя стих из Ветхого Завета. Возможно, именно ясность его аргумента сделала этот эпизод настолько популярным, что он не мог не выпасть из Евангелия, несмотря даже на то, что это

было смущающее противоречие рассказу Матфея о рождении Иисуса:

Мф., 22: 43—45. Говорит им: как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих?» Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему?

Здесь используется ссылка на один из псалмов:

Пс., 109: 1. Сказал Господь Господу моему: седи одесную меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих.

Иисус интерпретирует второе слово «Господь» как означающее Мессию, нечто такое, что действительно было общепринятым истолкованием среди иудеев в римские времена и среди нынешних христиан. Поэтому автор псалма (возможно, Давид) говорит о Мессии как о «Господе моем», и Давид, доказывает Иисус, едва ли обратился бы к своему собственному потомку как к превосходящему, так что Мессия был кем-то большим, чем просто потомком Давида.

(Конечно, этот псалом можно интерпретировать не в мессианском смысле. Подразумевался псалом к коронации, в котором Бог обращается к новому царю Иудеи. Второе «Господь мой» является распространенным почтительным обращением к царю, и стих можно перевести как начинающийся со слов: «Господь сказал царю...»)

С учетом того, что Иисус первым задал вопрос, можно предположить, что Матфей пытался представить этот отрывок как битву умов между Иисусом и фарисеями, в которой Иисус искусным аргументом, который в наше время назвали бы «талмудическим» мышлением, представил фарисеям тезис, который они не смели опровергнуть. Этот тезис не обязательно должен быть верным — не в этом дело — но не способность фарисеев ответить на него устанавливала превосходство Иисуса над ними. И они не смогли ответить:

Мф., 22: 46. И никто не мог отвечать Ему ни слова...

Однако есть искушение предположить, что фарисеи первыми задали вопрос и что Иисус спокойно отверг необходимость происхождения от Давида, спасши себя — к удивлению фарисеев — от того, что, как они считали, было сокрушительным

гамбитом, и что только приверженность Матфея происхождению от Давида помешала ему представить это так, как оно было. В таком случае этот отрывок можно считать взглядом на «исторического Иисуса», который был плотником-галилеянином, но настаивал на том, чтобы, несмотря на это, его считали Мессией.

Иродиане

Властям Храма становилось все очевиднее, что нелегко будет отрицать претензии Иисуса. Независимо от того, был он галилеянином из захолустья или нет, у него был живой ум и наготове запас цитат из Библии. Однако все равно его следовало было остановить прежде, чем мессианский пыл породит опасные волнения во всем городе. Если богословские взгляды Иисуса нельзя использовать против него, то как тогда насчет его политических взглядов?

Если бы Иисуса можно было вынудить сказать что-нибудь политически неблагонадежное, а не просто доктринально еретическое, то тогда можно было вызвать римлян. Римские солдаты сразу могли действовать без необходимости прекращать обмен цитатами из Ветхого Завета:

Мф., 22: 16. Посылают к Нему учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице;

Этой лестью они надеялись выудить у него какое-нибудь бескомпромиссное утверждение, вне зависимости от того, кого оно могло оскорбить. И как раз на тот случай, если бы он это сделал, с ними были иродиане. Это были гражданские должностные лица, которые поддерживали династию Иродов. Вероятно, они постоянно сотрудничали с римлянами, имели доступ к римскому правителю и могли быстро сообщить ему о любом высказывании Иисуса подрывного характера.

Теперь вопрошающим у Иисуса казалось несомненным, что любое объявление себя Мессией обнаружит у него надежды на ниспровержение Римской империи и на установление идеального еврейского государства. Именно этого народные массы и ожидали от Мессии. Вопрос, который должен был, казалось, вынудить Иисуса либо защищать восстание, либо отказаться от всех мессианских претензий, теперь был задан ему в упор:

Мф., 22: 17. *Итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?*

(«Кесарь» — это был титул римского императора. Он восходит к Юлию Цезарю, который был убит в 44 г. до н. э., двоюродный племянник которого через пятнадцать лет стал первым римским императором.)

Если бы теперь Иисус отказался отвечать, то, несомненно, его стали бы презирать как труса те из толпы, кто отстаивал необходимость сопротивления Риму, и они, должно быть, представляли большинство из тех, кто нетерпеливо приветствовал Иисуса как Мессию. Если бы он защищал выплачивание дани, это было бы еще хуже. Если бы, с другой стороны, он защищал неуплату дани, это мгновенно дало бы повод для вмешательства римлянам.

Иисус нашел выход. На монетах, используемых при выплачивании дани, было изображение Цезаря. Строго говоря, это делало эти монеты непригодными для того, чтобы иудеи обращались с ними во всех случаях жизни. Первая из десяти заповедей запрещала изготовление любого изображения любого живого существа, и еврейские монархи, например разные Ироды, обычно остерегались помещать свои собственные изображения на свои монеты, чтобы избежать возмущения ортодоксов. Идолопоклонническую монету, обращаться которой было греховно для иудеев, можно было просто отдать человеку, чей портрет был на ней. Иисус сказал:

Мф., 22: 21. *...итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу.*

Таким образом Иисус нашел безопасный путь между двух зол, казалось бы, неразрешимой дилемме. Он выступил за уплату дани, что удержало римлян от вмешательства, но сделал так по совершенно религиозной причине, которая была совместима с его ролью Мессии.

И тем не менее, враги Иисуса, возможно, здесь также «заработали очки». Можно легко представить среди слушателей Иисуса себе зилотов, нетерпеливо ожидающих его ответа. Они были яростно настроенными против римлян, и они хотели Мессию, который повел бы их с божественной силой против ненавистных римлян.

Итак, здесь был такой вопрос: должны ли иудеи платить дань? Надлежащим мессианским ответом, с точки зрения зилотов, было громовое «Нет!».

Это сразу дало бы начало восстанию; точно так же, как некогда отказ Маттафии участвовать в языческом жертвоприношении дал начало восстанию Маккавеев.

Вместо этого Иисус нашел спасительный выход в уклонении от ответа. Если в основном толпа приветствовала остроумные ответы Иисуса, то, возможно, вовсе не те более радикально настроенные зилоты, которые теперь отпадали от него с чувством презрения. Это был не их человек. Это был не тот Мессия, которого они ждали.

А как должен был чувствовать себя Иуда Искариот? Если действительно правда, что он был радикальным зилотом, то, вполне возможно, он был переполнен неистовой ярости из-за несостоятельности человека, которого он считал Мессией. Если это так, то этим объясняется все, что затем последовало.

Захария, сын Варахии

Но если Иисус был осторожен, чтобы избежать опасности задеть римлян, то он без колебаний резко отвечал религиозным лидерам. Матфей описывает, как он проповедует множеству народа и по ходу своей речи беспощадно осуждает книжников и фарисеев, как людей, набожность которых была связана целиком с ритуалом, а не с его сутью и которые поэтому были лицемерами.

Далее с угрозой в голосе он сказал о том, как истинно набожные люди прошлого были убиты неблагодарными людьми, и предупреждает о неизбежном возмездии:

Мф., 23: 35. ...да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником.

Обычно считается, что это упоминание о судьбе Захарии, первосвященника времен Иоаса из Иудеи. Захария порицал царский двор за терпимость по отношению к идолопоклонству и тем самым заслужил вражду к себе со стороны царя и его придворных:

2 Пар., 24: 21. И сговорились против него, и побили его камнями, по приказанию царя [Иоаса], на дворе дома Господня.

Эта идентификация тем более убедительна, что отсюда видно, что Иисус сознательно включил сюда все несправедливые

убийства праведников, которые упомянуты во всей Библии. В еврейской Библии книги Паралипоменон располагаются в конце, и все книги Ветхого Завета разделены (в современном ее виде) всего на 929 глав. В четвертой главе первое, что упоминается, это убийство, совершенное Каином; убийство Захарии — последнее и упоминается в 917-й главе.

Однако следует признать, что Захария, о котором говорится во Второй книге Паралипоменон, по отношению к имени своего отца идентифицируется по-другому.

2 Пар., 24: 20. *И Дух Божий облек Захарию, сына Иодая священника...*

Тогда неясно, зачем Иисусу идентифицировать его как сына Варахии. Упоминается ли здесь совсем другой человек? Или же упоминание о Варахии — это (ошибочно) добавленная идентификация переписчика, основанная на путанице с другим Захарией, случайно упоминаемым в Книге пророка Исаяи?

Ис., 8: 2. *И я взял себе верных свидетелей: Урию священника и Захарию, сына Варахиина...*

Мерзость запустения

Затем следует апокалиптический отрывок, в котором Иисус описывает будущее. Часть его, по-видимому, совершенно определенно связана с разрушением Иерусалима римлянами, которое должно было произойти через сорок лет после описываемого в Евангелии периода.

Мф., 24: 15—16. *Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы...*

Мерзостью запустения была статуя Зевса, установленная в Храме Антиохом IV, и вообще она могла означать победу языческих сил над Иерусалимом, которая случилась в 70 г. до н. э.

В ходе иудейского восстания против Рима последователи Иисуса заняли пацифистскую позицию и не участвовали в защите Иерусалима, а убежали в горы. Может быть, поэтому эти стихи были постфактум добавлены к традиционной апокалиптической речи Иисуса.

После ссылки на падение Иерусалима следует общее описание будущего конца света, дающееся в типичных для Ветхого Завета терминах всеобщего уничтожения:

Мф., 24: 29. И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются...

Далее следует явление Мессии и установление идеального царства.

Мф., 24: 30. ...тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою...

Однако это создает некоторую проблему. Для тех, кто верил, что Иисус был Мессией, Мессия уже пришел. Очевидно, должно произойти «второе пришествие». Это второе пришествие не должно быть отсроченным надолго:

Мф., 24: 34. Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все сие будет...

Конечно, теперь обычно утверждают, что этот стих относится к падению Иерусалима, а не ко второму пришествию, которое описано непосредственно перед этим. Однако это не было точкой зрения ранних христиан, которые, в соответствии с этим стихом, ожидали второго пришествия ежедневно. Тем не менее, Иисус отказался определить точное время второго пришествия.

Мф., 24: 36. ...О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один...

Талант

Одна из притч Иисуса, которые цитируют в связи с внезапностью и непредсказуемостью второго пришествия, говорит о человеке, который дает рабам деньги на их усмотрение, затем внезапно возвращается и требует отчета.

Мф., 25: 15. ...и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился.

Первоначально талант был греческой единицей меры, он происходит от слова, означающего «балансир». Это относится к тому времени, когда золото и серебро тщательно взвешивались на весах перед их использованием для платежей, еще до того времени (в VI в. до н. э.), когда в употребление вошли монеты стандартного веса, чеканившиеся с портретом монарха как гарантией честной меры.

Талант был крупной денежной единицей, особенно для древних времен. Талант, используемый в Иудее во времена Нового Завета, был равен шести тысячам шекелей, и, несомненно, он был эквивалентом нескольких тысяч долларов в современных деньгах.

Использование этого слова в вышеприведенных стихах, в которых каждый слуга получает множество талантов согласно его способностям, привело к использованию этого слова как выражения особой способности, которой обладает отдельный человек. Фактически в современном английском языке использование этого слова как означающего денежную единицу полностью исчезло, и единственное значение «талант», которое знает большинство людей, — это значение высокой способности какого-нибудь вида.

Каиафа

Должно быть, фарисеям и храмовым властям последние речи Иисуса показали серьезной угрозой. Обвинения Иисуса против них пробуждали в невежественных народных массах ярость. За этим могло что-то последовать, и этим обстоятельством воспользовались для созыва собрания высочайшей религиозной власти иудеев — самих первосвященников:

Мф., 26: 3. Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы...

Должность первосвященника была уже не такой, как когда-то. Истинные Цадокиты исчезли во времена Антиоха IV. Маккавейские первосвященники исчезли с пришествием Ирода. Последний из маккавейских первосвященников Аристокбул III был казнен в 35 г. до н. э. по приказу Ирода. В последующем столетии (последнем столетии существования Храма) было много первосвященников, учрежденных Иродом или римскими властями, и они выбирались из того или иного аристократического иудейского рода.

Влияние этих последних первосвященников, не имеющих высокого престижа Цадокитов или Маккавеев, было действительно небольшим, но они управляли Храмом и благодаря этому разбогатели и стали могущественными.

В 6 г. первосвященником был назначен Анна (по-еврейски Ханна), и он оставался на этой должности до 15 г. Затем он был снова утвержден следующим римским чиновником, который, несомненно, посчитал, что может использовать взятки, чтобы диктовать свою волю, поскольку обладал властью назначать нового первосвященника. Некоторое время в этой должности служил сын Анны Симон, а затем, в 18 г., этот пост занял зять Анны Каиафа (согласно Иосифу, ему дано было имя Иосиф). Во время пребывания Иисуса в Иерусалиме Каиафа уже был первосвященником в течение одиннадцати лет, и ему предстояло оставаться первосвященником еще семь лет.

Возможно, Каиафа со своего положения видел всю серьезность ситуации, так как он хорошо знал римлян. Он часто имел с ними дело и, несомненно, получил свою должность только благодаря финансовой сделке с ними.

Иудей из сельской местности, или иерусалимских трущоб, или (еще более) галилеянин из провинции мог почти не знать об истинной силе Рима. Он мог наблюдать только тех немногих римских воинов, которые находились в близлежащем гарнизоне. Обычные люди могли считать, что римлян можно победить, благодаря тому, что на их стороне — чудодейственный Мессия.

Однако Каиафа знал, что римлян нельзя было бы победить на этом отрезке их истории, и через сорок лет это оказалось для иудеев трагической правдой.

Разумеется, еврейские повстанцы того периода обычно верили, что Мессия будет с ними, и в этот особый момент иерусалимские народные массы приветствовали Иисуса как Мессию. Однако Каиафа не верил в это. Важно помнить, что через столетие после падения Маккавеев появлялось множество людей с мессианскими притязаниями, и за каждым из них кто-нибудь следовал. О каждом из них появлялись истории об удивительных подвигах и исцелениях, истории, по мере их пересказа обраставшие подробностями.

Иисус у Матфея сам свидетельствует об этом в своей апокалиптической речи:

Мф., 24: 24. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.

Для Каиафы Иисус мог быть только одним из этих «лжехристов». С его точки зрения, Иерусалим был взбудоражен провинциальным проповедником, который пробудил толпы народа до опасного уровня. Всего лишь через пару дней должна была праздноваться Пасха, и со всех сторон в город стекутся паломники, чтобы поклониться в Храме. Волнение может достичь лихорадки, и кто-нибудь, укрепленный уверенностью в помощи Мессии, убьет священников Храма или, что еще хуже, нападет на какого-нибудь римского воина. Тогда все погибнет.

Если в Иудее произойдет бунт, она будет сокрушена и стерта с лица земли. То, что не сумел сделать Антиох IV, смогут совершить римляне.

Действительно, эта точка зрения явно видна в Евангелии от Иоанна, где в этом же эпизоде цитируются следующие точки зрения священников:

Ин., 11: 48—50. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, — и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом. Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб.

Это последнее замечание часто цитируют как пример ужасного цинизма, но, конечно, это тот принцип, который постоянно используется всеми народами, и до и после времен Каиафы. И при этом высший совет первосвященников не может рассматриваться как чрезмерно пессимистический, поскольку через сорок лет случилось все, чего они так боялись. Пришли римляне и завладели их народом. Можно даже доказать, что только потому, что власти приняли меры против Иисуса, народ получил еще сорок лет жизни.

Иуда Искарriot

Власти не только решили, что Иисуса нужно арестовать и устранить как представляющего большую опасность для народа, они также считали, что это должно быть сделано немедленно. Уже через два дня наступит Пасха, и тогда может быть уже слишком поздно. Сама попытка произвести арест на этом самом национальном из всех еврейских праздников (когда Бог порази египтян) могла возбудить страсти вплоть до восстания, даже если восстание не вспыхнет к тому времени спонтанно:

Мф., 26: 4—5. И положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе.

Кроме того, было ясно, что арест лучше всего произвести ночью, когда город спал, так, чтобы не было никакого шума в момент ареста, и так, чтобы город столкнулся утром с уже свершившимся фактом. Действительно, если бы дело можно было бы осуществить без немедленного восстания, то успех только этого предприятия уже предотвратил бы восстание, так как какого Мессию могут арестовать несколько воинов. Для многих Иисус тогда предстал бы лжемессией, и множество народу отпало бы от него.

Но — и здесь была основная проблема — где Иисус ночевал? Власти и нашли бы его, но найдут ли они его вовремя?

Когда это случилось, Каиафа нашел неожиданного союзника. Один из главных учеников Иисуса Иуда Искариот изменил ему:

Мф., 26: 14—15. Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников;

Другими словами, он указал им на Иисуса в ночной тишине и дал им возможность арестовать его без лишней суматохи.

Поступок Иуды сделал его имя нарицательным для обозначения подлости с тех пор на многие века. Назвать кого-то «иудой» — значит назвать его предателем.

Но какой был мотив Иуды? Матфей подразумевает, что это была жадность, так как Иуда просил денег: «Что вы дадите мне...»

В Евангелии от Иоанна эта точка зрения выражена резче и подразумевается, что как казначей группы Иуда отвечал за деньги:

Ин., 12: 6. ...он... был вор. Он имел (при себе денежный) ящик и носил, что туда опускали.

Могло ли быть так, что обнаружилось присвоение им чужих денег и он был вынужден пойти на предательство в дикой попытке избежать позора?

Но если именно жадность была мотивом Иуды, то, по-видимому, он получил от этого совсем небольшую прибыль. На самом деле первосвященники занимали такое положение, что они могли и готовы были щедро оплатить предлагаемую Иудой услугу, однако Матфей сообщает:

Мф., 26: 15. ...и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребреников...

Невозможно не задаться вопросом, а не склонность ли Матфея к пророчествам Ветхого Завета захватила его и здесь. Это была та сумма, которую упоминает Захария в связи со своим таинственным пастырем:

Зах., 11: 12. И скажу им... дайте Мне плату Мою... и они отвезут в уплату Мне тридцать серебреников.

Должно быть, Матфей помнил этот стих. Только Матфей из всех евангелистов упоминает о конкретной сумме, выплаченной за предательство, так как только он считает необходимым соответствие пророчеству Ветхого Завета.

Могло ли быть так, что предательство было лишь второстепенным по отношению к деньгам (если оно вообще было) и что настоящим мотивом было что-то другое?

Часто упоминается, что Иуда был единственным иудеем среди апостолов и что поэтому он был менее лоялен к проповеднику-галилеянину, чем остальные апостолы, которые все были галилеяне.

Действительно, весьма антисемитски настроенные люди доказывали, что только иудеи были истинными евреями в современном смысле и что галилеяне были только обращенными евреями, которые в действительности были нееврейского происхождения. Согласно такой линии рассуждения, получается, что галилеяне добродетельны, а иудеи порочны, и больше не нужно никаких оснований для того, чтобы объяснить предательство Иуды.

Такие аргументы конечно же смехотворны, даже если Иуда был действительно единственным иудеем. Но так ли это? То, что эта точка зрения полностью зависит от того, означает ли Искариот «человек из Кериота», является теорией, которая очень широко была принята в течение многих столетий, но, тем не менее, она сомнительна. Если же, действительно, «Иуда Искариот» — это неправильное прочтение «Иуды Сикариота» («Иуда Террорист»), то предательство можно рассмотреть в совершенно ином свете.

Предположим, что Иуда был душой тех экстремистов, которые хотели и требовали немедленной войны против Рима. Возможно, он присоединился к Иисусу в надежде, что этот человек действительно мог быть Мессией, пришествие которого сразу положит конец ненавистному римскому господству. Возможно, с нарастающим волнением он шел с Иисусом в Иерусалим, он

был свидетелем торжественного въезда Иисуса, его очищения храма от торговцев и его растущей популярности.

Возможно, Иуда почувствовал уверенность, что Пасха будет сигналом к божественной битве, как часто подробно предсказывали пророки, у которых все силы язычества должны были быть разрушенными, а сын Давида — возведен на царский престол.

Что изменилось? Вполне возможно, это был вопрос о дани Риму, и Иисус ответил на него, что кесарю — кесарево. Иуде это, возможно, показалось отказом от всякого намерения выступить против Рима политически и объявлением со стороны Иисуса, что он был заинтересован только религиозными и этическими вопросами. Если это так, то для Иуды это оказалось сокрушительным ударом.

Тогда, если Иисус фактически проповедовал о втором пришествии и если этот отрывок не является вставкой более поздних редакторов после смерти Иисуса, то это могло довершить разочарование Иуды. Именно теперь Иуда перешел к действиям, не откладывая их до второго пришествия Мессии.

То, что произошло потом, можно объяснить двумя путями. Иуда мог быть настолько разочарован и подавлен, что жаждал мести. Чувствуя, что он оказался в дураках, он мог поспешить в припадке ярости отомстить тем, что он рассчитывал обманом устроить арест и казнь Иисуса.

Или могло быть и так, что Иуда все еще считал, что Иисус был Мессией, но тем, кто необъяснимым образом воздерживался от окончательного решающего сражения. Возможно, подвергая Иисуса опасности ареста, он мог таким образом вынудить его предпринять то, что, по мнению Иуды, и надлежало совершить Мессии.

Все это, конечно, догадки, не более чем гипотеза. Однако есть еще одно соображение, которое можно прибавить к этому.

В то время как священники совещались, а Иуда строил планы своего предательства, Иисус проводил свою последнюю ночь в Вифании. Там некая женщина омывала его волосы, поливая их из кувшина дорогим миром.

Описывается, что ученики испытывают досаду из-за такой траты, считая, что это миро можно было бы продать и выручить деньги для пожертвования бедным, но Иисус успокаивает их, заметив им, что он был помазан для предстоящего ему погребения. Однако в Евангелии от Иоанна недовольство выражает только Иуда:

Ин., 12: 4—5. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?

(Именно в этот момент Иоанн заявляет, что Иуда сказал это не из заботы о бедных, а потому что он был вором, который отвечал за казну.)

В Евангелии от Иоанна именно после этого события Иуда совершил свое предательство. Если мы рассматриваем повествование Иоанна, то это, возможно, не соответствует теории разочарования Иуды. Разве мог его раздражать акт помазания — традиционный обряд установления царствования? Это физическое действие подчеркивало, что Иисус — Мессия, «Помазаннык», и это, должно быть, обострило болезненное ощущение Иудой того, что Иисус предал мессианство, отказавшись возглавить восстание против Рима.

Гефсимания

Во время Пасхи Иисус и его ученики обедали в окрестностях Иерусалима. Это была «Тайная вечеря». Иуда Искариот участвовал в этой трапезе, но сразу после этого, должно быть, убежал, чтобы посоветоваться с первосвященниками. Иисус и оставшиеся с ним ученики затем удалились, но не ушли далеко:

Мф., 26: 36. Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там.

Гефсимания находилась сразу за Иерусалимом на западных склонах Елеонской горы и, возможно, в оливковой роще, где некогда стояла маслобойня. (Название Гефсимания означает «маслобойный пресс».) Иуда знал о том, что Иисус будет там, это особенно ясно видно в Евангелии от Иоанна:

Ин., 18: 2. Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими.

Интерпретируемый с рационалистической точки зрения «исторический Иисус», возможно, ожидал, что следующий день будет крайне важным и будет тем днем, когда город встанет на его сторону, и поэтому он находился максимально близко к городу.

Возможно, теперь, когда наступал решающий момент, его охватило чувство неуверенности. Было ли то, что он делал, действительно правильно? Добьется ли он успеха? Пишется, что он провел это время в мучительной молитве.

Мф., 26: 39. *И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты.*

В этом стихе можно увидеть, как «исторический Иисус» пытается уклониться от последнего испытания, сомневаясь в успехе, боясь последствий и, тем не менее, чувствуя, что другого выхода нет.

Поцелуй Иуды

Однако тревожное ожидание внезапно закончилось с прибытием вооруженных людей, которых послали священники. Иуда привел их в то место, где должен был находиться Иисус, место, известное Иуде, но не властям. Именно теперь в ночной тишине Иисуса можно было взять, и, когда занялся рассвет пасхального дня, потенциальный бунт был сорван из-за внезапного отсутствия руководителя и того неожиданного открытия, что Иисус не кто иной, как лжемессия.

Единственной причиной возможного провала этого плана теперь было то, что по ошибке могли арестовать ученика, а Иисус мог убежать. С Иисусом в этой последней сцене молитвы в Гефсимании было три ученика:

Мф., 26: 37. *И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведевых...*

И любой из этих троих мог быть ошибочно принят за Иисуса. В конце концов, было темно, и вооруженные люди, возможно, не знали, как выглядит Иисус. Поэтому Иуда должен был безошибочно указать на Иисуса, и он предложил сделать так:

Мф., 26: 48. *...Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его.*

Для современных американцев это, по-видимому, усугубляет измену: предать с помощью поцелуя выглядит особенно злодейски. Частично это отражение наших собственных социальных нравов, в которых поцелуй стал знаком особой близости и привязанности. Однако в других культурах поцелуй между людьми при встрече может быть совершенно обычным делом. Это было обычное приветствие, и оно не имело большего значения, чем

рукопожатие в нашей культуре. Разумеется, даже в этом случае измена — это весьма плохо.

В изображении Матфея Иисус настолько же удивился приходу Иуды, насколько и не осознавал намерения предателя:

Мф., 26: 49—50. И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел? Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его.

Несомненно, эта часть Евангелия полна указаний на то, что Иисус заранее знал об измене Иуды, и заканчивается, как и можно было ожидать, божественным предвидением Мессии. И иногда предполагается, что вопрос Иисуса Иуде «для чего ты пришел?» является метафорическим способом высказывания: «Делай то, для чего пришел». То есть «Давай покончим с этим».

Однако, если мы рассматриваем личность «исторического Иисуса», мы вполне можем предположить, что он был удивлен внезапным появлением Иуды и какое-то мгновение не осознавал значения происходящего. Тогда этот вопрос имеет прямой смысл.

Один из присутствовавших учеников предложил оказать сопротивление. Здесь он не назван, но Иоанн утверждает, что это был Петр:

Мф., 26: 51—52. И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут;

Можно представить, как «исторический Иисус» видел, что всякое сопротивление бесполезно, и не хотел, чтобы его учеников убили ни за что. Возможно, он видел смысл утешения в том, что решающий момент для восстания еще не пришел. Или, возможно, он все еще считал себя Мессией и был уверен в том, что его еще защитит божественное вмешательство.

(«Традиционный Иисус» знал, как с тех пор принято фактически всеми христианами, что должно было произойти и что испытание в виде распятия на кресте и воскресение были частью божественного замысла.)

Однако в этот момент ученики отреагировали так, как если бы они стояли перед фактом ареста «исторического Иисуса», а не божественного Мессии:

Мф., 26: 56. Тогда все ученики, оставив Его, бежали.

Христос

Теперь священническим властям необходимо было найти какой-нибудь вид преступления, за которое можно было судить Иисуса; и если возможно, чтобы он был осужден на смертную казнь. Если бы он был просто наказан и отпущен или, еще хуже, — оправдан, то в конце концов те хлопоты, которые они на себя взяли, несомненно, привели бы к тому, что по всей Иудее рассказали бы об этом как о примере божественной защиты Мессии, и восстание было бы уже неминуемо.

И тем не менее, обвинить Иисуса по вопросам чисто богословского спора было бы трудно:

Мф., 26: 59—60. Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили...

В отчаянии они обратились к вопросу о самом мессианстве. Конечно, человек, лживо заявляющий, что он — Мессия, проявлял тем самым верх богохульства и заслуживал смерти. И несомненно, ученики Иисуса явно утверждали, что Иисус — Мессия, и он неявно принял на себя эту роль, не порицая их за это.

Однако этого было недостаточно. Утверждения учеников можно было не признать; неявное принятие этих утверждений можно было оправдать. Однако если бы Иисуса можно было спровоцировать на открытое признание мессианства, то в суде под присягой они бы его обвинили.

Фактически у них было все, что нужно. Сами священники не могли в тот исторический период объявить и исполнить смертный приговор. Необходимо было одобрение римского правителя Иудеи. Такое одобрение не могло быть получено за чисто богословский спор (по политическим мотивам римские правители избегали вовлекаться в такие споры, так как была слишком большая вероятность нежелательной вспышки восстания). Однако если Иисус заявит претензии на свое мессианство, то тем самым он заявит о том, что он по праву законный и идеальный царь иудейский. Это, в свою очередь, было явной формой политического восстания против римской власти, даже если бы Иисус не сделал ни одного откровенного шага против Рима. Это означало, что можно было позвать представителей римской власти, и неизбежно будет вынесен смертный приговор. Поэтому под присягой был задан крайне важный вопрос:

Мф., 26: 63—64. ...*И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных.*

Фраза «ты сказал» сама по себе уклончива, означая «это нечто такое, что сказал ты сам», как если бы сам Иисус не старался ни подтвердить, ни опровергнуть обвинение. По версии Марка, Иисус отвечает вопрошающему откровенным признанием:

Мк., 14: 61—62. ...*первосвященник спросил Его и сказал Ему: Ты ли Христос, Сын Благословенного? Иисус сказал: Я и вы узрите Сына Человеческого, сидящего...*

Однако даже в более осторожной версии Матфея ответа Иисуса Иисус продолжает развивать свою точку зрения мессианской цитатой. Замечание относительно «Сына человеческого» взято из Книги пророка Даниила:

Дан., 7: 13—14. ...*с облаками небесными шел как бы Сын человеческий... И Ему дана власть слава и царство...*

Очевидно, Иисус сравнивал себя с образом из Книги пророка Даниила, с тем, кто обычно считался Мессией. Первосвященник получил то, что хотел:

Мф., 26: 65—66. *Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! На что еще нам свидетелей? Вот, теперь вы слышали богохульство Его! Как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти.*

Петр

Если Иисус даже в этот решающий момент сохранил твердую веру в свое мессианство, то с его учениками было не так. Все сбежали, и только один тайно присутствовал на суде:

Мф., 26: 58. *Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова; и, войдя внутрь, сел со служителями, чтобы видеть конец.*

После окончания суда Петр три раза был признан как один из учеников Иисуса. У Петра был шанс остаться столь же пре-

данным своей миссии, как Иисус, но он не смог. Каждый раз он отрицал, что знает Иисуса, третий раз особенно решительно:

Мф., 26: 74. *Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека.*

Понтий Пилат

Первосвященники также получили то, в чем нуждались, для того чтобы привести Иисуса к римским властям:

Мф., 27: 1—2. *Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти; и, связав Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю.*

Это первое упоминание в Евангелии от Матфея о светском правителе Иудеи, начиная со ссылки на Архелая во время возвращения Иосифа и его семьи из Египта.

Архелай, или Ирод Архелай, после смерти своего отца, Ирода Великого, в 4 г. до н. э. правил над Иудеей, Самарией и Идумеей как этнарх. Однако его правление было жестоким и репрессивным, и он настроил против себя и иудеев, и самаритян. Обе народности в редком единодушии обратились за помощью к римскому императору.

Рим несколько не возражал против укрепления своей власти над непослушной провинцией, поскольку в то время Иудея имела важное стратегическое значение. К востоку от Иудеи располагалось мощное царство Парфия, и во времена Нового Завета это царство было самым опасным врагом Рима.

Например, в 53 г. до н. э., вскоре после того, как Иудея перешла под римское владычество, парфяне разгромили римское войско в Каргах. (Это греко-римское название Харана, того города, где однажды жили Авраам и его семья.) Семь римских легионов были разбиты, что было самым горьким поражением римлян, которое они когда-либо потерпели к тому времени на востоке, поражением, за которое они еще не отомстили. Затем в 40 г. до н. э. парфяне снова воспользовались гражданскими войнами в Риме, чтобы занять большие части римской территории на востоке. Они заняли Иудею, которая охотно сотрудничала с ними против Рима и против римской марионетки Ирода.

Пока Иудея сохраняла хотя бы подобие независимости, она представляла опасность для Рима, так как ее правитель мог в любое время решиться на интригу с парфянами.

Поэтому Рим воспользовался жалобами иудеев и самаритян, чтобы в 6 г. свергнуть Ирода Архелая, сохранив ему жизнь, двенадцать лет которой он провел в изгнании.

В результате, конечно, ни Иудея, ни Самария не получили независимости. Вместо этого эта область стала частью римской провинции с римским правителем и хорошо вооруженным римским гарнизоном.

Иудея, хотя и стала частью провинции Сирии, из-за своего стратегического значения получила особый статус. Правитель назначался императором, он непосредственно отвечал за себя, а также за правителя Сирии. Латинским названием такого должностного лица было «прокуратор» («опекун»). По-гречески названием римского должностного лица над Иудеей было «гегемон» («руководитель»), а в Библии короля Якова и Исправленном стандартном переводе он называется «правителем».

Первые четыре прокуратора Иудеи правили довольно мирно. Однако в 26 г. был назначен Понтий Пилат. Это был человек неясного происхождения, который обязан был своим продвижением тому факту, что он был протеже Луция Элия Сеяна, который был тогда руководителем преторианской охраны (воинского контингента), которая охраняла непосредственно Рим, и самым могущественным в то время человеком в империи.

Сеян был рьяным антисемитом, и, возможно, Пилат занял его место, понимая, что он должен был держать иудеев под контролем, при всякой возможности ослаблять их и мешать им служить в качестве орудия в руках парфян против Рима.

Пилат энергично приступил к этому делу. Если бывшие до него прокураторы сделали свой штаб в Кесарии, городе на самаритянском побережье, в 50 милях к северо-западу от Иерусалима, то Понтий Пилат разместил войска в самой столице. Это означало, что в Иерусалим переместилась армия со знаменами, на которых был изображен портрет императора. Возбужденные иудеи считали, что такие портреты были нарушением заповеди против идолопоклонства, и энергично протестовали. В конечном счете Пилат был вынужден устранить нежелательные портреты, когда показалось, что в противном случае неизбежно вспыхнет восстание. Не было никаких сомнений в том, что он мог подавить такое восстание, но беспорядки, которые могли привлечь парфян, плохо сказались бы на его репутации, если бы показалось, что он намеренно вызвал их.

Возможно, Пилат сделал своей привычкой проводить в Иерусалиме время Пасхи, когда город был переполнен людьми и высоко взвинчивались опасные эмоции. Несомненно, он готов был мгновенно предпринять решительные действия в том случае, если такие чувства переросли бы в восстание. Он мог даже приветствовать такую возможность. В одном недавнем случае он без колебаний приказал вырезать толпу галилеян, в которой во время праздника начались беспорядки:

Лк., 13: 1. В это время пришли некоторые и рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их.

Он без колебаний повторил бы это снова. Первосвященник, должно быть, знал об этом, и его трактовка поведения Иисуса, должно быть, имела в качестве одного из мотивов желание предупредить эту возможность любыми средствами, отвести гнев Пилата от иудеев вообще и направить его на одного-единственного человека так, чтобы «один человек умер за народ».

Земля горшечника

Тем временем Иуда Искарот ужаснулся последствий своего предательства:

Мф., 27: 3. Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам...

Если он планировал вынудить Иисуса к мессианским действиям, то теперь он понял, что этот план потерпел неудачу и именно он ответствен за смерть Иисуса. Если бы он хотел наказать Иисуса за то, что тот — не Мессия, то Иуде было бы приятно увидеть смерть Иисуса. Очевидно, он понял, что смертная казнь была большим наказанием, чем он хотел.

Он попытался вернуть первосвященникам тридцать серебряных монет, и, когда они отказались принять их у него, он бросил деньги, ушел и повесился, так что он умер той же ночью, когда свершилось его предательство. Это раскаяние, как правило, частично освобождает этого предателя от полного мрака, который окружает его имя.

К сожалению, правдоподобие драматического рассказа Матфея о конце Иуды вызывает подозрение в том, что евангелист просто пытался представить еще одну цитату из Ветхого Завета.

В отношении тридцати серебряных монет, которые Иуда отверг, Матфей объясняет, что священники посчитали, что деньги, которые были платой за предательство, не могут быть положены в скровищницу. На них была кровь человека.

Мф., 27: 7—10. Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та «землю крови» до сего дня. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: «и взяли тридцать сребреников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника»...

Земля горшечника была, возможно, местом, где можно было добывать глину такого вида, которая подходит для изготовления глиняной посуды. В только что приведенных стихах фраза «земля горшечника» означала любое общественное место погребения для преступников, бездомных, нищих — всех, кому не могли предоставить (или они не заслуживали) лучшего места.

Однако в этом случае это цитирование Матфеем Ветхого Завета является более чем просто неуместным. С одной стороны, эта цитата взята не из Книги пророка Иеремии, а из загадочного рассказа Захарии о пастухах. (Возможно, ошибка возникла потому, что Иеремия в одном месте говорит о покупке земли, а в другом месте рассказывает притчу о гончарах, но все равно это — ошибка.)

В Книге пророка Захарии пастух, который уходит на покой, получал в качестве платы тридцать серебряных монет:

Зах., 11: 13. ...И взял Я тридцать сребреников и бросал их в Дом Господень для горшечника.

Но «горшечник в Доме Господнем» — это ни в коем случае не то же самое, что «земля горшечника». В действительности само слово «горшечник» — это неправильный перевод, и оно могло появиться в стихе Ветхого Завета в результате неправильного использования этого отрывка Матфеем и его влияния на набожных переводчиков, которые работали с Библией короля Якова. В Исправленном стандартном переводе эта фраза читается как «в скровищницу Дома Господнего».

Другими словами, в Книге пророка Захарии деньги были внесены в храмовую казну, именно поэтому священники отказались связываться с деньгами Иуды. Следовательно, эти два отрывка не параллельны, как, очевидно, считал Матфей, а, напротив, противоположны.

Существует альтернативная традиция трактования смерти Иуды, данная в Деяниях апостолов:

Деян., 1: 18—19. *...но приобрел землю неправедною мздою, и когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его; и это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть земля крови.*

Согласно этой альтернативной традиции, в которой не используются никакие пророчества из Ветхого Завета, Иуда не испытывал никакого раскаяния и не совершал самоубийства. Он жил достаточно долго, чтобы осуществить эту сделку, предназначенную для того, чтобы он мог стать землевладельцем, и позже умер от какого-то удара.

Варавва

Очевидно, Пилат воспринял уклончивый ответ Иисуса первосвященнику («ты сказал») как негативный или по крайней мере не как положительный, и поэтому сомневался в том, что Иисус заслуживал смертной казни. Или, возможно, Пилат хотел досадить первосвященнику, который, как Пилат вполне понимал, имел свои собственные скрытые мотивы желать Иисусу смерти, кроме его фактической вины или невинности:

Мф., 27: 18. *...ибо знал, что предали Его из зависти.*

Во всяком случае, он через голову священнической стороны обратился непосредственно к народу и предложил освободить какого-нибудь пленника в честь праздника Пасхи.

Мф., 27: 16—17. *Был тогда у них известный узник, называемый Варавва; так, когда собрались они, сказал им Пилат: кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом?*

О Варавве Матфей больше ничего не пишет. Однако Марк говорит:

Мк., 15: 7. *Тогда был в узах некто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство.*

Вполне возможно, что Варавва был одним из сикариев, или террористов, который возглавлял партизанский отряд против римлян и осуществил убийство какого-то римского чиновника.

Поэтому он вполне мог быть героем для зилотов, тех самых, которые разочаровались в Иисусе из-за того, что он уступил в вопросах уплаты дани.

Выбирая между главарем банды, который не проповедовал, но боролся против римлян, и тем, кто проповедовал и называл себя Мессией, но не предпринял никаких действий и покорно позволил схватить себя, пленить и подвергнуть суду, народные массы (или по крайней мере крикливые зилоты среди них) назвали Варавву и получили его.

Варавва — это не имя собственное, а арамейский эквивалент прозвища, означающего «сын отца». «Христос» или «Мессия» может также быть назван как «Сын Отца» (хотя и с прописной буквы). Достаточно странно, но традиция утверждает, что именем Вараввы было Иешуа или, по-гречески, Иисус. Следовательно, Пилат спрашивал у толпы, хотели ли они Иисуса, сына отца, или Иисуса, Сына Отца.

В действительности были и те, кто говорил, что Варавва и Иисус — это один и тот же человек, и рассказ о главаре банды и кротком и миролюбивом Мессии так или иначе переплелись, что Иисус был судим перед Пилатом, но был отпущен как Варавва, и что рассказ о распятии на кресте и последующем воскресении — это прикрасы более поздней легенды. Однако маловероятно, что эта точка зрения когда-либо приобретет много сторонников.

Пилат и жена Пилата

Матфей подчеркивает нежелание Пилата отдать приказ о смертной казни. Частично он объясняет это с помощью своего любимого приема — сна:

Мф., 27: 19. Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него.

Это единственное появление жены Пилата в Новом Завете, но традиция занималась ею. Говорилось, что ее имя было Клаудия Прокула и что она была, или позже стала, тайной христианкой. Она даже была канонизирована в Греческой православной церкви.

Предложив отпустить Иисуса, а вместо этого получив необходимость отпустить Варавву, Пилат столкнулся с кричащей толпой, требовавшей казни Иисуса. Пилат возразил:

Мф., 27: 23—24. *Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы.*

Все четыре Евангелия соглашаются в том, что Пилат отказывался распорядиться о казни Иисуса, но только Матфей вставляет эпизод об умывании рук, драматический акт, вследствие чего фраза «умывать руки» означает теперь «отказаться от ответственности».

Возможно, это был акт еврейского ритуала, который римлянин Пилат и не исполнял, но именно Матфей, который отлично знал еврейский ритуал и совсем плохо знал о римских обычаях, посчитал естественным вставить этот эпизод.

Во Второзаконии утверждается, что если убитое тело будет обнаружено, а убийца не будет известен, то население ближайшего города выполняет некоторый ритуал с использованием телицы для освобождения от вины:

Втор., 21: 6. *...и все старейшины города того, ближайшие к убитому, пусть омоют руки свои над головою телицы, зарезанной в долине, и объявят и скажут: руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видели...*

Так как Пилат возвещает о невинности Иисуса, у Матфея нетерпеливая толпа принимает ответственность на себя, используя для этого драматическое выражение из Ветхого Завета:

Мф., 27: 25. *И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших.*

Это утверждение, которое не обнаруживается ни в одном из остальных Евангелий и которое, возможно, возникло просто из склонности Матфея к интерпретации и описанию всего в соответствии с пророчествами, ритуалами и изречениями из Ветхого Завета, стоило евреям ужасно дорого в течение двух тысяч лет после смерти Иисуса.

Что касается Пилата, его более поздние годы жизни неясны. Он оставался прокуратором Иудеи до 36 г., когда он был наконец отозван, потому что его бестактность продолжала пробуждать восстания среди иудеев и самаритян.

Какой смертью он умер — неизвестно. Враждебная римлянам традиция говорит о том, что он был казнен римским императором.

ром или совершил самоубийство, чтобы избежать казни. С другой стороны, есть также легенды о его более позднем обращении в христианство, основанные, возможно, на повествованиях о его нежелании казнить Иисуса. Кроме того, были апокрифические писания, которые больше не существуют, но которые упомянуты некоторыми ранними христианскими авторами. В них, как предполагается, сообщалось о суде и воскресении Иисуса. Пилат даже был канонизирован как святой в Абиссинской церкви.

Распятие на кресте

Сняв с себя ответственность за смерть Иисуса, Пилат отдал приказ казнить его:

Мф., 27: 26. Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие.

Распятие на кресте не было ни еврейским, ни греческим способом смертной казни. У иудеев распространено было побивание камнями до смерти; у греков осужденных заставляли выпить яд. Однако римляне использовали распятие на кресте как наказание за измену. (Так делали и другие народы, например персы и карфагеняне.)

Человек, пригвожденный к деревянному кресту, умирал медленно от палящих лучей солнца, голода и жажды. Это была жестокая смерть; тем более в связи с тем, что она была публичной, чтобы лишить умирающего человека всяческого достоинства, сделать его уязвимым перед насмешками бездушных зевак.

Однако факт остается в том, что Иисус не был осужден на обычную или редкую смертную казнь, но эта казнь была обычной в соответствии с римским законом. В 72 г. до н. э., примерно за сто лет до казни Иисуса, против Рима восстала группа гладиаторов и рабов под предводительством Спартака. В конечном счете их разгромил римский полководец Марк Лисиний Красс (военачальник, который был побежден и убит через пятнадцать лет парфянами в сражении при Каррах). Красс захватил в плен около шести тысяч рабов и, согласно историческим свидетельствам, распял их всех вдоль дороги от Рима до Капуи, так чтобы любой путешественник шел многие мили между бесконечными рядами людей, медленно умирающих от болезненной пытки. (Точно так же персидский царь Дарий I однажды одновременно распял три тысячи вавилонских мятежников.)

Распятие на кресте, как способ наказания, продолжало быть частью римского права, пока не было отменено Константином I, римским императором, который первый узаконил христианство.

Киринея (Кирина)

Было общепринято, чтобы человек, которого собирались распять, сам нес тяжелый крест, или часть его, к месту казни. Возможно, Иисус был не в силах поднять крест после ночных событий и пыток, которым он был подвергнут.

Мф., 27: 32. Выходя, они встретили одного Киринеянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его.

Возможно, Симон пришел в Иерусалим, чтобы посетить праздник Пасхи, и неожиданно стал нести крест. Во времена Нового Завета в Киринее была большая еврейская колония. Историк маккавейского восстания Ясон, на работах которого была основана Вторая книга Маккавеев, был жителем Киринеи. В 117 г. до н. э. Киринея стала независимой от Египта, а в 67 г. до н. э. она вошла в состав Рима.

Голгофа

Затем Иисуса повели к месту казни:

Мф., 27: 33. И, придя на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное место...

Это действительно ужасное название, происходящее, возможно, от того, что поблизости находился какой-то неясно черепообразной формы мыс, или от того, что там были черепа ранее казненных людей. (Оба предположения — всего лишь предположения.)

Местоположение Голгофы (Лобного места) точно не известно, но, должно быть, оно находилось за пределами Иерусалима.

Там Иисуса распяли, а над его головой, как это было принято, написали состав его преступления:

Мф., 27: 37. ...и поставили над головою Его надпись, означающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский.

Такова версия значения имени Иисус Христос, и это — доказательство того факта, что Иисус был казнен за государственную измену против Рима, то есть за стремление стать царем без одобрения Рима.

Уксус и желчь

Матфей намеревался доказать, что каждый аспект распятия является исполнением пророчества из Ветхого Завета. Так, он описал, как воины дали Иисусу пить:

Мф., 27: 34. Дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить...

Это звучит как еще одно жестокое издевательство над умирающим человеком. На самом деле все наоборот. Уксус (по-французски это означает «кислое вино») может в таком словоупотреблении буквально означать кислое вино, которое было общепринятым напитком для римских воинов. Этот отрывок переводится в Исправленном стандартном переводе как «они дали Ему выпить вина, смешанного с желчью...».

Сама желчь является чрезвычайно горькой, но в данном случае может предполагаться некоторая форма анестетика умирения. Действительно, в Евангелии от Марка не упоминается о желчи, но этот эпизод описывается следующим образом:

Мк., 15: 23. И давали Ему пить вино со смирною...

Если Матфей основывает свое описание на том, что сказано у Марка, то зачем он заменяет «гуманное» вино со смирной, которые давались с явно благой целью облегчить боли, испытываемые Иисусом, и ослабить ему муки умирения, на «бессердечные» уксус с желчью, что выглядит как дополнительная пытка? Зачем без необходимости умножать и так очевидные грехи распинателей? По-видимому, Матфей описал уксус с желчью для того, чтобы обратиться к отрывку из псалмов, где псалмопевец описывает свое собственное бедствие с поэтическим приувеличением:

Пс., 68: 22. И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом.

Или́, Или́!

Смерть не заставила себя долго ждать:

Мф., 27: 46. *А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или́, Или́! ламá савахфанí? то есть: Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?*

Можно предположить, что это был последний крик отчаяния «исторического Иисуса», галилейского плотника, который испытывал побуждение проповедовать, в конце концов убедился, что он — Мессия, держался этой веры до последней минуты, и теперь окончательно осознал, что он — не Мессия и что вся его миссия лишь привела его к этой ужасной смерти.

Тем не менее маловероятно, чтобы так мог подумать об этом Матфей (или Марк, у которого также обнаруживается описание этого предсмертного крика). Скорее, следовало разыскать какое-нибудь его значение в Ветхом Завете.

Крик «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» является началом 21-го псалма:

Пс., 21: 1. *Боже мой! Боже мой! [внемли мне] для чего Ты оставил меня? Далеки от спасения моего слова вопля моего.*

Это — цитата, которая является особенно подходящей для этого случая, так как псалмопевец описывает себя (в Библии короля Якова) пребывающим в чрезвычайном отчаянии и страдающим от судьбы, весьма похожей на распятие на кресте:

Пс., 22: 17—19. *Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище; делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий.*

Матфей описывает буквальное исполнение поэтического описания крайнего несчастья в девятнадцатом стихе и также цитирует этот стих, указывая на его исполнение:

Мф., 27: 35. *Распявшие же Его делили одежды его, бросая жребий...*

Отчетливейшую связь этого отрывка с распятием на кресте образует фраза «пронзили руки мои и ноги мои». В Исправленном стандартном переводе, в котором содержится эта фраза, в

сноске указывается, что первоначальное еврейское слово, которое переведено как «пронзили», в латинских версиях Библии означает «подобно льву». В еврейской версии Библии приводится такой семнадцатый стих: «...Подобно льву, они — в руках и ногах моих». В иерусалимской Библии приводятся следующие слова: «...Они связали мне руки и ноги». Странно, если слово «пронзили» было вставлено в перевод как ссылка на восклицание Иисуса на кресте.

Иосиф из Аримафеи

После смерти Иисуса похоронили:

Мф., 27: 57—58. Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса; он, придя к Пилату, просил тела Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать тело...

Получив тело, этот человек похоронил его в своей собственной свежерытопанной могиле — вырытой в скале — и привалил к отверстию большой камень.

Город Аримафея, место рождения этого ученика Иисуса, не упоминается в других местах Библии, но обычно он отождествляется с Рамафаим-Цофимом, местом рождения пророка Самуила.

Иосиф из Аримафеи не появился бы в Библии, если бы не этот эпизод, и теперь предполагаемый участок его могилы увековечен церковью Святой Могилы в Иерусалиме.

Однако Иосиф является предметом гораздо более поздней легенды. Как предполагается, он был хранителем чаши, из которой Иисус дал своим ученикам выпить вина во время Тайной вечери:

Мф., 26: 27—28. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета...

Эта чаша стала называться «Святым Граалем». Предполагалось, что ее в течение многих лет заключения сохранял у себя Иосиф из Аримафеи. В конечном счете он, как предполагалось, принес чашу в город Гластонбери в юго-западной Англии, и там она исчезла. (Эти легенды были очень подробными и с удовольствием пересказывались монахами аббатства Гластонбери.)

Многое в цикле легенд о британском короле Артуре и его рыцарях было связано со стремлением отыскать Святой Грааль.

Последний день недели

Повествование об «историческом Иисусе» заканчивается здесь его погребением, поскольку если мы должны устранить чудеса, то рассказ о воскресении нужно отнести к легенде.

Однако если бы похороны действительно были финалом этой истории, то вполне вероятно, что ученики Иисуса постепенно забыли бы о своем бывшем учителе, и никакие новые ученики не собирались бы в память о нем, и история мира была бы совершенно другой.

Однако даже если мы примем рационалистическую точку зрения, согласно которой не было в действительности никакого воскресения, то невозможно отрицать то, что в вере учеников и, в конечном счете, сотен миллионов людей было нечто такое, что сделало все по-другому.

Матфей описывает, что священнические власти боялись переворота со стороны учеников Иисуса. Они так говорили Пилату:

Мф., 27: 63—64. И говорили: господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: «после трех дней воскресну»; Итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: «воскрес из мертвых»; и будет последний обман хуже первого.

Священники, возможно, боялись, что образ Иисуса, даже мертвого, все еще мог быть использован как сплывающий призыв к восстанию против римлян. Воскресение, даже если бы оно было ложным, могло быть использовано как доказательство божественного мессияства Иисуса. Пилат, также видя эту опасность, предоставил контингент воинов, чтобы они охраняли гробницу.

Вера в то, что Иисус якобы воскрес на третий день, описывается Матфеем, характерным образом, с точки зрения аналогии с Ветхим Заветом. В одном месте, когда Иисуса спрашивают о некотором знаке того, что он действительно является боговдохновенным проповедником, Иисус прибегает только к указанию на одну аналогию (ее разъяснение обнаруживается только у Матфея):

Мф., 12: 40. Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи.

Распятие на кресте, согласно всем четырем Евангелиям, произошло в пятницу. По этой причине распятие на кресте отмечается христианами в пятницу (Страстная пятница). Затем происходят события после распятия на кресте:

Мф., 28: 1—2. По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем;

Охранявшие гробницу и пришедшие для оплакивания также были удивлены, но к последним обратился ангел:

Мф., 28: 5—6. Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого; Его нет здесь: Он воскрес, как сказал;..

Поскольку распятие произошло в пятницу, а воскресение — в воскресенье («последний день недели»), можно предположить, что Иисус оставался «в сердце земли» три дня (пятницу, субботу, воскресенье). Однако у Матфея отсутствует сравнение с «тремя днями и ночами» пребывания Ионы в ките, как многие из цитат Матфея делают.

Иисус умер в пятницу в девятом часу, вскоре после того, как он взмолился: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Учитывая время с восхода и до заката солнца, это — примерно в 3 часа дня в соответствии с современной системой часов. Если Иисус воскрес на рассвете в воскресенье, то есть в 6 часов утра, то, в то время как он был в сердце земли в течение трех различных дней, он был там только две ночи и один день.

Тот факт, что воскресение произошло в последний день недели (воскресенье), привел к тому, что этот день имеет особое значение для последователей Христа. Это был тот «День Бога», который получает особое внимание.

Сначала этот день был отличен от дня субботнего, который ранние христиане праздновали обычным образом. Однако, поскольку между христианами и иудеями нарастала враждебность и поскольку христиане все более принимали в свой круг язычников, воскресенье приобрело атрибуты дня субботнего, а от субботы христиане полностью отказались.

Годовщина того воскресенья, в которое Иисус воскрес, празднуется в воскресенье как Пасха.

Мария Магдалина

Среди женщин, которые видели распятие на кресте, была Мария Магдалина:

Мф., 27: 55—56. Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых.

Кроме того, она была у гроба на рассвете в воскресенье:

Мф., 28: 1. По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб.

Мария Магдалина означает «Мария из Магдалы». Магдала — это был город на западном берегу Галилейского моря. Его точное местоположение неизвестно, но, возможно, это был пригород Тивериады.

Единственное упоминание о Марии Магдалине в Евангелии, кроме как о свидетельнице распятия и воскресения Иисуса, есть как о женщине, вылеченной Иисусом:

Мк., 16: 9. Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов.

Кроме того, об этом сказано также у Луки, хотя и не в связи с воскресением, а с более ранним периодом, когда Иисус был еще в Галилее:

Лк., 8: 1. После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов...

Мария Магдалина, согласно традиции, считалась проституткой, раскаявшейся в результате встречи с Иисусом. В таком случае эти семь бесов можно считать бесами вожделения.

Это было возможно только потому, что о ней в Евангелии от Луки упоминается почти сразу после рассказа о другой женщине. Это она вошла в дом, где Иисус обедал с одним фариисеем:

Лк., 7: 37—38. *И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром.*

Эта грешница, действительно, была, по всей вероятности, проституткой, но нигде в Библии нет ни одного прямого отождествления этой женщины с Марией Магдалиной. Одержимость бесами, как это было с Марией Магдалиной, является признаком того, что сегодня мы назвали бы не чем иным, как психическим заболеванием. Гораздо более обоснованно было бы считать Марию Магдалину исцеленной сумасшедшей, а не раскаявшейся проституткой.

Однако слово «магдалина» теперь используется в отношении к раскаявшейся проститутке или к дому для раскаявшихся проститутток. А поскольку Мария Магдалина, как раскаявшаяся грешница, всегда показывается на картинах с глазами, красными и вспухшими от плача, то слово «maudlin» («плаксивый») в английском языке стало означать слезливого или эмоционально раскисшего человека.

Присутствие в Евангелии Марии Магдалины может объяснить загадку воскресения, — почему в него поверили и в то же время не поверили.

С одной стороны, по-видимому, ученики приняли на веру воскресение и продолжили проповедовать учение Иисуса на этой основе, так что их последователи через три столетия покорили всю империю.

С другой стороны, если Иисус действительно восстал из мертвых, то почему это не стало сигналом для шумного приветствия Мессии и восстания против Рима, чего и боялись власти?

Можно было бы реконструировать ход событий вроде следующего. Мария Магдалина была первой, кто увидел воскресшего Иисуса:

Мк., 16: 9—11. *Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела Его, — не поверили.*

Однако рассказ Марии Магдалины, должно быть, в конечном счете убедил оплакивавших учителя учеников, которые, в конце концов, страстно захотели поверить в то, что Иисус действительно был Мессией и восстал из мертвых.

Как только поверили в рассказ Марии Магдалины о пустой могиле и Иисусе, который явился ей, естественным образом в более позднее время возникли подтверждающие рассказы. Появились рассказы об Иисусе, явившемся данному ученику, или о том, что произошло в тех или иных обстоятельствах, и множество этих историй было записано в Евангелиях в то время, когда они стали записываться. Но очевидно, все это опиралось только на слова одного свидетеля — Марии Магдалины.

Однако Мария Магдалина была одержимой «семью бесами». Она была сумасшедшей или, во всяком случае, с серьезно нарушенной психикой, и ее поведение могло оставаться довольно неустойчивым, и ее поэтому можно было считать «тронутой». Даже если она и проявила заметные признаки улучшения здоровья под влиянием Иисуса, потрясения, связанные с арестом, судом и распятием, вполне могли расстроить ее снова и сделать ее легко подверженной галлюцинациям.

Кроме тех учеников, которые, возможно, приняли ее историю только через некоторое время, не было никого, кто поверил в это сразу. Возможно, когда она что-то говорила, люди обычно понимали плечами, воспринимая это как бред сумасшедшей.

Отсюда следовало бы, что, хотя ученики и могли поверить (и тем более пылко, по мере того как проходило время), не было никакого всеобщего признания правдивости этого рассказа. И не было никаких беспорядков и, конечно, никакого восстания против Рима.

Точка зрения в Евангелиях, конечно, заключается в том, что Иисус воскрес и явился не одной только Марии Магдалине, но множеству людей в нескольких различных случаях, идя и говоря с ними. Матфей описывает, как ученики возвращались домой после того, как услышали рассказ о воскресении:

Мф., 28: 16—18. Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидевши Его, поклонились Ему; а иные усомнились. И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле:

Чтобы объяснить неверие иудеев вообще, Матфей выдвигает довольно маловероятный рассказ, который не обнаруживается в остальных Евангелиях. Он говорит, что первосвященники подкупили хранителей гробницы, чтобы те сказали, что они заснули и что, в то время как они спали, ученики Иисуса выкрали тело, и этот Иисус в действительности не воскресал.

Тем, что делает этот рассказ маловероятным, является сон, поскольку для воинов на посту это всегда смертный грех и на-

вряд ли стража могла взять деньги и принять на душу такой грех. Несмотря даже на то что священники обещали защитить их от последствий, если бы Пилат услышал о том, что они спали при исполнении служебных обязанностей, то сомнительно, что они избежали бы наказания. Однако Матфей говорит именно об этом, и он заключает:

Мф., 28: 15. Они, взяв деньги, поступили, как научены были; и пронеслось слово сие между иудеями до сего дня.

6. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА

Евангелие от Марка • Марк • Иоанн Креститель • Дух нечистый • Левий, сын Алфея • Авиафар • Воанергес • Легион • Талифа куми!

Евангелие от Марка

Общепринято, что Евангелие от Марка — древнейшее из четырех Евангелий, и, разумеется, оно самое короткое.

Предполагается, что это — первое из Евангелий, которое было введено в Священное Писание, чтобы распространить среди христиан историю страданий Иисуса и его стойкости в несчастье. Возможно, оно было предназначено для того, чтобы ободрить христиан в то время, когда они вообще подвергались преследованиям.

Первые серьезные преследования христианства начал в Риме император Нерон после большого пожара 64 г., и вполне вероятно, что Евангелие от Марка было написано вскоре после этого.

Из того факта, что включена апокалиптическая речь Иисуса и явно указано разрушение Иерусалима, считается, что оно не могло быть написано после 66 г., когда началось иудейское восстание против Рима. Есть даже те, кто считает, что окончательная его форма была достигнута только после 70 г. и разрушения римлянами Второго храма. Однако оно не могло быть написано намного позже 70 г., поскольку это Евангелие, должно быть, уже существовало и циркулировало до того, как были написаны Евангелия от Матфея и Луки, поскольку два последних много заимствовали у Марка.

По-видимому, Евангелие от Марка было написано для христиан еврейского происхождения, но, очевидно, не для тех, кто обладал обширными познаниями Библии. Нет никакой педантичности в ссылках на Ветхий Завет, как у Матфея. Возможно, сам автор Евангелия от Марка был не очень образованным человеком, по крайней мере, греческая версия Евангелия выглядит не очень гладкой.

Марк

Христианский епископ II в. Папий утверждал, что тот, кто назывался Марком, составил Евангелие, используя в качестве своего источника информацию, полученную от самого Симона Петра. Несомненно, он ссылается на второе Евангелие.

Очевидно, у Петра был более молодой помощник по имени Марк. В своем первом послании он упоминает этого человека с любовью, как если бы он был его учеником или последователем:

1 Петр., 5: 13. *Приветствует вас избранная, подобно [вам, церковь] в Вавилоне и Марк, сын мой.*

Несмотря на свое латинское имя, Марк не был язычником. По-видимому, Марк — это только прозвище, добавленное к еврейскому имени Иоанн. Так, в Деяниях пишется:

Деян., 12: 12. *И, осмотревшись, [Петр] пришел к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились.*

Должно быть, во время распятия Иисуса Иоанн Марк был еще совсем юным, и в Евангелиях под именем его не видно. Однако в Евангелии от Марка (в остальных Евангелиях его нет) описан один эпизод, который действительно может относиться к самому Марку. Он происходит сразу после ареста Иисуса, когда его ученики сбежали. Пишется, что там некоторое время оставался один неузнанный человек:

Мк., 14: 51—52. *Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них.*

Из этого события не следует ничего, и этот молодой человек больше не появляется. Тем не менее, традиция говорит о том, что этот молодой человек — сам Марк и что евангелист не мог не упомянуть о своем собственном присутствии в важный момент истории Иисуса.

Иоанн Креститель

Марк начинает свое Евангелие с Иоанна Крестителя. Он ничего не говорит о непорочном зачатии в Вифлееме, о каких-либо чудесах, связанных с младенчеством Иисуса. Он даже не упоми-

нает о происхождении Иисуса из рода Давида. В этом Евангелии Иисус упомянут как Сын Божий (то есть Мессия), но редко как Сын Давида.

Фактически если бы у нас было только Евангелие от Марка, повествующее о жизни Иисуса, то мы были бы вынуждены предположить, что Иисус родился в Назарете обычным человеческим образом, в бедной галилейской семье без каких бы то ни было царских притязаний.

Подобный источник таков, что он не соответствует пророчествам Ветхого Завета о Мессии, поэтому Матфей, возможно, писал его Евангелие прежде всего для того, чтобы отстоять такие вопросы, как происхождение из рода Давида и рождение в Вифлееме. Только так можно было защитить Иисуса от утверждений еврейских теологов насчет того, что он не мог быть Мессией, потому что он уроженец Галилеи и не из царского рода.

В Евангелии от Марка первое упоминание об Иисусе связано с его крещением:

Мк., 1: 9. И было в те дни, пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане.

И после того Дух Божий сошел на него, как в Евангелии от Матфея. Иоанн Креститель описан как предтеча Иисуса (каким он является во всем Евангелии) и как знающий, что такова его роль:

Мк., 1: 7. И [Иоанн Креститель] проповедывал, говоря: идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви Его;

В Евангелии от Матфея пишется, что во время крещения Иисуса Иоанн особо признал Иисуса как более могущественного, но в Евангелии от Марка всего этого нет.

Дух нечистый

После крещения Марк кратко упоминает об эпизоде искушения, но без подробностей и, конечно, без цитат из Ветхого Завета, которые Матфей представил для удовольствия своей ученой аудитории.

Затем Иисус выбирает своих первых четырех учеников и начинает свою проповедническую деятельность. Марк особенно

сосредоточивает внимание на его удивительных исцелениях. Так, в Капернауме:

Мк., 1: 23. *В синагоге их был человек, одержимый духом нечистым...*

Мк., 1: 25—26. *Но Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотряси его и вскричав громким голосом, вышел из него.*

Марк пишет, что дух нечистый, подходя к Иисусу, вскричал:

Мк., 1: 24. *...что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий.*

Марк использует словосочетание «Иисус Назарянин», поскольку в этом Евангелии нет никаких указаний на то, что Иисус родился где-нибудь не в Назарете. Как известно, это словосочетание было принято и в остальных Евангелиях, несмотря на рассказ о рождении в Вифлееме. Кроме того, Марк, который никогда не упоминает о происхождении из рода Давида, использует словосочетание «Святой Божий» как означающее Мессию, а не «Сына Давида».

Левий, сын Алфея

Марк пишет, что Иисус выбрал в качестве ученика мытаря:

Мк., 2: 14. *Проходя, увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, встав, последовал за Ним.*

Матфей рассказывает ту же историю, но об этом ученике Матфее (возможно, самом евангелисте) ничего не говорится как о мытаре, сыне Алфея.

В списке двенадцати апостолов Матфей перечисляет две пары братьев:

Мф., 10: 2. *Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его,*

Если Левий (или Матфей) был сыном Алфея, то среди апостолов должна обнаружиться третья пара братьев, так как есть

второй Иаков, отличающийся как сын Алфея, от Иакова, сына Зеведея. Не следует ли Левия (или Матфея) упоминать вместе с Иаковом, сыном Алфея? В список апостолов Матфей включает:

Мф., 10: 3. ...Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем...

Эта схема у Матфея такова, что менее известный брат следует за более известным (или, возможно, младший следует за старшим), а имя отца упоминается только для брата, упомянутого первым. Леввей — это греческая форма имени Левий, так что стих 10: 3, по-видимому, включает Иакова, сына Алфея, и Левия, его брата. Однако нет никакого упоминания о братских узах; Матфей помещен со стороны Иакова; и по-видимому, Матфей выходит из этого положения, определяя себя как «Матфея мытаря».

В списке апостолов у Марка братские узы менее важны. Андрей, например, не идентифицируется как брат Петра (хотя он так идентифицируется в то время, когда оба были приняты как ученики). Андрей даже не помещен рядом с Петром. Марк говорит:

Мк., 3: 18. Андрея, Филиппа, Варфоломея, Матфея, Фому, Иакова Алфеева, Фаддея...

Матфей не идентифицирован. Однако зачем утверждать, что Матфей был мытарем, если он им не был; такое занятие было позорным. Или же Матфей хотел таким образом подчеркнуть свое возвышение по милости свыше, очернив для контраста свой прежний статус?

Авиафар

Марк рано начинает описывать нарастающую тревогу ортодоксов среди иудеев по поводу учения Иисуса, его претензий на власть прощать грехи и его непочтительное отношение к дню субботнему.

Утверждая, что день субботний можно при необходимости нарушать для блага людей, Иисус указал на действия самого Давида как создавшего такой прецедент. Когда Давид убежал от Саула и испытывал муки голода, первосвященник в Нове разрешил ему употреблять особый освященный хлеб, обычно со-

хранявшийся только для священников. Так, человеческая потребность оказалась выше ритуала. Однако, приводя этот пример, Марк совершил фактологическую ошибку:

Мк., 2: 26. Как вошел он [Давид] в дом Божий при первосвященнике Авиафаре и ел хлебы предложения...

Но в то время первосвященником был не Авиафар. Этот инцидент произошел, но с отцом Авиафара, Ахимелехом. Однако это понятный промах, так как Авиафар был единственным оставшимся в живых после резни священников в Нове, случившейся из-за того, что кто-то из них накормил Давида, а Авиафар был тесно связан с Давидом в течение его последующего царствования. Для иудеев времен Нового Завета думать об Авиафаре в связи с царем Давидом стало почти второй натурой.

И Матфей, и Лука оба повторяют эту историю, но не упоминают имени первосвященника, избегнув таким образом ошибки.

Воанергес

В списке двенадцати апостолов у Марка есть интересное добавление — прозвище, данное сыновьям Зеведея:

Мк., 3: 17. Иакова Зеведеева и Иоанна, брата Иакова, нарекуши им имена «Воанергес», то есть «сыны громовы»...

Воанергес — это греческая транслитерация арамейских слов «бенаи регеш», означающих «сыновья гнева». Это может представлять традицию в том смысле, что Иаков и Иоанн были по характеру вспыльчивыми и всегда готовыми предпринять яростные действия.

Очевидный пример этого можно обнаружить в Евангелии от Луки. Там, когда Иисусу отказали самаритяне, которые не позволили ему войти в одну из своих деревень, Иаков и Иоанн потребовали мести:

Лк., 9: 54. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! Хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?

Здесь ссылка на рассказ об Илие, который, когда пятьдесят воинов пришли, чтобы арестовать его во времена царя Израиля Ахаза, использовал в свою защиту огонь небесный:

2 Цар., 1: 10. *И отвечал Илия, и сказал пятидесятнику: если я человек Божий, то пусть сойдет огонь с неба и попалит тебя и твой пятидесяток. И сошел огонь с неба и попалил его и пятидесяток его.*

Однако Иисус укорял своих гневливых учеников:

Лк., 9: 56. *...Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать...*

Легион

В сообщении Марка об изгнании бесов в стране Гадаринской или Гергесинской Иисус говорит бесам одержимости:

Мк., 5: 9. *И [Иисус] спросил его [духа одержимости]: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много.*

В Библии короля Якова слово «легион» написано с прописной буквы, также и в Исправленном стандартном переводе, как если бы оно было именем собственным, именем вселившегося духа.

На самом деле «легион» — это название основной единицы римского войска и оно происходит от латинского слова, означающего «собравшиеся вместе». Легион — это группа воинов, «собравшихся вместе». Во времена Нового Завета легион состоял примерно из шести тысяч воинов, и поэтому это слово могло использоваться для того, чтобы указать на большое количество. Утверждение «легион имя мне, потому что нас много» тождественно высказыванию «Нас — тысячи». И действительно, духов затем изгоняют в тысячи свиней:

Мк., 5: 13. *И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч...*

Талифа куми!

Описание Марком жизни и смерти Иисуса так похоже на описание у Матфея в основных деталях, что остается совсем немного такого, что не было сказано в предыдущей главе. Отметим один интересный момент.

Так как все у Марка написано по-гречески, это Евангелие ближе к арамейскому, чем даже Евангелие от Матфея. В дей-

ствительности некоторые несовершенства греческого у этого Евангелия, по-видимому, происходят оттого, что в нем содержатся многочисленные арамейские формы выражения, переведенные буквально, как если бы Марк писал по-гречески, но думал на арамейском.

Чаше, чем в остальных Евангелиях, Марк приводит настоящие арамейские слова, а затем переводит их, как в случае «Воанергес». Другой пример возникает в случае с молодой дочерью служителя синагоги, девочки, которую Иисус воскрешает из мертвых. Все три синоптических Евангелия рассказывают об этом чуде, но только Марк передает слова Иисуса во время воскрешения девочки на родном арамейском:

Мк., 5: 41. *И, взяв девицу за руку, говорит ей: «талифа́-куми», что значит: «девица, тебе говорю, встань».*

В другой раз Марк сообщает об исцелении Иисусом глухого человека с дефектом речи:

Мк., 7: 34. *И [Иисус], возрев на небо, вздохнул и сказал ему: «еффафа́», то есть «отверзись».*

А еще в Гефсимании, когда Иисус молится, обращаясь к Богу как «Отцу», первым дается арамейское слово:

Мк., 14: 36. *И [Иисус] говорил: Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня;..*

7. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ

Евангелие от Луки • Лука • Феофил • Захария • Елисавета • Мария • Иоанн Креститель • Кесарь Август • Квирий • Вифлеем • Рождество • Симеон • Учителя • Кесарь Тиберий • Сын Иосифа • Иуда, брат Иакова • Сотник • Добрый самаритянин • Нищий Лазарь • Далекая страна • Ирод Антипа • Распятие на кресте

Евангелие от Луки

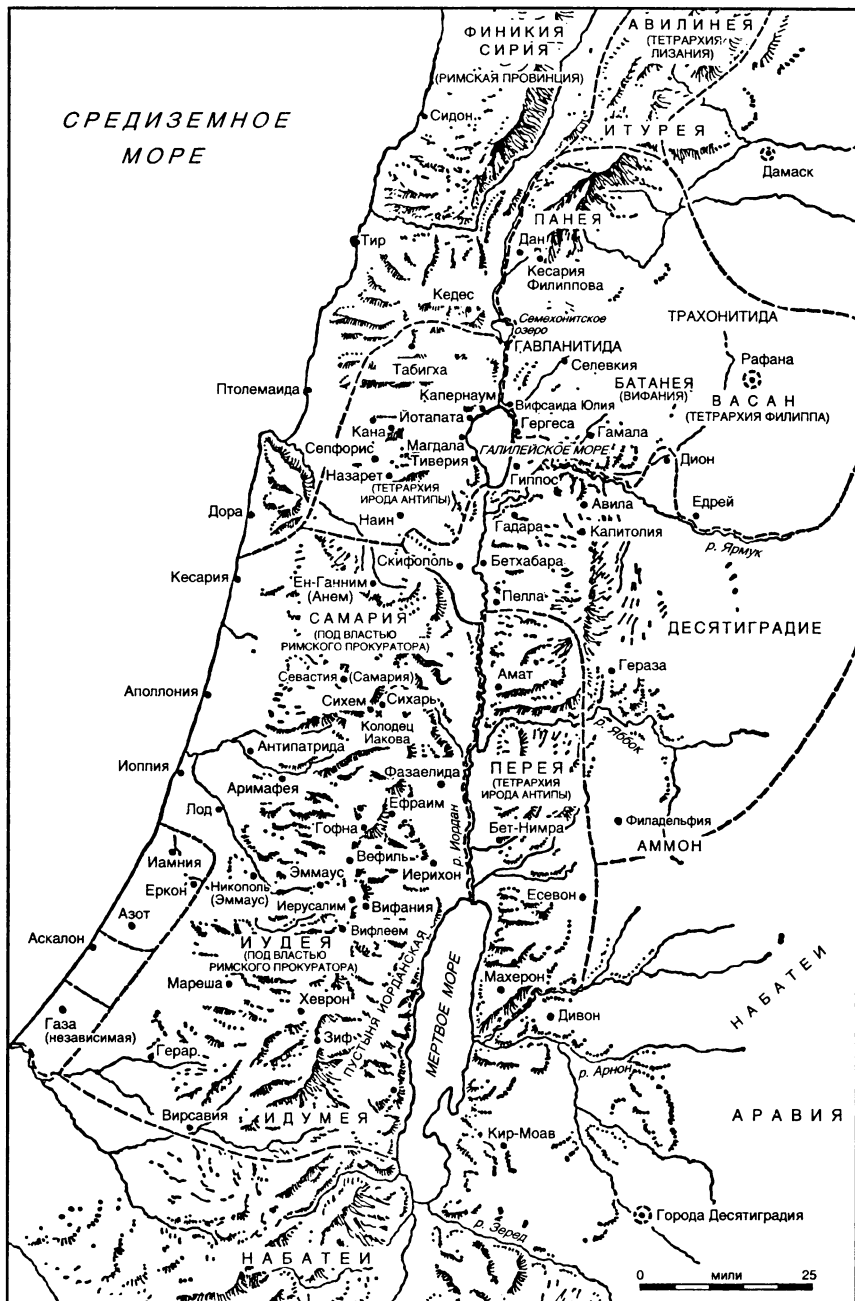
Третье и последнее из синоптических Евангелий, по-видимому, подобно Евангелию от Матфея, в значительной степени основано на Евангелии от Марка, но с дополнительно включенным в него материалом.

Поэтому Евангелие от Луки, конечно, более позднее, чем Евангелие от Марка, и, возможно, также более позднее, чем Евангелие от Матфея. Ученые обычно согласны в том, что Евангелие от Луки было написано через некоторое время после важного 70 г., когда римляне захватили Иерусалим и разрушили храм. Некоторые даже предполагали датировку 100 г., хотя 80 г. был бы более широко приемлемым.

Тем не менее если Евангелие от Луки более позднее, чем Евангелие от Матфея, то, по-видимому, оно было написано независимым образом. Дополнительный материал, включенный в Евангелие от Луки, по сравнению с Евангелием от Марка, совершенно отличен от дополнительного материала, обнаруживаемого в Евангелии от Матфея.

Возможно, это произошло из различий в замыслах.

Например, начнем с Евангелия от Марка, древнейшего из синоптических Евангелий, и рассмотрим его насчет того, что, по-видимому, было простой историей пророка и чудотворца, который считается автором Мессией и который был несправедливо осужден и казнен, но триумфально воскрес из мертвых.

Палестина во времена Христа

История, рассказываемая Марком, предназначена для обычных христиан еврейского воспитания.

Матфей, переписывая это Евангелие, добавил материал, предназначенный (с его точки зрения) для того, чтобы оно подходило тем, кто был сведущим в познаниях Ветхого Завета, уснастив текст многими ссылками на библейские пророчества и для этой цели использовав такие легенды об Иисусе, какие были распространены в то время, и подогнав их к этим пророчествам.

С другой стороны, Лука переписал Евангелие от Марка таким образом, чтобы оно особенно подходило язычникам, которые сочувствовали христианству и подумывали о своем обращении или, возможно, уже были обращенными и хотели побольше узнать о подоплеке своей новой религии. Пророчества Ветхого Завета в значительной степени Лукой игнорируются, как несущественные, а евреи более явно выставлены в роли злодеев, чем у Матфея и Марка. С римскими властями он обращается более мягко, чем в первых двух Евангелиях, а сам Иисус у Луки изображается сочувствующим язычникам гораздо в большей степени, чем в остальных синоптических Евангелиях.

Лука

Многие полагают, что сам Лука был неевреем, хотя ни одно из свидетельств этого не является убедительным. У него римское имя, так как Лука («Loukas» по-гречески) — это сокращенный вариант либо Луция, либо Лукана, благородных римских имен. Само по себе это, конечно, не важно, так как во времена Нового Завета римские имена иногда принималось иудеями. Павел — это римское имя, но апостол Павел был, конечно, евреем.

Кроме того, считается также, что греческий, на котором написано Евангелие от Луки, имеет значительно большие литературные достоинства, чем Евангелие от Матфея или Марка (и действительно, данное превосходство Евангелия от Луки кажется очевидным даже в его английском переводе), так что автор имел, по-видимому, всестороннее греческое образование. Это увеличивает вероятность того, что он был неевреем, хотя это все же не достоверно.

Еще больше намеков можно найти в том факте, что тот же автор, который написал Евангелие от Луки, почти наверняка написал также Деяния апостолов, книгу, в которой описываются события, произошедшие через десятилетия после распятия, особенно факты, связанные с путешествиями апостола Павла. Есть признаки того, что автор Деяний фактически был спутни-

ком Павла, сопровождавшим его в его путешествиях. Так, в одном месте Павел описан как имевший видение человека в Македонии, молящего о помощи:

Деян., 16: 10. После сего видения, тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывает нас Господь благовествовать там.

Может быть, автор Деяний внезапно переключился на цитирование воспоминаний Павла, не указывая на этот факт. (Нормы использования разметки цитат, разумеется, современные.) Однако, по-видимому, разумнее предположить, что использование слова «мы» означает, что автор был одним из окружения Павла, который пытался вместе с ним организовать переход в Македонию.

Но кем бы мог быть этот спутник? Люди, особенно близкие к Павлу, несколько раз упоминаются им в посланиях. Так, в Послании к колоссянам Павел завершает его приветствиями от окружающих его людей:

Кол., 4: 14. Приветствует вас Лука, врач возлюбленный, и Димас.

Обычно предполагается, что Лука был личным врачом Павла, и только характер этого положения обеспечивает их тесную связь во время трудных путешествий Павла. Во Втором послании к Тимофею Павел специально оговаривает:

2 Тим., 4: 10. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далмацию; один Лука со мною.

Таким образом он указывает на особую близость и преданность своего врача. Лука также упоминается в заключении Послания Филимону как один из тех, от кого посылают приветствие.

Традиция говорит о том, что именно Лука был автором и третьего Евангелия, и Деяний апостолов. Эта традиция восходит еще к Иустину, епископу, который служил в Галлии примерно в 170 г.

Это все еще не позволяет нам решить, был ли Лука евреем или нет.

Однако Книга Деяний, по-видимому, особенно подробным образом имеет дело с Антиохией, как если бы автор был хорошо знаком с церковными делами в этом городе. Христиане в

Антиохии в значительной степени были с нееврейским воспитанием (евреев там было относительно немного), и, если Лука был членом церкви этого города, велика вероятность того, что он был неевреем. Отец ранней церкви Евсевий из Кесарии в 324 г. написал историю церкви, и он считал, что Лука был жителем Антиохии сирийского происхождения. Такая традиция считается общепринятой.

И тем не менее, в Деяниях есть стих, в котором перечисляются некоторые члены церкви в Антиохии:

Деян., 13: 1. В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учителя: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций киринеянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четвертовластника, и Савл.

Может быть, Луций киринеянин — это Лука, посланник Павла? Так предположили некоторые исследователи. Но Киринея была важным еврейским центром, и если бы Лука был уроженцем Киринеи, а не Антиохии, то существенно увеличилась бы вероятность того, что он был евреем.

В целом, лучшее свидетельство в пользу нееврейского происхождения Луки — это его собственные тексты и его сочувственное отношение к неевреям.

Феофил

Свое Евангелие Лука начинает с принятого греческого обращения к человеку, для которого оно предназначалось:

Лк., 1: 3—4. То рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен.

Это звучит так, как если бы Лука пытался обратиться еще к какому-то конкретному греку. Об этом предполагаемом новообращенном ничего не известно, но обычно предполагается, что он был из благородного рода, так как Лука обращается к нему как к «достопочтенному».

Некоторые говорили, что Феофил был чиновником римского суда, который судил апостола Павла, и что Евангелие от Луки было, в сущности, кратким изложением защиты, подготовленным близким другом Павла и его помощником. Оно было пред-

назначено для ознакомления суда с тем фактом, что Павел был не предателем Рима, а посланником Бога.

Существуют также предложения, что Феофил (это имя означает «любящий Бога») не был человеком вообще, но аллегорически представлял потенциальных обращенных.

Захария

Лука не испытывал иллюзий насчет того, что он первым писал биографию Иисуса, поскольку он хорошо знал, что существовало уже множество таких биографий. Например, было Евангелие от Марка и, возможно, некоторое количество Евангелий, которые никогда не были приняты как канонические и с тех пор были утрачены:

Лк., 1: 1. Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях...

Вполне возможно, тем не менее, что, если он не был первым в этой области, он имел намерение написать самое полное Евангелие. Марк начал с крещения Иисуса Иоанном в то время, когда Иисус был уже взрослым человеком, и закончил его воскресением. Матфей возвращается к рождению Иисуса, но у Луки мы возвращаемся еще к рождению Иоанна Крестителя.

Возможно, цель здесь была в том, чтобы сделать совершенно ясным, что Иоанн был вспомогательным элементом, предтечей, и тем, кто явно признал свою собственную роль как простого вестника великого человека, который за ним последует. Возможно, это было особенно важно в свете богословских споров в течение десятилетий сразу после распятия, когда последователи Иоанна Крестителя в течение некоторого времени придерживались традиции, которая была, очевидно, независимой от последователей Иисуса. Так, в Деяниях вновь прибывший представлен следующим образом:

Деян., 18: 24—25. Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес. Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново.

Очевидно, он был последователем учения Иоанна Крестителя, который, однако, знал Иисуса и быстро присоединился к последователям Иисуса.

Поэтому Лука начинает с Захарии, отца Иоанна Крестителя, человека, о котором в других местах Нового Завета не упоминается:

Лк., 1: 5. Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария...

Священство делилось на двадцать четыре класса или «распределения», каждое из которых служило неделю в Храме, так что конкретный человек служил в течение одной недели дважды в год. Каждое из этих двадцати четырех распределений названо по имени предка по линии Аарона, и они перечислены в Первой книге Паралипоменон. Среди них:

1 Пар., 24: 10. ...*седьмой Гаккоцу, восьмой Ави...*

Таким образом, Захария был священником восьмого распределения.

Елисавета

Также представлена мать Иоанна Крестителя:

Лк., 1: 5. ...и жена его [Захарии] из рода Ааронова, имя ей Елисавета.

Елисавета («Eleisabet» по-гречески) — это благородное Аароново имя, так как оно эквивалентно еврейскому «Елишеба», имени жены Аарона:

Исх., 6: 25. Аарон взял себе в жену Елисавету...

Эта пара была бездетна и, когда супруги состарились, казалось, будто такое положение останется таким до конца их жизни. Елисавета разделяла такую судьбу со множеством женщин Ветхого Завета: Саррой, женой Авраама; Рахиль, женой Иакова; неназванной женой Манея; и Анной, женой Элканаха. В каждом из упомянутых случаев бездетность закончилась благодаря божественному вмешательству, и в результате рождался какой-нибудь известный сын: Исаак, Иосиф, Самсон и Самуил соответственно. История Елисаветы следует этим более древним схемам.

Захария в свой черед заступает на службу в Храме в неуказанный год. Ему является архангел Гавриил, так же как ангел явил-

ся жене Манея. Захарии сказано, что у него будет сын, такими словами, которые частично напоминают слова из более раннего рассказа о жене Манея. Вскоре после этого Елисавета действительно забеременела.

Мария

Теперь история переходит к будущей матери Иисуса:

Лк., 1: 26—28. *В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами.*

Лк., 1: 31. *...и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус.*

Лука подчеркивает тот факт, что Мария была девой, но это ни в коем случае не настолько явное утверждение о непорочном зачатии, как у Матфея. Мария, хотя во время этого «благовещения» и была девой, тем не менее, обязана была выйти замуж, и слова Гавриила можно было воспринимать как означающие, что она зачат после того, как осуществится ее брак с Иосифом, и зачатие произойдет естественным образом.

Разумеется, далее в Евангелии повествуется:

Лк., 1: 34. *Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю?*

Это странный вопрос, если учесть, что она собирается выйти замуж. Или она намеревается быть вечной девой, даже если выйдет замуж? (Однако Лука не говорит об этом.) Быть может, Мария зачала в момент благовещения, и тогда она все еще была девой. Тем не менее, отвечая на вопрос Марии, Гавриил использует будущее время:

Лк., 1: 35. *Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя...*

Трудно сказать, что Лука говорит о непорочном зачатии, если читать только Евангелие от Луки, легко доказать, что здесь непорочное зачатие не подразумевалось, хотя христиане обычно воспринимают рассказ Луки о благовещении как означающий рождение Иисуса от девы.

Гавриил также сообщил Марии весть о Елисавете:

Лк., 1: 36. *Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц...*

Мария поспешила посетить свою двоюродную сестру («посещение»). Когда она вошла в дом Захарии, Елисавета тут же приветствовала ее:

Лк., 1: 42. *И [Елисавета] воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!*

Первая часть ее приветствия — копия второй части приветствия, адресованного Гавриилом Марии:

Лк., 1: 28. *Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобой; благословенна Ты между женами.*

В Исправленном стандартном переводе приветствие Гавриила начинается так: «Приветствие тебе, благодатная!», а в католической Библии: «Приветствие тебе, полная благодати!»

Существует тенденция считать, что фраза «благословенна Ты между женами» в ходе переписывания была случайно передана от Елисаветы Гавриилу. Именно по этой причине в Исправленном стандартном переводе в приветствии Гавриила она опускается.

Соединив эти два приветствия и добавив имя приветствуемого человека и имя ребенка, который должен быть плодом чрева Марии, мы получаем: «Приветствие тебе, Мария, полная благодати, Господь с тобой, благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего, Иисус». Первые два слова этого приветствия — это «Аве, Мария», и это приветствие является весьма известной молитвой, широко используемой в литургии католической церкви.

Упоминание Елисаветой плода чрева Марии — в настоящем времени, которое может подразумевать, что евангелист полагает, что Мария уже беременна. Если это так, то это самое сильное свидетельство у Луки в пользу рождения от девы.

Однако можно только удивляться тому, почему Лука не взял легенду о посещении и не включил ее в свое Евангелие, ведь это давало возможность продемонстрировать, что Иоанн Креститель признал верховенство и превосходящее значение Иисуса даже во чреве. Елисавета говорит Марии:

Лк., 1: 44. *...Ибо когда голос приветствия Твоего дошел до уха моего, взыграл младенец радостно во чреве моем.*

Это было сильное место для последователей Иисуса, и оно было направлено против соперничающих с ними последователей Иоанна.

Во время посещения Марией Елисаветы Мария поет хвалебный гимн Богу, который начинается так:

Лк., 1: 46. *И сказала Мария: величит душа Моя Господа,*

Этот гимн очень похож на тот, который приписывается Анне во время рождения Самуила, и считается, что он был инспирирован этим событием.

Фактически случаю Анны был подобен скорее случай Елисаветы, а не Марии. Именно Елисавета, подобно Анне, была бесплодна в течение многих лет, несмотря на брак, и именно Елисавета, подобно Анне, была благословенна зачатием от Бога и оправданием в обществе, в котором бесплодие считалось наказанием за грехи.

В таком случае можно было бы ожидать, что гимн, который следует сразу после приветствия Елисаветой Марии, должен провозглашаться скорее Елисаветой, чем Марией. И действительно, в некоторых старых рукописях стих (Лк., 1: 46) гласит: «И она сказала: величит душа Моя Господа», где «она» может относиться к Елисавете так же свободно, как и к Марии. Возможно, передача молитвы от Елисаветы Марии — это часть победы учеников Иисуса над учениками Иоанна в те десятилетия, когда было написано это Евангелие.

Первая фраза данной хвалебной песни на латыни звучит как: «Magnificat anima mea Dominum», и поэтому ее упоминают как «Magnificat».

Мария оставалась у Елисаветы три месяца, возможно, до рождения ребенка у Елисаветы. Затем она возвратилась домой.

Возможно, выбор Лукой легенд, которые сосредоточены на Марии, а не, как в случае Матфея, на Иосифе, был важным. Язычники знали богинь, и их языческие религии часто имели сильный женский оттенок. Если бы Лука был неевреем, его привлекли бы рассказы о Марии. С другой стороны, Матфей как сын сильно патриархальной еврейской культуры автоматически имел бы дело с Иосифом.

Поглощенность внимания Луки Марией привела к легенде, что он знал ее лично и узнал об истории рождения Иисуса от нее в ее старости. Есть также традиция в том смысле, что Лука был художником и нарисовал портрет Марии, который был позже обнаружен в Иерусалиме. Такие традиции не подтверждаются больше ничем, кроме благочестивой веры.

Иоанн Креститель

Когда у Елисаветы родился ребенок, то ожидалось, что он должен был быть назван Захарией, как и его отец. То, что об этом серьезно утверждал Лука:

Лк., 1: 59. В восьмой день пришли [родственники] обрезать младенца и хотели назвать его, по имени отца его, Захарию, —

является странным отклонением от еврейской традиции. В Библии нет ни одного случая, чтобы ребенка называли по имени живого отца, и, несомненно, в наше время для благочестивых иудеев это также неслыханно. Возможно, это тот вид оплошности, который вполне можно было ожидать от язычника, коим считается Лука. Во всяком случае, Елисавета возразила:

Лк., 1: 60. На это мать его сказала: нет; а назвать его Иоанном.

Захария согласился на это и запел хвалебный гимн:

Лк., 1: 67—68. И Захария, отец его, исполнился Святаго Духа и пророчествовал, говоря: Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему,

Первое слово этого гимна на латыни звучит как «Benedictus», и именно под этим названием известен весь гимн.

Больше Захария не появляется в Евангелии от Луки, как и где-либо в другом месте Библии. Некоторые ранние комментаторы говорили, что упоминание Иисусом о Захарии, сыне Варахии, который был «убит между храмом и алтарем», было ссылкой на отца Иоанна Крестителя. Однако это почти наверняка не так, и в Библии больше нет никаких упоминаний о смерти отца Иоанна.

Кесарь Август

Теперь Лука снова возвращается к Марии и рассказывает о рождении Иисуса. Нет никакого надежного указания на то, что должно последовать в тот период времени, который прошел от рождения Иоанна Крестителя до рождения Иисуса. Лука просто использует традиционно неопределенную фразу:

Лк., 2: 1. В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле.

Конечно, если беременность Марии едва ли последовала за благовещением, которое произошло на шестой месяц беременности Елисаветы, то Иисус должен был родиться только через шесть месяцев после Иоанна Крестителя, учитывая, что в обоих случаях беременность длилась девять месяцев.

Но даже если это было так и Иисус был на полгода моложе Иоанна, то в какой год они оба родились?

Матфей говорит только о том, что Иисус родился «во дни царя Ирода», что устанавливает крайний срок между 37 г. до н. э. и 4 г. до н. э. Лука, будучи неевреем, датирует рождение, ориентируясь на языческого императора, а не еврейского царя:

Лк., 2: 1. В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле.

Кесарь Август родился в 63 г. до н. э., в том самом году, в котором Иудея была преобразована в римскую провинцию Помпею. Его именем при рождении было Кай Октавий; он был внучатим племянником Юлия Цезаря и, в конечном счете, считался преемником этого военачальника. Когда в 44 г. до н. э. Юлий Цезарь был убит, Кай Октавий приехал в Рим, чтобы получить его наследство, и изменил свое имя на Кай Юлий Цезарь Октавиан. В этот период жизни он был более всего известен в истории как Октавиан.

Октавиан был девятнадцатилетним юношей, болезненным и неказистого вида. Самым могущественным человеком в Риме в то время был Марк Антоний. В течение четырнадцати лет эти два человека вели друг против друга гражданскую войну, иногда — горячую войну копий и мечей, иногда — холодную войну пропаганды и интриг. Из этих двоих Октавиан был неизмеримо более великим человеком, и в 30 г. до н. э. побежденный Марк Антоний покончил жизнь самоубийством. Октавиан стал тогда единственным и абсолютным правителем Рима.

Октавиан стал императором («командующим») армии. Это старый титул, но он стал связываться конкретно с ним и его преемниками. Так что Октавиан стал первым римским императором, а государство, над которым властвовали он и его преемники, стало известно как Римская империя. В 27 г. до н. э. он провозгласил титул «Август», означающий «принявший пост при благоприятных предзнаменованиях», или, что является тем же самым, «счастливый». Под этим именем он и известен в истории.

Период, в течение которого в Риме правил Август (и Ирод в Иерусалиме), — это период, в течение которого, должно быть,

родился Иисус, согласно Матфею и Луке: с 27 г. до н. э. по 4 г. до н. э.

В 27 г. до н. э. Август закрыл храм Януса. Этот шаг указывал на пришествие мира на той обширной территории, которую представляло собой римское царство. Это было знаменательное событие, поскольку оно произошло за четыре-пять кратких периодов до времени Августа, за все те семь веков войн, в течение которых господство Рима постепенно распространилось с одного-единственного города на все Средиземноморье.

Мирный период, который начался с правления Августа, продолжался в течение нескольких столетий («рах Романа», или «Римский мир»). Средиземноморье до Августа никогда не знало столь длительного мирного периода.

Иногда утверждается, что начало этого мирного периода было особенно подходящим временем для рождения Иисуса. Для тех, кто принял божественное упорядочивание человеческих дел, по видимому, легко было предположить, что все было намеренно устроено так, чтобы перед рождением «Князя Мира» во всем мире воцарился абсолютный мир.

Однако эта точка зрения скорее романтическая, чем обоснованная. Несомненно, мир был в заселенных регионах империи (включая Иудею), где он явно отсутствовал в предшествующем веке, и, что и говорить, это не то, что можно легко отбросить. Однако мир не был всеобъемлющим.

На протяжении всего царствования Августа и, следовательно, на протяжении всего детства и отрочества Иисуса римские границы на севере были объаты пламенем. Август отодвинул границы империи к Дунаю и в восточном направлении по Германии. Для варварских племен к югу от Дуная и к западу от Эльбы не было никакого мира.

Квириний

Период, в котором родился Иисус, можно сузить, учитывая упоминание о повелении кесаря Августа:

Лк., 2: 1—2. В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сирию.

Квириний (Quirinius) во времена Августа действительно был важным римским чиновником.

Квириний отвечал за военные дела Рима в Сирии — должность, которая давала ему также власть над легионами в Иудее в двух различных случаях: с 6-го по 4 г. до н. э. и с 6-го по 9 г. н. э. Все комментаторы соглашаются в том, что Иисус не мог родиться только с 6-го по 9 г., и окружавшие рождение Иисуса события, если они и были, когда правителем Сирии был Квириний, должны были произойти в течение его первого срока — с 6-го по 4 г. до н. э. Это, несомненно, согласует Евангелия от Луки и Матфея, по крайней мере в этом отношении.

Во время второго срока правления Квириния происходила (согласно Иосифу) перепись, начатая с целью определения более или менее справедливой основы для оценки величины подушного налога.

В древние времена переписи обычно устанавливались либо с целью налогообложения, либо для зачисления на военную службу, и в любом случае это мероприятие никогда не было популярным. Даже во времена самого Давида перепись рассматривалась с враждебностью, а во времена после плена считалась вызванной не чем иным, как сатанинским вдохновением:

1 Пар., 21: 1. *И восстал сатана на Израиля, и возбудил Давида сделать счисление Израильтян.*

Иудея, которая думала о переписи с такой враждебностью, даже когда она осуществлялась великим царем Давидом, вряд ли смотрела с хладнокровием на перепись, которая была инициирована группой угнетателей-язычников.

Однако такая перепись была во время второго срока правления Квириния очевидной необходимостью. Ирод Архелай только что был утвержден в качестве этнарха, и теперь Иудея находилась под прямым римским правлением. Пока Иудея была под властью своего правителя, то, согласно родным законам, возможно, Рим стремился собирать свои налоги любым способом, который понравился бы этому правителю, лишь бы только он передавал адекватное количество сборов Риму. Однако, как только Рим стал напрямую отвечать за сбор налогов, они должны были стать систематическими, и первым шагом стала перепись, в которой подсчитывалось население и его имущество.

С нашей точки зрения, это — просвещенная мера и то, что работает на благо обычных людей, поскольку Август правил хорошо и притом был поразительно честным в правлении провинциями. К сожалению, нелегко объяснить цель переписи и ее честные намерения. Иудеи (и все народы Востока) слишком хорошо знали только безнравственные правительства и мошенничающих сбор-

щиков налогов. Единственный способ, которым отдельные люди могли спастись от полного разорения, когда приходил сборщик налогов, был сочетанием обмана и взяточничества. Перепись, которая выявляла их фактическую собственность и место, при обязательстве сборщика налогов собрать известную сумму, лишала их шанса на утаивание части налога.

В таком случае неудивительно, что, когда римляне начали осуществлять свою перепись, в Иудее стали происходить дикие беспорядки. Лука даже упоминает о таких беспорядках в Деяниях:

Деян., 5: 37. После него во время переписи явился Иуда галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались.

Эти восстания, конечно, были подавлены и утоплены в крови, и перепись была осуществлена. В течение десятилетий это оставалось свежо в памяти народа, и поэтому неудивительно, что Лука использовал это событие как ориентир для указания на время рождения Иисуса.

Однако эта конкретная перепись во время второго срока правления Квириния не является точным ориентиром. Иисус не мог родиться так поздно; он должен был родиться во время первого правления Квириния, но, к сожалению, мы не располагаем никакими отчетами о проведенной в то время переписи.

Предполагалось, что действительно была проведена перепись в 6 г. до н. э., во время первого правления Квириния. В то время, согласно этому предположению, Иудеей правил Ирод, и он мог провести перепись в соответствии с еврейской традицией. Тогда не было бы никаких беспорядков, и это не было бы отмечено Иосифом.

Это, конечно, можно себе представить, но, по-видимому, это слишком маловероятно, и никто не подумал бы предположить это, если бы не необходимость обоснования упоминания об этом в Евангелии от Луки. У еврейских националистов Ирод был непопулярным правителем. Последние считали его идумеем, то есть таким же чужаком, как и римляне. А это выходит за рамки того предположения, что перепись Ирода была осуществлена без беспорядков.

Вифлеем

Вместо этого можно было бы предположить что Лука использовал памятную перепись просто как ориентир, по которому устанавливается приблизительная дата рождения Иисуса, как, напри-

мер, Матфей использовал Вифлеемскую звезду. В любом случае библейские авторы редко бывают заинтересованы в точном датировании и более важными считают другие вопросы.

Но существует также вероятность того, что здесь подразумевается нечто большее. Мы можем доказать, что, рассказывая о рождении Иисуса, Лука столкнулся с серьезной трудностью и для разрешения этой трудности решил использовать перепись как некий прием.

В Евангелии от Марка, древнейшем из Евангелий, Иисус появляется только как Иисус из Назарета. Согласно Марку, мы практически можем вычитать из его Евангелия, что Мессия был галилеянином, родом из Назарета.

Однако это не могло быть принято иудеями, сведущими в Священном Писании. Иисус из Назарета, чтобы быть Мессией, должен был родиться в Вифлееме. Считается, что пророк Михей конкретно говорил об этом, а евангелист Матфей принимает это в своем Евангелии.

Для того чтобы рождение Иисуса в Вифлееме (что необходимо в соответствии с теологической теорией) было совместимо с известным фактом жизни в Назарете, Матфей сделал Иосифа и Марию уроженцами Вифлеема, которые переехали в Назарет вскоре после рождения Иисуса.

Однако у Луки, очевидно, не было доступа к версии Матфея, и поэтому ему не пришлось использовать столь прямолинейный прием. Вместо этого он сделал Иосифа и Марию жителями Назарета до рождения Иисуса и сделал так, что они приходят в Вифлеем как раз тогда, когда у них там рождается Иисус, а затем сделал так, чтобы они возвратились обратно.

По крайней мере, то, что Мария проживала в Назарете и, возможно, даже родилась там, кажется ясным из того факта, что Гавриил был послан туда для благовещения:

Лк., 1: 26—27. ...послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария.

Но если бы это было так, то почему Мария на последнем месяце беременности совершает столь трудное и опасное семидесяти-мильное сухопутное путешествие в Вифлеем? Лука мог бы сказать, что это было сделано по повелению Гавриила, но он этого не сказал. Вместо этого, без лишних слов, он использовал ориентир рождения Иисуса в качестве дополнительного замысла того, что Иисус родился в Вифлееме. Когда кесарь Август издал свой указ, повелевающий провести перепись для налогообложения:

Вифлеем

Лк., 2: 3—5. *И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариєю, обрученную ему женою, которая была беременна.*

Хотя этот прием имеет в себе много такого, что можно сказать в его пользу с точки зрения экономии слов, в то же время ничего нельзя сказать в пользу его правдоподобия. Скорее всего, римляне не могли провести столь подозрительную перепись, как эта. Зачем им нужно было, чтобы каждый находился в городе своих предков, а не в городе, в котором он фактически проживал? Зачем им нужно было, чтобы из-за этого люди, которым пришлось бы снова туда-сюда по всей стране, заполнили бы собой все пути и остановили бы жизнь в провинции? В этом была бы даже угроза для военной безопасности, поскольку парфяне не нашли бы лучшего момента для нападения, чем тогда, когда римские войска не смогут собраться из-за заторов на дорогах, созданных мирными жителями, едущими на перепись.

Даже если бы родной город был так или иначе частью необходимых сведений в переписи, разве не проще было бы каждому человеку просто объявить, какой его родной город? И даже если, по каким-то причинам, этот человек должен был бы поехать в свой родной город, разве не достаточно было бы совершить поездку только главе семейства или какому-нибудь его посланнику? Должна ли была прийти его жена? Особенно такая, которая была на последнем месяце беременности?

Нет, трудно вообразить себе более сложное сплетение неправдоподобностей, и, конечно, римлян не устроила бы такая перепись.

Те, кто утверждает, что в 6 г. до н. э., или около того, была более ранняя перепись, проведенная под эгидой Ирода, предполагают, что одной из причин того, почему эта ранняя перепись прошла спокойно, была в том, что Ирод правил по еврейским обычаям, согласно коленам и родам. Даже если бы Ирод был популярным царем (которым он не был), то трудно понять, как он мог осуществить перепись спокойно, повелев, чтобы большие массы людей прошли пешком многие мили в опасных и примитивных условиях путешествия тех времен. На протяжении всей своей истории иудеи восставали по гораздо более мелким причинам, чем объявление такого повеления.

Гораздо легче поверить в то, что Лука просто должен был объяснить рождение Иисуса в Вифлееме по теологическим причинам, поскольку было известно, что он воспитывался в Наза-

рете. И его прирожденная склонность к драмам заглушила всякие чувства, которые могли подсказать ему о правдоподобии.

Судя по конечным результатам, Лука оказался прав. Неправдоподобие его истории не помешало ей захватить воображение христианского мира, и именно эта вторая глава Евангелия от Луки стала воплощением истории Рождества и вдохновением бесчисленных историй, песен и произведений искусства.

Рождество

Согласно повествованию Луки, Мария родила в Вифлееме:

Лк., 2: 7. И родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице.

Возможно, гостиница была заполнена путешественниками, какими все гостиницы в Иудее, должно быть, были в то время, если принять историю переписи по Луке. Каждый город, в конце концов, имел свой лимит семейств, возвращающихся из других мест.

В этом месте вообще не было никакого указания насчет даты рождения Иисуса. Праздник отмечается теперь почти всеми¹ христианскими церквями 25 декабря. Это Рождество.

Но почему 25 декабря? Никто в действительности этого не знает. Для европейцев и жителей Северной Америки такая дата означает зиму, и фактически многие современные рождественские гимны и картины изображают зимнюю сцену. Действительно, ассоциативная связь Рождества с зимой и снегом такая прочная, что каждый год миллионы иррационально жаждут «белого Рождества», хотя снег означает также и резкое увеличение автомобильных аварий.

Однако на чем основана такая зимняя ассоциация? В Евангелиях от Луки или Матфея нет никаких упоминаний ни о снеге, ни о холоде. В действительности, в стихе после описания рождения Иисуса Лука говорит:

Лк., 2: 8. В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего.

Общепринято, так как мы твердо установили празднование Рождества 25 декабря, представлять этих пастухов охраня-

¹ То есть в протестантских и католической конфессиях. В православии же Рождество отмечается 7 января. (Примеч. пер.)

ющими свои стада на жестоком холоде и, возможно, в глубоком снегу.

Но почему? Конечно, гораздо более вероятно, что ночная стража была в летний период, когда ночи мягкие и фактически более комфортны, чем палящая дневная жара. В этом отношении это — всего лишь еще одно добавление к мере неправдоподобности переписи, изображенной у Луки, если предположить, что все это ненужное путешествие происходило в холодное зимнее время.

Безусловно, ошибочно думать о палестинской зиме как столь же холодной, как зима в Германии, Великобритании или Новой Англии. Обычные ассоциации Рождества со снегом и льдом — даже если это было 25 декабря — чисто местные предубеждения. Они находятся в одном ряду с манерой, с которой средневековые художники изображали Марию и Иосифа в средневековой одежде, потому что они не могли представить себе никакой другой вид одежды.

Однако в настоящее время совершенно не важно, было ли 25 декабря снежным или теплым. Дело в том, что ни Лука, ни Матфей не приводят даты Рождества ни в каком виде. Они не дают ни малейшего намека, который можно было бы использовать для того, чтобы вывести или даже предположить, какой это был день.

Тогда почему 25 декабря? Ответ можно найти в астрономии и в римской истории.

В полдень солнце на небе находится на разной высоте в разные времена года, потому что ось Земли наклонена на 23 градуса от оси вращения Земли вокруг Солнца. Не вникая в астрономию глубоко, достаточно сказать, что в полдень Солнце неизменно повышается с декабря по июнь и неизменно понижается с июня по декабрь. Неизменное повышение приводит к удлинению дня, в конечном счете, к повышению температуры и оживлению жизни; неизменное понижение — к сокращению дня, в конечном счете, к понижению температуры и замиранию жизни.

В очень давние времена, когда причины этого цикла не понимались так, как это понимается в современной астрономии, никогда не было уверенности в том, что заходящее солнце будет снова восходить. Разве, в конце концов, это происходит не по милости богов? А эта милость могла полностью зависеть от надлежащего проведения сложного ритуала, известного только священникам.

Должно быть, каждый год большой радостью было наблюдать, как после зимнего солнцестояния день снова начинает удлиняться.

Время зимнего солнцестояния было поводом для большого праздника в честь того, что можно было назвать «рождением Солнца».

Во времена Древнего Рима трехдневный период, позже продленный до семи дней, был посвящен празднованию зимнего солнцестояния. Это были сатурналии, названные в честь Сатурна, старого римского бога сельского хозяйства.

Во время проведения сатурналий радость была несдерживаемой, как и надлежало празднику, который отмечал отсрочку смерти и возвращение к жизни. Все общественные дела приостанавливались ради празднеств, вечеринок, пения и раздачи подарков. Для всех людей это был сезон мира и доброй воли. Даже рабы в течение этого короткого периода получали вольности, которые запрещались во все остальное время, и с ними временно обращались на равных с их господами. Естественно, эта радость легко превращалась в крайности распушенности, и, несомненно, было много благочестивых людей, которые сожалели об уродливых проявлениях праздника.

В римском календаре — очень бедном и беспорядочном до времен Юлия Цезаря — сатурналии праздновались 17, 18 и 19 декабря. Когда Цезарь установил более разумный календарь, зимнее солнцестояние выпало на 25 декабря (хотя в нашем современном календаре, слегка измененном со времен Цезаря, эта дата передвинулась на 21 декабря).

В первые века Римской империи христианство вынуждено было соперничать с митраизмом, разновидностью культа Солнца, имеющего корни в Персии. В митраизме зимнее солнцестояние естественным образом было событием великого праздника, и в 274 г. римский император Аврелиан установил 25 декабря как день рождения Солнца. Другими словами, он дал митраистскому празднику официальное одобрение.

Празднование зимнего солнцестояния стало большим камнем преткновения для обращений в христианство. Когда христиане утверждали, что сатурналии и рождение Солнца — совершенно языческие, то многие обращенные разочаровывались. Даже если они отказывались от веры в старых римских богов и в Митру, им хотелось радостного праздника. (Сколько людей сегодня празднуют Рождество, никак не относясь к его религиозному значению, а сколько хотели бы отдаться радости, теплоте и веселью этого праздника, хотя они и не набожные христиане?) Но христианство приспособилось к языческим нравам там, где они, по разумению христианских лидеров, не компрометировали фундаментальные учения церкви. Библия не говорила о том, в какой день родился Иисус, и нет никакой догмы, которая была

бы связана с тем или иным днем. Поэтому это могло быть 25 декабря, как и в любой другой день.

Как только это было улажено, обращенные смогли присоединиться к христианству, уже не лишаясь своего сатурналиевого счастья. Только теперь им необходимо было радостно приветствовать рождение Сына, а не Солнца.

Если 25 декабря — это Рождество и если принимается, что Мария забеременела во время благовещения, то годовщина благовещения должна быть 25 марта, за девять месяцев до Рождества. И действительно, 25 марта — это день Благовещения.

Кроме того, если благовещение произошло, когда Елисавета была беременна шесть месяцев, то Иоанн Креститель должен был родиться на три месяца позже. 24 июня — это день, в который празднуется его рождение.

25 декабря постепенно — с 300-го по 350 г. — принималось на большей части Римской империи. Этот последний период указывается одной датой.

Есть два главных вида календарей, использовавшихся в древнем Средиземноморье. Один — лунный календарь, который соответствует фазам Луны. Он был изобретен вавилонянами, которые передали его грекам и иудеям. Другой — солнечный календарь, который устанавливает соответствующие месяцы временам года. Он был изобретен египтянами, которые передали его во времена Цезаря римлянам, а через Рим — нам.

Лунный календарь не соответствует временам года, и, чтобы удержать его от выпадения из годового цикла, одни годы должны иметь двенадцать лунных месяцев, а другие — тринадцать, по довольно сложной схеме. Для людей, пользующихся солнечным календарем (как мы), лунный год кажется слишком коротким, когда он состоит из двенадцати месяцев, и слишком длинным, когда — из тринадцати. Дата, устанавливаемая в лунном календаре, скользит взад-вперед в солнечном календаре, в конечном счете, она колеблется вокруг одного неподвижного места.

В праздниках, установленных в начале церковной истории, использовали лунный календарь, которым пользовались греки и иудеи. В результате из года в год перемещался день этих праздников (по нашему календарю). Главным из этих дней был день Пасхи. Это — главный пример «переходящего праздника», и каждый год мы должны смотреть на календарь, чтобы увидеть, когда он может наступить. Все остальные переходящие праздники привязаны к Пасхе и изменяются вместе с ней.

Когда христианство распространилось по всей Римской империи и даже в начале IV в. стало ее официальной религией, это расширило использование римского календаря. Стало довольно

сложно приспособить дату Пасхи к этому календарю. Между различными частями церкви были серьезные разногласия относительно точного метода ее определения, и по этому вопросу стали возникать различные ереси.

Для тех праздников, которые возникли сравнительно поздно, когда христианство стало официальной религией империи, использовали в качестве отсчета римский календарь. Такие праздничные даты на лунном календаре скользили взад-вперед, но были зафиксированы на солнечных календарях типа нашего собственного. Того простого факта, что Рождество ежегодно празднуется 25 декабря (7 января) и что эта дата никогда не изменяется на нашем календаре, достаточно для того, чтобы показать, что она не была установлена как религиозный праздник вплоть до 300 г.

Симеон

Лука продолжает рассказывать о событиях в периоды младенчества и юношества Иисуса, как и Матфей. Однако ни одно из таких событий в Евангелии от Луки не обнаруживается в Евангелии от Матфея, и ни одно из таких событий в Евангелии от Матфея не обнаруживается в Евангелии от Луки. Так, Лука вообще ничего не говорит о бегстве в Египет или об избииении младенцев. Он также вообще ничего не говорит о Вифлеемской звезде и трех волхвах с Востока. Точно так же Матфей вообще ничего не говорит о переписи, яслях и пастухах.

Согласно Евангелию от Луки, когда Иисус был представлен в Храме как сын-первенец, он был замечен стариком по имени Симеон. Симеон, который верил, что не умрет, пока не увидит Мессию, признал в этом младенце Мессию и сказал:

Лк., 2: 29—30. *«Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое...»*

На латыни слова Симеона начинаются так: «Nunc dimittis servum tuum, Domine», и поэтому весь этот отрывок упоминается как «Nunc Dimittis». Симеон был примером тех, кто ждал Мессию, но был готов ждать спокойно и терпеливо, в противоположность зилотам, которые активно искали Мессию и готовы были вступить в борьбу после малейшего подозрения в его появлении.

Еще одна старая обитательница Храма аналогичным образом признает младенца Иисуса Мессией:

Лк., 2: 36. *Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая глубокой старости, прожив с мужем от детства своего семь лет...*

Анна — это греческая форма еврейского имени Ханна, так же звали мать Самуила.

Учителя

Лука рассказывает одну историю о детстве Иисуса, и это — единственный рассказ об Иисусе-мальчике, который можно найти во всех Евангелиях.

В двенадцатилетнем возрасте родители взяли его с собой, когда они совершали свою ежегодную поездку в Иерусалим во время Пасхи. Когда Иосиф и Мария покидали Иерусалим, они обнаружили, что Иисус не с ними, и вынуждены были вернуться, чтобы найти его.

Лк., 2: 46—47. *Через три дня нашли Его в храме, сидящего среди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его.*

То, что Иисусу было в то время двенадцать, возможно, не случайно. В иудаизме тринадцатилетний возраст считается временем прихода к религиозной зрелости. Это то время, когда молодой человек должен взять ответственность за соблюдение религиозных предписаний. У современных иудеев есть ритуал бар мицвах («сын заповедей», означающий «ответственный за соблюдение заповедей»), который каждый молодой человек проходит на тринадцатый день своего рождения. До этого есть долгий период наставлений и обучения, чтобы он соответствовал своей задаче.

Церемония бар мицвах, как она составлена в настоящее время, по-видимому, имеет средневековое происхождение, но, несомненно, религиозное образование до тринадцатого дня рождения было важным во времена Нового Завета. Описывается, как молодой Иисус очарован «учителями» и внимательно слушает их наставления. Говоря современным языком, он готовился к своему бар мицвах.

Возможно, это событие было включено в Евангелие от Луки как способ опровержения тех, кто глумился над ранними христианами как последователями невежественного и необразованного галилеянина. Лука пытается доказать здесь, что разум даже Иисуса-ребенка и его интерес к Закону удивляли даже ученых людей Храма.

Кесарь Тиберий

Но теперь Лука делает большой скачок. Пока что он довольствовался легендами того времени о периоде до крещения, а теперь переходит к тому времени, которое охватывается у Марка.

Лк., 3: 1—2. В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластным в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластным в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластным в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне.

Тиберий Клавдий Нерон был пасынком императора Августа, будучи сыном жены Августа от предыдущего брака. Он родился в 42 г. до н. э., и в ранние годы правления Августа он хорошо служил в качестве военачальника и водил римские армии против племен в данубийских областях и против германцев к востоку от Рейна.

У Августа не было ни одного сына, а двое сыновей его единственной дочери умерли молодыми. Поэтому он был вынужден, скорее всего вопреки своей воле, принять в качестве своего преемника Тиберия. В 14 г., когда Август умер, Тиберий стал вторым римским императором, то есть кесарем Тиберием.

Он правил в течение двадцати трех лет, до 37 г. «Пятнадцатым годом» его царствования должен был быть 28 (29) г.

Из остальных упомянутых в этих стихах правителей Понтий Пилат, Ирод Антипа Галилейский и Филипп Итурейский упомянуты в связи с Евангелием от Матфея. Трахонитская область к северу от собственно Итурейи и к югу от Дамаска перечислена здесь как часть территории Филиппа. Авилинея — это еще более северная область, находящаяся к северо-востоку от Дамаска.

Здесь перечислены два первосвященника Анна и Каиафа, и это не может быть в буквальном смысле правильным. Именно Каиафа был первосвященником. Однако Анна был первосвященником примерно на пятнадцать лет раньше, и, как тесть Каиафы, возможно, все еще был почитаемым и влиятельным в первосвященнических кругах.

Лука также сообщает о возрасте Иисуса в этот период, будучи в этом роде единственным евангелистом:

Лк., 3: 23. Иисус, начиная [Свое служение], был лет тридцати...

Лука говорит о примерном возрасте. Если бы это был 29 г. и если бы Иисусу было ровно тридцать лет, то тогда он действительно родился в 1 г. до н. э., а если бы он родился 25 декабря 1 г. до н. э., то новым годом, который начался бы одной неделей позже, был бы 1 г. н. э. Такова примерная линия рассуждения Дионисия Малого, но это неверно, потому что 25 декабря 1 г. до н. э. Ирод Великий был мертв уже примерно 4 года.

Очевидно, ошибка Дионисия состояла в том, что он проигнорировал приблизительную оценку возраста Иисуса у Луки и предполагал, что библейские авторы были более точны в своем датировании и хронологии, чем это было на самом деле. Во время своего крещения Иисус должен был быть по крайней мере тридцатитрехлетнего возраста, а возможно, и тридцатипятилетнего.

Сын Иосифа

Именно в этом месте Лука снабжает Иисуса родословной, которая отсчитывается во времени скорее назад, чем вперед, как у Матфея.

Лк., 3: 23—24. ...*Иисус... и был, как думали, Сын Иосифов, Илиев, Матфатов, Левиин, Мелхией, Ианнаев, Иосифов...*

Вводная фраза «как думали» указывает на принятие Лукой догмата о непорочном зачатии, если только она не была вставлена каким-нибудь набожным ранним переписчиком Евангелия.

Родословная Иисуса отсчитывается назад не только к Аврааму, то есть к тому пункту, от которого начинается родословная у Матфея, но идет еще далее к началу:

Лк., 3: 38. *Еносов, Сифов, Адамов, Божий.*

Матфей, писавший с еврейской точки зрения, естественным образом начинает родословие с Авраама. Лука, будучи неевреем, не был удовлетворен тем, чтобы отследить родословие Иисуса, которое все еще оставалось бы еврейским. Возвращаясь к началу, он подчеркивал универсальность миссии Иисуса, поскольку, в то время как только евреи произошли от Авраама, все люди — как евреи, так и неевреи — произошли от Адама.

Лука перечисляет семьдесят пять поколений — от Иисуса до самого Адама, что является самой длинной непрерывной родо-

словной в Библии. Кроме того, Луку не занимают, как Матфея, числа. Он не делает никакой попытки поделить родословие на важные подразделения. У него насчитывается пятьдесят пять поколений, считая назад к Аврааму, вместо сорока двух поколений, перечисленных у Матфея.

Лука насчитывает двадцать поколений от Адама до Авраама, в то время как в списках в 5-й и 11-й главах Бытия насчитывается девятнадцать. Это расхождение происходит следующим образом. Лука говорит:

Лк., 3: 35—36. ...*Салин, Каинанов, Арфаксадов...*

В то время как в Бытии мы обнаруживаем:

Быт., 11: 12. *Арфаксад жил тридцать пять [135] лет и родил [Каинана. По рождении Каинана Арфаксад жил триста тридцать лет и родил сынов и дочерей и умер. Каинан жил сто тридцать лет и родил] Салу.*

Другими словами, дополнительное поколение вкралось между Салой и Арфаксадом, так что первый был сыном второго в Бытии и внуком второго в Евангелии от Луки. Несомненно, это — ошибка переписчика, поскольку Каинан — это правнук Адама и встречается также в соответствующем месте в родословии у Луки.

Лк., 3: 37—38. ...*Малелеилов, Каинанов, Еносов...*

Так что Каинан был посчитан дважды.

Родословные от Авраама до Давида, данные у Матфея и у Луки, согласуются. После этого они резко расходятся. Матфей следует происхождению от Давида через Соломона, Ровоама и линию иудейских царей. Лука следует происхождению от Давида через сына по имени Нафан:

Лк., 3: 31. ...*Нафанов, Давидов...*

Нафан был сыном, чуть постарше Соломона, если список сыновей, приведенный во Второй книге Царей, действительно соответствует порядку рождения:

2 Цар., 5: 14. *И родились еще у Давида сыновья и дочери. И вот имена родившихся у него в Иерусалиме: Самус, и Совав, и Нафан, и Соломон...*

Лука приводит в списке сына Нафана как Маттафу, а его сына как Маинана, но ни один из них не упоминается в каком-либо другом месте Библии. В действительности вся родословная после Нафана совершенно не ясна, просто какой-то список неизвестных имен. В то время как у Матфея среди предков Иисуса перечислены фактически все цари Иудеи, Лука упоминает только самого Давида.

Только в одном месте списка после Давида есть возможность совпадения. Матфей перечисляет пятнадцатое и шестнадцатое поколения после Давида в лице Селафилия и Зоровавеля:

Мф., 1: 12. По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафилия; Салафииль родил Зоровавеля...

Лука же упоминает об этих двух именах, возможно из-за той заметной роли, которую Зоровавель сыграл в связи с возвращением из Плена:

Лк., 3: 27. ...Зоровавелев, Салафиилев, Нириев...

Но, упоминая Селафилия, сына Иехонии, Матфей следует Книге Ездры, в то время как Лука делает так, чтобы он произошел от Нирия, который нигде больше не упоминается в Библии. Кроме того, у Луки Зоровавель рождается через двадцать два поколения после Давида, а не как у Матфея — через шестнадцать.

Эти две родословные совпадают только в лице Иосифа, мужа Марии, но расходятся даже в имени отца Иосифа:

Мф., 1: 16. Иаков родил Иосифа, мужа Марии...

Лк., 3: 23. ...Иисус... Сын Иосифов, Илиев...

Были сделаны попытки коррелировать эти совершенно отличающиеся родословные путем предположения, что Матфей отслеживал линию Иисуса назад к Давиду через Иосифа, в то время как Лука делает это через Марию. Предложено, например, что Иосиф не был «сыном Илия», как заявлено у Луки (3: 23), но на самом деле является зятем Илия, так что Илий был отцом Марии, а остальная часть родословной принадлежала Марии.

Это не связано ни с какими явными противоречиями, так как имя отца Марии в Библии нигде не приводится.

И тем не менее, есть ли основания считать, что Мария происходила от Давида? То, что у нее было происхождение от Да-

вида, — это традиция, возникшая в начале истории христианства. Например, когда Гавриил был послан, чтобы совершить благовещение:

Лк., 1: 26—27. ...послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария.

Можно было бы доказать, что фраза «из дома Давидова» относилась скорее к Марии, чем к Иосифу или к ним обоим.

Но это не столь уж важно. В конце концов, Мария описана как племянница Елисаветы, которая сама описана как Левит.

Объективно рассматривая эти две родословные, трудно не подумать о том, что Евангелие от Матфея в данной случае является более надежным источником. Оно включает в себя большее количество имен, которые можно обнаружить в Ветхом Завете, и он ведет список от линии иудейских царей, что, как правило, считалось более соответствующим Мессии, происходящему из рода Давида.

Можно было бы даже подумать, что Лука (нееврей, не знакомый с еврейскими генеалогическими записями) мог выдумать имена, чтобы заполнить поколения после Давида и Нафана.

Иуда, брат Иакова

Далее Лука продолжает рассказывать истории, которые дают также у Матфея и Марка. Иисус успешно выдерживает искушения Сатаны. Он проповедует в своем родном городе Назарете, но его отвергают те, кто знал его слишком хорошо как юношу и не принимает его всерьез как пророка. Он исцеляет больных и начинает собирать учеников.

Лука согласуется с Марком, называя мытарем ученика Левия. Однако у Луки в списке двенадцати апостолов упомянут не Левий, а Матфей. Это подтверждает то, что Левий и Матфей — это один и тот же человек, известный под двумя разными именами.

С другой стороны, Лука не упоминает о Леввее Фаддее ни одним из этих имен, и именно этот Леввей мог, очевидно, быть Левием, сыном Алфея, о чем упоминает Марк, и, следовательно, о брате Иакова, сыне Алфея. Вместо Леввея, Лука включает:

Лк., 6: 16. Иуду Иаковлева...

Это ни в коем случае не ссыла на Иуду Искарюота, поскольку Лука упоминает его отдельно, разумеется, как последнего в списке.

Лк., 6: 16. ...*Иуду Иаковлева и Иуду Искарюота, который потом сделался предателем.*

Но если был второй Иуда, который был братом Иакова (возможно, сыном Алфея), то является ли этот Иуда (сын Алфея) еще одним именем Левия (сына Алфея); и является ли этот Иуда мытарем Левием, а не Матфеем?

Трудно сказать. В греческом оригинале Евангелия от Луки (6: 16) говорится просто: «Иуда Иаковлев», и это естественнее было бы перевести как «Иуда, сын Иакова», а не скорее как «брат Иакова». Если этот Иуда — сын кого-то с именем Иаков, то связь с Левием потеряна.

Сотник

Описание Лукой жизни Иисуса после крещения совершенно подобно описанию, обнаруживаемому у Матфея и Марка, то есть в остальных синоптических Евангелиях, и, следовательно, многое из этого можно пропустить без комментариев. Однако Лука добавляет или опускает такие моменты, которые знаменательным образом иллюстрируют отличительность его собственной точки зрения. В конце концов, он считается неевреем, в то время как Марк и Матфей имеют, конечно, еврейское происхождение.

Так, Евангелие от Луки включает материал, в котором неевреи изображаются благосклонно. Например, Лука рассказывает историю о сотнике, который просит, чтобы Иисус исцелил его слугу. Матфей, рассказывая ту же историю, не делает никаких попыток изобразить сотника-нееврея как не простого сотника.

Однако Лука изображает этого сотника как коснувшегося веры и смирения. Сотник не считает себя достойным приблизиться к Иисусу, а вместо этого посылает от своего имени еврейских старейшин. Однако сотник настолько достойный, что старейшины выступают в суде за него:

Лк., 7: 4—5. *И они [старейшины], придя к Иисусу, просили Его убедительно, говоря: он [сотник] достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу.*

Лука также проявляет себя как сочувствующего женщинам. Так, в рассказе о рождении Иисуса он фокусирует внимание на Марии, где Матфей имеет дело прежде всего с Иосифом. Лука изображает Иисуса, который может даже обнаруживать у себя возможность симпатии к проституткам. Так, когда Иисус обедает с фарисеем:

Лк., 7: 37—38. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром.

Фарисей показывает свое презрение к этой женщине, но Иисус считает ее раскаяние угодным, а ее грехи прощенными и читает хозяину наставления, во время которых фарисей проявляет себя довольно жалко.

Сразу после окончания этого эпизода Лука упоминает о женщинах, которые следуют за Иисусом. Это характерно для Луки, поскольку в остальных синоптических Евангелиях упоминается в этом месте только о мужчинах:

Лк., 8: 1—3. После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим.

Мария Магдалина упоминается впервые, и иногда предполагается, что она была грешницей из предыдущего эпизода, но нет никакого ясного подтверждения этому. И Иоанна, и Сусанна упоминаются только в Евангелии от Луки.

Добрый самаритянин

Лука, писавший с нееврейской точки зрения, опускает те стихи у Матфея и Марка, которые изображают Иисуса враждебным к неевреям. Лука не рассказывает историю о хананеянке, которая просит исцелить свою дочь и смиренно принимает обозначение Иисусом неевреев как «псов».

А в описании того эпизода, где Иисус послал апостолов на проповедническую миссию, Лука опускает тот отрывок, в кото-

ром Иисус запрещает им входить в города язычников или самаритян и объявляет, что его собственная миссия ограничивается иудеями.

Вместо этого Лука включает притчу, необнаруживаемую в остальных Евангелиях, которая является одной из наиболее популярных притч, приписываемых Иисусу, и в которой проповедуется учение о спасении души.

Этой притче положил начало вопрос законника, то есть Закона Моисея или «книжника», как назвал бы его Матфей. Он спрашивает Иисуса, как можно достичь жизни вечной, и Иисус, цитируя Закон, с вызовом требует ответить на его собственный вопрос. Законник отвечает:

Лк., 10: 27. ...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя.

Первая часть этого ответа является цитатой из Второзакония, это считается центральным догматом иудаизма:

Втор., 6: 4—5. Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими.

Последняя часть цитаты законника взята из другого раздела Закона:

Лев., 19: 18. Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя...

Иисус соглашается с этим утверждением, но законник продолжает спрашивать:

Лк., 10: 29. ...а кто мой ближний?

Попытка здесь состоит в том, чтобы вынудить Иисуса дать националистический ответ, так как замечание в Книге Левит о любви к ближнему как к самому себе следует сразу после ссылки на «сынов народа твоего». Поэтому заповедь в Книге Левит могла быть воспринята как узкое ограничение любви к ближним исключительно своего собственного «народа».

Поэтому Иисус мог ответить, что необходимо любить только тех, кто является иудеем или, немного шире, всех тех, иудеев и неиудеев, кто поклоняется истинному Богу принятым образом.

Все остальные оказались бы тогда за пределами любви. (Это в действительности и было тем, что Иисус, по-видимому, говорил в истории о хананейке в Евангелии от Матфея.)

Однако в Евангелии от Луки Иисус не говорит этого. Вместо этого он рассказывает знаменитую историю о человеке (возможно, иудее), который путешествовал из Иерусалима в Иерихон, его окружили грабители и бросили умирать. Священники и левиты прошли мимо него, никак не попытавшись помочь ему. Они были сведущи в Законе, несомненно, знали данный стих из Книги Левит и столкнулись с ближним (даже в узком смысле слова) в нужде. Однако ничего не сделали для него.

Лк., 10: 33. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился...

Самаритянин спас этого человека, и Иисус спросил:

Лк., 10: 36—37. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же.

Другими словами, человек является «ближним» только по причине того, что он поступает соответствующим образом. Добрый самаритянин — в большей степени ближний иудея, чем жестокосердый иудей. И, расширяя это утверждение, можно доказать, что эта притча учит тому, что все люди — ближние, так как все люди могут поступать добродетельно и проявлять сострадание, независимо от своей национальности. Любить ближнего — значит любить всех людей.

Термин «добрый самаритянин» так часто использовался в связи с этой притчей, что появляется ощущение, что самаритяне были особенно добрыми людьми и что от самаритян можно ожидать только того, что они обязательно помогут попавшему в беду. Здесь утрачивается смысл этой истории, так как для иудеев времен Иисуса самаритяне были ненавистными и презираемыми людьми. Ненависть возвращалась и обратно, и поэтому естественно было ожидать, что самаритянин не будет помогать иудею при любых подобных обстоятельствах. Смысл, который подчеркивал здесь Иисус, был в том, что *даже* самаритянин мог быть ближним, насколько же в большей степени — кто-либо другой.

Возможно, изюминку притчи можно лучше понять в современной Америке, если мы возьмем для примера белого южанина-земледельца, которого бросили умирать, и если бы затем его проигнорировал священник и шериф, но спас какой-нибудь

негр-испольщик. Тогда вопрос: «Кто из этих троих... был ближний» будет иметь в наше время более злободневный смысл.

Тот факт, что самаритяне могли быть такими же националистически настроенными, как и иудеи, высказывается у Луки, который сообщает о том, что самаритяне не позволили Иисусу проходить через их территорию на пути к Иерусалиму, потому что они не помогали никому, кто пытается попасть в столь ненавидимый ими город:

Лк., 9: 53. ...но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим.

Здесь Лука также воспользовался возможностью показать добрую волю Иисуса как превосходящую все националистические соображения, даже когда его на них провоцируют. Иаков и Иоанн, сыновья Грома, спрашивают, не нужно ли, чтобы огонь сошел с неба на неприветливых самаритян, и Иисус отвечает:

Лк., 9: 56. ...Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать.

В другом месте Лука представляет еще один рассказ, необнаруживаемый в остальных Евангелиях, в котором есть склонность показать самаритянина в благом свете. Иисус исцеляет десять прокаженных, но только один возвращается, чтобы отблагодарить его:

Лк., 17: 16—18. И пал ниц к ногам Его, благодаря Его; и это был Самарянин. Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? Где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменика?

Нищий Лазарь

Лука сохраняет негативное отношение к богатым Матфея. Он указывает на замечания Иисуса об опасностях богатства:

Лк., 16: 13. Никакой слуга не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

Лк., 18: 25. Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие.

Действительно, Лука идет даже дальше Матфея, поскольку он включает в повествование знаменитую притчу (обнаруживаемую только у Луки), которая, по-видимому, иллюстрирует эту жесткую точку зрения на богатство.

Лк., 16: 19—20. Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пириествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях...

Этот богатый человек не назван по имени; он — просто богатый человек. Что касается Лазаря, то это — греческий вариант еврейского имени Элеазар.

Когда нищий умирает, он попадает на небо:

Лк., 16: 22. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово...

Из-за этого стиха «лоно Авраамово» вошло в английский язык как синоним неба, но в связи с Лазарем оно означает нечто большее.

Это выражение происходит от обеденных обычаев того периода. Во времена царств израильтяне сидели за едой на стульях, как это делаем и мы сегодня. Так, о празднике, где Саул заподозрил Давида ввиду его отсутствия, Библия говорит:

1 Цар., 20: 25. Царь сел на своем месте, по обычаю, на седалище у стены, и Ионафан встал, и Авенир сел подле Саула; место же Давида осталось праздным.

Однако у греков (по крайней мере среди представителей более состоятельных классов) была привычка опираться на левый локоть на низких обитых материей кушетках и есть правой рукой. Этот обычай распространился среди богатых людей других народов как признак благородной и милосердной жизни. Этот стиль еды дал начало всем понятным метафорам.

Хозяин усаживал почетного гостя непосредственно справа от угощения. Если бы оба опирались на левый локоть, то голова гостя была бы близко к груди хозяина. Некоторым образом гость был бы «на лоне хозяина». Если мы используем это выражение сегодня, когда западные обычаи приема пищи на всех ступенях общества включают сидение, а не облакачивание в полулежащем положении, то выражение «на лоне» вызывает мысли о том, что голова одного человека лежит на груди другого человека, но это

неверно. Было бы лучше, если бы мы переводили это выражение аналогичной современной метафорой и сказали бы так: «Умер нищий и отнесен был Ангелами по правую сторону от Авраама». Короче говоря, Лазарь не только попал на небо, но и удостоился высочайшей чести находиться по правую руку от самого Авраама.

Что касается богатого человека, то его судьба была совершенно другой; он попал в ад. Более того, это был не Шеол Ветхого Завета, угрюмое место бесконечного небытия, с главным наказанием в виде отсутствия там Бога. В ветхозаветное время ад, или Шеол, имел мало общего с наказанием. Награда и наказание рассматривались израильтянами как нечто такое, что было отмерено в этом мире, а не в следующем.

Однако в течение тех столетий, когда иудеи были под властью других народов, казалось слишком очевидным, что иностранные угнетатели процветали, а иудеи страдали. Вся проблема добра и зла, награды и страдания, теологически говоря, стала чрезвычайно сложной. В этом отношении примером возникшего противоречия является Книга Иова.

С тех пор большинству иудеев казалось невыносимым, чтобы Бог был несправедливым, следовательно, кажущиеся несправедливости этого мира должны быть возмещены в мире грядущем. Добродетельные люди должны быть бесконечно вознаграждены на небе, в то время как грешники будут бесконечно наказаны в аду. Эта точка зрения стала чувствоваться в последнем стихе Книги пророка Исаяи, которая является частью «Третье-Исаяи», написанного в период после плена. Те, кто спасен:

Ис., 66: 24. ...будут выходить и увидят трупы людей, отступивших от Меня: ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет...

Основным фактором, развивающим представление об адских муках, во времена Птолемея и Селевкидов стали греческие мифы. Аид греков — место не менее мрачное, чем Шеол израильтян. Особенно Тартар славился самыми изнурительными мучениями, которые только могло изобрести воображение. Тому примеры — Сизиф, вечно вкатывающий камень на вершину скалы, откуда тот всегда скатывается вниз, и Тантал, стоящий в воде, касающейся его подбородка, она исчезает каждый раз, когда он пытается напиться. Менее изобретательные иудеи цепко держались за представление о внешнем огне как о средстве пыток, и ко времени Нового Завета этот обычай уже закрепился. Так, Марк пишет, что Иисус предупреждает людей, чтобы не

Мк., 9: 43. *...идти в геенну, в огонь неугасимый...*

Богатый человек в притче о нищем Лазаре нисходит как раз в такой ад:

Лк., 16: 22—24. *...Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: «Отче Аврааме! умилилось надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем».*

Авраам отказывается, так как между небом и адом находится непроходимая пропасть. Кроме того, Авраам описан в этой притче у Луки как обосновывающий присутствие Лазаря на небе, а богатого человека в аду независимо от достоинства и греховности. Никакие грехи богатого человека не припоминаются, кроме простого факта его богатства:

Лк., 16: 25. *Но Авраам сказал: чадо! Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь;*

Это такой драматический поворот, такое обещание бедным и униженным сего мира, что они получают отмщение в загробном мире, что, возможно, позволило стать этой притче особенно популярной. Из-за ее популярности термин «Лазарь» стал применяться по отношению к больным нищим. Так как предполагается, что упомянутые язвы являются язвами проказы, то этот термин, особенно в сокращенной форме «lazar», стал синонимичным со словом «прокаженный».

Дальняя страна

Иисус у Луки рассказывал притчу о талантах. Введено некоторое изменение. Вместо простого упоминания о человеке, путешествующем в дальнюю страну, как у Матфея, сообщается цель странствия:

Лк., 19: 12. *Итак сказал: некоторый человек высокого рода отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться;*

Лк., 19: 14—15. *Но граждане ненавидели его и отправили вслед за ним посольство, сказавши: не хотим, чтобы он царствовал над нами. И когда возвратился, получив царство...*

В современном контексте это озадачило бы: почему нужно было идти в дальнюю страну, чтобы получить царство? Однако во времена Нового Завета это не было странным вообще, поскольку дальней страной был Рим.

По всему периметру Римской империи было множество ма-рионеточных царств, каждое из которых было теоретически независимым, но все полностью находилось под пятой у Рима. Никто не мог взойти на престол любого из этих царств без разрешения со стороны Рима, и не всегда было возможно добраться туда без большой взятки. А если бы претендент поспешил в Рим вручить такую взятку, то могло бы произойти так, что его подчиненные на родине пошлют делегацию, чтобы выступить в суде против, если личность претендента была непопулярна.

По-видимому, именно это произошло в случае Ирода Архелая в 4 г. до н. э., после смерти Ирода Великого, и именно к нему, по-видимому, относилась эта притча. Архелай был утвержден на правление, но только как этнарх, а не как царь, а через десять лет в результате постоянных ходатайств со стороны его подчиненных он был наконец утвержден на царство.

Ирод Антипа

Описание важнейшей недели, проведенной Иисусом в Иерусалиме, данное в Евангелии от Луки, немного отличается в целом от описания у Матфея и Марка. Но Лука — нееврей, и, по-видимому, он стремился уменьшить степень участия языческого правителя Пилата в распятии Иисуса и увеличить степень участия еврейских светских властей.

Как у Матфея и Марка, Пилат у Луки изображен как нежелающий осудить Иисуса, но у Луки он объявляет о том, что верит в невиновность Иисуса три раза, а не один раз, как у Матфея, или два раза, как у Марка. Кроме того, у Луки, и только у Луки, описано, как Пилат пытался отрицать в целом его вину:

Лк., 23: 6—7. Пилат, услышав о Галилее, спросил: разве Он Галилеин? И, узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме.

Это, конечно, именно Ирод Антипа, тетрарх Галилеи, был в Иерусалиме, и возможно, как раз во время Пасхи. В действительности, суд перед Иродом ни к чему не приводит, потому что Иисус ничего не говорил в свою защиту. Ирод отказался высказывать какое-либо суждение:

Лк., 23: 11. *Но Ирод со своими воинами, уничижив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату.*

Но, по-видимому, независимо от того, что вина падает на Пилата, в глазах Луки она падает также и на Ирода Антипу.

Распятие на кресте

Подробности распятия на кресте, описанные Лукой, некоторым образом отличаются от подробностей, данных Матфеем и Марком. В Евангелиях от Матфея и Марка мы имеем описание того, как «исторический Иисус» был всеми покинут и поносим, и, казалось, он умер в полном отчаянии.

В Евангелии от Луки это в значительной степени исчезло, и гораздо более явно Иисус изображен как Мессия. Он прощает своих палачей, сказав благородную фразу, которой нет в других Евангелиях:

Лк., 23: 34. *Иисус же говорил: Отче! Прости им, ибо не знают, что делают.*

Как у Марка и Матфея, у Луки описывается, что в то время было распято три человека, Иисус был распят на среднем кресте между двумя разбойниками. Марк больше ничего не говорит об этом, в то время как Матфей описывает даже этих разбойников, как нечто оскорбительное для Иисуса:

Мф., 27: 44. *Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его.*

Однако в Евангелии от Луки Иисус снова прощает. Один из разбойников принимает Иисуса как Мессию:

Лк., 23: 42—43. *И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.*

Этот разбойник известен в традиции как «добродетельный разбойник» или «кающийся разбойник». Он не назван по имени в Евангелии, но традиция предполагает, что его имя Дисма (Dismas).

Наконец, Лука не описывает последний отчаянный крик Иисуса: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» Это не со-

всем соответствует представлению о Мессии, также и Лука не может рассчитывать на то, что его читатели-неевреи оценят тонкость применения псалма, в первой фразе которого есть этот крик. Вместо этого он делает так, что последние слова Иисуса выглядят намного более формально и недраматично:

Лк., 23: 46. Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! В руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух.

То, как это происходит, также является цитатой из Псалтыря:

Пс., 30: 6. В Твою руку предаю дух мой; Ты избавлял меня, Господи, Боже истины.

Затем следует история воскресения, рассказанная в гораздо большем объеме и в гораздо более обстоятельных деталях, чем у Матфея и Марка. На этом Евангелие от Луки заканчивается.

8. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

Четвертое Евангелие • Любимый ученик • Иоанн, сын Зеведеев • Слово • Иоанн Креститель • Агнец Божий • Нафанаил • Сын Иосифа • Кана • Иудейская Пасха • Храм • Никодим • Самария • Евреи • Авраам • Лазарь • Каиафа • Утешитель • Пилат • Копье • Фома

Четвертое Евангелие

Подробности жизни Иисуса, данные в четвертом Евангелии, полностью отличаются от подробностей, которые есть в первых трех синоптических Евангелиях.

Есть те, кто пытается воспринимать все четыре Евангелия как истинные, и поэтому они вынуждены объяснять все их очевидные несообразности. Можно, например, доказать, что синоптические Евангелия связаны прежде всего с проповедями Иисуса простым людям Галилеи, и игнорировать его деятельность в самом Иерусалиме, за исключением последней, решающей недели его жизни. Тогда можно было бы предположить, что четвертое Евангелие сформировано за счет концентрации на служении Иисуса в Иерусалиме, которое описывается как длившееся три года, а не одну неделю. Беседы Иисуса теперь, как правило, длинные и дискуссионные (а не простые и полные притч), которые подошли бы для споров с учеными священниками и теологами.

С другой стороны, можно также доказать, что четвертое Евангелие было написано очень поздно, для сообщества, которое было уже христианским, но было вовлечено в богословские споры. Тогда его цель могла быть не в том, чтобы представить реалистическое описание Иисуса, а скорее использовать его как образ, посредством которого представлена теология автора, в противоположность противоречивым точкам зрения других. С этой точки зрения может показаться, что четвертое Евангелие

можно считать формой дидактического вымысла, примерно аналогичного тем диалогам, в которых Платон свою собственную философию вложил в уста Сократа.

Все согласны с тем, что четвертое Евангелие написано позже, чем другие, но уже в 150 г. оно было известно и упоминалось христианскими авторами. Возможно, 100 г. можно принять как приблизительную вероятную дату его составления, хотя оно могло быть написано и несколько позже.

Если это так, то четвертое Евангелие появилось примерно через поколение после разрушения Иерусалима, ко времени которого стало несомненно, что пути иудаизма и христианства безвозвратно разошлись и будущее христианства зависело от языческого мира.

Это положение дел отражено в Евангелии, в котором Иисус выглядит гораздо меньше как местный еврейский пророк и гораздо больше как вселенский Сын Божий, чем в любом синоптическом Евангелии, гораздо больше, чем даже в Евангелии от Луки. И в четвертом Евангелии к евреям отношение еще менее благоприятное, чем у Луки.

Любимый ученик

Относительно авторства четвертого Евангелия, которое, по видимому, принадлежит неизвестному человеку, упоминающемуся в нем в обстоятельствах, не встречающихся в синоптических Евангелиях. Например, мы встречаем его на Тайной вечере, когда Иисус объявляет, что один из апостолов предаст его.

Это событие описано во всех четырех Евангелиях, и в каждом из них ответ со стороны апостолов описан по-разному. В Евангелии от Марка все двенадцать апостолов встревожились:

Мк., 14: 19. Они опечалились и стали говорить Ему, один за другим: не я ли? И другой: не я ли?

В Евангелии от Луки все двенадцать апостолов встревожились, но обсуждают это между собой:

Лк., 22: 23. И они начали спрашивать друг друга, кто бы из них был, который это сделает.

В Евангелии от Матфея Иуда Искариот сам виновато попадает на удочку:

Мф., 26: 25. *При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви?*

Однако в четвертом Евангелии события не происходят спонтанно. Иисус представлен как божественная и богоподобная фигура, к которой не так-то легко приблизиться. Так как он сам не открывал имя таинственного предателя, то возможно, он не хотел открывать этого, и поэтому была опасность, связанная с попыткой постичь эту тайну. Возможно, взять на себя риск вопрошания должен был тот ученик, который был у Иисуса любимым и поэтому мог наиболее безопасно пользоваться терпением Учителя.

Ин., 13: 23—24. *Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит.*

Мы, конечно, не должны понимать это так, что рассматриваемый ученик фактически лежал на груди Иисуса. Выражение «возлежал у груди Иисуса» было просто распространенной метафорой, обыкновенно означающей, что этот ученик располагался на почетном месте справа от Иисуса.

Ни в одном из синоптических Евангелий нет упоминания о каком-нибудь конкретном апостоле, «которого любил Иисус», — только в четвертом Евангелии.

Любимый ученик упоминается как свидетель распятия на кресте, как первый апостол, который пришел к могиле, из которой Иисус воскрес, и как признавший воскресшего Иисуса.

Самым знаменательным является то, что он появляется в самом конце Евангелия, когда воскресший Иисус дает последние наставления Петру:

Ин., 21: 20. *Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его...*

Позже к этому было добавлено несколько стихов комментария:

Ин., 21: 24. *Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его.*

Является ли это подписью любимого ученика? Означает ли это, что любимый ученик действительно написал четвертое Евангелие, которым мы сегодня располагаем? Или кто-то дру-

гой написал четвертое Евангелие, используя воспоминания о любимом ученике как источнике для своего материала, и приписал ли он тогда авторство этому источнику, считая себя только секретарем? Или же этот стих был добавлен более поздним переписчиком или комментатором, который выразил свою собственную теорию, согласно которой четвертое Евангелие написал любимый ученик? Трудно понять, как можно когда-либо ответить на эти вопросы так, чтобы это удовлетворяло всех. Однако в христианской традиции говорится, что автором действительно был любимый ученик Иисуса.

Возможно, покажется странным и даже отталкивающе тщеславным, что любимый ученик, если он автор четвертого Евангелия, всякий раз, когда он упоминает о себе, подчеркивает свое привилегированное положение в глазах Иисуса. Но возможно, в этом был нетщеславный замысел. Если бы четвертое Евангелие было написано для того, чтобы изложить теологическую точку зрения, направленную против явно соперничающих сил, было важно, чтобы автор как можно сильнее подчеркивал свой собственный авторитет. Он был не только одним из апостолов, но и самым любимым из них апостолом Иисуса и, вероятнее всего, «был в курсе дел».

И если это Евангелие действительно было написано секретарем со слов или написанного учеником, возможно, это был секретарь, который продолжал подчеркивать привилегированное положение источника ради только что приведенной цели.

Иоанн, сын Зеведеев

Тогда возникает еще один вопрос о том, кто же мог быть любимым учеником. Для начала, по-видимому, разумно было бы предположить, что это был один из апостолов, так как любимый ученик участвовал в Тайной вечере, и, как повествуют синоптические Евангелия, на этом ужине были только Иисус и его двенадцать апостолов:

Мф., 26: 20—21. Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели...

Однако как раз в четвертом Евангелии, единственном из Евангелий, специально не перечисляются имена двенадцати апостолов и специально не утверждается, что в Тайной вечере к Иисусу присоединились только апостолы. В контексте четвертого Евангелия любимый ученик не мог быть одним из этих двенадцати апостолов,

и для этой роли было предложено несколько неапостолов. Однако христианская традиция делает любимого ученика одним из апостолов. Но кто из них?

Он любимый ученик, и из синоптических Евангелий кажется, что среди апостолов была внутренняя группа из трех учеников, которые более глубоко разделяли с Иисусом важные моменты его жизни. Эти трое — Петр и сыновья Зеведея, Иаков и Иоанн, — описаны как наблюдавшие, например, преобразование:

Мф., 17: 12. ...По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет.

Остальные девять апостолов не были удостоены этого видения.

Те же Петр, Иаков и Иоанн были с Иисусом во время молитвы в Гефсимании как раз перед его арестом:

Мф., 26: 37. И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать.

Можно было бы доказать, что Иисус вряд ли не взял бы с собою ученика, которого он любил более всех, в эти решающие моменты, так что любимым учеником был один из трех: Петр, Иаков или Иоанн.

Из этих троих Петр был, по-видимому, почти автоматическим выбором, так как все Евангелия соглашаются в том, что он был главным апостолом, который среди них всегда брал инициативу на себя. Однако именно Петра следует вычеркнуть из претендентов, так как в трех случаях, когда присутствовал любимый ученик, присутствовал также и Петр. Так, именно Петр подошел к любимому ученику, чтобы спросить его о предателе.

По-видимому, получается так, что любимым учеником был либо Иаков, либо Иоанн, один из двух сыновей Зеведея. (Может быть, именно по этой причине эти двое были столь смелыми, прося привилегированного положения у Иисуса, когда будет установлено Мессеианское царство, предполагая о предпочтении одного из них?)

Выбирая между Иаковом и Иоанном, давайте вернемся к последнему появлению любимого ученика в последней беседе воскресшего Иисуса с Петром. Петр поворачивается, смотрит на любимого ученика и спрашивает:

Ин., 21: 21—22. Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною.

Другими словами, Петр должен следовать наставлениям и не беспокоиться о любимом ученике. У любимого ученика будут свои собственные задачи, которые могут включать в себя нечто, вплоть до того, чтобы дожить до второго пришествия.

Затем автор четвертого Евангелия продолжает исправлять недоразумение, указывая на то, что Иисус не говорил категорически, что любимый ученик не умрет до второго пришествия; но что он не умер бы, если бы Иисус захотел бы устроить так.

Ин., 21: 23. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?

Здесь есть один важный момент. Ранние христиане верили, что Иисус скоро вернется и вскоре будет установлено Царство Божие. Есть стихи, которые казались им подтверждающими это. Так, во всех трех синоптических Евангелиях повторяется то, что, по-видимому, было твердым обещанием по этому поводу со стороны Иисуса.

Мф., 16: 28. Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем.

Очевидно, любимый ученик, должно быть, стоял там в то время, и если у этого ученика была большая продолжительность жизни, то замечание Иисуса, должно быть, приобретало конкретный смысл. Один за другим те, кто знал и слышал Иисуса, умирали, но любимый ученик продолжал жить. Конечно, тогда многие, должно быть, думали, что именно его Иисус упоминал как того, кто «не вкусит смерти» до второго пришествия.

Четвертое Евангелие как последнее из написанных (через семьдесят или более лет после распятия) должно быть уже менее уверенным, чем синоптические Евангелия, в предстоящем втором пришествии. В частности, если бы любимый ученик умер, не дождаввшись второго пришествия, то его секретарю или какому-нибудь более позднему комментатору было бы необходимо вставить замечание по поводу того, что Иисус действительно высказал утверждение в отношении любимого ученика, но оно было условным, а не абсолютным.

(Конечно, можно было бы посчитать, что упоминание о тех, кто не умрет до второго пришествия, относилось не к любимому ученику, а к какой-то совершенно малоизвестной личности, о которой Иисус слышал в то время. Эта мысль, возможно, внесла свой вклад в воскрешение рассказа о так называемом «Вечном жиде». Это был иудей, который совершил некоторое преступление против Иисуса или оскорбил его во время распятия и был осужден на вечные скитания по земле, вплоть до второго пришествия. Об этой личности возникло огромное множество легенд, которые все совершенно лишены библейской основы, за исключением отдаленного подтверждения в этом стихе.)

Однако, возвращаясь к любимому ученику, мы можем увидеть, что этот последний отрывок в четвертом Евангелии можно использовать, чтобы доказать, что он, должно быть, был долгожителем. И действительно, если он написал четвертое Евангелие в 100 г. или несколько позже, то, должно быть, это так.

Но из двух сыновей Зеведея Иаков не был долгожителем. Он умер мученической смертью через несколько лет после распятия:

Деян., 12: 1—2. В то время царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечом.

Остается только Иоанн, сын Зеведея, к тому же он является единственным апостолом, по поводу которого нигде в повсеместно принятой традиции не говорится о мученической смерти. Напротив, в одной легенде предполагается, что он дожил до возраста в девяносто или более лет.

Согласно этой легенде, Иоанн в более позднем периоде своей жизни занимался миссионерской деятельностью в Эфесе, городе на побережье Малой Азии. Во время царствования Домициана (81—96), когда христиане подвергались преследованию, он удалился в целях безопасности на остров Патмос, который находится примерно в 50 милях к юго-западу от Эфеса. После смерти Домициана он возвратился в Эфес и умер там во время царствования Траяна (98—117).

Если это — действительные факты и если ему было двадцать лет во время распятия Иисуса на кресте, то сын Зеведея Иоанн родился в 9 г., и ему было бы девяносто один год в 100 г., когда могло быть написано четвертое Евангелие. Это большой возраст, но, разумеется, вполне достижимый.

Еще одним аргументом в пользу этой теории является то, что в четвертом Евангелии Иоанн ни разу не упоминается по имени, так что нет никакой возможности отличить его от любимого

ученика. Наибольшая вероятность упоминания возникает в тот момент, когда некоторые из учеников перечисляются среди тех, кто однажды увидел воскресшего Иисуса:

Ин., 21: 2. ...были вместе Симон Петр, и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и двое других из учеников Его.

Но и в этом месте нет никакого упоминания о любимом ученике.

Таким образом, нет никаких явных несообразностей в том предположении, что любимым учеником был сын Зеведея Иоанн. И действительно, прочной традицией ранней церкви было то, что этот Иоанн является автором четвертого Евангелия. С 200 г. эта традиция стала общепринятой, а ее истоки можно найти еще у Иустина.

Его свидетельство считается особенно ценным, так как он претендовал на то, что знал Поликарпа, христианского епископа Малой Азии, который жил примерно с 70-го по 155 г. и который, в свою очередь, как предполагалось, был учеником самого Иоанна.

В наше время существуют теории, согласно которым Иоанн, которого Иустин упоминает как автора четвертого Евангелия, был несколько иным Иоанном, не сыном Зеведея, но этот вопрос невозможно разрешить до полного удовлетворения всех тонкостей зрения. Мы можем просто сказать, что христианская традиция делает сына Зеведея Иоанна автором четвертого Евангелия и нет какого-нибудь очевидного и простого способа опровергнуть эту традицию. Поэтому четвертое Евангелие называется Евангелием от Иоанна.

Слово

Евангелие от Марка начинается с крещения Иисуса Иоанном Крестителем как того момента, когда в Иисуса вошел Дух Святой. Матфей и Лука начинают с рождения Иисуса, выбрав этот момент в таком же качестве.

Иоанн идет еще далее вспять. В то время как в синоптических Евангелиях Иисус выглядит прежде всего как человек (хотя он также и Мессия), то у Иоанна Иисус показан гораздо более возвышенным образом, как явно божественная личность для всех, кроме отъявленных негодяев. И, подчеркивая этот момент, Иоанн начинает свое Евангелие с хвалебного гимна «Сло-

ву» (или, по-гречески, «Логосу»), которое возвращает нас к самому началу времен.

Ин., 1: 1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

Использование термина «Слово» с прописной буквы, как обозначающего некий аспект Бога, не обнаруживается более нигде в Ветхом Завете или, в этом отношении, нигде в Новом Завете, кроме Евангелия от Иоанна и пары других книг, приписываемых этому же автору. Термин «Логос» можно обнаружить, однако, в сочинениях греческих философов, и там оно используется примерно в том же смысле, как и у Иоанна.

Истоки этого термина восходят к VI в. до н. э., к тому времени, когда царство Иуды подходило к концу, а иудеев уводили в вавилонский плен. В том веке в среде некоторых ученых западного побережья Малой Азии возник новый взгляд на вселенную.

Первым из них был Фалес из Милета, который родился примерно в 640 г. до н. э. (когда завершалось длинное царствование Манассии в Иудее). Считается, что он первым изобрел методы абстрактной геометрии, изучал электрические и магнитные явления, привнес вавилонскую астрономию в греческую науку и предположил, что вода является фундаментальным материалом вселенной.

Однако важнейшим вкладом Фалеса, а также его учеников и последователей, было предположение о том, что вселенная в своих явлениях не хаотична и не зависит от власти импульсивных богов или демонов, которые вредили природе, чтобы удовлетворить свои собственные прихоти, и на которых можно было повлиять человеческими мольбами или угрозами. Напротив, Фалес и его последователи предположили, что вселенная функционирует согласно каким-то строгим правилам, которые мы могли бы назвать «законами природы», и что эти законы не навсегда являются непостижимыми, но человек может разобраться в них благодаря наблюдениям и размышлениям. Это предположение о разумности и познаваемости вселенной было установлено греками в качестве основы науки, но впоследствии так предположением и осталось.

Фалес и остальные вовсе не отрицали существование богов или тот факт, что мир был создан сверхчеловеческим существом. Как раз боги, создавая мир, сделали его согласно некоторому разумному принципу, а затем твердо соблюдали этот принцип, не совершая произвольного вмешательства в повседневные явления вселенной.

Одним из тех, кто последовал за Фалесом в этой точке зрения на вселенную, был Гераклит из Эфеса, который учил примерно в 500 г. до н. э. По-видимому, он использовал слово «Логос» как представляющий некий разумный принцип, согласно которому был создан мир. (Совпадает ли это полностью с тем, что пропитанное логосом Евангелие от Иоанна было, согласно легенде, написано в том самом городе Эфесе, который и ввел первым в употребление этот термин?)

Буквально «Логос» означает «Слово», но греческий термин имеет значения, выходящие за пределы простого значения «слово». «Логос» относится ко всей рациональной структуре знания. Мы используем его в названиях наших наук: «зоология» («наука о животных», или более правильно, «рациональная структура знания о животных»); «геология» («наука о Земле»); «биология» («наука о жизни») и так далее.

Поскольку «Логос» стал все больше использоваться греческими мыслителями, в том числе и мистически настроенными, он стал означать не только абстрактный принцип, но и персонифицированную сущность, которая сотворила мир. «Логос» стал считаться своего рода богом; разумным богом-творцом.

Во времена после плена, когда иудеи находились под влиянием греческой философии, они почувствовали потребность попытаться обосновать «Логос» с точки зрения концепции еврейского Бога. Часто они использовали еврейское слово, которое мы переводим как «Мудрость», как представляющее нечто подобное греческому «Логосу». Мудрость в таком значении является не просто мирским знанием, но чем-то большим, своего рода внутренним, духовным знанием, которое выходит за пределы материального мира.

Использование этого термина как заменителя слова «Логос» было вполне подходящим. Фактически в VI в. до н. э. термин «философ» стал применяться по отношению к греческим ученым, а этот греческий термин можно перевести как «любящий мудрость».

Именно эта божественная Мудрость — в глазах некоторых из еврейских авторов периода после плена — сотворила мир и установила его на разумную основу. Некоторые из апокрифов и даже некоторые из поздних канонических книг Ветхого Завета содержат в себе гимны Мудрости, которые звучат почти так, как будто это — формальный аспект Бога, которому следует поклоняться, а не простое абстрактное существо, которое восхваляют. Вечное существование Мудрости подчеркивается и в Книге притчей, Мудрость изображена в одном месте как говорящая от первого лица:

Прит., 8: 22—23. *Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли.*

В Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова есть подобный отрывок, в котором Мудрость снова говорит от первого лица:

Сир., 24: 10. *Прежде века от начала Он [Бог] произвел меня [Мудрость], и я не скончаюсь вовеки.*

В Книге премудрости Соломона Мудрость иногда представляется словами, обычно характерными для Бога:

Прем., 1: 6. *Человеколюбивый дух — премудрость, но не оставит безнаказанным богохульствующего устами...*

Упоминается также роль Мудрости как творческого аспекта Бога:

Прем., 7: 21. *...Премудрость, художница всего...*

Есть упоминание Мудрости в Евангелии от Луки, где Иисус говорит:

Лк., 11: 49. *Потому и премудрость Божия сказала: пошлю к ним пророков и Апостолов, и из них одних убьют, а других изгонят;*

При жизни Иисуса в Александрии жил иудей по имени Филон (обычно называемый Филоном Иудейским или Филоном Иудеем). Он был образованным не только в еврейской мысли, но и в греческой философии, кроме того, в своих сочинениях он стремился объяснить первое словами и понятиями второго.

Филон, писавший по-гречески, использовал термин «Логос», а не «Мудрость» и Логос представлял как разумный и творческий аспект Яхве. Объясняя его связь с Богом, он говорит о нем метафорически, как об «образе Бога» или «Сыне Божьем».

Иоанн принимает эту точку зрения Филона, точку зрения, которая особенно подходяща, если Евангелие от Иоанна было написано в Эфесе, в самом центре греческой философской традиции и месте, где термин «Логос» был использован впервые.

Поэтому Евангелие от Иоанна начинается с гимна Логосу (который, очевидно, мог быть взят из какого-то языческого гимна), который выражен таким образом, чтобы он соответствовал теологической точке зрения данного Евангелия.

Существовали и такие взгляды на Логос, которые Иоанн, по видимому, посчитал несовместимыми с истинной верой.

Были, например, философы и мистики, которые пытались разделять понятия Бога и Логоса. Они считали, что действительно Бог персонифицирован Мудростью, но он далек и непостижим для человека. Он является чистым духом и не имеет никакого отношения к чему-нибудь материальному. Для этих философов этим божественным, духовным и непостижимым принципом был «Гнозис», который является греческим понятием, означающим «познание». Поэтому такие философы назывались гностиками.

Но если Мудрость или Гнозис далеки от материи и не связаны с нею, то каким образом был создан мир? Здесь гностики повернули в противоположную сторону по отношению к решению Фалеса. Вовсе не разумный принцип (божественный или еще какой) сотворил мир, а внебожественный принцип зла. Там, где Фалес обнаружил мир разумным и предположил, что его сотворил разумный принцип, гностики обнаружили мировое зло и предположили, что его сотворил принцип зла.

Греческий философ Платон использовал для такого творческого принципа термин «Демиург». Это слово означает «служащий людям» или, если так можно выразиться, «государственный служащий». Это слово использовалось в греческих городах для обозначения некоторых чиновников, которые рассматривались как служители народа. Другими словами, Демиург рассматривался как сверхчеловеческий государственный служащий, который сослужил человечеству службу своим первым творением, а затем и управлением миром.

Согласно гностикам, этот Демиург был низшим принципом, который злонамеренно сотворил порочный мир. Более того, духовная сущность человека, которая была родственна отдаленному Гнозису, была поймана Демиургом в теле, которое, будучи материальным, имело греховную природу. Для человека, стремящегося к спасению, было необходимо так или иначе победить греховное тело и достичь далекой духовности Гнозиса.

В ранние времена христианства некоторые гностики приспособили свою мысль к христианству. Гнозис был также непостижимым недостижимым Богом. С другой стороны, Бог Ветхого Завета, который сотворил мир, рассматривался гностиками как в действительности являющийся Демиургом. Именно демоническое влияние Яхве ответственно за все зло в мире.

С другой стороны, Иисус был, с точки зрения гностиков, Логосом, сыном или порождением духовного Гнозиса. Сам Иисус был чистым духом, так как он не мог быть связан с материей,

сотворенной злым Демиургом, но он взял себе иллюзорное материальное тело, чтобы повести людей от Демиурга материи к Гнозису духа.

Евангелие от Иоанна твердо позиционируется против гностического истолкования. Иоанн делает Бога и Логоса равными во всех отношениях. Логос не только с самого начала был с Богом, но и сам Логос — это Бог.

Кроме того, этот Бог не был мистическим Гнозисом, но это и есть Бог Ветхого Завета, который сотворил мир:

Ин., 1: 2—3. Оно [Слово, Логос] было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

И Логос является разумным, творческим аспектом этого Бога.

Более того, этот же Бог Ветхого Завета не был просто материальной сущностью, в то время как что-то другое было духом. Бог является и духом, и материей; Бог был «светом», к которому могли стремиться люди, и он был внутренней сущностью вещей:

Ин., 1: 4—5. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит...

Также Иисус не был простым духовным существом, облаченным в иллюзорную материю. Иоанн поясняет, что Логос должен считаться воплощенным в настоящем материальном теле:

Ин., 1: 14. И Слово стало плотью, и обитало с нами...

Иоанн Креститель

Гимн Логосу прерывается решительным утверждением, что Логос не должен интерпретироваться как Иоанн Креститель. В первые десятилетия после распятия находились те, кто утверждал, что особое значение имел Иоанн Креститель, и, возможно, он, а не Иисус был Мессией. Возможно, эти люди представляли значительную группу уже в 100 г., и нужно было им как-то противостоять.

Ин., 1: 6—8. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но [был послан], чтобы свидетельствовать о Свете.

Затем, после окончания гимна Логосу, четвертое Евангелие упоминает о самом Иоанне Крестителе как отказывающемся от любых притязаний на мессианство:

Ин., 1: 19—20. И вот свидетельство Иоанна, когда иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты? Он объявил, и не отрекся, и объявил, что я не Христос.

Четвертое евангелие идет еще дальше.

Синоптические Евангелия, написанные в то время, когда христианство находилось еще во «младенческом» возрасте и когда ему нужны были союзники в борьбе против еврейской ортодоксии, по-видимому, позволили Иоанну Крестителю быть меньшим по значению, но все же играть важную роль воплощенного Илии. Четвертое Евангелие, написанное в то время, когда через пару десятилетий христианство стало сильнее, по-видимому, уже не испытывало никакой нужды в таком компромиссе:

Ин., 1: 21. И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет.

Ин., 1: 23. Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия.

Что касается «пророка», упомянутого в Евангелии от Иоанна (1: 21), обычно считается, что это ссылка на отрывок в одной из бесед во Второзаконии, приписываемых Моисею. Там Бог говорит:

Втор., 18: 18. Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты [Моисей], и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему;

По-видимому, Второзаконие было написано в период царствования Иосии или незадолго до него, а может быть, этот отрывок обычно относился к какому-нибудь современнику автора Второзакония. Возможно, Иосия был даже убежден в том, что этот отрывок относился к одному из тех, кто принес ему эту книгу после ее «обнаружения» в Храме, и, возможно, это воодушевило его на то, чтобы начать полную яхвистскую реформу, которую он затем осуществил.

Однако во времена после плена этот отрывок, по-видимому, воспринимался иудеями как мессианский по своей сути, и таким же он воспринимался христианами, которые видели в нем, разумеется, ссылку на Иисуса. Именно поэтому в Библии короля

Якова слово «Пророк» пишется с прописной буквы, хотя в Исправленном стандартном переводе — со строчной.

Иоанн Креститель изображается в четвертом Евангелии как отрицающий то, что он и есть тот пророк, и, следовательно, отрицающий также свое мессианство.

Агнец Божий

Четвертое Евангелие без всякого сожаления идет еще дальше. Мало того что об Иоанне пишется как об отрицающем свое мессианство, но и после крещения Иисуса он воспринимает последнего как Мессию и провозглашает его таковым:

Ин., 1: 29—32. На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира; сей есть, о Котором я сказал: «за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня», я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем;

Ин., 1: 34. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий.

В Евангелиях от Марка и Луки вообще нет никакого упоминания о таком признании со стороны Иоанна. В Евангелии от Матфея есть единственный стих, который относится к признанию Иоанном роли Иисуса, когда Иисус приходит к нему креститься:

Мф., 3: 14. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?

Однако позже Матфей, а также Лука сообщают о том, что Иоанн послал учеников спросить о том, был ли Иисус Мессией, нечто совершенно ненужное, если бы Иоанн действительно засвидетельствовал Духа Божьего, сходящего на Иисуса подобно голубю. (И конечно, в четвертом Евангелии ни разу не упоминается о какой-то подобной неуверенности со стороны Крестителя.) Все синоптические Евангелия сообщают об этом сошествии Духа Божьего, но ни в одном из этих трех никак не указывается, ни тогда, ни позже, что это сошествие было засвидетельствовано Иоанном или кем-то еще, находившимся рядом с Иисусом.

Действительно, синоптические Евангелия показывают признание мессианства, которое постепенно распространяется среди учеников Иисуса, и, кроме того, явно отмечается осторожность Иисуса в том, что он никак конкретно и открыто не объявляет о такой миссии. Только в самом конце, перед Каиафой он признает, что он — Мессия, и этого, что рассматривалось еврейскими властями как богохульство, было достаточно для того, чтобы осудить Иисуса на смерть. Эта точка зрения, по-видимому, находится в соответствии с исторической действительностью того времени, так как объявить себя Мессией без доказательства, которое удовлетворило бы церковные власти, означало верную смерть. (Так же как и в более поздние столетия объявить себя новым воплощением Иисуса означало бы обречь себя на смерть через насаживание на кол или в наше время — поместить себя в сумасшедший дом.)

Однако в четвертом Евангелии все, начиная с Иоанна Крестителя, изображаются как сразу же признавшие Иисуса Мессией. Мало того что Иисус не отрицает эту свою роль, но он и сам возвещает об этом. Так, когда самаритянка говорит с Иисусом о Мессии, Иисус отвечает ей совершенно искренне:

Ин., 4: 26. это Я, Который говорю с тобою.

Это открытое признание мессианства Иисусом и другими описано в четвертом Евангелии как продолжавшееся на протяжении трехлетнего периода в Иерусалиме и других местах до того, как Иисус был арестован, осужден и казнен.

С точки зрения реалистической истории это совершенно невозможно. Однако Евангелие представляет теологию, а не историю, и теологический Иисус, в противоположность «историческому», является проявлением божественности.

Приветствуя Иисуса как Агнца Божьего, Иоанн Креститель ссылается не только на его мессианство, но и на ту действительную форму, которую должно принимать мессианство. Пишется, что Иоанн признал Иисуса не как царского Мессию, который приведет иудеев к идеальному царству, победив их врагов с помощью военного оружия, а скорее как страдающего и замученного «раба Божьего» Второ-Исайи.

Ссылка на Иисуса как Агнца Божьего, по-видимому, подразумевала конкретный стих в одном из отрывков о страдающем слуге:

Ис. 53: 7. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих, как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен...

Нафанаил

Способ, которым Иисус собирает своих учеников, описан в четвертом Евангелии совершенно не так, как в синоптических Евангелиях. В синоптических Евангелиях Иисус выбирает учеников в Галилее; в Евангелии от Иоанна, где с Иисусом повсюду обращаются с большим уважением, ученики сами находят его.

Так, Иоанн Креститель приветствует Иисуса как Агнца Божьего второй раз в присутствии двух своих учеников, и они тут же оставляют Крестителя и следуют за Иисусом:

Ин., 1: 40. Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра.

Остальные ученики не названы, и традиционно считается, что это был сын Зеведея Иоанн, любимый ученик Иисуса и автор четвертого Евангелия. Считается, что скромность заставила его воздержаться от того, чтобы назвать самого себя.

В синоптических Евангелиях нет никаких указаний на то, что кто-либо из апостолов первоначально был последователем Крестителя. Однако это явно удовлетворяет цели четвертого Евангелия, так как таким образом показывается, что последователи Крестителя, руководимые самим Крестителем, явно предпочитают Иисуса Иоанну, и это еще больше ослабляет сторонников Крестителя в их противостоянии евангелисту. Первые два ученика разносят весть об этом:

Ин., 1: 41. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: «Христос».

Это полностью отрицает один из великих моментов в синоптических Евангелиях, где Петр признается в своей вере в Иисуса как Мессию, признание, которое оборачивается для Иисуса Иерусалимом и распятием на кресте. Вместо этого здесь Петру говорят вначале, что Иисус — Мессия, и позже в этом Евангелии уже не остается никакой возможности для того, чтобы Петр или какой-либо другой ученик постепенно признал эту веру. В трактовке четвертого Евангелия природа Иисуса так возвеличена, что не допускает подобного медлительного или постепенного осознания, оно должно произойти сразу.

Кроме того, принятие этих первых учеников происходит не в Галилее, а в месте у Иордана, где Иоанн Креститель проводил крещения:

Ин., 1: 28. *Это происходило в Вифаваре при Иордане, где крестил Иоанн.*

И как будто для того, чтобы подчеркнуть этот факт, пишется затем, что Иисус находился на пути обратно в Галилею:

Ин., 1: 43—44. *На другой день Иисус восхотел идти в Галилею, и находит Филиппа и говорит ему: иди за Мною. Филипп же был из Вифсаиды, из одного города с Андреем и Петром.*

Возможно, Филиппу рассказали о Мессии Андрей и Петр, а он, в свою очередь, распространяет эту новость дальше:

Ин., 1: 45. *Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в Законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета.*

В синоптических Евангелиях Нафанаил не перечисляется среди апостолов; в действительности, его имя не встречается нигде, кроме четвертого Евангелия. С другой стороны, Варфоломей, который перечисляется среди апостолов во всех трех синоптических Евангелиях, не упоминается в Евангелии от Иоанна. С тех пор во всех трех синоптических Евангелиях Варфоломей называется непосредственно после Филиппа:

Мк., 3: 18. *Андрея, Филиппа, Варфоломея, Матфея, Фому, Иакова Алфеева, Фаддея, Симона Кананита...*

А поскольку в Евангелии от Иоанна, по-видимому, есть особые отношения между Филиппом и Нафанаилом, принято отождествлять Нафанаила с Варфоломеем. Так как Варфоломей означает «сын Талмая» и может быть только патронимом, то Нафанаил может быть его настоящим именем. Тогда этот апостол был бы Нафанаилом Варфоломеем (Нафанаилом, сыном Талмая).

Может быть также и так, что Нафанаил — это не один из двенадцати учеников, а какой-то ученик вне этого внутреннего круга двенадцати.

В четвертом Евангелии вообще не перечисляются двенадцать апостолов. Самое слово «апостол» в четвертом Евангелии не встречается. Вполне может быть и так, что Иоанн насколько возможно преуменьшает значение традиции перечисления двенадцати апостолов по аналогии с двенадцатью коленами Израиля. Эта аналогия слишком устарела из-за событий, произошедших к тому времени, когда было написано четвертое Евангелие.

Сын Иосифа

Филипп определяет Иисуса четко и безошибочно, когда сообщает о нем Нафанаилу:

Ин., 1: 45. Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в Законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета.

В этом Евангелии не делается ни одной попытки упомянуть о непорочном зачатии в Вифлееме. Это не потому, что Иоанн не осознает, что у иудеев рождение в Вифлееме было необходимым требованием для определения истинного Мессии, так как, услышав о Мессии, «о Котором писали Моисей в законе и пророки», Нафанаил сразу засомневался:

Ин., 1: 46. Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри.

Возможно, это было презрение к провинциалу из Галилеи, но это было не так. Скорее, Нафанаил был привязан к Иоанну. В одном месте кто-то говорит:

Ин., 21: 2. ...были вместе Симон Петр, и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской...

Или же замечание Нафанаила могло просто подразумевать, что никогда из Галилеи не происходил ни один пророк, как позже пишется в Евангелии, когда фарисей говорил одному из числа тех, кто выступал в защиту Иисуса:

Ин., 7: 52. и ты не из Галилеи ли? рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк.

Но это также неверно. Пророк Иона (исторический пророк времен Иеровоама II, о котором позже была придумана легенда с китом) был родом из этой области, несмотря даже на то, что в то время она еще не называлась Галилеей:

4 Цар., 14: 25. Он восстановил пределы Израиля, от входа в Емаф до моря пустыни, по слову Господа Бога Израилева, которое Он изрек чрез Иону, сына Амафиина, пророка из Гафхефера...

На самом деле Гафхефер был не только в Галилее, но обычно его отождествляют с городом, который находился буквально в трех милях от Назарета.

Или же могло быть так (как иногда предполагается), что сам город Назарет имел плохую репутацию у большинства галилеян. Возможно, он считался городом глупцов, подобно Готаму (Gotham) в английских народных сказках. А возможно, такая репутация была особенно выраженной в родном городе Нафанаила — Кане, которая была достаточно близко к Назарету, чтобы допускать разновидность соседского соперничества, которое существует, скажем, между Миннеаполисом и Сан-Паулу или между Форт-Вортом и Далласом. Однако нет ничего конкретного, на чем бы основывалось такое мнение.

По-видимому, вероятнее всего это замечание относилось просто к тому факту, что иудеи не ожидали, что Мессия произойдет откуда-то не из Вифлеема. Кроме того, позже в Евангелии, где приводятся мнения обычных людей, категорически утверждается:

Ин., 7: 41—42. Другие говорили: это Христос. А иные говорили: разве из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид?

По-видимому, логично предположить, что Нафанаил, первый раз услышав, что Иисус из Назарета, высказал такое же сомнение. Евангелист не утруждает себя тем, чтобы развеять эти сомнения насчет рождения в Вифлееме. Возможно, он считал, что рождение в Вифлееме было чем-то таким, что интересовало только иудеев, а в его намерение входило придать Евангелию универсальное значение. Когда Нафанаил встречает Иисуса, его сомнения тут же развеиваются:

Ин., 1: 49. Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты — Сын Божий, Ты — Царь Израилев.

Употребляемое здесь слово «равви» означает «мой господин» или «мой учитель». Это как раз то уважительное обращение, которое используется по отношению к более знающему человеку. В теократическом обществе Иудеи это слово имело примерно такое же уважительное значение, как в нашем светском обществе — «профессор». Ранее в этой главе Иоанн переводит это слово. Когда первые два ученика приблизились к Иисусу:

Ин., 1: 38. Они сказали Ему: Равви, — что значит: «учитель», — где живешь?

В других Евангелиях к Иисусу обычно также обращались как к «Учителю». Таково обращение Петра к Иисусу при виде его преображения:

Мк., 9: 5. При сем Петр сказал Иисусу: Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии.

В таком же стихе у Матфея используется другой уважительный термин, с более мирским оттенком или, возможно, более подходящим для божества в глазах его учеников:

Мф., 17: 4. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии.

Еще одна форма обращения — «Раввуни», что означает «мой великий Учитель» или «мой Господь и Учитель». Ее употребляет Мария Магдалина в отношении воскресшего Иисуса:

Ин., 20: 16. ...Она, обратившись, говорит Ему: Раввуни! — что значит: «Учитель!»

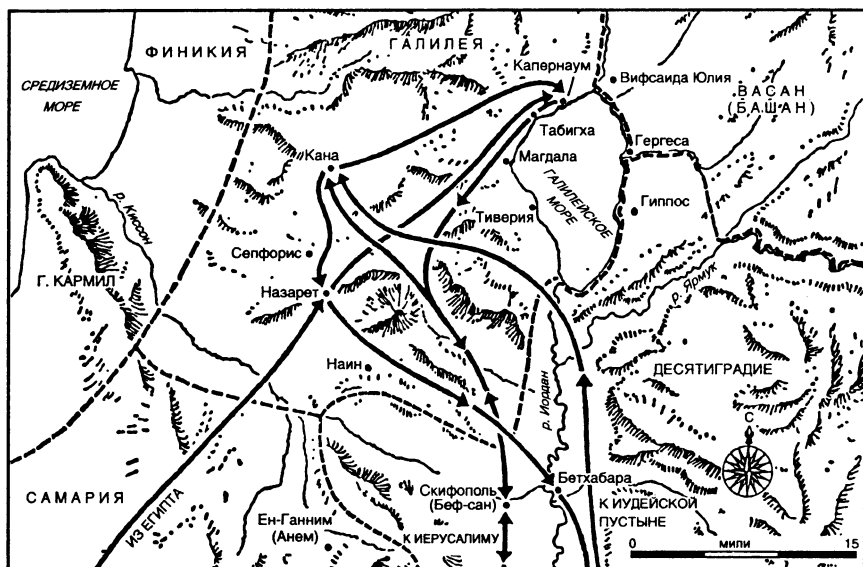
Кана

Как только Иисус вернулся в Галилею, он совершает свое первое чудо, которое описывается только в Евангелии от Иоанна. Оно происходит на свадебном празднике:

Ин., 2: 1—2. На третий день был брак в Кане Галилейской, и Мать Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак.

Кана, которая упоминается только в Евангелии от Иоанна, находится вблизи от Назарета. Обычно она отождествляется с местом примерно на четыре мили к северо-востоку от Назарета, хотя некоторые отдают предпочтение месту примерно в девяти милях к северу от него. Это тот город, жителем которого был Нафанаил.

Здесь интересно отметить, мало того что Иоанн не упоминает о непорочном зачатии и делает Иисуса сыном Иосифа без всяких оговорок, но он никогда не называет Марию по имени. Это единственное Евангелие, в котором не называется имя матери Иисуса; к ней обращаются только как к «Матери Иисуса».

Ранние странствия Христа

Мария появляется в легендах о рождении и детстве Иисуса в Евангелиях от Матфея и Луки. В одном случае о ней упоминают все три синоптических Евангелия. Это когда она и остальные члены семьи Иисуса пытаются увидеть Иисуса, когда он был окружен своими учениками, и он не пускает их. Вот и все.

Однако в Евангелии от Иоанна Мария играет несколько большую роль; и, что характерно, она знает миссию своего сына и его способность творить чудеса. Она сообщила Иисусу, что на празднике нет вина, и наставила слуг, чтобы они сделали все, что он скажет им. Затем Иисус превращает воду в вино (и, как заботливо объясняется в Евангелии, в очень хорошее вино).

Иудейская Пасха

В синоптических Евангелиях описывается только одно посещение Иисусом Иерусалима, и оно происходит на последней неделе его жизни, во время Пасхи.

Однако Иоанн описывает несколько посещений Иерусалима, включавших не менее трех Пасх. Первое посещение Пасхи было сразу после сотворения чуда превращения воды в вино.

Ин., 2: 13. *Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим...*

Иоанн относится к этому празднику как к «Пасхе Иудейской», так как его языческая аудитория нуждалась в определенном прилагательном, чтобы понять то, о чем говорится. Еще более дотошно он объясняет другие случаи посещения Иерусалима:

Ин., 6: 4. *Приближалась же Пасха, праздник Иудейский.*

Лука также пишет для языческой аудитории, и также вынужден объяснять:

Лк., 22: 1. *Приближался праздник опресноков, называемый Пасхою;*

С другой стороны, Матфей, писавший для иудеев, не испытывает никакой необходимости в объяснении:

Мф., 26: 2. *Вы знаете, что через два дня будет Пасха...*

Более важным моментом является то, что Иоанн пишет в то время, когда христианство стало почти полностью языческим и совершенно удаленным от иудаизма и в разладе с иудеями.

В синоптических Евангелиях именно фарисеи, саддукеи и книжники выступали против Иисуса в богословских спорах, сговорились против него и привели его к распятию. Именно они обвиняются, а не иудеи вообще, поскольку как раз из иудеев Иисус также отбирал себе учеников.

Однако Иоанн, по-видимому, считал, что различия идеологических партий для его аудитории были утрачены, и обычно ссылается на противников Иисуса просто как на «иудеев». Так, именно «иудеи», а не саддукеи Храма, описываются как вопрошающие Иоанна Крестителя:

Ин., 1: 19. *...Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты?*

И именно «иудеи», а не книжники и фарисеи спрашивали Иисуса во время первого посещения Иерусалима:

Ин., 2: 18. *На это Иудеи сказали: Ему в ответ: каким знаменем докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?*

Даже ученики Иисуса описываются как упоминающие противников Иисуса просто как «иудеев», как если бы сами они не были также иудеями. Так, когда Иисус собирался еще раз идти в Иудею:

Ин., 11: 8. Ученики сказали Ему: Равви! давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?

Затем также родители, чей сын был исцелен Иисусом, говорили, что не знают, как произошло исцеление, и его причина представлена Иоанном следующим образом:

Ин., 9: 22. Так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев; ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги.

Хотя сами родители были, конечно, иудеями.

Это общее отношение к иудеям в Евангелии от Иоанна, в то время как у синоптиков говорится об определенных партиях среди иудеев, в более поздние века способствовало пробуждению у христиан антипатии к иудеям. Это вызвало то распространённое свехупрощённое мнение, будто «иудеи убили Христа», как если бы все иудеи времен Иисуса были в одинаковой степени ответственны за это убийство и как если бы все ранние ученики Иисуса от Петра до Павла сами не были иудеями.

Разумеется, при случае Иоанн говорит об иудеях, которые последовали за Иисусом:

Ин., 8: 31. Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям...

Храм

В случае первого посещения Иерусалима Иоанн описывает, как Иисус изгоняет менял из Храма, помещая это событие в начале его миссии, а не в конце, как в синоптических Евангелиях. Те, кто отказываются допускать несообразности между Евангелиями, вынуждены заключить, что всего было два таких эпизода, один в начале, а другой — ближе к концу.

«Иудеи» (то есть саддукейские служители Храма), естественно, были расстроены этими поступками Иисуса и потребовали от него каких-нибудь доказательств того, что он действительно действует руководимый божественным вдохновением.

Ин., 2: 19. *Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его.*

В синоптических Евангелиях Иисус не делает подобного утверждения. Фактически даже совершенно наоборот. В Евангелиях от Марка и Матфея пишется, что подобное утверждение ложно приписывалось Иисусу как попытка осудить его как богохульника перед Каиафой.

Мк., 14: 57—58. *И некоторые, вставши, лжесвидетельствовали против Него и говорили: мы слышали, как Он говорил: «Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный».*

Затем, когда Иисус был на кресте, то другие насмехались над этим его утверждением:

Мк., 15: 29—30. *Проходящие злословили Его, кивая головами своими и говоря: э! разрушающий храм и в три дня созидающий! Спаси Себя Самого и сойди со креста.*

Но Иоанн принимает это высказывание Иисуса за истинное и интерпретирует его как намек на воскресение:

Ин., 2: 21. *А Он говорил о храме тела Своего.*

В связи с этим замечанием о Храме Иоанн упоминает о буквалистском возражении священников, возражении, которое было использовано для хронологических целей:

Ин., 2: 20. *На это сказали иудеи: «Сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его?»*

В действительности, строительство Второго храма было начато в 538 г. до н. э., в период царствования Кира Персидского, и завершено в 516 г. до н. э., в период царствования Дария, так что этому зданию было только двадцать два года.

Однако Ирод Великий в своей попытке приобрести благосклонность со стороны своих подданных начал широкое восстановление и расширение Храма, что стало фактически его строительством заново. Это восстановление было начато в 19 г. до н. э., и фактически оно не было завершено вплоть до 63 г., за три года до начала войны, которая должна была привести к окончательному разрушению этого же Храма. Храм восстанавливали восемьдесят два года.

Но предположим, что во время первого посещения Иисусом Пасхи в Иерусалиме это восстановление продолжалось уже сорок шесть лет и что священники говорили по сути следующее: «В то время как восстановление храма шло уже в течение сорока шести лет, ты здесь предлагаешь построить его на пустом месте за три дня!»

Если это так, то это посещение произошло в 27 г. Тогда следующие два посещения Пасхи, зафиксированные в Евангелии от Иоанна, были бы в 28-м и 29 г., и если последний из этих трех лет был бы годом распятия, то это согласовывалось бы с хронологией, приведенной в Евангелии от Луки с точки зрения царствования Тиберия.

Никодим

Достаточно странно, но в первом случае, в котором Иоанн называет фарисея, это именно тот фарисей, который сочувствует Иисусу (и тот, что в синоптических Евангелиях не упоминается):

Ин., 3: 1—2. Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских. Он пришел к Иисусу ночью и сказал Ему: Равви! Мы знаем, что Ты — Учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог.

Он задавал Иисусу вопросы и слушал ответы, которые не давались в форме притч, как в синоптических Евангелиях, а скорее в виде философского дискурса, за которым Никодиму показалось трудно уследить.

Очевидно, на Никодима утверждения Иисуса произвели впечатление, потому как позже, когда фарисеи собирались наказать Иисуса за богохульство, Никодим встал и настоял на справедливом суде, таким образом помешав на время замыслам противников Иисуса. (Это был тот Никодим, которого насмешливо спрашивали, а не был ли он также из Галилеи.)

После распятия Иисуса Никодим, согласно Евангелию от Иоанна, позаботился о теле Иисуса, вместе с Иосифом из Аримафеи, и позаботился о надлежащем погребении Иисуса. В раннехристианской традиции Никодим, как предполагается, станет христианином. Ему приписывается апокрифическое «Евангелие от Никодима». Оно повествует о суде и казни Иисуса, его сошествии в ад и воскресении.

Самария

Очевидно, успех Иисуса в привлечении последователей в Иудее привлек внимание фарисеев, и Иисус посчитал, что лучше вернуться в Галилею.

Ин., 4: 3—4. То оставил Иудею и пошел опять в Галилею. Надлежало же Ему проходить через Самарию.

В Евангелиях от Матфея и Марка, написанных для еврейской аудитории, Иисус изображен как разделяющий общеврейскую враждебность к самаритянам. Даже в Евангелии от Луки, написанном для язычников и с симпатией изображающем конкретных самаритян, указывается на то, что самаритяне обычно выступали против Иисуса.

Не так в Евангелии от Иоанна. В этом самом нееврейском из Евангелий Иисус изображен как свободно разговаривающий с самаритянкой (что шокировало его учеников) и как предлагающий спасение язычникам на том же основании, что и иудеям. Это соответствует тому тезису Иоанна, что Иисус пришел, чтобы спасти всех людей, а не одних иудеев. Если бы этот тезис не был столь явным, то его Евангелие было бы бесполезным для его аудитории.

С выгодной высоты своего исторического периода, через целое поколение после разрушения храма, Иоанн написал, что Иисус предсказал: религиозные обряды как самаритян (поклоняющихся на горе Герисим), так и иудеев (поклоняющихся на горе Сион) скоро не будут иметь никакого значения:

Ин., 4: 21. Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу;

Иисус спокойно объявляет себя Мессией, и самаритянка рассказывает об этом другим людям своего народа. Что характерно для Евангелия от Иоанна, самаритяне сразу верят в это и принимают Иисуса не как Мессию, посланного одним только иудеям, но и всему миру (еще одно соответствие точки зрения Иоанна и его аудитории).

Ин., 4: 40—42. И потому, когда пришли к Нему Самаряне, то просили Его побыть у них; и Он пробыл там два дня. И еще большее число уверовали по Его слову, а женщине той говорили: уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос.

Когда Иисус возвращается назад в Галилею, евангелист упоминает, как бы между прочим, известное высказывание Иисуса о том, что нет пророка в своем отечестве, а также, позже, снова как бы между прочим, говорит о неверии в Иисуса со стороны его близких родственников:

Ин., 7: 5. Ибо и братья Его не веровали в Него.

Однако Иоанн не включает сюда описание (которое есть во всех синоптических Евангелиях) того, как Иисусу не удалось произвести впечатление на жителей своего родного Назарета. Такая неудача не соответствовала бы портрету Иисуса, изображенному Иоанном.

Евреи

Затем произошла вторая поездка в Иерусалим, где Иисус исцелил увечного человека в день субботний и вступил в конфликт с консервативно настроенными иудеями из-за того, что нарушил день субботний. В последующем споре, описанном у Иоанна, Иисус подразумевает, что он Мессия, что приводит консервативно настроенных иудеев в ярость по поводу этого кажущегося богоульства.

Иисус снова благоразумно возвращается в Галилею и там примерно во время второй Пасхи совершает другие чудеса, в том числе насыщение тысяч людей пятью хлебами и двумя рыбами — единственное чудо, описанное во всех четырех Евангелиях.

На какое-то время Иисус остается в Галилее:

Ин., 7: 1. После сего Иисус ходил по Галилее, ибо по Иудее не хотел ходить, потому что Иудеи искали убить Его.

Выражение «евреи» используется в Библии короля Якова только три раза. Только один из этих случаев выпадает на Ветхий Завет, в весьма поздней Книге пророка Даниила, где вавилонский царь спрашивает Даниила:

*Дан. 5: 13. ...ты ли Даниил, один из пленных сынов Иудейских, которых отец мой, царь, привел из Иудеи?**

* В английской Библии используется архаическое слово «Jewгу», означающее «Иудея» или собирательное «евреи». (Примеч. пер.)

Второй случай обнаруживается в Евангелии от Луки, где Иисус обвинен перед Пилатом в подстрекательстве к мятежу:

Лк., 23: 5. Но они настаивали, говоря, что Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места.

Слово «евреи» — это архаический термин, означающий «Иудея», или собирательное «евреи», а в Исправленном стандартном переводе это слово переводится как «Иудея» в стихе из Книги пророка Даниила и как «евреи» в двух стихах из Евангелий.

Слово «Иудея» — географическое понятие, и во времена Иисуса Иудея была политически отличной от Галилеи. Враги Иисуса из числа священников были сильны в Иудее («евреи»), но не в Галилее, и Иисус был явно в большей безопасности в своей родной провинции.

Но если значение слова «Иудея» ясно, то слово «евреи», по-видимому, охватывает всю ту область, в которой живут евреи; некоторым образом это все равно что сказать «все евреи». Соедините его со следующей фразой «потому что Иудеи искали убить Его» (в синоптических Евангелиях было бы сказано: «потому что фарисеи искали убить его»), и получится впечатление злостной враждебности к Иисусу со стороны всех иудеев, что явно не так.

Авраам

Но Иисус вернулся в Иерусалим в третий раз, во время праздника Скинний, и его проповеди стали смелее, чем когда-либо раньше. Действительно, самыми простыми словами он наконец объявил, что он Мессия.

Ин., 8: 54. Иисус отвечал...

Ин., 8: 56—57. Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой: и увидел и возрадовался. На это сказали Ему Иудеи: Тебе нет еще пятидесяти лет, — и Ты видел Авраама?

Еврейским лидерам показалось, что богохульство достигло крайней точки, поскольку Иисус утверждал, что он не просто Мессия, а сам Бог. Намеренно Иисус использовал слова «Я есмь» в своем решающем ответе:

Ин., 8: 58. Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь».

Это восходит к объявлению Богом Моисею своего собственного имени:

Исх., 3: 14. Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий (Иегова). И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам.

Учитывая это обстоятельство, многие иудеи, должно быть, считали совершенно оправданным попытаться побить Иисуса камнями, так как побивание камнями было традиционным способом казни для богохульников:

Лев., 24: 16. И хулитель имени Господня должен умереть, камнями побьет его все общество. Пришлец ли, туземец ли станет хулить имя Господне, предан будет смерти.

Выводы насчет возраста Иисуса сделаны на основе комментария в том смысле, что Иисусу «нет еще пятидесяти лет», и некоторые предполагают, что в то время ему немного оставалось до пятидесяти лет. Можно даже доказать, что ему было сорок шесть лет, начиная с комментария Иоанна насчет того, что, когда Иисус говорил, что заново построит храм, он говорил о своем собственном теле. Поэтому, когда фарисеи сказали, что необходимо сорок шесть лет, чтобы построить храм, не могли ли они подразумевать, что Иисусу было сорок шесть лет? Трудно всерьез принять этот аргумент, однако несомненно, что даже если Иисус говорил о своем теле, то фарисеи говорили не об этом, и использовать их утверждение как основание для выведения возраста Иисуса — это все равно что спросить о беседе, которая, предположительно, происходила с перекрестными целями. По-видимому, намного естественнее принять очевидное утверждение Луки о том, что Иисусу, когда он начал свою миссию, было примерно тридцать лет.

Однако, если бы Иисусу в момент его смерти было сорок шесть лет и если распятие на кресте произошло в 29 г., как указывает Лука, то Христос, должно быть, родился в 17 г. до н. э. В этом нет ничего явно невозможного, за исключением того, что обоснование этого на комментариях высказывания «Тебе нет еще пятидесяти лет» дает очень зыбкую почву. Это выражение могло просто быть метафорическим способом сказать: «Ты еще не достиг возраста мудрости» или «Ты даже не старик», и это можно сказать о тридцатитрехлетнем еще в большей степени, чем о сорокашестилетнем.

Иисус продолжает высказывать заявления о своем мессианстве и божественности. В одном месте он говорит:

Ин., 10: 11. *Я есмь пастырь добрый...*

Это возвращает нас к отрывку из писаний пророка Иезекииля, в котором Бог осуждает греховность еврейских лидеров, которые метафорически описываются как злые пастыри:

Иез., 34: 2. *Сын человеческий! изреки пророчество на пастырей Израилевых... горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! не стадо ли должны пасти пастыри?*

Далее в Книге пророка Иезекииля Бог жертвует собой, чтобы стать пастырем, который спас бы его народ:

Иез., 34: 11. *...вот, Я Сам отыщу овец Моих и осмотрю их.*

Иез., 34: 12. *Как пастух поверяет стадо свое... так Я пересмотрю овец Моих...*

Затем, в речи о Мессианском царстве о Мессии говорится при помощи той же метафоры:

Иез., 34: 23. *И поставлю над ними одного пастыря, который будет пасти их, раба Моего Давида...*

Говоря о себе как добром пастыре, Иисус называет себя либо Мессией, либо Богом, либо и тем и другим. Если этот момент здесь не ясен, то немного позже он делает это решительно:

Ин., 10: 30. *Я и Отец — одно.*

И снова он едва избегает побивания камнями и удаляется в район реки Иордан.

Лазарь

Только серьезные вести теперь зовут Иисуса в Иудею в четвертый раз, когда приближалась третья и последняя Пасха в Евангелии от Иоанна. Некий его друг был серьезно болен.

Ин., 11: 1. *Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра ее.*

Ин., 11: 3. *Сестры послали сказать Ему: Господи! Вот, кого Ты любишь, болен.*

Этот Лазарь не упоминается нигде в синоптических Евангелиях, что странно для события, которое изображается Иоанном как кульминационный момент чудес Иисуса на земле. Однако если это действительно кульминационный момент, то почему об этом совершенно умалчивают другие Евангелия?

Некоторые говорили, что история с Лазарем — аллегорическая, предназначенная для того, чтобы показать конкретную силу учения Иисуса. По этой причине, как можно было бы доказать, Иоанн для этой цели просто позаимствовал свой материал. Имя Лазарь он мог взять у нищего в притче Луки, того, который попал на небо, в то время как богатый человек попал в ад.

Почему же нищий? Просто, когда богатый человек находится в аду, он упрашивает этого Лазаря послать его обратно на землю, чтобы он мог предупредить своих пять братьев об ожидающих их мучениях. Но Авраам отвечает с небес богатому человеку, что:

Лк., 16: 31. если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят.

Таким образом, существует связь между Лазарем-нищим и представлением воскресения из мертвых и рассказом в Евангелии от Иоанна о Лазаре из Вифании, который был воскрешен из мертвых Иисусом.

Есть рассказы о воскрешении из мертвых и в остальных Евангелиях. В Евангелии от Луки, например, есть рассказ о том, как Иисус воскресил из мертвых сына вдовы:

Лк., 7: 14—15. ...И, подойдя, прикоснулся к одру; несшие оставились, и Он сказал: юноша! тебе говорю, встань. Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить; и отдал его Иисус матери его.

Однако эта история в Евангелии от Луки рассказывается быстро и помещена примерно в начале проповеднической деятельности Иисуса. Она не более чем одна из многих историй о чудесах исцеления Иисусом.

Однако у Иоанна аналогичная история воскрешения из мертвых рассказывается в гораздо более драматических подробностях и помещена в конце жизненного пути Иисуса как кульминационный момент, вобравший в себя всю силу его чудес и самопроявления.

Когда Иисус пришел в Вифанию, Лазарь умер, был погребен и находился в могиле уже в течение нескольких дней. Иисус заставил отвалить камень, закрывавший вход в могилу.

Ин., 11: 43—44. Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет.

Есть и те, кто подозревает, что поскольку Лазарь назван тем, кого Иисус любил, то он и был не кем иным, как любимым учеником и автором четвертого Евангелия. Можно было бы доказать это на основе того, что Лазарь знал о событиях воскрешения из первых рук и включил их в свое повествование, в то время как другие евангелисты не включили.

Однако, по-видимому, это слабый аргумент для эпизода, который произошел перед народом и достиг такой известности, что стал последней каплей, заставившей фарисеев осудить и казнить Иисуса. Как синоптические Евангелия могли пропустить такое?

Канафа

Еврейские религиозные лидеры теперь ясно увидели, что если Иисуса не остановить, то стекавшиеся к нему после чуда с оживлением Лазаря станут неуправляемыми. Они боялись мятежа и последующей катастрофы:

Ин., 11: 48—50. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, — и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом. Один же из них, некто Канафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб.

Это заявление Канафы можно найти только в Евангелии от Иоанна, который использует его, чтобы приспособить к собственному замыслу. Он указывает на то, что Канафа, который был, в конце концов, первосвященником, невольно стал участником пророчества о том, что Иисус действительно погибнет ради того, чтобы спасение могло быть дано всем людям, а не только иудеям:

Ин., 11: 52. И не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать во едино.

Конечно, «рассеянные чада Божии» могли предположить, что Иоанн подразумевал иудеев, пребывающих за пределами Иудеи.

Однако в равной степени можно предположить, что это относится к язычникам, которые жили во всем мире и которые, приняв веру в Иисуса, станут «детьми Божиими» — духовными преемниками Авраама.

Если здесь и есть какое-то сомнение, то оно устраняется событием, кратко описанным позже. В то время как еврейские лидеры задумывают привести Иисуса к казни, к нему приходят первые языческие ученики:

Ин., 12: 20—21. Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Еллины; они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! Нам хочется видеть Иисуса.

Иногда слово «еллины» в английских переводах Библии означало иудеев из Египта или, в других местах, тех, для кого греческий язык — их родной. Однако оригинальный греческий язык Нового Завета использует слегка различные формы для того, чтобы различить между людьми еврейского происхождения, которые говорят на греческом, и людьми греческого происхождения, которые были обращены в иудаизм. В этом случае, по-видимому, имелись в виду люди греческого происхождения — обращенные язычники.

И они стремятся увидеть Иисуса. В изображенной Иоанном картине событий язычники начинают обращаться к Иисусу точно так же, как иудеи все больше начинают отворачиваться от него. И именно этот решающий поворот отмечает для Иисуса время смерти и воскресения. Ученики приносят ему весть о том, что его хотят увидеть греки:

Ин., 12: 23. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому.

Таким образом, Иоанн явно указывает на то, что развитие христианства направлено к язычникам и от иудеев, что и является темой всего его Евангелия, фактически с того самого гимна, с которого оно начинается:

Ин., 1: 11—12. Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими...

И это, разумеется, именно то, что хотела услышать аудитория Иоанна.

Утешитель

Иоанн описывает триумфальный вход в Иерусалим, хотя этот отрывок не столь убедителен, как в синоптических Евангелиях, где это, по-видимому, единственный вход.

Однако Иоанн не описывает Тайную вечерю в последнюю ночь Иисуса или молитву в Гефсимании. Он не пишет, что Иисус просил, чтобы «чаша сия» миновала его. Это не соответствовало бы божественному Иисусу, изображенному Иоанном. Действительно, Иоанн намеренно пишет, что Иисус говорит так, что, по-видимому, противоречит соответствующему отрывку из синоптического Евангелия:

Ин., 12: 27. Душа Моя теперь возмущилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел.

Иисус омывает ноги своих учеников (в качестве урока смирения, не обнаруживаемого в синоптических Евангелиях) и затем продолжает вести философские беседы. В ходе этих бесед он делает утверждения, которые у ранних христиан вызывают мысли о неизбежном втором пришествии. Так, он сообщает им о своей предстоящей смерти:

Ин., 14: 2—3. В доме Отца Моего обителей много; А если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам». И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я.

Это можно было бы интерпретировать как означающее, что он придет невидимым к каждому ученику, когда этот ученик будет лежать на смертном одре, чтобы привести его в подготовленное для него место на небе. Однако есть, конечно, тенденция предполагать, что это (и другие стихи в Евангелии) подразумевало возвращение Христа в славе, и это также не отсрочивалось надолго. Это пришествие должно было осуществить те же цели, которые, как верили иудеи, будут осуществлены Мессией.

Иисус дает еще одно обещание:

Ин., 14: 16—17. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины...

Это обычно интерпретируется как означающее, что христиане будут руководствоваться Духом святым, как только Иисус будет взят у них, и что этот Дух утешит их и будет вести их в верном направлении.

Однако среди ранних христиан не было недостатка в тех, кто персонифицировал Утешителя (или «Параклета», как это слово звучит по-гречески). Им казалось, что Иисус обещал приход нового и более позднего Мессии, который примет вид человека, так же как Моисей, как считается, пророчил приход Иисуса в своем упоминании о Пророке.

Так, примерно в 160 г. (примерно через полвека после того, как было написано Евангелие от Иоанна) некий христианин из Малой Азии по имени Монтан утверждал, что он воплощение Утешителя.

Монтан был отвергнут христианскими священниками как лже-мессия, так же как Иисус был отвергнут еврейскими первосвященниками. И точно так же, как Иисус медленно собирал учеников, число которых выросло после его смерти, так же было и с Монтаном. Секта монтанистов, пуританских в своей доктрине, особенно была сильна в Карфагене и его окрестностях, и среди них был Тертуллиан — первый важный христианский лидер, который мог писать на латыни.

Однако христианство стало более широко распространенным, чем иудаизм во времена Иисуса, и христианство не ослабело после катастрофы, аналогичной разрушению Иудеи римлянами. Следовательно, монтанисты удерживались под контролем. Кроме того, они ожидали своего рода неизбежного второго пришествия, а поскольку этого не происходило, их движение постепенно приходило в упадок. Однако некоторые продолжали существовать вплоть до мусульманского завоевания севера Африки в VII в., которое полностью стерло христианство в этом регионе.

Пилат

История ареста Иисуса и суда над ним в Евангелии от Иоанна в сущности та же, что и в синоптических Евангелиях, но с важным изменением в атмосфере происходящего. Божественный Иисус, изображаемый Иоанном, ни в коем случае не немой и страдающий раб, изображенный Второ-Исайей и синоптическими Евангелиями. Вместо этого Иисус совершенно хладнокровен и всегда контролирует события. Он осознанно идет к своей смерти.

Так, он смело встречает лицом к лицу тех, кто пришел арестовать его, и спокойно объявляет о себе еще до того, как у Иуды появляется возможность указать на него. И когда Пилат спрашивает у него, является ли он Царем Иудейским, Иисус в свою очередь вопрошает Пилата и без труда доминирует в этом обмене фразами:

Ин., 18: 34—35. Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал?

Так Пилат явно был вынужден признать, что он ничего не знает о деле и что он является просто выразителем интересов еврейских первосвященников. Таким образом, Иоанн, писавший для своей языческой аудитории, делает больше, чем автор любого из синоптических Евангелий (даже Лука), чтобы снять вину за распятие Иисуса с язычников и перенести ее на евреев.

Еще нагляднее это было сделано на более позднем этапе суда, когда Пилат снова задает вопросы Иисусу. Теперь Иисус молчит, и Пилат в отчаянии говорит:

Ин., 19: 10—11. ...мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе.

Другими словами, Пилат снова изображен как марионетка, который может делать только то, что он должен делать, в соответствии с римским законом (или с волей Божьей). В любом случае, так как он не обучен Священному Писанию, так как он ничего не знает о Мессии и так как он не слышал проповеди Иисуса, он не мог знать того, что он делает. Великий грех лежит на тех, кто знает Священное Писание, знает о Мессии и слышал об учении Иисуса и, тем не менее, отдал Иисуса на беспощадные жернова римского закона. Выражение «более греха на том, кто предал Меня» подразумевает единственное число и может указывать на первосвященника Каиафу (хотя некоторые предполагают, что имелся в виду Иуда Искарот или даже Сатана).

Если считать, что это выражение относится к Каиафе, то тогда именно еврейская власть, а не римская по-настоящему ответственна за распятие.

Чтобы еще более подчеркнуть это, Иоанн показывает, что Пилат уступил первосвященникам только после политических угроз, которых нет в синоптических Евангелиях, но которые языческая аудитория Иоанна полностью поняла бы:

Ин., 19: 12. ...Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю.

Другими словами, первосвященники были готовы обвинить Пилата в измене, если он оправдает Иисуса. Обвинение в измене во времена подозрительного императора Тиберия часто было равносильно убеждению.

Первосвященники, националистически настроенные иудеи насмешливо представляют Иисуса толпе как мессианского царя:

Ин., 19: 15. ...Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря.

Таким образом, они изображаются как целиком отвергающие мессианскую надежду и это, как тщательно выстраивает в повествовании Иоанн, полностью свидетельствует против них.

Копье

Версия Иоанна распятия на кресте во многих отношениях отличается от распятия, изображенного в синоптических Евангелиях. Иисус сам несет свой собственный крест. Никто не помогает ему. Унизительные аспекты распятия, в том числе осмеяние толпой, опущены. На месте распятия присутствует мать Иисуса Мария (хотя о ее присутствии не упоминается в остальных Евангелиях), а Иисус ведет себя достаточно хладнокровно и возлагает ответственность за дальнейшую судьбу матери на любимого ученика, который также присутствует там.

Иоанн, подобно Луке, опускает последний крик отчаяния. Такое отчаяние было бы немислимым в изображенном Иоанном психологическом портрете Иисуса. Вместо этого Иоанн описывает, что Иисус просто возвещает о завершении своей миссии:

Ин., 19: 30. ...Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух.

В Евангелии от Иоанна приводятся некоторые события, произошедшие после смерти Иисуса, которых нет в синоптических Евангелиях. Иоанн объясняет, что первосвященники хотели, чтобы распятых (Иисуса и двух разбойников) сняли с креста в тот же вечер, чтобы они не осквернили приближающуюся Пасху. По этой причине воинов посылают, чтобы они перебили ноги распятых, чтобы таким образом их можно было умертвить и снять.

Однако очевидно, Иисус умер скорее, чем ожидалось; действительно, достаточно скоро, так что один воин даже заподозрил, что Иисус мог притвориться мертвым:

Ин., 19: 33—34. *Но, пришедши к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода.*

Иоанн представляет эти подробности, чтобы подчеркнуть очень важный теологический пункт; очевидно, тот, который потом обсуждался некоторыми фракциями среди ранних христиан. Поэтому он решительно защищает истинность того, что он только что сказал:

Ин., 19: 35. *И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили.*

Затем Иоанн продолжает объяснять значение этого неистово защищаемого описания того, что ноги не были перебиты, а было сделано проткнувание копьем:

Ин., 19: 36. *Ибо сие произошло, да сбудется Писание: «кость Его да не сокрушится». Также и в другом месте Писание говорит: «воззрят на Того, Которого пронзили».*

Первая цитата взята из Псалтыря. В ней восхваляется забота Бога о тех, кто верит в него, имеется стих:

Пс., 33: 21. *Он [Господь] хранит все кости его [праведного]; ни одна из них не сокрушится.*

И позже в апокалиптических главах Книги Захарии сделана ссылка на какого-то неизвестного человека, с которым плохо обращались:

Зах., 12: 10. *...и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем...*

Беспокойство о том, чтобы события жизни Иисуса соответствовали различным высказываниям в Ветхом Завете, в действительности не характерно для Иоанна. Он не Матфей, и он не пишет для аудитории Матфея.

Эта ссылка должна пониматься шире. Иисус был распят во время праздника Пасхи, и в начале четвертого Евангелия Иоанн Креститель упомянул об Иисусе как об «агнце Божиим». Вот и получается связь агнца и Пасхи.

В наставлениях Бога Израилю в случае первой Пасхи накануне Исхода из Египта Моисею было сказано:

Исх., 12: 3. *Скажите всему обществу Израильтян: в десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам, по агнцу на семейство...*

Агнец должен быть пожертвован накануне Пасхи, а его кровью должны быть обмазаны дверные косяки:

Исх., 12: 13. *...и увижу кровь и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной...*

Далее в той же главе дается дальнейшее наставление:

Исх., 12: 46. *...и костей ее не сокрушайте.*

Это делается в соответствии с общим правилом, согласно которому все животные, пожертвованные Богу, должны быть в отличном состоянии и без пятен:

Втор., 17: 1. *Не приноси в жертву Господу, Богу твоему, вола, или овцы, на которой будет порок, или что-нибудь худое, ибо это мерзость для Господа, Бога твоего.*

Теперь аналогия Иоанна кажется ясной. Распятие Иисуса накануне Пасхи — это новая и великая жертва. Вместо незапятнанного агнца, всегда символа чистых и невинных, есть незапятнанный Агнец Божий, чистый и невинный Иисус. Кость Иисуса не должна быть сокрушена, но кровь Иисуса должна быть замечена в соответствии со стихами Исх., 12: 13 и 12: 46 соответственно. Следовательно, воины не сокрушали ноги Иисуса, а вызвали кровотечение, проткнув Иисуса копьём.

Можно доказать, что тот факт, что эта жертва была намного более великой — Иисус, а не обычный агнец, — указывал на то, что и цель была в равной степени более великой — все человечество, а не одни только иудеи. Это соответствовало замыслу Иоанна и объясняло манеру, в которой он настаивает на том, что его описание сцены с копьём было истинным.

Агнец иногда использовался как жертва за грех: жертва означала искупление греха и испытание грешника перед Богом:

Лев., 4: 27. *Если же кто из народа земли согрешит по ошибке...*

Лев., 4: 32. *А если из стада овец захочет он принести жертву за грех...*

Иисус — это незапятнанный Агнец, пожертвованный в качестве искупительной жертвы за все человечество, и это придает

дополнительное значение той манере, в которой Иоанн Креститель первый раз приветствует Иисуса (согласно четвертому Евангелию):

Ин., 1: 29. *...вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира...*

Фома

История воскресения рассказывается Иоанном подробнее, чем в любом из остальных Евангелий. (По-видимому, чем позднее Евангелие, тем более подробно рассказывается история воскресения.)

Самое подробное описание начальных сомнений апостолов приводится здесь в связи с Фомой:

Ин., 20: 24—25. *Фома же, один из двенадцати, называемый Близнаец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю.*

Желание Фомы было утолено, и он поверил в воскресение, но именно этот отрывок добавил в наш язык фразу «Фома неверующий», фразу, которая стала использоваться для любого отъявленного скептика.

Прозвище Близнаец, по-видимому, означало, что у Фомы должен был быть брат или сестра-близнец. В Библии не упоминается о каком-либо таком близнце, хотя вокруг этого и возникла легенда (некоторые даже утверждали, что Фома был братом-близнецом Иисуса).

Возможно, существенно то, что только Иоанн использует это прозвище. Фома — это просто Фома, когда о нем упоминают в синоптических Евангелиях. Возможно, слово «близнец» вообще не имеет материального смысла, а относится к тому, что Фома обладал «двойственным умом», то есть имел скептические наклонности. Тогда, возможно, «Фома, называемый Близнаец» — это просто способ сказать «Фома неверующий».

9. ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ

Феофил • Матфий • Пятидесятница • Языки • Парфяне и мидяне • Анания • Гамалиил • Стефан • Филипп • Симон маг • Кандакия • Савл из Тарса • Дамаск • Варнава • Иаков, брат Господень • Лидда • Корнелий • Антиохия • Кесарь Клавдий • Ирод Агриппа I • Кипр • Паф • Павел • Памфилия • Писидия • Ликаония • Атталия • Сила • Тимофей • Фригия и Галатия • Трояда • Македония • Филиппы • Лидия • Фессалоника • Верия • Афины • Эпикурейцы и стоики • Дионисий Ареопагит • Коринф • Акила • Галлион • Эфес • Аполлос • Диана Эфесская • Милет • Родос • Феликс • Антипатрида • Друзилла • Фест • Ирод Агриппа II • Мира • Крит • Мелит • Сиракузы • Ригия • Рим

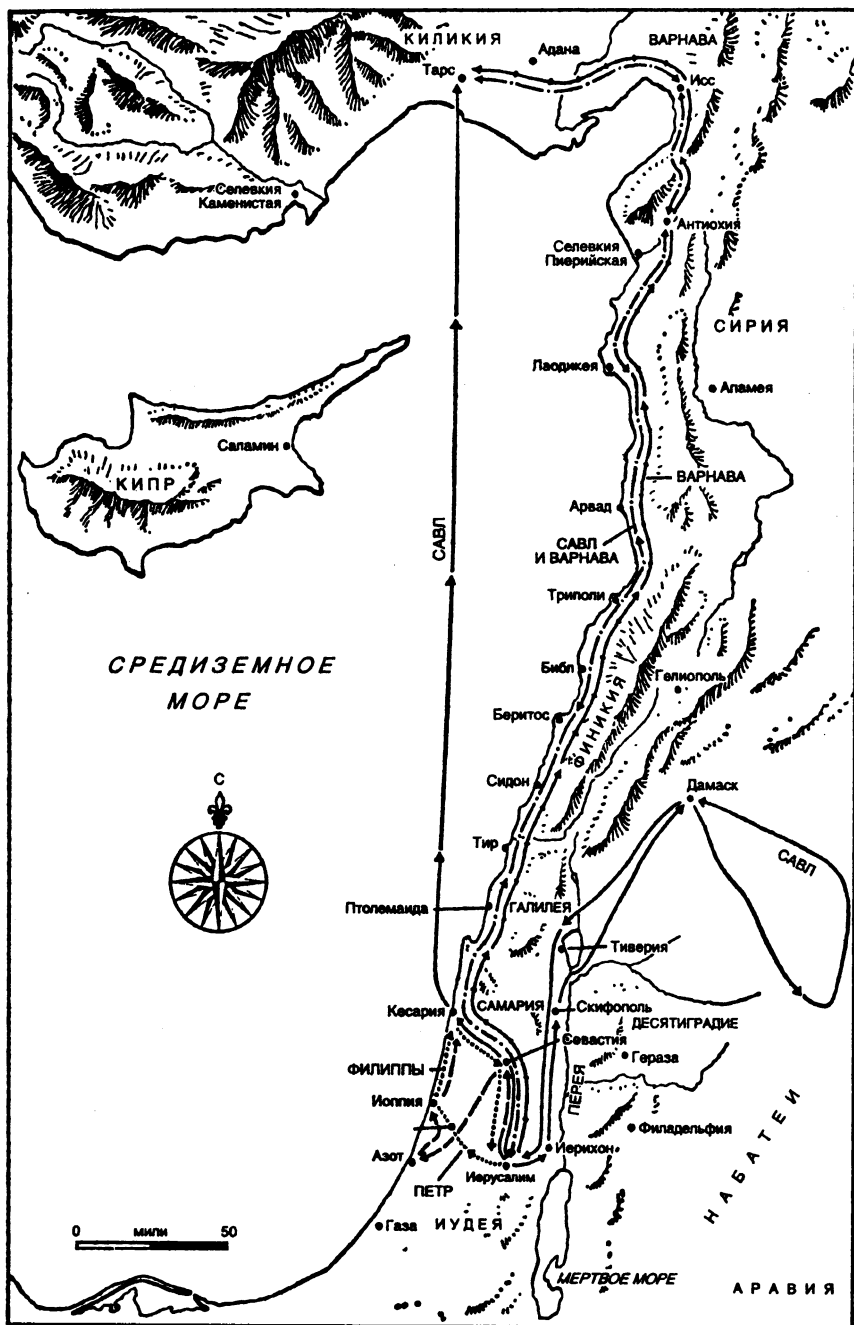
Феофил

Следующей после четырех Евангелий, четырех версий жизни Иисуса, в Библии идет книга, которая является главным образом простой историей и по этой причине особенно ценна.

Она связана с постепенным развитием христианства в течение того поколения, которое последовало за распятием Иисуса, — с началом в Иерусалиме и до его постепенно расширяющегося влияния, которое в конце концов достигает и самого Рима. Так, здесь указывается на устойчивый сдвиг христианства от его национальной еврейской основы вплоть до статуса всемирной языческой религии, и героем этого сдвига является апостол Павел.

Хотя вторая половина книги есть по существу биография Павла, в первой половине приводятся некоторые детали относительно остальных важных учеников, так что эта книга была справедливо названа Деяниями святых апостолов (а не, скажем, Книгой Павла).

Автором Деяний обычно считается тот же автор, что и третьего Евангелия. Книга Деяний начинается, например, с посвящения, подобного посвящению, с которого начинается третье Евангелие, и оно относится к более ранней книге:

Странствия апостолов

Деян., 1: 1—2. *Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся...*

Этой «первой книгой» считается третье Евангелие, и общепринято, что Лука написал это Евангелие и он также является автором Деяний. Безусловно, посвящение Феофилу мог добавить и более поздний автор, чтобы создать видимость, как если бы один и тот же автор написал третье Евангелие и Деяния, но тщательная проверка стиля и словаря этих двух книг, по-видимому, подтверждает теорию общего авторства.

Действительно, было бы удивительно, если бы Евангелие от Луки и Деяния могли первоначально составлять один отдельный трактат, который был разделен только тогда, когда было решено собрать различные канонические Евангелия в одну группу.

События, описываемые в Деяниях, заканчиваются как раз перед началом преследований христиан Нероном в 64 г., и некоторые предполагали, что примерно в это время и была написана книга. Другие предпочитали датировать ее только 100 г. Однако кажется весьма вероятным, что Деяния были написаны примерно в то же время, что и Евангелие от Луки, и, по-видимому, вполне подходящей датой для обеих книг является 80 г.

Никто не знает, где были написаны Деяния. Последние зафиксированные в них события происходят в Риме, так что эта книга могла быть написана там. Если она была написана примерно через пятнадцать лет после этих событий, то вполне возможно, она была составлена в другом месте. Некоторые предполагают Малую Азию и, в частности, город Эфес. В I в. в Эфесе христианская миссионерская работа была особенно успешной. Традиция считает, что другие книги Нового Завета были составлены там, особенно четвертое Евангелие.

Матфий

Когда начинаются события Деяний, воскресший Иисус все еще пребывает со своей небольшой группой учеников и дает им свои последние наставления в течение довольно длинного промежутка времени:

Деян., 1: 3. *Которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней...*

После этого Иисус был взят на небо (вознесение):

Деян., 1: 9. Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их.

Именно теперь ученикам предстояло продолжить свою собственную работу, и первым их деянием должно было стать восстановление внутреннего круга двенадцати, который был нарушен из-за отступничества Иуды Искариота. Перечисляются оставшиеся апостолы — это четвертый список апостолов в Новом Завете. Другие три находятся в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки соответственно; Иоанн не дает такого списка.

Деян., 1: 13. ...Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова.

Естественно, Иуда Искариот пропущен, но, если мы рассмотрим эти одиннадцать, мы обнаружим, что этот список включает в себя в точности те имена, которые перечислены у Луки, а не у Матфея и Марка. Из трех синоптических Евангелий только в Евангелии от Луки Иуда, брат Иакова, считается одним из двенадцати апостолов; только Лука идентифицирует Симона как Симона Зилота. Это — дополнительное доказательство в пользу той теории, что Деяния написал Лука, как и третье Евангелие.

Петр условился со всеми выбрать нового человека, чтобы он занял место Иуды Искариота, чтобы число человек внутреннего круга снова стало мистическое двенадцать, что соответствовало двенадцати коленам Израиля. Были выдвинуты двое: Иосиф Варсава и Матфий. Чтобы выбрать между ними, бросили жребий:

Деян., 1: 26. И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам.

Ни Иосиф Варсава, ни Матфий не упоминаются где-либо еще в Новом Завете.

Но эти двенадцать апостолов ни в коем случае не были единственными людьми, благодаря которым получило свое начало христианство. Кроме того, в те самые ранние дни христианства вместе собирались и другие последователи Христа:

Деян., 1: 15—16. И в те дни Петр, став посреди учеников... Было же собрание человек около ста двадцати...

Среди них в Деяниях перечисляются:

Деян., 1: 14. ...*Марию, Материю Иисуса, и с братьями Его.*

Это — последний случай упоминания Марии в Новом Завете. Лука, вместе с авторами других синоптических Евангелий, сделал запись о том, как она и братья Иисуса безуспешно пытались увидеть Иисуса, и больше о ней не упоминается. (Ее появление в момент распятия можно обнаружить только в Евангелии от Иоанна.) Однако если принять свидетельство Деяний, то она присоединилась к христианской общине после смерти ее сына, несмотря на ее сомнения в Иисусе при жизни.

Пятидесятница

После Вознесения приближался второй из трех великих праздников урожая иудаизма. Это был праздник, который на еврейском языке назывался Хаг га-Шавуот («праздник Седмиц») или просто Шавуот. Значение этого названия является результатом способа определения времени его соблюдения. Это определение основывалось на Пасхе, первом празднике урожая:

Лев., 23: 15—16. *Отсчитайте себе от первого дня после праздника, от того дня, в который приносите сноп потрясания, семь полных недель, до первого дня после седьмой недели отсчитайте пятьдесят дней, и тогда принесите новое хлебное приношение Господу...*

Другими словами, Шавуот наступает через семь недель и один день после дня субботнего Пасхи, и поэтому он называется «праздником Седмиц». Его греческое название относится к количеству дней — «Пятидесятница», что происходит от греческого слова, означающего «пятидесятый», так как праздник наступает на пятидесятый день после Пасхи. Во Второй книге Маккавеев этот праздник упоминается с обоими названиями:

2 Мак., 12: 31—32. *...они отправились в Иерусалим, потому что приближался праздник седмиц. После праздника, называемого Пятидесятницею, пошли они...*

Так как в Деяниях описывается, что вознесение происходит через сорок дней после воскресения, которое, в свою очередь,

произошло через день после дня субботнего Пасхи, Пятидесятница, должно быть, наступила через десять дней после вознесения.

Двенадцать апостолов, еще полностью евреи по воспитанию и религиозности, приготовились праздновать этот праздник:

Деян., 2: 1. При наступлении дня Пятидесятницы все они [апостолы] были единомысленно вместе.

Из-за того что последующие события прились на Пятидесятницу, она осталась важным днем в христианском календаре и празднуется в седьмое воскресенье после Пасхи.

Языки

Апостолы, собравшиеся для того, чтобы праздновать Пятидесятницу, были охвачены религиозным экстазом, который они приписывали вхождению в них Духа Святого — явление, обещанное им Иисусом как раз перед вознесением, как в Деяниях цитируются слова Иисуса:

Деян., 1: 5. ...а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым.

Явление Духа Святого в Пятидесятницу приняло форму экстатических восклицаний:

Деян., 2: 4. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать.

Произнесение несвязных звуков под влиянием религиозного экстаза — это эффект, распространенный во многих религиях. Например, священнослужительница Аполлона в Дельфийском храме Пифия под влиянием наркотических листьев, которые она жевала, и газов, которые выходили из вулканического жерла, также произносила несвязные фразы. Затем они интерпретировались священниками таким образом, что это давало наставления, столь ценимые греками.

Этот «дар языков», или, по-гречески, «глоссолоалия», был общей чертой экстатических приступов пророков, что было характерно для религиозных методов израильтян в период судей и царей. Фактически такая экстатическая и несвязная речь была тем, что обычно подразумевается под термином «пророчество»

в ранних книгах Библии. Возможно, наиболее известным случаем является случай Саула, который при встрече с группой пророков заразился их пылом (религиозный экстаз заразителен) и присоединился к ним:

1 Цар., 10: 10. *Когда пришли они к холму, вот встречается им сонм пророков, и сошел на него Дух Божий, и он пророчествовал среди них.*

«Дар языков» не был только древним явлением. В наше время в эмоционально насыщенных собраниях некоторых христианских сект обычны экстатические события другого рода. Так, например, секта «трясунов», которая в XIX в. в Америке достигла некоторой известности, но почти исчезнувшая сегодня, называлась так потому, что во время своих молитв они часто входили в состояние конвульсий и тряслись, одновременно бессвязно молясь. Секты, в которых частыми бывают явления «дара языков», часто упоминаются как «Церкви Пятидесятницы» из-за того, что это событие во время празднования апостольской Пятидесятницы дало им библейское обоснование.

Парфяне и мидяне

Повествование в Деяниях привносит в это описание «языков», на которых говорили апостолы, чудесное, поскольку объявляется, что их фразы были понятны всем, кто слышал их, говоривших на родных языках окружавших слушателей. Там же описана аудитория:

Деян., 2: 5. *В Иерусалиме же находились иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом.*

Деян., 2: 9—11. *Парфяне, и Мидяне, и Еламнты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты, Критяне и Аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?*

Этот список народов символизирует главным образом систематическое распространение учения с востока на запад. Сначала провинции Парфянской империи (тогда находившейся на вершине своего могущества), границы которой находились недалеко от восточной части Иудеи. Парфяне, которые были правящим народом в империи, занимали в качестве своей родной

провинции северо-восточную часть современного Ирана, провинции, находящейся строго к юго-востоку от Каспийского моря.

Сразу к западу от Парфии была Мидия, а к югу от Мидии была Сузиана, древний Элам. К западу от Мидии и Элама была Месопотамия, древняя Вавилония. Эти различные провинции образовывали основные части Парфянской империи, и это перечисление привело к самой Иудее. Перечисление стран в списке движется на запад в Малую Азию, где названы пять различных регионов: Каппадокию и Понт можно обнаружить в восточной части этого полуострова, в то время как Азия, Фригия и Памфилия находятся в его западной части.

Азия — это термин, который в современном словоупотреблении применяется ко всему обширному континенту, частью которого является Малая Азия. Однако во времена Римской империи провинция Азия упоминалась только как западная треть полуострова, область, которая однажды была царством Пергам. Во всей Книге Деяний слово «Азия» должно пониматься в этом смысле. Что касается Фригии, то однажды, на несколько столетий ранее, это было независимое царство, но теперь это было просто название, данное внутренним частям Малой Азии.

Во время апостольской Пятидесятницы все области Малой Азии, кроме Понта, были частями Римской империи. Понт в течение еще одного поколения оставался в номинальной независимости под властью марионеточного царя. Однако в 63 г. Нерон сделал Понт непосредственно римской провинцией.

После упоминания регионов Малой Азии, находящихся к северо-западу от Иудеи, перечисление смещается на юго-запад, в Египет и Киринею, а затем на далекий запад — в Рим. Крит и Аравия, по-видимому, были добавлены задним числом.

Можно было бы доказать, что, по мере того как этот список удлиняется, как бы делая чрезвычайно внушительным то, каким образом апостолы заговорят на языке «всякого народа под небом», список становится не столь внушительным, как это кажется.

Во времена Римской империи греческий язык был широко распространен повсюду. Иудеи, живущие в этих областях, знали греческий. Например, иудеи в Александрии говорили на греческом, а не египетском. Иудеи из Каппадокии, Понта, Азии, Фригии, Памфилии, Египта, Киринеи, Крита и Рима также говорили на греческом. Возможно, в парфянских провинциях говорили на арамейском, который был языком торговли в областях к востоку от грекоязычных областей и который был родным

языком самих иудеев. Короче говоря, если апостолы в дополнение к своему родному арамейскому знали по крайней мере в какой-то степени греческий (а в те времена, весьма вероятно, так оно и было) и если во время экстаза они произносили фразы на обоих языках, то все те, кто из разных перечисленных народов слышал их, что-нибудь да понимали. И таким образом, это описание можно воспринимать без необходимости какого-либо чуда.

Как бы то ни было, конечно, верящие христиане воспринимают это событие как чудесное. Если мы примем описание, данное в Деяниях, так как многие были обращены в веру в Иисуса как Мессию после речи Петра:

Деян., 2: 41. Итак охотно принявшие слово его [Петра] крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч.

Анания

В раннехристианском сообществе была принята коммунистическая форма собственности:

Деян., 4: 32. ...и никто ничего из имущества своего не называл своим, но все у них было общее.

Деян., 4: 34—35. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду.

Эта идиллическая картина единения и бескорыстия не была, однако, без недостатков. Очевидно, были такие случаи, когда некоторые люди утаивали хотя бы немного денег из общего фонда, но говорили, что давали все целиком.

Деян., 5: 1—2. Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфиною, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов.

Петр заметил обман и упрекал сначала Ананию, а затем Сапфиру, обвиняя их во лжи. Будучи обвиненными, они упали замертво, и имя Анания до сих пор в разговорной речи используется как прилагаемое к любому лжецу.

Интересное совпадение заключается в том, что из четырнадцати лиц с этим именем, упомянутых в Ветхом Завете, самым

значительным является один из лжепророков. Во времена Иеремии пророк Анания предсказал быстрое освобождение иудеев из вавилонского плена. Иеремия передал слова Бога, который угрожал Анании смертью за ложь:

Иер., 28: 17. И умер пророк Анания в том же году, в седьмом месяце.

Гамалиил

То, что христиане выжили и распространили свое влияние под руководством Петра, произошло благодаря, по крайней мере частично, расколу среди еврейских сект. Аристократические саддукеи, проримские и оппозиционно настроенные в отношении всего, что могло вызвать политические или социальные волнения, с тревогой взирали на деятельность апостолов. Религиозный энтузиазм, который они пробудили в массах, и атмосфера деятельного возрождения казались им наиболее опасными.

Деян., 5: 17. Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти...

Была сделана не одна попытка заключить апостолов в тюрьму, особенно их руководителя Петра, и даже осудить их на смерть.

Однако саддукеям противостояли фарисеи. Почти во всех отношениях религиозные взгляды ранних христиан были взглядами фарисеев. Великая разделительная линия в то время состояла в основном в том факте, что христиане верили в Иисуса как Мессию, а фарисеи — нет. Вполне вероятно, что многие из фарисеев того времени считали, что эта вера в Иисуса была отклонением, которое вскоре исчезнет. Гораздо большую опасность в иудаизме, по их мнению, представляла саддукейская секта, с которой фарисеи ожесточенно враждовали в течение примерно полутора веков.

В защиту апостолов от управляемого саддукеями совета выступил лидер фарисеев:

Деян., 5: 34. Встав же в синагоге, некто фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом...

Гамалиил был внуком Гиллея и продолжил учение о смирении своего известного деда. Гамалиил указывал на то, что в

недавние десятилетия были другие вожди народных восстаний, последователи которых были полны мессианскими чаяниями, и никто из них не спасся:

Деян., 5: 36—37. Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались.

Гамалиил указал на то, что христиане также исчезнут, если их вера в Иисуса ложна, так что совету нет необходимости предпринимать какие-либо действия, больше, чем они уже сделали в предшествующих случаях. А если христианская вера действительно была боговдохновенной, то любые действия против них со стороны совета будут не только бесполезными, но и опасными.

Совет согласился, и апостолам позволили продолжить свою деятельность. Однако между христианами и фарисеями не было никакого постоянного союза. Непреодолимой была проблема мессианства Иисуса.

Гамалиил возглавлял фарисеев вплоть до своей смерти в 52 г. Многие его потомки продолжали возглавлять еврейское сообщество в Иудее и после того, как Рим уничтожил всю еврейскую политическую власть. Последним из этого рода был Гамалиил VI, который умер примерно в 425 г.

Стефан

Рост христианской общины неизбежно привел к проблемам, и с самого начала образовались две партии.

Одна партия состояла из иудеев Иудеи и Галилеи, языком которых был арамейский и которые продолжали соблюдать традиционные религиозные еврейские обычаи. Другая партия состояла из иудеев, живущих за пределами Иудеи и Галилеи и языком которых был греческий как в их повседневной жизни, так и в их религиозных обрядах. Эти две партии можно различать на основе языка, на котором они поклонялись, и они упомянуты в Деяниях как евреи и греки соответственно.

Понятно, что эти две группы должны были недопонимать друг друга. Еврейская партия не могла не считать, что надлежащим для молитв был древний священный еврейский язык и что святая земля Израиля была для этого надлежащим местом.

Естественно, греки для них выглядели как чужаки, наполовину испорченные язычниками, говорящие на языческом языке и терпимые к языческим обычаям. С другой стороны, греческая партия больше знала об огромном внешнем мире, смотрела на евреев как на отсталых провинциалов, узкое мировоззрение которых было неподходящим для решения стоящих перед ними задач.

Деян., 6: 1. В эти дни, когда умножились ученики, произошел у еллинистов ропот на евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей.

Другими словами, греки заявили, что они не получали справедливую долю от дохода сообщества. Так как двенадцать апостолов были полностью из еврейской группы, для этой жалобы были основания.

Если бы апостолы отвергли эти возражения и заняли бы строго еврейскую позицию, греки могли отпасть, и тогда христианство могло угаснуть.

Однако апостолы не сделали этого. В своем решении, которое, как можно заметить задним числом, было по-государственному взвешенным, они предложили грекам особое представительство в христианской общине, позволив им выбрать семь руководителей, которые позаботились бы о справедливом обращении с ними:

Деян., 6: 5. И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников;

Возглавил греческую семерку Стефан, и он сразу начал проявлять активность в миссионерской деятельности среди своих греческих соотечественников. Здесь он встретился с большой оппозицией:

Деян., 6: 9. Некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Кирийцев и Александрийцев и некоторые из Киликии и Азии вступили в спор со Стефаном...

В то время как храм был единственным молитвенным домом в Иерусалиме, имелось множество синагог, в которых иудеи могли собраться, чтобы обсудить Закон, обсудить различные его пункты и, возможно, заняться своими социальными делами. Возможно, это, в сущности, не слишком отличалось от современных клубов.

Естественно, можно было бы ожидать, что иудеи с общим воспитанием будут собираться в какой-то конкретной синагоге. Греки чувствовали бы себя с теми, кто говорит по-гречески. Действительно, могло быть так, что жители Киликии или Азии, говорящие по-гречески с малоазиатским акцентом, были бы чаще с одними, в то время как жители Кириanei и Александрии, говорящие с африканским акцентом, были бы чаще с другими. (Киликия, ранее не упомянутая в Библии, — это область, занимающая восточную половину южного побережья Малой Азии.)

Неясно, представляла ли «синагога Либертинцев» еще и третью группу, или же она была для тех, к кому (как это видно из Иерусалимской Библии) принадлежали иудеи из Кириanei и Александрии.

Слово «либертинцы» в современном английском языке относится к тем, кто доводит свободу до распушенности и не позволяет никаким запретам ограничивать их необузданные желания. Мы, как правило, думаем о либертинцах как о грешниках и распутниках, и поэтому, вполне вероятно, именно такие люди и выступали против Стефана.

Однако слово «либертинец» имеет и более раннее значение; оно применялось к человеку, который был поработан, но был освобожден, тот, кого в наше время обычно называют «вольноотпущенником». И действительно, в Исправленном стандартном переводе упоминается о «синагоге вольноотпущенников», а не синагоге распутников.

Думается, такая синагога могла состоять из потомков тех иудеев, которые взяли под стражу Помпея, когда тот столетие назад осадил и занял Иерусалим и кто позже был освобожден. Они или их потомки, возможно, построили свои дома в Кириanei и Александрии, самых крупных и процветающих еврейских центрах во всем греческом мире, и, возможно, это дало название синагоге иудеев Африки.

Стефан был приведен в совет по обвинению в богохульстве, и в свою защиту он рассказал древнюю историю иудеев времен Моисея, подчеркивая то, как люди в каждом веке отвергали пророков — даже самого Моисея, — и закончил гневным протестом:

Деян., 7: 51—52. Жестоковейные! Люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши?..

Такая защита едва ли могла покорить его аудиторию, и, в довершение, Стефан затем совершил то, что с точки зрения его аудитории казалось явным богохульством. Он фактически по-

вторил утверждение Иисуса в подобных обстоятельствах. Иисус сказал:

Мф., 26: 64. ...отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных.

Это относилось к утверждению из Книги Даниила, которое было принято как мессианское.

И Стефан сказал:

Деян., 7: 56. вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога.

Стефан был вскоре осужден на смерть через побивание камнями, и этот приговор был выполнен.

Возможно, это событие произошло в 51 г., через два года после распятия Иисуса, и, таким образом, Стефан стал первым христианским мучеником. И этот первый человек, умерший за новую веру, в которой утверждалось, что Иисус — Мессия, предсказанной пророками Ветхого Завета, был из греческой партии. Маятник начал свое колебание.

Филипп

Смерть Стефана сопровождалась энергичными действиями против христиан в Иерусалиме. Многие ради своей безопасности вынуждены были уехать. Среди них был Филипп, второй из семи руководителей греческой партии. (Он — единственный, кроме Стефана, о ком Библия говорит нечто большее, чем просто включение его в список семи.)

Упомянутый здесь Филипп — это второй из двух известных Филиппов Нового Завета. Первый — это апостол Филипп, галилеянин и поэтому принадлежащий к еврейской партии. Его упоминают во всех четырех списках апостолов, включая список в первой главе Деяний. Кроме этих списков, он не появляется в синоптических Евангелиях или Деяниях, но участвует в нескольких эпизодах в Евангелии от Иоанна.

Второй Филипп, фигурирующий в Деяниях, назван Филиппом-благовестником, потому что он проповедовал Евангелие за пределами Иудеи и убеждал обратиться в новую веру. Так, сразу после побивания камнями Стефана:

Деян., 8: 5. Так Филипп пришел в город Самарийский и проповедывал им Христа;

Если этот стих относится к городу Самарии, который был столицей северного царства Израиль, то еще восемь столетий до этого этот город больше не существовал. Он был разрушен ассирийцами и после этого влачил свое существование как небольшая и запущенная деревня, пока она не была наконец восстановлена Иродом Великим. Он дал ей название Севастия (Sebaste), греческое слово, означающее «уважаемый» и считающееся эквивалентом латинского «Август», так что этот город был назван в честь императора Августа.

Тем не менее, в действительности маловероятно, чтобы Филипп отправился в Севастии. В Исправленном стандартном переводе этот стих переводится как «Филипп пришел в город Самарийский», другими словами, в некоторый неназванный самаритянский город.

Очевидно, последователи Иисуса к настоящему времени стали считаться еврейскими властями такими еретиками, что они обнаруживали некоторое родство с другими еретиками — самаритянами. Ситуация была уже не такой, как при жизни Иисуса (описанной в Евангелиях), когда любой приход к самаритянам со стороны Иисуса был поводом для удивления и даже неодобрения со стороны его учеников.

Теперь, когда Филипп начал активно обращать самаритян в христианство, Петр и Иоанн пошли в Самарию, без очевидных колебаний, чтобы завершить обращение и сделать его официальным:

Деян., 8: 17. *Тогда возложили руки на них [обращенных самаритян], и они приняли Духа Святаго.*

Таким образом, самаритяне были приняты как христиане в самом полном смысле, на уровне полного равенства с христианами ортодоксального еврейского происхождения. Это был важный шаг в развитии христианства из его еврейских «пеленок».

Симон маг

Во время прибытия Филиппа самаритяне уже были увлечены другим лидером:

Деян., 8: 9. *Находился же в городе некоторый муж, именем Симон, который перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого.*

Из-за этого стиха этот человек обычно идентифицируется как Симон маг (в отличие от Симона Петра). Мы могли бы предположить, что он был целителем, много проповедующим, как делали и апостолы. Такую деятельность друзья всегда называют боговдохновенной, а противники — колдовством. (Фарисеи обвинили бы Иисуса в колдовстве, и, если бы их точка зрения победила, и его, очевидно, могли понизить в истории до Иисуса мага.)

Сам Симон маг был обращен в христианство и крещен Филиппом. Когда Петр и Иоанн прибыли в Самарию как признанные власти, на основании своего апостольского чина, чтобы сделать такое обращение официальным, Симон попытался получить равные с ними права и почести. Возможно, он считал, что как полномочный апостольский представитель в Самарии он мог продолжать свою прежнюю деятельность под новым названием и сохранить всю мирскую власть и престиж, которые были ему даны. Поэтому он предложил купить это право:

Деян., 8: 18—19. Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго.

В конце концов, это не было чем-то необычным — покупать религиозную должность. Первосвященство в Иерусалиме покупалось и продавалось во времена Селевкидов и во времена римлян; и эта практика была, несомненно, общепринятой во всех религиях.

Но в этом случае Петр резко осудил Симона. Тем не менее, практика купли-продажи религиозной должности известна в истории христианства, и благодаря этому отрывку эта практика получила особое название «симония» (от «Симон маг»).

Библия больше ничего не говорит о Симоне маге, но он в значительной степени фигурирует в историях, рассказанных раннехристианскими авторами. Он, как предполагается, выпал из основного русла христианства, основал христианский гностицизм, продолжал использовать магию и выступал против Петра и Павла, в более поздние годы его магические манипуляции привели к губельным для него последствиям.

Еретическая секта симониан, которая просуществовала в течение примерно двух столетий, восходила к Симону магу. Мы располагаем только сочинениями ранних христиан, свидетельствующих о симонианской вере, и, как и можно было предположить, эти свидетельства, разумеется, неблагоприятны к ней.

Кандакия

Посчитав, что нужно завершить выполнение своей задачи в Самарии, Филипп отправился на юг в Газу, которая во времена Давида была одним из пяти главных городов филистимлян. Там он встретил незнакомца из далекой страны:

Деян., 8: 27. Он встал и пошел. И вот, муж эфиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклонения...

Название Эфиопия было дано греками земле, протянувшейся вдоль Нила, сразу к югу от Египта, за первым порогом реки. Это название применяется в настоящее время к Абиссинии, которая фактически находится примерно в 500 милях к юго-востоку от древней Эфиопии. Регион, известный как Эфиопия, для древних составлял крайнюю северную часть современного государства Судан, и лучше всего его можно было бы назвать Нубией. Другими словами, Филипп встретился с нубийцем, то есть с человеком из страны, лежащей к югу от Египта. В древности Нубия являлась придатком Египта. Египтяне торговали с Нубией, и при могущественных египетских фараонах Нубия была завоевана и оккупирована на многие века. Под фараонским владычеством Нубия восприняла египетскую культуру и религию, но никогда полностью не забывала о своей былой политической независимости.

После того как во времена Исхода произошли разрушительные вторжения народов моря, власть Египта постоянно сокращалась, и в конце концов Нубия вырвалась на свободу. Она образовала независимое царство (все еще египетское по своей культуре и религии) со столицей Напатай, городом на реке Нил примерно в 400 милях вверх по течению от южной границы Египта.

Примерно в 750 г. до н. э. (к концу царствования Уззии в Иудее) Нубия перешла под управление вождя по имени Кашта. При его власти Нубия достигла вершины своей силы, и это случилось именно в тот самый момент, когда Египет уже опустился до самого низа. Кашта завоевал южный Египет и воцарился в качестве нового фараона над тем, что историки называют 25-й династией. (Иногда она известна как Эфиопская династия, хотя было бы лучше называть ее Нубийской династией.) Премник Кашты Пианхи в 736 г. до н. э. завоевал остальную часть Египта.

Эта Нубийская династия сыграла существенную роль в иудейской истории. Когда Сеннахирим в 701 г. до н. э. обложил оса-

дой Иерусалим, Египет (в своих собственных интересах) поднял войско на войну против ассирийского монарха. Это войско возглавил Тахарк, правитель Нубийской династии, который через одиннадцать лет взошел на престол Египта. Он упоминается в Четвертой книге Царств как Тиргак. Его кампанию против Сеннахирима нельзя считать чем-то большим, чем отвлекающим маневром, но этого было достаточно, чтобы заставить ассирийцев (сражавшихся на этом фланге длинного фронта) отступить и уделить внимание неотложным нуждам поближе к родине. Поэтому Нубийская династия очень помогла чисто физически сохранить Иерусалим.

Преемник Сеннахирима Сахердан свел роль Иудеи к мирному даннику при Манассии, а затем в 661 г. до н. э. вывел Нубийскую династию из-под власти Египта. В течение двадцати лет Египтом правили ассирийские гарнизоны. Затем Египет восстановил свою независимость, но под властью своих монархов. Нубийцы больше никогда не попадали под их иго.

Несомненно, не фараоны 26-й династии основали крепость в Элефантине, укомплектованную еврейскими наемниками. Они охраняли Нил от налетов нубийцев с юга. И действительно, примерно в 590 г. до н. э. египтяне предприняли наступление и разграбили саму Напату.

С этого времени Нубия оказалась в изоляции (если не считать возможного набега персов в 522 г. до н. э.) и постепенно приходила в упадок. Хотя Нубия продолжала цепляться за египетскую религию, должно быть, в некоторой степени в нее проник иудаизм. Иудеи из Элефантины, возможно, поселялись в Нубии или увеличивали там число обращенных. Некоторые из них, будучи иудеями по рождению или обращению, возможно, совершали длинное путешествие в Иерусалим, чтобы поклониться в храме, так же как мусульмане сегодня предпринимаят паломничество в Мекку.

Следовательно, евнух, который встретился Филиппу, был иудеем, хотя Библия не говорит о том, кто он был по происхождению или по обращению.

В римские времена Нубия сохраняла свою независимость и управлялась несколькими царицами. Нубийское слово, обозначающее царицу, было озвучено греками как Кандаке, а римлянами и самими нубийцами как Кандакия. Это название применялось ко всем царицам Нубии того времени.

Самая влиятельная из них правила во времена Августа, который захватил Египет и сделал его римской провинцией. Нубия отважилась вторгнуться в Египет. Возможно, она посчитала, что замешательство переворота в Риме сделает Египет легкой наживой.

Если это так, то она ошибалась. В 22 г. до н. э. римское войско, возглавляемое Гаем Петронием, совершило поход на юг и разграбило Напату. Во времена до Августа политика Рима заключалась в том, чтобы аннексировать Нубию, но Август всегда, когда это было возможно, предпочитал мирную политику. Нубия осталась свободной, ей было позволено сохранить свою независимость. Однако она больше не предпринимала никаких выступлений на север.

Преемницей той Кандакии, которая выступила против римлян (преемница, известная также как Кандакия), стала «царица Ефиопская» из Деяний (8: 27). Она использовала в качестве казначея еврейского евнуха, и это и был тот еврейский казначей Нубии, с кем встретился Филипп.

Когда Филипп встретил нубийского иудея, он читал отрывок из Исаяи. Филипп истолковал отрывок для него в мессианском смысле применительно к Иисусу. Нубиец немедленно попросил обратить его и, возможно, понес Благовестие к себе на родину. Интересно, что в этом случае там не было Петра и Иоанна, чтобы сделать обращение официальным. Ситуация начинала ускользать из-под контроля со стороны апостольского руководства и еврейской партии, власть которой была сосредоточена в Иерусалиме.

Савл из Тарса

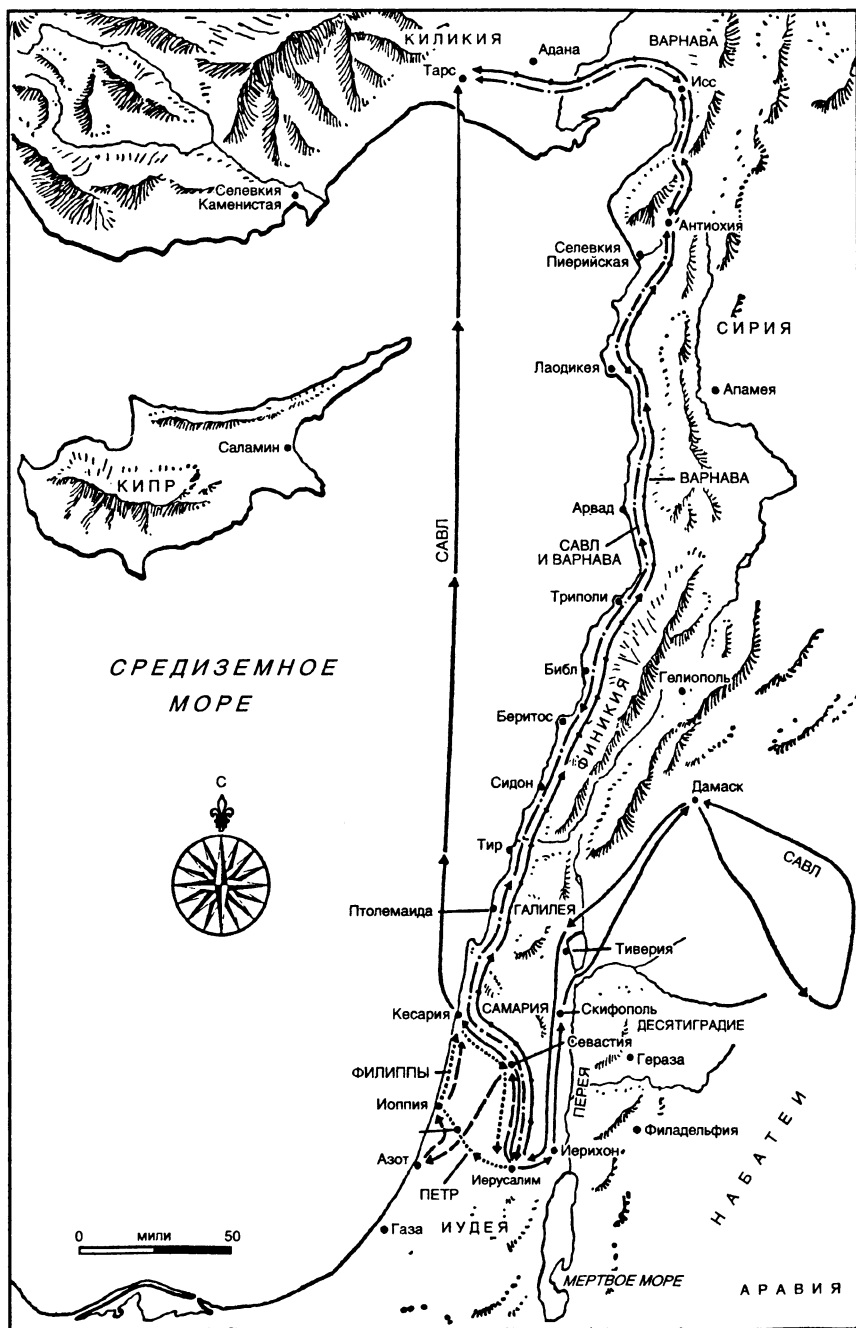
Но более известным и влиятельным из всех представителей греческой партии был человек по имени Савл, и он начинал свою деятельность как твердый противник последователей Иисуса.

Савл был из колена Вениамина и имел свои основания для еврейской националистической гордости, как это можно заметить из его описания себя в Послании к филиппийцам:

Флп., 3: 5. Обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей...

Неудивительно, что как ребенку семьи Вениамина ему дали имя самого великого Вениамина в истории — царя Саула. По крайней мере, царь Саул был самым великим Вениамином до пришествия этого нового Саула.

Однако, хотя Савл и называет себя «Евреем от Евреев» (то есть не просто иудеем, но и иудеем по происхождению — сыном родителей-иудеев), он не входил в состав еврейского сообщества ранних христиан, поскольку он не был уроженцем Иудеи

Странствия апостолов

или Галилеи. Он родился в Малой Азии и поэтому был из греческого сообщества:

Деян., 21: 39. Павел же сказал: я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города...

Тарс действительно был самым крупным городом в Киликии. В своей древнейшей истории он был, возможно, хеттским городом. Финикийские торговцы, должно быть, поселились там в великие дни Гирама Тирского (когда Израилем правили Давид и Соломон), и также, должно быть, туда пришли греческие торговцы. В более поздние века, когда греческая культура стала светской, Тарс всегда претендовал на то, что он греческий город, но вплоть до римских времен оставался выраженным финикийский оттенок.

Примерно в 850 г. до н. э. Тарс был захвачен расширившейся Ассирийской империей, а после падения Ассирии им продолжали править сначала персидские цари, а затем Селевкиды. Тем не менее, в нем всегда сохранялась значительная роль самоуправления, и в 171 г. до н. э. он получил подлинную независимость от самого Антиоха IV.

В последующие два столетия в Тарсе произошел заметный взлет культуры и процветание, город гордился своим греческим духом, философами и университетом. Император Август, когда он был еще подростком и обучался на острове в Эгейском море, имел в качестве своего учителя философа из Тарса Афендора. Это действительно был «небезызвестный город».

После убийства Юлия Цезаря бывший заместитель знаменитого полководца Марк Антоний получил во владения восток, и он избрал своим местом жительства Тарс.

Именно в то время, когда Марк Антоний жил в Тарсе, он позвал Клеопатру на совет, чтобы она привезла деньги из богатого Египта. Клеопатра прибыла в Тарс на судне, снаряженном с чрезвычайной роскошью, и сама блистала нарядами и красотой. Она имела успех, и вторым самым известным событием в истории города Тарс стала первая встреча в его гавани Марка Антония и Клеопатры.

Тем не менее, еще более важным было то, что происходило тогда совершенно незамеченным. Так как Тарс был важным центром торговли, в нем собралась колония иудеев, которая развивалась и процветала. В какой-то год, который совершенно неизвестен, но можно рискнуть, предположив, что это был 10 г., там родился Савл из Тарса, и это стало действительно самое известное событие в истории города.

Очевидно, родственники Савла имели значительное влияние. Они были римскими гражданами (возможно, были достаточно богатыми, чтобы купить гражданство). Гражданство часто предоставлялось за некоторые услуги Риму, но оно также могло быть куплено, как, например, это было с рыцарством в английской истории. В Библии не говорится, что было в случае семьи Савла, но, какова бы ни была ситуация, Савл от рождения был гражданином.

Римское гражданство во времена Нового Завета стоило того, чтобы его иметь, так как оно давало не только престиж и статус, но также и некоторые важные привилегии.

Так, однажды, когда Савл оказался в опасности быть высеченным, он воспользовался преимуществом иммунитета римского гражданина перед телесным наказанием без суда. Он сказал римскому воину с плетью:

Деян., 22: 25. разве вам позволено бичевать римского гражданина, да и без суда?

Сотник сразу сообщил об этом своему начальнику, который тут же спросил у пленника:

Деян., 22: 27. Тогда тысяченачальник, подойдя к нему, сказал: скажи мне, ты Римский гражданин? Он сказал: да.

Тысяченачальник гордо возвестил, что он также стал римлянином, заплатив за это бешеные деньги, и Савл спокойно осадил его, объявив, что он гражданин от рождения:

Деян., 22: 28. Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нем.

Савл был тут же избавлен от порки, спасенный своим гражданством.

Очень немного известно о родственниках Савла. По-видимому, сам он никогда не женился и не имел детей. Однако у него были по крайней мере сестра и племянник, поскольку о них упоминается:

Деян., 23: 16. ...Услышав о сем умысле, сын сестры Павловой [Савла] пришел и, войдя в крепость, уведомил Павла [Савла].

На процветание семьи Савла вполне может указывать тот факт, что она могла позволить себе послать своего сына в Иудею для

основательного религиозного обучения непосредственно в Иерусалиме.

В результате этого Савл приобрел хорошее знание арамейского (в отличие от многих представителей греческой фракции), достаточное для того, чтобы он мог не только понимать арамейские комментарии к Священному Писанию, но и мог фактически беседовать и проповедовать на этом языке. Эта двуязычная способность дала ему значительно большее влияние на родное население Иудеи, чем он мог иметь в противном случае:

Деян., 21: 40. Когда же тот позволил, Павел [Савл], стоя на лестнице, дал знак рукою народу и, когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на Еврейском языке так...

Деян., 22: 2. Услышавши же, что он заговорил с ними на Еврейском языке, они еще более утихли...

В Иерусалиме Савл присоединился не к кому иному, как к Гамалиилу, ведущему фарисею того времени и тому, кто отстаивал терпимость в отношении христиан. Так, Савл говорит:

Деян., 22: 3. «...Я иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе [Иерусалим] при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом Законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне».

И конечно, Савл стал впоследствии фарисеем, как и сам он признает, поскольку в том же самом стихе, в котором он называет себя «евреем от евреев», он добавляет, что он:

Флп., 3: 5. ...по учению фарисей...

В ходе своей карьеры Савл не сомневался в том, что получит поддержку фарисеев, объявив себя одним из них в философии, в противоположность саддукейским фракциям. Стоя перед советом, он ловко добился поддержки со стороны группы фарисеев, говоря:

Деян., 23: 6. мужи братия! я фарисей, сын фарисея...

Возможно, богатства его семьи было не достаточно для того, чтобы содержать Савла в праздности в течение всех его ученических лет. Возможно, ему пришлось, по крайней мере частично, так сказать, «подрабатывать». Если это так, то это было какое-то ремесло. Он был рабочим, а также ученым. Это ремесло упоминается, когда во время путешествий некоторые представители того же ремесла оставили Савла у себя:

Деян., 18: 3. *И, по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток.*

Эту работу, возможно, более правильно было бы назвать ремеслом «ткача», поскольку вряд ли она была столь специализированной, чтобы ограничиваться одними палатками, особенно в связи с тем, что он занимался этим по заказу в греческих городах, где едва ли было много заказов на палатки. Возможно, это ремесло было даже ремеслом всей семьи Савла, поскольку Тарс был известен ткацким искусством, где из козьей шерсти изготавливали ткань, известную как «silicium» («власьяница»), названную в честь того региона, в котором был расположен Тарс.

В свои юношеские годы Савл был бескомпромиссным фарисеем и совершенно оппозиционно настроенным в отношении взглядов тех, кто верил в то, что Иисус был Мессией. Возможно, Савл посещал синагогу, которую посещали «некоторые из Киликии и Асии», поскольку он сам был родом из Киликии. Без сомнения, он дискутировал со Стефаном и, возможно, даже был на переднем краю среди тех, кто осудил его. Несомненно, он был заметным в казвившей Стефана толпе.

Согласно Закону Моисея, свидетели против Стефана были обязаны первыми бросать камни:

Втор., 17: 7. *...рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтоб убить его, потом рука всего народа; и так истреби зло из среды себя.*

Соблюдая этот долг, свидетели снимали верхнюю одежду, чтобы их руки могли быть свободными для броска.

Деян., 7: 58. *И, выведши за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла.*

Деян., 8: 1. *Савл же одобрял убиение его...*

Это первое упоминание о Савле в Деяниях, и совершенно ясно, что он, должно быть, бросал свою часть камней после того, как первыми бросили свидетели.

Более того, Савл возглавил те силы, которые затем начали преследование христиан:

Деян., 8: 3. *А Савл терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу.*

В более поздние годы жизни он вспоминал о множестве случаев этого раннего периода, когда он преследовал секту, величайшим приверженцем которой он должен был стать позже. Например, в Послании к галатам он говорит:

Гал., 1: 13. *Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее...*

Дамаск

Савл не удовлетворялся тем, чтобы продолжать свое ревностное гонение на христиан в Иерусалиме или даже во всей Иудее. Очевидно, новая секта появилась и среди еврейских общин в городах за пределами Иудеи. Савл хотел, чтобы в такие города отправлялись власти и уничтожали там христианство:

Деян., 9: 1—2. *Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим.*

Таким образом, Дамаск снова вливается в поток библейской истории. Во времена царств это была столица государства, которое было серьезным врагом Израиля, но после его разрушения в 732 г. до н. э. Ассирией он потерял свое значение. Дамаск последовательно переходил под власть ассирийцев, халдеев и персов. После времен Александра Македонского он удерживался иногда Птолемеями, иногда Селевкидами.

В 64 г. до н. э. его захватили римляне, но в 31 г. они позволили ему иметь значительную автономию под контролем арабского царька Арета, того самого, который боролся с Иродом Антипой по поводу развода и повторного брака последнего и который теперь, во времена Савла, приблизился к концу долгого полувекового царствования. Однако вблизи Дамаска Савл испытал необычное переживание:

Деян., 9: 3—5. *Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба; он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь; трудно тебе идти против рожна.*

Савл был ослеплен видением, и его отвели в Дамаск, где он в течение трех дней оставался слепым. Затем его зрение возвра-

тилось от прикосновения одного христианского ученика в Дамаске.

В результате этого Савл обратился в христианство, став таким же ревностным приверженцем этой веры, каким он был ее гонителем. (Это никоим образом не является чем-то необычным в обращениях.) Год, в который произошло это обращение, неизвестен; предполагается, что он находится в промежутке с 32 г. (через год после смерти Стефана) по 36 г.

Савл сразу начал проповедовать христианское учение в Дамаске всем, кто знал его как антихристианского фанатика. Очевидно, он достиг больших успехов, достаточно больших для того, чтобы заставить тех иудеев, которые остались необращенными, посчитать, что Савл заслуживал смерти за богохульство.

Деян., 9: 23. Когда же прошло довольно времени, иудеи согласились убить его.

В Деяниях не говорится, насколько долго Савл оставался в Дамаске, кроме туманного упоминания о «нескольких днях». Однако в Послании к галатам Савл говорит об этом периоде:

Гал., 1: 17—18. ...и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать.

Таким образом, мы можем принять, что в течение трех лет Савл обдумывал новое учение (проведя некоторое время в спокойных размышлениях в полупустынном регионе к востоку от Дамаска, упомянутом здесь как Аравия). Постепенно он развил свой собственный подход.

Возможно, он мог оставаться в Дамаске и его окрестностях дольше, если бы не опасность, которая становилась все более острой. В конечном счете Савл вынужден был начать скрываться, для того чтобы негодующие иудеи Дамаска не могли арестовать его и предать суду. Фактически возросла необходимость совсем бежать из города, и это была довольно трудная задача.

Деян., 9: 24—25. Но Савл узнал об этом умысле их. А они день и ночь стерегли у ворот, чтобы убить его. Ученики же ночью, взяв его, спустили по стене в корзине.

Должно быть, проблема состояла в чем-то большем, чем чисто богословский спор между иудеями и христианами. В Дамаске

ке, по-видимому, был весомый контингент иудеев, но в значительной степени это был языческий город, и он находился под языческим правлением. Не во власти иудеев было охранять ворота. Очевидно, деятельность Павла беспокоила также царя Арета, и именно его воины разыскивали Савла. Сам Савл говорит в этом эпизоде:

2 Кор., 11: 32. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук.

Варнава

Теперь Савл вернулся в Иерусалим и попытался присоединиться к местному христианскому сообществу. Сначала он потерпел неудачу, так как ученики Иисуса были естественным образом подозрительны к бывшему преследователю. Савл нуждался в поручителе и нашел его:

Деян., 9: 27. Варнава же, взяв его, пришел к Апостолам и рассказал им, как на пути он видел Господа, и что говорил ему Господь, и как он в Дамаске смело проповедывал во имя Иисуса.

Варнава уже ранее упоминался в Деяниях в связи с коммунистическим устройством раннехристианской общины. В отличие от Анании, который пытался тайно удерживать часть вклада в общий фонд, Варнава отдавал все:

Деян., 4: 36—37. Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит — «сын утешения», левит, родом Кипрянин, у которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов.

Возможно, этот акт и стал причиной того, что он получил прозвище Варнава, поскольку в те ранние дни христианского сообщества и сами деньги, и высокоценное чувство доверия, которые были психологическим фоном вклада, должно быть, действительно были утешением.

Варнава был еще одним представителем греческой группы, будучи рожденным на острове Кипр. Он вполне мог испытывать к Савлу сильное чувство родства, поскольку их места рождения были не очень далеки друг от друга. Кипр находится рядом с сицилийским побережьем, а северо-восточная оконечность острова находится всего лишь в какой-то сотне миль к югу от Тарса.

Иаков, брат Господень

В Деяниях немного говорится о том, что конкретно Савл делал после того, как он был представлен апостолам, но сам Савл в Послании к галатам говорит:

Гал., 1: 18—19. *...ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня.*

Другими словами, Савл увиделся с двумя ведущими христианами. Петр, как руководитель первоначальной группы из двенадцати апостолов, мог считаться ближайшим в миру представителем памяти об Иисусе. Однако именно Иаков «брат Господень», по-видимому, был фактическим административным главой иерусалимской ветви общины, так сказать, «Матери-Церкви».

Иаков не был одним из первоначальных апостолов. В действительности, по свидетельству четвертого Евангелия, во время служения Иисуса он был сомневающимся:

Ин., 7: 5. *Ибо и братья Его не веровали в Него.*

Однако, очевидно, он стал верующим ко времени распятия или сразу после этого, так как собрание ранних учеников перед великим днем Пятидесятницы включало в свой состав и его:

Деян., 1: 14. *...с некоторыми женами и Мариєю, Материю Иисуса, и с братьями Его.*

Обращение Иакова к христианской вере, возможно, возникло благодаря видению воскресшего Иисуса. По крайней мере, Павел в Первом послании к коринфянам перечисляет его среди свидетелей воскресения:

1 Кор., 15: 5. *...и что явился Кифе, потом двенадцати...*

1 Кор., 15: 7. *...потом явился Иакову, также всем Апостолам...*

Возможно, упоминаемый здесь Иаков был сыном Зеведея или сыном Алфея, каждый из которых был членом первоначальной группы из двенадцати. Однако общепринято считать, что когда Деяния упоминают об Иакове без уточнения, то подразумеваются младший брат Иисуса. (Кроме того, следует указать, что те христиане, которые принимали на веру, что Мария, мать Иису-

са, была вечной девственницей, полагают, что Иаков был не родным, а двоюродным братом Иисуса.)

Можно предположить, что Савл собрал множество подробностей о служении и личности Иисуса у Петра и Иакова.

Всегда был спор относительно того, видел ли Савл когда-либо Иисуса при жизни последнего или нет. Неизвестно, когда Савл прибыл в Иерусалим для получения своего образования. Если он прибыл за три или четыре года до его появления в месте побивания камнями Стефана, то вполне вероятно, что он был в Иерусалиме в ту беспокойную неделю, которая предшествовала распятию Иисуса. Если бы это было так, то почти несомненно, он был бы в толпе слушающих слова Иисуса (и можно вполне допустить, Савл громко кричал бы в гневном осуждении Иисуса).

И тем не менее, даже если Савл в то время и был в Иерусалиме и был в толпе, собравшейся вокруг Иисуса, то он вполне мог быть на заднем плане и не мог по-настоящему увидеть его. Конечно, если бы он встретил Иисуса лицом к лицу во время служения последнего, то наверняка Савл сказал бы об этом в одном из посланий. Однако ничего подобного в них нет.

Большинство комментаторов делают вывод, что Савл никогда фактически не встречал Иисуса во плоти, и если это так, то встреча с Петром и Иаковом, должно быть, была особенно важна для Савла. Мы можем вполне вообразить его нетерпеливо спрашивающим о личных воспоминаниях этих двух близких спутников Иисуса, кого Савл теперь принимал как Мессию.

В Иерусалиме Савл продолжил страстно проповедовать христианское учение и скоро снова оказался в опасности. Антихристиански настроенные иудеи, должно быть, были особенно возмущены потерей столь ценного человека и испытывали раздражение из-за победы христиан в обретении столь известного перебежчика. Кроме того, чувствовалось, что Савл мог найти спасение только в бегстве:

Деян., 9: 30. Братия, узнавши о сем, отправили его в Кесарию и препроводили в Тарс.

Это, возможно, происходило примерно с 34-го по 38 г., в зависимости от того, когда произошло обращение Савла. Савл остался в Тарсе на длительное время, но насколько долго, можно вывести из фрагментарного свидетельства. Скорее всего, это длилось от восьми до десяти лет.

Об этом периоде не известно ничего, за исключением того, что Савл, возможно, продолжил свои проповеди в Киликии. Сам он говорит просто:

Гал., 1: 21—23. *После сего отошел я в страны Сирии и Киликии. Церквам Христовым в Иудее лично я не был известен, а только слышали они, что гнавший их некогда ныне благовествует веру, которую прежде истреблял...*

Лидда

Общее преследование последователей Иисуса, которое началось после побивания камнями Стефана, спустя время ослабло, и, очевидно, в Галилее, а также в Самарии и Иудее были христианские общины:

Деян., 9: 31. *Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем; и, при утешении от Святаго Духа, умножались.*

Петр, как духовный лидер христиан, посчитал, что теперь безопасно будет отправиться через этот регион, посещая по пути различные общины:

Деян., 9: 32. *Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде.*

Лидда — это греческая форма еврейского слова «Лод» и является городом, упоминавшимся только в нескольких случаях, и то бессвязно, в Ветхом Завете. Он находился на главном пути от Иерусалима до морского порта Иоппия, примерно в 22 милях от первого и лишь в 10 милях от второго.

Хотя в ветхозаветное время Лидда была всего лишь небольшой деревней и должна была снова стать небольшой деревней после иудейского восстания, во времена Нового Завета она прошла через краткий период своего возвышения. Это был крупный и преуспевающий город и важный образовательный центр.

Возможно, самым важным фактором, благодаря которому Лидда получила известность (кроме упоминания в Деяниях), было то, что она являлась родиной легендарного христианского героя, который в какой-то период Римской империи убил дракона и спас молодую женщину, которую дракон собирался съесть. (Очень похоже на греческую историю о Персее и Андромеде, которая, как предполагалось, произошла в Иоппии. Могла ли христианская легенда быть позаимствована у греков?) В любом случае, убившим дракона героем является святой Георгий, который теперь считается покровителем Англии.

В настоящее время Лидда существует как крупный город с населением в двадцать одну тысячу жителей на территории современного Израиля.

Корнелий

Большая часть важных событий в странствии Петра произошла в Кесарии. Это был главный порт Иудеи, примерно в 30 милях к северу от Иоппии. Там была в основном сконцентрирована римская власть.

Деян., 10: 1—2. В Кесарии был некоторый муж, именем Корнелий, сотник из полка, называемого Италийским, благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу.

По-видимому, хотя Корнелий и испытывал сильное влечение к иудейскому учению, но не был полностью принят в иудейское сообщество, потому что он еще не подвергся обрезанию, обязательному посвящающему обряду в иудаизме. Когда Корнелий услышал, что Петр находится в Иоппии, он послал за ним. Петр колеблется насчет принятия этого приглашения. Он говорит:

Деян., 10: 28. ...вы знаете, что Иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником; но мне Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым...

Речь идет, конечно, не об обычном контакте, но о контакте с иноверцами за обедом. Сложные пищевые ограничения иудеев не соблюдались язычниками, и для иудея обед с язычником вынудил бы его есть пищу, которая считалась ритуально нечистой, и это было бы серьезным нарушением Закона Моисея.

Петр, как мы можем вполне вообразить, разрывался в выборе между двумя перспективами. Как благочестивого иудея, его страшили мысли о трапезе с язычником. С другой стороны, ему, как благочестивому христианину, было совершенно очевидно, что в воздухе витало обращение, и это было обращение, которое было слишком важным, чтобы его можно было легко отвергнуть. Корнелий описан в Деяниях как набожный человек, и он был римским воином. Если бы римский воин стал христианином, это была бы большая победа для общего дела, и, как сотник, офицер, он, несомненно, мог повлиять на обращение других людей. Петр едва ли имел право отказаться от такой воз-

возможности, а возможно, даже в таком случае приобрел бы себе врага в лице важного воина.

Решение было в пользу сотника, несмотря на его статус иноверца, и в Деяниях объясняется, что это решение было принято ввиду видения Петру, в котором упразднилось еврейское деление пищи на ритуально чистую и нечистую. Теперь Петр мог свободно есть вместе с язычником. А Петр сделал еще более того:

Деян., 10: 48. И велел им креститься во имя Иисуса Христа. Потом они просили его пробыть у них несколько дней.

Это было важным и даже решающим шагом. До этого момента все христиане приняли Закон Моисея как основание своей веры. Для них Иисус явился вершиной и выполнением этого Закона. По версии Евангелия от Матфея Иисус говорит:

Мф., 5: 17. Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или Пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить.

Те, кто принял христианство до сих пор, были иудеями по рождению или обращению или же самаритянами. Самаритяне могли быть еретиками, которые не верили в поклонение в Иерусалиме, но принимали Закон Моисея. Даже нубийский евнух, которого крестил Филипп, принимал Закон Моисея, так как он поклонялся в Иерусалимском храме, а никто не мог делать это не будучи обрезанным.

Петр ел с язычником, который хотя и был благочестивым и хорошо расположенным к иудаизму и христианству, тем не менее, был необрезанным. Кроме того, Петр разрешил этому человеку стать христианином без того, чтобы сначала он стал иудеем, он как бы получил обрезание через Закон Моисея.

Это не совпадало с принципами христиан Иерусалима:

Деян., 11: 2—3. И когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его, говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними.

Петр объяснил свой взгляд на вопрос, и в Деяниях выглядит так, что это объяснение покорило всех остальных:

Деян., 11: 18. Выслушав это, они успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь.

Но это не может быть правдивым изображением событий. Автор Деяний — Лука, язычник, и он представлял проязыческую

точку зрения, в которой, как правило, минимизировалась роль еврейской группы и сглаживались антиязыческие предубеждения. Вполне может быть и то, что Петр не столь легко вышел в споре победителем и был вынужден отступить перед еврейской группой, возглавляемой братом Иисуса Иаковом. Так, в Послании к галатам Петр критикуется за слабость:

Гал., 2: 12. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных.

Даже если Петр отступил, маловероятно, что было бы отменено обращение Корнелия и его друзей. Мы могли бы поразмышлять о том, что, возможно, обращение позволили осуществить при условии, что обращенные подвергнутся обрезанию и другим необходимым ритуалам. И возможно, Петр пообещал быть в будущем более осторожным. Разумеется, больше ни о каких обращениях Петром не упоминается.

Как бы то ни было, один язычник был обращен, и христианство сделало свой первый осторожный шаг за границы Закона Моисея.

Антиохия

То, что было трудно для Петра сделать в пределах Иудеи под строгим оком иерусалимского сообщества христиан, то было легче сделать для тех христиан, которые были далеко от Иерусалима. Те, кто был рассеян после побивания камнями Стефана, крестили, как делал Филипп, но иногда весьма ограниченным образом:

Деян., 11: 19. Между тем рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, прошли до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме иудеев.

Однако другие делали больше:

Деян., 11: 20—21. Были же некоторые из них кипряне и киринейцы, которые, придя в Антиохию, говорили еллинам, благовествуя Господа Иисуса. И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу.

Здесь (в 11: 20) упоминание «еллинов» явно предназначено для того, чтобы противостоять чисто «иудеям» из предыдущего

стиха, так что можно считать, что греки, или даже грекоязычные сирийцы, были обращенными в веру, причем обращенными именно в христианство.

В Антиохии церковь впервые начала принимать не только греческий, но и языческий оттенок. Поэтому неудивительно, что именно в Антиохии последователи Иисуса были впервые реально замечены язычниками.

Деян., 11: 26. ...и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами.

Антиохия, столица селевкидского царя Антиоха IV, главного виновника маккавейского восстания, стала первым крупным центром христианства за пределами Иудеи и местом рождения вести, благодаря которой стала сегодня известной мировая доминирующая религия — христианство. Это название, возможно, сначала применялось к последователям Иисуса как некое ироническое оскорбление, выкрикиваемое необращенными язычниками-противниками. Если это так, то это насмешливое прозвище было принято учениками как почетный знак отличия.

Развивающаяся церковь в Антиохии быстро приобрела решающее значение. Хотя Антиохия больше не была столицей великого независимого царства, она оставалась огромным и богатым городом примерно с полумиллионным населением. Во времена Нового Завета это был третий по величине город в империи, крупнее его были только сам Рим и Александрия. Церкви в Антиохии было суждено стать более преуспевающей, чем церкви в Иудее, так как даже Иерусалим был всего лишь провинциальным городом по сравнению с местом, подобным Антиохии.

Христианские лидеры в Иерусалиме, услышав о возрастающем количестве обращений в Антиохии, могли вполне почувствовать себя неловко. Были ли эти обращения, далекие от их собственного внимательного надзора, только тех язычников, которые согласились обрезать и поддерживать Закон Моисея, или нет?

Кроме того, также можно представить себе, как они задаются вопросом, а разумно ли было позволять Антиохии идти своим неконтролируемым путем? Раздувающееся христианское сообщество в городе в 300 милях к северу от Иерусалима могло развить свои собственные традиции и начать представлять собой соперничающий центр. Внутренние ссоры между христианами различных городов были бы, конечно, вредны для всего христианства.

Поэтому лидеры Иерусалима посылают в Антиохию в качестве своего эмиссара Варнаву, чтобы он служил как некое соединительное звено. Варнава, признав, что это задача несколь-

ко больше, чем он мог выполнить сам, вспомнил своего старого друга, огненный дух которого, по его убеждению, был адекватен любой задаче:

Деян., 11: 25. Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла и, найдя его, привел в Антиохию.

Таким образом, Савл снова вернулся к деятельности после нескольких лет прозябания в Тарсе.

Кесарь Клавдий

Однако когда же Савл прибыл в Антиохию? По этому вопросу напрашивается предположение, что Деяния упоминают о двух исторических событиях, которые могут датироваться независимо друг от друга. Сначала в Иудее случился голод:

Деян., 11: 27—28. В те дни пришли из Иерусалима в Антиохию пророки. И один из них, по имени Агав, встав, предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии.

Второй император Рима Тиберий, при котором был казнен Иисус, умер в 37 г., примерно через восемь лет после распятия и, возможно, не больше чем через пару лет после обращения Савла. Трон Тиберия унаследовал его внучатый племянник, который под именем Калигула стал третьим императором Рима.

Калигула правил только в течение четырех лет, и в течение по крайней мере половины из них был совершенно безумен. О нем не упоминается в Библии, но из сочинений Иосифа мы знаем, что в своем безумном желании, чтобы ему поклонялись как Богу, он приказал, чтобы его статую установили в храме в Иерусалиме. Иудеи яростно отказывались; несомненно, если бы Калигула настоял на установке такой статуи, произошло бы кровавое восстание. Безусловно, Калигула так или иначе настоял бы на этом, но прежде, чем мог произойти окончательный разрыв, в 41 г. император был убит.

После него на трон взошел его дядя Клавдий, гораздо более кроткий и более разумный человек, хотя и довольно безвольный и в действительности неудачливый правитель. Однако он правил в течение тринадцати лет, с 41-го по 54 г., так что простое высказывание о том, что голод произошел «при кесаре Клавдии», дает неудовлетворительное смещение во времени.

Безусловно, в то время «по всей вселенной» не было никакого голода, но следует принять в расчет еврейский национализм. Эта фраза, возможно, использовалась в значении «по всей Иудее», то есть на всей той территории, которая считалась Иудеей.

Иосиф говорил о тяжелых временах в Иудее в 46—48 гг., но насколько близко это ко времени прибытия Савла в Антиохию? Библейская фраза «в те дни» не обязательно бывает точной, но может использоваться для того, чтобы показать очень приблизительную современность. Несомненно, голод произошел после прибытия Савла в Антиохию, так как позже он уже среди тех из Антиохии, кто оказывает помощь Иудее по случаю голода.

Однако голод, возможно, произошел через полных два или три года после прибытия Савла в Антиохию.

Ирод Агриппа I

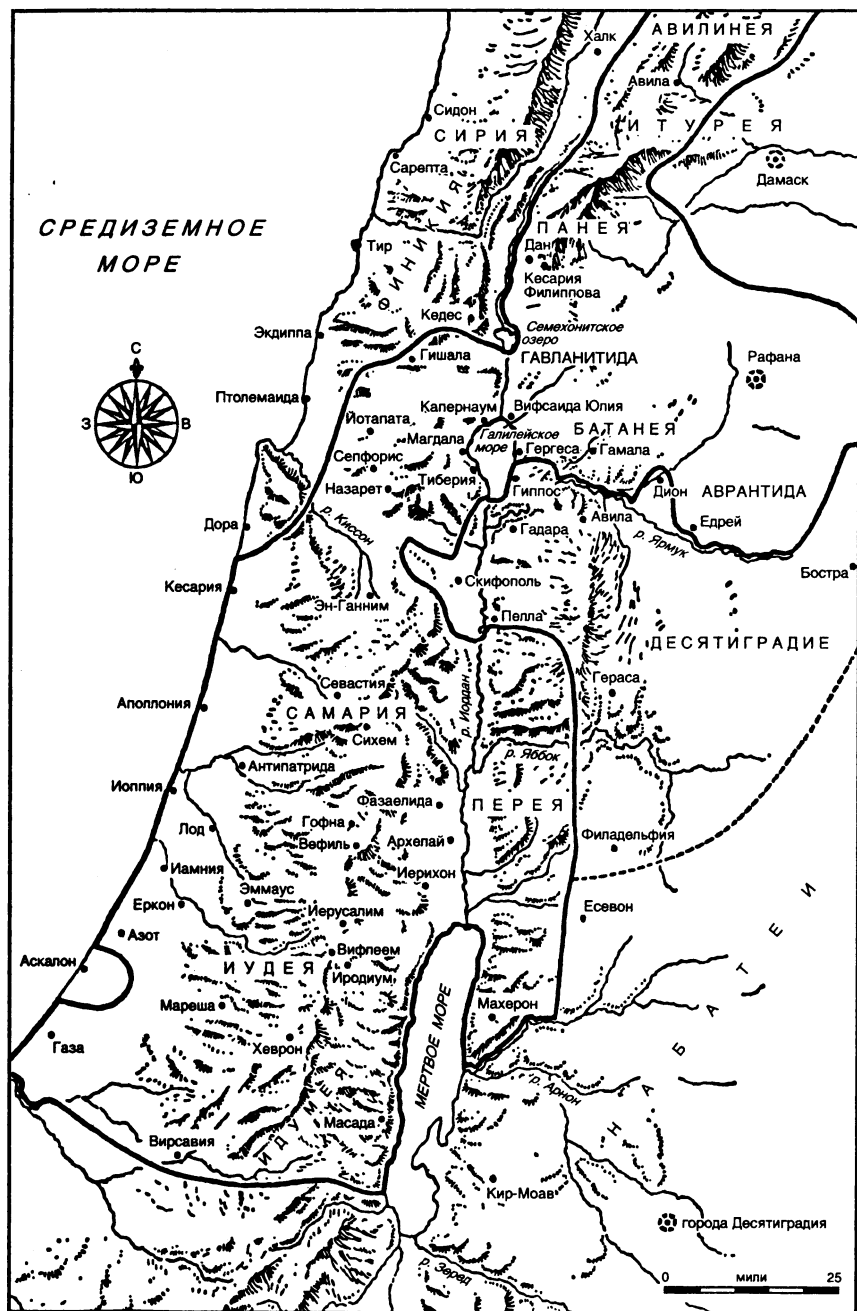
Почти сразу следует вторая ссылка на то, что может использоваться хронологически:

Деян., 12: 1—2. В то время царь Ирод [Агриппа] поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечем.

Ирод Агриппа родился примерно в 10 г. до н. э. и был сыном Аристокла, который, в свою очередь, был сыном Ирода Великого от его второй жены, Мариам Маккавейской. Маленький мальчик получил свое имя в честь Агриппы, зятя римского императора Августа. Агриппа незадолго перед этим умер, но он был фаворитом как императора, так и римского народа и, кроме того, близким другом Ирода Великого. Примечательно, что по своей бабушке Ирод Агриппа имел происхождение от Маккавеев.

В 6 г. до н. э. отец Ирода Агриппы Аристокл и его дядя Александр были казнены Иродом. Они были последними двумя взрослыми отпрысками маккавейского рода, и осталось только три ребенка. Это были Ирод Агриппа и его младший брат (который в конечном счете стал известен как Ирод Халкисский), а также сестра Иродиада (которая позже стала причиной смерти Иоанна Крестителя).

Ввиду патологически подозрительного характера Ирода Великого считается, что, скорее всего, молодой Ирод Агриппа был отправлен в Рим. Там, как с восточным князьком, с ним обра-

Владения Ирода Агриппы I

щались со всем уважением. Действительно, он стал фаворитом у невестки императора Тиберия Антонии и матери будущего императора Клавдия.

Повзрослев, Ирод Агриппа вернулся на свою родину, и там он обнаружил, что его сестра стала женой тетрарха Галилеи Ирода Антипы. Его сестра получила для него прибыльное положение в столице, но Ирод Агриппа был бесшабашным человеком, и расходы всегда превышали его доходы. Скоро он стал для своей сестры слишком большой роскошью. Агриппа поссорился с Иродом Антипой и вынужден был снова уехать в Рим в 56 г.

В Риме он подружился с наследником престола молодым Калигулой. Сошлись они настолько близко, что старый император Тиберий (столь же подозрительный, как Ирод Великий) заподозрил его в том, что он тайно ускорял восшествие на престол Калигулы. Ирод Агриппа был брошен в темницу, но, как бы то ни было, через шесть месяцев Тиберий умер, и Калигула сразу же освободил своего друга.

Калигула сделал Ирода Агриппу царем царства, которым раньше правил его двоюродный дядя тетрарх Филипп, который умер на три года ранее — в 34 г.

Фактически Антиохия оставалась большим городом на протяжении всего периода Римской империи, но он так и не оправился от землетрясения и персидского разграбления в VI в. Сегодня это — часть современного государства Турции, все еще носящая узнаваемое название Антакия, с населением почти в пятьдесят тысяч жителей.

Ирод Антипа, который все еще правил в Галилее, был обеспокоен этим возвышением своего двоюродного племянника-шалопа и также потребовал для себя звание царя. Однако дружбы Ирода Агриппы с новым молодым императором было более чем достаточно для того, чтобы нейтрализовать влияние Антипы, и в 59 г., после того как он правил в течение тридцати трех лет, последний был лишен своего поста. Галилея была прибавлена к владениям Ирода Агриппы. Антипа же вскоре после этого умер в изгнании.

Когда Калигула был убит, Ирод Агриппа не оказался в каком-либо проигрыше. Его покровительство со стороны Антонии подразумевало, что он в течение долгого времени знал нового императора Клавдия. Кроме того, надменный Клавдий оказался неуверенным в своих первоначальных отношениях с сенатом, и ему помогал вкрадчивый и умудренный опытом Ирод Агриппа. Благодарный ему Клавдий назначил Ирода Агриппу царем

всего царства, которым однажды правил Ирод Великий. Это было в 41 г.

В течение короткого времени Иудея находилась на пике процветания и материально была сильнее, чем когда-либо со времен царя Соломона. У нее не было никаких иноземных врагов, и ей не угрожала опасность войны. Иудея могла расслабиться в глубоком мире под сенью благоволения со стороны Римской империи, управляемой слабым, но полным благих намерений императором.

Ирод Агриппа I считал благоразумным попытаться снискать расположение своих подданных евреев. Он уже приобрел у них популярность, попытавшись убедить безумного Калигулу не устанавливать в храме статую императора. Даже для хорошего друга Калигулы это было неосторожным шагом и могло стать его концом, если бы Калигула продолжал жить. Умер Калигула, и Ирод Агриппа I оказался в безопасности, но иудеи оценили то, насколько он рисковал.

Ирод Агриппа I скрупулезно придерживался всех догматов иудаизма, надеясь заставить иудеев забыть о его происхождении из Идумеи (по мужской линии). Очевидно, он преуспел в этом, если даже во время праздника Пасхи он плакал потому, что он не был полноценным иудеем по роду, свидетели этого, плакавшие от сочувствия, как предполагается, выкрикивали, что он иудей и их брат.

Ясно, для него было политически выгодно показать свою еврейскую ревностность в расправе над христианской церковью, которая более чем когда-либо своим посвящением необрезанных язычников оскорбляла господствующее течение иудаизма. Когда был казнен Иаков, сын Зеведея, это была первая зафиксированная смерть одного из первоначальных двенадцати апостолов (исключая Иуду Искариота).

Ирод Агриппа I также заключил в тюрьму Петра, который, согласно Деяниям, был чудесно освобожден и который затем поспешил к дому друга:

Деян., 12: 12. И, осмотревшись, пришел к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились.

Именно этот Иоанн Марк, согласно традиции, был автором древнейшего Евангелия, второго в Новом Завете.

Время, когда происходило это преследование, может быть установлено довольно точно, так как Ирод Агриппа I царствовал только короткий период времени и внезапно умер в 44 г. во время игр в Кесарии, проводимых в честь Клавдия. То, что

Ирод, упомянутый в этой главе, — это действительно Ирод Агриппа I, доказывается описанием (в удивительных обстоятельствах) его внезапной смерти:

Деян., 12: 21. *В назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте...*

Деян., 12: 23. *Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изведен червями, умер.*

Его смерть была для иудеев беспрецедентным бедствием. Если бы он прожил еще двадцать лет, что было вполне возможно, его искусное умение умиротворять как иудеев, так и римлян могло бы сохранить мир между ними и способствовать установлению прочной династии, которая продолжалась бы еще долгое время после него. Еврейское восстание, вполне возможно, могло бы и не произойти.

Как бы то ни было, он умер, оставив после себя сына-подростка, которому Клавдий не доверит трудный престол Иудеи. Эта страна снова перешла под правление прокураторов, и при них Иудея роптала все более и более, пока в 66 г. не взорвалась ужасным восстанием.

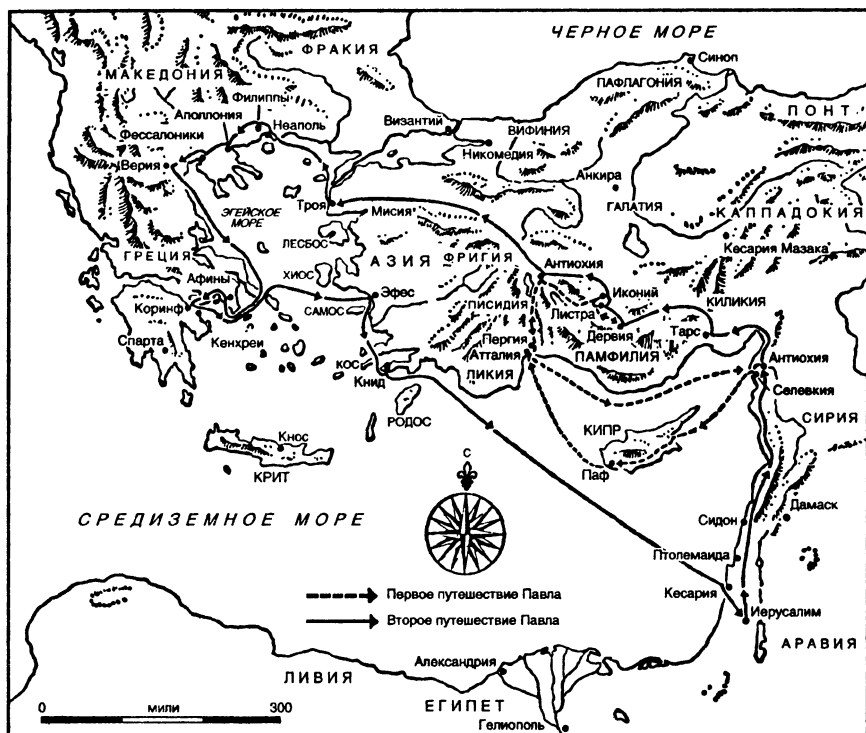
С другой стороны, для христиан внезапная смерть Ирода Агриппы была беспрецедентным благословением. Если бы он продолжал жить, его сильная власть могла постепенно подавить христианство в пределах его владений, а его авторитет у римских властей мог послужить для того, чтобы христианство было подавлено также за пределами Иудеи.

Его смерть сделала это невозможным и, кроме того, устранила единственного человека, который мог, очевидно, предотвратить еврейское восстание. Но произошло постепенное ослабление иудаизма, а на руинах Иудеи смогло расцвести христианство и, в конечном счете, покорить Рим и весь западный мир.

Поскольку Ирод Агриппа I правил с 41-го по 44 г., отсюда следует, что смерть сына Зеведея Иакова произошла в течение этого периода, возможно в 43 г. Возможно, примерно в это же время произошло прибытие Савла в Антиохию.

Кипр

То, что дочерняя церковь в Антиохии опережала церковь-мать в Иерусалиме, стало очевидно ко времени Ирода Агриппы I. Иерусалимская церковь, которую мучил голод и тяжелая рука царя, обеднела, и поэтому церковь в Антиохии, которая

Первая и вторая поездки Павла

была в сравнении с первой богатой и безопасной, послала ей материальную помощь:

Деян., 11: 29—30. *Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее, что и сделали, послав собранное к пресвитерам через Варнаву и Савла.*

Стих, который сообщает о возвращении Варнавы и Савла в Антиохию после их миссии в Иерусалим, идет сразу же после событий, связанных со смертью Ирода Агриппы I. Возможно, возвращение в Антиохию произошло в 46 г., когда, согласно Иосифу, голод начал приводить к серьезно ощутимым результатам. Варнава и Савл вернулись в Антиохию не одни:

Деян., 12: 25. *А Варнава и Савл, по исполнении поручения, возвратились из Иерусалима (в Антиохию), взяв с собою и Иоанна, прозванного Марком.*

Иоанн Марк был, очевидно, племянником Варнавы, поскольку он в таком качестве упомянут в Послании к колоссянам:

Кол., 4: 10. Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною, и Марк, племянник Варнавы...

На силу церкви в Антиохии указывает также ее готовность участвовать в миссионерских мероприятиях. Сразу после возвращения Варнавы и Савла, возможно, до того, как закончился 46 г., их послали через море с Иоанном Марком в качестве его помощника.

Деян., 13: 4—5. Сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр; и, быв в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских; имели же при себе и Иоанна для служения.

Так, Савл отправился в то, что должно было стать его первым миссионерским путешествием. Оно началось в Селевкии, западном пригороде Антиохии. Селевкия находилась на побережье Средиземного моря и служила в качестве морского порта Антиохии. Ее в 300 г. до н. э. основал Селевк I (который также основал Антиохию) и назвал порт в честь самого себя.

Возможно, Кипр был одним из тех мест, с которых филистимляне начали свое вторжение в Египет и ханаанское побережье во времена Исхода, но это не сыграло никакой роли в еврейской истории до плена.

Кипр был рано колонизирован финикийцами и греками, хотя над ним политически властвовали сначала Ассирия, а затем Персия. После смерти Александра Македонского Кипр перешел в сферу влияния Птолемеев и оставался под правителями этой линии в течение двух с половиной столетий. Несомненно, именно в это время под покровительством толерантных Птолемеев на Кипр в значительных количествах вошли иудеи. В 58 г. до н. э. Кипр был захвачен Римом.

В древние времена Саламин на восточном берегу острова был главным городом Кипра. Он был греческим и, по общему мнению, был населен колонистами с небольшого греческого острова Саламин вблизи Афин. Однако эта традиция может быть результатом не чего иного, как простого совпадения названий.

На Саламине была значительная еврейская колония, и было вполне разумно, что церковь в Антиохии послала туда миссию. Город был не очень далеко, всего лишь 130 милях морем. Кроме того, сам Варнава был иудеем-киприотом и, очень возмож-

но, хотя Библия и не говорит об этом, уроженцем Саламина. В некотором смысле он возвращался домой. (Его предполагаемая могила расположена вблизи местоположения этого города, и есть также монастырь Святого Варнавы.)

Паф

Затем Варнава и Савл прошли по всему Кипру:

Деян., 13: 6. *Пройдя весь остров до Пафа...*

В древние времена Паф был более всего известен как место религиозных ритуалов плодородия в связи с богиней, которую греки отождествляли с Афродитой (которую поэтому иногда называли «Пафской богиней»).

Паф был вторым по размеру после Саламина среди городов Кипра. В 15 г. до н. э. он был фактически разрушен землетрясением, но был восстановлен Августом и во время миссионерского путешествия Варнавы и Савла был резиденцией римского проконсула Сергия Павла.

Павел

Проконсул Сергей Павл, очевидно, интересовался иудаизмом. Возможно, его наставлял в этой вере иудей, приставленный к его двору, иудей, который в Деяниях описан, естественно, без особой симпатии:

Деян., 13: 6. *...нашли они некоторого волхва, лжепророка, иудеянина, именем Вариисуса, который находился с проконсулом Сергием Павлом, мужем разумным. Сей, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать слово Божие.*

Как ни странно, Сергей Павл встретил этих новых людей, о которых он, должно быть, слышал отзывы в том смысле, что они проповедовали новую и интересную разновидность иудаизма. Вариисус попытался отговорить проконсула от этого шага, так как Варнава и Савл, должно быть, были в его глазах опасными еретиками и людьми, которые соперничают с ним за милость в глазах римского чиновника.

Возможно, даже произошел спор между ними с Сергием Павлом как заинтересованным наблюдателем и слушателем:

Деян., 13: 8. *А Елима волхв (ибо то значит имя его) противился им, стараясь отератить проконсула от веры.*

Однако Савл осудил Вариисуса и чудесным образом поразил его слепотой, обеспечив таким образом обращение проконсула. Этот поступок является важным поворотным моментом в жизни Савла. Многие иудеи во времена Нового Завета имели языческие имена, либо греческие, либо римские. Среди апостолов были, например, Андрей и Филипп, с благородными греческими именами. Семь греческих руководителей имели греческие имена; имя Стефан означает «корона». Иногда у отдельного человека было и еврейское, и языческое имя, кроме того, возможно, последнее использовалось в официальных отношениях с представителями языческой власти. Так, мы получаем Иоанна (еврейское имя) Марка (римское имя).

Тот же случай был и с Савлом, который, очевидно, имел второе имя для его использования с язычниками — Павел. Во время этого столкновения с Вариисусом автор Деяний переходит к другому участнику конфликта:

Деян., 13: 9. *Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор...*

До этого момента Савл (Павел) назывался только Савлом; после этого он называется уже только Павлом, и это и есть тот самый святой Павел, который нам хорошо известен.

По-видимому, это превращение было значимым. И произошло оно именно в тот момент, когда Павел (как мы теперь будем называть его) первый раз занимался обращением язычника, и в этих действиях ему противостоял иудей.

Может быть даже так, что Павел столкнулся с решающим выбором. Сергей Павел, возможно, колебался насчет обращения в иудаизм из-за нежелания подвергнуться обрезанию и принять обязанности и обряды (странные для его собственной культуры) Закона Моисея. Поскольку Павел мог потребовать от него веры в Иисуса как Мессию без обрезания и соблюдения Закона Моисея, то это обращение и смогло победить.

Несомненно, это было важное обращение, поскольку Сергей Павел был самым важным человеком на всем острове, и это означало триумф для Павла. Здесь автор Деяний, который всюду, как правило, минимизирует споры среди христиан по поводу способов обращения язычников, не вникает в детали, но в свете более поздних событий вполне разумно предположение, что

Сергий Павел был обращен без обрезания (и, что более важно, без согласия на более позднее обрезание).

Поэтому изменение от еврейского Савл до римского Павел может символизировать уход Павла от Закона Моисея к тому, что можно было бы назвать интернационализацией христианства.

Кроме того, данное изменение имени произошло под влиянием имени проконсула. В Библии не говорится, что Павел был апостолом с римским именем от рождения или даже с юношества. Вплоть до этого момента об этом вообще не упоминается. Могло ли это имя быть принято в честь Сергия Павла или в честь победы Павла в обращении проконсула? Возможно.

Другое значение изменения имени может заключаться в том, что теперь Павел наконец почувствовал, что он навсегда оставил позади свое происхождение. Даже после того, как Павел убедил учеников в искренности своего обращения, у него были трудности, связанные с тем, что он когда-то был преследователем христиан. Когда Варнава позвал его в Антиохию, он все еще играл второстепенную роль. Когда назывались пять руководителей церкви в Антиохии, Павел называется последним:

Деян., 13: 1. В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учителя: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринеянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четвертовластника, и Савл.

(Некоторые задавались вопросом, а не мог ли этот Луций из Киринеи быть тем Лукой, который и написал третье Евангелие и Деяния.)

Кроме того, деятельность Павла в церкви до и в начале этого первого миссионерского путешествия была только при покровительстве и постоянной защите Варнавы, как если бы в отсутствие этого посвященного христианина Павел не смог бы уберечься от напоминаний ему о том, что он делал во время побивания камнями Стефана.

Даже сам Павел считает прощение трудным:

1 Кор., 15: 9. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию.

В таком случае, возможно, Павел почувствовал, что обращение Сергия Павла наконец перевесило в его пользу, и его ранние грехи искупились. Этот позор Савла теперь можно было наконец, смыть, а на его место можно было поместить новорожденного и торжествующего христианина Павла.

Памфилия

Покинув Паф, миссионеры снова пересекли море, и здесь появляется новая перемена, следовавшая сразу же после изменения имени Савл на имя Павел.

Деян., 13: 13. *Отплыв из Пафа, Павел и бывшие при нем...*

До этого момента всякий раз, когда Павел и Варнава упоминаются вместе, это были всегда «Варнава и Савл». Несомненно то, что Варнава был старшим, руководителем, организатором, более значимым лицом.

Однако теперь это «Павел и бывшие при нем». Павел появляется как лидер, а все остальные отходят на задний план. Таким это положение и остается до окончания повествования Деяний. Павел, Павел и только Павел. Когда упоминаются спутники Павла, их имена то появляются, то исчезают, подробности их приходов и уходов не даются, в то же время все внимание уделяется Павлу.

Как это случилось? Как случилось, что, только переменив имя и обратив Сергия Павла, этот апостол стал доминирующим?

Мы могли бы доказать, что, когда Павел и Варнава столкнулись с задачей вырывания Сергия Павла из рук еврейского учителя Вариисуса, Варнава уклонился от предложения Павла отказаться от обрезания. Он отступил в сомнениях, и тогда именно Павел вышел сразиться с Вариисусом. Взяв на себя инициативу в этот критический момент, Павел установил свое превосходство над Варнавой, которое Варнава никогда не смог вернуть себе назад.

То, что это вполне могло происходить таким образом, видно из утверждения Павла в Послании к галатам. Когда он ругает тех христиан, которые цеплялись за Закон Моисея и отказывались совместно трапезничать и как-то иначе общаться с язычниками, Павел говорит:

• Гал., 2: 13. *...Вместе с ним лицемерили и прочие иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием.*

Варнава, подобно Петру, хотел принимать язычников, но не мог совсем решиться на то, чтобы делать это перед лицом своего прежнего воспитания и неодобрения со стороны консерваторов, возглавляемых Иаковом.

Итак, Павел и его группа достигли побережья Малой Азии:

Деян., 13: 13. *Отплывши из Пафа, Павел и бывшие при нем прибыли в Пергию...*

Памфилия — это часть побережья Малой Азии, находящаяся сразу к северо-западу от Кипра. Чтобы из Пафа на Кипре достичь главного города Памфилии Пергии, требуется преодолеть примерно 200 миль морем. Памфилия была расположена сразу к западу от Киликии (родной провинции Павла) и схожа с ней по культуре. В 25 г. до н. э. Памфилия была захвачена Римом.

Очевидно, в ходе этого странствия усилилась размолвка между Павлом и остальными членами группы. По крайней мере, мы могли бы допустить это на основе того факта, что один важный член этой группы вернулся домой.

Деян., 13: 13. ...но Иоанн, отделившись от них, возвратился в Иерусалим.

Может быть и то, что Иоанн Марк просто затосковал по родине или заболел. В Деяниях не приводится никакой причины для этого ухода. Однако разделение, по-видимому, можно увидеть по гневу Павла, и позже оно стало поводом для ссоры между Павлом и Варнавой, и это было уже чем-то серьезным.

Можно легко предположить богословский спор. Очевидно, Иоанн Марк был из еврейской группы христиан. Если бы он действительно был автором второго Евангелия, то мы должны были бы предположить, что он был консервативно настроенным в отношении Закона Моисея, поскольку Марк подчеркивает презрение Иисуса к самаритянам и язычникам и изображает его в строгом свете иудаизма.

Писидия

Из Пергии (столицы Памфилии, города, расположенного в 10 милях к северу от побережья) Павел отправился на север в город, где была важная еврейская колония:

Деян., 13: 14. Они же, проходя от Пергии, прибыли в Антиохию Писидийскую и, войдя в синагогу в день субботний, сели.

Писидия была районом, расположенным сразу к северу от Памфилии. Его главный город был основан Селевком I, который он назвал Антиохией в честь своего отца, точно так же, как он назвал другой город, который он основал в Сирии. Именно последний превратился в метрополию и стал Антиохией, что означало, что это название использовалось тогда без уточнения. Писидийская столица идентифицировалась как «Антиохия в

Писидии». Подобно Памфилии, Писидия стала римской в 25 г. до н. э.

Павел был приглашен проповедовать в синагоге, и он тут же рассказал публике историю об Иисусе, во многом то же, что делал и Стефан в Иерусалиме на десять с половиной лет раньше. Многие из его паствы были поражены речью настолько, что захотели услышать больше в следующий день субботний. В Деяниях говорится:

Деян., 13: 42. При выходе их из Иудейской синагоги язычники просили их говорить о том же в следующую субботу.

Отсюда выглядит так, будто язычники были более готовы уверовать в послание Павла, чем иудеи. Но что язычникам делать в синагоге?

В Исправленном стандартном переводе не дается никакого упоминания о язычниках вообще, но этот стих переводится следующим образом: «Когда они [Павел и Варнава] вышли из Иудейской синагоги, их просили говорить о том же в следующую субботу». В иерусалимской Библии это переводится: «Когда они [Павел и Варнава] вышли, их просили проповедовать о том же в следующую субботу».

Вовсе не язычников притягивало учение Павла, но часть прихожан, часть иудеев. Это допускается в Библии короля Якова в следующем же стихе:

Деян., 13: 43. Когда же собрание было распущено, то многие Иудеи и чтители Бога, обращенные из язычников, последовали за Павлом и Варнавою...

Однако еврейские лидеры, очевидно, энергично оспаривали мессианский тезис Павла, настаивая на том, что Иисус не мог представлять исполнение мессианской мечты. Их авторитет снова резко направлял общественное мнение в сторону, противоположную точке зрения Павла.

Павла это, должно быть, чрезвычайно раздражало. Он выиграл великую победу с обращением язычника Сергия Павла, и теперь он испытывал не что иное, как расстройство с упрямыми иудеями — своими же собратьями-фанатиками, — которые, как ему казалось, самым естественным образом должны были обратиться к Иисусу. Поэтому Павел потерял сдержанность:

Деян., 13: 46. Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы

отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам...

Именно это решение обратиться к язычникам заставляло переводчиков Библии короля Якова притягивать (возможно) самым неоправданным образом более раннее одобрение язычниками учения Павла.

Павел не обращался исключительно к язычникам. Его ультиматум был предназначен только для этого города, а в каждом новом городе, куда он входил, он всегда подходил сначала к иудеям. Но всегда, когда они отвергали его, он обращался к язычникам того города. То, что было, возможно, импульсивным действием в искушении поймать богатый улов в Пафе, теперь становилось отлаженной политикой.

Павел оправдывал это, указывая на отрывок из Второ-Исайи, где страдающий раб, как считают, задумывал нечто большее, чем просто вернуть Израиль и Иудею из плена. Идеальное Мессинское царство должно было распространить свою славу по всей земле, чтобы язычники могли восхищаться и, возможно, подвергаться обращению:

Ис., 49: 6. ...Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли.

Очевидно, Павел начинал рассматривать себя как свет народов, о котором говорил Второ-Исайя.

Ликаония

Несмотря на завоевание обращенных, еврейская оппозиция была достаточно большой, чтобы выдворить Павла и Варнаву из Антиохии в Писидию. Они направились на юго-восток, пройдя примерно 80 миль:

Деян., 13: 51. ...пошли в Иконию.

Икония была главным городом региона Малой Азии, называемого Ликаонией, который находился к востоку от Писидии и к северу от Киликии и который, подобно последним двум, в 25 г. до н. э. стал римским городом. Из тех городов, которые Павел посетил в первом миссионерском путешествии, Иконий сохранился лучше всех. Это — восьмой из крупнейших городов современной Турции, с узнаваемым названием Кония и с населением более 120 тысяч жителей.

В Иконии Павел и Варнава проповедовали, и последовавшие обращения снова пробудили опасную ярость у главенствующих там иудеев. Миссионеры снова двинулись в путь, на сей раз далеко на юг:

Деян., 14: 6. Они... удалились в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их...

Эти города, находившиеся в 50 и 30 милях соответственно к югу от Икония, являются важными в истории только благодаря их посещению Павлом.

В Листре Павел исцеляет калеку, и толпы язычников тут же объявляют миссионеров богами:

Деян., 14: 12. И называли Варнаву Зевсом, а Павла Ермием, потому что он начальствовал в слове.

В более поздних греческих мифах было принято рассказывать о путешествиях на землю Зевса (на латыни — Юпитера) и Гермеса (на латыни — Меркурия). Наиболее известным подобным рассказом в наше время является история Филемона и Бавкиды, бедной пары стариков, живших в Малой Азии. Когда Зевс и Гермес появились в скромном облике, эта пара, когда их соседи отвергли богов, предложила им все свое гостеприимство. В результате соседи были наказаны, а бедная хижина Филемона и Бавкиды была превращена в красивый храм, в котором они стали служить в качестве священника и священнослужительницы, и в дальнейшем им подарили благо закончить свою жизнь вместе и остаться после смерти соединенными навеки.

Одним поколением ранее во всем римском мире была известна история, рассказанная римским поэтом Овидием, и, должно быть, она представляла особый интерес для жителей Малой Азии.

Тот факт, что Варнаву считали Зевсом, а Павла — Меркурием, часто интерпретируется как означающий, что Варнава представлял выдающееся явление, в то время как Павел — нет. Фактически обычно предполагается, что у Павла был невысокий рост и нерасполагающий вид, и, кроме того, болезненный.

Павел сам выделяет свои собственные физические недостатки, возможно, из скромности, а возможно, использует это как ловкий стратегический прием. Так, во Втором послании к коринфянам он описывает своих противников, говоря:

2 Кор., 10: 10. Так как некто говорит: «в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна»...

Возможно, это была сократическая ирония Павла, которая заключалась в том, чтобы намеренно выставить себя в явно худшем виде, чем в действительности, чтобы произвести реакцию, которая сделает его, по-видимому, лучше, чем он выглядел бы в противном случае. Ибо речь его была совсем не незначительна, судя по ее воздействию на аудиторию.

Это показывает уже сам тот факт, что он был назван Гермесом, «потому что он был главным оратором». Действительно, сравнение Павла с Гермесом может считаться скорее в его пользу, чем наоборот. При посещении земли Зевсом и Гермесом, как рассказывает в греческих легендах, Зевс, как главный бог, возможно, считал ниже своего достоинства делать больше, чем просто величественно и милосердно наблюдать, оставив всю деятельность Гермесу. Возможно, теперь таково было положение и у миссионеров. Варнава, все еще номинальный глава группы, но обеспокоенный действиями Павла среди язычников, возможно, все больше отходил в глубокое молчание, в то время как его предполагаемый подчиненный Павел, должно быть, говорил в каждом новом случае с постоянно увеличивающейся уверенностью.

Конечно, иногда Павел говорит о какой-то своей немощи:

2 Кор., 12: 7. И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился.

Что это за «жало в плоть», явно не говорится. По-видимому, Павел не любил говорить об этом и, по-видимому, считал, что его слушатели так или иначе прекрасно знают об этом и им нет нужды знать подробности.

Предполагается, что это какой-то вид вялотекущей болезни, периодически «поражающей» его и выводящей его из рабочего состояния. Так, в одном месте он говорит:

1 Кор., 2: 3. ...и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете.

Возможно, это его метафорический способ сказать, что он вошел в христианское сообщество, чтобы проповедовать, не в тщеславии и самоуверенности, а с робкой застенчивостью, боясь противостоять тем, кто, должно быть, знал намного больше, чем он. Если это так, то это также была сократическая ирония, так как нет и следа подобной робкой застенчивости во всех речах и деяниях, приписываемых Павлу, как до, так и после его обращения.

С другой стороны, некоторые интерпретируют это как относящееся к его болезни, возможно, к дрожи, вызываемой приступами малярии.

Кроме того, некоторые предположили, что Павел страдал от приступов эпилепсии. Они случались бы, конечно, периодически, а так как эпилепсия, как предполагалось, была вызвана одержимостью бесами, то как раз Сатана мог считаться буквально «поражающим» его во время этих приступов.

Некоторым подтверждением этой мысли служит замечание Павла в речи перед иудеями Иерусалима, в которой он описывал свои религиозные переживания. В одном месте он сказал:

Деян., 22: 17. Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление...

Конечно, существует множество причин помимо эпилепсии для появления исступления, но если Павла считать эпилептиком, то становится возможным доказать, что произошедшее около Дамаска было серьезным эпилептическим приступом, который повлек за собой галлюцинацию, которую Павел интерпретировал как явление Иисуса. Если это так, то в этом случае по крайней мере эпилепсия изменила ход развития всего мира.

Тем не менее, все подобные аргументы насчет физической внешности Павла и состояния его здоровья опираются на весьма ненадежные основания. Если вместо этого мы примем во внимание бесконечную энергию Павла, путешествия, которые он выдерживал, невзгоды, которые он преодолевал, то мы можем предположить только то, что это был человек феноменальной силы и здоровья.

Так, после того как Павел с трудом убедил язычников в Листре не поклоняться себе и Варнаве как богам, иудеи из Антиохии в Писидии и из Икония настроили людей против них, и ситуация сразу изменилась. Из богов они превратились в богохульников, и Павла побили камнями и бросили умирать. Быть побитым камнями до смерти — значит быть действительно побитым, однако Павел с трудом сумел встать на ноги и на следующий день оставить Листру с Варнавой и отправился в Дервию. Слабый и болезненный человек никогда не смог бы справиться с этим.

Агталия

Павел и Варнава готовы были теперь возвратиться в Антиохию, и из Дервии они могли легко отправиться на 120 миль на юго-запад, то есть к побережью Сицилии, и там нанять судно

для отплытия в Антиохию. Они могли даже углубиться еще дальше в восточном направлении и посетить дом Павла в Тарсе.

Но Павел не сделал этого. На самом деле, по-видимому, в ходе своей миссионерской работы он не успел многое сделать в Киликии. Мог ли он закончить, насколько это было возможно, работу в течение всех лет, проведенных в Тарсе, до того, как Варнава позвал его в Антиохию? Или же (что более вероятно) он был, подобно Иисусу, пророком без чести в своем отечестве?

В любом случае, вместо этого миссионеры решили вернуться той же дорогой, снова посещая те церкви, которые они основали в различных посещенных ими городах:

Деян., 14: 25—26. И, проповедавши слово Господне в Пергии, сошли в Атталию, а оттуда отплыли в Антиохию, откуда были преданы благодати Божией на дело, которое и исполнили.

Атталия — это морской порт в Пергии. Он был основан Атталом II из Пергама и назван именем его основателя. Так закончилось первое миссионерское путешествие Павла.

Сила

Очевидно, сообщение Павла о своих действиях касательно язычников, о том, что он не потребовал от них полного подчинения требованиям Закона Моисея, было принято церковью в Антиохии:

Деян., 14: 27. Прибыв туда и собрав церковь, они рассказали все, что сотворил Бог с ними и как Он отверз дверь веры язычникам.

Вместе с тем серьезное неодобрение этих действий последовало со стороны христианских старейшин в Иерусалиме. Фракция во главе с Иаковом считала необходимым соблюдение Закона Моисея:

Деян., 15: 1. Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись.

Кто эти люди, не говорится, но одним из них мог быть Петр. В Послании к галатам Павел, возможно, касается этого эпизода, когда говорит:

Гал., 2: 11. Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию.

Павел поддевал Петра тем, что тот собирался есть с язычниками, как в случае с Корнелием, однако тут же менял свое мнение под нажимом Иакова и его группы.

Этот спор становился горячим и казался настоящей опасностью для нарождающегося христианства, разбивая его на два враждующих крыла. Поэтому было решено, чтобы сторонники этих двух взглядов собрались и разрешили эти вопросы и пришли к каким-нибудь общим выводам:

Деян., 15: 2. Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим.

После этого произошло то, что называлось Иерусалимским советом, который, как предполагается, прошел в 48 г. Вполне возможно, что Иаков занял крайнюю промоисееву позицию, Павел — крайнюю антимоисееву позицию, в то время как Петр и Варнава боролись за компромисс. Таким образом:

Деян., 15: 5. Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезывать язычников и заповедывать соблюдать закон Моисеев.

Однако Петр встал (возможно, после еще звеневших в его ушах саркастических слов Павла в Антиохии), чтобы признать, что в случае Корнелия он сам принял необрезанного язычника. Он сказал:

Деян., 15: 7. ...вы знаете, что Бог от дней первых избрал из нас меня, чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали...

Это выбило почву из-под ног приверженцев Закона Моисея. Павел рассказал о достижениях своего первого миссионерского путешествия, возможно описав свои действия как соответствующие традиции Петра. Иаков вынужден был сдаться:

Деян., 15: 13—14. ...начал речь Иаков и сказал: мужи братия! Послушайте меня. Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников...

(Иаков ссылается здесь на Петра посредством его полного арамейского имени — Симон, как если бы автор Деяний ста-

рался продемонстрировать семитизм Иакова даже посредством греческого языка, на котором он писал.)

Однако Иаков держался за компромисс, настаивая по крайней мере на четырех ритуальных воздержаниях, на которые должны согласиться обращаемые язычники:

Деян., 15: 20. *А написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе.*

Но от них нельзя требовать, чтобы они подвергались обрезанию или твердо соблюдали сложные пищевые законы (можно было даже не воздерживаться от поедания свинины — причина, по которой мученики в маккавейские времена с готовностью шли на смерть от пыток).

Фактически это была ошеломительная победа взглядов Павла. Возможно, именно в этом случае Павел (а через него и церковь в Антиохии) приобрел равенство с руководителями церкви в Иерусалиме. Павел упоминает о таком случае в Послании к галатам:

Гал., 2: 9. *...Иаков и Кифа [Петр] и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным...*

Таким образом, действительно сформировались два крыла христианства — пророкеево крыло под руководством Иакова и языческое крыло под руководством Павла. Однако они не враждовали, а договорились между собой о перемирии. Когда Павел и Варнава возвратились в Антиохию, были отобраны члены церкви в Иерусалиме, чтобы они сопровождали их, почти как если бы они должны были служить в качестве послов от одного крыла к другому:

Деян., 15: 22. *Тогда Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избрав из среды себя мужей, послать их в Антиохию с Павлом и Варнавою, именно: Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей, начальствующих между братьями...*

Иуда Варсава не упоминается больше нигде, кроме этой главы, но Сила позже играл важную роль, когда он сопровождал Павла в более поздних миссионерских поездках.

Подобно Павлу, Сила, возможно, был римским гражданином. По крайней мере, когда оба они позже подвергаются телесному

наказанию со стороны римских властей, Павел говорит об их гражданстве во множественном числе:

Деян., 16: 37. Но Павел сказал к ним: нас, римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу...

Если Сила был римским гражданином, то он также мог иметь латинское имя, эквивалентное имени его спутника (Павел). В Деяниях Сила никогда не упоминается под каким-либо другим именем, но в некоторых посланиях есть ссылка на кого-то с подобным именем:

1 Фесс., 1: 1. Павел и Силуан и Тимофей — церкви Фессалоникской...

Обычно считается, что Силуан является латинским именем, используемым Силой.

Тимофей

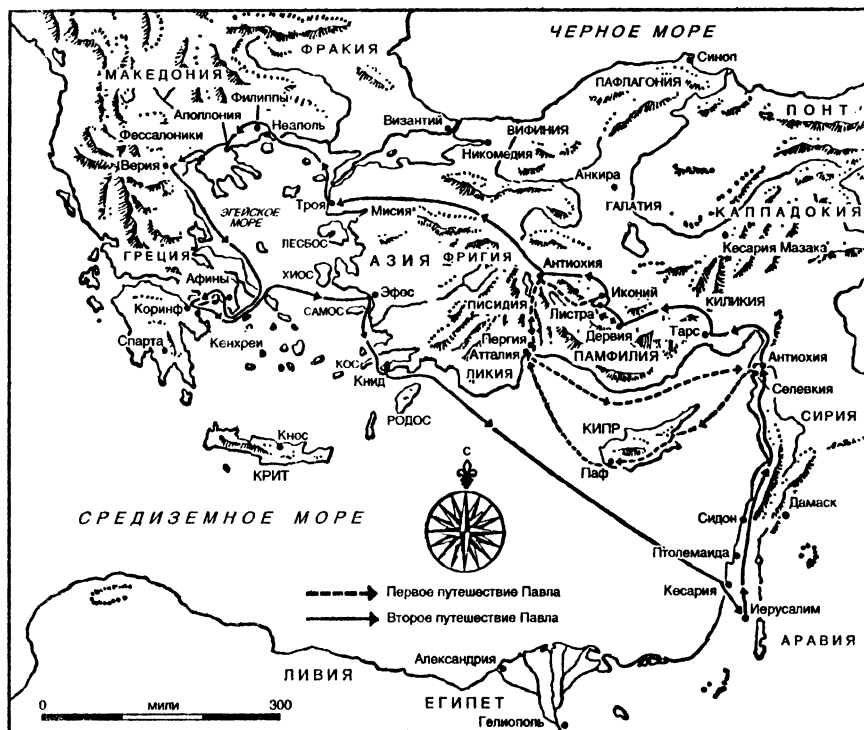
Некоторое время спустя после Иерусалимского совета Павел предложил Варнаве повторно посетить те церкви, которые они основали на Кипре и в Малой Азии. Варнава согласился и предложил снова взять Иоанна Марка. В данном случае Павел резко отказался, поскольку он считал, что Иоанн Марк бросил их во время первой поездки:

Деян., 15: 39. Отсюда произошло огорчение, так что они разлучились друг с другом; и Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр...

Вполне возможно, было так, что Павел, серьезно порицавший склонность Иоанна Марка к промоисеевой точке зрения, даже не доверял в этом вопросе и позиции Варнавы. Он считал, что последний также был готов идти на компромисс с группой Иакова. С другой стороны, Варнава не мог так легко осуждать своего собственного племянника и даже обиделся на то, как Павел обрел высшее положение.

В конце концов, маршрут был разделен между Павлом и Варнавой:

Деян., 15: 39—41. ...Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр; а Павел, избрав себе Силу, отправился, быв поручен братьями благодати Божией, и проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви.

Первая и вторая поездки Павла

Другими словами, каждый посетил свою родную территорию. После этого расхождения Варнава исчезает из виду и больше не упоминается.

Когда Павел и Сила достигли Листры в Ликаонии (поскольку Павел просто прошел через Киликию и, возможно, Тарс, и не было никаких упоминаний о его проповеди там), они взяли с собой нового спутника:

Деян., 16: 1. ...И вот, там был некоторый ученик, именем Тимофей, которого мать была иудейка уверовавшая, а отец Елли...

Очевидно, Тимофей (имя, означающее «почитающий Бога») был некоторым образом христианином третьего поколения, так как его мать и бабушка были обращены во время первого миссионерского посещения Листры Павлом. Во Втором послании Павла Тимофею Павел говорит об этом:

2 Тим., 1: 5. *Приводя на память нелицемерную веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике; уверен, что она и в тебе.*

Здесь проявилась шаткая природа перемирия между крылами христианства, возглавляемыми Павлом и Иаковом. Павел хотел взять Тимофея с собой в поездку, но Тимофей был не обрезан, и христиане Листры знали это. Очевидно, достаточно многие из них были из промоисеевого крыла, чтобы вынудить Павла действовать скорее из целесообразности, чем по убеждению; особенно если также принять в расчет точку зрения необращенных иудеев:

Деян., 16: 3. *Его пожелал Павел взять с собою; и, взяв, обрезал его ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин.*

Фригия и Галатия

Павел посетил церкви, которые он основал:

Деян., 16: 6. *Пройдя через Фригию и Галатийскую страну...*

Фригия и Галатия находились в самом центре Малой Азии, к северу от Писидии и Ликаонии. Во времена Павла Фригия фактически не образовывала какую-то отдельную политическую единицу. Она получила свое название от народа, который господствовал над Малой Азией более тысячи лет назад, во времена Троянской войны и Исхода евреев из Египта. Это относилось к региону, который во времена Селевкидов составлял восточную часть царства Пергам. После 133 г. до н. э. он образовал восточную часть провинции Азия.

Галатия была сравнительно более молодым образованием. Она получила свое название от галлов, которые вторглись в Малую Азию примерно в 278 г. до н. э. В 235 г. до н. э. они были побеждены и вынуждены были мирно осесть в центральной Малой Азии в области, которая стала называться в их честь Галатией. Галлы быстро эллинизировались. В 25 г. до н. э. Галатия стала римской провинцией, и, как у провинции, ее границы время от времени изменялись.

Поскольку Галатия в то или иное время включала в себя различные районы внутренней Малой Азии, это слово стало обычно использоваться в обычной речи для обозначения внутренней части полуострова.

Троада

Посетив церкви, которые Павел уже основал, он направился в места с новой паствой. Однако они не должны были граничить со старыми, поэтому он прошел через всю западную Малую Азию не проповедуя:

Деян., 16: 6. Пройдя через Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Асии. Дойдя до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их. Миновав же Мисию, сошли они в Троаду.

Павел решил не проповедовать в городах провинции Азия, а быстро прошел через ее северо-западный район (Мисию). Он также не отклонялся с пути, чтобы проповедовать в Вифинии, районе Малой Азии, который находился к северо-востоку от Мисии и занимал большую часть побережья полуострова в Черном море. Вифиния, которая была отдельной от провинции Азия, в 65 г. до н. э. стала римской. Наконец, Павел достиг Троады, той части Мисии, которая образовала северо-западную оконечность Малой Азии. Это название было дано небольшому полуострову, который получил это название потому, что двенадцать веков назад на этом месте существовал город Троя, разрушенный греками после самой знаменитой осады в истории.

Троада — это название, применимое также к городу, основанному вблизи местонахождения древней Трои. К 300 г. до н. э. он стал называться Александрией Троадой (в честь Александра Македонского), или, коротко, Троадой. Именно к этому городу, а не к полуострову относятся библейские упоминания о Троаде.

Затем, по-видимому оставив там церкви, которые Павел основал, он в большой спешке (если мы можем так расценить то, как это странствие было сжато в три стиха) отправился на запад. Должно быть, он ехал, имея в виду твердую цель, поскольку он не поворачивал ни влево, ни вправо — чтобы проповедовать в Азии или в Вифинии. Вместо этого он двигался прямо в Троаду и оказался там в 600 милях к западу от Антиохии.

Естественно, на языке того времени эта твердая цель, ведущая Павла вперед, была приписана работе Святого Духа, запретившего ему проповедовать в Азии или Вифинии. Некоторые считают, что ссылка на Дух — это способ сказать, что Павел был в плохом состоянии здоровья и не мог проповедовать, но, по-видимому, такая гипотеза не верна. Если он был достаточно силен для того, чтобы отправиться на сто миль в трудных условиях того времени, он был бы достаточно силен, чтобы пропо-

ведовать. Легче предположить, что твердое решение Павла, его сильное желание делать только то, что он собирался сделать, и ничто иное, могло интерпретироваться другими и им самим как движущая сила Святого Духа.

Но что он собирался сделать? Это заставляет предположить, что, когда Павлу в Иерусалимском совете давали официальное разрешение пойти к язычникам, ему пришло в голову, что он должен отправиться в самый центр и источник язычества. Почему бы не оставить Малую Азию и не проникнуть в Европу? Порт Троада был именно тем, что он хотел, поскольку множество судов шло оттуда через Эгейское море в Македонию или даже в саму Грецию.

А не могло ли быть даже так, что это и было его главной целью с начала его второго миссионерского путешествия? То, что предполагаемая цель повторно посетить церкви центральной Малой Азии была всего лишь прикрытием для того, чтобы обеспечить благословение со стороны сообщества в Антиохии, которое в противном случае могло отступить от слишком смелого проекта. И мог ли Павел доверять эти планы Варнаве, после чего Варнава также мог отшатнуться? (Это и была истинная причина ссоры между ними.)

Согласно этой точке зрения, Варнава испытывал недостаток в смелом видении Павла, удовлетворился узкими границами Кипра и сошел с подмостков истории. Павел же поехал без Варнавы, и вместе с ним двинулось вперед будущее христианства.

Македония

Как только Павел оказался в Троаде, он тут же, не теряя времени, отправился в Европу. Это было путешествие, которое автор Деяний объясняет в соответствующих библейских терминах:

Деян., 16: 9—10. И было ночью видение Павлу: предстал некий муж, македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам. После сего видения, тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там.

Македония, которая в период царствования Александра Македонского завоевала огромную империю, с 146 г. до н. э. стала просто частью Римской империи. В течение двух столетий она оставалась мирно дремлющей под обширной тенью Рима и фактически испытывала недостаток в исторических событиях. В гла-

зах более поздних поколений (но не современников, конечно) таким событием стало только пришествие Павла, которое, наконец, возвратило Македонии значение, связанное с течениями мировой истории.

В Деяниях (16: 10) появляется неожиданное использование местоимения «мы»: «Мы положили отправиться в Македонию».

Обычно отсюда делается вывод, что автор Деяний Лука является теперь частью группы Павла. Однако мы не можем сказать, как это могло случиться. Автор данной книги с разочарывающей скромностью никогда ничего о себе не говорит. Действительно ли Лука был уроженцем Троады, который, подобно Тимофею, был обращен и затем вовлечен в окружение Павла?

Ввиду того что с точки зрения ранних традиций он был сирийцем из Антиохии, он мог быть посланцем церкви в Антиохии, которого отправили после Павла с сообщениями, или, возможно, уже принес обратные новости? Он настиг Павла в Троаде и решил сопровождать его?

В библейском описании об этом ничего не говорится.

Филиппы

Примерно в 50 г. Павел попал в Европу:

Деян., 16: 11—12. Итак, отправившись из Троады, мы прямо прибыли в Самофракию, а на другой день в Неаполь, оттуда же в Филиппы...

От Троады до самого близкого важного морского порта Македонии лежал путь по морю в 125 миль на северо-запад. Он был преодолен в две стадии, с остановкой на пути на небольшом острове Самофракия в северном Эгейском море (площадь в 66 квадратных миль), который лежит примерно на полпути от пункта посадки до места назначения.

Македонский морской порт Неаполь («Новый город»), который находится на северном побережье Эгейского моря, обслуживал город Филиппы, который находился на десять миль внутрь материка и был одним из самых крупных македонских городов. Первоначально Филиппы был греческим поселением, называвшимся Кренид (Crenides) («источники»). Однако в 356 г. до н. э. он был захвачен Филиппом Македонским и переименован им в Филиппы в свою собственную честь. Его значение для Филиппа было в том, что владение им обеспечивало ему конт-

роль над близлежащими золотыми рудниками, и Филипп не скупясь использовал золото для свержения греческих политических деятелей. Именно обилие золота у Филиппа и его армии помогло македонцам приобрести власть над всей Грецией.

В период между захватом Филиппом этого города и прибытием туда Павла только одно событие заслуживало того, чтобы вынести его на яркий свет истории. После убийства Юлия Цезаря армии во главе с его убийцами Брутом и Кассием столкнулись с другими армиями во главе с Марком Антонием и Октавианом. Сражение произошло вблизи Филипп в 42 г. до н. э. Сначала оно развивалось так, что будущий исход его был неясен, но Кассий, преждевременно испугавшись поражения, убил сам себя, и после этого Антоний и Октавиан одержали чистую победу.

Благодаря своей победе в сражении при Филиппах, Антоний и Октавиан смогли поделить Римскую империю между собой, и примерно через двенадцать лет Октавиан победил Марка Антония, принял на себя единоличную власть и стал императором Августом.

Лидия

В Филиппах Павел совершил некоторые обращения:

Деян., 16: 14—15. *И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел. Когда же престилась она...*

Имя Лидия не использовалось в древние времена как женское, и предполагается, что эту женщину звали не Лидией, просто она была из области Лидия, и стих лучше можно было бы перевести: «И одна лидийская женщина...»

Лидия — это было название царства, управляющего западной половиной Малой Азии в тот период, когда иудеи были в вавилонском плену. С 560-го по 546 г. до н. э. ею правил Крез, богатство которого стало пословицей. В 546 г. до н. э. Крез был побежден Киром, и Лидия стала частью Персидской империи. После смерти Александра Македонского за этот регион боролись его военачальники, и наконец он возродился в греческой форме как царство Пергам. В 133 г. до н. э. Лидия стала римской провинцией Азии, но название Лидия все еще могло применяться к западно-центральной части этой провинции.

Столицей Лидии был город Сарды в западно-центральной Малой Азии, расположенный примерно в 50 милях от Эгейского моря. Фиатир был северо-западным пригородом, основанным Селевком I. В нем процветала торговля фиолетовым красителем, который сделал знаменитым финикийский город Тир. (Это был один из самых редких красителей, известных в Древнем мире, который сохранял свой яркий цвет даже под воздействием воды и солнечного света, и поэтому он был самым ценным изделием. Разумеется, в настоящее время мы располагаем любыми количествами синтетических красителей.) Лидийская женщина из Фиатира, торговавшая своим товаром на новом рынке, вероятно, была весьма зажиточной, поскольку могла позволить себе финансировать группу Павла во время ее пребывания в Филиппах.

Таким образом произошло так, что у Павла, который прибыл в Македонию в поиске новых перспектив для обращения, в качестве его первой новообращенной была женщина из Малой Азии.

Павел также обнаружил, что не только иудеи, но и язычники могли быть преследователями. В то время язычники не делали различия между иудеями и христианами, и они реализовали закон, запрещавший еврейскую прозелитизацию среди греков. Павла и Силу привели к судье, и им было предъявлено следующее обвинение:

Деян., 16: 20—21. ...сии люди, будучи иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять.

Павла и Силу выпороли и на некоторое время посадили в тюрьму, потом выпустили, согласно описанию в Деяниях, благодаря случившемуся чудесным образом землетрясению. Когда обнаружилось, что они были римскими гражданами и их выпороли без надлежащей проверки, они были оправданы. Несомненно, если бы у них выяснили римское гражданство вовремя, то их выпустили бы на свободу и без землетрясения.

Фессалоники

После этого группа Павла оставила Филиппы и отправилась через Македонию на запад:

Деян., 17: 1. Пройдя через Амфиполь и Аполлонию, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога.

Амфиполь — это город, расположенный в 25 милях к юго-западу от Филипп и основанный как афинская колония в 436 г. до н. э., когда Афины находились на вершине своего золотого века. В 424 г. до н. э. он был захвачен Спартой, а в 357 г. до н. э. был захвачен Филиппом Македонским. Во времена Нового Завета Амфиполь стал местом римского правителя этого региона Македонии, несмотря даже на то, что на самом деле он не был частью этой провинции, а считался свободным городом.

В 20 милях дальше на юго-запад располагалась Аполлония, сравнительно небольшой город, а в 40 милях к западу от него были Фессалоники.

Фессалоники расположены на северо-западном побережье Эгейского моря. Первоначально они назывались Термой (от греческого слова, означающего «горячий», из-за расположенных поблизости горячих источников). Поэтому узкий пролив Эгейского моря, в конце которого был расположен этот город, назывался Термовским заливом. После смерти Александра Македонского сын одного из его военачальников Кассандр захватил власть над Македонией. Это было в 316 г. до н. э., и он удерживал свою власть вплоть до смерти, наступившей через двадцать лет. Он женился на двоюродной сестре Александра, девушке по имени Фессалоника, и в 315 г. до н. э. он построил вблизи Термы новый город и назвал его Фессалоники в ее честь.

Из-за своего выгодного для торговли положения Фессалоники быстро росли и в конечном счете стали одним из наиболее важных в Македонии городов. Несмотря на все исторические превратности, город остался крупным и важным. После турецкого завоевания Греции в XV в. первый слог его названия выпал, и он стал более известным как Салоники.

Даже сегодня Салоники являются крупным городом. Действительно, это второй по величине город современной Греции, с населением 250 тысяч жителей.

Фессалоники были первым македонским городом, в котором Павел обнаружил еврейское население, достаточно большое, чтобы содержать синагогу. Он добился нескольких обращений, но (как, вполне вероятно, он и ожидал) намного больше среди греков, чем среди иудеев. Раздраженные этим еврейские лидеры взбунтовались и восклицали, что Павел проповедовал измену, объявляя Иисуса царем, противостоящим римскому императору. (Это была именно та точка зрения, которая заставила Понтия Пилата осудить Иисуса на распятие на кресте.) Поэтому Павел и Сила посчитали благоразумным покинуть Фессалоники.

Верия (Берея)

Следующий переезд был на 30 миль к западу:

Деян., 17: 10. *Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию...*

Во времена Павла Верия была крупным городом, наравне с Фессалониками, или даже больше. С тех пор он пришел в упадок, но все еще существует в современной Греции под названием Веройя, как значительный город с населением в 25 тысяч жителей.

В нем также была синагога, и в Деяниях пишется, что иудеи там были более расположены к Павлу, чем иудеи Фессалоников. Однако фессалоникские иудеи послали в Верию делегатов, чтобы они предупредили здешних иудеев об опасностях этой новой ереси.

Какое-то время Сила и Тимофей оставались в Верии, но Павел был выслан.

Афины

На сей раз Павел отправился примерно на две сотни миль на юг к самому великому из всех греческих городов, по репутации и славе, не только по размерам:

Деян., 17: 15. *Сопровождавшие Павла проводили его до Афин...*

В V в. до н. э. Афины переживали золотой век в искусстве, литературе и философии, который в некоторых отношениях так никогда и не был превзойден. Это был один из множества небольших греческих городов-государств, и Афины, несмотря даже на то, что были одним из самых крупных среди них, по площади и населению были не больше, чем государство Род-Айленд.

Некоторое время Афины господствовали над Грецией в политическом и военном отношениях, но они были побеждены в долгой и ужасной Пелопоннесской войне со Спартой, которая продолжалась с 431-го по 404 г. до н. э., через столетие Афины оказали незначительное сопротивление Филиппу Македонскому.

Но греческие города-государства больше не могли сравниться с великими монархиями, которые вырастали по всему миру. Афины приходили в дальнейший упадок и продолжали отста-

вать все дальше, и, хотя они спаслись от разрушения, опять-таки благодаря всеобщему почитанию их великого прошлого, постепенно они утратили свое политическое значение.

В течение двух столетий Афины сохраняли самоуправление и контроль над собственными внутренними делами, хотя и подчинялись Македонии. А после 146 г. до н. э., когда Рим стал господствовать над всей Грецией, Афины, тем не менее, продолжали существовать как свободный город.

Только однажды город дрогнул. В 88 г. до н. э. Митридат VI из Понта (царства на северо-востоке Малой Азии) посмел воевать против Рима. Он одержал первые победы и разрушил все римские постройки на полуострове. Афины, недовольные римским правлением и недооценившие ситуацию, признали правителем Митридата.

Однако Рим послал в восточном направлении Суллу, одного из своих опытных военачальников, и за ним последовало мрачное римское войско. Афины пытались оказать сопротивление и удерживали осаду, но Митридат не пришел им на помощь, и в 86 г. до н. э. Сулла захватил город и разграбил его. После чего Афины уже больше никогда не попытались восстановить свою собственную независимость.

Афины успокоились, полностью подчинившись римской власти, пока эта власть продолжала существовать. Они остались с мечтами о прошлом тихого «университетского городка», куда римляне и греки приходили для получения образования в философии.

В то время как Павел ждал в этом «университетском городке» Силу и Тимофея, пока они не присоединятся к нему, он спорил с местными иудеями и в ужасе и отвращении смотрел на красивые храмы и великие произведения искусства, которыми он был окружен, так как все это казалось ему исключительно дурными объектами для идолопоклонства.

Эпикурейцы и стоики

В Афинах существовала традиция полной свободы слова, и благодаря этому допускалось высказывание всех точек зрения. Разные философы, услышав в своей среде чужеземца, который выражал странные и новые взгляды, стремились узнать побольше:

Деян., 17: 18. Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним...

Эпикурейцы и стоики были двумя важными философскими школами в Афинах того времени.

Первая была основана Эпикуром, который был уроженцем греческого острова Самос (в 341 г. до н. э.). В 306 г. до н. э. он основал в Афинах школу, и она оставалась чрезвычайно успешной вплоть до его смерти в 270 г. до н. э. Эпикур принимал взгляды некоторых более ранних греческих философов и рассматривал вселенную как состоящую из крошечных частиц, называемых атомами. Всякое изменение, утверждал он, заключалось в беспорядочных расщеплениях и перегруппировках этих атомов, и в эпикурейской философии оставалось немного места для какого-либо намеренного управления человеком и вселенной со стороны богов. Философия была по существу атеистической, но весьма терпимой; они с готовностью прошли бы те ритуалы, которые даже считали бессмысленными, чтобы избежать нанесения ненужных обид или не способствовать созданию для себя ненужных проблем.

Во вселенной, состоящей из беспорядочно движущихся атомов, человек мог ощущать две вещи: удовольствие и страдание. Разумеется, человек должен вести себя так, чтобы в максимальной степени наслаждаться удовольствиями и как можно меньше испытывать страданий. Осталось только решить то, что же в действительности является наибольшим удовольствием. Согласно Эпикуру, если чего-то приносит удовольствие, то большое количество этого не обязательно приносит большее удовольствие. Голодание из-за недоедания болезненно, но расстройство желудка из-за переедания также болезненно. Максимум удовольствия происходит при умеренном питании, и так же обстоит дело и с остальными радостями жизни. Кроме того, есть умственные удовольствия; удовольствия обучения; удовольствия от приятной беседы; удовольствия от дружбы и привязанности. Эти удовольствия, согласно Эпикуру, более приятны и желательны, чем обычные плотские наслаждения.

Не все те, кто следовал эпикурейской философии, были столь же мудры и умеренны, как сам Эпикур. Легко было поставить на первое место плотские наслаждения и трудно установить им какой-либо предел. Так что слово «эпикуреец» вошло в язык как означающее «предающийся наслаждениям».

Эпикурейская философия во времена Селевкида стала настолько популярной, что иудеям того периода все греки казались эпикурейцами. Любой иудей, который отказался от своей религии в пользу греческого образа мысли, становился «эпикурейцем». Еврея-отступника называли «апикорос».

Вторая знаменитая школа греческой философии была основана Зеноном, греком (возможно, с некоторой финикийской

кровью), который родился на острове Кипр примерно во время рождения Эпикура.

Подобно Эпикуру, Зенон основал школу в Афинах и преподавал в месте, где портик украшался картинами сцен Троянской войны. Оно называлось «Stoa poikile» («расписной портик»), и поэтому учение Зенона стало известным как стоицизм, а его последователи — как стоики.

Стоицизм признавал высшего Бога и, казалось, был на пути к своего рода монотеизму. Однако он также настаивал на том, что божественные силы могут нисходить на всех второстепенных богов и даже на тех людей, которые обожествлены. Таким образом, стоики могли приспособиться к преобладавшим многотеистическим системам.

Стоицизм видел необходимость ухода от страданий, но не считал, что выбор удовольствия был обязательно наилучшим способом ухода от страданий. Не всегда можно было выбрать удовольствие правильно, и, даже если оно было выбрано правильно, это просто открывало путь для нового вида страданий, которые возникают, когда удовольствие исчерпывается. Стоики верили в то, что сами они находятся по ту сторону удовольствия и страдания, воспитывая в себе безразличие и высокую отрешенность ума, служащего справедливости без эмоций. Если человек ничего не хочет, ему не нужно бояться что-то потерять. Все, что нужно, есть в самом человеке. Если человек самому себе учитель, то он ни для кого не может быть рабом. Если он живет жизнью, в которой следует твердому кодексу морали, ему нет нужды бояться агонизирующей неуверенности в повседневных решениях.

В своем высшем расцвете и эпикурейство, и стоицизм могли породить в своей среде людей высоких моральных качеств и с прекрасным нравственным поведением. Особенно верно это было для стоицизма. Так, наиболее известным стоиком был римский император Марк Аврелий, который правил спустя немногим более века после времени Павла. Хотя он и был язычником, имел многие качества, обычно связываемые с христианским святым.

Дионисий Ареопагит

Очевидно, речь Павла была достаточно интересной или любопытной для философов, так что они привели его к месту, где его могли слышать максимально возможное число важных людей города:

Деян., 17: 19. *И, взявши его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою?*

Слово «ареопаг» означало «холм Ареса» (или «холм Марса» в латинской версии) и было местом, где у афинян был главный двор. Это была цитадель аристократов во времена непосредственно перед величием Афин, но, по мере того как в течение своего золотого века Афины становились все более демократическими, ареопаг все более утрачивал свою силу. При римском правлении ареопаг восстановил часть своего престижа и служил тем орудием, благодаря которому велись многие внутренние дела города.

Если бы Павел ограничился только проповедью вопросов этики и морали, он, несомненно, получил бы симпатии, если не покровительство со стороны искушенных и осознающих свое превосходство афинян. Однако, когда он приблизился к своей великой теме воскресения Иисуса (тема, которой полны его послания), афиняне не могли не рассмеяться:

Деян., 17: 32. *Услышавши о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время.*

Деян., 17: 34. *Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит...*

Очевидно, Дионисий упоминается потому, что он был членом правящего совета Афин и поэтому обладал наибольшим авторитетом из обращенных Павла.

Это единственное упоминание об этом новообращенном в Библии, и, тем не менее, позже вокруг этого единственного стиха была выстроена обширная традиция. Возможно, греческий снобизм сказался в том, что одного новообращенного афинянина посчитали особенно важным только потому, что он был афинянином.

Дионисий Ареопагит стал по традиции первым епископом Афин.

В VI в. франкский историк Григорий Турский говорил о епископе по имени Дионисий, который был послан в Галлию примерно в 250 г. Он стал епископом Парижа, погиб мученической смертью и в конечном счете стал считаться святым покровителем Франции, получив французский вариант своего имени — святой Дени. Столетие спустя ссылка на Григория была искажена так, что считали, что Дионисий был послан в Галлию в 90 г., и вслед за этим его отождествили с Дионисием Ареопагитом.

А примерно в 500 г. в Сирии появились некоторые сочинения, которые были приписаны Дионисию Ареопагиту. Подделка была совершенно очевидной, так как в них упоминались события, которые, должно быть, произошли через много лет после смерти Дионисия. Автор сочинений (который, вероятно, никогда не будет известен) упомянут как Псевдо-Дионисий. Несмотря на неуклюжесть этой подделки, она была принята за подлинник важными церковными лидерами на Востоке и оказала большое влияние на богословские споры того времени.

Коринф

Покинув Афины, Павел отправился примерно на 50 миль на запад:

Деян., 18: 1. После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф...

Коринф расположен на узком полуострове, соединяющем Пелопоннес (самый южный полуостров Греции) с остальной землей. Из-за этого он имеет доступ к морю на востоке и западе и был великим торговым центром. Во времена греческого величия он был преуспевающим и богатым, торговым соперником Афин и поэтому воевал в Пелопоннесской войне на стороне Спарты.

После 338 г. до н. э. Коринф оказался во власти македонского гарнизона, но он оставался процветающим. Действительно, к тому времени Македония была побеждена Римом, и он стал править Грецией, Коринф же остался самым преуспевающим городом на греческой материковой земле.

Однако в 149 г. до н. э. Македония, воспользовавшись тем, что Рим был занят войной в другом месте, сделала попытку восстания. Оно было быстро подавлено, но терпение римлян кончилось. Им казалось, что греческие города поддерживали Македонию. Они намеренно решили преподать урок и послали войско против самого богатого из них — Коринфа.

Город, ужаснувшись вторжения, торопливо сдался, но из этого ничего хорошего не вышло. Римский полководец собирался проучить греков, и он это сделал. В 146 г. до н. э. город был разграблен, мужчин убили, а женщин и детей продали в рабство.

Ровно столетие Коринф лежал в опустошенных руинах, вплоть до 46 г. до н. э., когда Юлий Цезарь восстановил его. Новый Коринф воскрес и во времена Павла снова процветал,

став столицей римской провинции Ахайя, которая включала в себя собственно Грецию.

С Коринфом случались и другие бедствия, с которыми он боролся в своей более поздней истории, но он выжил и в наше время существует как город с населением в 16 тысяч жителей.

Акила

В Коринфе Павел оставался в течение полутора лет, там он поселился, чтобы заработать себе на жизнь посредством своего ремесла:

Деян., 18: 2. И, нашед некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтиянина, недавно пришедшего из Италии, и Прискиллу, жену его, — потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима, — пришел к ним...

Именно они были изготовителями палаток или ткачами, ранее упомянутыми в этой главе. Очевидно, Павел прибыл в Коринф вскоре после указа Клавдия выслать всех иудеев из Рима. Этот указ, который сохранял силу несколько лет, был издан в 49 г., и это дает еще одну веху, чтобы отмерить хронологию позедок Павла.

Галлион

Коринфские иудеи энергично возражали против действий Павла, но, очевидно, они ничего не могли сделать против него при находившемся тогда у власти правительстве. Однако они увидели для себя благоприятную возможность, когда пришел новый правитель. Они надеялись, что новый правитель посочувствует их точке зрения.

Деян., 18: 12. Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилице...

Ахайя, или Ахея (первое слово в греческом произношении, второе — в латинском), — это регион, окаймляющий северный берег Пелопоннеса. В великие дни Греции он играл лишь очень незначительную роль, поскольку находился под пятой могущественной Спарты, расположенной сразу к югу от него. Однако

после смерти Александра Македонского, поскольку Спарта уже давно была бессильной, города Ахеи начали объединяться для общей защиты и сформировали Ахейскую лигу. В течение более века Ахейская лига сохраняла частицу греческой свободы.

Однако в 146 г. до н. э. этому пришел конец, когда Коринф был разрушен римскими войсками. Последняя частица греческой независимости исчезла, но память об Ахейской лиге еще оставалась в названии, которое римляне дали своей греческой провинции. Это была провинция Ахея, или Ахайя.

Что касается римлянина, который теперь пришел в Коринф, чтобы править провинцией, это был Юний Анней Галлион. Это было заимствованным именем. Родился он в Испании, а его первоначальным именем было Марк Анней Новат.

Он был старшим братом Луция Аннея Сенеки, самого знаменитого стоического философа среди римлян древней империи и наставника молодого человека, который позже стал императором Нероном.

Племянником Галлиона был Лукан (точнее, Марк Анней Лукан), который позже при Нероне стал знаменитым поэтом.

Известно, что в 52 г. Галлион стал проконсулом провинции Ахея, и это определяет дату, когда Павел посещал церкви, в которых он останавливался в Коринфе. Галлион выслушал жалобы евреев против Павла с отвращением и нетерпением. Для него это было просто:

Деян., 18: 15. *...спор об учении и об именах и о законе вашем...*

Другими словами, для него это был утомительный вопрос чуждой семантики, и он отказался участвовать во всем этом. Поэтому Павел был спасен.

Между прочим, конец жизни Галлиона был трагическим. Его младший брат философ Сенека и его племянник поэт Лукан оба были вынуждены совершить самоубийство через двенадцать лет в период жестокого и тиранического царствования Нерона, просто потому, что они вызвали неудовольствие императора и подозрение в причастности к заговору против него. Услышав эти новости, Галлион также совершил самоубийство.

Эфес

Когда Павел наконец оставил Коринф, он взял с собой Акилу и Присциллу и проплыл 250 миль в восточном направлении, через центральную часть Эгейского моря к побережью Малой Азии:

Деян., 18: 19. *Достигнув Эфеса, оставил их там, а сам вошел в синагогу и рассуждал с Иудеями.*

Согласно традиции, Эфес был заселен греками еще в 1087 г. до н. э., когда вся Греция переживала темный век. Столетием раньше на территорию Греции ворвалась группа нецивилизованных грекоязычных племен дорийцев и разорила ее и с тех пор господствовала над этой землей. Это была часть варварских переселений, которые бросили народы моря против народов, граничивших с Восточным Средиземноморьем. Колонизация Эфеса была осуществлена греками, искавшими спасения от несчастий на родине.

Действительно, в тот период (когда израильтяне в Ханаане сами переживали подобные бедствия от господства филистимлян) все западное побережье Малой Азии было колонизировано греками. Эфес и другие соседние города были колонизированы народом из Афин и из других областей, где говорили на ионийском диалекте Греции. По этой причине область вокруг Эфеса была названа Ионией.

При умеренном правлении лидийцев в VI в. до н. э. Иония переживала быстрое культурное развитие. Именно там были такие философы, как Фалес, заложивший основы современной науки, и один из самых великих ионийских философов Гераклит из Эфеса.

После того как Персия завоевала Лидию, особенно после 500 г. до н. э., когда было безжалостно подавлено отчаянное восстание ионийцев против правящей империи, вся Иония постепенно распалась, однако. Эфес сумел сохранить свое процветание больше, чем другие, а через сто лет после Александра Македонского он стал наиболее важным греческим городом в Малой Азии. Это процветание сохранялось и во время правления Рима, которое началось в 133 г. до н. э., и, возможно, Эфес не сильно отставал от Александрии и Антиохии по количеству населения и богатству. Он пережил разграбление Суллой в 84 г. до н. э., а в 6 г. до н. э. стал столицей провинции Азия.

В Эфесе Павел оставался не долго. Он поплыл к Кесарии на иудейском побережье:

Деян., 18: 22. *Побывав в Кесарии, он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию.*

Таким образом Павел закончил свое второе миссионерское путешествие.

Аполлос

После своего возвращения в Антиохию неугомонный и пламенный Павел, который, по-видимому, не мог вынести тихую, мирную жизнь в христианском сообществе, отправился (возможно, в 54 г.) в свое третье миссионерское путешествие.

Деян., 18: 23. *И, проведши там несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников.*

И снова он оказался во внутренней части Малой Азии. Прибыл в Эфес.

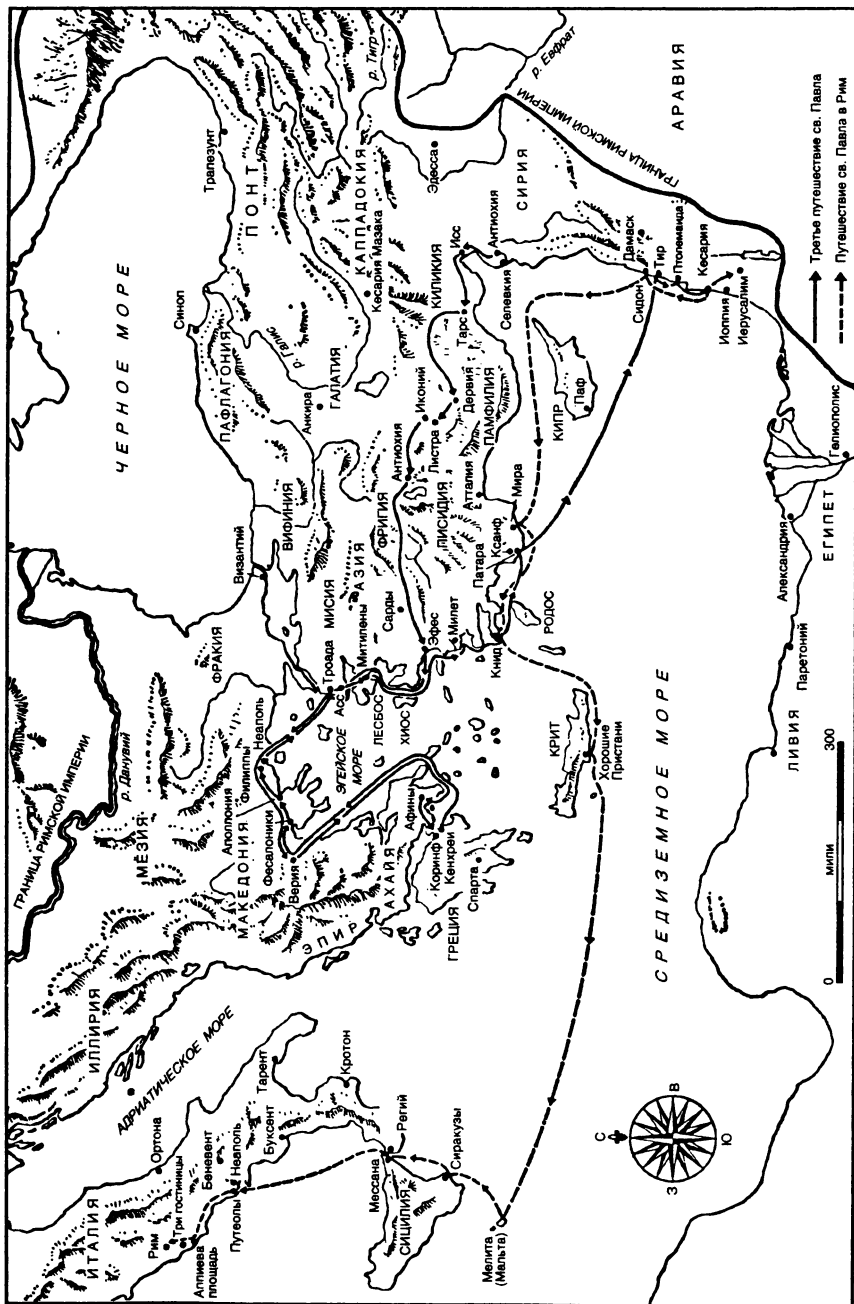
Деян., 18: 24. *Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Эфес. Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново.*

Даже теперь, через четверть века после смерти Иоанна Крестителя и Иисуса, там оставалась секта, которая обращалась к Иоанну Крестителю как своему учителю и вдохновителю, а не к Иисусу.

Как бы то ни было, ученики Крестителя казались более готовыми, чем другие иудеи, быть обращенными в христианство. Некоторые наставления Акилы и Присциллы (которых Павел привез в Эфес из Коринфа) быстро привели Аполлоса в христианскую церковь, и он переехал в Коринф, чтобы там служить.

Сам Павел в этой третьей поездке в своих путешествиях через Малую Азию добрался до Эфеса и столкнулся с учениками Иоанна Крестителя, которые с готовностью подчинились крещению во имя Иисуса.

Павел оставался в Эфесе, возможно, два-три года, до 57 г., и благодаря его влиянию находившаяся там христианская церковь сильно процветала. Действительно, поскольку Иерусалим стал первым христианским центром, а Антиохия — вторым, Эфес стал третьим центром. Более поздняя христианская традиция разработала раннюю историю церкви в Эфесе. Апостол Иоанн, сын Зеведея, как предполагалось, провел там поздний период своей жизни и написал четвертое Евангелие. Туда, как предполагалось, ушла также Дева Мария, а также Мария Магдалина и апостолы Андрей и Филипп.

Третья поездка Павла и его поездка в Рим

Диана Эфесская

Развитие церкви в Эфесе происходило не без неприятных эксцессов. Наиболее яркий из них произошел в результате демагогии серебряных дел мастера:

Деян., 19: 24—25. *...некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников...*

Богиня Диана (Артемида) была главным божеством, которому поклонялись в Эфесе. Именно ей, по крайней мере частично, город обязан своим относительным иммунитетом от превратностей истории. Эфес — это уважаемый религиозный центр, и его завоеватели испытывали перед ним некоторый страх.

Религия была сосредоточена вокруг богини плодородия, типа известной в Малой Азии, Сирии и Вавилоне богини Астарты, столь осуждаемой яхвистами Ветхого Завета. Обряды были оргиастическими, и, по мнению служителей, должны были способствовать плодородию почвы.

Этот культ восходит к периоду до пришествия греков в эту часть мира и, возможно, первоначально сосредоточивался вокруг падения метеорита.

Деян., 19: 35. *какой человек не знает, что город Ефес есть слугитель великой богини Артемиды и Дионета?*

Метеориты, падавшие с неба, являлись природными объектами поклонения для примитивных людей, которые ничего не знали об астрономии и видели в них просто предметы, брошенные вниз богом неба.

Если метеорит оказывался (что возможно) примерно похожим формой на человека, его воздействие было тем более впечатляющим. И наконец, не было недостатка в умельцах, которые вытесывали нечто похожее на узнаваемую форму. Во времена Нового Завета богиня, которой поклонялись в Эфесе, обычно показывалась как женщина, плотно одетая от талии и ниже, но кажущаяся обнаженной от талии и выше и с множеством грудей. По-видимому, эти груди символизировали беспредельное плодородие почвы.

Греки, столкнувшись с этой примитивной богиней плодородия, вынуждены были отождествить ее с несколько более знакомой представительницей греческого пантеона, и они выбрали

богиню охоты Артемиду. Это был удивительно неудачный выбор, так как классическая Артемиде — это целомудренная и девственная охотница; совсем не многогрудая Мать-Земля.

Однако выбор пал на нее, и многогрудая богиня стала «Артемидой эфесян» или, в римском эквиваленте, «Дианой эфесян».

Когда Эфес находился под властью Лидии, Артемиде был построен храм, при щедром субсидировании со стороны богатого царя Креза. Примерно в 400 г. до н. э. этот храм по случайности сгорел, но он был быстро восстановлен.

Затем ночью в 356 г. до н. э. храм Артемиды сгорел снова. На этот раз — никакой случайности, то был преднамеренный поджог. Преступника быстро схватили, но прежде, чем он был казнен за святотатство, его спросили, какой у него мог быть возможный мотив для столь бессмысленного акта. Он ответил, что сотворил это, чтобы сделать свое имя бессмертным. Сразу же был издан указ, чтобы его имя было вычеркнуто из всех документов и чтобы никто и никогда не произносил его. Тщетно! Его имя (или имя, которое считается его именем) известно. Это — Герострат. Его имя, действительно, стало бессмертным. По крайней мере, его помнят до сих пор, спустя более двух тысяч лет.

Позже греческие историки любили повторять историю, что та ночь, когда был сожжен храм Артемиды, была той самой ночью, когда родился Александр Македонский, хотя ввиду недостатка точных сведений в те времена сомнительно, чтобы можно было бы когда-нибудь проверить это любопытное совпадение.

В конечном счете храм Артемиды был восстановлен, на сей раз под руководством архитектора, который был нанят самим Александром Македонским. Мир македонских монархий был гораздо более богатым, чем более ранний мир греческих городов-государств, а потому храм был восстановлен в гораздо большем масштабе и с гораздо более изысканными украшениями. Великолепие его было таким, что он стал считаться одним из семи чудес света.

Это чудо продолжало существовать в течение семи столетий, в том числе и тогда, когда Павел был в Эфесе. Естественно, великолепный храм превратил Эфес в туристический центр и место серебряных дел мастеров, которые изготавливали безделушки и бойко торговали ими. Поэтому мастера смотрели на еврейского миссионера, который все более и более убеждал людей в том, что великая эфесская богиня была всего лишь мертвой каменной глыбой, а серебряные безделушки ничего не значат, с крайним подозрением и беспокойством.

Осуждения Димитрия привели серебряных дел мастеров в ярость, и на улицах вспыхнули беспрецедентные беспорядки:

Деян., 19: 28—29. *Выслушавши это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская! И весь город наполнился смятением.*

Однако городские власти удерживали ситуацию под контролем, и беспорядки прошли без особого ущерба.

Милет

Павел снова намеревался посетить церкви в Греции, и после окончания эфесских беспорядков он отправился. Возможно, тот факт, что церковь вполне выдержала эти беспорядки, заставил его посчитать, что он мог благополучно ее на какое-то время оставить. Или, возможно, он считал, что его собственное отсутствие могло бы предотвратить повторение более опасных беспорядков.

Поэтому он провел несколько месяцев в Греции, затем, возможно, в 58 г. вернулся в Троаду через Македонию. Снова следует отрывок с использованием местоимения «мы», как если бы Лука еще раз присоединился к группе в Троаде.

Деян., 20: 13—15. *Мы пошли вперед на корабль и поплыли в Асс, чтобы взять оттуда Павла; ибо он так приказал нам, намереваясь сам идти пешком. Когда же он сошелся с нами вASSE, то, взяв его, мы прибыли в Митилину. И, отплыв оттуда, в следующий день мы остановились против Хиоса, а на другой пристали к Самосу и, побывав в Трогиллии, в следующий день прибыли в Милит...*

Асс — это город на южном берегу полуострова Троада, примерно в 20 милях к югу от Александрии Троады. Единственное примечательное событие в его истории — это тот факт, что философ Аристотель провел там три года в изучении естествознания.

Спутники Павла обошли полуостров Троаду морем, в то время как сам Павел отправился в Асс по суше. Затем Павел сел на судно и все они отправились на юг по западному побережью Малой Азии, проплывая через три больших острова: Лесбос, Хиос и Самос.

На Лесбосе, самом крупном из островов (623 квадратные мили), на восточном берегу была расположена столица Митилены. Период самого великого процветания Лесбоса приходился примерно на 600 г. до н. э. Именно тогда он был политически сильным и процветающим с высокой духовной культурой, остров славен именем поэтессы Сапфо.

Хиос и Самос (первый площадью 355 квадратных миль, второй — 180) были надежными союзниками Афин в период их золотого века. Ранее у Самоса был свой собственный период силы, когда его флот под руководством правителя-пирата Поликрата был самым могущественным в Восточном Средиземноморье. Два великих философа Пифагор и Эпикур были родом с Самоса. Все три острова теперь являются частью современного государства Греции.

Покидая Самос, группа осталась на ночлег в Трогиллии. Трогиллия — это мыс на побережье Малой Азии, прямо к югу от восточного берега Самоса. Затем они продолжили путь к Милету.

Милет расположен на материковой части Малой Азии, примерно в 30 милях к югу от Эфеса. С 600-го по 500 г. до н. э. это был главный город греческого мира. Слава его пришла к концу вскоре после 500 г. до н. э., после ожесточенного восстания против Персидской империи. Несмотря на помощь из Афин (что привело к персидскому вторжению в Грецию), восстание было подавлено, и Милет, как лидер восстания, был наказан с особой жестокостью. Он сохранился, но лидерство среди городов побережья Малой Азии перешло к Эфесу.

Милет всегда должен был бороться, чтобы сохранить свою гавань открытой и следить, чтобы она не заилилась. В более поздние века Римской империи эта борьба постепенно угасла. Милет в течение многих столетий был только опустошенными руинами, такая же судьба постигла Эфес, Асс и Троаду.

В Милете Павел оказался близко к Эфесу, но у него не было намерения останавливаться там. Чтобы церковные дела не задержали его и не помешали его намерению провести Пятидесятницу в Иерусалиме (примерно тридцать лет прошло после первой Пятидесятницы), он послал за эфесскими старейшинами и удовлетворился предоставлением прощального адреса, подвинув их на бескорыстные труды для церкви, и закончил известным пассажем:

Деян., 20: 35. *...надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: блаженнее давать, нежели принимать.*

Эти слова Иисуса не записаны ни в одном из Евангелий.

Родос

Далее продолжился путь на юг:

Деян., 21: 1. *...мы... прямо пришли в Кос, на другой день в Родос и оттуда в Патару...*

Кус, или Кос, — это четвертый остров от побережья Малой Азии, и расположен он примерно в 40 милях к югу от Самоса. Его площадь 111 квадратных миль, и на нем была важнейшая медицинская школа древних времен. «Отец медицины» Гиппократ родился на Косе примерно в 460 г. до н. э., а через столетие там родился величайший из художников древности Апеллес.

Родос, следующий от западного побережья Малой Азии остров (и самый южный), находится в 60 милях к юго-востоку от Коса. Родос — значительно больший остров с площадью в 545 квадратных миль. Город Родос на северо-восточном берегу острова был основан в 408 г. до н. э.

После времени Александра Македонского Родос пережил период великого процветания, который продолжался в течение полутора столетий. В 305—304 гг. до н. э. он выдержал длительную и ужасную осаду Димитрия, сына одного из военачальников Александра. Впоследствии в ознаменование этого события установили самую знаменитую огромную статую греческого мира, статую бога Солнца. Она стояла в гавани, лицом к морю. Родосский колосс считался одним из семи чудес света. Он стоял менее века, примерно в 225 г. до н. э. он был опрокинут землетрясением и заново уже не восстанавливался.

В более позднее время Родос в течение многих столетий был турецкой территорией, но в 1912 г. был занят Италией и удерживался в ее власти в течение одного поколения. В 1945 г., после Второй мировой войны, Родос и близлежащие острова отошли к Греции.

От Родоса Павел и его товарищи отправились в Патару, город на юго-западном берегу Малой Азии, в 50 милях к востоку от Родоса. Это был главный морской порт Ликии, небольшой район Малой Азии, который сумел сохранить свою номинальную независимость долгое время после того, как окружающие области были захвачены Римской империей.

Только в 43 г., примерно за пятнадцать лет до того, как Павел ступил на землю в Патаре, император Клавдий присоединил Родос к империи и сделал его частью Памфилии.

Феликс

Павел взял в Патаре судно, которое отвезло его в Тир, а оттуда он направился к Иерусалиму, остановившись в Кесарии, чтобы посетить евангелиста Филиппа.

В Иерусалиме Павел встретился с Иаковом и руководителями остальных церквей. Несмотря на уступки, которые они

сделали в Иерусалимском совете десятилетием ранее, они были обеспокоены отчетами о массовом обращении язычников без обрезания и без обязательства повиновения Закону Моисея. Даже если иерусалимские руководители собирались принять это как суть реальной политики, среди паствы было много тех, кто совсем не собирался делать этого. Лидеры объяснили Павлу:

Деян., 21: 20—21. ...видишь, брат, сколько тысяч уверовавших иудеев, и все они ревнители закона; а о тебе слышались они, что ты всех иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея...

На самом деле можно было бы доказать, что Павел призывал только язычников стать христианами без соблюдения Закона, в то же время убеждая иудеев соблюдать Закон, но можно было бы также доказать, что если некоторые христиане были свободны от Закона, то другие христиане едва ли могли соблюдать его. Иаков вполне мог испугаться того, что христианское сообщество в Иерусалиме со своим сильным еврейским наследием, услышав, что Павлова версия христианства была нееврейской и даже антисемитской, могло распасться, и христианство станет целиком языческой религией. (И это именно то, что в конце концов и произошло.)

Будучи строгими иудеями с точки зрения соблюдения ритуала, христиане Иерусалима могли, возможно, ожидать от иудеев в первую очередь терпимости, а затем принятия Иисуса как, по крайней мере, пророка, а в конечном счете — как Мессии.

Если христианство начало выглядеть антиеврейским, то все подобные надежды должны были исчезнуть, и иерусалимские христиане могли бы даже стать преследуемыми и притесняемыми. Само присутствие Павла в Иерусалиме могло вызвать эту опасность. Отчеты о его миссионерской деятельности, должно быть, сделали его печально известным как нарушителя Закона, и его могли преследовать скорее за это, чем за то, что он христианин, но последствия могли обернуться против христиан вообще.

Поэтому Иаков убеждал Павла пройти сложный ритуал очищения в Храме, чтобы он мог доказать свою приверженность Закону. Павел подчинился, но это не помогло. Он был узан в Храме некоторыми иудеями из Азии (римской провинции), которые могли встречаться с ним во время его миссионерских странствий и поэтому могли знать о его деятельности. Сразу же поднялся крик:

Деян., 21: 28. ...*мужи Израильские, помогите! Этот человек всех повсюду учит против народа и Закона и места сего; притом и елинов ввел в храм и осквернил святое место сие.*

Павел был обвинен даже в приведении язычников в Храм и осквернении его таким образом. (Язычники действительно были в окружении Павла, но он не приводил их в Храм.)

Какое-то время казалось, что Павла можно было бы линчевать, но римский начальник и его отряд, услышав о беспорядках, поспешили прийти на место событий, и Павел был взят под охрану. (Имя этого римского начальника позже дается как Клавдий Лисий.)

С разрешения этого начальника Павел обратился к толпе на арамейском языке (после разговора с начальником на греческом), рассказав о подробностях своего обращения. Однако, когда Павел начал говорить о своей работе среди язычников, аудитория стала неуправляемой.

Озадаченный всем этим римский начальник решил перейти к сути, допросив Павла под пытками, что в то время было обычным делом. Однако Павел спасся от этого, объявив о своем римском гражданстве.

Затем Павел стоял перед еврейским советом, но избежал их лап, объявив, что он фарисей. Он утверждал, что он был преследуемым за свою веру в учение о воскресении, что является кардинальным пунктом в фарисейском учении, чему резко противостояли саддукеи.

Разумеется, вера Павла в воскресение конкретно относилась к воскресению Иисуса после распятия на кресте, во что фарисеи не верили. Однако в пылу дебатов магического слова «воскресение» было достаточно, чтобы заставить фарисеев в совете наброситься на саддукеев и решить вопрос в пользу невиновности Павла.

Однако жизнь Павла оставалась в опасности, но в Деяниях почему-то не упоминается о какой-либо роли, сыгранной во всем этом иерусалимскими христианами. Возможно, они были слишком малочисленны, чтобы оказать ощутимое влияние, или могли только ухудшить положение Павла, если бы попытались выступить. Однако возникает вопрос: а может быть, иерусалимские христиане были просто недовольны Павлом? Они вполне могли считать его искажителем христианского учения.

Спасение для Павла пришло от римского начальника Клавдия Лисия, который, очевидно, подружился со своим пленником. Он решил выпустить Павла из Иерусалима и обеспечить ему физическую безопасность, послав его в Кесарию, чтобы его

судили на законных основаниях римские власти, и обеспечил его эскортом:

Деян., 23: 24. Приготовьте также ослов, чтобы, посадив Павла, препроводить его к правителю Феликсу.

После смерти Ирода Агриппы I Иудея снова перешла под власть прокураторов, и каждый из них вынужден был постоянно иметь дело с главарями разбойничьих банд, которые заявляли, что они мессии, и возглавляли восстания против властей. Действительно, когда Клавдий Лисий первый раз принял Павла, он подумал, что его пленник был одним из таких мятежников, который был иудеем из Египта.

Деян., 21: 37—38. При входе в крепость Павел сказал тысяченачальнику: можно ли мне сказать тебе нечто? А тот сказал: ты знаешь по-гречески? Так не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?

Первым прокуратором после Ирода Агриппы I был Куспий Фад, а после него был Тиберий Александр, еврейский отступник, который, как предполагалось, был племянником самого Филона Иудейского. В 48 г., примерно во время Иерусалимского совета, прокуратором стал Вентидий Куман и правил в течение четырех лет, окутанных постоянными мятежами и восстаниями. В 52 г. его сменил Антоний Феликс, при котором ситуация неуклонно ухудшалась.

Феликс был вольноотпущенником (это тот, кто родился рабом, но был отпущен на свободу), а для вольноотпущенника было совершенно необычно стать царским наместником. Тем не менее, при Клавдии вольноотпущенники получали важные посты государственной службы, и одним из наиболее значительных из этих служителей был Палл.

Этот Палл не только имел влияние на Клавдия, но также дружил с четвертой и последней женой Клавдия Агриппиной, которая плела интриги, чтобы власть перешла по наследству ее сыну Нерону. Феликс был братом Палла, и поэтому неудивительно, что, хотя он и вольноотпущенник, он стал прокуратором Иудеи. В 54 г. Агриппина наконец одержала свою победу. Согласно историческим сведениям, она отравила Клавдия, и ее сын Нерон взошел на престол как пятый римский император, царствование которого было наиболее роковым и для иудеев, и для христиан.

Антипатрида

Павел был выслан из Иерусалима, который ему не суждено было увидеть снова:

Деян., 23: 31. *Итак воины, по данному им приказанию, взяв Павла, повели ночью в Антипатриду.*

Антипатрида, которая находится почти на полпути между Иерусалимом и Кесарией, как считается, была построена на месте древнего Афека, где израильское войско было разбито филистимлянами во времена первосвященника Илии.

Город был заново построен Иродом Великим и был назван Антипатридой в честь отца царя Антипатра Идумея.

Друзилла

Феликс восседал в суде. Еврейские власти обвиняли Павла в возбуждении разногласий и осквернении Храма. Павел утверждал, что он был фарисей, и снова настаивал на том, что его преследуют просто за веру в фарисейское учение о воскресении.

Феликс слушал его с большим интересом. Это был не Клавдий Лисий, и, очевидно, он был знаком с еврейским учением, возможно благодаря своей жене.

Деян., 24: 24. *Через несколько дней Феликс, придя с Друзиллою, женою своею, иудеянкою, призвал Павла, и слушал его о вере во Христа Иисуса.*

Друзилла была самой младшей из трех дочерей Ирода Агриппы I, и в то время ей было двадцать один год. Под давлением Феликса она развелась со своим предыдущим мужем и вопреки еврейскому закону была вынуждена выйти замуж за римского язычника. Однако, когда Павел обсуждал нравственное содержание христианского учения, Феликс потерял к нему интерес:

Деян., 24: 25. *И как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх и отвечал: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя.*

Феликс держал Павла в тюрьме в течение двух лет, возможно, больше для того, чтобы предотвратить беспорядки в Иеру-

салиме, чем из убеждения в вине Павла. Сроки тюремного заключения не были строгими. В конце этих двух лет брат прокуратора Палл впал в немилость при дворе Нерона, и Феликс был освобожден от своих обязанностей. Так как это произошло, вероятнее всего, в 61 г., мы можем отнести время посещения Павлом Иерусалима и суд над ним в Кесарию к 59 г.

Фест

Пришел новый прокуратор:

Деян., 24: 27. *Но по прошествии двух лет на место Феликса поступил Порций Фест.*

Дело Павла повторно открыли перед этим новым прокуратором, главная цель которого состояла в том, чтобы предотвратить ненужные проблемы со все более беспокойными людьми этой провинции. Поэтому он предложил судить апостола в Иерусалиме. Для того чтобы успокоить Павла насчет опасений того, что такой суд может быть несправедливым, прокуратор предложил, что он сам будет контролировать ход дела.

Павел не думал, что только благодаря присутствию Феста суд обязательно будет справедливым. Действительно, он, возможно, подозревал, что на Феста будет оказано давление, как это было с Понтием Пилатом тридцать два года назад.

Поэтому Павел обратился к императору, что было его право как римского гражданина, и поэтому прокуратору не оставалось ничего другого, как выслать его в Рим.

Ирод Агриппа II

Тем временем там оказались члены семьи Ирода:

Деян., 25: 13. *Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию поздравить Феста.*

Упомянутый здесь Агриппа — это Ирод Агриппа II, единственный сын Ирода Агриппы I. Он родился примерно в 27 г., незадолго перед распятием Иисуса. Молодой правитель был воспитан в Риме, где его отец был в то время фаворитом императорской семьи. Ирод Агриппа был мальчиком десяти лет, когда его отец начал править разделами Иудеи, и семнадцати, когда его

отец умер. Он был слишком молод для Клавдия, чтобы поручать ему трудную задачу управления всею Иудеею и территорией окрестности.

Дядя Агриппы, младший брат Ирода Агриппы I, все еще правил небольшой территорией к северу от Галилеи, будучи царем по велению Клавдия в 41 г. Эта область называлась Халк, поэтому дядя Агриппы был известен как Ирод из Халка.

Ирод из Халка умер в 48 г., а через год на его место был назначен царем Ирод Агриппа II. В 53 г. Нерон сделал его царем также над территориями Галилеи и Прииорданья. Он был последним из линии Иродов, которые правили на еврейских землях.

Теперь, в 61 г., Ирод Агриппа II прибыл в Кесарию из своей столицы Тибери, чтобы передать формальные поздравления Фесту.

Через пять лет он окажется в Иерусалиме, когда беспорядки и ярость зилотов дойдут до самоубийственного восстания. Ирод Агриппа II будет исповедовать терпение и умеренность, но его будут презирать (обоснованно) как римскую марионетку и проигнорируют. Во время восстания он примет сторону римлян. Вследствие этого после разрушения Иерусалима он смог уйти в Рим и спокойно прожить там всю оставшуюся жизнь.

Примерно в 100 г. Ирод Агриппа II, праправнук Антипатра Идумея и прапрапрапраправнук священника Маттафии, который поднял маккавейское восстание, умер. Это был последний член семьи, который имел хоть какое-то историческое значение.

Его сестрой была Верника, или Вереника, самая старшая из трех девочек, рожденных от Ирода Агриппы I. (Ее самая младшая сестра Друзилла вышла замуж за Феликса, предыдущего прокуратора.) Вереника несколько раз выходила замуж, первый раз за своего дядю Ирода из Халка. Она оставила своего третьего мужа, правителя, который правил в Киликии, и стала жить с братом в Тибери. Слухи подразумевали кровосмесительные отношения, но тогда, как и теперь, слухи в любое событие неизменно вкладывали наиболее скандальное из возможных толкований.

Во время мятежа она также приняла сторону Рима. Фактически она стала женой Тита, молодого римского военачальника, который захватил и разрушил Иерусалим в 70 г. Вместе с Титом и своим братом она уехала в Рим на всю оставшуюся жизнь. Однако она уже не была любовницей Тита. В то время в Риме господствовали антисемитские настроения, и Тит был вынужден оставить ее. Год ее смерти неизвестен.

Теперь Павел имел еще одно слушание перед Фестом и Агриппой. Его защита, изложенная полностью в еврейских терминах, тронула Агриппу, который сказал Павлу:

Деян., 26: 28. ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином.

Пришли к тому соглашению, что Павел не сделал ничего заслуживающего осуждения, но, так как он обратился к императору, ему нужно будет позволить идти в Рим.

Мира

Под охраной сотника Павел отправляется морем в Рим, что стало его четвертым миссионерским путешествием. Лука, если принять, что он был автором Деяний, был, очевидно, одним из сопровождавших:

Деян., 27: 5. И, переплывши море против Киликии и Памфилии, прибыли в Миры Ликийские.

Мира находилась в 30 милях к востоку от Патары, того порта, в котором Павел высадился на берег на пути к Иерусалиму три года назад. В то время это был важный густонаселенный город и один из главных городов Ликии, но сегодня от него остались почти одни только руины. Группа Павла взяла другое судно и уплыла, и Павел не увидел больше Малую Азию.

Крит

Теперь плаванью стала мешать плохая погода:

Деян., 27: 7—8. Медленно плавая многие дни и едва поравнявшись с Книдом, по причине неблагоприятного нам ветра, мы подплыли к Криту при Салмоне. Пробравшись же с трудом мимо него, прибыли к одному месту, называемому Хорошие Пристани, близ которого был город Ласея.

Книд — это длинный мыс на юго-западном побережье Малой Азии, который выступает ровно на юг от восточного берега острова Кос. Город Книд находился на оконечности мыса. Он не играл большой роли в греческой истории, но там родился один

из самых знаменитых математиков и астрономов древности Евдокс.

Встречные ветры не позволяли пристать к берегу у Книда, но они привели судно к Криту, на 120 миль к юго-западу. Это — один из крупных островов Средиземноморья, площадью в 3200 квадратных миль, длиной примерно в 160 миль с востока на запад и лишь 20 миль в среднем с севера на юг.

В очень древние времена, задолго до времени Авраама, Крит был местом появления высокоразвитой цивилизации. В 1400 г. до н. э., в то время как иудеи были в рабстве в Египте, Крит был захвачен совершавшими набеги людьми из материковой Греции и постепенно начал приходить в упадок. Он все еще мог играть важную роль в Троянской войне, то есть примерно в 1200 г. до н. э., но после нее фактически исчез из исторических летописей. Все те столетия, когда греческие города были великими, критские города погрязли в междоусобных войнах и разбое. Его часто посещали пираты в те периоды, когда война отвлекала на себя силы и позволяла процветать пиратству. В 67 г. до н. э. Рим положит этому конец, аннексировав остров.

Судно Павла отнесло на юг к месту около мыса Салмон на северо-восточной оконечности острова, и оно встало в гавани, чтобы отдохнуть на полпути вдоль южного берега.

Эти Хорошие Пристани, несмотря на свое название, не подходили для сколько-нибудь длительного пребывания. Поэтому капитан судна попытался пристать ко второй, более подходящей пристани, примерно в 50 милях к западу вдоль южного берега Крита. Разразился шторм и сильно побил судно:

Деян., 27: 16. И, набежав на один островок, называемый Клавдой, мы едва могли удержать лодку.

Этот остров (называемый в настоящее время Гавдой) представляет собой небольшой клочок земли примерно в 25 милях к югу от западной оконечности Крита.

Мелита

После того как судно выдержало самое трудное время, его вместе с его экипажем выбросило на берег острова:

Деян., 28: 1. Спасшись же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит.

Мелита — это остров, который теперь известен как Мальта, имеющий площадь примерно 95 квадратных миль и расположенный почти в 500 милях к западу от Крита. Сначала остров был колонизирован финикийцами, а в VI в. до н. э. перешел под контроль Карфагена, самой великой из всех финикийских колоний. В 218 г. до н. э., в самом начале второй войны между Римом и Карфагеном, Рим захватил власть на Мальте, и после того она осталась частью Римского государства.

Бухта, в которую, как предполагалось, вошло судно, находящаяся вблизи северной оконечности острова, в наше время известна как бухта Святого Павла.

Сиракузы

Павел и его спутники оставались на Мальте в течение трех месяцев, в течение зимы 61/62 г. В конце этого периода они уехали из Александрии на судне, которое там зимовало.

Деян., 28: 12. ...и, приплыв в Сиракузы, пробыли там три дня.

Сиракузы — это самый крупный и известный город на острове Сицилия, название которого не упоминается в Библии. Сицилия — это самый крупный остров в Средиземноморье, имеющий площадь примерно в 10 тысяч квадратных миль. Он расположен примерно в 50 милях к северу от Мальты, а его северный берег отделен от «носка» Апеннинского полуострова проливом, местами шириной только в две мили.

В VIII в. до н. э. восточная часть Сицилии была колонизирована греками, а западная часть — карфагенянами. В течение пятисот лет греки и карфагеняне воевали друг с другом на острове, не в силах полностью вытеснить противника с острова.

Только в 264 г. до н. э. римляне наконец достигли этого острова. Их вторжение было первой из трех войн между Римом и Карфагеном. В конце этой войны Карфаген был наконец вынужден полностью отказаться от острова.

Город Сиракузы на восточно-центральной берегу Сицилии был древнейшим греческим поселением на острове. Согласно традиции, он был основан в 734 г. до н. э. (когда на престоле Иудеи сидел Ахаз и когда царство Израиль просуществовало только с десятков лет).

Сиракузы в борьбе с карфагенянами взяли инициативу на себя и несколько раз достигали больших высот власти. В 415 г.

до н. э. Сиракузам предстояло выстоять перед нападением большого афинского флота. Этот флот был полностью уничтожен, и это помогло свергнуть власть Афин и привести к окончательной победе Спарты над Афинами.

В 390 г. до н. э., при Дионисии I, Сиракузы находились на вершине своей славы. Они изгнали карфагенян отовсюду, кроме крайнего запада острова, и они также заняли южное побережье материковой части Италии. Однако после Дионисия произошел некоторый упадок, и снова вернулись карфагеняне.

Когда Рим после первой войны с Карфагеном занял остров, Сиракузы оставались независимыми под властью своего царя Гиерона II. В период его долгого царствования в течение более полувека Сиракузы были преуспевающими, как никогда. Там жил тогда величайший ученый древности Архимед.

Во время второй войны между Римом и Карфагеном сначала казалось, что Рим проиграет ее. Сиракузы поспешно перешли на сторону Карфагена, и Рим послал флот, чтобы занять их. В течение трех лет Сиракузы отчаянно боролись с помощью военного оружия Архимеда. Однако в конце концов, в 212 г. до н. э., Сиракузы были взяты, а Архимед погиб во время последовавшего разграбления города.

После этого Сиракузы и вся остальная часть Сицилии навсегда стали римской территорией, хотя остров время от времени потрясали мятежи рабов.

Ригия (Регий)

Группа людей с Павлом поплыла на север от Сиракуз:

Деян., 28: 13. *Оттуда отплыв, прибыли в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол...*

В то время, когда греки колонизировали Сицилию, они заселяли берега южной части Италии. Например, на конце «носка» Италии, как раз напротив берега Сицилии, в 720 г. до н. э., согласно традиции, они основали город Ригию.

Когда Сиракузы были на вершине своей власти, городом правил Дионисий I. Начиная с 280 г. до н. э. римляне один за другим захватили греческие города в южной Италии. Ригия была последним павшим городом, который стал римским в 270 г. до н. э. Однако в течение римского периода Ригия сохраняла свой греческий язык и культуру и сохраняла свое самоуправление.

От Ригии Павел с группой поехали в Путеолы, город на юго-западном берегу Италии, немного к северу от современного Неаполя. Путеолы были основаны греками в 512 г. до н. э. и заняты римлянами в 215 г. до н. э. Это был крупный центр торговли.

Рим

Итак, наконец, Павел прибыл в Рим:

Деян., 28: 16. *...пришли мы в Рим...*

В 62 г., когда Павел приехал в Рим, это был огромный и процветающий город, самый значительный город в мире. Это была примерно середина царствования Нерона, и, хотя он любил удовольствия, был расточителен и деспотичен, в целом город и империя управлялись вполне хорошо.

В Деяниях говорится о ходе обращения Павла к императору немного. Пишется только то, что он попытался склонить иудеев Рима к своему образу мысли и снова потерпел неудачу. После двух лет домашнего заключения он был освобожден, и в последнем стихе книги о нем пишется:

Деян., 28: 30—31. *И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением не возбранно.*

Шел 64 год.

Любопытно, что книга заканчивается на этом месте, поскольку после этого был год ужасных преследований христиан, и есть некоторые свидетельства о том, что Павел, возможно, отправился в своих путешествиях даже на дальний запад. Более того, история жизни Павла продлилась еще только три года, вплоть до предполагаемой смерти Павла в 67 г.

Один возможный ответ на это заключается в том, что Деяния были написаны в 64 г., но это не заслуживает доверия. Намного вероятнее, год написания Деяний был ближе к 80 г. Второй возможный ответ состоит в том, что Лука умер прежде, чем он смог закончить книгу.

Тем не менее, вероятнее всего, момент был выбран для окончания Деяний преднамеренно. Он представляет собой выдающееся событие.

Начиная с распятия на кресте Иисуса прошло тридцать восемь лет; начиная с обращения Павла — возможно, тридцать три

года. Когда Павел начинал свой жизненный путь, христианская община состояла из небольшой группы учеников, собравшихся в Иерусалиме, группы, находившейся в опасности быть стертой противостоянием со стороны еврейских властей.

Когда Павел закончил свой жизненный путь, сильные, хорошо организованные и энергично обращающие в веру церкви усеяли Кипр, Малую Азию, Македонию и Грецию, и даже в Риме были христиане.

Очень многое из всего этого было выполнено одним замечательным человеком — тем, кто родился Савлом из Тарса и кто стал апостолом Павлом. Его друг и врач Лука, возможно, вполне хотел закончить биографию Павла в тот момент, когда, выполнив все это, он жил в безопасности в Риме, проповедовал, как хотел, и никто ему не запрещал.

Вскоре снова должна была спуститься тьма, но Лука решил оставить Павла на этой солнечной вершине.

10. ПОСЛАНИЕ К РИМЛЯНАМ

Послание к римлянам • Рим • Испания • Обрезание • Прискилла и Акила • Руф • Ясон • Тертий • Гай и Эраст

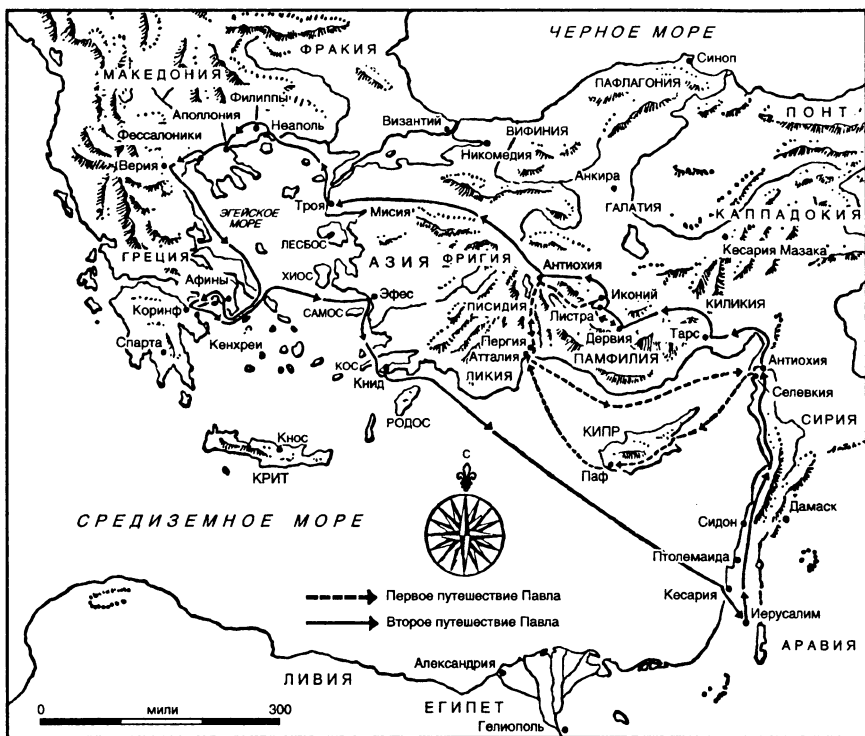
Послание к римлянам

После Деяний в Новом Завете идет двадцать одно послание, которые разные апостолы предназначали христианам вообще, отдельным церквям или конкретным людям. Большинство из них, всего, согласно некоторым традициям, четырнадцать, было написано Павлом. На греческом языке «послания» означает «послать кому-то». Слово «послания» тесно связано со словом «апостол» («тот, кого посылают»). Связь между ними та же, что и связь между «миссией» и «миссионером».

Разные послания включают в себя древнейшие сочинения Нового Завета. Некоторые из них, возможно, были написаны уже в 50 г., почти на двадцать лет раньше даже того, как первое Евангелие, которым мы теперь обладаем, достигло своей настоящей формы, и, возможно, за пятьдесят лет до того, как было написано четвертое Евангелие.

Послания Павла располагаются в Библии не в хронологическом порядке. По-видимому, они располагаются скорее в порядке убывания объема.

Первое и самое длинное послание присутствует в списке посланий Библии короля Якова как «Послание Апостола Павла к римлянам», но оно не может быть названо просто «Римлянам». Частично из-за его длины, оно содержит в себе самое полное изложение религиозной мысли Павла, что является второй причиной для помещения его в начале. Кроме того, так как оно адресовано к христианам столицы империи, самого крупного города, вопрос престижа также мог повлиять на место этого послания.

Первая и вторая поездки Павла

Послание к римлянам не датировано, как и любое другое послание. Поэтому мы должны искать дату его (и других посланий) создания по косвенным признакам. Например, к концу послания Павел рассказывает о деле, которым он в настоящее время занимается:

Рим., 15: 25—26. *А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахαιа усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме.*

Очевидно, это именно та ситуация, которая была описана в 20-й главе Деяний:

Деян., 20: 2—3. *Прошед же те места и преподав верующим обильные наставления, пришел в Елладу; там пробыл он три месяца. Когда же, по случаю возмущения, сделанного против него иудеями, он*

хотел отправиться в Сирию, то пришло ему на мысль возвратиться через Македонию.

Деян., 20: 6. *...отплыли из Филипп...*

Деян., 20: 16. *...он поспешал, если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме.*

Возможно, Павел стремился привезти те пожертвования, которые посылали относительно богатые церкви Греции и Македонии бедствующим христианам церкви-матери в Иерусалиме.

Это было в конце третьей миссионерской поездки Павла, и если это послание было написано в то время, когда он все еще готовился совершить поездку в Иерусалим, то, должно быть, оно было написано в 58 г.

Предполагается, что во время написания послания Павел завершал уже свое пребывание в Коринфе, где была процветающая церковь, которую он основал во время своей второй поездки. Так, в конце Послания к римлянам Павел говорит:

Рим., 16: 1. *Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской...*

Очевидно, Фива — это курьер, и она должна была передать послания христианским руководителям в Риме. (Разумеется, она упоминается как сестра Павла только в фигуративном смысле.)

Кенхрей — это пригород Коринфа, в пяти милях к востоку от этого города, на восточном берегу перешейка. Возможно, если Фива являлась уроженкой Кенхрей, Павел сам был где-то поблизости и поэтому, весьма вероятно, был в Коринфе.

Однако 16-я и последняя глава Послания к римлянам является единственной сомнительной частью оригинального послания, и поэтому основанные на ее содержимом выводы — шаткие.

Рим

В сложном обращении, с которого начинается Послание к римлянам, приводится имя отправителя и тех, кто должен его получить:

Рим., 1: 1. *Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол...*

Рим., 1: 7. *Всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым...*

В то время, когда послание было написано, Павла в Риме не было, однако очевидно, что христианство и без него достигло этого города. Никакая конкретная миссионерская деятельность по принесению благой вести в Рим со стороны какого-либо отдельного человека в Библии не описана, но проблема не в этом. Во всей империи жили иудеи, и, несомненно, были их поселения и в Риме. Иудеи всей империи, включая сам Рим, всякий раз при возможности ездили в Иерусалим, чтобы присутствовать в Храме во время больших праздников, и некоторые из них, несомненно, возвращались, впитав в себя новые доктрины.

Испания

Безусловно, Павел намеревался посетить Рим. Действительно, он надеялся нести Евангелие по всей империи и выражал эту надежду, задумывая посещение Испании. Иерусалим был на крайнем востоке империи, и планировать посещение Испании, расположенной на далеком западе империи, значит намереваться пройти по всей империи:

Рим., 15: 24. Как только предприму путь в Испанию, приду к вам...

Это, как и другое упоминание на четыре стиха позже, является единственным местом в Библии, где названа Испания как таковая.

Безусловно, существовал город Фарсис, расположенный на испанском побережье за проливом Гибралтар (тогда называвшимся Столпами Геркулеса) вблизи местоположения современного Кадиса. Это был преуспевающий торговый центр, обычно отождествляемый с Фарсисом, который упоминается в Ветхом Завете. С ним торговал царь Соломон, и он упоминается в Третьей книге Царств как пример распространения его власти по всему миру.

Фарсис стал своего рода выражением «края света». В конце концов, он находился в двадцати пяти сотнях миль к западу от Иерусалима, а в библейские времена такое расстояние было почти эквивалентно современному представлению о полете на Луну. Так, когда Иона решил убежать от Бога, но не выполнить опасную задачу проповеди в Ниневии, он решил убежать «на край земли».

Иона, 1: 3. И встал Иона, чтобы убежать в Фарсис от лица Господня...

Однако Фарсис весьма смутно известен нам. Испания выходит на историческую сцену только в VI в. до н. э., примерно в то время иудеи были угнаны в Вавилон.

В том веке греки и карфагеняне колонизировали испанское побережье и основывали там свои города. В 480 г. до н. э. Фарсис был разрушен карфагенянами.

После первой войны с Римом Карфаген, который был побежден и вытеснен с Сицилии, обратил свое внимание на запад. В 237 г. до н. э. он установил свое правление над большей частью юго-восточной Испании. Эта территория была опорным пунктом для карфагенянина Гамилкара, чей сын Ганнибал стал одним из самых великих военачальников всех времен.

Ганнибал навязал Риму вторую войну и почти победил в ней, но Рим выдержал, и в 201 г. до н. э. Карфаген был полностью разрушен. Рим захватил карфагенские владения в Испании, но этот переворот не был мирным, и римские войска в течение большей части столетия были вынуждены вести непрекращающуюся войну против местных жителей. Действительно, даже когда Август основал Римскую империю, все еще были те части северной Испании, которые стойко удерживали свою независимость от Рима. Только в 19 г. до н. э. все части Пиренейского полуострова можно было безоговорочно считать римскими.

Однако Павел не посетил Рим так скоро, как он планировал, так как поездка в Иерусалим, которую он готов был предпринять во время написания Послания к римлянам, закончилась его заключением в тюрьму Феликсом. Только через пять лет после этого Павел наконец приехал в Рим, и то только как пленник, апеллирующий свое дело у императора.

Поехал ли затем Павел в Испанию — неизвестно. В раннем сочинении, датирующемся примерно 95 г., есть упоминание о том, что Павел достиг «пределов запада», то есть, возможно, Испании, но такое свидетельство неубедительно.

Обрезание

В Послании к римлянам Павел обращается к проблеме, которая была первостепенной важности в первые десятилетия после распятия Иисуса: должны ли язычники, обращаемые в христианство, обрезаться и соблюдать все ритуалы Закона.

Отношение Павла к обрезанию и Закону было подобно отношению Иеремии к Храму. Обрезание, с точки зрения Павла, нельзя использовать как магический талисман, автоматически спасающий людей, которые на самом деле греховны. Кроме того, продолжая

эту мысль, отсутствие обрезания и соблюдения Закона могло означать утрату надежды на спасение людьми, которые во всех иных отношениях являются праведными:

Рим., 2: 25—26. *Обрезание полезно, если исполняешь Закон; а если ты преступник Закона, то обрезание твое стало необрезанием. Итак, если необрезанный соблюдает постановления Закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?*

Рим., 2: 29. *Но тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога.*

Кроме того, Павел делает различие между ритуалистическими аспектами Закона и его нравственными аспектами. Даже если христианин освобождается от обрезания и других освященных временем ритуалов, он не освобождается от их этики. Также и звание христианина — это не автоматический щит против неправедности:

Рим., 6: 15. *Что же? станем ли грешить, потому что мы не под Законом, а под благодатью? Никак.*

Павел призывает также к терпимости.

В большинстве церквей, основанных на Востоке, обращенные иудеи составляли поначалу большинство, и они с трудом принимали, если вообще принимали, тех обращенных язычников, которые не были обрезаны. В таких случаях Павел твердо принимал сторону язычников.

Однако в Риме почти с самого начала языческая группа, вполне возможно, была более сильной. Император Клавдий выгнал иудеев из Рима в течение краткого периода примерно в семь лет или до того, как было написано Послание к римлянам. Христианское сообщество в Риме должно было преуспевать с его исключительно языческим составом. Когда вернулись иудеи, те из них, кто были христианами, могли оказаться посторонними в церкви, выступив против тех, кто не имел никакого отношения к ритуалам Закона.

Анализируя эту ситуацию, Павел не забывает, что он сам еврей:

Рим., 11: 1. *Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова.*

Он доказывает, что иудеи будут обращены; что, если они поначалу оказывают сопротивление христианству, то часть Божь-

его плана — сделать христианство доступнее для язычников, которые будут обращены. И по-видимому, он просил языческих христиан Рима быть терпимыми к христианам еврейского происхождения, которые были щепетильны в таких ритуалистических вопросах, как законы принятия пищи:

Рим., 14: 13—14. *Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну. Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто.*

Прискилла и Акила

Последняя глава Послания к римлянам очень насыщена различными именами. Упоминается Фива, которая, очевидно, носила послания, затем упоминается более двух десятков людей, кому Павел посылает приветствие.

Маловероятно, что Павел знал очень многих людей по имени в Риме, который он никогда не посещал, обращаясь к тем, с кем он никогда не имел дела непосредственно. Поэтому некоторые предполагают, что поскольку Послание к римлянам имеет дело с важными вопросами для христиан вообще, а не просто для христиан Рима, то копии этого послания, возможно, были сделаны для использования его и в других церквях. Таким образом, может быть, последняя глава приветствий была добавлена к этой копии, а не была в первоначальном послании, предназначенном для Рима.

Возможно, приветствовались именно эфесяне, а не римляне, как могло показаться сначала:

Рим., 16: 3—4. *Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе, — которые голову свою полагали за мою душу...*

Павел вез Прискиллу и Акилу из Коринфа в Эфес в конце своего второго миссионерского путешествия и оставил их там, когда он возвращался в Антиохию. Когда Павел снова прибыл в Эфес во время своей третьей миссионерской поездки, Прискилла и Акила были все еще там, очевидно, так как именно во время его пребывания в Эфесе он написал послания церкви в Коринфе, и он упоминает о них там как о посылающих с ним приветствия:

1 Кор., 16: 19. *Приветствуют вас церкви Асийские; приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью.*

Упоминание в Послании к римлянам о Прискилле и Акиле, рискующих жизнью за Павла, может относиться к мятежу серебряных дел мастеров. В Деяниях нет никаких упоминаний о конкретном случае спасения, но нетрудно представить, что Акила и Прискилла, возможно, сделали что-то, чтобы защитить Павла от ярости толпы, рискуя своей собственной жизнью.

Поскольку Послание к римлянам было написано в год отъезда Павла из Эфеса после мятежа серебряных дел мастеров, вполне возможно, что Прискилла и Акила были все еще там и что последняя глава с приветствиями действительно добавлена в конце к копии послания, которое было послано в эфесскую церковь.

Руф

Большинство имен в последней главе Послания к римлянам совершенно неизвестны, за исключением их перечисления здесь. Есть естественная попытка отождествить многие из них, насколько это возможно, с теми именами, которые упоминаются в других местах Нового Завета. Так, Павел говорит:

Рим., 16: 13. *Приветствуйте Руфа, избранного в Господе, и мать его и мою.*

Есть и другой Руф, упоминаемый в Евангелии от Марка. Когда Иисус шел на распятие, Марк писал:

Мк., 15: 21. *И заставили проходящего некоего киринеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест Его.*

Ни Матфей, ни Лука, говоря о Симоне из Киринеи, не упоминают о его сыновьях. То, что Марк поступает таким образом, заставляет предположить, что он знает их и полагает, что их знают его читатели, поэтому с ними можно отождествлять Симона из Киринеи.

В конце концов, Марк (если он действительно автор второго Евангелия) сопровождал Павла по крайней мере часть его первого миссионерского путешествия и мог знать различных

других спутников Павла. Если это так, то Руф, кого Павел приветствует в конце Послания к римлянам, и Руф, который был сыном Симона из Кириanei, могут быть одним и тем же человеком. С другой стороны, Лука (если он действительно автор третьего Евангелия), по-видимому, был намного более близким товарищем Павла, чем Марк, и он не упоминает о Руфе в связи с Синомом из Кириanei.

И кроме того, имя Руф было весьма распространенным. Оно означает «рыжий» и, вполне возможно, применялось к большому числу тех, у кого были рыжие волосы. Вполне можно предположить, что Руф Марка и Руф Павла были двумя различными людьми.

Ясон

Вместе со своими собственными приветствиями с пути Павел посылает также приветствия от близких соратников, которые были с ним в Коринфе в то время, когда он писал Послание к римлянам:

Рим., 16: 21. Приветствую вас Тимофей, сотрудник мой, и Луций, Ясон и Сосипатр, сродники мои.

Тимофей — это молодой человек, который присоединился к Павлу в Листре, во втором миссионерском путешествии последнего, и остался близким товарищем апостола на всю оставшуюся жизнь. Луций был, по-видимому, тем Лукой, который считается автором третьего Евангелия и Деяний.

Что касается Ясона, то обычно он отождествляется с человеком из Фессалоник, который, возможно, радушно принял Павла и Силу в своем доме, когда апостол прибыл в город во время своего второго миссионерского путешествия. В Фессалониках Павел и Сила подвергались в толпе большой опасности, а Ясон оказался в самой гуще беспорядков:

Деян., 17: 5. Но неверовавшие Иудеи, возревновав и взяв с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город и, приступив к дому Ясона, домогались вывести их к народу.

Ясона потащили к властям, и, чтобы вернуться на свободу, он вынужден был внести залог. Тем временем Павла и Силу благополучно провели за город и в Верюю.

В Верии они, очевидно, обрели еще одного новообращенного, Сопатра, с которым обычно отождествляется Сосипатр из Рима. Он упоминается в Деяниях к концу третьей миссионерской поездки, только после того, как было написано Послание к римлянам. Павел покидает Грецию, и с ним идут двое из упомянутых в завершение римлян.

Деян., 20: 4. *Его сопровождали до Азии Сосипатр Пирров, Вериянин... и Тимофей...*

Тертий

Очевидно, обычно Павел использовал секретаря, чтобы тот записывал его слова. Это можно вывести из того факта, что в конце некоторых посланий Павел специально упоминает, что его личная подпись поставлена его собственной рукой, как знак подлинности послания. Поэтому можно предположить, что остальная часть послания была записана рукой другого человека, писавшего под диктовку Павла:

1 Кор., 16: 21. *Мое, Павлово, приветствие собственноручно.*

Разумеется, ни в коем случае нельзя считать это указывающим на то, что Павел был неграмотным. Образованный иудей никак не мог быть неграмотным. Как бы то ни было, использование секретаря дает свободу думать, не беспокоясь о необходимости физически запечатлеть слова, которые приходят в голову. Кроме того, самый практический момент состоит в том, что профессиональный секретарь должен культивировать опрятный и четкий почерк, и на грамотности Павла не отразилось бы предположение о том, что он (подобно многим великим историческим людям) вполне мог обладать плохим почерком.

Послание к римлянам — это единственное послание, в котором назван секретарь, или, скорее, он называл себя и добавил свои собственные приветствия:

Рим., 16: 22. *Приветствую вас в Господе и я, Тертий, писавший сие послание.*

Или, может быть, Тертий — это тот человек, который переписал копию, которую послали ефесянам.

Гай и Эраст

Третий добавляет приветствия и от других людей:

Рим., 16: 23. *Приветствует вас Гаий, странноприимец мой и всей церкви. Приветствует вас Эраст, городской казнохранитель...*

Очевидно, Гай в то время принимал Павла и его спутников в гостях у себя дома. Если послание действительно было написано в Коринфе, то Гай — коринфянин, и действительно, человек с его именем упоминается в Посланиях Павла к коринфянам:

1 Кор., 1: 14. *Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия...*

Кроме того, если Эраст — это городской чиновник, то этим городом должен быть Коринф; и действительно, Эраст упоминается во Втором послании Павла к Тимофею:

2 Тим., 4: 20. *Эраст остался в Коринфе...* —

как если бы он остался в своем родном городе. Так, соединяется множество моментов, которые делают Коринф наиболее вероятным местом, в котором было написано Послание к римлянам.

11. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФЯНАМ

Послания к коринфянам • Стефан • Сосфен • Аполлос • Милосердие • Эфес

Послания к коринфянам

После Послания к римлянам идут два послания к коринфянам, которые называются Первое послание к коринфянам и Второе послание к коринфянам. Первое из них по объему почти такое же, как Послание к римлянам, а второе немного меньше.

Церковь в Коринфе была основана Павлом примерно в 51 г., во время его второго миссионерского путешествия. Он прибыл в Коринф после своего неудачного пребывания в Афинах, и в Коринфе он встретил Прискиллу и Акилу.

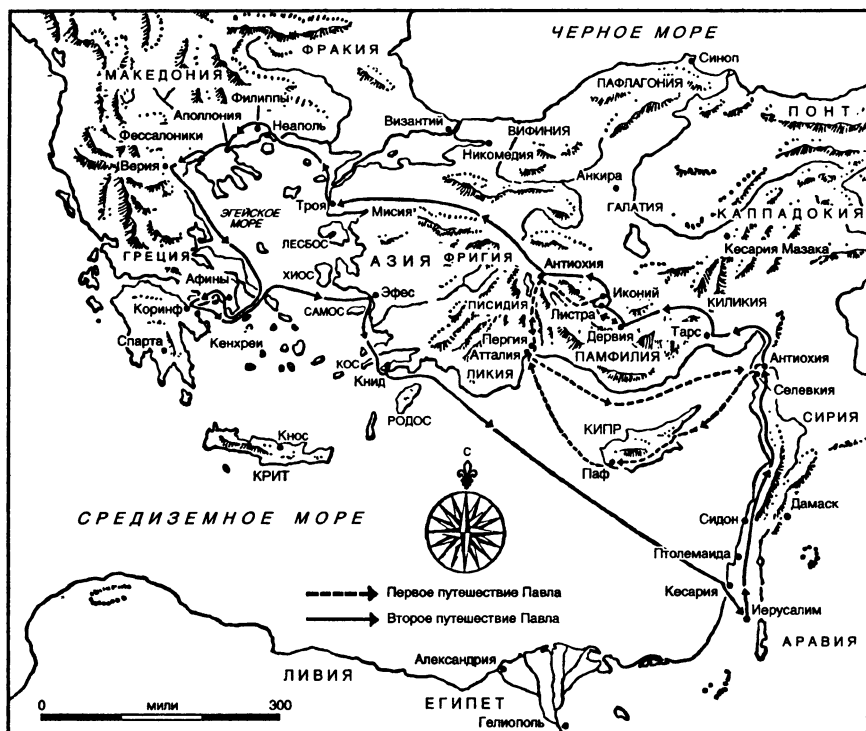
Он возвратился в Антиохию через Эфес, взяв с собой Прискиллу и Акилу и оставив их в Эфесе, в то время как сам продолжил путь в Антиохию. В ходе своего третьего миссионерского путешествия Павел вернулся в Эфес и оставался там с 55-го по 57 г. Именно в этот период он написал Первое послание к коринфянам, как он сам говорит в нем:

1 Кор., 16: 8. *В Эфесе же я пробуду до Пятидесятницы...*

Это не может относиться к его краткому пребыванию в Эфесе в конце второй миссионерской поездки, так как события, упомянутые в послании, должно быть, произошли уже после этого периода времени.

В Первом послании к коринфянам Павел упоминает о еще более раннем послании, которое он написал жителям этого города:

1 Кор., 5: 9. *Я писал вам в послании — не сообщаться с блудницами...*

Первая и вторая поездки Павла

Однако это раннее послание (которое мы могли бы назвать «Нулевое послание к коринфянам») необязательно утеряно. Возможно, его части были объединены более поздними редакторами с имеющимися у нас двумя посланиями.

Стефан

«Нулевое послание к коринфянам» — это самое первое послание, которое не сохранилось в каноне отдельно, очевидно, является некоторым ответом на послание, которое было принесено Павлу в Эфес некоторыми из руководителей церкви в Коринфе. По крайней мере, Павел ссылается на их приход:

1 Кор., 16: 17. *Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика...*

В Библии больше нет никаких других упоминаний о Фортунате и Ахаике, но тот факт, что они являются коринфянами,

кажется очевидным из более ранней ссылки Павла в послании к тем коринфянам, кого он лично крестил:

1 Кор., 1: 16. *Крестил я также Стефанов дом...*

Сосфен

Именно это послание и, возможно, устная информация, принесенная этими коринфскими эмиссарами в ответ на «Нулевое послание к коринфянам», заставили Павла написать послание, которое мы знаем как Первое послание к коринфянам. Он представляет это послание как исходящее от него самого и другого человека:

1 Кор., 1: 1. *Павел, волею Божию призванный Апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат...*

Единственное другое место в Библии, в котором упоминается Сосфен, связано с обвинением Павлом правителя Ахеи перед Галлионом во время первого пребывания апостола в Коринфе. Галлион отказался вести это дело, утверждая, что дело Павла было такой проблемой, которую иудеи должны решить между собой.

Последовало такое решение:

Деян., 18: 17. *А все Еллины, схватив Сосфена, начальника си-нагоги, били его перед судилищем...*

Но у греков не было никаких оснований бить его после того, как Галлион отказался от дела. «Все Еллины» могло, вероятно, относиться к еврейским консерваторам, которые прибыли в суд, чтобы послушать приговор Павлу, и которые были разочарованы поступком Галлиона. Возможно, они обратились против своего собственного руководителя, который как «обвинитель» не справился со своими обязанностями и загубил дело.

В действительности можно было бы даже доказать, что иудеи считали, что Сосфен был «мягким в христианстве» и намеренно воздержался от судебного преследования Павла со всей энергией. По крайней мере, есть традиция, согласно которой Сосфен позже стал христианином и в конечном счете присоединился к Павлу и был с ним в Эфесе в то время, когда Павел писал Первое послание к коринфянам. Если бы это было так, Сосфен был

бы человеком, который логически прибавлял вес этому посланию, поскольку он был известным коринфянином, обращающимся к коринфянам.

Аполлос

По-видимому, то, что в новостях обеспокоило Павла, было рассказом о разногласиях и богословских спорах в коринфской церкви:

1 Кор., 1: 11. *Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братья мои, что между вами есть споры.*

О Хлое в Библии нет больше никаких упоминаний, но, возможно, Стефан и другие посланники встречались для поклонения в доме женщины по имени Хлоя. Возможно, были и другие дома, в которых собирались небольшие группы (весьма вероятно, что дочерняя церковь в Коринфе не могла иметь никакого формального молитвенного дома), и посланники назывались по их конкретному дому встречи.

Павел детализирует суть разногласий:

1 Кор., 1: 12. *Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов».*

Это можно было бы воспринять как относящееся к определенным богословским разногласиям, которые уже выросли вокруг руководителей церкви. Кифа (арамейское имя, латинским эквивалентом которого является Петр) мог представлять более консервативную часть людей еврейского происхождения, соблюдающих Закон, в то время как Павел представлял либеральное отношение, в котором подчеркивалась незначительность ритуала.

Те, кто призывал следовать за Христом, могли быть «фундаменталистами», которые стремились придерживаться только высказываний самого Иисуса, а не дополняющего учения Петра или Павла.

Особняком стоит Аполлос. Аполлос пришел в Эфес после того, как Павел покинул его в конце своего второго миссионерского путешествия. Он был последователем Иоанна Крестителя, но Прискилла и Акила обратили его в христианство.

После того как Аполлос стал христианином, он решил пойти в Грецию и служить там общему делу:

Деян., 18: 27. *А когда он вознамерился идти в Ахаию...*

Деян., 19: 1. *Во время пребывания Аполлоса в Коринфе...*

В Коринфе Аполлос служил хорошо, поскольку Павел говорит:

1 Кор., 3: 6. *Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог...*

Именно потому, что Павел ссылается в этом послании на работу в Коринфе Аполлоса, пришедшего в Эфес после первого пребывания там Павла, мы знаем послание, которое должно было быть написанным во время второго, более длительного, пребывания Павла в этом городе.

Работа Аполлоса в Коринфе была достаточно эффективной для него, чтобы завоевать личных последователей, которые восхищались им и рассматривали его как своего руководителя, в противоположность тем, кто говорил о Павле. Каким образом учение Аполлоса отличалось от учения Павла, мы не знаем. Это учение могло и вовсе ничем не отличаться, и спор, возможно, опирался на чисто личные основания; одна группа могла больше восхищаться стилем проповеди Аполлоса, а не Павла.

По крайней мере, по-видимому, между Павлом и Аполлосом не было никакой враждебности. Некоторое время до того, как было написано Первое послание к коринфянам, Аполлос, должно быть, возвратился в Эфес из Коринфа, и там он и Павел оставались друзьями, поскольку в посланиях Павла он всегда упоминается в дружественных тонах:

1 Кор., 16: 12. *А что до брата Аполлоса, я очень просил его, чтобы он с братьями пошел к вам; но он никак не хотел идти ныне, а придет, когда ему будет удобно.*

Эта дружба осталась до конца, поскольку в одном из последних своих посланий Павел поручает Аполлосу позаботиться о том, к кому он обращается:

Тит, 3: 13. *Зину законника и Аполлоса позаботиться отправить так, чтобы у них ни в чем не было недостатка.*

Милосердие

Павел призывает коринфскую церковь к единству и продолжает отвечать на вопросы о таких вещах, как роль половых отношений между христианами. Павел считает, что половое воз-

держание наиболее желательно, но брак не греховен и действительно необходим, если это единственный способ удержать человека от того, чтобы он под плетью желаний не прибегал к беспорядочным связям.

Павел явно сожалеет, что брак необходим, поскольку он, как и вся христианская община, был убежден, что скоро должно было случиться второе пришествие (новая мессианская надежда) и что все мирские вопросы так или иначе разрешатся:

1 Кор., 7: 29. *Я вам сказываю, братия: время уже коротко...*

1 Кор., 7: 31. *...ибо проходит образ мира сего.*

После разрешения таких незначительных вопросов, как необходимость мужчинам поклоняться с непокрытой головой, а женщинам — с покрытой головой, Павел переходит к теме духовных даров:

1 Кор., 12: 1. *Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных.*

Фраза «духовные дары» является переводом греческого слова «харизма», означающего «дар».

У греков были три богини, которые персонифицировали все, что было прекрасно и очаровательно. Они были известны под одним словом «хариты», потому что желательные качества человека, которые делали его привлекательным для других, считались даром этих богинь.

На латыни эти богини назывались грациями, что снова содержит в себе понятие о «дарах», даваемых без всякой платы.

В узком смысле слово «Graces» (в английском языке) стало означать тот дар граций, который характеризуется плавным, гармоничным физическим движением. Это — «грация», а человек, благословенный ею, — «грациозный». В более широком смысле это слово (как «милость») может относиться к самым разнообразным дарам, а тот, кто способен творить такие дары с удовольствием, — «милостив».

Христиане подчеркивали милосердие Бога. С древнееврейской точки зрения отношения между Богом и «избранным Им народом» были отношениями завета или договора. Бог заботился о своем народе, а за это они соблюдали Закон. Но теперь христиане отказались от Закона и доказывали, что в любом случае ничто, совершаемое человеком, не бывает адекватным как плата за заботу Бога. Все, что человек получил, является безвозмездным Божьим даром. Так, Павел говорит:

Рим., 6: 15. ...мы не под Законом, а под благодатью...

Павел перечисляет некоторые духовные дары, которыми люди награждаются Божьей милостью; эти дары включают в себя: мудрость, веру, действие чудес, пророчества и языковой дар. Павел признает, что все это полезные дары, но есть один, который превосходит все остальное:

1 Кор., 13: 1—2. *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.*

Павел использует здесь греческое слово «агапэ», которое обычно и переводится как «любовь», означающая любовь к ближнему, милосердие.

В латинском переводе Библии «агапэ» переводится как «*caritas*», означающее «дорогой». Это то, что не может быть приобретено даже за большую цену. Если вы что-то любите, то считаете это дорогим, независимо от его внутренней ценности.

По этой причине «агапэ», означающее «любовь», и «*caritas*» в значении «считать дорогим» имеют много общего. В Библии короля Якова используется ближайший аналог последнего и переводится как «милосердие».

К сожалению, такой перевод «агапэ» упускает нечто существенное, заложенное в этом слове. Слово «милосердие» стало применяться конкретно к одному аспекту «считания дорогим» — как способность считать бедных и неудачливых такими дорогими, что должно быть желание разделить с ними собственное богатство и удачу. Поэтому милосердие было сужено так, что стало подразумевать раздачу милостыни, а так как милостыня часто дается неохотно и с презрением, а принимается с оскорблением и приглушенным негодованием, то слово «милосердие» даже стало иметь несколько отравленный дух.

Подобным образом слово «любовь» стало применяться к той разновидности «считания дорогим», которое подразумевает сексуальную привлекательность. Тех, кто привык к слову «любовь» в духе популярных песен, почти смущает читать, как Павел восхваляет ее. Иногда появляется стремление определить «агапэ» по-другому и переводить его как «божественная любовь», «святая любовь», «духовная любовь» или даже «христианская любовь». Однако те, кто хоть немного чувствует «агапэ», прекрасно знают, что подразумевал Павел.

Что касается оставшихся духовных даров, то Павел считает, что дар пророчества выше дара языков. Чтобы не было шума во время службы, Павел рекомендует, чтобы люди говорили только по одному и то только тогда, когда присутствует кто-нибудь с соответствующим даром истолкования. Интересно, что Павел различает между пророчеством и языками, потому что первоначально эти два дара были одним и тем же.

Ради порядка во время службы в будущем Павел рекомендует, чтобы пророки также говорили только по одному и чтобы женщины не говорили вообще.

Эфес

В конце послания Павел искренне проповедует учение о воскресении тела. Он указывает на то, что если бы не было никакого воскресения, то и Иисус не мог воскреснуть. А если Иисус не воскрес, то все христианское учение рухнет. А если это так, то какова же цель всех их усилий? Почему бы всем не жить текущим моментом?

1 Кор., 15: 32. *По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем!*

Фраза о борьбе со зверями, возможно, предполагалась как чисто аллегорическая. Возможно, Павел имел в виду свои труды, направленные против зверей неверия и греха.

Возможно, тем не менее, что в этом есть также что-то буквальное. Может быть, Павел имел в виду беспорядки, поднятые серебряных дел мастерами? Были ли зверями эти мятежники? Или, возможно, он подразумевал возможность осуждения его за богохульство и, как следствие, такое наказание, когда человека бросают на публичную арену к диким животным? Трудно сказать.

12. ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФИЯНАМ

Тимофей • Коринф • Тит

Тимофей

Первое послание к коринфянам, возможно, было дано Стефану и другим, чтобы они взяли его с собой назад в Коринф. Однако вместе с ними Павел послал в качестве своего личного посланника своего любимого друга Тимофея. Оно было предназначено для того, чтобы снова наставлять их в учении Павла:

1 Кор., 4: 17. Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви.

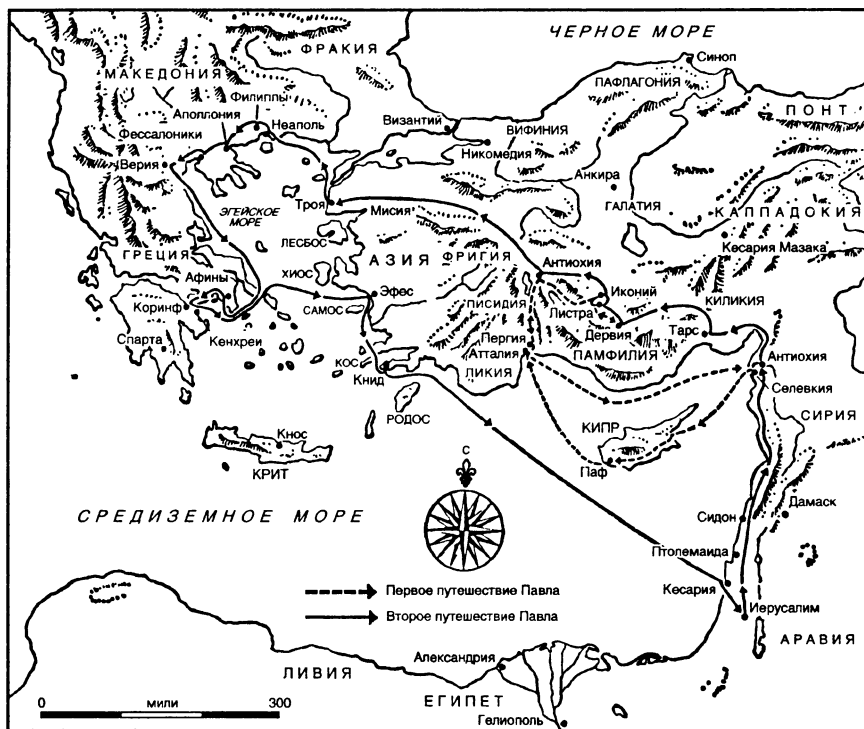
Он убеждает коринфян хорошо принять Тимофея:

1 Кор., 16: 10. Если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен...

Это посылание Тимофея описано также в Деяниях. Во время пребывания Павла в Эфесе в ходе третьего миссионерского путешествия и непосредственно перед тем, как произошел бунт серебряных дел мастеров, он посылает его своим эмиссаром:

Деян., 19: 22. И, послав в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Эраста, сам остался на время в Азии.

Если этот Эраст — тот же, который упомянут в конце Послания к римлянам, то он — коринфянин и ехал домой.

Первая и вторая поездки Павла

Коринф

В конечном счете, Павел и сам планирует поехать в Коринф:

1 Кор., 16: 5—6. *Я приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию. У вас же, может быть, проживу, или и перезимую, чтобы вы меня проводили, куда пойду.*

Это также, согласно Деяниям, было исполнено, так как после мятежа серебряных дел мастеров:

Деян., 20: 1. *По прекращении мятежа Павел, призвав учеников и дав им наставления и простившись с ними, вышел и пошел в Македонию. Пройдя же те места и преподав верующим обильные наставления, пришел в Елладу. Там пробыл он три месяца...*

Если бы он оставался в Коринфе три месяца, что, по-видимому, весьма вероятно, то это и было второе посещение этого горо-

да, упомянутое в Деяниях. Очевидно, именно во время пути следования в Коринф в 57 г. было написано Второе послание к коринфянам (или часть его). Таким образом, оба послания к коринфянам были написаны до послания к римлянам, которое было составлено после того, как Павел достиг Коринфа и обосновался там. В отношении своей поездки в Коринф Павел говорит:

2 Кор., 13: 1. *В третий уже раз иду к вам. При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово.*

Очевидно, между первым и вторым посещением Коринфа, которые упоминаются в Деяниях, было еще одно посещение. Обычно предполагается, что миссия Тимофея оказалась неудачной и встретила сильное сопротивление со стороны тех коринфян, которые следовали за другими апостолами, а не за Павлом. Именно это заставило Павла попытаться лично посетить Коринф.

Очевидно, стремительный визит Павла не состоялся (и возможно, именно поэтому об этом не упоминается в Деяниях), и после возвращения он написал гневное послание:

2 Кор., 2: 4. *От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами...*

Это послание, написанное, как считается, в терзаниях, действительно содержится во Втором послании к коринфянам, которое мы теперь имеем, и составляет последние четыре главы.

Тит

Гневное послание было принесено в Коринф Титом, спутником Павла, о котором никогда не упоминается в Деяниях, но о котором несколько раз говорится в посланиях.

Тит — язычник, поскольку в Послании к галатам Павел описывает свое собственное прибытие в Иерусалим в 48 г. с целью посетить Иерусалимский совет:

Гал., 2: 3. *Но они и Тита, бывшего со мною, хотя и еллина, не принуждали обрезаться.*

Так как центральной проблемой, стоявшей перед советом, был как раз вопрос о необрезании Павлом язычников после обращения, Павел совершенно ясно и искренне высказывал свое отношение прямо по сути возражения.

Именно с этим Титом Павел послал свое гневное послание в Коринф, думая, что это послание сделает свое дело и ему не придется снова ехать в Коринф:

2 Кор., 2: 1. Итак я рассудил сам в себе не приходить к вам опять с огорчением.

Однако, когда после мятежа серебряных дел мастеров Павел покинул Эфес и отправился на запад в Троаду, он был обеспокоен тем, что Тит не вернулся:

2 Кор., 2: 13. Я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита; но, простившись с ними, я пошел в Македонию.

Там были хорошие новости. Он встретил Тита, который принес весть о том, что фракция Павла в Коринфе добилась успеха:

2 Кор., 7: 6—7. ...Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита, и не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас, пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне, так что я еще более обрадовался.

2 Кор., 7: 9. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию...

Очевидно, частью покаяния было наказание какого-то человека, который обидел Павла, возможно, во время его короткого второго визита, тем, что упрямо противостоял ему. Этот человек не назван по имени, и сам случай не описывается, но достаточно и упоминания о наказании.

Очевидно, Павел опасался его победы, которая породила бы такое бедствие, как бесповоротный раскол, настаивал на терпении. Он написал примирительное послание (первые девять глав Второго послания к коринфянам), которое снова доставил Тит, и в нем он убеждает в умеренности, говоря о руководителе антипавловой фракции:

2 Кор., 2: 5—7. Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, — чтобы не сказать много, — и всех вас. Для такого довольно сего наказания от многих, так что вам лучше уже простить его и утешить...

И в конце концов, Павел посетил Коринф, откуда отправил Второе послание к коринфянам, где ничего не говорится о разногласиях.

13. ПОСЛАНИЕ К ГАЛАТАМ

Галатия

Галатия

Четвертое из посланий Павел адресует:

Гал., 1: 1—2. *Павел Апостол... церквам Галатийским...*

Сразу же возникает проблема относительно того, что подразумевается под Галатией. Собственно Галатия была областью, которую населяли галлы за три столетия до времени Павла. Это была относительно небольшая область в северно-центральной Малой Азии. После того как римляне захватили центральную и южную Малую Азию за столетие до времени Павла, эти области, известные как Ликаония и Писидия, были соединены с собственно Галатией, и все это стало римской провинцией Галатия.

Поэтому первоначальная Галатия может быть названа Северной Галатией, а римляне прибавили к ней Южную Галатию.

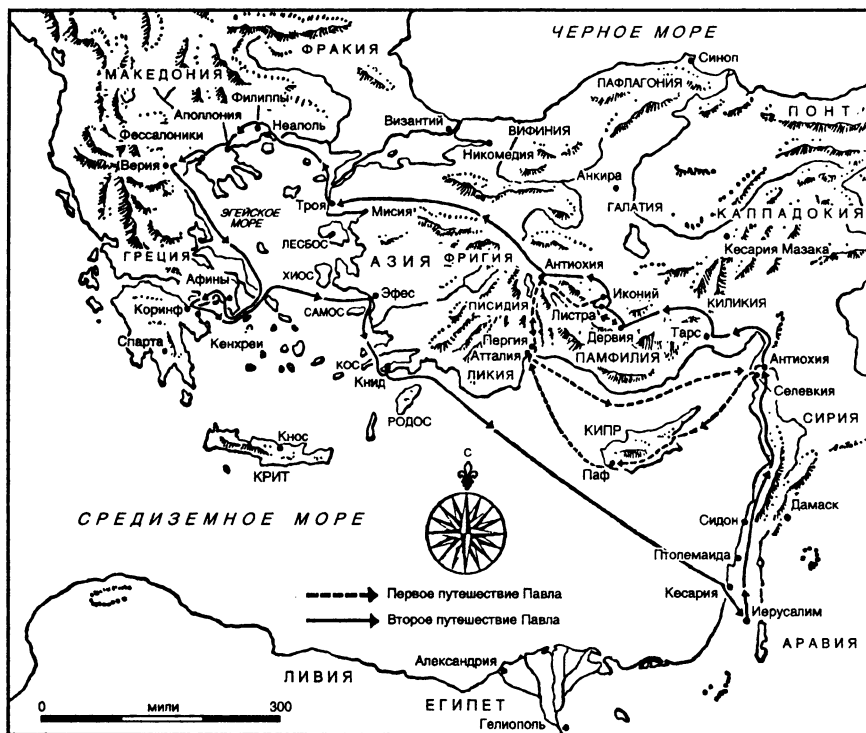
Во время первой миссионерской поездки Павла он и Варнава отправились из Памфилии в Писидию и Ликаонию (Южную Галатию), затем они вернулись тем же путем обратно, поэтому такие города, как Листра, Дервия и Антиохия в Писидии, были, возможно, посещены ими дважды.

Во вторую миссионерскую поездку Павел и (на сей раз) Сила посетили Южную Галатию:

Деян., 16: 1. *Дошел он до Дервии и Листры.*

Позже в Деяниях он продолжает говорить:

Деян., 16: 6. *Прошедши через Фригию и Галатийскую страну...*

Первая и вторая поездки Павла

Возможно, она включает в себя части Северной Галатии, хотя ни один город в этой области конкретно не упоминается.

Во время третьей миссионерской поездки Павла:

Деян., 18: 23. *И, проведши там несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников.*

Это также может относиться к Северной Галатии.

Короче говоря, было четыре поездки через Галатию, которая упоминается в Деяниях:

- 1) в первую половину первой миссионерской поездки через города Южной Галатии;
- 2) во вторую половину первой миссионерской поездки через города Южной Галатии;
- 3) во вторую миссионерскую поездку через города Южной Галатии, но, возможно, также и через Северную Галатию;

4) в первой половине третьей миссионерской поездки, возможно, через Южную Галатию, Северную Галатию или через обе области.

В Послании к галатам Павел говорит:

Гал., 4: 13. *Знаете, что хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз...*

Обычное истолкование заключается в том, что Павел ссылается на первое посещение, в котором он проповедовал, в то время как сам был совершенно болен. И если бы первое посещение должно было быть вторым, иначе откуда стремление отождествить конкретное посещение, о котором он упоминает, перефразируя стих, «хотя и в немощи плоти благовествовал вам в первый раз».

Если Павел обращается к южным галатам, то эти два послания могут быть вышеупомянутыми Первым и Вторым, оба были написаны во время первого миссионерского путешествия, которое закончилось примерно в 47 г.

Таким образом, вспыхнул спор по поводу обрезания обращенных язычников, и, чтобы разрешить эту проблему, был созван Иерусалимский совет. Очевидно, консервативная точка зрения в пользу обрезания была особенно ожесточенной в галатских церквях. Действительно, во время второй миссионерской поездки, когда Павел посетил Дервию и Листру (посещение номер 3 в вышеприведенном списке) и принял Тимофея в качестве своего ученика, он осторожно убеждал своего молодого друга принять обрезание.

Возможно, в галатских церквях были сильны те, кто осуждал взгляды Павла и отрицал его авторитет в том, чтобы освободить обращаемых от обрезания. Послание к галатам представляет собой защиту Павла от этих осуждений и утверждение силы своего авторитета.

Если бы Послание к галатам было действительно написано вскоре после первой миссионерской поездки, то оно было бы написано в Антиохии в 47 г. и вполне могло быть древнейшим из посланий Павла, которые сохранились, и действительно, возможно, древнейшей из всех книг Нового Завета.

Павел подводит итог своей ранней жизни, указывая на то, каким образом он был обращен в христианство, и свое служение с тех пор. Он упоминает о приезде Петра в Антиохию до созыва совета, и он упоминает также о Варнаве, который был с ним только в первой миссионерской поездке:

Гал., 2: 11. *Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию.*

Гал., 2: 13. *...даже Варнава был увлечен их лицемерием.*

Павел специально не упоминает о решении Иерусалимского совета (проведенного в 48 г.), который поддержал его точку зрения и который поэтому, как можно было бы думать, должен быть указан. Это подтверждает вероятность ранней даты написания послания.

С другой стороны, Павел говорит о достижении личного соглашения с Иаковом, Кифой (Петром) и Иоанном:

Гал., 2: 9. *...Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам [идти] к язычникам, а им к обрезанным...*

Это могло произойти до первой миссионерской поездки. Но это могло бы произойти также после совета. Поскольку верх одержала точка зрения Павла, Иаков, Петр и Иоанн просто приняли неизбежное. И это согласие могло быть достигнуто как с Павлом, так и Варнавой, несмотря даже на то, что это было после первого миссионерского путешествия, поскольку, хотя эти две силы никогда больше не объединились, у них было такое намерение.

Деян., 15: 36. *По некотором времени Павел сказал Варнаве: пойдём опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне, как они живут.*

Именно после последовавшей ссоры по поводу Иоанна Марка Павел и Варнава разошлись, и Павел отправился по Малой Азии, взяв с собой вместо него Силу.

Павел говорит о первом посещении галатов, которое могло быть первым из трех, как и первым из двух. Или, возможно, первый и второй визиты рассматривались как один, так как они произошли в рамках одной миссионерской поездки, а третий виизт, произошедший во время второй миссионерской поездки, считался как второй визит.

Если Послание к галатам было написано после посещения галатов в ходе второго миссионерского путешествия, то оно могло быть написано в Коринфе, где Павел оставался в течение расширенного периода путешествия по Малой Азии. В таком случае послание было написано скорее в 51-м, а не в 47 г.

Если принять последнюю дату, то следует задаться вопросом, почему галатские церкви не приняли решение Иерусалимского

совета? Почему в них все еще кипели бурные страсти по вопросу обрезания, так что Павел был вынужден послать строгое послание с упреками?

Как это часто бывает, решения главы организации не всегда принимаются всеми членами организации. В Галатии вполне могла быть сильная консервативная партия, которая отвергла решение совета.

И если Павел не ссылается в послании на решение совета, чтобы укрепить свою собственную точку зрения, то вполне могло быть и так, что он считал неприемлемым опираться на авторитет Иакова, Петра и Иоанна, но настаивал на чем-то большем. В Послании к галатам есть несколько мест, где он по-своему подчеркивает отсутствие пиетета по отношению к галилейским апостолам. Так, он с гордостью начинает:

Гал., 1: 1. *Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых...*

Кроме того, он настаивает на том, что он не должен подчиняться никакому другому авторитету, поскольку его учение не было чем-то таким, что он узнал у других апостолов, которые знали живого Иисуса, но это то, что он узнал благодаря прямому откровению:

Гал., 1: 12. *Ибо и я принял его и научился не от человека, но через Откровение Иисуса Христа.*

Однако если Павел обращается к людям Северной Галатии, то, возможно, он не мог посетить их дважды до окончания первой части третьей миссионерской поездки. Поэтому он мог написать Послание к галатам во время пребывания в Эфесе, незадолго до того, как он написал Первое послание к коринфянам, или даже в Коринфе в 58 г., перед написанием послания к римлянам. Некоторые комментаторы предпочитают эту последнюю дату, потому что они считают содержание посланий к галатам и римлянам очень схожими, при этом Послание к римлянам является более подробной и тщательно продуманной версией.

14. ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ

Послание к ефесянам • Тихик

Послание к ефесянам

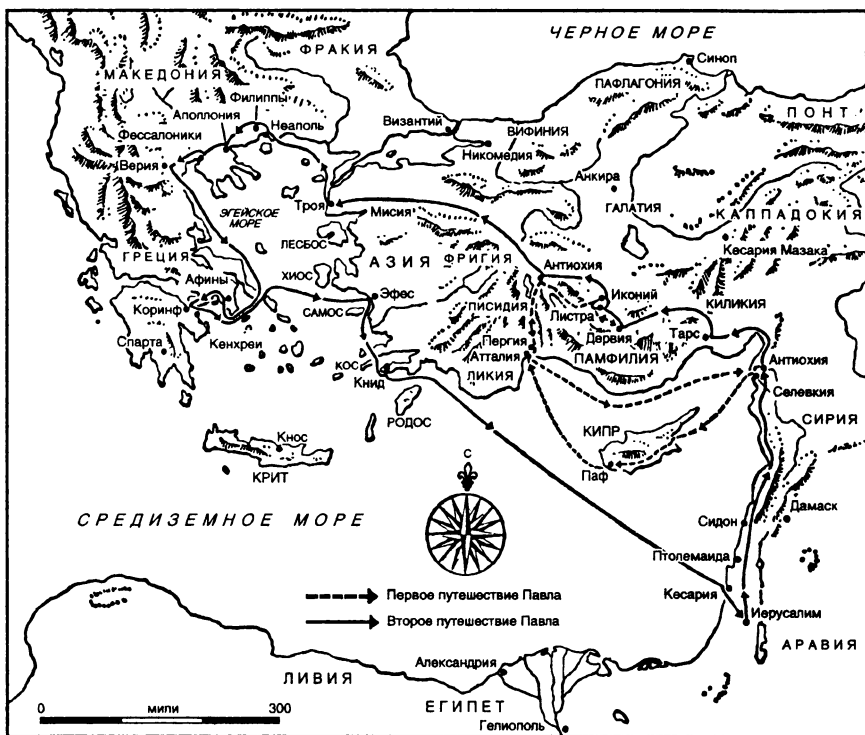
В то время как первые четыре послания всеми признаны как написанные Павлом, существуют споры относительно пятого послания, несмотря даже на то, что в той версии, которая дошла до нас, авторство Павла утверждается прямо:

Еф., 1: 1. Павел, волею Божию Апостол Иисуса Христа, находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе...

Основания для сомнений относительно авторства Павла связаны с некоторыми различиями в стиле между этим посланием и теми, которые несомненно принадлежат Павлу, и использованием множества слов, не характерных для других сочинений Павла. Кроме того, хотя послание написано для ефесян, предположительно в конце жизни Павла после того, как он несколько лет прожил в этом городе, оно не содержит в себе никаких личных приветствий.

Возможно, конечно, что это послание не было написано специально для ефесян, так как по крайней мере одна очень ранняя рукопись не содержит в себе слова «в Ефесе» в первом стихе. Возможно, это было послание, предназначенное для церкви вообще, копии которого рассылали в определенные области с соответствующими месту добавленными именами; и возможно, до нас дошла только эфесская копия.

Традиционно считается, что Послание к ефесянам было одним из группы посланий, написанных в 62 г., в то время как Павел находился в тюрьме в Риме, но это также может считаться спорным. Даже те, кто соглашается, что послание было на-

Первая и вторая поездки Павла

писано в тюрьме, могут иногда доказывать, что заключение было в Кесарии, еще до поездки в Рим, и поэтому послание было написано в 59 г. Другие приводят даже доводы в пользу заключения в Эфесе, не упомянутом в Деяниях, во время бунта серебряных дел мастеров, то есть примерно в 57 г.

Тихик

Относившим послание, по кругу множеству церквей или действительно только эфесянам, был Тихик.

Еф., 6: 21. ...*Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель...*

В Деяниях Тихик упоминается к концу третьей миссионерской поездки, когда Павел покинул Македонию, отправившись в Малую Азию:

Деян., 20: 4. *Его сопровождали до Азии Сосипатр Пирров, вериянин, и из фессалоникийцев Аристарх и Секунд, и Гаий деревянин и Тимофей, и асийцы Тихик и Трофим.*

Будучи уроженцем провинции Азия, Тихик, возможно, вполне был эфесянином (Эфес был столицей этой провинции) и мог взять с собой послание в случае поездки в родной город.

· Возможно, Тихик был оставлен в Малой Азии после того, как вернулся из Македонии вместе с Павлом, в то время как апостол продолжил путь в Иерусалим и к своему заключению. Если это так, то он воссоединился с Павлом позже, поскольку о нем упоминается в нескольких более поздних посланиях Павла, и он вполне мог относить Послание к ефесянам, даже если оно было написано уже в 62 г.

15. ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ

Послание к филиппийцам • Епископы и дьяконы • Епафродит • Искренний сотрудник

Послание к филиппийцам

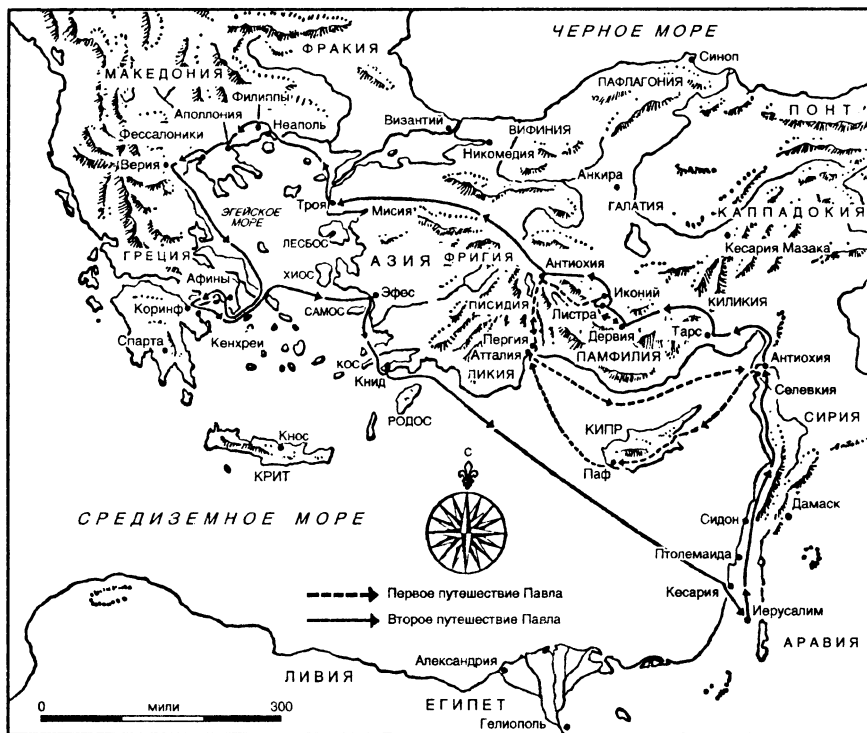
Предполагается, что, подобно Посланию к ефесянам, Послание к филиппийцам было написано в тюрьме. Павел упоминает о том, что он в цепях:

Флп., 1: 13. *Так-что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим...*

Фраза «всей претории» в Исправленном стандартном переводе переводится как «всей преторианской охране». Так как преторианская охрана размещалась в Риме, то, по-видимому, там и было устроено место заключения. Далее это доказывается ссылкой в конце послания:

Флп., 4: 22. *Приветствуют вас все святые, а наипаче из кесарева дома.*

Возможно, люди из кесарева дома — это те слуги или рабы императора, которые были обращены в христианство. Кесарь — это распространенное название римского императора, в данном случае Нерона, и, по-видимому, это делает несомненным, что послание было написано в Риме где-то между 62-м и 64 г. (Жестокие преследования христиан Нероном после пожара 64 г. вряд ли могли оставить в покое каких-либо христиан в его собственном дворе.)

Первая и вторая поездки Павла

Епископы и дьяконы

Послание начинается словами:

Флп., 1: 1. *Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами...*

Филиппы — это македонский город, который Павел посетил во время своей второй миссионерской поездки. Именно там Павел впервые основал европейскую церковь.

Верный Тимофей был с Павлом, но, очевидно, не в момент заключения в тюрьму, или же если и так, то вскоре его должны были выпустить, поскольку апостол надеется послать своего друга в Филиппы:

Флп., 2: 19. *Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея, дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом.*

Упоминание о епископах и дьяконах дает нам волнующее представление об организации ранней церкви, достаточное только для того, чтобы пробудить любопытство, нисколько не удовлетворив его.

Первыми руководителями церкви были сами апостолы, но, поскольку количество христиан увеличивалось, были назначены другие руководители. Вполне естественно, что они были выбраны из числа людей, известных своим опытом и мудростью. Вероятнее всего, они были более старшими по возрасту, и их, естественно, называли «старейшинами».

Таким образом, когда возник спор по поводу обрезания обращаемых язычников:

Деян., 15: 2. Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим.

Более того, в различных церквях, основанных миссионерами, регулярно назначались старосты:

Деян., 14: 23. Рукоположив же им пресвитеров к каждой церкви, они помолились с постом и предали их Господу, в Которого уверовали.

Это управление старостами было столь повсеместно принятым делом, что в Библии об этом практически не упоминается. Такое управление было принято в светских правительствах, как и в религиозных организациях. Спарта управлялась организацией, называемой Герусия (от греческого слова «старик»), а Рим управлялся организацией, называемой Сенат (от латинского слова «старик»).

(Однако следует упомянуть, что нам не нужно в старостах видеть каких-то древних стариков. В древних обществах, где средняя продолжительность жизни в лучшем случае была тридцать пять лет, любой человек старше сорока лет мог считаться «старшим».)

Греческим словом для обозначения слова «староста» является «пресвитер» (от другого греческого слова, означающего «старик»). Оно было искажено в «prester», и в английском языке стало «priest» («священник»).

Павел использует термин «епископ» как синоним слова «пресвитер». Оно означает «блюститель», тот, кто является ответственным и соблюдает обычаи. Слово «дьякон» происхо-

дит от греческого «*diakonos*» и означает «слуга». Следовательно, когда слова Павла переводятся как «епископы и диаконы», то в действительности подразумевается «старосты и их помощники».

После времени Нового Завета церковь организовывалась в сложную иерархию («священное правительство») со множеством уровней. Основными группами в порядке уменьшения авторитета были: епископы, священники и дьяконы. Церковь, в которой епископы удерживали власть над множеством областей, является по характеру «епископской». Римско-католическая церковь — епископская, а также греческая православная церковь и несколько протестантских церквей, лютеранская и англиканская. Американский аналог англиканской церкви называется протестантской епископской церковью.

Пресвитерианская церковь — это церковь, в которой епископы не признаются, но где в каждой церкви на равных основаниях власть имеют старосты (пресвитеры).

Однако в Новом Завете невозможно достоверно отыскать ни одно из существующих в настоящее время значений понятий «епископ», «священник» или «дьякон».

Епафродит

Очевидно, отношения Павла с филиппийской церковью были хорошими, и данное послание наполнено нежной благодарности и теплых наставлений. Действительно, поводом для написания этого послания послужило прибытие посланника из Филипп с денежным пожертвованием для Павла:

Флп., 4: 18. Я получил все, и избыточествую; я доволен, получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу.

Кроме того, это был вовсе не единственный случай, когда филиппийцы жертвовали на нужды Павла:

Флп., 4: 15—16. Вы знаете, Филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних; вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду.

Когда Епафродит был в Риме, он заболел, но выздоровел и теперь возвращался в Филиппы с посланием от Павла:

Флп., 2: 27—28. *Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали. Посему я скорее послал его, чтобы вы, увидев его снова, возрадовались, и я был менее печален.*

Искренний сотрудник

В конце послания Павел поднимает вопрос о каком-то небольшом споре между двумя женщинами из филиппийской церкви:

Флп., 4: 2—3. *Умоляю Еводию, умоляю Синтихию мыслить то же о Господе. Ей, прошу и тебя, искренний сотрудник, помогай им, подвизавшимся в благовествовании вместе со мною и с Климентом и с прочими сотрудниками моими, которых имена — в книге жизни.*

Больше ничего не известно ни о Еводии, ни о Синтихии, или о том, из-за чего произошла их ссора. Однако интересно выражение «искренний сотрудник». Кого оно могло подразумевать?

Есть предложения, что это ссылка на жену Павла, и множество ранних комментаторов Библии предполагали, что Павел женился на Лидии, продавщице фиолетовой краски, с кем он встретился в Филиппах и с кем он остался. Это маловероятно, поскольку Павел говорит так, как если бы он не состоял в браке. Ибо в Первом послании к коринфянам, неохотно разрешая брак вместо беспорядочных половых связей, он желает, чтобы это не было необходимостью:

1 Кор., 7: 7. *Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе.*

Это, конечно, подразумевает, что Павел никогда не имел отношений с женщиной. Можно было доказать, что он мог жениться ради товарищеских отношений, даже если не имелись в виду половые отношения. Действительно, Павел заявляет о праве поступать так в случае такого выбора:

1 Кор., 9: 5. *Или не имеем власти иметь спутницу сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?*

Но действительно ли он поступил так? Обычно предполагается, что нет.

Но если «искренний сотрудник» — это не жена Павла (это греческое выражение в любом случае подразумевает мужской род), то оно могло относиться к близкому товарищу в Филиппах. Предлагалось множество имен (например, Лука), но в действительности нет убедительных аргументов в пользу любого из них.

Одна интересная возможность состоит в том, что здесь подразумевалось личное имя. Слово «сотрудник» является переводом греческого слова «Syzygos». Мог ли быть там человек с таким именем? Мог ли Павел под «искренним Syzygos» подразумевать, что Syzygos — это имя по характеру и поступкам, как и имя, данное после рождения. В этой теории заговоздка в том, что «Syzygos», как известно, не использовалось греками как личное имя. Вероятно, эта загадка так никогда и не будет решена.

16. ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ

Колоссы • Епафрас • Престолы, господства, начала и силы • Лаодикея • Тихик • Аристарх • Димас

Колоссы

Следующее послание (очевидно, также написанное в Риме в 62 г.) адресовано к городу, который Павел никогда не посещал и который не упоминается в Деяниях:

Кол., 1: 1—2. Павел, волею Божию Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат, находящимся в Колоссах святым и верным братьям во Христе Иисусе...

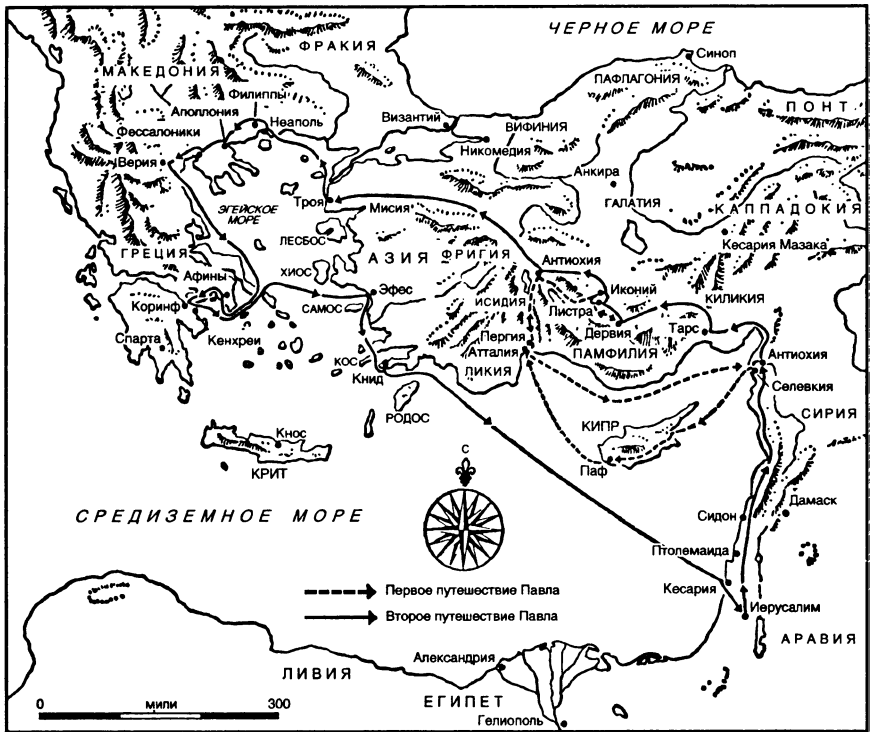
Колоссы (Colossae) — это город в провинции Азия, примерно в 125 милях к востоку от Эфеса. Во времена Персидской империи это был крупный город на важном торговом пути. Начиная со времени Александра Македонского он стал приходить в упадок.

Епафрас

Если Павел сам не посетил Колоссы и не основал там церковь, то, очевидно, это сделал близкий ему соратник. Он говорит о колоссянах, знающих Евангелие:

Кол., 1: 7. Как и научились от Епафраса, возлюбленного сотрудника нашего, верно для вас служителя Христова...

Павел снова упоминает о Епафрасе в конце послания как об одном из тех, кто посылал свои приветствия, так что Епафрас, должно быть, был с ним в Риме. Это стало еще более явным в конце

Первая и вторая поездки Павла

краткого Послания к Филимону, которое было написано примерно в то же время, что и Послание к колоссянам. Там он говорит:

Флп., 1: 23. *Приветствует тебя Епафрас, узник вместе со мною ради Христа Иисуса...*

Выражение «узник вместе со мною» могло быть просто метафорическим, означающим двух людей, которые оба совершенно послушны (и поэтому рабы) христианскому учению. Или же это могло подразумевать, что Епафрас не просто был с Павлом, но он также был в цепях.

Престолы, господства, начала и силы

Поводом для написания послания послужили дошедшие к Павлу новости о том, что колоссяне подпали под влияние гностицизма. Часть колоссян стала принимать мистические учения

об обширных небесных иерархиях ангелов, служащих в качестве посредников между Богом и человеком. С этой точки зрения Иисус был просто еще одним посредником, и, возможно, не самым важным.

Павел осуждает это. Он перечисляет атрибуты Иисуса, красноречиво настаивая на том, что Иисус — это все во всем и ничто не может быть выше его:

Кол., 1: 15—16. Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано...

Упоминание о престолах, господствах, началах и силах относится к названиям ангельских посредников различных уровней, каждый из которых проявляет некоторый мистический атрибут Бога. Павел предостерегает против таких мистических спекуляций:

Кол., 2: 18. Никто да не обольщает вас самовольным смиренным мудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом...

Однако через несколько столетий после Павла в христианство вторглась мистическая мысль, и иерархии ангелов были приняты в изобилии, хотя Иисус был признан превосходящим их всех. Два высших ангельских чина — серафим и херувим — происходят из Ветхого Завета, так же как и два низших — ангелы и архангелы. Однако из гностических теорий были приняты промежуточные уровни: престолы, господства, добродетели, силы и начала, что осуждал Павел.

Лаодикея

Павел использует возможность обратиться также к церкви в близлежащей Лаодикее:

Кол., 4: 16. Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы.

Лаодикея была расположена примерно в десяти милях к западу от Колоссов. Примерно в 250 г. до н. э. город на этом ме-

сте был восстановлен и расширен Антиохом II из Селевкидской империи, который назвал его в честь своей жены Лаодик. Он оставался селевкидским до 190 г. до н. э., когда после поражения Антиоха III от Рима область вокруг него была отдана союзнику Рима Пергаму.

В 133 г. до н. э. город стал римским наряду с остальной частью Пергама (впоследствии известной как провинция Азия, или просто Азия).

После восстановления Лаодикея стала процветать, в то время как город вблизи Колосс стал приходить в упадок. Иераполь, располагавшийся примерно в десяти милях к северу от Лаодикеи, также упоминается в конце послания. О Епафрасе Павел говорит:

Кол., 4: 13. Свидетельствую о нем, что он имеет великую ревность и заботу о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе.

Тихик

Это послание должен был отнести в Колоссы Тихик Азиат.

Кол., 4: 7. О мне все скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верный служитель и сотрудник в Господе...

Подобное утверждение встречается и в конце Послания к ефесянам:

Еф., 6: 21. А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель...

По-видимому, трудно предположить, что Тихик совершил две поездки в Малую Азию из Рима, если Послания к ефесянам и колоссянам были написаны во время римского заключения. Возможно, было только одно Послание к колоссянам, а Послание к ефесянам было написано по времени позже кем-то другим, не Павлом, в подражание Посланию к колоссянам. Есть, конечно, схожести между этими двумя посланиями, поскольку в Послании к ефесянам также подчеркивается превосходство Иисуса:

Еф., 1: 20—21. Которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем...

Как бы то ни было, если бы мы должны были утверждать, что было два послания, оба написанные Павлом, то мы могли бы предположить, что он написал общее послание, которое передавали от одной церкви в Малой Азии к другой (одну из которых мы теперь знаем как эфесскую, потому что оказалось, что сохранилась копия Послания к ефесянам), и более четко сориентированное послание было адресовано конкретно к колоссянам, потому что они казались более склонными к гностическим взглядам, чем другие.

На пути в Колоссы Тихик, возможно, передал копии Послания к ефесянам различным церквям, включая церковь в Лаодикее.

Таким образом, когда Павел просит, чтобы колоссяне, получившие это послание, прочитали его лаодикийцам, он добавляет:

Кол., 4: 16. Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы.

Это может относиться к копии Послания к ефесянам, которое было послано в Колоссы из Лаодикеи.

Аристарх

Павел посылает приветствия от тех, кто был с ним:

Кол., 4: 10. Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною, и Марк, племянник Варнавы...

Возможно, Марк — это Иоанн Марк, и если он теперь с Павлом, то, по-видимому, старые разногласия были улажены.

Аристарх, македонянин с еврейским воспитанием, был с Павлом в Эфесе во время мятежа серебряных дел мастеров и фактически находился в большой опасности.

Деян., 19: 29. И весь город наполнился смятением. Схватив Македонян Гаия и Аристарха, спутников Павловых, они единодушно устремились на зрелище.

Однако они не были убиты, и Аристарх сопровождал Павла в Македонию и Грецию, а затем обратно в Азию и, в конечном счете, в Иерусалим:

Деян., 20: 4. *Его сопровождали до Азии Сосипатр Пирров, вериянин, и из фессалоникийцев Аристарх и Секунд...*

Позже Аристарх сопровождал Павла во время его богатого событиями морского путешествия в Рим:

Деян., 27: 2. *Мы взошли на Адрамитский корабль и отправились, намереваясь плыть около Асийских мест. С нами был Аристарх, македонянин из Фессалоники.*

Димас

С Павлом были также Лука и Димас:

Кол., 4: 14. *Приветствует вас Лука, врач возлюбленный, и Димас.*

Димас упоминается также в сопроводительном Послании к Филлимону, в котором посылаются приветствия от той же группы:

Флп., 1: 23—24. *Приветствует тебя Елафрас, узник вместе со мною ради Христа Иисуса, Марк, Аристарх, Димас, Лука, сотрудники мои.*

Еще раз Димас упоминается в еще более позднем послании. Очевидно, Димас не смог, в конце концов, вынести все тяготы христианина и, столкнувшись с настоящей достоверностью жестокой, мученической смерти, оставил Павла и, возможно, также и христианство. Павел говорит с печалью:

2 Тим., 4: 10. *Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику...*

17. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

Фессалоника (Фессалоники) • Труба Божия

Фессалоника

Павел и Сила посетили Фессалонику в ходе второй миссионерской поездки Павла, но были не вполне хорошо приняты. Они были изгнаны членами еврейской колонии, возмущенной тем, что, как им казалось, было ересью. Эти два миссионера и их спутники переехали в Верию в Македонии, затем — на юг в Афины и Коринф.

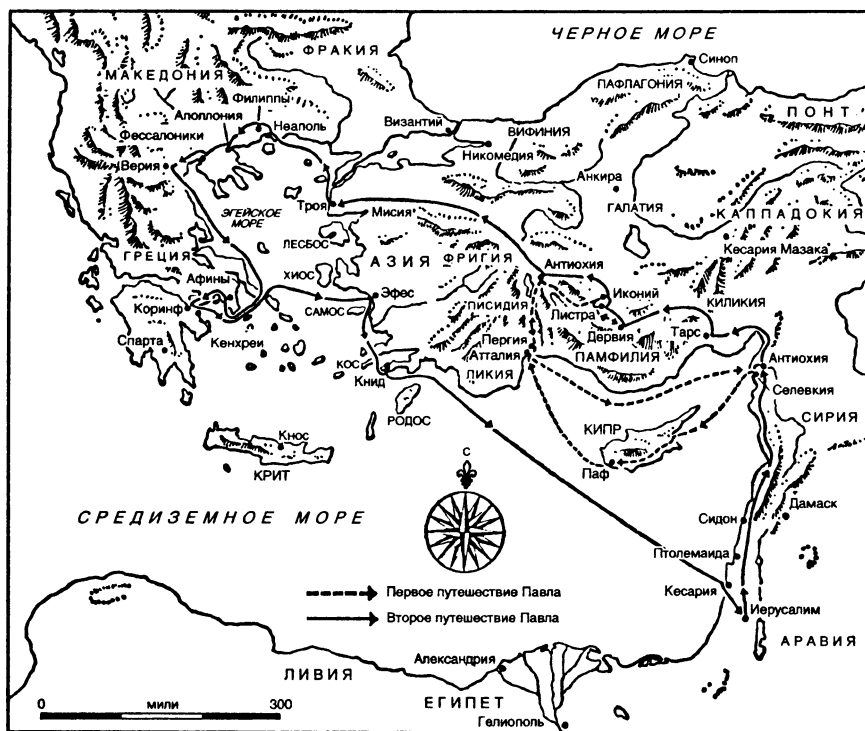
Однако в Фессалонике была основана христианская церковь, состоящая из людей, имевших в основном языческое происхождение, и именно к ним обращается Павел:

1 Фес., 1: 1. Павел и Силуан и Тимофей — церкви Фессалоникской...

Фессалоникская церковь, очевидно, была сильной и благочестивой. Павел хвалит ее членов и объясняет, что он хотел бы посетить их, но в настоящее время не может. Поэтому он решил послать к ним своего испытанного спутника Тимофея:

1 Фес., 3: 1—2. И потому, не терпя более, мы восхотели остаться в Афинах одни, и послали Тимофея, брата нашего и служителя Божия и сотрудника нашего в благовествовании Христовом, чтобы утвердить вас и утешить в вере вашей...

Тимофей вернулся с благой вестью о фессалоникийцах, и теперь Павел пишет, чтобы растолковать некоторые пункты учения. Это послание, должно быть, было написано во время первого пребывания Павла в Коринфе, после того как он поки-

Первая и вторая поездки Павла

нул Афины, поскольку в Деяниях мы обнаруживаем, что он был уже там, когда вернулся Тимофей:

Деян., 18: 1. После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф...

Деян., 18: 5. А когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, то Павел понуждаем был духом свидетельствовать Иудеям, что Иисус есть Христос.

Всего в Коринфе Первое послание к фессалоникийцам было послано в Фессалонику от троих человек. Отсюда следует, Первое послание к фессалоникийцам было написано примерно в 50 г., и, вероятно, оно является древнейшим из сохранившихся сочинений Павла. Существует вероятность того, что Послание к галатам было написано уже в 47 г., но это считается маловероятным, и большинство комментаторов считают Послание к фессалоникийцам древнейшим.

Труба Божия

Очевидно, фессалонийская церковь, главным образом языческая, была не привыкшей к теологическим принципам, развитым в иудаизме фарисеями, и не интересовавшейся вопросами воскресения и Страшного суда. Павел заверяет их и описывает Второе пришествие в драматических терминах:

1 Фес., 4: 16—17. ...Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем.

Описание «глас Архангела и труба Божия» живет с нами в распространенной традиции архангела Гавриила, протрубившего в последнюю трубу, когда грядет Страшный суд. Павел также говорит об этой последней трубе в Первом послании к коринфянам:

1 Кор., 15: 51—52. Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся.

Однако Павел не говорит, что это Гавриил трубит в свой рог, также и об этом больше нигде в Библии не говорится.

Павел убежден, что время Второго пришествия не будет долго отсроченным, и, конечно, использование местоимения «мы» в Первом послании к фессалоникийцам (4: 17) указывает на его убеждение в том, что великий день приходит в свой собственный срок. Однако он достаточно осторожен, чтобы не указывать точное время:

1 Фес., 5: 1—2. О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью.

18. ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

Человек греха

Человек греха

Второе послание к фессалоникийцам, должно быть, последовало сразу же за первым, так что его также можно датировать 50 г. и считать, что оно было написано в Коринфе.

Очевидно, Первое послание Павла наделало много шума. Некоторые из фессалоникийцев отвергали возможность Второго пришествия, так как все, казалось, развивалось очень плохо, а преследователи казались очень могущественными.

Поэтому Павел снова энергично описал Судный день, как время наказания тех, кто казался столь торжествующими теперь:

2 Фес., 1: 7—8. А вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явление Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа...

Он убеждает их, что приходит великий день, но указывает на то, что необходимой прелюдией к этому дню является временный триумф зла. Сама жестокость времен с этой точки зрения является не чем иным, как еще одним свидетельством близости Второго пришествия:

2 Фес., 2: 3—4. Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога.

Это реминесценция отрывка из Книги Даниила, упоминающем о селевкидском преследователе Антиохе IV:

Дан., 11: 36. *И будет поступать царь тот по своему произволу, и вознесется и возвеличится выше всякого божества...*

Таким образом возникает некоторая параллель. Поскольку успех к Маккавеям пришел только после мрачных дней правления Антиоха IV, так и Второе пришествие произойдет после темных дней «человека греха». Действительно, слова Даниила можно рассматривать как обращение непосредственно к Маккавейской эпохе и в конечном счете к Судному дню.

Возможно, Павел повторяет здесь еврейскую мистическую мысль (у которой, в свою очередь, могут быть вавилонские и персидские корни), в которой есть некоторая симметрия между началом и концом творения. Так, как намекается в некоторых библейских стихах, небо и земля были сотворены, но вначале через уничтожение Тиамат в вавилонском мифе или Левиафана. В конце этого творения происходит второе творение более величественного вида, которое появляется после второй победы над старым врагом.

Иезекииль описывает такое последнее сражение между силами добра и зла в своем описании Гога из земли Магога. Как только Гог был уничтожен, было установлено идеальное царство.

Создатели еврейской легенды за столетие до Иисуса этому последнему искустителю Бога дали имя Велиар. Возможно, эта легенда о Велиаре основывалась не только на Антиохе IV, но впоследствии также и на других великих врагах еврейского национализма типа Помпея и Ирода Великого.

Именно на этого последнего врага ссылается Павел, когда намеренно связывает противоположности:

2 Кор., 6: 15. *Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?*

В Евангелиях Иисус перечисляет бедствия, которые пали бы на мир перед Страшным судом, и это включает в себя грешников, которые притворно говорят от имени Бога. Это лжемессии:

Мф., 24: 24. *Ибо восстанут лжехристы...*

В Первом послании от Иоанна такие лжемессии упоминаются как «антихристы» («враждебные Христу»).

1 Ин., 2: 18. *Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов...*

Когда говорится о «лжехристах» и «антихристах» во множественном числе, это упоминание могло быть о злых людях или злых силах вообще. Однако Павел использует единственное число. Он говорит о «человеке греха». Он говорит так, как если бы Антихрист был конкретным человеком или силой, главным делом которого является противостоять Богу, добиться временно-го триумфа, а затем быть уничтоженным в окончательном поражении.

По-видимому, было бы вполне разумно предположить, что единственным Антихристом является Сатана, но конкретно это не утверждается. Поэтому в разные времена истории выбор падает на какого-нибудь конкретного человека, который мог бы, по-видимому, играть роль Антихриста.

Возможно, Павел имел в виду Калигулу, который в 41 г., примерно за десятилетие до того, как были написаны Послания к фессалоникийцам, приказал, чтобы ему поклонялись как богу в самом храме.

Однако Калигула был убит прежде, чем он смог полностью воплотить свой дурной замысел, и, в любом случае, мир все еще существовал. Десяток лет или около того после этих посланий Нерон начал свое преследование христиан в Риме, а затем многие, должно быть, думали, что наконец Антихрист уже здесь. Возможно, и другие преследующие императоры — Домициан, Деций, Диоклетиан, — в свою очередь, казались подходящими для этой роли.

В Средние века христиане в нехристианах видели антихристов, а во времена Реформации обвинения обильно летели в обоих направлениях. Отдельные реформаторы были провозглашены антихристами католиками; отдельные римские папы были удостоены такого титула протестантами.

Поскольку мир продолжал существовать и Второе пришествие было отсрочено, несмотря на всех этих антихристов, использование этого термина стало менее частым. Даже люди, которые, по-видимому, были для своих врагов совершенными образцами Антихриста, такие, как, например, Ленин или Гитлер, редко (или никогда) не провозглашались с этим титулом.

19. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

Эфес • Именей

Эфес

После Второго послания к фессалоникийцам идут три послания, приписываемые Павлу, которые в значительной степени связаны с практическим уведомлением об управлении церковными делами и которые поэтому часто называются «пастырскими посланиями».

Слово «пастор» первоначально означало пастыря, но со временем стало чаще использоваться для обозначения священника, который считается пастырем душ. Существует метафорическая точка зрения на людей как на овец, за которыми наблюдают религиозные руководители, обычно описанные в Библии как пастыри. Наиболее часто приводимый пример:

Пс., 23: 1. Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться...

Первое из пастырских посланий написано к Тимофею. Это — одно из пары таких посланий, и поэтому оно называется Первым посланием к Тимофею:

1 Тим., 1: 1—2. Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога, Спасителя нашего, и Господа Иисуса Христа, надежды нашей, Тимофею, истинному сыну в вере...

В этом послании описывается состояние дел, которое было довольно тревожным. Павел говорит о себе как свободном и о своих путешествиях:

1 Тим., 1: 3. Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Эфесе и увещевать некоторых, чтобы они не учили иному...

и:

1 Тим., 3: 14. *Сие пишу тебе, надеясь вскоре прийти к тебе...*

По-видимому, ситуация, описанная в Первом послании к Тимофею, не может соответствовать ни одному периоду, описанному в Деяниях, и единственной альтернативой (если только Павел действительно автор этого послания) является предположение, что упоминаемое время должно прийти после окончания Деяний.

Повествование Деяний заканчивается в 64 г., когда происходило преследование Нероном христиан в Риме. Было бы, по-видимому, естественно предположить, что Павел был предан мученической смерти во время этого преследования. Однако в свете Первого послания к Тимофею обычно предполагается, что Павел был освобожден, возможно, как раз перед пожаром в Риме, который служил предлогом для преследования.

Если бы Павел потом тут же покинул Рим, чтобы отправиться на восток, то он был бы вне города, когда Нерон схватил проживающих там христиан, скормил их львам и сделал из них живые факелы.

Согласно этой точке зрения, Тимофей, который оставался с Павлом во время своего римского заключения, сопровождал апостола в Эфес и оставался там, отвечая за эфесскую церковь. Согласно более поздней традиции, Тимофей оставался епископом Эфеса всю оставшуюся жизнь, будучи преданным мученической смерти к концу царствования римского императора Домициана, во время еще одного и более масштабного преследования христиан.

Однако некоторые доказывают, что пастырские послания являются не произведениями Павла, но более позднего автора, который пытался придать своей точке зрения на церковную организацию больший авторитет, выдавая свои послания за произведения апостола. Это сделало бы ненужным высказывать проблематичное предположение об освобождении Павла из римского заключения в 64 г. Это также объяснило бы тот факт, что стиль, словарь и отношение пастырских посланий кажутся нетипичными для Павла.

Именей

В этом послании Павел убеждает Тимофея, чтобы он твердо обращался с еретиками, которые учат лжеучению. Некоторые, как говорит автор, далеко отошли от веры:

1 Тим., 1: 20. *Таковы Именей и Александр, которых я предал сатане...*

Другими словами, они отлучались от церкви. Вероятно, Именей и Александр были гностиками, так как в I в. в Малой Азии была сильна эта особая ересь.

Отлучение от церкви не служило для того, чтобы вернуть Именею в ортодоксию, поскольку во Втором послании к Тимофею он снова упоминается, когда перечисляются лжеучители:

2 Тим., 2: 17. *И слово их, как рак, будет распространяться. Таковы Именей и Филит...*

Александр, упомянутый в Первом послании к Тимофею вместе с Именеем, снова упоминается во Втором послании к Тимофею:

2 Тим., 4: 14. *Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его!*

Большая часть Первого послания к Тимофею продолжается правилами выбора епископов и дьяконов и различными предписаниями для церковной жизни.

20. ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

Троада

Троада

Второе послание к Тимофею, которое начинается со стихов, почти тождественных стихам из Первого послания, дает дополнительные наставления для церковной организации. По-видимому, в нем даются намеки на довольно большое путешествие Павла после его освобождения из заключения в Риме. Например, он упоминает о Троаде:

2 Тим., 4: 13. *Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные.*

Он также упоминает о Милете (Милите):

2 Тим., 4: 20. *Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите.*

Предполагается, что именно во время этого периода свободы Павел написал Первое послание к Тимофею. Однако его последняя миссионерская поездка, должно быть, вскоре пришла к завершению, так как во Втором послании к Тимофею он говорит как человек, который осужден на смерть и готов умереть:

2 Тим., 4: 6—7. *Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил...*

Обычно предполагается, что Павел был снова заключен в тюрьму и на сей раз был осужден и казнен. Приводится дата его смерти как 67 г. или 68 г., то есть к концу царствования Нерона. Из этого следует, что Второе послание к Тимофею — это последнее послание Павла, если оно подлинно.

21. ПОСЛАНИЕ К ТИТУ

Крит • Никополь • Далматия

Крит

Третье пастырское послание адресовано Титу, который находился на Крите:

Тит., 1: 1. *Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа...*

Тит., 1: 4—5. *Титу, истинному сыну по общей вере: благодать, милость и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего. Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал...*

Павел приплыл в Критскую гавань во время своей поездки в Рим, и, возможно, Тит был оставлен в тот раз там. Или же Павел и Тит посетили Крит во время предполагаемого промежутка между двумя римскими заключениями, и Тит, вероятно, был оставлен на сей раз.

Павел предупреждает Тита об опасностях ереси и напоминает ему о плохой репутации жителей Крита. Павел говорит:

Тит., 1: 12. *Из них же самих один стихотворец сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые».*

Обычно считается, что цитируемый «пророк» — это Эпименид из Кносса, о котором нет вообще никакой твердой информации, есть только легенда. Предполагается, что он жил в VII в. до н. э. Согласно летописям римских времен, он, будучи мальчиком, заснул в пещере, спал в течение пятидесяти семи лет и проснулся волшебником, прожив до 150 лет, согласно же тем, кто стремился улучшить историю, до 300 лет.

Никополь

Послание к Титу, по-видимому, было написано в то время, когда Павел был еще на свободе, так как апостол говорит:

Тит., 3: 12. *...поспеши прийти ко мне в Никополь, ибо я положил там провести зиму.*

Поэтому это послание было написано до Второго послания к Тимофею. Название Никополь означает «Город Победы». Это удачное название использовалось множество раз. Однако самым важным Никополем во времена Римской империи был город на западном побережье Греции вблизи мыса Актий, где Август (затем называвшийся Октавианом) победил Марка Антония. Это было последнее сражение в длительных римских гражданских войнах, и это сделало возможным установление Римской империи и общего мира, который на многие столетия воцарился в Средиземноморье.

Сам Октавиан основал на этом месте город и назвал его в честь своей победы. Его величайшая слава пришла благодаря тому факту, что примерно через четверть века после Павла в Никополь приехал великий философ-стоик Эпиктет и основал там свою школу.

Далматия

Во Втором послании к Тимофею, в последнем послании Павла, снова упоминается Тит. Он оставил Крит и был послан для следующей миссии:

2 Тим., 4: 10. *Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; один Лука со мною.*

Далматия, которая упоминается в Библии только здесь, — это то, что теперь является Югославским побережьем Адриатического моря напротив Италии. Во времена Древнего Рима ее часто посещали опасные пираты. Рим много раз воевал с ними, и в 155 г. до н. э. Далматия была вынуждена подчиниться римскому господству. Далматинцы много раз восставали, и только в 9 г. эта земля была полностью и окончательно покорена.

22. ПОСЛАНИЕ К ФИЛИМОНУ

Филимон • Онисим

ФИЛИМОН

Самое короткое послание, приписываемое Павлу, и самое личное, — это Послание к Филимону, уроженцу Колосс:

Флм., 1: 1—2. Павел, узник Иисуса Христа, и Тимофей брат, Филимону возлюбленному и сотруднику нашему, и Апфии, (сестре) возлюбленной, и Архиппу, сподвижнику нашему, и домашней твоей церкви...

Очевидно, Филимон был руководителем христианской общины в Колоссах, поскольку именно в его доме проводились молитвенные собрания. Считается, что Апфия была его женой, а Архипп — его сыном. Архипп упоминается в конце Послания к колоссянам, где Павел говорит им, чтобы ему передали в этом городе:

Кол., 4: 17. Скажите Архиппу: «Смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе».

Возможно, это был тот Архипп, который действительно проводил служение в Колоссах и наставлял собрание в богословских вопросах.

ОНИСИМ

Действительно, Послание к Филимону было написано в то же время, что и Послание к колоссянам, все согласны в том, что оно написано в то время, как Павел был в первом римском заклю-

чении. Так, когда Павел отправляет Послание к колоссянам через Тихика, он посылает его также и другому человеку:

Кол., 4: 8. Которого я для того послал к вам, чтобы он узнал о ваших обстоятельствах и утешил сердца ваши, с Онисимом, верным и возлюбленным братом нашим, который от вас. Они расскажут вам о всем здешнем.

Очевидно, Онисим был рабом Филимона. Он убежал, взяв с собой некоторые ценности своего господина. Так или иначе он добрался до Рима, где он встретился с Павлом и был обращен им в христианство. Теперь Павел посылал его назад к своему господину с Посланием к Филимону, служившим личным заступническим посланием. Павел говорит:

Флм., 1: 10—11. Прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его...

Поскольку Онисим означает «выгодный», то здесь наблюдается ироническая игра слов. Павел убеждает Филимона в том, чтобы тот принял Онисима как собрата-христианина, а не просто как возвращенного раба, который должен быть наказан. Павел даже предлагает, что он сам ответит за любые финансовые убытки Филимона:

Флм., 1: 15—16. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне, а тем больше тебе, и по плоти и в Господе.

Флм., 1: 18—19. Если же он чем обидел тебя, или должен, считай это на мне. Я, Павел, написал моею рукою: я заплачу...

Павел признает христианство как принадлежащее всем, он не делает никаких различий пола, расы, национальности или социального статуса. В одном известном стихе он говорит:

Гал., 3: 28. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе.

Как бы то ни было, когда Павел просил проявить доброту по отношению к рабу Онисиму, который теперь стал братом Филимона во Христе, не было никакого намека на то, что само

рабство является несправедливым и безнравственным как институт. В действительности Павел даже наставляет рабов, чтобы они повиновались своим господам, так что христианство, несмотря на некоторые новые принципы, никоим образом не было учением о социальной революции:

Еф., 6: 5. Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу...

В этом отношении нигде в Библии, ни в Ветхом Завете, ни в Новом Завете, рабство вообще не осуждается. Также рабство не осуждалось ни одним древним пророком или философом среди язычников. Рабство так глубоко переплеталось с социальной и экономической системой его времени, что его отсутствие было чем-то немыслимым.

Все, что учителя-моралисты древности могли и делали, как в Библии, так и в других источниках, — это убеждали рабовладельцев быть человечными. Так, Павел признает права собственности Филимона на Онисима и посылает Онисима обратно в рабство. Даже обращение Онисима в христианство не делает его рабом в меньшей степени, и у Филимона остается законное право наказывать своего раба. Павел может только просить его быть добрым.

23. ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ

Послание к евреям • Мелхиседек

Послание к евреям

Это довольно длинное послание внутренне запутанно и первоначально было написано на весьма изысканном греческом, так что оно, по-видимому, было скорее тщательно записанной проповедью, облаченной в эпистолярную форму. Автор в ряде случаев говорит о себе скорее как о говорящем, чем пишущем:

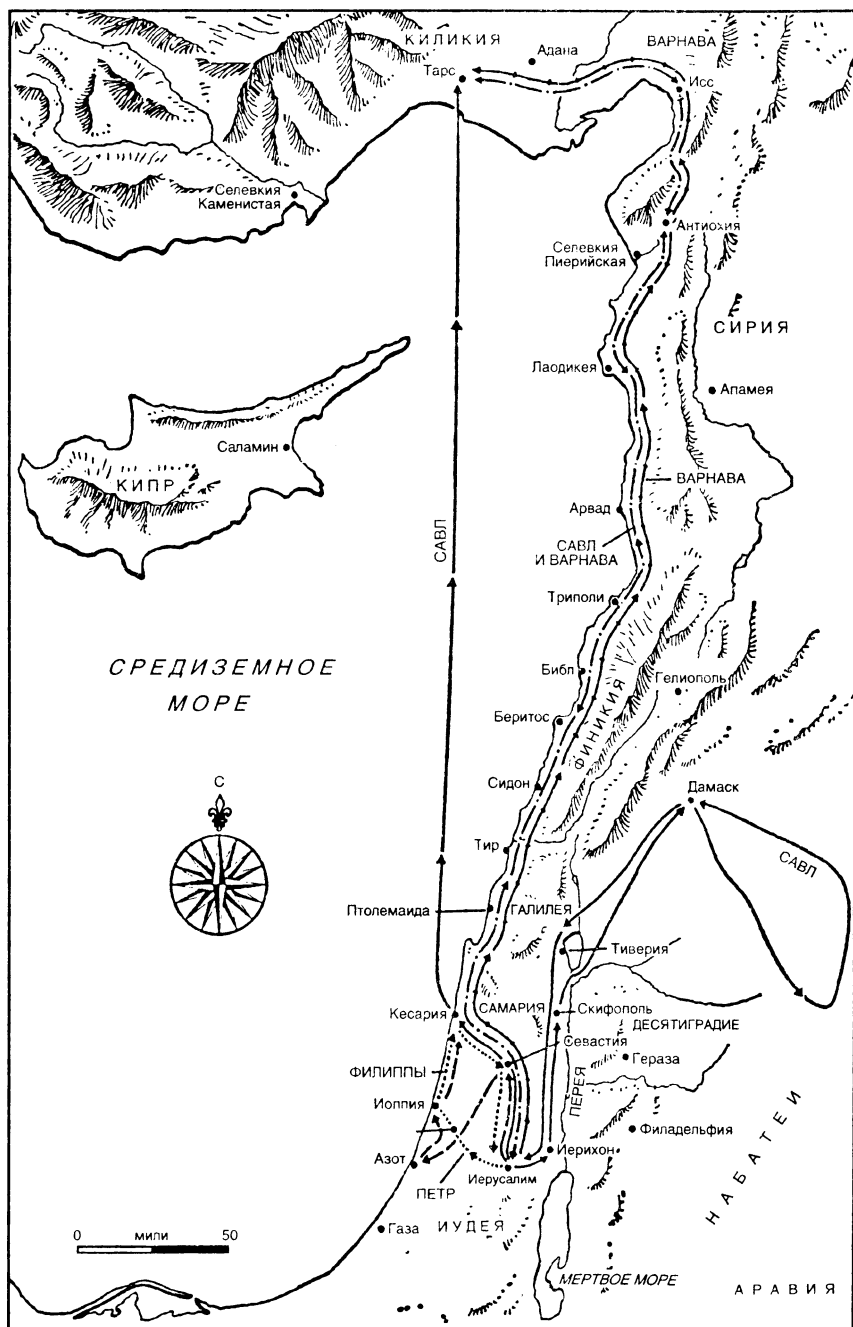
Евр., 6: 9. *Впрочем о вас, возлюбленные, мы надеемся, что вы в лучшем состоянии и держитесь спасения, хотя и говорим так.*

Кроме того, оно не начинается как послание, с формальных приветствий от автора или авторов к конкретно называемому по имени человеку или группе людей, а скорее начинается с длинного, хорошо выстроенного предложения, которое занимает более четырех строк:

Евр., 6: 1—2. *Посему, оставив начатки Учения Христова, не спешим к совершенству; и не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел и Вере в Бога, учению о крещениях, о возложении рук, о воскресении мертвых и о Суде вечном.*

Кроме того, не говорится о том, кто мог быть автором послания. Библия короля Якова следует самой распространенной традиции, приписывающей послание Павлу, так что оно озаглавлено Послание Апостола Павла к евреям.

Наиболее интригующим свидетельством в пользу этого является упоминание в конце о втором «я» Павла — Тимофее:

Странствия апостолов

Евр., 13: 23. *Знайте, что брат наш Тимофей освобожден, и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас.*

Тем не менее, этот стих мог быть добавлен, чтобы укрепить теорию Павла, который сильно нуждался в поддержке, так как многое было против этого. Стиль послания намного более изысканный, чем у Павла в других посланиях. Кроме того, аргументы и теология здесь не характерны для Павла, а в одном-двух местах они явно противоречат тому, что он говорит в остальных посланиях. Линия аргументации скорее принадлежит какому-то красноречивому иудею, обученному александрийской философии у таких учителей, как Филон.

В настоящее время обычно считается само собой разумеющимся, особенно среди протестантских комментаторов, что это послание написал не Павел. Кто мог быть автором, если не Павел, конечно, неизвестно. Рассматривалось несколько кандидатур среди товарищей Павла, таких, как, например, Сила или Варнава.

Мартин Лютер говорил, что, возможно, автором был Аполлос, и это очень заманчивое предположение. Аполлос был товарищем Павла и описывается следующим образом:

Деян., 18: 24. *Некто иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес.*

Это именно то, что необходимо было для того, чтобы создать Послание к евреям, и можно было бы почти утверждать, что если и не Аполлос был автором, то автором мог быть только он.

К кому адресуется послание? Что означает общий термин «евреи»? Относится ли он к определенной церкви? Предназначено ли послание для иудеев, живущих повсюду? Или для христиан еврейского происхождения?

Один намек заключается в том, что в конце автор посылает приветствия от тех, кто был рядом с ним:

Евр., 13: 24. *Приветствуют вас италийские.*

Это могло подразумевать, что автор находится за пределами Италии и обращается к группе в Италии. Вместе с автором есть и люди из Италии, которые, естественно, посылали приветствия своим соотечественникам.

Кроме того, первое известное упоминание этого послания было сделано в 96 г. римским христианином по имени Клемент. Возможно, послание существовало в этом городе прежде, чем

оно существовало где-либо еще. Кроме того, может быть, послание адресовалось к христианам еврейского происхождения в Риме и, возможно, пришло из Александрии.

Когда оно было написано? Если бы оно было написано Павлом, то дата, вероятно, выпадала бы примерно на 64 г. Есть несколько упоминаний об отпадении от веры людей, которые были ранее верующими, и автор увещевает их, чтобы они остались в вере, угрожая им божественным наказанием, если они не сделают этого:

Евр., 10: 28—29. *Если отвергшийся Закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь Завета, которую освящен, и Духа благодати оскорбляет?*

Это могло соответствовать времени преследования христиан со стороны Нерона в Риме в 64 г., когда требовалось обладать большой силой духа, чтобы оставаться христианином, и когда автору было необходимо убеждать верующих и обещать быстрое Второе пришествие:

Евр., 10: 35—37. *Итак не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние. Терпение нужно вам, чтобы исполнить Волю Божию, получить обещанное; ибо Еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит.*

И тем не менее, трудности, связанные с Нероновыми преследованиями, выпали на всех христиан. Почему же тогда послание должно было особым образом увещевать, согласно его названию и всей линии аргументации, христиан еврейского происхождения?

Возможно, послание было написано после разрушения Храма в 70 г., когда общие условия в христианском сообществе радикально изменились. Для христиан языческого происхождения это разрушение не имело большого значения. Это могло даже быть источником удовлетворенности тем, что иудеи, которые не приняли Иисуса как Мессию, были как следует наказаны.

Однако для христиан еврейского происхождения конец Храма, должно быть, был ужасным ударом. Его конец имел бы для них смысл, разве только если за ним должно было последовать установление идеального государства; то есть Второе пришествие было бы тем кульминационным моментом, прелюдией к которому было разрушение Храма.

Но после разрушения Храма прошли годы, и никакого Второго пришествия не произошло. Христиане еврейского происхождения, возможно, даже считали, что разрушение Храма могло быть только знаком Божьего гнева на христианскую ересь. Увеличивающееся количество христиан языческого происхождения, явно враждебных к иудеям, могло способствовать их отчуждению. Обращения в христианство среди иудеев, должно быть, в значительной степени прекратились, и все более возрастающее количество христиан-иудеев, должно быть, возвращалось к старой вере, оставляя церковь, которая начиная с 100 г. была уже фактически полностью языческой.

Возможно в таком случае, что Послание к евреям было написано примерно в 80 г., когда все более очевидным становилось отчуждение евреев и когда автору казалось, что еврейское отступничество могло серьезно повредить христианскому делу.

Мелхиседек

Поэтому большая часть Послания к евреям является красноречивой попыткой со стороны автора продемонстрировать, полностью через ссылки на Ветхий Завет, что учение Иисуса превосходит учение Моисея и что древнееврейское учение может только подвести к вершине, коей является христианство.

Так, он пытался показать Иисуса как идеального первосвященника, предсказанного в самой первой книге Библии:

Евр., 6: 20. ...*Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека.*

Это относится к событию, которое занимает в Книге Бытия три стиха. Когда Абрам (Авраам) и его люди возвращались после спасения Лота из рук вторгшихся неприятелей, патриарх проходит через Салим (обычно считается, что в конечном счете этот город стал известен как Иерусалим).

Быт., 14: 18. ...*и Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, — он был священник Бога Всевышнего...*

Мелхиседек был и царем, и священником, и до плена на этом основывали священнические функции царя Иудеи, когда священство храма было слишком тяжело поражено, чтобы сохранять за собой эти функции. Так, в одном из псалмов говорится:

Пс., 109: 4. *Клялся Господь и не раскается. Ты священник вовек по чину Мелхиседека.*

Если это был псалом коронации, того, к кому он был обращен, льстиво называли и царем, и первосвященником «по чину Мелхиседека». Во времена после плена, когда царство исчезло, а священство сохранило за собой всю власть, первоначальное значение этого псалма исчезло. Вместо этого псалом получил мессианское значение.

Так, «Мелхиседек» означает «царь праведности». А так как «Салим» означает «мир», Мелхиседек, как правитель Салима, — это «Князь мира», и теперь это мессианский титул:

Ис., 9: 6. *Ибо младенец родился нам — Сын дан нам... и нарекут имя Ему... Князь мира.*

Стихи в Бытии слишком кратки, чтобы в них были даны имена отца Мелхиседека или его детей. Во времена после плена им постепенно приписали мистическое значение, и было принято, что у Мелхиседека не было ни отца, ни сына, но он жил вечно и представлял собой вечное священство без начала или конца:

Евр., 7: 1—3. *Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего, — во-первых, по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть «царь мира», без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает Священником навсегда.*

Поэтому Мелхиседек, по-видимому, представлял Мессию, и возможно даже, как некоторые считали, фактически был Мессией, ненадолго посетившим землю, чтобы встретиться с Авраамом.

Очевидно, Авраам признал священнический характер Мелхиседека, поскольку он дал ему обычную долю останков жертвенного животного.

Автор Послания к евреям комментирует это, говоря:

Евр., 7: 4. *Видите, как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих.*

А если сам Авраам смиренно подчинился Мелхиседеку, то тем более так должны поступать левиты — еврейские священники, — которые происходят от одного из потомков Авраама. Если теперь упоминание псалмиста о «священнике вовек по чину Мелхиседека» применить к Иисусу, то отсюда следует, что учение Иисуса превосходит учение еврейских священников, если даже рассуждать, основываясь только на Ветхом Завете.

24. ПОСЛАНИЕ ИАКОВА

Послание Иакова

Иаков

После Послания к евреям идут семь коротких посланий, ни одно из которых не является посланием Павла и ни одно из которых не адресовано к конкретным церквям. Поскольку обсуждаемые в них проблемы — также общие, они считаются посланиями, которые адресованы ко всем христианам. Поэтому они называются «общими посланиями» или «всеобщими посланиями». Иногда они называются «соборными посланиями» (поскольку слово «католический» («соборный») происходит от греческого «katholikos», означающего «всеобщий»). Первое из этих посланий приписывается кому-то по имени Иаков:

Иак., 1: 1. Иаков, раб Бога и Господа Иисуса Христа, двенадцати коленам, находящимся в рассеянии, — радоваться.

Обычно предполагается, что упомянутый здесь Иаков — это Иаков, брат Иисуса, который был руководителем церкви в Иерусалиме.

Согласно еврейскому историку Иосифу, Иаков был побит камнями в 62 г. Это произошло в период после того, как прокуратор Фест закончил свой срок на своем посту, и до того, как пришел новый прокуратор. Первосвященник Анан II правил Иерусалимом в течение этого междуцарствия и сам столкнулся со все более могущественной партией зилотов, которые уже через четыре года подняли страшное по последствиям восстание против Рима.

Иаков, как руководитель христиан в Иерусалиме, должно быть, был противен зилотам, не из-за своего учения, а из-за того

факта, что он представлял группу пацифистов, побуждавших к мирному подчинению Риму. Анан II попытался успокоить мятежных иудеев тем, что казнил Иакова. Когда пришел новый прокуратор Албин, он, естественно, интерпретировал это движение как антиримское.

В таком случае если Иаков действительно был автором послания, то оно должно было быть написано до 62 г. В действительности, так как послание адресовано к «двенадцати коленам», как будто еще не возникла проблема христиан языческого происхождения, и так как дискуссия по вопросу об обрезании, которая привела к созыву Иерусалимского совета, нигде не упоминается, иногда предполагается, что это послание было написано до 48 г., когда состоялся этот совет. Если бы это было так, то послание Иакова было бы древнейшей книгой Нового Завета, написанной ранее, чем любое из посланий Павла.

Однако послание написано на прекрасном греческом, чего трудно ожидать от такого относительно неграмотного галилеянина, как Иаков. Может быть, послание было написано примерно в 90 г., во времена преследования христиан со стороны Домициана. Тогда послание можно было бы приписать Иакову, чтобы придать ему больший авторитет.

Послание в значительной степени имеет моралистическое содержание, оно рекомендует своим читателям соблюдать добродетельное поведение. Практически можно было бы считать его типичным образцом «нравоучительной литературы». Почти то же можно было бы сказать и о других общих посланиях.

25. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ПЕТРА

Силуан • Вавилон

Силуан

Следующее послание — это первое из двух посланий, приписываемых Петру:

1 Петр., 1: 1. *Петр, Апостол Иисуса Христа, пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии, избранным...*

Многое из того, что содержит в себе это послание, очень напоминает послания Павла, а регион, к которому оно адресовано, — Малая Азия — был как раз тем, который был обращен в веру упорными трудами Павла.

Петр был галилеянином, который, весьма вероятно, не был искусственным в греческом языке, и если это послание написал он, то, весьма вероятно, он делал это через переводчика. Он упоминается:

1 Петр., 5: 12. *Сие кратко написал я вам чрез Силуана, верно-го, как думаю, вашего брата, чтобы уверить вас, утешая и свидетельствуя, что это истинная благодать Божия, в которой вы стоите.*

Единственный Силуан, о котором упоминается в другом месте Библии, является сотрудником Павла, который был вместе с ним, например, при написании посланий фессалоникийцам:

1 Фес., 1: 1. *Павел и Силуан и Тимофей — церкви Фессалоникской...*

Этот Силуан считается тем же человеком, что и Сила в Деяниях, сотрудник Павла, сопровождавший его во время второй миссионерской поездки. Если бы Силуан в послании Петра был тождествен Силе у Павла, отсюда следовало бы, что Петр написал свое послание с помощью кого-то, вполне знакомого с линией мышления Павла. Петр во всем Новом Завете показан довольно слабой личностью, и вовсе не за пределами всякой возможности является то, что в присутствии Силы он вполне мог быть вынужден выражаться в манере Павла.

Некоторые говорят, что настоящим автором послания был Сила, но, если это так, почему оно было приписано Петру, а не Павлу?

Вавилон

Можно было бы также доказать, что это послание было написано намного позже того, как Петра и Павла уже не было в живых, и оно было просто приписано Петру, чтобы придать ему некую авторитетность. Так, в конце послания автор посылает приветствия:

1 Петр., 5: 13. *Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой.*

Ясно, что это нельзя воспринимать буквально. В Вавилоне не было никакой церкви, поскольку в действительности этот город уже не существовал. Но это старый библейский прием — использовать имя прошлого преследователя, чтобы с осторожностью указать на нынешнего врага. Поэтому под Вавилоном подразумевается, конечно, Рим.

Если Петр — автор послания, то, следовательно, он пишет из Рима, где он встретил Силу и воспользовался его услугами. Более поздняя легенда утверждает, что Петр поехал в Рим, помог организовать там церковь, служил там как ее первый епископ и умер мучеником во время преследования со стороны Нерона в 64 г. (Получив сан архиепископа церкви от самого Иисуса, Петр передавал этот сан архиепископа, согласно католическому учению, последовавшим после него римским епископам, и на этом основана теория папского верховенства.)

Если бы Петр написал это послание, то оно должно было быть написано до 64 г. И тем не менее, Библия прямо ничего не говорит о пребывании Петра в Риме, и Павел в посланиях, написанных из римского заключения, не дает никаких намеков на присутствие там Петра.

Кроме того, маловероятно, что использование слова «Вавилон» для обозначения Рима встретилось бы до 64 г. или даже несколько позже этого. В период покаяния, которое последовало после распятия, главным врагом христиан было еврейское священство и именно к римским властям христиане обращались за защитой — к прокураторам, правителям и даже, как в случае с Павлом, к самому императору.

Преследования 64 г. могли поколебать доверие христиан к Риму, но это было лишь личной инициативой Нерона, стремившегося угодить римским народным массам проявлением ревностного поиска поджигателей, которые, возможно, устроили пожар в Риме. Преследование было ограничено одним только Римом и не продлилось долго. Христиан восточных провинций, где находилась большая часть христиан, не тронули.

Затем, немного позже преследований со стороны Нерона, в результате еврейского восстания было уничтожено еврейское общество и разрушен храм. После 70 г. иудеи Римской империи были уже не в том положении, чтобы пытаться сокрушить христианство; они сами были в отчаянной опасности полного уничтожения.

При императоре Домициане, который правил с 81-го по 96 г., были предприняты репрессивные меры против иудеев, с которыми христиане (уже в последний раз) были смешаны в общей массе. Эти преследования со стороны Домициана велись по всей империи, и впервые христиане Малой Азии испытали организованные репрессии, исходившие от центральной власти. Послание, которое обращалось к христианам Малой Азии, упоминает об этих репрессиях:

1 Петр., 4: 12. Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного...

С этого времени в течение двух столетий именно римские власти были великим врагом христианства, и именно теперь Рим стал «Вавилоном». На этом основании можно было бы доказать, что Первое послание Петра вообще не было написано Петром, а было написано неизвестным человеком, жившим во времена Домициана, через поколение после смерти Петра.

26. ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ПЕТРА

Симон Петр • День Господень

Симон Петр

Следующее послание также приписывается Петру:

2 Петр., 1: 1. *Симон Петр, раб и Апостол Иисуса Христа, принявшим с нами равно драгоценную веру по правде Бога нашего и Спасителя Иисуса Христа...*

Этот тезис подкрепляется ссылкой на прошлое Петра — на виденное им Преображение.

2 Петр., 1: 16. *Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия.*

2 Петр., 1: 18. *...будучи с Ним на святой горе.*

Как бы то ни было, на основании стиля и содержания послания многие комментаторы выводят, что оно должно иметь довольно позднее происхождение. Его написание связано с Посланием Иуды, которое само является поздним. Кроме того, в послании упоминается о посланиях Павла, почти так, как если бы они были уже собраны и считались боговдохновенными:

2 Петр., 3: 15—16. *И долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях...*

Возможно, Второе послание Петра, подобно Первому посланию Петра и Посланию Иакова, может быть датировано време-

нем преследований со стороны Домициана и быть написано примерно в 90 г. (Действительно, до 200 г. об этом послании не упоминается, и некоторые комментаторы даже говорят, что, возможно, оно было написано только в 150 г.)

День Господень

Указание на сравнительно позднее написание послания можно обнаружить в том факте, что некоторые христиане, должно быть, становились нетерпеливыми, ожидая Второе пришествие, которое, казалось, бесконечно отсрочивалось. Автор Второго послания Петра считает, что он должен проявить всю изобретательность, чтобы объяснить затянувшуюся задержку после обещания Павлом немедленного пришествия. Он объясняет:

2 Петр., 3: 8—9. ...у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию.

Здесь используется ссылка на псалом:

Пс., 89: 5. *Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел...*

Другими словами, автор утверждает, что, хотя Второе пришествие и неизбежно (поскольку так говорили столь многие авторитетные ораторы), это может означать немедленное исполнение с точки зрения на время Бога, а не с точки зрения человека. И оно придет:

2 Петр., 3: 10. *Придет же день Господень, как тать ночью...*

27. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ИОАННА

Слово

Слово

Далее следуют три послания, которые, подобно Посланию к евреям, не содержат в первом стихе имени автора. Однако стиль и содержание так сильно напоминают четвертое Евангелие, что кажется несомненным, что тот, кто написал четвертое Евангелие, написал и эти послания. Даже характерное обозначение Иисуса появляется как «Слово»:

1 Ин., 1: 1. О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни...

Поэтому эти три послания приписываются сыну Зеведея Иоанну (который, как предполагается, написал четвертое Евангелие). Кроме того, по-видимому, подобно четвертому Евангелию, эти послания были написаны в Эфесе примерно в 100 г. Это первое и самое длинное из трех посланий Иоанна предостерегает против антихристов и наставляет в братской любви.

28. ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ИОАННА

Старец

Старец

Во Втором и Третьем (очень коротких) посланиях Иоанна автор упоминает о себе просто как о старце или священнике:

2 Ин., 1: 1. *Старец — избранной госпоже и детям ее...*

Некоторые предполагают, что в Эфесе был «пресвитер Иоанн» («староста Иоанн»), которого следует отличать от апостола Иоанна, и что это был первый, кто написал послания Иоанна и, следовательно, также четвертое Евангелие. Однако это основывается на таких слабых возможных свидетельствах, что не принимается всерьез.

Что касается избранной госпожи, то можно воспринимать это в буквальном или фигуральном смысле. Иоанн мог обращаться к конкретной христианке или к церкви вообще, если воспринимать это как аллегорию. В любом случае, он снова увещевает читателей следовать велениям братской любви.

29. ТРЕТЬЕ ПОСЛАНИЕ ИОАННА

Гайй

Гайй

Третье послание Иоанна начинается подобно второму:

3 Ин., 1: 1. *Старец — возлюбленному Гаю, которого я люблю по истине.*

Гайй — это некая неизвестная личность, с кем Иоанн обращается как с союзником, который поддерживал его в борьбе против лидера другой фракции:

3 Ин., 1: 9—10. *Я писал церкви; но любящий первенствовать у них Диотреф не принимает нас. Посему, если я приду, то напомню о делах, которые он делает...*

30. ПОСЛАНИЕ ИУДЫ

Иуда • Моисей • Енох

Иуда

Автор этого послания, последнего из общих посланий, указывает себя в первом стихе:

Иуд., 1: 1. Иуда, раб Иисуса Христа, брат Иакова, призванным, которые освящены...

Если это принимать в буквальном смысле, то Иуду, брата Иакова, можно идентифицировать как еще одного брата Иисуса. В Новом Завете, не в этом послании, есть только одна пара братьев по имени Иаков и Иуда, — среди братьев Иисуса:

Мф., 13: 55. Не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда?

Но это короткое послание очень похоже на вторую главу Второго послания Петра, и, подобно Второму посланию Петра, его вполне можно датировать периодом правления Домициана. Так как маловероятно, что брат Иисуса в то время был еще жив, это послание могло быть написано кем-то другим по имени Иуда (распространенное имя), и несколько позже редактор добавил слова «брат Иакова», чтобы увеличить его значение.

Моисей

Подобно автору Второго послания Петра, Иуда осуждает определенные ереси. Послание Иуды необычно в том, что в нем содержатся цитаты из апокрифической литературы, которую он выдвигает как авторитетную. Так, автор сравнивает еретиков с Сатаной, поскольку они клеветуют на истинных верующих, как Сатана кле-

ветал на Моисея. Автор даже не утруждает себя описанием подробностей клеветы, считая, что это известно его читателям:

Иуд., 1: 9. Михаил Архангел, когда говорил с дьяволом, споря о Моисеевом теле...

Очевидно, это — ссылка на книгу «Успение Моисея», написанную некоторым палестинским иудеем при жизни Иисуса. Суть этой книги в том, чтобы рассказать о смерти, погребении и успении Моисея. Отрывок о Михаиле и дьяволе не обнаружен в тех фрагментарных копиях, которые сохранились, но из древних ссылок его можно восстановить.

Задача дьявола именно в том, чтобы действовать как своего рода прокурор в суде, когда судятся человеческие души. В случае Моисея дьявол потребовал, чтобы ему было запрещено обитать на небе как убийце, так как он убил египетского надзирателя:

Исх., 2: 11—12. Спустя много времени, когда Моисей вырос, случилось, что он вышел к братьям своим и увидел тяжкие работы их; и увидел, что Египтянин бьет одного Еврея из братьев его. Посмотрев туда и сюда и видя, что нет никого, он убил Египтянина и скрыл его в песке.

Это — еще один аргумент в пользу позднего написания Послания Иуды, так как можно ожидать, что пройдет некоторое время, прежде чем столь позднее сочинение, как «Успение Моисея», начнет приобретать печать авторитетности.

Енох

Автор Послания Иуды указывает также на книги Еноха, в которых содержится пророчество о предстоящем божественном наказании еретиков:

Иуд., 1: 14—15. О них пророчествовал и Енох, седьмой от Адама, говоря: «Се, идет Господь со тьмами святых Ангелов Своих — сотворить суд над всеми...»

Книга Еноха, написанная примерно в 100 г. до н. э., не принята как каноническая ни иудеями, ни католиками, ни протестантами, но, очевидно, Иуда считал ее боговдохновенной. Он был даже поражен ее предполагаемой древностью, поскольку он подчеркивает, что Енох «седьмой от Адама», то есть из седьмого поколения после сотворения: Адам, Сеф, Енос, Каинан, Малелеил, Иаред и Енох.

31. ТРЕТЬЯ КНИГА ЕЗДРЫ

Пророк Ездра • Уриил • Содомитское море • Бегемот и Левиафан • Мессия • Орел • Десять колен • Девяносто четыре книги • Египет • Кармоняне

Пророк Ездра

Апокалиптическая литература была популярна у иудеев греческого и римского периодов. Производство ее не прекращалось даже после разрушения храма. Действительно, увеличение несчастий должно было обострить мессианскую тоску и мечту о том, что в конечном счете мир будет устроен посредством прямого божественного вмешательства.

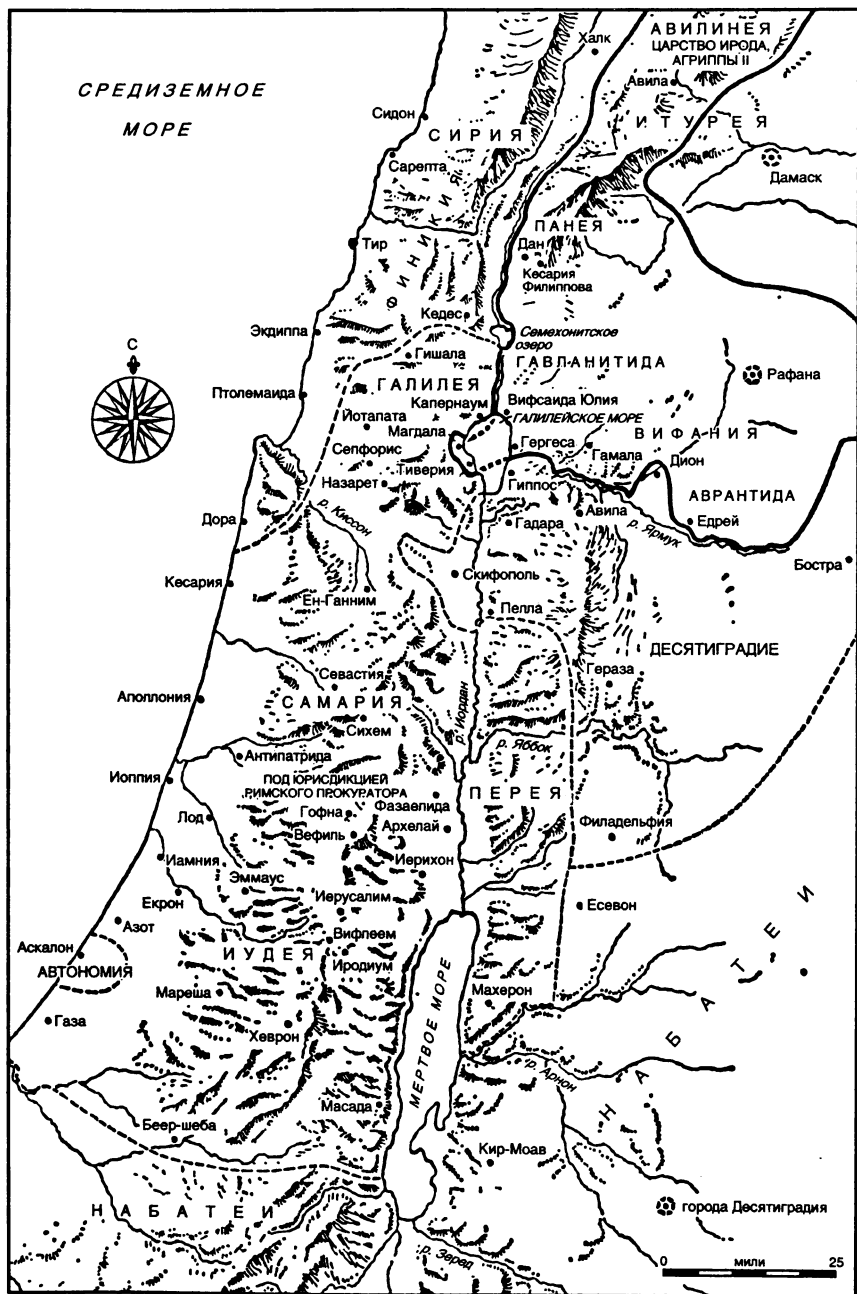
Примерно через поколение после разрушения храма был создан еврейский Апокалипсис, который действительно нашел свое место в некоторых версиях Библии.

Обычно апокалиптическое сочинение приписывалось древнему мудрецу, в данном случае Ездре, книжнику, который в течение некоторого периода владел умами в Иерусалиме после возвращения из плена примерно за пять с половиной веков до того, как был фактически написан апокалипсис. Хотя по мировоззрению этот апокалипсис полностью еврейский, он заинтересовал христиан своим сильным акцентом на мессианских пророчествах.

Некий неизвестный христианин отредактировал книгу примерно в 150 г. и добавил то, что теперь является ее первыми двумя главами. Через столетие еще один человек, возможно также христианин, добавил то, что теперь является последними двумя главами.

Средняя часть книги была первоначально написана на арамейском, затем переведена на греческий. Первых две и последних две главы начинались на греческом языке.

И арамейские и греческие версии утрачены. Однако латинский перевод сохранился и был включен в католические версии

Палестина времен Иудейской войны

Библии, не как их неотъемлемая часть, а как своего рода приложение к Новому Завету. Поэтому она включена в апокрифы, а в Библию короля Якова эта книга включена в переводе с латинского.

Также сохранились другие переводы, на различные восточные языки, и в Исправленном стандартном переводе они используются так же, как и перевод на латинский. Апокалипсис начинается с названия имени его предполагаемого автора:

3 Езд., 1: 1. *Вторая книга Ездры (Эзры) пророка...*

Уриил

В первых двух главах книги, христианских по взглядам, описывается то, как иудеи никогда не умели прислушиваться к своим пророкам. Здесь отвергается обрезание и иудеи предупреждаются о том, что они будут оставлены, а вместо них будут избраны другие. Время от времени фразеология очень напоминает Евангелия.

Однако начиная с третьей главы Третьей книги Ездры начинается ее первоначальная версия, а с нею и первое из семи видений:

3 Езд., 3: 1—2. *В тридцатом году по разорении города был я в Вавилоне, и смущался, лежа на постели моей... ибо я видел опустошение Сиона и богатство живущих в Вавилоне.*

Следовательно, это был тридцатый год после разрушения Навуходоносором Иерусалима и Храма, или 556 г. до н. э. Однако это было за столетие до времени настоящего Ездры.

Возможно, автор таким образом без всякого перехода обращается к тому факту, что он написал через тридцать лет после разрушения Иерусалима и Храма римлянами, то есть в 100 г. Возможно, он посещал Рим, когда город находился в зените своей мирской силы и роскоши, и он не мог вынести контраст между ним и разрушенным Иерусалимом, это и заставило его написать книгу.

Ездра вопрошает Бога, желая узнать, не были ли вавилоняне (римляне) столь же греховными, как иудеи, если были, то тогда почему они должны процветать, в то время как иудеи, которые по крайней мере знали Бога, даже если и не всегда они были совершенно добродетельными, переживали такое горе.

Чтобы ответить на этот вопрос, ему был послан ангел:

3 Езд., 4: 1. *Тогда отвечал мне посланный ко мне Ангел, которому имя Уриил...*

Уриил («Бог — свет мой») не обнаруживается в каноническом Ветхом Завете. Он является апокрифическим творением, появившимся благодаря замысловатым легендам об ангелах и бесах, созданных во времена после плена под персидским влиянием. Уриил был одним из семи архангелов, перечисленных в апокрифической Книге Еноха.

Из-за значения его имени Мильтон в «Потерянном рае» рассматривал его как ангела, который конкретно отвечал за солнце. Мусульмане отождествляют Уриила с Израэлем, ангелом, отвечающим за музыку, и тем, кто будет трубить последнюю трубу в Судный день (роль Гавриила в христианской легенде).

Содомское море

Уриил рассказывает Ездре, что человеческий разум ограничен, чтобы понять замысел Бога, но все станет ясным в конце, с приходом Судного дня и идеального небесного состояния. Это произойдет скоро, но только после того, как зло приблизится к своей вершине. Затем:

3 Езд., 5: 4—5. *...внезапно воссияет среди ночи солнце и луна трижды в день; и с дерева будет капать кровь, камень даст голос свой...*

3 Езд., 5: 7. *Море Содомское извергнет рыб...*

Другими словами, случится невозможное, возвещая о конце упорядоченной природы. Содомское море — это, конечно, Мертвое море, на берегах которого однажды стоял Содом. В наполненных солью глубинах Мертвого моря нет никакой рыбы, так что обнаружить изобилие рыб было бы столь же невозможно, как солнцу воссиять ночью, крови истечь из дерева или камням возопить.

Бегемот и Левиафан

Во втором видении Уриил описывает большее количество невозможного, возвещающего о пришествии конца света. Затем, в третьем видении, Ездра описывает порядок творения, который дан в первой главе Бытия. Однако он добавляет дополнительную деталь, в соответствии с легендами, которые были добавлены к библейскому описанию в греческие времена.

3 Езд., 6: 47. *В пятый день...*

3 Езд., 6: 49. *Тогда Ты сохранил двух животных: одно называлось бегемотом, а другое левиафаном...*

3 Езд., 6: 51—52. *Бегемоту Ты дал одну часть из земли... в которой тысячи гор. Левиафану дал седьмую часть водяную, и сохранил его, чтобы он был пищею того, кому Ты хочешь, и когда хочешь.*

Слово «бегемот» используется и в Исправленном стандартном переводе. Существование этих первобытных чудовищ является собой пример красочных легенд, которыми раввины восхищались и развивали в подробностях. Они обнаруживают свое оправдание только в одной библейской фразе в Бытии, где описывается пятый день творения:

Быт., 1: 21. *И сотворил Бог рыб больших...*

Слова «рыбы большие» являются переводом еврейского слова «таннин», которое более точно означает обычно огромных морских существ. Действительно, в Исправленном стандартном переводе эта фраза переводится следующим образом: «Сотворил Бог больших морских чудовищ...»

Интересно, что в Третьей книге Ездры море упоминается как занимающее седьмую часть поверхности Земли. Древние географы, неспособные проникать далеко в море, не имели понятия об истинной протяженности океана. Действительно, только в исследованиях капитана Кука в XVIII в. человек начал представлять, насколько обширным был океан; и он занимал уже не 15 процентов, а 70 процентов поверхности планеты.

Упоминание о Левиафане, который был сохранен, «чтобы он был пищею того, кому Ты хочешь, и когда хочешь», был связан с раввинской легендой о том, что, когда пришел Мессия, было установлено идеальное царство, праведники праздновали великий праздник, на котором был съеден Левиафан.

Ездра переходит к этому описанию для того, чтобы доказать, что вся эта великолепная попытка творения была сделана ради Израйла, и тем не менее (сожаление, которое он много раз повторяет), Израиль был опустошен торжествующими язычниками.

Мессия

Уриил винит в этой ситуации первородный грех Адама в саду Эдемском и снова продолжает описывать подробности конца света. В конце концов, знаки имели место:

3 Езд., 7: 28—29. *Ибо откроется Сын Мой Иисус с теми, которые с Ним, и оставшиеся будут наслаждаться четыреста лет. А после этих лет умрет Сын Мой Христос, и все люди, имеющие дыхание.*

Слово «Иисус» обнаруживается только в латинской копии и выдает руку редактора-христианина. На восточных языках это выражение выглядит как «Сын Мой Мессия», и именно в таком виде оно приводится в Исправленном стандартном переводе.

В этом видении Мессеианское царство приходит не после Судного дня, а до него. Это — последний акт современного мира. Продолжительность в четыреста лет для Мессеианского царства обнаруживается в латинском переводе. Один арабский перевод приводит цифру в тысячу лет. Христианский Апокалипсис также говорит о тысяче лет Мессеианского царства, с двумя воскресениями, одно — в начале, а другое — в конце этого царства:

Откр., 20: 6. *Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет.*

По этой причине люди говорят о «миллениуме» (латинский перевод «тысячи лет») как времени идеального счастья. Вера в это учение называется «хилиазмом» (от греческого слова, означающего «тысяча»). Верящие в то, что это тысячелетие уже грядет, а их много было в каждом поколении за последние две тысячи лет, назывались «millennarians», или «хилиасты».

Затем, в четвертом видении, Ездре было позволено увидеть красоту небесного Иерусалима, который в конечном счете будет после разрушенного земного.

Орел

Пятое видение — это усложненное видение из популярной Книги пророка Даниила:

3 Езд., 11: 1. *И видел я сон, и вот, поднялся с моря орел, у которого было двенадцать крыльев пернатых и три головы.*

Позже это было интерпретировано Уриилом как четвертый зверь в видении Даниила:

3 Езд., 12: 11—12. *...орел, которого ты видел... есть царство, показанное в видении Даниилу, брату твоему; но ему не было изъяснено то, что ныне Я изъясню тебе.*

Четвертое царство описано в Книге пророка Даниила следующим образом:

Дан., 7: 7. *...и вот зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него большие железные зубы... и десять рогов было у него.*

Для автора Книги Даниила, писавшего во времена Антиоха IV, этот зверь символизировал Селевкидскую империю, а его десять рогов — десять селевкидских царей до времени написания. Но теперь Селевкидская империя давно исчезла, и необходимо было по-новому интерпретировать зверя — как Римскую империю. Двенадцать крыльев — это были двенадцать римских императоров до того времени, когда была написана Третья книга Ездры:

3 Езд., 12: 14—16. *В нем будут царствовать, один после другого, двенадцать царей. Второй... удержит власть более продолжительное время, нежели прочие двенадцать. Таково значение двенадцати крыльев, виденных тобою.*

Чтобы объяснять это, мы должны принять Юлия Цезаря в качестве первого императора. В действительности он не был императором, но часто считался таковым в древние времена. (Так, римский историк Светоний написал известную и до сих пор существующую книгу «Жизнь двенадцати цезарей» примерно спустя поколение после Третьей книги Ездры. Она была о первых императорах, и она также начинается с Юлия Цезаря.)

Вот эти двенадцать: Юлий, Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон, Гальба, Отон, Вителлий, Веспасиан, Тит и Домициан. Домициан правил с 81-го по 96 г., а поскольку у орла только двенадцать крыльев, то, по-видимому, Третья книга Ездры была составлена в конце царствования Домициана.

Август, второй император в списке, правил сорок один год, гораздо дольше любого из остальных одиннадцати, так что второй действительно «удерживал власть более продолжительное время, нежели прочие двенадцать». Фактически царствование Августа должно было оказаться более длительным, чем царствование любого императора, правившего в Риме за всю историю этой империи.

Наконец, в игру вступают три головы орла:

3 Езд., 11: 29. *...одна из покоящихся голов, которая была средняя, пробудилась, и она была более других двух голов.*

3 Езд., 11: 31—32. *И эта голова... пожрала два подкрыльных пера, которые покушались царствовать. Эта голова... владычествовала над обитателями земли...*

Три головы — это три императора Флавианской династии. Большая центральная — Веспасиан, две меньших с обеих сторон — его сыновья Тит и Домициан. Они виделись автору Третьей книги Ездры с особым ужасом, поскольку это были Веспасиан и Тит, которые повели армии против иудеев, когда те восстали, и именно Тит в 70 г. захватил и разграбил Иерусалим и разрушил храм.

События, упомянутые в вышеприведенных стихах, последовали за убийством Нерона, когда несколько кандидатов боролись за освободившийся престол и верх одержал Веспасиан. Он стал императором в 69 г. и безраздельно правил в течение десяти лет.

В царствование третьей головы (Домициана) появилось новое существо и стало обличать орла:

3 Езд., 11: 37. *...вот, как бы лев, выбежавший из леса и рыкающий, испустил человеческий голос к орлу и сказал...*

3 Езд., 11: 39. *...не ты ли оставшийся из числа четырех животных...*

3 Езд., 12: 3. *...и все тело орла сгорало...*

Уриил открыл, кто такой этот лев:

3 Езд., 12: 31—32. *Лев, которого ты видел... говорящим к орлу и обличающим его... это — Помазанник...*

Другими словами, Мессия придет в конце царствования Домициана, и Римская империя будет разрушена, в то время как на ее месте возникнет Мессианское царство.

Конечно, этого не произошло, а вместо этого после царствования Домициана на трон взошли пять «благих императоров», при которых в течение восьмидесяти лет Рим переживал период глубочайшего мира и спокойствия. Однако мессианская тоска среди иудеев привела их к одной из множества катастроф.

Восстание в Иудее с 66-го по 70 г. укрепило связи между иудеями и греками в Египте. В конечном счете, широко распространившиеся мятежи привели к значительным кровопролити-

ям с обеих сторон, но иудеям (которых было меньше) пришлось хуже всего. Еврейский храм в Александрии был разрушен, и тысячи иудеев были убиты, при этом окончательно исчезло то, что было самым преуспевающим, многочисленным и интеллектуально продуктивным в Древнем мире, — еврейское общество.

В Кириноее на западе собственно Египта от иудеев осталась большая колония. В 115 г., в период царствования Траяна, второго императора, взошедшего на трон после Домициана, messiанский пыл (подпитываемый книгами типа Третьей книги Ездры) привел их к восстанию, и после двух лет ожесточенной борьбы это восстание было потоплено в крови. Многочисленное население Египта, говорящее на иврите, фактически было уничтожено.

Затем в 132 г., во время царствования преемника Траяна Адриана, оставшиеся евреи из Иудеи снова восстали. Они последовали за зилотом Симоном Бар-Кохбой, который объявил себя Мессией. Потребовалось три года для того, чтобы это восстание было подавлено, и к тому времени палестинские евреи были истреблены.

Оставшиеся иудеи были рассеяны в небольших колониях по всей римской Европе. Они выжили, но и только. В течение последующих восемнадцати столетий они были постоянно угнетаемыми, и часто их вырезали, но только в наше время они снова, как единый народ, взяли за оружие против своих врагов.

Действительность, как оказалось, была совершенно противоположной видениям в Третьей книге Ездры.

Десять колен

В шестом видении Ездра видит восставшего из моря человека, сражение с великими множествами и победу над ними с помощью огня, исходящего из его рта. Это, конечно, Мессия, сокрушающий язычников. Но затем:

3 Езд., 13: 12. *После сего я видел того мужа... призывающим к себе другое множество, мирное.*

Эти множества интерпретируются следующим образом:

3 Езд., 13: 40. *...это десять колен, которые отведены были пленными из земли своей во дни царя Осии, которого отвел в плен Салманассар, царь Ассирийский...*

Иудеи мечтали, что спустя восемь веков где-то существовали потомки этих десяти колен, обладавшие самосознанием израиль-

тян. Оставалась надежда, что они могли бы даже образовать мощное и процветающее царство, которое когда-нибудь придет на помощь к их угнетенным братьям Иуде и Вениамину. Они, конечно, никогда не сделали этого, да и не могли, поскольку они давно исчезли в окружающих их поселениях.

Девяносто четыре книги

В седьмом, последнем видении Ездры приказано написать книги Библии. Фактически это упоминание о важном историческом факте. Ранние книги Библии действительно получили свою нынешнюю форму в период плена и сразу после него. Именно книжники, возможно под руководством самого Ездры, подготовили копии и завершили необходимое редактирование первоначальных легенд, традиционного закона и священнического ритуала. Ездра, возможно, был также «летописцем», который продолжил писать историю Израиля со времени Иисуса Навина и до восстановления храма в Первой и Второй книгах Паралипоменон, в Книгах Ездры и Неемии.

Одним из важнейших моментов Книги Неемии является сцена, в которой Ездра читает закон собравшимся людям и толкует его:

Неем., 8: 5. И открыл Ездра книгу пред глазами всего народа, потому что он стоял выше всего народа. И когда он открыл ее, весь народ встал.

Неем., 8: 18. И читали из книги закона Божия каждый день, от первого дня до последнего дня. И праздновали праздник семь дней, а в восьмой день попризводство по Уставу.

Оставшаяся часть Библии, после Книги Иисуса Навина, была добавлена постепенно, с некоторыми не записанными ранее частями (не говоря уже о принятых каноническими) до 150 г. до н. э., примерно через триста лет после времени Ездры. Как бы то ни было, автор Третьей книги Ездры, оглядываясь назад, смоделировал ситуацию до такого представления, где Ездра видит-ся как написавший всю Библию.

Безусловно, Ездра не считается создателем Библии. Согласно православной традиции, Библия была написана различными мудрецами, жившими до плена, такими, как Моисей и Самуил, а согласно раввинским легендам, она вполне могла предсуществовать в вечности. Поэтому Ездра просто восстановил Библию (согласно точке зрения, представленной в Третьей книге Ездры)

до того состояния, которое было в период до сожжения Храма Навуходоносором.

3 Езд., 14: 21. *...потому что Закон Твой сожжен, и оттого никто не знает, что соделано Тобою или что должно им делать.*

Следуя гласу Божьему, Ездра восстанавливает Библию, диктуя полный текст Писания пяти мужам в течение сорока дней.

3 Езд., 14: 44—47. *Написаны же были в сорок дней девяносто четыре книги... Всевышний сказал: «Первые, которые ты написал, положи открыто... но последние семьдесят сбереги, чтобы передать их мудрым из народа...»*

Таким образом, общее количество написанных книг — девяносто четыре, а количество книг, которые должны быть открыты для всех, — двадцать четыре. Эти двадцать четыре книги составляют книги Еврейского канона, упорядоченные следующим образом:

(1) Бытие, (2) Исход, (3) Левит, (4) Числа, (5) Второзаконие, (6) Книга Иисуса Навина, (7) Книга Судей израилевых, (8) Первая и Вторая книги Самуила, (9) Первая и Вторая книги Царств, (10) Книга пророка Исайи, (11) Книга пророка Иеремии, (12) Книга пророка Иезекииля, (13) Книги младших пророков, (14) Псалтирь, (15) Притчи Соломона, (16) Книга Иова, (17) Песнь песней Соломона, (18) Книга Руфь, (19) Плач Иеремии, (20) Книга Екклесиаста, (21) Книга Есфирь, (22) Книга пророка Даниила, (23) Книги Ездры и Неемии, (24) Первая и Вторая книги Паралипоменон.

Оставшиеся семьдесят книг, которые были скрыты от всеобщего обозрения, образуют апокрифы («скрытые»).

Фактически здесь и заканчивается первоначально написанная часть Третьей книги Ездры.

Египет

Последние две главы, состоящие из пророчеств о бедствиях, которые наступят в последний день, по-видимому, были добавлены в III в., что делает ее самым последним отрывком Библии или апокрифов. Бог говорит о Египте, например, следующим образом:

3 Езд., 15: 10—11. *Вот, народ Мой ведется как стадо на заклание; не потерплю более, чтобы он жил в Египте, но выведу... и поражу Египет казнью, как прежде, и погублю всю землю его.*

Это может иметь аллегорический смысл. Именно христиане — «народ Мой», а Египет фактически означает Рим. Как бы то ни было, эти стихи, возможно, были вдохновлены фактическими событиями. Иудеев действительно больше не уводили, чтобы они жили в Египте, так как к 135 г. иудеи были фактически уничтожены на всем Востоке.

Но затем, в следующем веке, что-то могло выглядеть как возмездие, павшее на Египет, и он был поражен казнью.

В 215 г. император Каракалла посетил Египет и положил конец государственной поддержке великого Музея Александрии. Этот музей был интеллектуальной славой города в течение пяти столетий, но теперь он был в упадке, и таким же был теперь и Рим, когда время благополучных императоров прошло.

Ситуация была даже хуже, согласно историям, которые дошли до нас (и которые, возможно, были несколько преувеличены). Каракалла был возмущен Александрией за некоторое неуважение, которое проявляли к нему ее граждане. Поэтому он разграбил город, убив тысячи жителей.

Затем, вскоре после 260 г., в период царствования императора Галлиена, Египет охватил голод и эпидемия. Две трети населения Александрии, как предполагается, умерли в мучениях. Возможно, это продолжалось в то время, когда писались две последних главы Третьей книги Ездры.

Кармоняне

Действительно, Римская империя встретила III в., погрузившись в пучины несчастья и анархии. В 235 г. был убит император Александр Север, и в течение последующих пятидесяти лет император следовал за императором, каждый боролся с узурпаторами и в конце концов бывал сам убит, в то время как все царство разваливалось. Христианские мистики, наблюдая это, были уверены, что последние дни уже близко.

Автор последней части Третьей книги Ездры описывает видение, соответствующее последним дням:

3 Езд., 15: 29—30. *Выступят порождения драконов Аравийских на многих колесницах... Выйдут... кармоняне, неистовствующие в ярости, и придут...*

3 Езд., 15: 43. *...и пройдут безостановочно до Вавилона и сокрушат его...*

Естественно, анархия и беспорядки в Римской империи создали для внешних врагов беспрецедентную возможность напасть на нее. Наиболее могущественный из врагов Рима находился на востоке. Парфянская империя, которая создавала для Рима так много проблем во времена Ирода Великого, пришла в упадок, но в 226 г., когда Александр Север был еще на римском престоле, на востоке к власти пришла новая династия Сассанидов. Сассанидская империя продолжила войну против Рима, как ранее парфяне. А так как Сассаниды пришли к власти как раз в то время, когда Рим погряз в анархии, они каждый раз добивались в войне значительных успехов.

В 240 г. Шапур I стал сассанидским царем, и он сразу же вторгся в Сирию. Весьма вероятно, его войска с востока символизировались «драконами Аравии». Если и есть какое-либо сомнение, то упоминание о кармонянах подтверждает это, поскольку Кармания была большой южной провинцией Сассанидской империи.

В разгар своего нападения Шапур взял Антиохию и дошел до Средиземноморья. Рим с большим трудом удерживал свои позиции, но в 258 г. Шапур начал вторую войну против Рима, и на этот раз его успехи были еще большими, а положение Рима, который находился в состоянии распада, — еще худшим. В 259 г. Шапур победил римское войско в Сирии и захватил в плен римского императора Валериана. Конечно, этого было достаточно, чтобы «сокрушить его [Рим]».

Захват врагами римского императора, впервые в римской истории, а также ужасный голод в Египте, должно быть, действительно создавали видимость, что последние дни уже близки, если последняя часть Третьей книги Ездры действительно была написана в то время.

В 260 г. Шапур даже вторгся в Малую Азию, и в Третьей книге Ездры содержится также апокалиптическое осуждение этого региона:

3 Езд., 15: 46—47. *И ты, Асия, соучастница в надежде Вавилона... горе тебе, бедная, за то, что уподобилась ему...*

Однако ни одно из этих видений не сбывается. В действительности Рим восстановился. В 268 г. на римский престол взошел способный император Клавдий II и начал одерживать победы. При его преемнике Аврелиане царство снова было собрано из кусков, на которые оно распалось.

Начиная с 284 г. император Диоклетиан предпринял полную реорганизацию империи, а при Константине (который начал царствование в 306 г.) империя официально стала христианской.

32. ОТКРОВЕНИЕ

Иоанн • Патмос • Альфа и Омега • День Господень • Семь церквей • Семь • Николаиты • Книга жизни • Филадельфия • Лаодикея • Агнец • Четыре всадника • Сто сорок четыре тысячи • Евфрат • Великий город • Дракон • Зверь • Число зверя • Армагеддон • Вавилон • Гог и Магог • Иерусалим

Иоанн

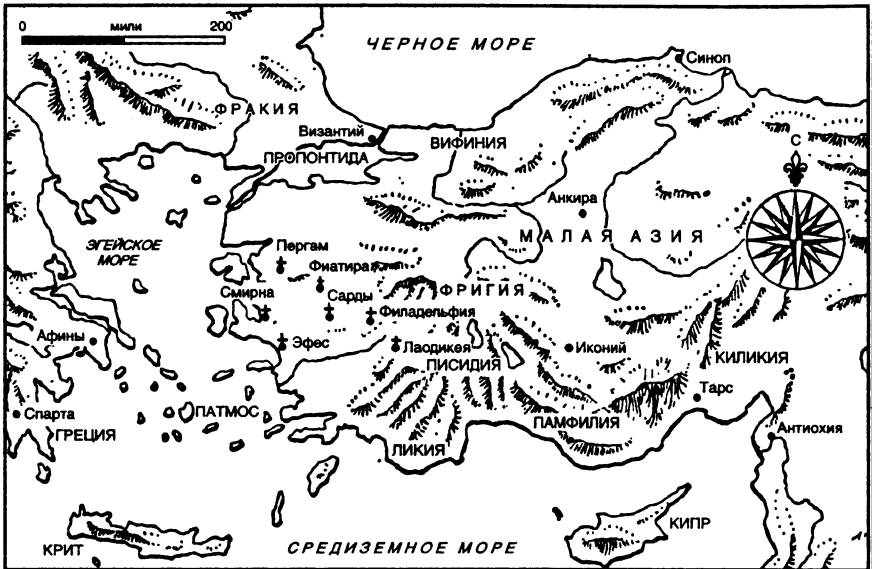
В некоторых книгах Ветхого Завета есть апокалиптические пассажи, например, в Книге пророка Исаии содержится «малый апокалипсис», а последняя половина Книги пророка Даниила — апокалиптическая. Однако ни одна книга Ветхого Завета не является полностью апокалиптической, хотя одна такая книга есть среди апокрифов — это Третья книга Ездры.

Тем не менее во времена Домициана был написан особенно сложный и богатый символами апокалипсис. Автор этого текста был христианин, и в конце концов его приняли (несмотря на некоторые первоначальные сомнения) в качестве канонического. Теперь эта книга является последней книгой Нового Завета, и это — единственная апокалиптическая книга в Библии.

Поскольку слово «апокалипсис» означает «откровение» (о том, что в противном случае навсегда осталось бы скрытым, потому что это невозможно постичь беспомощным человеческим разумом), эта последняя книга может быть названа либо Апокалипсисом, либо Откровением.

Автор Откровения называет себя и не пытается приписать авторство какому-нибудь древнему мудрецу (как обычно делалось в апокалиптической письменности):

Откр., 1: 1. Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное через Ангела Своего рабу Своему Иоанну...

Семь церквей Малой Азии

Остается вопрос о том, кем мог быть Иоанн. Согласно наиболее распространенной традиции, четвертое Евангелие, три послания Иоанна и Откровение были написаны одним и тем же человеком, и этим человеком является апостол Иоанн, сын Зеведея. В католической Библии книга называется соответственно «Апокалипсис апостола Иоанна».

Верно, что язык этой книги, хотя и греческий, полон семитского порядка слов и выражений и почти в каждом стихе богат аллюзиями из Ветхого Завета. Практически можно считать, что это доказывает тот факт, что автором был палестинский еврей, который мыслил на еврейском или арамейском и который изучил греческий в поздний период своей жизни — как и можно было ожидать от апостола Иоанна.

С другой стороны, язык может оказаться ни тем ни другим. Вполне возможно, он был сознательной имитацией своего рода апокалиптического языка, используемого палестино-еврейскими авторами предыдущих двух столетий. (У нас есть современный пример такого рода в виде Книги Мормона, которая была написана как сознательная имитация стиля Библии в версии короля Якова.)

Доказательством против авторства апостола Иоанна являются многочисленные различия в стиле, словаре и мыслях между четвертым Евангелием и Откровением. Эти две книги не могли

быть написаны одним и тем же автором, а если апостол Иоанн написал четвертое Евангелие, то он не мог написать Откровение. Кроме того, если автор Откровения выдает себя за Иоанна и поэтому неявно пытается скрыть свое имя, то почему он не говорит открыто, что он апостол Иоанн или Иоанн, любимый ученик Иисуса? Тот факт, что он не делает этого, создает видимость того, что он является другим Иоанном.

Библия короля Якова, по-видимому, проявляет в этом отношении осторожность, так как не отождествляет Иоанна как апостола в названии этой книги: «Откровение Святого Иоанна Божественного». Исправленный стандартный перевод еще более осторожен и называет это «Откровением Иоанна», в то время как Иерусалимская Библия говорит просто — Книга Откровения.

Патмос

Несомненно, книга является произведением того, кто был если и не уроженцем западного побережья Малой Азии, то тамошним жителем. Книга начинается в форме послания, которое обращено к церквям этого региона:

Откр., 1: 4. *Иоанн семи церквям, находящимся в Азии...*

Азия здесь, как и во всем Новом Завете, относится к западной трети полуострова Малой Азии, римской провинции Азия, столицей которой был Эфес.

Иоанн конкретно указывает свое местоположение вблизи этой провинции:

Откр., 1: 9. *Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби и в царствии и в терпении Иисуса Христа, был на острове, называемом Патмос...*

Патмос — это остров в Эгейском море, площадью примерно в половину острова Манхэттен и примерно в 70 милях к юго-западу от Эфеса. Традиция говорит о том, что Иоанн находился там в изгнании из-за опасности мученической смерти, которая угрожала бы ему, если бы он остался в Эфесе. По-видимому, это намек на упоминание Иоанна о том, что он «брат и соучастник в скорби» христиан Азии.

Повод для написания Откровения был, по-видимому, подобен случаям всех апокалиптических сочинений. Истинные верующие подвергаются притеснениям, и силы зла, казалось, торже-

ствовали. Становится необходимым убедить слабеющие души в том, что Бог не дремлет, что все развивается согласно заранее задуманному плану, и возмездие не заставит себя ждать долго, и результатом хода событий станет последний Судный день с последующим установлением идеального царства, то есть согласно пророчествам посвященного:

Откр., 1: 3. *Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко.*

Некоторые предполагали, что конкретным временем преследований, которое привело к написанию Откровения, было время Нерона. Это кажется маловероятным, хотя Откровение могло стать реакцией на преследования и со стороны Нерона, недолгие и ограниченные, поскольку они происходили только в Риме. Гораздо более масштабные преследования со стороны Домициана впервые стали систематически представлять для жителей Малой Азии угрозу для жизни и приносить страдания.

Кроме того, предполагается, что в последние годы правления Домициана Иоанн покинул Эфес и переехал на Патмос, спасаясь от преследований. Вернулся в Эфес уже после смерти Домициана и восшествия на престол умеренного Нервы, который положил конец антихристианскому кризису. Так как Домициан был убит в 96 г., то считается, что Откровение было написано в 95 г.

Альфа и Омега

В своей преамбуле Иоанн восторженно описывает славу Бога:

Откр., 1: 7—8. *Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его; и возрыдают пред Ним все племена земные. Ей, аминь. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель.*

С самого начала книги видно, что автор составляет свои символы из языка апокалиптических отрывков Ветхого Завета. Особенно ему нравится Книга пророка Даниила, которая вплоть до времени самого Откровения была наиболее почитаемым из апокалипсисов, потому что она была канонической.

Таким образом, когда Иоанн говорит: «Се, грядет с облаками», это возвращает к Книге пророка Даниила:

Дан., 7: 13. *...вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий...*

Затем, когда он говорит о том, что «узрит Его всякое око», даже враги его («которые пронзили Его»), то здесь сознательное обращение к языку Захарии:

Зах., 12: 10. *...и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем...*

А в описании Господа как вечного используется язык Второ-Исайи:

Ис., 44: 6. *Так говорит Господь... Я первый, и Я последний...*

Иоанн переводит высказывание Исайи на метафорическую ссылку на греческий алфавит. Из двадцати четырех букв этого алфавита «альфа» — первая буква, а «омега» — двадцать четвертая и последняя. Поэтому утверждение о том, что Бог является «Альфой и Омегой», эквивалентно высказыванию «Я первый и Я последний». С точки зрения современного алфавита Иоанна можно было бы перефразировать так, что Бог — это «все от А до Я».

День Господень

Длинное видение в Откровении начинается в определенное время:

Откр., 1: 10. *Я был в духе в день воскресный...*

В тексте английской Библии вместо «воскресный», значится «день Господень». Существует несколько возможных истолкований того, что подразумевается под словосочетанием «день Господень», но все согласны в том, что это относится к последнему дню недели, который мы называем воскресеньем. Это — день Господень, потому что это именно тот день, в который произошло воскресение. Поначалу он без ущерба отмечался в шестой день недели, в субботу, и если Иоанн, говоря о дне Господнем, действительно ссылается на воскресенье, то это — первое безошибочное упоминание в христианской литературе о воскресеньем как особом дне.

Только когда в первые десятилетия IV в. христианство стало официальной религией Римской империи, день Господень получил полное значение дня субботнего, а почитание шестого дня недели исчезло и всецело было оставлено иудеям.

Семь церквей

Иоанн перечисляет семь церквей, к которым адресуются его апокалиптические послания, и все они находятся в провинции Азия:

Откр., 1: 10—11. Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний»; то, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Азии: в Ефес, и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию.

Из этих семи городов Эфес известен более всего. Это — столица провинции, часто упоминается в Деяниях, к тому же город, в котором произошел мятеж серебряных дел мастеров и в котором значительное время провел Павел.

Фиатира — город, знаменитый своими красильщиками, откуда происходила Лидия, продавщица краски, с которой Павел встретился в Филиппах. Лаодикия — это город вблизи Колосс, упоминание о которых было в Послании к колоссянам.

Оставшиеся четыре города не упоминаются в Библии, за исключением Откровения.

Смирна находится на побережье Малой Азии примерно в 40 милях к северу от Эфеса. Это был древний город, который захватили вторгшиеся греки и колонизированный еще в 1000 г. до н. э., когда Израилем правил Давид. В 650 г. до н. э. это был богатый и развитый в культурном отношении город. Но затем лидийцы, создавшие в глубоком тылу мощное царство, захватили все грекоязычное побережье Эгейского моря. Поскольку Смирна оказывала сопротивление, царь Лидии Альтат приказал разрушить город.

Согласно более поздней легенде, Александр Македонский, пришедший на побережье на три столетия позже, имел намерение восстановить город. После его смерти его военачальники Антигон и Лисимах, которые временно правили Малой Азией, осуществили эту мечту, и примерно в 301 г. до н. э. Смирна снова ожила. В римские времена по своим размерам и богатству она выросла почти до уровня соперничества с Эфесом.

Фактически, когда все знаменитые древние города побережья Малой Азии пришли в упадок и были разрушены, Смирна одна еще длительное время процветала. Даже после того, как Малую Азию захватили турки, Смирна (теперь известная под турецким названием Измир) продолжала существовать как греческий

центр, вплоть до наших времен. После Первой мировой войны Греция, которая была на стороне победителей, потребовала вернуть Смирну в свои владения и в 1919 г. высадила армию на территории побежденной Турции. В последовавшей войне победила Турция, и греческая армия была оттеснена к морю. Измир был razорен и фактически разрушен, и его длительная греческая история пришла к концу. Тем не менее, когда город был восстановлен, он снова был турецким городом, и теперь это город с населением почти в четыреста тысяч жителей, третий по величине в государстве.

В 45 милях к востоку от Смирны были расположены Сарды, столица Лидийского царства, которое в течение VI в. до н. э. включало в себя западную половину Малой Азии. В 546 г. до н. э. Лидия, когда ее захватил персидский завоеватель Кир, окончательно пала, Сардам не суждено было стать столицей независимого царства, но на протяжении столетий он оставался важным городом. В 499 г. до н. э. афиняне совершили на него поход и сожгли его, и именно этот случай вызвал великую греко-персидскую войну, длившуюся последующие несколько десятилетий. Город существовал вплоть до пришествия турок, когда он стал приходить в упадок, и окончательно был разрушен в 1402 г. монгольским завоевателем Тимуром (Тамерланом).

После разрушения Персидской империи Александром Македонским в западной Малой Азии было основано новое независимое грекоязычное государство. Его появление как независимого государства можно проследить еще в 283 г. до н. э., а его столицей стал город Пергам, располагавшийся примерно в 60 милях к северу от Смирны и примерно в 15 милях от побережья.

Сначала его правители владели только небольшим районом вокруг города, но их влияние быстро распространялось и территория росла. В 230 г. до н. э. при царе Аттале I этот район стал царством Пергам (одноименно со столицей).

Великим врагом Пергама была Селевкидская империя, которая особенно угрожала ему при ее победоносном царе Антиохе III. Поэтому Пергам присоединился к Риму, и, когда Рим одержал свои первые победы в Малой Азии, Пергам был вознагражден большими участками территории Селевкидской империи.

При Евмении II, который правил с 197-го по 160 г. до н. э., то есть в период маккавейского восстания, Пергам достиг высот своего процветания и власти. В городе была библиотека, вторая после Александрийской.

Однако римская власть в Малой Азии росла, и в 133 г. до н. э., когда царь Пергама Аттал III умирал, он по своей воле оставил свое царство Риму. Он считал, что только так он мог сохранить

свою землю от раздирающей борьбы за престол между различными соперниками. Он оказался прав, и Рим захватил Пергам почти без всякого сопротивления.

Город Пергам больше не был столицей области, однако он стал римской провинцией Азия и центром, связывающим с греческими городами Эфесом и Смирной. Сам Пергам начал приходить в упадок во времена Марка Антония, за поколение до рождения Иисуса. Марк Антоний, пытаясь помириться с Клеопатрой из Египта за разрушение десять лет назад части Александрийской библиотеки во время небольшой войны с Юлием Цезарем, передал Пергамскую библиотеку в Александрию. Пергам существует до сих пор, однако уже как город Бергамо (его название все еще узнаваемо) в современной Турции.

Филадельфия самый маленький из этих семи городов, и расположен он примерно в 25 милях к юго-востоку от города Сарды. Город был основан примерно в 150 г. до н. э. Атталом II из Пергама. Аттал II был известен как Аттал Филадельф, и город был назван в его честь. Он все еще существует как небольшой турецкий городок с названием Алезегир, что означает «красный город», названный так за цвет его почвы.

Семь

Иоанн описывает сложное видение Сына Человеческого, представляющего послания, которые он посылает каждой из этих семи церквей, используя термины, заимствованные в основном из Книги пророка Даниила. Во всей книге Откровение число 7 используется столь часто, что обычно подозревается, что эти семь церквей были выбраны не потому, что это было все, что имелось в провинции Азия, а из-за мистических качеств самого числа.

Значение числа 7 в Библии заметно прежде всего в семи днях первой недели (шесть дней сотворения плюс седьмой день покоя). Однако это не исключительный источник, так как, по-видимому, очень вероятно, что первая глава Бытия была адаптацией вавилонских сказаний о сотворении и семидневная неделя имела вавилонское (возможно, в конечном счете шумерское) происхождение.

Семидневная неделя стала результатом того случайного астрономического факта, что на небе есть семь видимых тел, которые движутся независимо друг от друга на фоне звезд. Это — Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. Вавилоняне придавали большое мистическое значение числу и движению этих тел и основали на этом астрологию, псевдонауку,

которая существует до сих пор и имеет неубывающее значение и влияние даже в нашем, как предполагается, просвещенном обществе.

Каждый из семи дней недели заведует планетой, в честь которой он назван. Мы¹ до сих пор сохраняем эти реликты: в нашем собственном воскресенье (Sun-day, день Солнца), понедельник (Moon-day, день Луны) и субботе (Saturn-day, день Сатурна). Остальные английские дни недели названы в честь норвежских божеств. А вот, например, во французской неделе явно просматривается планетарная система: вторник — mardi (день Марса), среда — mercredi (день Меркурия), четверг — jeudi (день Юпитера) и пятница — vendredi (день Венеры).

Семидневная неделя была более полезна тем, что она плотно вписывалась в лунный месяц, будучи примерно четвертью этого промежутка времени. Поэтому прохождение недели показывало изменение фаз луны — от новолуния до первой четверти, от первой четверти до полнолуния, от полнолуния до третьей четверти, от третьей четверти снова до новолуния. Действительно, само слово «week» («неделя») происходит от древнетевтонского слова, означающего «изменение».

Иудеи заимствовали понятие недели у вавилонян в период плена, и именно тогда день субботний получил свое важное значение, которое он имел после плена. Также именно тогда число 7 получило свое мистическое значение. Очень удачным совпадением с замыслами автора Откровения стало то, что город Рим, как известно, был построен на семи холмах.

Николаиты

Вторая и третья главы Откровения полностью прозаические, так как в них Иоанн передает послания каждого из семи ангелов каждой из семи церквей на относительно простом языке. Каждая церковь обвиняется в недостатках, и восхваляется их стойкость. Первоначальные читатели, для кого предназначались эти послания, конечно, понимали все намеки, но современные читатели расстраиваются из-за недостатка сведений по истории вопроса. Так, церковь в Эфесе восхваляется, но есть у нее и некоторые загадочные проступки:

Откр., 2: 4. *Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою.*

¹ Автор говорит об англоязычной аудитории. (Примеч. пер.)

Очевидно, эфесская церковь в некоторых неуказанных отношениях больше не проявляет свой первоначальный энтузиазм. Однако она восхваляется за то, что отвергла секту, которую Иоанн рассматривает с суровым осуждением:

Откр., 2: 6. *Впрочем то в тебе хорошо, что ты ненавидишь дела Николаитов, которые и Я ненавижу.*

Кто такие николаиты и каким было их учение, конечно, остается неизвестным. По названию можно предположить, что они следовали учению кого-то по имени Николай.

Есть только один Николай, который упоминается в Новом Завете, и это был один из семи человек, назначенных быть руководителями греческой партии в самом начале истории церкви:

Деян., 6: 5. *...и избрали Стефана... и Филиппа... и Николая Антиохийца, обращенного из язычников...*

В прошлые века было распространено предположение о том, что николаиты отстаивали принцип неограниченных сексуальных связей, то есть «свободную любовь». Возникла легенда о том, что Николай, прозелит из Антиохии, в самом начале зарождения христианства слишком буквально принимал коммунистические учения апостолов, предлагал делиться своими женами с другими мужьями. Возможно, это представление возникло потому, что Антиохия, подобно остальным большим языческим городам, имела репутацию чрезвычайно распущенного города, что вызывало осуждение со стороны еврейских и христианских пуритан римских времен.

Намек в этом направлении обнаруживается в послании к церкви в Пергаме. Она получает предупреждение:

Откр., 2: 14—15. *Но имею немного против тебя, потому что есть у тебя там держащиеся учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов Израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали. Так и у тебя есть держащиеся учения Николаитов, которое Я ненавижу.*

Две ереси Валаама и николаитов, по-видимому, упоминались как отличавшиеся, но возможно, это — параллелизм еврейской поэзии, когда одно и то же упоминается дважды по-разному. Если это так, то каково же было учение у Валаама? В Книге Чисел есть отрывок, который следует сразу за предсказаниями Валаама, которые были предназначены для свидетельства про-

тив Израиля, но которые были обращены Богом в пользу Израиля против воли Валаама:

Числ., 25: 1. И жил Израиль в Ситтима, и начал народ блудодействовать с дочерьми Моава...

Предполагалось, что Валаам советовал царю Моава Валаку совращать израильтян таким способом, так как такое соблазнение вызовет гнев Божий на грешников — к большой выгоде Моава. Так, когда израильтяне позже брали женщин живыми в качестве военных трофеев, Моисей гневно требует их смерти и говорит:

Числ., 31: 16. Вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа в угождение Фегору, за что и поражение было в обществе Господнем.

Следовательно, имя Валаама было связано с сексуальной распущенностью, а это связано с николаитством как учением освобождения от серьезных сексуальных ограничений, требуемых в соответствии с Законом и, в этом отношении, в соответствии с учением Павла.

Другой намек на это можно найти в послании к церкви в Фиатире:

Откр., 2: 20. Но имею немного против тебя, потому что ты допускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложерственное.

Книга Жизни

Церковь в Сардах получает отрицательную оценку за то, что среди них мало достойных, а послание предназначено для лютого, кто является достойным:

Откр., 3: 5. ...и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его.

Первоначально Книга Жизни была просто метафорическим выражением, означающим список всех живых людей. Это как если бы каждый человек был зарегистрирован в большом хранимом на небе списке всего живущего в какое-либо время. Умер-

ший должен вычеркиваться из этой книги. Так, Моисей просит Бога за израильтян после инцидента с золотым тельцом и говорит, что он сам также может умереть, если израильтяне не будут прощены:

Исх., 32: 32. Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал.

Однако во времена после плена, когда было развито учение о воскресении тела и о последующей жизни, Книга Жизни стала списком не живущих в мире, а тех, кто должен был получить жизнь в будущем на небе. В Книге пророка Даниила о воскресении говорится:

Дан., 12: 1. ...и наступит время тяжкое... но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге.

Кроме того, в Псалтире Бога просят наслать наказание на грешника:

Пс., 68: 29. Да изгладятся они из книги живых и с праведниками да не напишутся.

Филадельфия

Филадельфия восхваляется:

Откр., 3: 8. ...ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего.

Филадельфия должна была соответствовать этой похвале более чем на тысячу лет позже. В трехвековой период, начавшийся в 1071 г., турки медленно, но неуклонно захватывали всю Малую Азию, уничтожая христианство и производя исламизацию населения. Эта ситуация существует и по сей день. Последний город, который был занят турками, последний город, который оказал им сопротивление и долго не отрекался от своего названия, — это была Филадельфия. В 1390 г. после восьмилетней осады он наконец пал.

В 1682 г. Вильям Пенн основал на берегах реки Делавар в Новом Свете новую колонию и построил там город. Он выбрал название Филадельфия по двум причинам. Во-первых, буквально это

означает «любовь к сестре (брату)», так что город по названию можно было назвать «городом братской любви». А во-вторых, Пенн помнил это восхваление Филадельфии в Откровении. Пенн основал город, и теперь Филадельфия четвертый по величине город в Соединенных Штатах, гораздо более крупный, чем любой из древних Филадельфий, которые когда-либо были.

Лаодикея

Церковь в Лаодикеи была резко осуждена, не за откровенно оппозиционное отношение к учению, которое одобрял Иоанн, а за свой нейтралитет. Иоанн, очевидно, предпочитает честного врага сомнительному другу:

Откр., 3: 15—16. Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.

Поэтому «Laodicean» («лаодикейский») в английском языке стало словом, означающим «безразличный» или «нейтральный».

Агнец

Теперь место действий переносится на небо, и вся остальная часть Откровения является сугубо мистической. Иоанн начинает с того, что описывает Бога посреди небесного двора посредством образов, заимствованных у Даниила и Иезекииля, и заметно представлен у него также образ серафима Исайи. Среди всей этой красоты показана книга, запечатанная семью печатями. Возможно, в ней содержатся тайны будущего, которое не может быть показано до того, как одна за другой не будут вскрыты печати.

Появляется герой, который открывает содержимое книги:

Откр., 5: 6—7. ...и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю. И Он пришел и взял книгу из десницы Сидящего на престоле.

Образ Мессии как агнца, ставшего своего рода великой жертвой Пасхи, был представлен в четвертом Евангелии. Об этом явно говорится в Первом послании Петра:

1 Петр., 1: 18—19. *...не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценную Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца...*

К концу I в. эта метафора стала настолько известной, что автору Откровения уже не нужно было вдаваться в подробности, чтобы объяснить, кто такой Агнец.

Четыре всадника

Одна за другой вскрываются печати книги, и с каждой из первых четырех появляется наездник на коне:

Откр., 6: 1—8. *И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить. И когда Он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч. И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай. И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.*

Это «четыре всадника апокалипсиса», представляющие виды зла, которые должны были низойти на мир (особенно на Римскую империю, которая рассматривалась ее населением как синоним «мира»), знаменуя собой начало его разрушения и пришествия мессианской эры.

Белый конь и его наездник, по-видимому, символизировали вторжение чужеземцев. По крайней мере, лук действительно был символом парфянских налетчиков, которые начиная со времен Юлия Цезаря наводили ужас на весь Восток. Во времена Ирода Великого они захватили Иерусалим, и как ни в какое другое время после этого их силы очень далеко прошли на восток.

Красный конь и его всадник также, по-видимому, означал какую-то форму войны. Он вполне может символизировать кровавые беспорядки гражданской войны и восстания.

Черный конь и его всадник символизируют голод, когда цена, предлагаемая за меру пшеницы («пенни»), гораздо выше обычной и настолько высока, что фактически обычные люди не могли покупать достаточное количество себе на жизнь.

Бледный конь и его всадник названы как «Смерть», но вообще это — не тот род смерти, которая следует за войной или голодом. Об этом позаботятся три первых коня. Скорее, Смерть символизирует смерть от болезни, как в том случае, когда мы говорим, например, о «черной смерти»¹.

Короче говоря, эти четыре всадника могут быть наиболее кратко описаны как Война, Революция, Голод и Мор.

Многие ищут значение символики Откровения в тех событиях, которые произошли в те столетия, когда и была написана книга. По их мнению, эти четыре всадника никогда не имели таких последствий, как во времена Первой мировой войны. Но не только эта война была самой кровавой и бессмысленной дикой бойней, когда-либо известной в истории, как на Западном, так и на Восточном фронтах, но была еще революция в России, которая влияет на нас даже сегодня, послевоенный голод и в Германии, и в России и пандемия гриппа, охватившая весь мир в 1918 г., которая уничтожила большее количество людей, чем война.

Никогда Война, Революция, Голод и Мор не распространялись по всему миру так ужасно, как с 1914-го по 1920 г.

Сто сорок четыре тысячи

Когда была снята пятая печать, были показаны души мучеников, ожидающих суда, а когда была снята шестая печать, начала рушиться материальная вселенная. Это могло показывать, что теперь наступил кульминационный момент. Должна быть снята седьмая печать, и придет Страшный суд. Однако во всей книге Откровение, очевидно, есть сильное нежелание позволить прийти этому кульминационному моменту. Он откладывается много раз.

Первая отсрочка происходит в тот момент, как будет снята шестая печать, и прежде, чем может быть снята седьмая печать, есть перерыв:

¹ «Черной смертью» называли в Европе эпидемию чумы. (Примеч. пер.)

Откр., 7: 1—3. *И после сего видел я четырех Ангелов... И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живаго. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего.*

В Вавилонии с древнейших времен было принято использовать печати для идентификации. Они были небольшие, цилиндрической формы, их можно было накатывать на мягкой глине, использовавшейся вавилонянами в качестве поверхности для письма. Их характерный рисунок служил вместо подписи на наших современных документах.

Раб мог быть подобным образом заклеимен (как на западе США метят скот), чтобы это несмыаемое клеймо показывало, кто его господин. Характерное клеймо играло и роль печати. Таким образом, описываемая здесь картина представляла праведных существ, так или иначе помеченных (подробности не приводятся) символом (опять же не описанным), который служит для опознания их как рабов Божьих, которых нужно уберечь в последних бедствиях.

Количество тех, которые должны быть спасены, дается конкретно:

Откр., 7: 4. *И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых.*

Из-за небольшого числа, по сравнению со всем населением Земли, появилось такое представление, что спасутся очень немногие. С другой стороны, это число может быть понято в переносном смысле.

Двенадцать колен Израиля, образно говоря, соответствуют всем праведным. Число 144 000 — это двенадцать, помноженное на двенадцать, помноженное на тысячу, поэтому мы должны рассмотреть мистическое значение этих чисел.

Точно так же, как семь, вероятно, получает свой первоначальный священный характер на основе того, что оно символизирует количество планет на небесах, так и двенадцать, возможно, получает свой священный характер на основе того, что в году двенадцать месяцев. Отсюда происходят двенадцать знаков зодиака и представление о том, что двенадцать образует полный круг. Поэтому число 144, которое равно двенадцати, помноженным на двенадцать, является акцентированной законченностью. Оно символизирует всех праведных (12) из всех колен (12), и не остается никого неучтенного.

Что касается тысячи, то это было самым большим числом, которое в древние времена имело определенное название. Греки использовали слово «μυγίοι», означающее десять тысяч, но в действительности оно не было названием этого числа. Первоначально это слово означало «неисчислимый», и именно в этом смысле мы используем его, когда говорим о «мириадах объектов». Умножение какого-то количества на тысячу настолько его увеличивало, насколько вообще можно было представить на языке того времени. Отсюда следует, что число 144 000 не означает какое-то конкретное количество, но символизирует подчеркнутое выражение: «Все праведники! Большое количество праведников!»

(Следует упомянуть, что слово «тысяча» оставалось самым большим числом вплоть до позднего Средневековья. Только потом появились такие числа, как миллион, изобретенное в Италии.)

Откровение продолжает подробно останавливаться на мистической полноте этого числа, подчеркивая, что должно быть двенадцать тысяч от каждого из двенадцати колен, которые приводятся в следующем порядке: Иуда, Рувим, Гад, Ашер, Неффалим, Манассия, Симеон, Левий, Завулон, Иосиф и Вениамин.

Это — странный список. По-видимому, должны были быть перечислены двенадцать сыновей Иакова, но одно из имен в этом списке — Манассия, сын Иосифа и внук Иакова. Чтобы освободить место для Манассии, один из сыновей Иакова должен был быть пропущен, и им стал Дан.

Вероятно, это — ошибка со стороны Иоанна или более позднего переписчика. Может быть и так, что случайно вместо «Дан» было написано «Ман», а еще более поздний переписчик посчитал, что Ман — это сокращение слова «Манассия».

Однако некоторым трудно принять нечто столь прозаическое, как ошибка переписчиков в Библии, так что значение разыскивали даже в самых тривиальных вещах. Некоторые предположили, например, что Дан был преднамеренно пропущен, потому что Антихрист должен был возникнуть именно из этого колена.

Представление о том, что колено Дана должно было породить Антихриста, может произойти только из отрывка в Завете Иакова, в котором пишется:

Быт., 49: 17. Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад.

Из этого метафорического описания Дана как змея (относящегося, возможно, к змее как тотемическому символу колена в пер-

вобытные времена, каким лев был для Иуды и волк для Вениамина) притягивается за уши идентификация змеи в саду Эдемском с Сатаной (в период после плена), а отсюда — и с Антихристом, но все это — легкое препятствие для мистики.

Эти праведники теперь стоят перед Агнцем, и все их страдания смываются, что стало знаменитой фразой:

Откр., 7: 14. *...это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца...*

Евфрат

И вот, наконец, снимается седьмая печать, и можно было ожидать, что приближается кульминационный момент видения, но он все еще не наступает. Вместо этого начинается новый ряд из семи событий в виде семи ангелов, каждый из которых в свою очередь трубит, после каждой трубы происходят ужасные бедствия. Когда пятый ангел трубит в трубу, открывается сам ад:

Откр., 9: 2—3. *...Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на землю...*

Откр., 9: 7. *По виду своему саранча была подобна коням, пригтовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие...*

Картина, описанная здесь Иоанном, явно инспирирована великим ужасом Востока — парфянской кавалерией, нападавшей, подобно облаку саранчи, она наносила свои смертельные удары и исчезала прежде, чем ей можно было должным образом противостоять. В подобном случае в 53 г. до н. э. в восточной Сирии потерпел поражение римский военачальник Красс. За то поражение Рим никогда должным образом не отомстил, но и никогда не прошал его.

Характерным оружием парфянских всадников были их луки, которые они могли использовать очень эффективно. Даже при отступлении они могли садиться в седла и выстреливать одновременно одним быстрым залпом стрел назад в своих преследователей. Этот «парфянский выстрел» часто оказывался весьма эффективным. Именно о такой тактике могло упоминать Откровение, когда в нем говорится о саранче:

Откр., 9: 10. *У ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала...*

Когда шестой ангел протрубил, продолжилось описание парфянской кавалерии. Шестой ангел получает наставление:

Откр., 9: 14. освободи четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрате.

Евфрат был границей в двойном смысле. Во-первых, он был границей Израиля во времена великих Давида и Соломона и с тех пор он был идеальной границей Израиля. Во-вторых, он был границей Римского царства на протяжении большей части существования Римской империи. «Ангелы», граничившие с Евфратом, контролировали вражеские войска с другой стороны.

Войско, управляемое этими ангелами Евфрата, стало, по-видимому, невероятно многочисленным. Это впечатление оно произвело на трепещущую пехоту, когда она стала объектом внезапной атаки со стороны всадников:

Откр., 9: 16. Число конного войска было две тьмы тем...

Это число получается, если использовать греческое «μυγίοι» как синоним неисчислимости, оно подчеркивается его повторением («неисчислимо неисчисляемое количество»), а затем еще и для полной меры оно удваивается. Если «μυγίοι» принять как десять тысяч, то это число становится равным двумстам тысячам тысяч, или двумстам миллионам, то есть это количество равно всему населению Соединенных Штатов.

Великий город

Затем прежде, чем прозвучала седьмая, последняя, труба, произошло еще одно отклонение, и был описан временный триумф зла.

Этот временный триумф символизирует происходившие в то время преследования христиан со стороны Домициана. Язык, используемый при описании этих преследований, как во всем Откровении, восходит к Ветхому Завету. Поэтому угнетение церкви со стороны Рима описывается языком Даниила, который описывал угнетение храма со стороны Селевкидов:

Откр., 11: 2. А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попираť свяťый город сорок два месяца.

Это период в три с половиной года, в течение которого храм был осквернен во времена Антиоха IV. Это использование сим-

волики храма было выдвинуто как свидетельство того, что храм в то время все еще стоял, поэтому Откровение было написано и была составлена книга в период преследований со стороны Нерона. Однако Откровение использует символику Ветхого Завета так последовательно, что такой вывод не убедителен. По всей видимости, Иоанн говорил о храме как представляющем церковь, независимо от того, стоял ли еще храм или нет, и независимо от того, поймут ли читатели эту аллегорию.

Далее описываются два пророка:

Откр., 11: 3. *И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище.*

Откр., 11: 7—8. *И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улице великого города...*

Это продолжает аллгорию указанием на то, что церковь будет преследоваться силами Сатаны и временно потерпит поражение. Конкретная форма аллгории могла, однако, испытать влияние конкретных событий. Некоторые говорили, что двумя свидетелями могут быть Павел и Петр, апостолы, преданные мученической смерти, согласно традиции, Нероном, который вполне мог быть описан как «зверь, выходящий из бездны». В этом случае «великим городом» был бы, конечно, Рим.

Более поздний переписчик, возможно, посчитал, что великий город должен быть Иерусалимом, и добавил фразу:

Откр., 11: 8. *...великого города... где и Господь наш распят.*

Дракон

Теперь прозвучала седьмая труба, но кульминационный момент все еще не наступает. Вместо этого вводится новая аллегория, изображающая сражение добра и зла, и облекается в термины вавилонской мифологии:

Откр., 12: 1. *И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд.*

В вавилонской мифологии это были бы богиня Солнца, двенадцать звезд, представляющие знаки зодиака, через которые

ежегодно проходит Солнце. Для Иоанна это символизировало идеализированный Израиль, двенадцать звезд символизировали двенадцать колен. Женщина была при родах и родила Мессию:

Откр., 12: 5. *И родила она младенца мужского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным...*

Но на небе был также и противник, и это также появилось в вавилонских терминах:

Откр., 12: 3. *И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим...*

Дракон символизирует хаос. Это — вавилонская Тиамат или еврейский Левиафан, которого необходимо победить в начале, чтобы могла быть создана упорядоченная вселенная, и его необходимо победить еще раз в конце времен, чтобы сотворенная вселенная пришла к надлежащей конечной цели. Как и можно было ожидать, используется мистическое число в виде семи голов и семи корон, которые должны быть на семи рогах. Довольно неподходящее число десяти рогов возвращает к четвертому зверю Даниила, десять рогов которого символизируют десять селевкидских царей до Антиоха IV.

Дракон символизирует также Сатану или Антихриста. Он готов пожрать Мессию в момент его рождения, но на стороне Мессии все воинства небесные:

Откр., 12: 7—9. *И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатанюю, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.*

Это отражает легенды, которые были сочинены во времена после плена под персидским влиянием. Бог и Сатана возглавили противостоящие армии в сражении добра и зла. Однако только в Откровении это персидское представление о мировом дуализме получает каноническое одобрение.

Мильтон в своем эпическом «Потерянном рае» начинает свое описание грехопадения в тот момент, когда Сатана и его ангелы (теперь превратившиеся в бесов) были брошены в ад и медленно восстанавливались от удара падения.

Сатана, брошенный на землю и неспособный одолеть Бога, мог, однако, выразить свою злобу против праведников на земле:

Откр., 12: 17. *И расшвирил дракон на жену, и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа.*

Конечно, именно это, в глазах автора Откровения, и объясняет все проблемы церкви.

Зверь

Злоба Сатаны обостряется от отчаяния, так как приближается конец света, и он (символизируемый в виде дракона) переправляет свои силы к земным владениям, изображаемым в виде зверя Даниила, — это известное аллегорическое изображение языческих империй, которые угнетали праведных.

Откр., 13: 1—3. *И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него — как у медведя, а пасть у него — как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелила...*

Зверь (обычно с семью головами и десятью рогами) — это, конечно, Римская империя, которая первоначально посягнула на иудейское самосознание через Средиземное море.

Утверждение о том, что на его головах — «имена богохульные», относится к требованию императоров о том, чтобы им поклонялись, как богам. Это поклонение императору было официальным государственным ритуалом, который был почти формальностью, предназначенной для того, чтобы соединить вместе граждан империи, которые сильно различались по языку, традиции и религии. Это было чем-то вроде жеста объединения, подобно нашему приветствию флага и клятве верности государству.

Именно отказ христиан согласиться с поверхностным ритуалом поклонения императору, а не их религия, заставил римлян подозревать их в том, что они были предателями государственных интересов. Это не должно показаться нам таким уж стран-

ным, так как в те дни были христианские секты, которые отказывались от приветствия флага и клятвы верности государству, утверждая, что все это — идолопоклонничество. Были также и ура-патриоты, которые были оскорблены этим и при первом удобном случае предприняли против таких сект самые строгие меры.

Исцелившаяся смертельная рана одной из голов может относиться к Нерону. Фактически из двенадцати римских императоров (считая и Юлия Цезаря), которые правили до того времени, когда было написано Откровение, не менее шести погибли от убийств или самоубийств: Юлий Цезарь, Калигула, Нерон, Гальба, Отон и Вителий. Клавдий, возможно, был отравлен, участь Домициана — быть убитым. (Только Август, Тиберий, Веспасиан и Тит, несомненно, умерли от естественных причин.)

Как бы то ни было, именно смерть Нерона была для христиан наиболее важной, по крайней мере до времени правления Домициана. Его самоубийство было аллегорически отмечено на звере. Тот факт, что Римская империя выжила и ею правили новые императоры, показан тем, что рана исцелилась.

Зверь, представляющий Римскую империю, изображен как существо, которому поклоняются все люди, кроме праведников. Тем, кто поклонялись, позволяли жить в мире и безопасности; те, кто отказался поклоняться (христиане), подвергались преследованиям. Так же как Бог отметил печатью праведников, которые принадлежали ему, так и зверь (Римская империя) отметил печатью тех, кто предавался поклонению императору и поэтому принадлежали ему:

Откр., 13: 15—17. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его.

Число зверя

Даже Римская империя — это своего рода абстракция, и автор Откровения нацеливается на какого-то конкретного человека, которого он отказывается называть, возможно, потому, что если бы он сделал так, то его бы обвинили в измене и наказали бы смертной казнью. Осторожно он идентифицирует человека так, что его более хорошо осведомленные читатели точно узна-

ют, кого он имеет в виду, и, тем не менее, закон при этом не может его затронуть:

Откр., 13: 18. *Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть.*

Чтобы понять это, мы должны осознать, что вплоть до Средневековья для обозначения чисел было принято использовать буквы алфавита. Иудеи, греки и римляне — все поступали так. Наиболее известны нам римские цифры, где I = 1, V = 5, X = 10, L = 50, C = 100, D = 500 и M = 1000. Из этого следует, что слова, составленные из этих букв, также имеют своего рода числовое значение. Например, если человека называют Dill McDix, то каждую букву можно приравнять к числу, сложить все числа, и в итоге получится 2212.

Это трудно сделать с английскими словами, так как только несколько букв латинского алфавита имеют числовые значения. Однако в греческом и еврейском языках каждая буква имеет числовое значение. Естественно, все греческие или еврейские слова имеют числовое значение.

Еврейские мистики в греческий и римский исторические периоды предполагали, что боговдохновенные слова Библии имели значение в числовой форме так же, как и в буквальном смысле, и много времени тратили на анализ таких чисел. Такая форма спекуляций была названа «гематрия», от искаженного греческого «геометрия».

«Число Зверя» — это пример такой гематрии, единственный значительный пример в Библии. Комментаторы рассматривали фактически каждого возможного кандидата на этого зверя, и чаще всего упоминается Нерон. Если его имя написать на греческом — Neron, и если добавить его титул Caesar (кесарь), и если «кесарь Нерон» написать еврейскими буквами, то полное числовое значение действительно получится 666. Если не учитывать последнее «п», то общая сумма — 616, и в некоторых старых рукописях Откровения записано число зверя как 616, а не 666.

И тем не менее, Нерон, по-видимому, плохой кандидат, если книга была написана в 95 г. Он был мертв уже четверть века, и его смерть не приносила никаких больших изменений. В том году на престол вззошел Веспасиан, он и его сын Тит дали Риму десяток лет умелого и гуманного правления.

Однако в то время, когда писалось Откровение, на престоле был младший сын Веспасиана Домициан, с ожесточением преследовав-

ший христиан. Было бы естественно кратко упомянуть о жизни преследовавшего императора, и, возможно, существует некоторый способ, с помощью которого имя и титул Домициана можно было бы написать так, чтобы сумма составила 666. Может быть и так, что он носил какое-нибудь прозвище, обычно используемое христианами, с полным числовым значением 666. Число 666 имеет свое собственное мистическое значение, поскольку оно трижды теряет мистическое совершенство числа 7. По этой причине число 666 было верхом несовершенства и вполне подходящим для того, чтобы символизировать Антихриста.

Армагеддон

Против великого города, управляемого зверем и его армией людей, носящих его знак, были небесные воинства и 144 000 праведников, носящих печать Бога. Победа добра несомненна, и на небе звучит торжествующая песнь:

Откр., 14: 8. *...пал, пал Вавилон, город великий...*

Под Вавилоном подразумевается, конечно, Рим; и Рим должен быть разрушен. Однако это разрушение возвещается посредством третьего из семи множеств деяний разрушения. Семь чаш с бедствиями вылиты на землю, каждая давала свое собственное ужасное разрушение.

Когда таким образом безжалостно наказываются воинства зверя, возникает сцена последнего сражения между добром и злом:

Откр., 16: 16. *И он собрал их на место, называемое по-Еврейски Армагеддон.*

Армагеддон — более правильно «Гар-Магедон» или «гора Мегиддона». Мегиддо — это город, расположенный прямо к югу от реки Кишон и в 55 милях к северу от Иерусалима, и он действительно был местом двух важных сражений. Первое произошло в XV в. до н. э., когда великий египетский фараон Тутмос III победил там лигу хананейских городов. Однако это было за много столетий до того, как израильтяне вошли в Ханаан, и находилось вне их исторического горизонта.

Примерно через девять столетий после победы Тутмоса, в 608 г. до н. э., при Мегиддо произошло сражение, которое было важным с точки зрения еврейского самосознания. Это было сражение между иудейским царем Иосией и египетским фараоном Нехо.

4 Цар., 23: 29. ...пошел фараон Нехао, царь Египетский, против царя Ассирийского на реку Евфрат. И вышел царь Иосия навстречу ему, и тот умертвил его в Мегиддоне, когда увидел его.

Смерть великого царя-реформатора сделала Мегиддо местом, которое символизировало бедствия и несчастья. Полное уничтожение там воинств зла уравнило бы более раннее уничтожение добра в лице Иосии.

Вавилон

Приближение к концу света снова прерывается еще одним видением. Один из ангелов говорит:

Откр., 17: 1. ...подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих...

Откр., 17: 3—5. И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным.

Снова Вавилон символизирует Рим во всей его роскоши и силе. «Воды многие», на которых сидит женщина, заимствованы из описания в Ветхом Завете настоящего Вавилона, который был город каналов. Так, Иеремия говорит:

Иер., 51: 12—13. Против стен Вавилона поднимите знамя... О, ты, живущий при водах великих...

Автор Откровения, не в силах противиться цитате из Ветхого Завета, должен теперь дать этому иное толкование, и он делает это довольно нелепо:

Откр., 17: 15. И говорит мне: воды, которые ты видел, где сидит блудница, суть люди и народы, и племена и языки.

Наконец, семь голов зверя объясняются таким образом, что уже безошибочно определяет настоящий «Вавилон»:

Откр., 17: 9. ...Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена...

Далее продолжается истолкование:

Откр., 17: 10—11. *И семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой...*

По-видимому, нет никакого способа ясно расшифровать этот отрывок в свете царствования Домициана, но с ним можно разобраться, если это было сказано в период царствования Нерона или сразу после него. Возможно, автор Откровения использует здесь отрывок из более раннего апокалипсиса, который действительно был подготовлен во время Нерона, и сделал это, не изменив его образы.

Если мы вернемся ко времени Нерона, мы обнаружим, что это — шестой император (если первым считать Юлия Цезаря). В описанном случае пять императоров «пали», а «один есть» (Нерон). Седьмой, который «еще не пришел», — это Гальба, который недолго правил после смерти Нерона и затем был убит преторианской охраной, что вызвало короткий период анархии, пока на престол не взошел Веспасиан.

В течение этого периода среди простых людей империи было широко распространено предположение, что в действительности Нерон не умер, а спасся бегством и вернулся. В том году появилось несколько «лже-Неронов», которые пытались воспользоваться этой верой.

Таким образом, с точки зрения более раннего апокалипсиса Нерон был зверем, «который был и которого нет». Когда он вернется, то будет восьмым императором.

Но Вавилон (Рим) должен пасть. Происходит последнее сражение добра и зла (возможно, в Армагеддоне):

Откр., 19: 20—21. *И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою; а прочие убиты мечом...*

Гог и Магор

Теперь после длинного ряда предзнаменований, видений, бедствий и символов приходит конец истории и начинается мессианский век. Однако даже это не становится по-настоящему вечным.

Откр., 20: 1—3. *И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия*

древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время.

Почему же после этой «тысячи лет» должны последовать еще один переворот и разочаровывающее второе сражение добра и зла?

Здесь может присутствовать некая мистическая симметрия. Согласно первой главе Бытия, Земля была создана в течение шести дней, после чего был седьмой день покоя. Но для Бога день подобен тысяче лет. В таком случае возможно, что продолжительность жизни Земли аналогична неделе творения, в которой каждый день соответствует тысячелетию.

Сначала Земля испытывает шесть тысячелетий работы, борьбы, зла и греха, которые соответствуют каждому из шести дней творения. Затем в седьмой день покоя Земля проводит одно тысячелетие при Мессии. Только после того, когда завершается тысячелетие Субботы, мир действительно может прийти к концу:

Откр., 20: 7—8. ...сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань...

Это — отзвук апокалиптического видения последнего сражения у Иезекииля:

Иез., 38: 2. Сын человеческий! обрати лице твое к Гогу в земле Магог...

Силы зла снова побеждены и уничтожены, и теперь, наконец, все заканчивается, даже тысячелетие Субботы, и наконец приходит день суда:

Откр., 20: 12. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и Книги раскрыты были, и иная Книга раскрыта, которая есть Книга Жизни; и судимы были мертвые по написанному в Книгах, сообразно с делами своими.

Иерусалим

Второе совершенное творение теперь заменяет собой старое несовершенное:

Откр., 21: 1—2. И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн,

увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего.

Новый Иерусалим полон торжествующей символики числа 12 как в его старых, так и новых значениях:

Откр., 21: 10. *...святой Иерусалим...*

Откр., 21: 12. *Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых...*

Откр., 21: 14. *Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца.*

И когда завершается описание города, выполненное в самых ярких выражениях, автор книги передает слова ангела, чтобы многозначительно напомнить читателю, что все, что предсказано, должно вскоре произойти:

Откр., 22: 6. *...сии слова верны и истинны; и Господь Бог святых пророков послал Ангела Своего показать рабам Своим то, чему надлежит быть вскоре.*

Откр., 22: 7. *Се, гряду скоро...*

И с этой уверенностью — все еще не исполнившейся и через две тысячи лет — Новый Завет заканчивается.

ИНТЕРЕСНЫЕ ДАТЫ В БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ (Ветхий и Новый Заветы)

Примечание: многие приведенные в этом списке даты приблизительны или спорны.

гг. до н. э.

- 8500 Первые города на Ближнем Востоке.
- 5000 Уже существует Иерихон.
- 4004 Дата сотворения мира, согласно епископу Ашеру.
- 3761 Традиционная иудейская дата сотворения мира.
- 3600 Уже существуют шумерские города-государства.
- 3100 Египет объединился под единым началом, основывается 1-я династия.
- 3000 Хананеяне входят в Ханаан.
- 2700 Появляются ассирийские города.
- 2570 В Египте построена Великая пирамида.
- 2500 Бронзовый век достигает Ханаана.
- 2264 Саргон основывает Аккадскую империю.
- 2050 Египтом правит 11-я династия; Уром правит 3-я династия.
- 2000 Начало эпохи патриархов в Ханаане (Авраам).
- 1971 Египтом правит Сесострис I.
- 1900 Вавилон начинает доминировать в районе долины рек Тигра и Евфрата; упадок шумерских городов-государств.
- 1730 В Египет вторглись гиксосы.
- 1700 Вавилоном правит Хаммурапи.
- 1650 Израильяне в Египте (Иаков, Иосиф).
- 1570 Гиксосы изгнаны из Египта.
- 1500 Ассирия становится независимым царством.
- 1490 Египтом правит Тутмос III.
- 1479 Тутмос III побеждает хананеян в Мегиддо.
- 1475 Процветание царства Митанни.
- 1450 Колонисты из Сидона основывают Тир.

- 1400 Микенские греки на вершине власти.
- 1397 Аменхотеп III правит Египтом, который находится на вершине своего процветания.
- 1390 Хетты на вершине власти.
- 1370 Египтом правит Эхнатон; он пытается провести монотеистическую реформу; египетская власть начинает ослабевать; основываются царства Моав, Аммон и Эдом.
- 1290 Египтом правит Рамзес II; угнетение израильтян.
- 1275 Ассирия завоевывает царство Митанни, поскольку Ассирия вступает в первый период своей силы.
- 1250 Ассирией правит Салманасар I.
- 1235 Ассирией правит Тукултининурта I [Нимрод].
- 1223 Египтом правит Мернептах; Древний мир потрясает Великое переселение народов.
- 1211 Смерть Мернептаха; возможно, время Исхода (Моисей).
- 1200 Уничтожено Хеттское царство. Колонисты из Тира основывают Фарсис.
- 1190 Рамзес III правит Египтом и наносит поражение филистимлянам.
- 1184 Троянская война.
- 1170 Израильтяне вторгаются в Ханаан; филистимляне заселяют побережье (Иисус Навин).
- 1150 Варак и Девора побеждают Сисеру; период Судей.
- 1116 Ассирией правит Тиглатпаласар I.
- 1100 Геден побеждает мидян; греки начинают заселять побережье Малой Азии.
- 1093 Смерть Тиглатпаласара I; Ассирия в упадке.
- 1080 Филистимляне побеждают израильтян в Афеке; разрушен Силом (Шило).
- 1040 Самуил судит колена.
- 1028 Израилем правит Савл.
- 1013 Филистимляне побеждают израильтян на горе Гильбоа; Савл и Ионафан убиты; Давид правит Иудеей.
- 1006 Давид правит объединенным государством Иудея-Израиль.
- 1000 Давид основывается в Иерусалиме; арамеи начинают проникать в Сирию.
- 980 Империя Давида в расцвете славы.
- 973 Смерть Давида; объединенным государством Иудея-Израиль правит Соломон.
- 969 Тиром правит Хирам.
- 962 Соломон завершает строительство Храма.
- 950 Разон основывает царство Дамаск (Сирия).
- 933 Смерть Соломона; распад Иудеи-Израиля; Иеровоам I правит Израилем; Ровоам правит Иудеей.

- 928 Шешонк Египетский разграбил Иерусалим.
917 Иудеей правит Авия.
915 Иудеей правит Аса.
912 Израилем правит Нават.
911 Вааса свергает Навата, захватывает власть над Израилем.
888 Ила правит Израилем; его свергает Замврий.
887 Амврий правит Израилем; основывает Самарию.
883 Ашшурнасирпол правит Ассирией, которая переживает при нем возрождение.
880 Амврий побеждает Моава.
875 Ахав правит Израилем; Иосафат правит Иудеей; жизнь Илии.
859 Ассирией правит Салманасар III.
858 Ахав воюет с сирийцами.
854 В Каркаре сирийско-израильская коалиция отражает натиск Ассирии.
853 Сражение за Рамоаф Галаадский; смерть Ахава; Израилем правит Ахаз.
852 Иегорам правит Израилем; жизнь Елисея.
851 Иегорам (Иудейский) правит Иудеей; документ J в письменной форме.
850 Меша в Моаве получает независимость.
844 Ахаз правит Иудеей.
843 Иегу успешно совершает переворот и правит Израилем; в Иудее власть узурпирует Аталия; Ахазия правит Сирией и приводит ее к вершине ее власти.
842 Иегу платит дань Ассирии.
837 Иоас правит Иудеей.
824 Смерть Салманасара III в Ассирии, которая вступает в еще один период упадка.
816 Иоахаз правит Израилем.
814 Колонисты из Тира основывают Карфаген.
800 Иоас (Израильский) правит Израилем; смерть Елисея.
797 Иудеей правит Амасия.
785 Израилем правит Иеровоам II; Израиль на вершине своей власти.
780 Азария (Уззия) правит Иудеей; Иудея на вершине своей власти.
760 Амос пророчествует.
753 Основание Рима.
750 Осия пророчествует; документ E в письменной форме.
745 Тиглатпаласар III правит Ассирией; возрождение ее силы.
744 Смерть Иеровоама II; в Израиле нарастают беспорядки.
743 Тиглатпаласар III завоевывает Урарту (Арарат).
740 Иоафам правит Иудеей; Исайя начинает пророчествовать.

- 738 Пекахия правит Израилем, который является теперь придатком Ассирии.
- 737 Израилем правит Пеках.
- 736 Иудеей правит Ахаз.
- 734 Пеках стремится к тому, чтобы создать коалицию против Ассирии; нападение на Иудею.
- 732 Израилем правит Осия; Тиглатпаласар III захватывает Дамаск и уничтожает Сирийское царство.
- 730 Михей пророчествует.
- 726 Ассирией правит Салманасар V.
- 725 Салманасар V осаждает Самарию.
- 722 Саргон II узурпирует престол в Ассирии и захватывает Самарию; израильтян уводят в плен; северное царство исчезает.
- 720 Иудеей правит Езекия.
- 705 Синахериб правит Ассирией, делает Ниневию своей столицей.
- 703 Вавилон при Мардук-анла-иддине (Меродахбалодан) восстает против Ассирии.
- 701 Синахериб осаждает Иерусалим.
- 700 Дейок основывает Мидийское царство.
- 693 Манассия правит Иудеей, которая является теперь придатком Ассирии.
- 681 Смерть Синахериба; Асархаддон правит Ассирией и приводит ее к вершине власти.
- 671 Асархаддон вторгается в Египет и воцаряется в нем.
- 668 Ашшурбанипал правит Ассирией; строит библиотеку в Ниневии.
- 663 Ашшурбанипал разграбил древнеегипетскую столицу Фивы.
- 652 Псамметих I правит Египтом, который является теперь свободным от Ассирии.
- 640 Ашшурбанипал побеждает и уничтожает Элам.
- 638 Иосия правит Иудеей.
- 631 Колонисты из Греции основывают Кириною.
- 630 Софония пророчествует.
- 626 Иеремия начинает пророчествовать.
- 625 Смерть Ашшурбанипала; в Ассирии беспорядки, а Набопаласар захватывает власть в Вавилонии.
- 620 Открытие Книги Второзакония в Храме, после чего в Иудее происходит яхвистская реформа; зарождение греческой философии в Милете.
- 615 Наума пророчествует.
- 612 Набопаласар захватывает Ниневию; последние ассирийские сопротивления в Харане.
- 610 Фараон Нехо правит Египтом.

- 608 Нехо побеждает Иудею в Мегиддо; гибель Иосии, Иоаким правит Иудеей; Иеремия произносит храмовую проповедь.
- 605 Вавилоняне побеждают Нехо при Кархемише; смерть Набопаласара; Навуходоносор правит Вавилонией и сокрушает последнюю ассирийскую цитадель; Аввакум пророчествует.
- 597 Иудейское восстание, подавленное Навуходоносором; первый Вавилонский плен; Седекия правит Иудеей.
- 593 Иезекииль начинает пророчествовать в плену; Псамметих II правит Египтом и размещает еврейский гарнизон в Элефантине; Астиаг правит Мидией.
- 588 Фараон Хофра правит Египтом.
- 587 Седекия восстает против Навуходоносора.
- 586 Навуходоносор захватывает Иерусалим и уничтожает Храм; второй Вавилонский плен; династия Давида заканчивается; гибель Гедалии; написана Книга Плач Иеремии.
- 585 Навуходоносор осаждает Тир.
- 573 Навуходоносор снимает осаду с Тира.
- 569 Яхмос правит Египтом.
- 568 Навуходоносор неудачно вторгается в Египет.
- 562 Смерть Навуходоносора; Вавилонией правит Амель-Мардук; еврейские книжники объединяют в Вавилоне различные документы, на основе которых создают исторические книги Ветхого Завета.
- 560 Гибель Амель-Мардука; Вавилонией правит Нергальшарусур; Крез правит Лидией, которая находится в расцвете силы.
- 556 Набонид правит Вавилонией; его сын Валтасар является его соправителем.
- 550 В Мидии Кир свергает Астиага; основывает Персидскую империю.
- 546 Кир завоевывает Лидию; уничтожает Лидийское царство.
- 540 Второ-Исайя пророчествует.
- 538 Кир захватывает Вавилон и уничтожает Вавилонское царство; иудеям разрешают вернуться в Иудею, и туда возвращается их первая партия под руководством Шешбачара.
- 530 Смерть Кира; Камбис правит Персией.
- 525 Камбис вторгается в Египет и завоевывает его.
- 521 Дарий I правит Персией.
- 520 Пророчества Аггея и Захарии; Зоровавель руководит вернувшимися евреями.
- 516 Освящение Второго храма.
- 509 Рим смещает с трона последнего царя; основание Республики.
- 500 Авдий пророчествует; греческие города Малой Азии восстают против Персии.

- 490 Поход персов, которые терпят поражение при Марафоне от Афин.
- 486 Смерть Дария I; Персией правит Ксеркс I.
- 480 Поход персов, которые терпят поражение при Саламине от объединенной Греции.
- 465 Гибель Ксеркса I; Персией правит Артаксеркс I.
- 460 Малахия пророчествует.
- 459 Ездра в Иерусалиме; исторические книги приобретают окончательную форму.
- 450 Написана Книга Руфь; Третье-Исайя пророчествует.
- 440 Неемия в Иерусалиме.
- 437 Завершено строение стен Иерусалима.
- 407 Еврейский храм в Элефантине разрушен Египтом.
- 400 Написаны Книги Паралипоменон, Ездры и Неемии; Иоиль пророчествует.
- 300 Написаны Книги Песнь песней и Ионы.
- 275 Написана апокалиптическая часть Книги пророка Захарии.
- 250 Написана Книга Екклесиаст; Книга Притч получает окончательную форму; в Александрии готовится перевод Септуагинта.
- 165 Написана Книга пророка Даниила.
- 150 Написана Книга Эсфирь; Книга Псалмов обретает настоящую форму.
- 147 Парфяне захватывают Вавилонию.
- 146 Рим аннексирует Македонию; разграбление Коринфа.
- 145 Смерть Александра Баласа и Птолемея VI; Деметрий II правит Селевкидской империей. Появляются фарисеи и саддукеи как отдельные партии.
- 143 Антиох VI правит Селевкидской империей.
- 142 Смерть Ионафана; его брат Симон правит независимой Иудеей.
- 141 Иерусалим покидают последние селевкидские воины.
- 139 Парфяне захватывают Деметрия II в плен.
- 138 Антиох VII правит Селевкидской империей; Аттал III правит Пергамом.
- 134 Убийство Симона Иудейского; Иудеей правит Иоанн Гиркан.
- 133 Антиох VII временно захватывает Иерусалим. Рим аннексирует Пергам и делает его своей азиатской провинцией.
- 129 Иоанн Гиркан завоевывает Моав и Самарию; разрушает Самаритянский храм. Антиох VII погибает в сражении против парфян; Деметрий II освобожден и снова правит Селевкидской империей.
- 125 Антиох VIII правит Селевкидской империей.

- 104 Смерть Иоанна Гиркана; Аристобул правит Иудеей и принимает титул царя.
- 103 Александр Ианней правит Иудеей; расцвет Маккавейского царства; фарисеи в оппозиции.
- 100 Книга Юбилеев, молитва Манассии, Завет двенадцати патриархов, Книга Еноха, написана Первая книга Маккавеев.
- 86 Римская армия разоряет Афины.
- 84 Римская армия разоряет Эфес.
- 79 Смерть Александра Ианнея; гражданская война в Иудее; первосвященник Иоанн Гиркан II.
- 75 Написана Книга Премудрости Соломона.
- 67 Иудеей реально правит Антипатр Идумейский; Рим захватывает Крит и Киринею.
- 65 Рим захватывает Вифинию в Малой Азии.
- 64 Рим захватывает оставшуюся часть Селевкидской империи.
- 63 Рим (Помпей) берет штурмом Иерусалим; Маккавейское царство приходит к концу.
- 58 Рим захватывает Кипр.
- 53 Римское войско под предводительством Красса терпит поражение от парфян при Каррах.
- 48 Юлий Цезарь побеждает Помпея и правит Римом. Соломон пишет псалмы.
- 44 Убийство Юлия Цезаря.
- 42 Октавиан и Марк Антоний наносят поражение убийцам Цезаря в Филиппах.
- 40 Парфяне захватывают Иудею; первосвященник Антигон Маттафия.
- 37 Ирод Великий захватывают Иерусалим и женится на Мариам Маккавейской; первосвященник Аристобул III.
- 35 Ирод казнит Аристобула III, последнего из маккавейских первосвященников.
- 30 Октавиан наносит поражение Марку Антонию и Клеопатре в Акции; Октавиан правит Римом.
- 27 Октавиан принимает титул Август; это знаменует собой начало Римской империи.
- 25 Рим захватывает Памфилию, Писидию, Ликаонию и Галатию в Малой Азии.
- 23 Ирод казнит Мариам.
- 20 Ирод начинает восстанавливать Храм; Гиллель возглавляет фарисеев.
- 7 Ирод приказывает казнить своих сыновей от Мариам.
- 4 Рождение Иисуса. Смерть Ирода Великого; Ирод Архелай правит Иудеей; Ирод Антипа правит Галилеей; Ирод Филипп правит Итуреей.

22. н. э.

- 1 Ирод Филипп строит Вифсаиду.
- 6 Ирод Архелай свергнут; Иудея становится прокураторской провинцией со столицей в Кесарии и Капонием в качестве прокуратора. Первосвященник Анна.
- 7 Перепись в Иудее, с последовавшими беспорядками.
- 10 Рождение Савла [Павла]; написано «Успение Моисея».
- 14 Смерть Августа; Тиберий становится римским императором; Валерий Грат становится прокуратором Иудеи и свергает Анну.
- 18 Первосвященник Иосиф Каиафа; Рим присоединяет Кападокию в Малой Азии.
- 20 Ирод Антипа основывает Тиберию.
- 26 Понтий Пилат становится прокуратором Иудеи.
- 27 Ирод Антипа женится на Иродиаде; Иоанн Креститель начинает проповедовать.
- 29 Иоанн Креститель помещен в тюрьму и казнен; распятие Иисуса.
- 30 Апостолы говорят на разных языках в Пятидесятницу.
- 34 Стефана до смерти побивают камнями; Савл [Павел] преследует христиан; смерть Ирода Филиппа.
- 35 Понтий Пилат устраивает резню самаритян на горе Гаризим.
- 36 Заканчивается срок службы Понтия Пилата как прокуратора Иудеи; прокуратор Марцелл. Каиафа смещен с должности первосвященника; первосвященник Ионафан.
- 37 Обращение Савла [Павла] в христианство. Смерть Тиберия; Калигула становится римским императором; первосвященник Феофил.
- 39 Савл [Павел] сбегает из Дамаска и впервые появляется в Иерусалиме как христианин. Ирод Антипа свергнут. Калигула пытается установить поклонение себе в Храме.
- 41 Убийство Калигулы; римским императором становится Клавдий. Ирод Агриппа I объединяет всю Иудею; смерть Филона Александрийского.
- 43 Иаков, сын Зеведея, казнен; Петр заключен в тюрьму. Церковь в Антиохии процветает; последователи Иисуса впервые называют себя христианами; Савл [Павел] посещает Иерусалим во время голода; Рим присоединяет Ликию в Малой Азии.
- 44 Смерть Ирода Агриппы I. Иудея снова становится прокураторской провинцией; прокуратор Куспий Фад.
- 45 Савл [Павел] совершает первую миссионерскую поездку.
- 46 Тиберий Александр становится прокуратором Иудеи.

- 48 Иерусалимский совет; Вентидий Куман становится прокуратором Иудеи.
- 49 Клавдий временно выселяет иудеев из Рима; Павел совершает вторую миссионерскую поездку.
- 50 Павел в Европе; пишет Послания фессалоникийцам.
- 52 Смерть фарисея Гамалиила; Павел перед прокуратором Ахаии Галионом; Антоний Феликс становится прокуратором Иудеи.
- 53 Ирод Агриппа II правит Галилеей; в Эфесе появляется Аполлос.
- 54 Павел совершает третью миссионерскую поездку. Смерть Клавдия; римским императором становится Нерон.
- 55 Павел пишет Послание к галатам; его заключают в тюрьму в Кесарии.
- 56 Павел пишет Послания к коринфянам.
- 58 Павел пишет Послание к римлянам; его арестовывают в Иерусалиме.
- 59 Суд Павла перед Феликсом.
- 61 Порций Фест становится прокуратором Иудеи. Павел проповедует перед Иродом Агриппой II.
- 62 Павел заключен в тюрьму в Риме; он пишет Послания к эфесянам, филиппийцам, колоссянам и Филимону. Первосвященник Анна приказывает побить камнями Иакова, брата Иисуса; Луций Альбин становится прокуратором Иудеи и смещает Анну.
- 63 Рим присоединяет Понт в Малой Азии.
- 64 Большой пожар в Риме; Нерон преследует христиан; казнь Петра и Павла (согласно одной версии, Павла отпустили). Прокуратором Иудеи становится Гессий Флор.
- 65 Павел пишет Первое послание к Тимофею и Послание к Титу.
- 66 В Иудее и Александрии вспыхивает иудейское восстание; Веспасиан и его сын Тит ведут римские армии в Иудею.
- 67 Павел пишет Второе послание к Тимофею; казнь Павла; Веспасиан побеждает Галилею, и историк Иосиф взят в плен.
- 68 Нерон совершает самоубийство; Гальба становится римским императором.
- 69 Отон и Вителлий ненадолго становятся римскими императорами; римским императором становится Веспасиан.
- 70 Тит захватывает Иерусалим, уничтожает Храм; написано Евангелие от Марка.
- 71 Веспасиан и Тит празднуют общий триумф в Риме; Тит построил в Риме арку.

- 75 Написано Евангелие от Матфея.
- 79 Смерть Веспасиана; Тит становится римским императором.
- 80 Написаны Евангелие от Луки и Деяния апостолов; написано Послание к евреям.
- 81 Смерть Тита; Домициан становится римским императором.
- 90 Домициан начинает преследования христиан; написаны Послания Иакова, Петра, Иоанна и Иуды; еврейские раввины собираются в Иамнии, чтобы установить Еврейский канон.
- 95 Написаны Откровение и Третья книга Ездры.
- 96 Убийство Домициана; римским императором становится Нерва.
- 98 Смерть Нервы; римским императором становится Траян. Римская империя достигает вершины своей славы.
- 100 Написано Евангелие от Иоанна. Послание Варуха, Послание Иереми и мученическая смерть Исайи. Смерть Ирода Агриппы II.
- 115 Восстание иудеев в Киринее и его подавление.
- 117 Смерть Траяна; Адриан становится римским императором.
- 132 Восстание евреев в Иудее.
- 135 Последняя еврейская цитадель сокрушена, и история евреев как народа прерывается на восемнадцать столетий; Иерусалим переименован в Элия-Капитолина, и на месте Храма построено святилище Юпитеру.
- 150 Написаны первые две главы Третьей книги Ездры.
- 226 Конец Парфянского царства. Династия Сассанидов основывает новую Персидскую империю.
- 235 Убийство римского императора Александра Севера. Римская империя погружается в анархию.
- 240 Шапур I правит Персией.
- 259 Шапур I захватывает во время сражения римского императора Валериана.
- 260 Египет охватывает голод; написаны последние две главы Третьей книги Ездры.
- 268 Римская империя при Клавдии II начинает восстановление.
- 284 Римским императором становится Диоклетиан; он реорганизует Римскую империю.
- 303 Римским императором становится Константин I; он начинает процесс христианизации империи.
- 400 Святой Иероним завершает Вульгату (латинский перевод Библии).

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Книга Товита	7
2. Книга Иудифь	16
3. Первая книга Маккавеев	26
4. Вторая книга Маккавеев	81
5. Евангелие от Матфея	94
6. Евангелие от Марка	227
7. Евангелие от Луки	236
8. Евангелие от Иоанна	276
9. Деяния святых апостолов	319
10. Послание к римлянам	414
11. Первое послание к коринфянам	425
12. Второе послание к коринфянам	433
13. Послание к галатам	437
14. Послание к ефесянам	442
15. Послание к филиппийцам	445
16. Послание к колоссянам	451
17. Первое послание к фессалоникийцам	457
18. Второе послание к фессалоникийцам	460
19. Первое послание к Тимофею	463
20. Второе послание к Тимофею	466
21. Послание к Титу	467
22. Послание к Филимону	469
23. Послание к евреям	472
24. Послание Иакова	479
25. Первое послание Петра	481
26. Второе послание Петра	484
27. Первое послание Иоанна	486
28. Второе послание Иоанна	487
29. Третье послание Иоанна	488
30. Послание Иуды	489
31. Третья книга Ездры	491
32. Откровение	504
 Интересные даты в библейской истории (Ветхий и Новый Заветы)	533

Научно-популярное издание
Азимов Айзек
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО БИБЛИИ
НОВЫЙ ЗАВЕТ

Ответственный редактор *Ю.И. Шенгеля*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректоры *А.В. Максименко, Д.Б. Соловьев*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.10.2005
Формат 60x90^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,0. Уч.-изд. л. 35,65
Доп. тираж 7 000 экз. Заказ № 5458

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Айзек АЗИМОВ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО БИБЛИИ

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Знаменитый писатель-фантаст, ученый с мировым именем, великий популяризатор науки, автор около 500 научно-популярных, юмористических, фантастических, детективных и исторических изданий, приглашает вас в мир Нового Завета.

Книга Азимова — настоящий путеводитель по древней земле, на которой более двух тысяч лет назад произошло событие, изменившее ход всемирной истории. Вы узнаете о Палестине времен Маккавеев и границах владений Ирода Великого. Пройдете путем Христа и апостолов в их земном служении. Азимов касается исторической географии и этнографии, не оставляя без внимания основные библейские сюжеты, идеи, образы и эпизоды, которые так органично вплелись в существование как отдельной личности, так и всего рода человеческого.

Книги А. Азимова — это оригинальное сочетание научной достоверности, яркой образности, мастерского изложения.

ISBN 5-9524-1684-5

9 785952 416840

ЦЕНТРОЛИГРАФ®